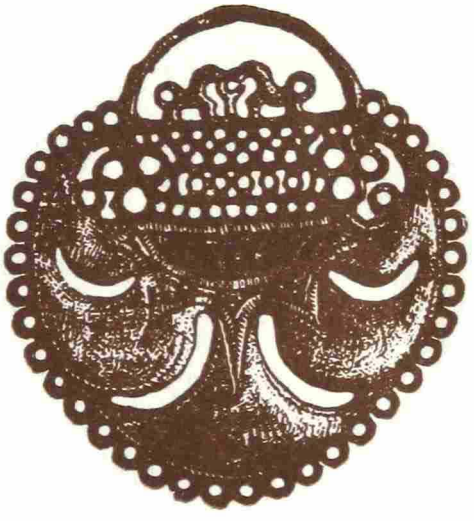
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1990 2

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Крижевская Л. Я. (Ленинград) 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы 5
Рысин М. Б. (Ленинград). Датировка комплексов из Эшери 18
Кореняко В. А. (Москва). О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) 28
Курочкин Г. Н. (Ленинград). Золотой сосуд из Марлика 41
Смирнов К. А. (Москва). Погребальный обряд дьяковской культуры 51
Тимощук Б. А. (Москва). Начало классовых отношений у восточных славян (по материалам поселений Украинского Прикарпатья) 62
Плетнева С. А. (Москва). Хазарские проблемы в археологии 77

Дискуссии

Матюхин А. Е. (Ленинград). О спорных вопросах датировки полеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме 92
Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления 99

Публикации

Исламов У. (Самарканд). Древнейшая пещерная палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине 115
Матвеева Н. П. (Тюмень). Неолитический памятник в Сургутском Приобье 127

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1990 г.

Кузнецова Э. Ф., Мадина С. Ш. (Алма-Ата). Исследование древнего золота Казахстана 136
Андрух С. И., Чернов С. И. (Запорожье) Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья 149
Гугуев В. К., Безуглов С. И. (Ростов-на-Дону). Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища на Дону 164
Колтухов С. Г. (Симферополь). Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского . . 176
Финогенова С. И. (Москва). Античные терракотовые маски Северного Причерноморья 189
Кулаков В. И. (Москва). «Звериноголовые» фибулы балтов (V—VII вв.). . . 204
Миронова В. Г. (Москва). Берестяные грамоты из Старой Руссы (находки 1985 г.) . 216
Скобелев С. Г. (Новосибирск) Подвески с изображением древнетюркской богини Умай 226
Пронин Г. Н. (Москва). Курганы X—XI вв. с сожжениями и с каменными конструкциями у д. Боково 234

Заметки

Вискалин А. В. (Ульяновск). Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья . . 248
Кузнецов В. А. (Орджоникидзе). Погребения III в. из Кисловодска . . . 251
Троицкая Т. Н. (Новосибирск). Новый тип «поминальных» памятников в Западной Сибири 256
Клещинов В. Н., Молчанов А. А. (Москва). Смоленская деньга Василия III 258

Критика и библиография

Давидан О. И. (Ленинград). *Ulbricht I.* Der Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im Mittelalterlichen Schleswig. Ausgrabunden in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984 261
Кольцов Л. В. (Москва). Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. *Zvelebil M.* Cambridge, 1986 . 264
Медведская И. Н. (Ленинград). *Хахутайшвили Д. А.* Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси, 1987 269

Хроника

Гаджиев М. Г., Гаджиев М. С. (Махачкала). XV Крупновские чтения (Махачкала, 1988) 274
Молчанов А. А. (Москва). Археологическая проблематика на международном симпозиуме «Античная балканистика 6» (Москва, 1988) . . 278
Кирпичников А. Н., Малевская М. В. (Ленинград). Памяти Фриды Давыдовны Гуревич 281
Памяти Люции Вольдемаровны Ванкиной 284

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1990 2

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Krizhevskaya L. Y. (Leningrad). Four Decades of Studies of the Stone Age in the Urals: Summing Up and Looking Forward . . . 5
Rysin M. B. (Leningrad). Dating of the Complexes from Esheri . . . 18
Korenyako V. A. (Moscow) On Sociological Interpretation of Bronze Age Sites (Burials of the Dandybai-Begazy Type) . . . 28
Kurochkin G. N. (Leningrad). A. Gold Vessel from Marlik . . . 41
Smirnov K. A. (Moscow). The Burial Rite of the Dyakovo Culture . . . 51
Timoschuk B. A. (Moscow). Shaping Class Relationships Among the Eastern Slavs (Settlements in the Ukrainian Regions in the Carpathian Foothills) . . . 62
Pletneva S. A. (Moscow). Problems of Khazar Archaeology . . . 77

Discussions

Matyukhin A. E. (Leningrad). On Some Controversial Problems of Dating the Palaeolithic (?) Site the Mountain of Do in Vietnam . . . 92
Vishnyatsky L. B. (Leningrad). The Origin of Homo Sapiens: Traditional Conceptions and New Facts . . . 99

Publications

Islamov U. (Samarkand). The Earliest Cave Palaeolithic Site of Sel-Ungur in the Ferghana Valley . . . 115
Matveyeva N. P. (Tyumen). A Neolithic Site in the Surgut Region on the Ob River . . . 127
Kuznetsova E. F., Madina S. Sh. (Alma-Ata). Studies of the Earliest Gold Objects in Kazakhstan . . . 136
Andrukh S. I., Chernov S. I. (Zaporozhye). New Scythian Sites Between the Danube and Dnestr . . . 149
Guguev V. K., Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). A Knight Burial of the Early Centuries A. D. from the Kurgan Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement on the Don . . . 164
Koltukhov S. G. (Simferopol). New Materials on the Periodisation and Reconstruction of the Defence Line in Napoli of Scythians . . . 176
Finogenova S. I. (Moscow). Ancient Terra-Cotta Masques in the Northern Pontic Area . . . 189
Kulakov V. I. (Moscow). Fibulae with Animal Heads of the Balts in the 5th-7th Centuries . . . 204
Mironova V. G. (Moscow). Birch-Bark Scrolls from Staraya Russa (Findings of 1985) . . . 216
Skobelev S. G. (Novosibirsk). Pendants with Umai, an Ancient Turkic Goddess . . . 226
Pronin G. N. (Moscow). The 10th-11th Century Mounds with Cremation Burials and Stone Constructions at the Village of Bokovo . . . 234

Notes

Viskalin A. V. (Ulyanovsk). Stratified Finds of Implements Made by Man in the Pleistocene from Ulyanovsk on the Volga 248
Kuznetsov V. A. (Ordzhonikidze). Burials of the 3rd Century in Kislovodsk 251
Troitskaya T. N. (Novosibirsk). A New Type of Memorials in Western Siberia 256
Kleschinov V. N., Molchanov A. A. (Moscow). A Coin of Vassili III from Smolensk 258

Book Reviews

Davidan O. I. (Leningrad). *Ulbricht I.* Der Verarbeitug von Knochen, Geweih und Horn im Mittelalterlichen Schleswig Ausgrabunden in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster, 1984 . . . 261
Koltsov L. V. (Moscow) Hunters in Transition. Mesolitic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. *Zvelebil M.* Cambridge, 1986 . 264
Medvedskaya I. N. (Leningrad). *Khakhutaishvili D. A.* Early Iron Making in Colchis, Tbilisi, 1987 269

Chronicle

Gajiev M. G., Gajiev M. S. (Makhachkala). The 15th Krupnov Readings on North Caucasian Archaeology (Makhachkala, 1988) 274
Molchanov A. A. (Moscow). Archaeological Subjects at the International Symposium "Antique Balkan Studies-6" (Moscow, 1988) . . . 278
Kirpichnikov A. N., Malevskaya M. V. (Leningrad). In Memory of Frida D. Gurevich 281
In Memory of Lucia V. Vankina 284

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

40 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА УРАЛЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 1987 г. исполнилось 40 лет со времени I Уральского археологического совещания, созванного по инициативе О. Н. Бадера. Оно положило начало планомерному и систематическому изучению археологии Урала вообще, и каменного века в частности. В январе 1988 г. в г. Перми, где происходило и первое, состоялось X археологическое совещание, одной из задач которого явилось подведение некоторых итогов изучения археологии Урала, различных доисторических эпох.

Что касается каменного века, то можно считать, что изучение его прошло три этапа. Кроме того, ему предшествовал большой и плодотворный период собирания древностей краеведами и любителями старины. Материалы этих сборов составили довольно прочную основу для последующих научных изысканий. В начале 50-х и 60-х годов были опубликованы две археологические карты: по Приуралью [1] и по Зауралью Свердловской обл. [2], где наряду с памятниками, исследованными в 30-х годах, были учтены все известные находки и местонахождения разновременных древностей. Таким образом, как бы подводился итог вкладу краеведов в научную археологию.

Первый этап изучения каменного века специалистами относится к концу 20-х — 30-м годам. До некоторой степени он был обусловлен общим подъемом народного хозяйства — началом строительства гидроэлектростанций и других объектов. С ними непосредственно были связаны работы в Приуралье, нашедшие отражение в печати [3—5] В Пермском Прикамье была открыта и раскопана на высоком научном уровне группа памятников, среди которых стоянка Левшино, являющаяся в известной мере эталонной для позднего неолита, получившего наименование «левшинский этап». Некоторые общие вопросы, связанные с левшинскими материалами, в частности вопросы хронологии, составляют и сейчас предмет дискуссии [6, 7] В Зауралье в это же время начались организованные Государственным Историческим музеем раскопки выдающихся памятников, ранее известных по сборам краеведов, в том числе Шигирского торфяника [8, 9] Этот первый период был прерван Великой Отечественной войной.

Началом второго этапа — середина 40-х — конец 60-х годов — следует считать I Уральское археологическое совещание. На нем были заслушаны сообщения, суммирующие сведения по каменному веку, имевшиеся к этому времени, и разработана программа полевых и камеральных исследований на 4 года [10]. Для каменного века предусматривались работы по палеолиту и неолиту. Они включали, с одной стороны, продолжение работ 30-х годов, с другой — планомерное обследование бассейна Камы, преимущественно разведочными маршрутами. Этот второй период, связанный с именами О. Н. Бадера, К. В. Сальникова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и многих других исследователей, отличался от предшествующего планомерностью, систематичностью и целенаправленностью. Тщательное изучение материала позволило к концу 60-х годов создать ряд обобщающих трудов и систематизировать все имеющиеся данные. Этот период характеризуется прежде всего расширением территории работ. К эпицентру исследований в Зауралье — Свердловской обл. и в Приуралье — Чусовскому Прикамью прибавились районы: западно-сибирская равнинная

© Л. Я. Крижевская, 1990 г.

часть к востоку; Южный Урал к югу; бассейн Волго-Камья вплоть до Среднего Поволжья — к западу, бассейн Печоры и Северный Урал — к северу и северо-западу. Как известно, географические границы собственно Урала и прилегающих территорий трудноуловимы, поэтому в археологии, во всяком случае каменного века, исследователь определяет необходимые границы, следуя за материалом. Изучение вышеуказанных территорий дало огромную информацию, позволяющую существенно расширить проблематику. Многочисленные публикации избавляют нас от необходимости подробного освещения всего сделанного, отметим лишь опорные вехи. К ним прежде всего относятся исследования В. М. Раушенбах, продолжившей работы своих предшественников по изучению торфяников и стоянок Среднего Зауралья. Ею дан общий обзор неолита и бронзы Среднего Зауралья, пересмотрена датировка ряда памятников и предложена общая их хронология [11]. Стоянка Сосновый Остров, один из наиболее северных памятников, дала классический комплекс гребенчатой керамики, благодаря которому поздний неолит Зауралья получил название сосновоостровского [12] Аналогичное значение имели раскопки Полуденковской I стоянки с уникальными жилищами и серийным керамическим материалом, содержащим как гребенчатые, так и накольчатые комплексы, а также с выразительным кремневым инвентарем. Стоянка оказалась эталонной для развитого неолита Зауралья, получившего название полуденковского этапа [6].

Работами на Андреевском озере (Тюменская обл.) был добыт обширный материал разновременных и разнокультурных памятников. Особое значение имела стоянка Козлов Мыс, на которой был выделен чистый комплекс накольчатой керамики, малоизвестной в начале 50-х годов и поэтому привлекшей особое внимание. Он характеризовал, по мнению исследователя стоянки, самый ранний, первый этап неолита Зауралья, получивший название козловского [13] Забегая вперед, отметим, что на Андреевском озере оказались богатейшие материалы, легшие в основу проблематики третьего этапа изучения каменного века.

Систематические исследования на Южном Урале позволили рассмотреть целый круг новых проблем, прежде всего детально изучить кремневую индустрию, послужившую основанием для определения специфики южноуральского неолита, установления направления культурных связей и рассмотрения некоторых аспектов этнокультурной проблемы в целом [14].

Первая систематизация неолита Приуралья, основанная на материале памятников Чусовского Прикамья, разработана только для периодов развития гребенчатой керамики, характеризующей все три периода. Первый и второй различаются лишь некоторыми деталями ее орнаментации. На третьем — левшинском — увеличивается круглодонность, появляется прямая форма края наряду с бытованием древних прикрытых форм. Эта схема, не имеющая стратиграфических и иных объективных подтверждений, построенная только на типологической основе, с самого начала вызывала некоторые вопросы. Тем не менее она вошла в научный оборот и используется еще и сейчас как приемлемая систематизация [6]

В начале 50-х годов выявлен неолит в Волго-Камье, и уже в середине 60-х годов было выделено несколько его этапов, причем первые докерамические, вслед за которыми определился этап с накольчатой керамикой и лишь за ним — с гребенчатой. Всего было представлено пять этапов, составляющих последовательное развитие культуры, имеющей генетическую увязку с открытым примерно в те же годы и в том же регионе мезолитом [15] Эта схема развития неолита остается в силе и в настоящее время.

60-е годы в целом знаменуются подведением некоторых итогов. Еще в 1961 г. на II Уральском археологическом совещании О. Н. Бадером была дана общая характеристика проделанной работы между первым и вторым совещанием. Как оказалось, в этот период были исследованы и палеолитические (на Печоре и в Пермском Прикамье) и первые мезолитические памятники (также в Пермском Прикамье), вскоре появляются мезолитические памятники в бассейне

р. Белая [16], а в Нижнем Прикамье изучение мезолита идет быстрыми темпами. [17]

В конце 60-х годов выходят две монографии, в которых обобщены материалы по Южному Уралу [14] и по Нижнему Прикамью и Среднему Поволжью [18] В эти же годы на широкой территории Приуралья и Зауралья исследуется также энеолит, часто на памятниках, содержащих разновременные остатки каменного века, хотя основное изучение этой эпохи приходится на последний этап. Неолитическая и энеолитическая керамика Урала, бесспорно, имеет некоторые, хотя и не очень четкие отличия в форме и орнаментальных мотивах. Сосуды более или менее вытянуты, с широким или менее широким горлом, прямостенные или слегка прикрытые, остродонные или более скругленные. Часто эти признаки трудноуловимы, и выделение той или иной эпохи (в липчинское или позднелевшинское время) происходят с известной долей условности. А плоскодонных сосудов баночных форм с негребенчатой орнаментацией керамика Урала, казалось, не знает.

Окончательным итогом этого двадцатилетия явилась периодизация всего обширного материала, предложенная О. Н. Бадером и В. Н. Чернецовым [6] Согласно их концепции, четко выделяются следующие этапы. Для Зауралья — ранний неолит с прочерченной и накольчатой керамикой, сопровождающейся пластинчатой индустрией. Его сменяет развитой неолит с гребенчатой керамикой при некоторой доле керамики раннего неолита и далее — поздний этап, на котором развивается гребенчатая керамика и полностью исчезает прочерченная. Поздний неолит сменяется энеолитом (липчинская культура), где продолжает развиваться гребенчатая орнаментация и появляется ложношнуровая. Развитие индустрии идет по линии замены пластинчатых форм отщеповыми и применения вместо краевой сплошной двусторонней обработки. Расширяется употребление сланцевой индустрии.

Для Приуралья, как уже сказано, выделяются три этапа развития только гребенчатой керамики (материалы Нижнего Прикамья в схему не включаются [6, рис. 2]): боровоозерский, хуторской и левшинский. Схема эта казалась вполне достоверной и доказанной.

Вместе с тем уже с середины 60-х годов стали появляться новые материалы, не укладывающиеся в предложенную схему периодизации. Встреченные вначале в небольшом числе, преимущественно в зоне лесостепья, они в настоящее время известны на широкой территории Урала и прилегающих регионов. Изучение их знаменует собой новый, третий этап и является предметом современных изысканий. Речь идет о материалах, получивших название кошкинско-боборыкинских комплексов.

Совершенно очевидно, что первые находки боборыкинской (Боборыкино II) [19] и кошкинской (Кошкино V) [20] керамики, имеющие резко отличные от ранее известных в неолите Урала признаки, рассматривались авторами как явление, иное в хронологическом и этнокультурном аспектах. Плоскодонность, баночные формы, частичная орнаментация поверхности — все эти «поздние» признаки определяли их датировку энеолитом, причем южного происхождения. Оригинальные черты его заключались в архаическом орнаменте керамики отступающей палочкой и других негребенчатых стилей и в наличии развитой пластинчатой индустрии. Некоторые параллели этому явлению оказались в Приуралье, где Р С. Габяшевым был выделен комплекс накольчатой керамики и пластинчатой индустрии, достоверно относящийся к энеолиту (II Тат-Азибейская и другие стоянки) [21] Сейчас же мы стоим перед многочисленными фактами широкого территориального (вплоть до таежной зоны и Нижней Оби) и хронологического распространения негребенчатой керамики, разнообразной по своим стилевым особенностям орнамента (прочерченная, линейная, накольчатая и т. д.). Так, в раннем неолите подобная керамика представлена в памятниках типа Евстюнихи, где она составляет чистый комплекс, без примеси «гребенки». Есть такая керамика и в стоянках полуденковского этапа, где она

сочетается с гребенчатой. И, наконец, эта керамика характеризует группу поселений Андреевского озера и на р. Исеть (Ташково 1 и др.). Именно здесь выделяется ее определенный кошкинский тип. По ряду признаков, в основном стратиграфических наблюдений, сейчас утвердилось мнение о датировке кошкинской керамики неолитом [22]. На широкой территории таежной и приполярной зон кошкинская керамика зафиксирована более четко, чем боборыкинская, хотя, надо сказать, при ее определении исследователи, к сожалению, не используют весь комплекс признаков, а довольствуются только орнаментальными мотивами. Это создает некоторую недостоверность ее характеристики и влечет ряд вопросов типологического плана. Но так или иначе бытование негребенчатой керамики зафиксировано в разные периоды неолита Зауралья — от раннего до энеолита включительно.

В то же время стали известны ранненеолитические поселения, возраст которых подтвержден радиоуглеродными датами, где наряду с прочерченной существует гребенчатая керамика с достаточно развитым, считавшимся поздним для неолита орнаментом («шагающая гребенка»). Таковы памятники бассейна р. Конда — Сумпаньинские IV и VI стоянки [23]. Такая же ситуация известна и на ранненеолитических озерных стоянках Тюменской обл. Таким образом, и гребенчатая керамика проходит через все этапы уральского неолита. Развитие ее на полуденковском и расцвет на сосновоостровском этапе сомнений или возражений не вызывают. Подтвердилось и предположение о том, что с кошкинско-боборыкинской керамикой связана специфическая пластинчатая индустрия, консервирующая многие архаические типы орудий и соответствующую технику их изготовления. В целом же можно констатировать две параллельные линии развития уральского (зауральского) неолита. Признание этого тезиса, однако, ставит в свою очередь ряд новых проблем.

За последние годы в Зауралье много сделано в области изучения энеолита не только в связи с кошкинско-боборыкинской проблемой. Эта эпоха наполнилась конкретно-историческим содержанием, нашедшим отражение в ряде вышедших работ [24; 25, гл. VII; 26], но, как ни странно, не нашедшим отражения в соответствующем томе «Археологии СССР». Можно считать установленным, что энеолит не только переходное время от каменного к бронзовому веку, и тем более не сфера археологической систематики [27, с. 8], но самостоятельная эпоха, занимающая значительный отрезок времени, в пределах около 1000 лет, и имеющая свои диагностические признаки. Это — время сложных этнических преобразований, в частности для Среднего Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири, что выразилось в многообразии культур, сформировавшихся как на основе гребенчатого, так и накольчатого неолита: боборыкинской, липчинской, андреевской, кысыкульской, шапкульской, суртандинской. Большое значение в их формировании сохранили культурные связи, претерпевшие некоторые изменения по сравнению с неолитическими. Так, урало-среднеазиатский круг частично распадается и видоизменяется. Кысыкульские памятники входят в среднеуральские общности, что отчетливо прослеживается на формах хозяйства — дальнейшем развитии присваивающей экономики, но в то же время сохраняется урало-казахстанский круг как продолжение старых неолитических связей — в виде памятников суртандинско-ботайского типа с зарождающейся производящей экономикой. Возможно, имело место и прямое передвижение населения, выразительным примером чего является шапкульская культура с ее южноуральской индустрией [25]

Энеолит Урала характеризуется и своим прямым признаком — возникновением металлургического производства. Прослеживаются различные пути знакомства населения с металлом — через привозные вещи и формирование местных очагов металлургии [24]. Последнее устанавливается на Южном Урале. Металлургия — новый, высший этап развития производительных сил — влечет за собой рост производительности труда, развитие обмена и общий прогресс.

В связи с рассмотрением проблем энеолита уместно затронуть вопрос о тер-

минологии, применяемой к обозначению этого периода. Переходное время разными исследователями именуется по-разному: ранняя бронза, ранний металл, энеолит, палеометалл, медный век и т. д. Мы пытались подобрать разные признаки к разным терминам, однако эта попытка была неудачной. Сейчас как будто можно установить, что термины «энеолит» и «ранняя бронза» не синонимы. Переходное время, во всяком случае для урало-сибирско-казахстанской территории, делится на два периода: ранний — энеолит и последующий — раннюю бронзу. Энеолит — период, выделенный из каменного века как финальный этап позднего неолита. Ранняя бронза выделена из культур бронзового века как время, предшествующее ее расцвету. Если наметить воображаемую пограничную линию между каменным и бронзовым веком, то она ляжет между энеолитом и ранней бронзой. Некоторые исследователи уже пришли к таким представлениям, однако не все. Унификация же терминов необходима, в связи с чем мы и привлекаем внимание к этому вопросу.

Обращаясь к Приуралью, отметим прежде всего новые данные по неолиту и энеолиту. Важное значение имеет выделение волго-уральской культуры в степях данного региона [28] Хотя существование культуры пока дискуссионно, памятниками ее закрыто долго и неправомерно существовавшее «белое пятно» на карте каменного века Урала. Между тем эта территория является в известной мере ключевой для представления о культурных связях на запад и восток по зоне степей. Именно они, связи Причерноморья и Прикаспия, обусловили своеобразие отдельных памятников или в целом волго-уральской культуры, через территорию которой они осуществлялись. Это своеобразие наиболее выразительно проявилось в области хозяйства, в котором, по-видимому, уже с неолита зарождались различные формы скотоводства. Проявилось оно и в специфике ранненеолитической керамики, где наряду с накольчатой присутствуют сосуды елшанского типа. Установленная динамика в развитии керамики происходит в основном за счет развития ее гребенчатых форм.

Что касается волго-камской культурной области, то для ее более полной характеристики первостепенное значение приобретают исследования последних лет на территориях, непосредственно примыкающих к волго-камскому эпицентру: в низовьях р. Белая и Волго-Вятском междуречье, где изучены памятники разных эпох каменного века, в первую очередь неолита и энеолита. Так, в начале 80-х годов в низовьях р. Белая, на ее правобережье, исследована компактная группа из 25 поселений, ранее известных, но почти не изучаемых, содержащих поздненеолитические и энеолитические комплексы (опорные памятники Сауз I и II). Раскопанные на широкой площади, они дают возможность достоверной характеристики остатков материальной культуры. Так, для них характерна крупнопластинчатая индустрия в сочетании с отщеповой. Первая сохраняет архаические (геометризированные) формы, однако они не повторяют в точности мезолитические, в основном благодаря своим размерам. Индустрия, хотя и имеет специфические детали, в целом близка инвентарю камского неолита, особенно за счет отщеповых форм: скребков, ножей и др. Керамика в своей основной массе гребенчатая (98%), включает лишь небольшую долю сосудов с насечками, характерную для всех этапов неолита, до энеолита включительно. При некоторых различиях в деталях, по основным признакам: полуяйцевидной форме, прикрытом крае, форме днища и др.— керамика эта входит в круг камского неолита. Керамику же с насечками по всей сумме ее технологических признаков следует считать органической составной частью керамического комплекса. В итоге общая характеристика остатков материальной культуры позволяет считать неолит нижнего течения р. Белая (ее правобережья) локальным вариантом камской неолитической культуры с гребенчатой керамикой [29, 30] Весьма существенным является наличие среди многочисленных памятников с разновременными культурными остатками ранненеолитической стоянки Зиарат с чистым комплексом ранней гребенчатой керамики [31].

Важный вклад в изучение волго-камской культурной области внесли иссле-

дования Удмуртского университета в Вятско-Камском междуречье, охватывающие эпохи мезолита — энеолита [32, 33]. Там выявлена и изучена на современном научном уровне большая группа неолитических поселений, сохранивших остатки жилых сооружений, позволяющих дать характеристику не только жилищ, но и реконструкцию неолитического поселка в целом (опорные памятники — Кыйлуд III, Моторки II, Чумайтло; последний имеет радиоуглеродную дату). Кремневая индустрия характеризуется наличием двух типов заготовок — пластин и отщепов. Среди орудий из пластин имеются вкладыши и орудия древних типов: угловые резцы, концевые скребки и другие, напоминающие мезолитические; среди орудий из отщепов — разнообразные наконечники стрел, в том числе постсвидерские.

Керамика четко делится на гребенчатую и накольчато-прочерченную, в основном залегающую совместно, при преобладании (численном) гребенчатой. По форме, орнаменту и технологическим признакам гребенчатая керамика близка камской. Посуда с накольчатым орнаментом по сумме признаков близка аналогичной нижнекамской. По мнению исследователя, накольчато-прочерченная посуда не является местной, что позволяет ставить вопрос о сосуществовании двух этносов.

Не менее важное значение для понимания процессов развития камского неолита имеют исследования позднеолитического поселения Чашкинское озеро VI, где впервые для памятников верхне-среднего Прикамья (если не считать саму левшинскую стоянку) встречена накольчатая керамика нижнекамского типа — плоскодонные сосуды с профилированным венчиком, украшенные насечками и различными наколами. Ее присутствие отражает усиление влияния южных культур в конце неолитического времени [34, с. 52, 53]

Вообще на позднем этапе неолита местное развитие камской культуры было нарушено: помимо южного влияния усиливается, как показал А. Х. Халиков, и западное, о чем свидетельствует проникновение балахинской ямочно-гребенчатой керамики. Появляются памятники, содержащие в одном комплексе ямочно-гребенчатую и гребенчатую керамику камской культуры.

С расширением территории исследования стали известны памятники энеолита в Камско-Вятском междуречье. Они объединены пока предварительно, в две группы: 1) памятники юртинского типа с преобладанием специфических черт, отражающих местное развитие, 2) памятники с чертами, приближающими их к волго-камскому энеолиту новоильинского типа [35]

Большой информативный материал получен исследованиями Татарского отряда Казанской экспедиции под руководством Р. С. Габяшева на левобережье низовьев р. Белая, охватившими Икско-Бельское междуречье [36]. Рассматривая материалы энеолитических памятников — Дубовогривского, Игримского и др., раскопанных на широкой площади, исследователь отмечает две традиции в развитии керамики. Первая развивает местные черты, уводящие к более раннему, левшинскому времени, заключающиеся в преемственности гребенчатой посуды; вторая выражена наличием воротничковой керамики с шнуровым орнаментом, имеющей аналогии в керамике самарской культуры. Наиболее ранними комплексами Р. С. Габяшев считает накольчатую керамику, рассматривая ее как пришлую, тем самым изменяя свою точку зрения на ее генезис, поскольку ранее он увязывал ее происхождение с местным мезолитом. Следующей за ней по времени он считает новоильинскую, хотя в то же время соглашается с О. Н. Бадером о происхождении последней из камского неолита. Впрочем, аналогичная ситуация — пришлый клин, а затем оживление местных традиций — явление, довольно широко распространенное. Систематические исследования энеолита продолжаются и в самом Прикамье, изучаются новые памятники, так же как гаринские, борские и новоильинские комплексы. По мнению исследователей, все они относятся к раннему этапу энеолита, равно как и памятники с накольчатой керамикой. Однако пока вопросы их хронологической последовательности или культурно-хронологического соотношения и генезиса находятся в стадии разработки.

Особый круг вопросов возникает в связи с территорией распространения гаринской культуры или ее влияния путем различного рода культурных связей [37]. Конкретные их формы еще требуют изучения. Но так или иначе наличие камской керамики на нижней Вычегде [38] и в стоянках Европейского Северо-Востока [39] можно считать доказанным. Интересны в этом плане поселения марийского Поволжья, относящиеся, как правило, к разным периодам неолита (опорный памятник Дубовское III). В последнем содержится накольчатая керамика двух типов: первый аналогичен приказанской типа II Щербетской, второй имеет ближайшие аналогии в керамике Верхнего Подонья [40] В памятниках финального неолита (опорными являются Красный Мост III и II) совместно залегают местная керамика и волго-окская (балахнинская), что позволяет считать стоянки этого типа зоной контакта двух обширных областей — волго-камской и волго-окской. Но вместе с тем они представляют собой восточный средневолжский вариант культуры ямочно-гребенчатой керамики [41].

Вообще соотношение и взаимоотношение двух основных культурных общностей — гаринской и волосовской лесной и лесостепной зон Восточной Европы составляют специальную проблему [42]. Границы волосовской культуры в последние десятилетия расширились в Поволжье далеко на юг, в бассейн рек Сура и Мокша [43].

Непосредственно как по тематике, так и территориально примыкают к Волго-Камью материалы кубышевского Поволжья, где в последние десятилетия изучен богатейший анеолит с уникальными памятниками, как, например, Съезжинский могильник [44]. Сейчас энеолит систематизирован, выделены его этапы, определена культурная принадлежность [45]. Эти исследования позволили создать конкретно-историческую картину взаимоотношения культур в широкой эйкумене Среднего Поволжья и Подонья. Отметим также исследования, проводимые в бассейне р. Белая, имеющие более отдаленное отношение к Камской культуре. Наиболее выразительными и территориально близкими являются поселения Давлеканово и Муллино, расположенные на левых притоках р. Белая — Деме и Ик. Оба они многослойные и содержат культурные остатки от мезолита до эпохи бронзы включительно. Наиболее отчетливо представлен энеолитический слой. Неолит пока представлен скупо, сведения о нем отрывочны. Основным источником для его характеристики является керамика, сходная на обоих поселениях. Эта гребенчатая керамика, имеющая по форме и орнаменту общие черты с керамикой камского неолита, позволяет отнести оба поселения, по мнению исследователей, к волго-камской этнокультурной области [26, 46]

Значительная группа поселений выявлена на р. Ай. Большинство из них многослойные, но есть и ранненеолитические с выразительной пластинчатой индустрией. Опорным памятником следует считать поселение Средняя Ока [47]. Отметим, что во всей обширной урало-сибирской и поволжской эйкумене не найдено ни одного могильника, известны лишь единичные погребения на стоянках.

Значение абсолютных дат для периодизации и хронологии общеизвестно. Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении даты внесли в эти вопросы некоторую ясность. Однако полностью они удовлетворить нас пока не могут, поскольку многие из них, как говорится, «пляшут». Так, в Приуралье для неолита имеется лишь одна дата (Чумайтло) — 2220 ± 90 лет до н. э. Но имеющаяся тоже одна дата для энеолита (Непряха IV) дает 2470 ± 50 лет до н. э. Что касается даты Среднего Шадбегово, то пока в литературе не уточнено, относится ли она к новоильинскому жилищу или к неолитическим слоям этого поселения (5410 ± 50 лет). Для Зауралья получены серии дат. Наиболее показательны даты для памятников Кондинского бассейна, поскольку они дают серии для ряда памятников. Так, для Сумпаньи IV — несколько дат в пределах 6—7 тыс. лет. Но в то же время есть даты 10, 11 и 12 тыс. лет. На Сумпанье VI, по типологическим признакам одновременной Сумпанье IV,— две даты: 9 и 10 тыс. лет; одна дата — 6 тыс. и одна — 3,5 тыс. лет. Леуши VII дали три даты в пределах 6—7 тыс. лет. Материалы Горбуновского торфяника и Кокшарово-Юрьинской

стоянки, по предположениям исследователей, из мезолитических слоев и слоя III тыс. до н. э. дали даты, значительно омоложенные. Представляется, что в свете имеющегося материала можно для датировки в неолите опираться на даты от 6 до 7 тыс. лет. Более же глубокие, равно как и омоложенные, даты для тех же памятников и слоев следует пока только принять к сведению, не делая из них сколько-нибудь далеко идущих выводов.

Суммируя весь вновь полученный обширный материал, мы предлагаем, пока в предварительном плане, следующую его систематизацию. Для Зауралья: ранний неолит — памятники типа Евстюнихи с чистым комплексом накольчато-прочерченной керамики и памятники типа Сумпаньи с накольчатой и гребенчатой керамикой. На основании радиоуглеродных дат нижней границей неолита считать середину V тыс. до н. э., концом раннего неолита — начало IV тыс. до н. э. Развитой неолит, или полуденковский этап: совместное залегание гребенчатой и накольчато-прочерченной керамики — широко распространенный признак для неолита, характеризующий памятники от Южного до Северного Зауралья, от начала до второй половины IV тыс. до н. э. Поздний неолит: памятники сосновоостровского типа с гребенчатой керамикой и кошкинского типа с накольчато-прочерченной — от второй половины IV до начала или середины III тыс. до н. э. Энеолит — гребенчатые культуры: липчинская, шапкульская, кысыкульская, суртандинская — и с накольчатой керамикой — боборыкинская — первая половина или середина III до начала II тыс. до н. э. Таким образом, две параллельные линии развития керамики отчетливо прослеживаются в раннем неолите (Евстюниха, Сумпанья IV, VI), позднем неолите (Сосновый Остров, Кошкино) и в энеолите (вышеперечисленные культуры). В развитом неолите такой ясности пока нет.

Каменная индустрия не имеет однозначной характеристики. Для Южного Зауралья, лесостепного Среднего Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири характерна пластинчатая индустрия для всех рассматриваемых эпох. Она достаточно консервативна, так как содержит архаические, восходящие к мезолиту типы орудий. С течением времени одновременно развиваются отщепковые формы, предусматривающие сплошную вторичную двустороннюю обработку. В лесной и таежной зоне индустрия не имеет отчетливой характеристики. Ей присущи малочисленность, отсутствие серийности форм, преобладание отщеповой техники первичного расщепления, двусторонняя обработка преимущественно наконечников стрел.

В Приуралье ранний неолит представлен также двумя типами памятников в соответствии с разными керамическими комплексами. В раннем неолите — накольчатая керамика типа II Щербетской в Волго-Камье, сосуды елшанского типа волго-уральской культуры и памятники типа Зиарат с чистым комплексом гребенчатой керамики. В развитом неолите — памятники, характерные для боровоозерского и хуторского этапов, с гребенчатой керамикой (возможно, присутствует и накольчатая линия развития — по Габяшеву II Русско-Азибейская). Прослеживается совместное залегание гребенчатой керамики и комплексов с насечками и прочерченной. В позднем неолите — керамика левшинского типа и русско-луговского в комплексе с прочерченно-накольчатой. Последняя обнаружена, в частности, в эпицентре гребенчатой керамики, в Среднем Прикамье (Чашкинское озеро VI) и в памятниках Нижнего Прикамья. Для позднего неолита характерно нарушение линии развития влиянием или вторжением инородных племен (балахинская ямочно-гребенчатая керамика). К этому можно добавить усиление в это время влияния и южных культур, что проявилось на стоянках верхне-среднего Прикамья и в низовьях р. Белая в форме проникновения накольчато-прочерченной керамики. Для энеолита характерны памятники гаринско-борского и новоильинского типов и вместе с тем памятники с выразительной развитой накольчатой керамикой (Икско-Бельское междуречье). На периферии волго-камской культурной области развиваются оба орнаментальных стиля в собственных специфических формах. Таким образом, можно

сделать вывод о двух линиях развития керамики и в Приуралье, но с известной долей условности, поскольку они выявлены не столь четко, как в Зауралье.

Исследователи Урала единодушно отмечают, что ранний энеолит как Зауралья, так и Приуралья маркируется появлением значительного количества небольших культур, т. е. процессом сегментации. Пока он не совсем понятен; возможно, это явление связано с большей по сравнению с эпохой неолита подвижностью населения.

В итоге усилиями большого коллектива исследователей на обширной территории Урала и прилегающих к нему регионов создана конкретно-историческая картина этнокультурного развития на протяжении около двух тысячелетий. Показано локальное своеобразие археологических культур неолита — энеолита. Выявлена также некоторая исторически обусловленная закономерность развития, проявляющаяся в сосуществовании одновременно на смежных территориях культур с присваивающими (неолит, волго-камская культура) и производящими (энеолит, самарская культура) формами хозяйства. Рассмотрены возникновение металлургических центров и иные формы знакомства с металлургией. Можно считать доказанным прогрессивный характер обществ с так называемой присваивающей экономикой, поскольку показаны конкретные формы развития в ней производительных сил. Имеющиеся данные не позволяют считать эти общества отсталыми по отношению к южному населению с производящей экономикой и относить их к разряду субнеолитических.

Детально разработан такой первостепенной важности аспект, как культурные связи. Показан их конкретный характер, втягивающий в решение уральской проблематики широкие территории: на востоке — Западную Сибирь вплоть до Среднего Прииртышья, на юге — Северный Казахстан, на юго-западе — причерноморские степи, на западе — памятники волго-окского и среднедонского круга, на крайнем севере — Северный и Приполярный Урал. Культурные связи — один из факторов, играющих чрезвычайно важную роль в направлении линий развития и изменения культурно-исторических процессов и этнокультурных образований.

Отметим и гносеологическую сторону: применение и разработку на уральских материалах каменного века новых методик исследования — трасологии, количественного анализа, моделирования керамики, углубленных методов типологии, полевых исследований. В целом сейчас видно, что при рассмотрении разных проблем неолита — энеолита без уральских материалов не обойтись.

Этот достаточно высокий уровень наших знаний влечет за собой постановку новых вопросов, еще более углубляющих исследования. Многие выводы сейчас остаются дискуссионными, требуют новых доказательств и уточнений. Это касается прежде всего предложенной нами схемы развития неолита, т. е. вопросов хронологии и периодизации, которые разработаны еще очень слабо. Остаются неясными вопросы, связанные с накольчатой керамикой, ее генезис и, в частности, генезис боборыкинской культуры. Вряд ли последнюю в свете новых материалов можно связывать с кошкинской культурой, как ранее предполагалось [48]. Нет четких признаков различия ранней накольчатой и кошкинской керамики, так же как гребенчатой керамики позднего неолита и энеолита, неясен рубеж этих эпох. Неясны хронологическая последовательность энеолитических культур как Приуралья, так и Зауралья и ряд общих вопросов хронологии и этноса. Незаслуженно мало внимания уделено проблеме идеологических представлений неолитического — энеолитического времени — искусству, верованиям. Можно лишь указать на сводную работу В. Н. Чернецова, посвященную наскальным изображениям, относящуюся еще к 1964 и 1971 гг. [49], и на небольшие исследования пещерной живописи В. Т. Петрина [50]. Эта проблематика ждет новых разработок.

Изучение мезолита, как уже отмечалось, целиком вписывается в последнее сорокалетие (напомним, что на I Уральском совещании мезолит даже не упоминался). Первые мезолитические памятники, обнаруженные в Среднем При-

камье, связаны с именем О. Н. Бадера [51] Затем стали известны мезолитические памятники в Нижнем Прикамье [15, 17] и постепенно на территории Урала и прилегающих областей были исследованы группы мезолитических поселений. К настоящему времени характеристика мезолита позволяет говорить о нем не только как о промежуточном времени между палеолитом и неолитом, а как о самостоятельной эпохе, имеющей свои диагностические признаки. На Урале выявлены общие и особенные черты мезолита в виде локальных вариантов, связанных как с волго-окским кругом памятников, так и со среднеазиатским. Тот или иной вариант обусловлен (в известной мере) географическим положением рассматриваемых групп: особенно выразительно локальные варианты представлены в контактных зонах. Более детально и тщательно исследован сейчас мезолит Среднего Урала, т. е. лесной зоны на контакте ее с лесостепью. Для Зауралья определяющими признаками являются отчетливо выраженный микролитизм, присутствие наконечников свидероидного облика и единичных орудий геометрических форм. Материалы по мезолиту Среднего Зауралья (или Западной Сибири) получены путем раскопок широкими площадями ряда памятников (опорные — Выйка II, III. Крутяки I), что придает выводам определенную достоверность и убедительность [25, 52]

Большое значение для характеристики мезолита Приуралья имеют исследования в Камско-Вятском междуречье, где раскопаны мезолитические поселения с жилищами (Баринка I, II) и разновременными индустриальными комплексами, характеризуемыми крупнопластинчатой индустрией. Материалы дают возможность реконструкции не только жилищ, но и мезолитического поселка в целом, а также решения ряда общих проблем мезолита [32, 33]. Наблюдается в частности, некоторое сходство с мезолитом Среднего Поволжья, хотя для индустрии последнего характерны известная степень микролитизации и своеобразие, уводящее к контактам с верхнедонскими материалами [17]. Для степной зоны Южного Урала мезолит характеризуется индустрией с развитыми геометрическими формами, тяготеющими к среднеазиатскому кругу [46].

Известен еще и специфический вариант мезолита, лишенный как свидероидных, так и геометрических форм. Для него характерна пластинчатая микролитическая индустрия, ведущей формой которой является призматическая пластинка с краевой ретушью или без ретуши, с небольшой долей типологически устанавливаемых форм (в основном скребки, угловые резцы, скобели). Это своеобразие вызывает необходимость определения их функций только с помощью трасологии. Соответствующий анализ выявляет чрезвычайно богатый набор инструментов для обработки охотничьей добычи, кости, дерева и т. д. В настоящее время выявлена компактная группа таких памятников в лесостепном Зауралье, позволяющая предположить их эпицентр именно в данной экологической зоне [53].

Важность изучения мезолита определяется помимо сказанного еще и возможностью решения проблемы генезиса неолита, характера культурных связей, передвижения населения и активного его расселения в разных экологических зонах.

Однако все эти проблемы отнюдь нельзя считать решенными. Для их разработки требуется в первую очередь расширение источниковедческой базы. Необходимо закрыть территориальные «белые пятна», которых еще очень много. Только на более прочной основе можно будет продуктивно решать проблему формирования археологических культур во всей уральской эйкумене, а также создать обоснованную хронологию и периодизацию. Но в целом в научный оборот введена огромная историческая эпоха, значение которой для развития человеческого общества трудно переоценить. Она позволяет рассмотреть финал палеолита, генезис неолита, конкретно-исторические формы этногенетического процесса.

В области палеолита исследования находятся пока еще в основном на уровне сбора материала. Хотя первые палеолитические памятники на р. Чусовая — стоянка им. Талицкого и Пещерный Лог были открыты еще до Великой Оте-

чественной войны и исследованы в конце 40-х — начале 50-х годов [54], вопрос об их культурной принадлежности до сих пор остается дискуссионным, а накопление материала за последующие годы происходило медленно.

Основные вехи в изучении палеолита после стоянки им. Талицкого следующие. Открытия палеолита — Медвежья Пещера и стоянка Бызовая на р. Печора [55] Это явилось, как отмечал О. Н. Бадер, неожиданностью и позволило внести новые данные о времени (для Бызовой есть радиоуглеродные даты 25 и 18 тыс. лет) и путях заселения крайне высоких широт Уральского Приполярья. Далее, открытие и исследование первого и весьма своеобразного памятника равнинного Зауралья — Шикаевки [56] и палеолитической стоянки Черноозерье II [57], что позволило включить в зону обитания палеолитического человека территорию Западной Сибири (Иртышский бассейн), долгое время считавшуюся недоступной по своим экологическим условиям для заселения в палеолите. Однако в целом памятников немного, они территориально разобщены и недостаточны для решения проблем историко-культурного плана, если не считать вопросов, связанных с изучением живописи в Каповой Пещере [58] Однако не исключено, что малочисленность находок — характерный для уральских стоянок признак, объединяющий их в категорию недолговременных поселений.

Определенным итогом изучения палеолита Среднего и Южного Урала является диссертация Т. И. Щербаковой, которой предшествовало исследование автором давно известного, но не изучавшегося ранее поселения Горново [59]. В диссертации по мере возможности дана систематизация источников. Путем сравнительного анализа определяется культурно-историческое место некоторых памятников, таких, как стоянки им. Талицкого, Горново и др. В настоящее время под руководством В. Е. Щелинского раскапывается пещера Кюльюрттамак — весьма перспективный памятник, содержащий значительное количество кремневых артефактов и обладающий четкой стратиграфией. Он позволяет произвести некоторые сравнительные анализы. Следует отметить также весьма перспективные исследования в Приуралье, где Ю. П. Павловым открыта группа поселений в бассейне р. Чусовая (Ганичата I—III и др.), дающих полноценный материал для сравнительного анализа [60] и некоторые данные для генезиса мезолита (стоянка Горная Талица) [61]. В этой связи следует упомянуть и собственно мезолитические изыскания в Приуралье [62].

В заключение отметим, что уральские совещания зарекомендовали себя как необходимый орган в организации, направлении работ и изучении каменного века Урала. Естественно, необходимо их продолжение с широким привлечением специалистов разных возрастных цензов и разной квалификации для передачи научной эстафеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. 1952. № 27.
2. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1963.
3. *Шмидт А. В.* Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. Т. V
4. *Прокошев Н. А.* К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья // МИА. 1940. № 1.
5. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.// Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 109, 110.
6. *Бадер О. Н.* Уральский неолит // МИА. 1970. № 166.
7. *Выборнов А. А.* Металлические предметы и керамика левшинского типа — один комплекс? // Древняя история Поволжья. Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. № 230. Куйбышев, 1979.
8. *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала // Тр. ГИМ. 1940. Вып. X.
9. *Дмитриев П. А.* Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. 1951. № 21.
10. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1947
11. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29.
12. *Викторова В. Д.* Сосновый Остров, стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4.
13. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
14. *Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л.: Наука, 1968.

15. *Халиков А. Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126.
16. *Матюшин Г. Н.* Археологические исследования в окрестностях города Уфы // ВАУ. 1962. Вып. 2.
17. *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
18. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
19. *Сальников К. В.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961. Вып. 85.
20. *Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о неолите и ранней бронзе в западно-сибирском лесостепье // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
21. *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 1978.
22. *Ковалева В. Т.* Боборыкинская культура. (Итоги изучения).// ВАУ. 1986. Вып. 18.
23. *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды // ВАУ. 1984. Вып. 17.
24. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
25. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
26. *Матюшин Г. Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982.
27. Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
28. *Моргунова Н. Л.* Эпоха неолита и энеолита в степной зоне Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1984.
29. *Выборнов А. А.* Культурная принадлежность неолита Нижней Белой // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
30. *Выборнов А. А., Обыденов М. Ф., Обыденова Г. Т.* Поселение Сауз 1 в устье р. Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы Куйбышев, 1984.
31. *Выборнов А. А., Крижевская Л. Я.* Ранненеолитическая стоянка Зиарат на правобережье низовьев р. Белой // КСИА. 1988. Вып. 193.
32. *Гусенцова Т. М.* Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 1981. № 3.
33. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1981.
34. *Денисов В. П., Мельничук А. Ф.* Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита лесной и лесостепной зоны. Тез. докл. Оренбург, 1986.
35. *Наговицин Л. А.* Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
36. *Габяшев Р. С.* Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
37. *Chalikov A.* Archäeologische Denkmäle vom pyneensilta-typ in Finland und Ihre östlichen Analogien // Fennoscandia Archäeologica. 1986. III.
38. *Косинская Л. Л.* Мезолит — ранняя бронза бассейна Нижней Вычегды: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1988.
39. *Буров Г. М.* Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1986.
40. *Никитин В. В.* Новые материалы по изучению эпохи камня в Марийском Поволжье // АЭМК. 1984. № 7.
41. *Никитин В. В.* Красномостские поселения финального неолита // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
42. *Халиков А. Х.* Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
43. *Третьяков В. П.* Волосовские древности в Европейской части СССР III—II тыс. до н. э. М., 1990.
44. *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1987.
45. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1981.
46. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
47. *Морозов Ю. А.* Энеолитические памятники Приуралья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
48. *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
49. *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. Т. 1, 2 // САИ, 1964, 1971. Вып. В4-12.
50. *Петрин В. Т.* Исследование древнего святилища в Игнатьевской пещере на Южном Урале // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1983.
51. *Бадер О. Н.* Стоянки Нижнеадашевская и Боровое озеро 1 на р. Чусовой // МИА. 1951. № 22.
52. *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1984.
53. *Крижевская Л. Я.* Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала // ВАУ. 1990. Вып. 20.
54. *Бадер О. Н.* Основные этапы этнокультурной истории и палеогеография Урала // МИА. 1960. № 79.
55. *Канивец В. И.* Палеолитический человек на Печоре // Природа и развитие человеческого общества на территории европейской части СССР. М., 1969.
56. *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье р. Тобол // ВАУ. 1975. Вып. 13.
57. *Генинг В. Ф., Петрин В. Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985.

58. *Бадер О. Н.* Каповая Пещера. М.: Наука, 1965.
59. *Щербакова Т. И.* Палеолит Южного и Среднего Урала: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986.
60. *Павлов П. Ю.* Палеолит северо-востока европейской части СССР: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1988.
61. *Мельничук А. Ф., Павлов П. Ю.* Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
62. *Волокитин А. В.* Проблемы изучения мезолита европейского северо-востока.// Проблемы археологических и этнографических наук Восточной Сибири. Иркутск. 1986.

L. Y. KRIZHEVSKAYA

FOUR DECADES OF STUDIES OF THE STONE AGE IN THE URALS: SUMMING UP AND LOOKING FORWARD

Summary

The four decades of studies of the Stone Age in the Urals can be divided into three periods: (1) the early 1930s when the studies and field seasons were launched; (2) mid-40s-60s when the area of studies was significantly extended to include the Volga-Kama basin and the regions fringing the Urals to the north and south of Sverdlovsk Region. This provided an extensive source base on which the pattern of Neolithic development was based. The first Mesolithic and Palaeolithic finds in the Urals came to light in this period, too. The third period, between the mid-60s up till present time, was marked by new Neolithic finds (flat-bottomed pottery with straight sides and pit ornaments). They made it necessary to correct the available patterns, to identify and describe the Eneolithic of the Urals, to study cultural ties and assess their significance. Today, archaeologists are discussing the correlation between comb and pit pottery, the key cultural and chronological problem of the Neolithic and Eneolithic. The accumulated material has made it possible to describe the Mesolithic in general and to identify ist local variants. Archaeologists are still accumulating materials on the Palaeolithic.

М. Б. РЫСИН

ДАТИРОВКА КОМПЛЕКСОВ ИЗ ЭШЕРИ

Актуальность предложенной темы определяется ключевой ролью рассматриваемых памятников для эпохи бронзы не одного Кавказа, но и обширного региона предкавказских степей, входившего в зону влияния кавказских металлообрабатывающих центров. Датировка археологических материалов степной зоны невозможна без приведения в порядок дат кавказских находок. Среди них особенно важны синкретические комплексы из эшерских дольменов, отражающие взаимодействие северо- и центральнокавказской традиций металлообработки [1, с. 84]

В литературе прослеживаются следующие тенденции в датировке дольменных материалов и в осмыслении их места среди кавказских древностей. В 1930—1940-е годы господствовало мнение о близости и генетической связи эшерских находок с инвентарем подкурганных гробниц станицы Новосвободной [2, с. 271]. Комплексы из Эшери датировали рубежом III—II тыс. до н. э., отмечая параллели их инвентарю в погребениях среднекубанской группы [3, с. 50] Позднее, вслед за пересмотром датировки «больших кубанских» курганов стали удревнять и комплексы из дольменов Абхазии, по-прежнему связываемые с «новосвободненскими» материалами [4, с. 267] Это было вызвано и внешним сходством комплексов и стремлением исследователей упорядочить материал, т. е. расположить памятники «в затылок» друг другу. В Закавказье сложилась гипотеза о «первородстве» дольменов Абхазии [5, с. 327] Гробницы Новосвободной рассматривались при этом как неумелые подражания «настоящим» дольменам. Эту точку зрения разделял А. А. Формозов [6, с. 102, 135] О. М. Джапаридзе датировал нижние слои в дольменах Эшери 2200—1800 гг. до н. э. [4, с. 120, 121] В 1970-е годы к такой датировке присоединился В. И. Марковин. Материалы из Эшери он синхронизировал с новосвободненскими, датируя их 2300 г. до н. э. [7, с. 280—282] Однако наиболее ранние дольмены В. И. Марковин помещает в Закубанье, где, согласно его точке зрения, сосуществовали две археологические культуры — майкопская и дольменная. Здесь, в Закубанье, строители наземных дольменов воздвигали подкурганные гробницы, в которые по неизвестным причинам попал майкопский инвентарь [7, с. 238, 275] Еще дальше по пути сближения новосвободненских и дольменных материалов «продвинулись» Н. А. Николаева и В. А. Сафронов. Отрицая существование особой позднемайкопской группы памятников, они относят к культуре строителей дольменов не только сами подкурганные гробницы, но и заключенный в них инвентарь [8, с. 179, 190]. Наконец, в последнее десятилетие дольмены Абхазии стали вновь омолаживать, синхронизируя их с комплексами начального этапа средней бронзы Кавказа и датируя концом III — началом II тыс. до н э. В то же время сохраняется мнение о генетической преемственности наземных построек и новосвободненских подкурганных гробниц. Ю. Н. Воронов относит гробницы станицы Новосвободной к этапу «выработки формы» дольмена [9, с. 16—20]. С. Н. Кореневский усматривает наследие металлообработки майкопской культуры в производстве бронзовых крюков и кинжалов, происходящих из абхазских дольменов [1, с. 84]. Напротив, А. Д. Резепкин недвусмысленно заявил о принципиальном различии новосвобод-

© М. Б. Рысин, 1990 г.

ненских гробниц и наземных дольменов, связывая его с различием их происхождения [10, с. 25, 26] [1]

Для решения проблем, представленных в приведенном экскурсе, для выяснения соотношения новосвободненских и дольменных материалов необходимо сопоставить наземные дольмены и подкурганные гробницы станицы Новосвободной. Сначала сопоставим сами погребальные сооружения. Новосвободненские подкурганные гробницы предназначаются для одиночных, «княжеских» захоронений. Наземные дольмены служили склепами и многократно использовались для подхоронений [11, с. 82; 12, с. 104] С функциональными различиями связаны и конструктивные отличия памятников. Гробницы «вождей» навсегда скрывались под многометровыми насыпями. Дольмены возвышались на поверхности. Гробницы не являются «рассчитанными» архитектурными сооружениями. Их стены фиксировались в вертикальном положении насыпью кургана. Дольмены, напротив, возводили с применением конструктивных расчетов. Их устойчивость основана на точном соотношении несущих и покоящихся частей [7, с. 57] В конструктивных целях строители наземных дольменов применяли пазы на стенах и перекрытии, трапециевидную форму плит, пяточные камни, контрофорсы. Наконец, в закрытой под курганом гробнице отверстие неоправдано функционально. Часть гробниц представляет собой настоящие каменные «ящики» без вторых камер и рудиментарных отверстий [12, с. 27]. Отверстия в наземных дольменах функционально необходимы. Если дольмен окружался насыпью, к фасаду с отверстием вел коридор-дромос [13, с. 86, 87] Расчеты и конструктивные особенности, связанные с приданием устойчивости наземным сооружениям, были неизвестны строителям подкурганных гробниц. В целом наземные дольмены выглядят типологически более развитыми, следовательно, нельзя не только синхронизировать оба вида сооружений, но и связывать их линией непосредственной преемственности. Последнее наглядно демонстрирует сравнение состава инвентаря из гробниц и дольменов. В гробницах обязательно присутствуют следующие категории инвентаря: оружие (в том числе парадное), орудия труда, столовая посуда, украшения и вотивные предметы. В наземных дольменах представлен рядовой инвентарь, как правило одни украшения и детали одежды погребенных [7, с. 258—275, рис. 129—132] Строители дольменов в отличие от «новосвободненцев» не сопровождали каждого погребенного керамическим сосудом. Изредка в дольменах встречаются ножи и шилья. Очень редки находки оружия и вотивных предметов — бронзовых крюков. По-видимому, социальная дифференциация у строителей дольменов отразилась не столько на качестве погребального инвентаря, сколько на самом характере погребального сооружения. Принципиальные отличия в составе инвентаря также не позволяют синхронизировать сравниваемые памятники (рис. 1). Напротив, «расточительность» погребального обряда, видимо, свидетельствует об архаизме подкурганных гробниц по сравнению с наземными дольменами [14, с. 107—109].

Перейдем к сравнительному анализу отдельных категорий инвентаря из гробниц и дольменов. Бронзовые топоры из гробниц отлиты в формы через щель со стороны брюшка. Они не имели четких различий «верха» и «низа» при насадке на рукоять. Клин орудий короткий, прямой, широкий [15, с. 67] Из наземных дольменов происходят топоры нескольких типов с удлиненным, изогнутым, узким клином. Все эти орудия объединяет новый (неизвестный майкопским мастерам) способ отливки — через щель со стороны спинки формы. Усовершенствование способа литья топоров связано с расширением их боевого применения в эпоху средней бронзы. Новый способ позволял изготовлять профилированные орудия с увеличенной втулкой. Увеличение втулки и скос ее нижнего края повышали надежность крепления топора. Профилировка клина и

[1] Приношу благодарность А. Д. Резепкину за возможность ознакомиться с добытыми им блестящими материалами и за разъяснение его принципиальной позиции о различиях подкурганных гробниц и дольменов.

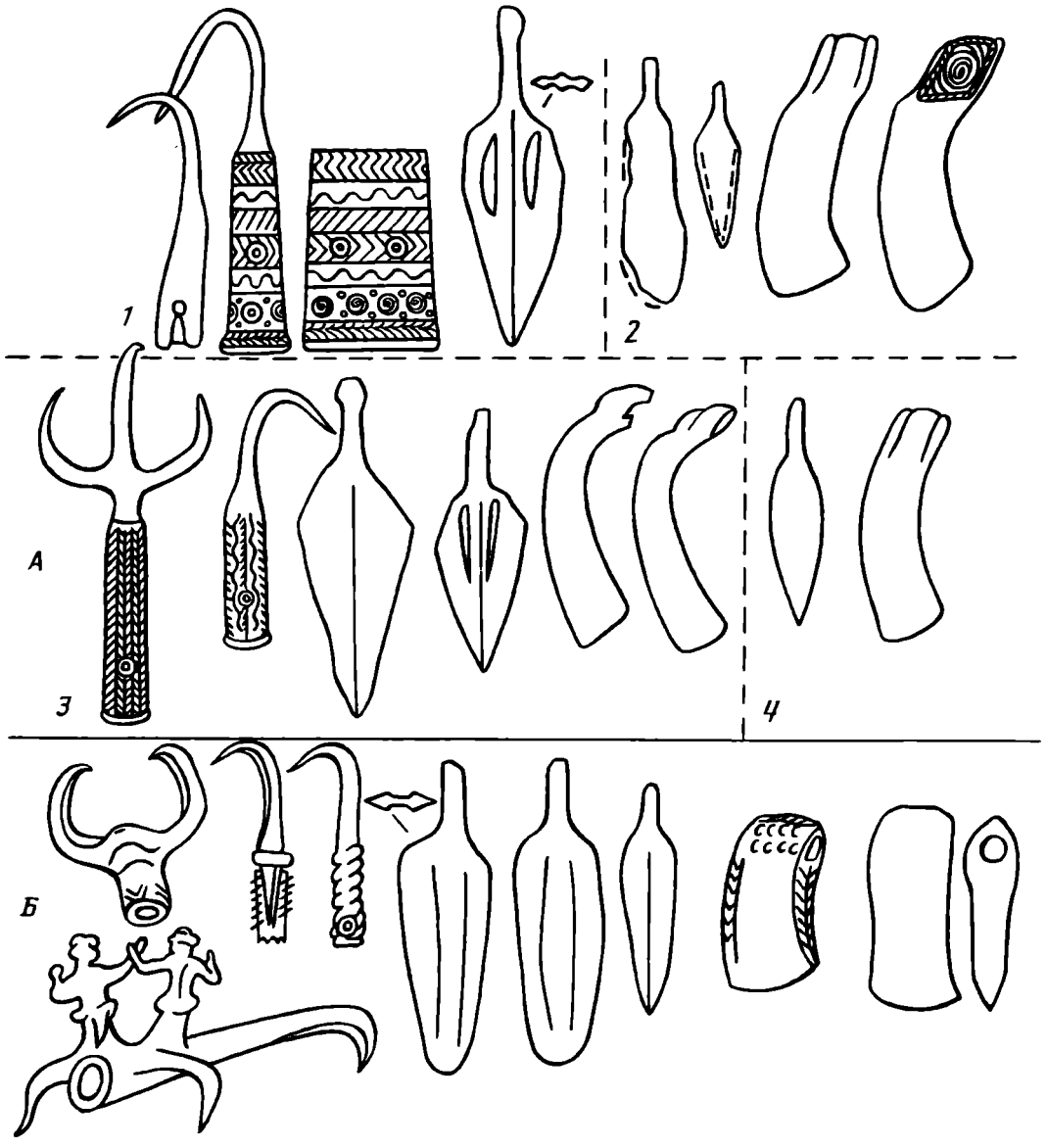


Рис. 1. Сравнительно-типологическая таблица. *А* — нижний слой в эшерских дольменах: *1* — дольмен № 2; *2* — дольмен № 6; *3* — дольмен № 4; *4* — дольмен № 5. *Б* — памятники новосвободненского круга

валики на втулке повышали прочность орудий [16, с. 20—27, 37]. Улучшились и боевые качества топоров — сила наносимого удара и «проникающая» способность. Таким образом, топоры из наземных дольменов типологически более развиты и не продолжают традиции изготовления топоров новосвободненского круга. Отсутствие смешанных комплексов свидетельствует об известном хронологическом разрыве между рассматриваемыми памятниками.

Ножи-кинжалы, характерные для новосвободненских погребений, имеют сравнительно короткий и широкий черенок (он составляет пятую часть от длины орудий); прямые плечики, клинок подтреугольный, с наибольшим расширением у основания черенка и закругленным концом. Другой тип орудий имел более широкий клинок со слабо суженными к закругленному концу «параллельными» лезвиями. Сечение клинков плоское, либо с неглубоким долом посередине. Дол бывает двух-, трехрядным, реже — многорядным. Ножи из наземных дольменов отличаются от новосвободненских сравнительно более длинным, узким черенком, составляющим третью часть длины орудия. Конец черенка иногда раскован. Плечики ножей покатые; клинок листовидной формы или подромбических с наибольшим расширением в верхней части и приостренным

концом. Сечение клинка плоское или с центральным ребром. Иногда центральное ребро на клинке выделялось с обеих сторон глубокими канавками. Из дольмена № 6 происходит черешковый нож с плавно расширяющейся нижней частью клинка и скругленным концом. Сравнение показывает, что ножи из наземных дольменов типологически отличаются от орудий новосвободненского круга, следовательно, их нельзя синхронизировать и связывать линией непосредственной генетической преемственности.

В качестве своего решающего аргумента сторонники синхронности или генетической преемственности новосвободненских гробниц и дольменов используют присутствие в их инвентаре «однотипных» бронзовых крюков. Однорогие крюки из новосвободненских гробниц имели черенковый насад, двурогие крюки-вилы — литую открытую втулку. Есть еще два уникальных орудия этой категории. Однорогий крюк из погребения у ст-цы Тимошевской имел гофрированную литую втулку, вероятно имитирующую проволочную обмотку орудий со стержневым насадом [17, с. 142—143, рис. 5, *2*]. Другой уникальный крюк с литой втулкой из ст-цы Новосвободной украшен мужскими фигурками «одорантов» и небольшими рожками у основания втулки [2] [18, с. 26, табл. 1, *16*] В наземных дольменах обнаружены однорогие крюки с новым, принципиально отличным от употреблявшегося новосвободненцами способом насада — раскованной и свернутой втулкой. Наиболее ранние экземпляры крюков с раскованной втулкой происходят из погребений донецкой катакомбной культуры (поселки Фрунзе, Каменка, Новоникольское) и погребения кургана 12 у ст-цы Новосвободной [3] В комплексах с крюками нет вещей новосвободненских типов, зато здесь представлены предметы, характерные для периода средней бронзы: листовидные ножи привольненских типов; плоское тесло пропорций, переходных от новосвободненских к привольненским (Клады, курган 12); дисковидная подвеска с ушком (пос. Фрунзе). В дольменах с. Эшери (№ 2 и 4) найдены уникальные литые крюки — два однорогих и один трезубец. Хронологическая позиция этих орудий определяется входящими в комплекс ножами привольненских типов и постновосвободненским характером шнурового декора на втулках крюков. Итак, постновосвободненский характер сопутствующего инвентаря и отсутствие в комплексах с крюками предметов новосвободненских типов свидетельствуют о хронологическом разрыве сопоставляемых памятников (рис. 1).

Результаты сравнительно-типологического анализа демонстрируют более развитый в типологическом отношении характер инвентаря из наземных дольменов. А отсутствие смешанных комплексов и орудий «пережиточных» новосвободненских типов в эшерских дольменах указывает на существование хронологического разрыва между сопоставляемыми комплексами. Выводы сравнительного анализа инвентаря согласуются с результатами сопоставления самих погребальных сооружений и не противоречат стратиграфическим наблюдениям, позволяющим установить последовательность смены новосвободненских памятников комплексами дольменного круга (например, многослойные стоянки Большой Воронцовской пещеры или дольмен Псынако-I, поставленный на слое Новосвободненского времени [13, с. 82, 83]).

Уточним датировку комплексов из нижних слоев эшерских дольменов. Верхняя граница определяется материалами вышележащих слоев — поздняя бронза — XVI—XIV вв. до н. э. Нижнюю границу, учитывая результаты приведенного анализа, следует отделять от новосвободненского времени. Напомним, что уже первые исследователи синхронизировали эшерские находки с памятниками среднекубанской группы и катакомбными погребениями. Особый интерес представляет наблюдение Б. А. Куфтина, сопоставившего топоры сачхерского типа из дольмена № 4 с топором из клада Стубло на Волыни [2, с. 285]

---

[2] Декоративные, а не функциональные «рожки» на втулке не позволяют относить этот крюк к трезубцам.

[3] Благодарю А. Д. Резепкина за разрешение использовать этот еще не опубликованный комплекс.

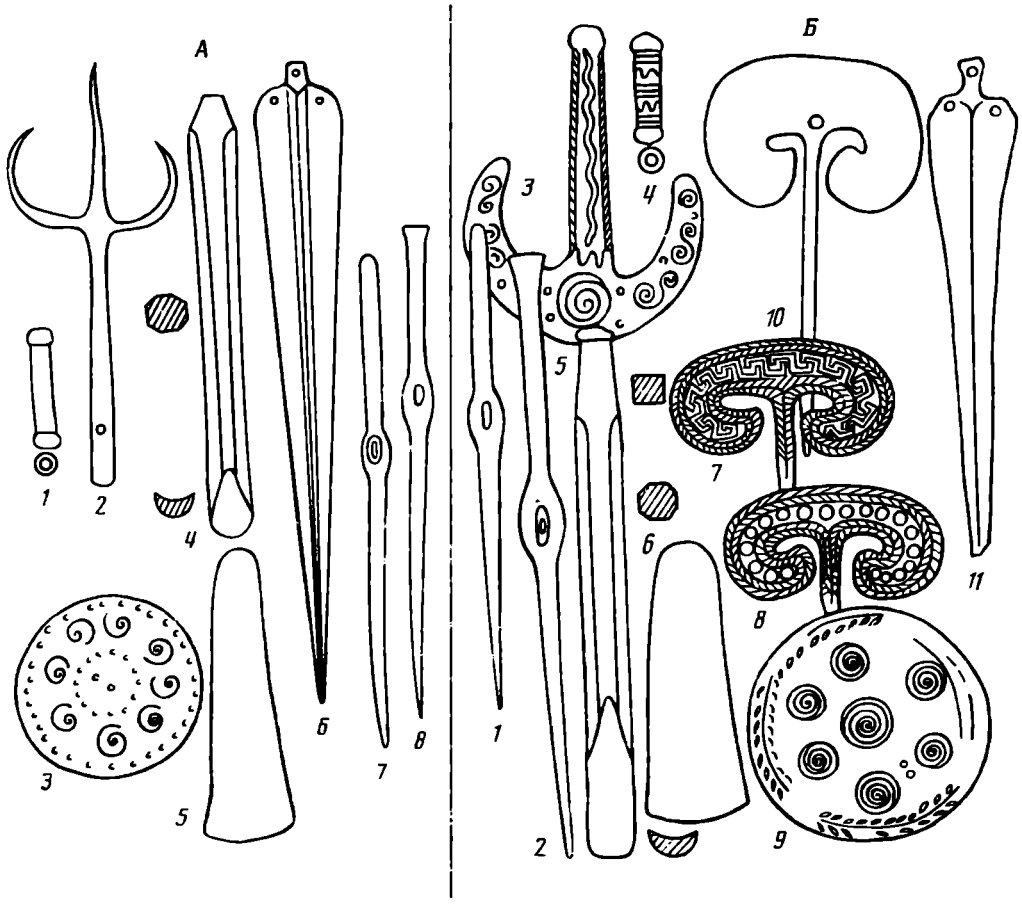


Рис. 2. Датирующие типы вещей. *А* — Ближний Восток: *1, 2* — Библ, «княжеские» погребения 1 и 2; *3—6* — Библ, клад «Д»; *7—8* — Угарит 2 (Рас-Шамра). *Б* — Кавказ: *1—4* — Великент, катакомба; *5—8* — Бедени, курган 5; *9* — Бедени, курган 10; *10* — Гинчи, склеп № 5, ярус 2; *11* — ст-ца Андрюковская, курган № 8, 1897 г.

Присутствие иволистных подвесок с ребрышком позволяет относить клад Стубло к раннеунетицкому времени. Однако датирующие возможности клада этим не исчерпываются. В его состав входит бронзовый топор с фасетированной втулкой, а подобные орудия изготовлялись в юго-восточной Европе только в первой трети II тыс. до н. э.[4] [19, с. 31, № 52; 20, с. 135, табл. 5, *1*] Следовательно, находка в составе клада Стубло топора сачхерского типа позволяет относить производство топоров этого типа (в том числе орудий из дольмена № 4) к первым векам II тыс. до н. э.

Типологическую параллель трезубцу из дольмена № 4 представляют орудия из «княжеских» погребений в Библе (рис. 2). Погребения с литыми втульчатыми трезубцами (гробницы 1 и 2) датируются временем правления фараонов 12-й династии Аменемхета 3 и Аменемхета 4, т. е. 1850—1790 гг. до н. э. [21, с. 181, табл. 43, *666—668*; 22, с. 169, рис. 63]

Выясним датирующие возможности орнамента литых бронзовых крюков из абхазских дольменов. При этом попытаемся использовать давно замеченное исследователями сходство декора бронзовых крюков с орнаментом северокавказских бронзовых изделий. При украшении втулок крюков использованы следующие элементы: шнуровой кант, «змейки», спирали, «елочка» и шишечки. Мотивы орнамента составлены «змейками», чередующимися с «елочками» или спиралями в сочетании с парными шишечками. Орнамент нанесен на втулки

[4] Искренне благодарю В. С. Бочкарева, указавшего на датирующее значение вислообушных топоров с фасетированной втулкой, а также за методическую помощь в работе.

крюков либо параллельно длинной их оси, либо поперечными лентами-фризами (рис. 1).

Те же элементы, мотивы и композиционные решения использовались при украшении изделий эпохи средней бронзы по всему Северному Кавказу (и на Центральном Кавказе). Среди изделий с подобным декором на основании взаимовстречаемости в погребальных комплексах удалось выделить раннюю и позднюю группы [23, с. 261] На раннем этапе употреблялись молоточковидные, посоховидные и Т-образные булавки в сочетании с коваными бляхами, медальонами, коваными трубчатыми пронизями и т. п. Декор булавок составляли чередующиеся «змейки», шишечки, валики, а также шнуровые канты. Элементы орнамента располагались параллельно длинной оси изделий. На позднем этапе появляются полимолоточковидные булавки, У-образные и дуговидные булавки, литые бляхи и колпачки, литые пронизи с манжетовидными утолщениями, якоревидные подвески и т. д. В орнаментацию, наряду с прежними, входят новые мотивы: чередование спиралей и шишечек, спиралей, «змеек» и шнура. На позднем этапе применяется поперечное расположение орнаментальных мотивов на изделиях. В качестве разделителей используются валики (прямые либо изогнутые «змейки») [24, с. 41] К этому времени, судя по использованным элементам и композиционным решениям орнамента, относится, вероятно, и появление на Кавказе отлитых по восковой модели топоров и кинжалов [23, рис. 9, *8—10;* 25, с. 126, рис. 42, *32, 33*]. По-видимому, распространение изделий с подобным декором отражает существование общекавказской, «надкультурной» идеологической концепции, центральное место в которой отводилось взаимодействию астрального начала и хтонического персонажа (спираль-солнце и змея). Одновременно здесь фиксируется и другая семантическая пара: змея — мужское, фаллическое начало и диск — женское начало. Во всяком случае, не вызывает сомнений вотивный характер такого орнамента, наносимого на украшения одежды женщин и детей, парадное оружие и бронзовые крюки. Втулка крюка из дольмена № 2 украшена по схеме, применявшейся на позднем этапе. Типологическая близость отлитых по восковой модели крюков из дольменов № 2 и 4 позволяет синхронизировать оба орудия и крюк из дольмена № 4, следовательно также отнести к позднему этапу.

Предложить датировку для изделий позднего этапа позволяют материалы Великентской катакомбы в Дагестане. Здесь найдены бронзовые булавки с отверстием выше середины стержня. Вокруг отверстия заметно характерное утолщение стержня (рис. 2) [26, с. 11, рис. 4, *1—27*]. Булавки этого типа представлены в датированных ближневосточных комплексах: Рас-Шамра (средняя бронза 2, погребение 56); Газа (уровень 4, погребение 1702); Фара (погребение 550); Гезер (погребение 3); Мегиддо (уровень 12, погребение 24); Иерихон (погребение 19). Погребения с такими булавками синхронизируются Кл. Шеффером с периодом средний Угарит 2, а в абсолютных датах — 1900—1750 гг. до н. э. [22, с. 64, 65, 120, 197, 271, рис. 45, *3*, 68, *34*, 119, *2*; 27, с. 60, рис. 23]. Такая датировка может быть принята в качестве нижней границы для изделий с декором позднего этапа, обнаруженных в Великентской катакомбе [5]

Таким образом, изделия позднего этапа, в том числе бронзовые литые крюки из эшерских дольменов, могли изготовить в XIX—XVIII вв. до н. э.

Характер декора позволяет отнести к позднему этапу и бронзовый топор из дольмена № 6. Однотипное орудие, по мнению С. Н. Кореневского, происходит из погребения в Андреевской долине у г. Грозного. Этот комплекс, судя по плоскому теслу характерных пропорций, можно отнести к привольненскому этапу. Другой топор из дольмена № 6, по классификации С. Н. Кореневского,

---

[5] Ошибочно включив в число аналогов булавки типа «toggl pans», М. Г Гаджиев и С. Н. Кореневский получили слишком «растянутую» датировку для материала из великентской катакомбы, противоречащую позднему облику найденных украшений, а также внутреннему производственному единству комплекса, отмеченному самими авторами.

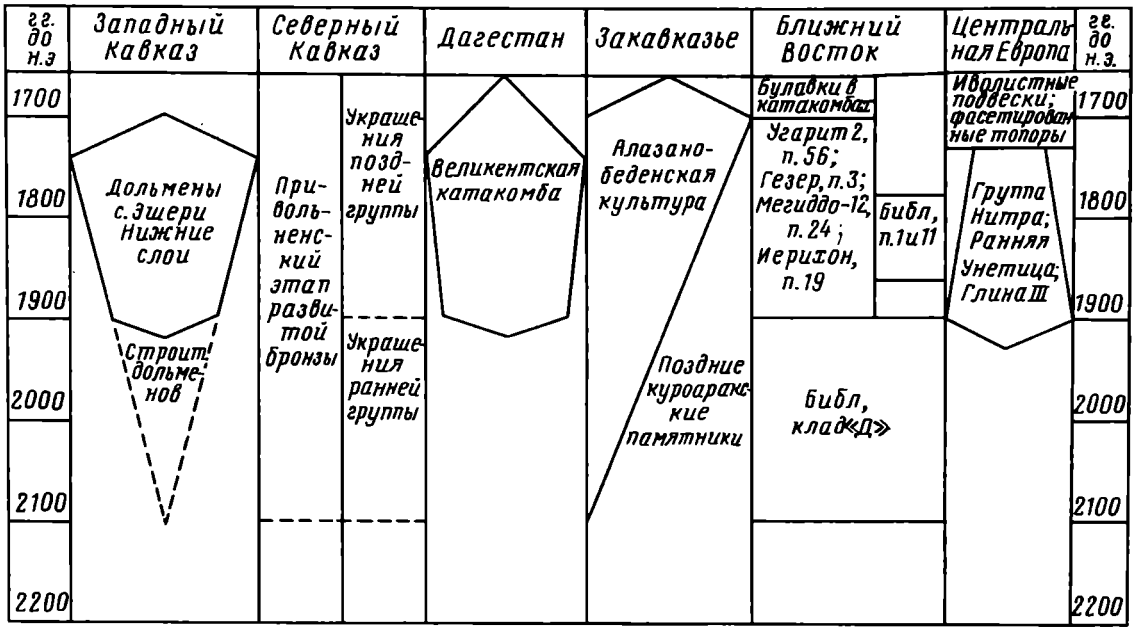


Рис. 3. Синхронистическая таблица

также изготовлен на привольненском этапе (тип «привольное») [16, с. 25, 26, рис. 4, *1, 17*] Производство ножей, представленных в дольменах, тоже можно связать с привольненским этапом развитой бронзы (нож из дольмена № 5 — первый, а нож из дольмена № 6 — второй привольненский тип по схеме С. Н. Братченко) [28, с. 69] В целом материалы из нижних слоев эшерских дольменов можно отнести к привольненскому этапу средней бронзы и датировать XIX—XVIII вв. до н. э. (рис. 3)

Отметим также, что в нижних слоях дольменов не обнаружены не только вещи новосвободненских типов, но и предметы, характерные для костромского этапа средней бронзы. Видимо, строительство дольменов укладывается в рамки привольненского этапа средней бронзы.

Сравнительно развитый (типологически) характер дольменов в с. Эшери позволяет предположить существование на Кавказе более архаичных памятников этого круга. Однако такое предположение пока не подкрепляется археологическими материалами из дольменов. Наиболее ранними памятниками этой культуры являются, по-видимому, комплексы Дегуакского поселения [29, с. 37—67] Проблемы генезиса и эволюции культуры строителей дольменов можно решать именно на материалах стратифицированных бытовых памятников (рис. 3)

Теперь рассмотрим некоторые следствия установленных выше хронологических соотношений. Находка керамики алазано-беденского круга в Великентской катакомбе позволяет уточнить хронологическую позицию алазано-беденской культуры. Верхнюю датировку последней дает материал из великентского склепа XIX—XVIII вв. до н. э. Нижняя граница может быть установлена по характерному восьмигранному бронзовому долоту, найденному в Бедени вместе с плоским теслом привольненских пропорций (рис. 2) [30, табл. I, *9, 10*]. Восьмигранные долота датируются от XXI в. до н. э. по находкам их в составе кладов (Библ., клад «Д»; Брно-Лижен, клад группы Евисовице В) [22, с. 59—61, рис. 61; 31, с. 244] В комплекс кургана 10 в Бедени входит кованая бронзовая бляха, находящая аналогии среди бронзовых нашивных блях из клада «Д» в Библе. Стиль украшений алазано-беденской культуры можно сопоставить со стилем изделий начала II тыс. до н. э., например: Великентская катакомба, курганы 15, 17 Триалетской культуры, Гинчинский склеповый могильник [26, рис. 2; 32, табл. 93, 96, 103; 33, с. 41, рис. 5]. Эти наблюдения подтверждают предложенную датировку алазано-беденской культуры — конец III —

первая четверть II тыс. до н. э. Заходят во II тыс. и финальные памятники куро-аракской культуры. Обращает на себя внимание наличие характерных для куро-аракской керамики черт в керамическом комплексе из великентской катакомбы: сосуды с трехчастным профилем, горшок с «уступом» на плечике, чаши с маленькой ручкой у края венчика, серая лощеная поверхность сосудов, лаконичный рельефный декор. Среди керамики из катакомбы выделяется крупный горшок с орнаментальным фризом на плечиках. Точные аналогии этому сосуду можно подобрать на поселениях позднего этапа куро-аракской культуры в Дагестане [ср. 26, рис. 1, *20;* 34, рис. 19] Совпадают не только форма и характер обработки поверхности, но и композиция, а также техника нанесения орнамента. Композиционный центр образует характерная «эмблема» куро-аракской культуры: двойная спираль, соединенная в основании «лесенкой» с полумесяцем. Не приходится говорить о случайном характере подобных совпадений, поэтому можно синхронизировать поздние поселения куро-аракского круга в Дагестане с комплексами великентских склепов и датировать их началом II тыс. до н. э.

Находка восьмигранного бронзового долота в кургане с. Кулишовка (Койсуг) позволяет уточнить хронологическую позицию ранних материалов строителей дольменов Западного Кавказа. В этом комплексе вместе с восьмигранным долотом и плоским теслом представлен сосуд (так называемая амфора дольменного типа), характерный для комплекса нижнего слоя поселения Старчики [6]

Наконец, упомянем еще один тип орудий, датирующие возможности которого обеспечены центральноевропейскими находками. Речь идет о появлении на Кавказе упомянутых выше вислообушных топоров с фасетированной втулкой. Одно такое орудие входило в состав комплекса из дольмена ст-цы Абадзехской [2, рис. 65], что подтверждает предложенную датировку дольменных материалов. Другой топор с фасетированной втулкой происходит из погребения 15, кургана 1, могильника у с. Дзуарикау [35, с. 25, рис. 4, 6]. Здесь отметим два важных обстоятельства. Во-первых, топор из Дзуарикау принадлежит к орудиям сачхерского круга (тип Начеркезеви, по С. Н. Кореневскому) [16, с. 25, рис. 2, 4] Таким образом (как и в кладе Стубло), фасетированная втулка топора позволяет предложить датировку орудий сачхерского типа. Во-вторых, в состав комплекса погребения из Дзуарикау входит керамический трипод [35, рис. 4, 5] Триподы неизвестны в материалах кавказских культур эпохи раннего металла, а их появление на Кавказе (могильники Бамут, Дзуарикау, Бедени) можно связывать с началом эпохи средней бронзы [36, с. 37, 38]. Триподы присутствуют в алазано-беденской культуре. Следовательно, совместные находки сосудов на ножках и топоров сачхерского круга [35, рис. 4; 36, рис. 3] косвенно подкрепляют предложенную датировку памятников алазано-беденской культуры (рис. 3).

В заключение остановимся на обстоятельстве, наверняка отмеченном внимательным читателем. Приведенные в работе абсолютные даты ни в коем случае не следует считать единственно верными и окончательными. В первую очередь это связано с особенностями датировки «по типологическим параллелям», при которой датируются не одиночные вещи, а типы вещей. Снижает точность абсолютных дат и неравномерная изученность рассматриваемого ареала и отсутствие стратифицированных памятников, дающих надежные колонки. Принятая для средней бронзы Северного Кавказа схема А. А. Иессена с двумя этапами — привольненским и костромским — не обеспечена абсолютными датами. Поэтому перспективы датирования кавказских материалов связаны с выходом на регионы, обеспеченные датировками, опирающимися в конечном итоге на письменную (египетскую) традицию. Такая попытка и была предпринята в данной работе.

---

[6] Выражаю признательность Н. Я. Кияшко за сообщение о комплексе из с. Кулишовка (Койсуг).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кореневский С. Н.* О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. 1983. Вып. 176.
2. *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.
3. *Иващенко М. М.* Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935.
4. *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии меднобронзовой культуры. Тбилиси, 1961.
5. *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976.
6. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
7 *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
8. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения научно-методического совета. М., 1974. Вып. 7.
9. *Воронов Ю. Н.* История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
10. *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Северного Кавказа // Древности Кубани: Материалы семинара. Краснодар, 1987
11. *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г Н.* Работы кубанской экспедиции 1978—1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983.
12. *Чеченов И. М.* Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
13. *Марковин В. И.* Испун — дома карликов. Краснодар, 1985.
14. *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
15. *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3.
16. *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., Наука, 1981.
17 *Ильюков Л. С.* Металлические «вилки» майкопской культуры // СА. 1979. № 4.
18. *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободная // Тр. ГИМ. 1963. Вып. 34.
19. *Vulpe A.* Die Axte und Beile in Rumanien // PBF. 1970. Ab. 9'2.
20. *Пешикан М., Трбухович В.* Ископаваньа тумула раног бронзаног доба у Тиватском польу // Старинар. Београд, 1971. Вып. 22.
21. *Montet P.* Biblos et L'Egipte. P., 1928.
22. *Schaeffer Cl. F A.* Stratigraphie Comparee et Chronologie de L'Asie Occidentale. L., 1948.
23. *Кореневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. Вып. 1.
24. *Кореневский С. Н.* О поясных наборах периода средней бронзы из центрального Предкавказья // КСИА. 1986. Вып. 185.
25. *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970.
26. *Гаджиев М. Г., Кореневский С. Н.* Металл великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
27. *Schaeffer Cl. F A.* Ugaritica II. P., 1949.
28. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
29. *Марковин В. И.* Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977.
30. *Абесадзе Ц. Н.* Химическое изучение металлических предметов из курганов Квемо-Картли // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1975.
31. *Benešová A.* Nález měděných předmětů na Starých Zámcich v Brně Lišni // Pam. Arch. 1956. 47
32. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
33. *Кореневский С. Н.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
34. *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1960. № 100.
35. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
36. *Мунчаев Р. М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

M. B. RYSIN

DATING OF THE COMPLEXES FROM ESHERI

Summary

According to the commonly accepted view the Esheri complexes were close to those from Novosvobodnaya: they were either considered to be synchronous or seen as a continuation of the Novosvobodnaya tradition. A. Rezepkin alone believed that kurgan burials and dolmens were two different things rooted in two different branches of the West European megalithic tradition. A comparative-typological analysis of kurgan burials and dolmens shows that the latter were more developed where the typology of their constructions and the main types of burial goods were concerned (Fig. 1). Evidently, this also disproves an opinion about the synchronous nature of the sites. An absence of mixed complexes suggests a certain chronological gap between the two types. An absolute dating of the dolmen materials leans on the dating supported by the tradition of written sources (the Egyptian tradition). The typologically ramified grave goods and the constructions themselves relate the Esheri complexes to the heyday of the dolmen culture in the Western Caucasus. Typological parallels and ornamental analysis of bronze hooks from dolmens suggest the 19th century B. C. as the date for the complexes from the lower layers (Fig. 3).

В. А. КОРЕНЯКО

О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА (погребения дандыбай-бегазинского типа)

Со времени открытия погребальных комплексов в местности Дандыбай прошло более полувека [1]. В результате раскопок в Центральном Казахстане накоплен значительной фактический материал, относящийся к эпохе поздней бронзы. Материал этот поражает нас не столько количеством, сколько разнообразием и яркостью, своей исключительностью среди археологических памятников бронзового века в аридно-степной полосе Евразии.

Основная часть археологических материалов дандыбай-бегазинского круга (во всяком случае практически все исследованные погребальные комплексы) опубликована (наиболее полно А. Х. Маргуланом [2]), что делает эти факты доступными для теоретического анализа и источниковедческой критики. Очевидно, пока не имеется полной и устраивающей всех специалистов интерпретации памятников дандыбай-бегазинского типа. Все еще недостаточно освещены такие вопросы, как происхождение, хронология, отношение к памятникам иных типов, бытовавших на территории Центрального Казахстана в бронзовом веке, отношение к культуре сакского времени.

Данная статья представляет собой попытку рассмотреть дандыбай-бегазинские погребальные комплексы в одном аспекте — социологическом — и показать неизбежные логические следствия из такого анализа.

Погребения дандыбай-бегазинского типа довольно разнообразны по конструкции могильных сооружений и по другим особенностям похоронной обрядности. Если взять погребальные сооружения собственно дандыбай-бегазинского времени (в виде той сводки, которая опубликована А. Х. Маргуланом), то по особенностям архитектурной конструкции можно выделить несколько типов погребальных сооружений. Необходимо особо подчеркнуть сугубо условный характер такой типологии. Во-первых, материал нуждается в тщательной источниковедческой критике, поскольку остались неясными основания для датировки некоторых комплексов именно этим временем. Во-вторых, неясен методический уровень полевых исследований и последующих архитектурных реконструкций [2, с. 69—153].

I тип. К нему можно отнести сооружение (по А. Х. Маргулану — скальный мавзолей) 7 Сангру I [2, с. 123—131]. Он состоит из: а) каменного ящика из четырех вертикально врытых плит, размеры его 2,4×2,4 м при высоте 1 м ; б) ограды 5×6 м из вертикальных плит, укрепленной вертикальными контрфорсами, с плиточным каменным перекрытием; в) ограды 8,4×8,4 м, внутренняя и внешняя стены которой сложены из горизонтальных плит в четыре-пять рядов, пространство между ними забутовано камнями и глиной; толщина ограды 1,5—2,0 м при высоте не менее 0,6—0,7 м; г) ограды 10×10 м, сложенной из горизонтальных плит и укрепленной извне вертикальными плитами. Сооружение 7 комплекса Сангру I уникально тем, что каменный ящик здесь вписан в три концентрических квадратных ограды.

© В. А. Кореняко, 1990 г.

II тип. Мавзолеи могильника Бегазы и прежде всего большие мавзолеи 1 и 2 [2, с. 70—86; 3, с. 126—136; 4, с. 153—155]. А. Х. Маргулан реконструирует большой бегазинский мавзолей 1 как состоящий из следующих элементов: а) циклопическое квадратное сооружение (размеры по внешнему периметру 9,6×9,6 м), внутренние и внешние (облицовочные) стены которого сложены горизонтальной кладкой из камней на глиняном растворе, пространство между стенами заполнено камнями и жидкой глиной, общая высота кладки около 2,3 м при толщине 2,0 м; б) 42 большие гранитные плиты, врытые вдоль внешних стен вплотную к ним и увеличивающие общую высоту сооружения до 3,5 м; в) внутреннее помещение 6,0×6,0 м; г) опорные каменные столбы (сохранилось пять) в полу внутреннего помещения; д) перекрытие над внутренним помещением из больших каменных плит на опорных столбах; е) большие каменные плиты, врытые вдоль внутренней стены; ж) «галерея» (или полка для инвентаря) имевшая плиточное перекрытие, полом ее служил верх стен (шириной 2 м), стенами — вертикальные обводные плиты; з) коридор 9×4 м, примыкавший к восточной стене квадратного основного сооружения, стены коридора выполнены горизонтальной кладкой высотой до 1 м и толщиной до 0,80 м, пол коридора утрамбован и вымощен обломками камня; и) «алтарь» в виде земляного стола или подиума размерами 3,5×1,5×0,4 м, выделенного тремя «менгирами», одновременно выполнявшими функцию опорных столбов для перекрытия над внутренним помещением.

Мавзолей 2 отличается от сооружения 1 некоторыми конструктивными особенностями, но их архитектура и размеры в целом почти идентичны [2, с. 81—84].

Необходимо отметить, что в описываемом виде большие бегазинские мавзолеи предстают только в недавно опубликованной реконструкции А. Х. Маргулана, предыдущие публикации не содержали столь подробных данных по конструкции сооружений. Бегазинские мавзолеи, и прежде всего циклопические сооружения 1 и 2, можно выделить в особый тип еще и потому, что только в Бегазы встречена такая существенная архитектурная особенность, как коридор-тамбур, перпендикулярно примыкающий к восточной стене основной постройки.

Малые сооружения Бегазы (3—6) [2, с. 86—100] значительно меньше по размерам и проще по конструкции, чем мавзолеи 1 и 2. Различаясь между собой в деталях (плиточная перегородка, делящая пополам внутреннее помещение мавзолея 5), они состоят из следующих элементов: а) основное квадратное в плане сооружения (размеры по внешнему периметру 6×6 или 4×4 м), внутренние и наружные стены которого состоят из больших вертикальных плит, пространство между ними заполнено обломками камня; б) вертикальные подпорные плиты, врытые вплотную вдоль внутренних и внешних стен, в) внутреннее помещение, размеры которого варьируют в пределах 4×4 — 3,2×3,2 м; г) примыкающий к восточной стене коридор-тамбур, сооруженный из вертикально врытых плит, размеры его варьируют в пределах 3,8×1,7 — 1,8×0,75 м.

Бегазинские мавзолеи 3—6 могут быть в принципе выделены в особый тип. Однако типология погребальных сооружений дандыбай-бегазинских памятников и без того достаточно разнообразна и дробна. Архитектура больших и малых бегазинских мавзолеев объединяется в одно целое по многим признакам [2, с. 101], и различия между ними воспринимаются скорее как количественные. Малые мавзолеи Бегазы воспринимаются как уменьшенные и упрощенные повторения больших сооружений, поэтому будет более обоснованным выделить их не в особый тип, а в вариант II типа.

III тип. Сюда включено сооружение 11 в могильнике Дандыбай [4, с. 131—134]. Структура сооружения складывается из: а) опущенного в котлован квадратного в плане сооружения размерами 5,2×5,2 м (внутри 4×4 м), стены которого имели высоту около 0,70 м, толщину до 0,60 м и были сложены из бутового камня; б) бревенчатого перекрытия над этим сооружением, поверх которого затем был насыпан земляной холм; в) квадратной в плане ограды размерами

8×9 м, стены которой (толщиной и высотой 0,40—0,50 м) также сложены из бутового камня.

IV тип. Это сооружения, конструктивную основу которых составляют концентрически вписанные друг в друга квадраты: стены внешнего возведены в технике горизонтальной кладки, а внутреннего состоят из вертикально врытых плит. В размерах и деталях сооружения IV типа довольно разнообразны.

Выделяется усыпальница — курган Бугулы III [2, с. 101—111] Она состоит из: а) большого (4,1×4,1 м) каменного ящика из вертикальных плит, укрепленного каменными столбами и перекрытого каменными плитами; б) внешней ограды, квадратной в плане, размерами по внешнему периметру 15×15 м, внешние и внутренние стены которой сложены горизонтальной кладкой в девять рядов (толщина стены 1,5 м, высота от дна котлована 2,1 м) и укреплены (или облицованы) с наружной стороны вертикальными плитами; в) коридора между северо-восточным углом внутреннего сооружения и северной стеной ограды; г) каменной выкладки 5×5 м у юго-восточной стены коридора («алтарь»); д) трех небольших каменных ящиков (для детских захоронений), примыкавших к наружным стенам ограды; е) все сооружение перекрывалось земляной насыпью диаметром 28 м и высотой около 4 м. А. Х. Маргулан связывает с курганом и группу из 22 «культовых» ям к северу от него.

Близок к Бугулы III курган-ограда могильника Айбас-Дарасы [2, с. 136—147]: а) каменный ящик 2,8×2,6 м; б) ступенчатое перекрытие из плит над ящиком; в) квадратная ограда 12×12 м, выложенная горизонтальной кладкой высотой до 1,2 м; г) между каменным ящиком и стенами ограды прослежены остатки возведенных горизонтальной кладкой радиально расходящихся стен, делящих все пространство между ящиком и оградой на отсеки, которые, видимо, были перекрыты каменными плитами; д) каменные конструкции перекрыты земляной насыпью диаметром 20 м и высотой 1,4 м. Если не считать такой уникальной особенности, как стены, подобно лучам расходящиеся от центра к ограде, то курган-ограда Айбас-Дарасы наиболее близок именно к Бугулы III. Отметим, что и коридор сооружения Бугулы III имел необычное диагональное направление, а в Айбас-Дарасы к внешней стене ограды примыкало небольшое (1,2×0,7 м) сооружение с остатками детского скелета.

Мавзолей 1 могильника Сангру I [2, с. 112—117], судя по опубликованному разрезу, также, возможно, представлял собой курган-ограду. Включить его в IV тип позволяет наличие таких элементов, как: а) каменный ящик 4,4×4.36 м; б) перекрытие из плит над ящиком; в) ограда, возведенная в технике горизонтальной кладки, толщиной около 2 м, высотой 1 м.

Подобно тому, как малые мавзолеи Бегазы повторяют в уменьшенных размерах большие, так и ограда 2 могильника Айбас-Дарасы [2, с. 136] является уменьшенной и упрощенной копией описанных выше сооружений, что позволяет условно включить ее в IV тип.

V тип. Представлен одним оригинальным сооружением — оградой 8 комплекса Сангру I [2, с. 131—133]. По основной конструкции она как бы противоположна сооружениям IV типа: а) центральное сооружение — «циста» — погруженная в землю камера, стенки которой сложены из горизонтальных обломков бутового камня в два яруса: размеры ее вверху 3×2,5 м, внизу — 2×2 м; б) ограда из вертикальных плит с опорными гранитными столбами 5×5 м; в) внешняя ограда такого же вида, размерами 8×8 м.

VI тип. Объединяет сооружения из двух концентрических квадратных оград, возведенных из вертикально врытых каменных плит. При этом внутренняя ограда является собственно каменным ящиком — погребальной камерой. Сооружения VI типа полно представлены в могильнике Сангру I (ограды 2, 3, 6, 9—11) [2, с. 117—123, 133—135] Размеры внутренних оград (каменных ящиков) Сангру I варьируют в пределах 2,3×1,5 — 1,2×1,2 м, размеры внешних оград в пределах 5×5 — 3×3 м.

VII тип. Это наиболее простые по конструкции сооружения — одинарные

квадратные ограды из вертикальных плит. Примером сооружений VII типа являются ограды 1 и 3 комплекса Айбас-Дарасы (размеры 6×4,7 и 4×3,08 м) Ограду 3 А. Х. Маргулан считает жертвенником [2, с. 136]

Неясны сведения об оградах 4 и 5 комплекса Сангру I, предназначенных для детских погребений, с каменными ящиками небольших размеров (0,90×0,58 и 0,75×0,55 м). А. Х. Маргулан пишет об общей внешней ограде обоих сооружений, но не приводит плана конструкции для погребений 4 и 5 [2, с. 122, 123] По аналогии с андроновской эпохой мы можем предположить существование в дандыбай-бегазинское время общих оград для нескольких небольших каменных ящиков (тип VIII).

Оригинальна конструкция ограды 12 в могильнике Сангру I (вокруг каменного ящика вымостка с вертикальными плитами на углах), однако датировка ее не совсем ясна [2, с. 135, 137, рис. 103]

Таким образом, если брать за основу сводку А. Х. Маргулана, можно условно выделить семь или восемь типов погребальных сооружений.

Памятники дандыбай-бегазинского типа как культурный комплекс выделяются в целом на основании двух групп материала. Во-первых, по погребальным сооружениям I—V типов, не имеющим полных аналогий в андроновских памятниках Казахстана. Во-вторых, по керамике, обнаруживаемой преимущественно в погребениях, резко отличающейся от андроновской глиняной посуды и безусловно сближающейся с керамикой карасукской культуры и мавзолеев Тагискена. Классификация керамики из памятников дандыбай-бегазинского типа является особой темой и не входит в задачу данной работы. Судя по опубликованным данным, для погребальных сооружений VI—VIII типов керамика, аналогичная карасукской и тагискенской (т. е. собственно дандыбай-бегазинская керамика), в целом не характерна. Большинство глиняных сосудов из сооружений VI—VIII типов можно уверенно сопоставлять главным образом с материалом андроновской культуры (атасуского этапа по принятой для Центрального Казахстана периодизации) или с керамикой культурных комплексов финальной бронзы (валиковая керамика). Таковы, например, сосуды из оград 2, 3, 9 и 10 могильника Сангру I. Напротив, в погребальных сооружениях I—V типов решительно преобладает керамика карасукско-тагискенского облика. Это относится и ко всем мавзолеям Бегазы, и к сооружениям 1,7 и 8 могильника Сангру I, и к кургану-ограде Айбас-Дарасы, и к памятникам Дандыбая и Бугулы III.

В 1980-е годы появились две значительные публикации материалов, связанных с дандыбай-бегазинским феноменом. В. В. Варфоломеев опубликовал результаты раскопок могильника Карагаш, на котором исследовано 10 могил — каменных ящиков в оградах и без оград (сооружения VI—VIII типов). Найденную в них керамику В. В. Варфоломеев считает дандыбай-бегазинской, хотя с полным основанием такое определение можно дать лишь меньшей части сосудов. К сожалению, керамика могильника Карагаш опубликована суммарно, а не по комплексам [5, с. 57—68].

Более информативна публикация А. С. Ермолаевой 14 погребений Измайловского могильника на левом берегу Иртыша [6, с. 64—94] Могильник находится за пределами основного ареала дандыбай-бегазинских памятников и имеет специфические черты ритуала. В нем, в частности, не обнаружено сооружений I—V типов. Однако четко выделяются по размерам и сложности конструкций курганы-ограды 8 и 24 и ограда 25, в инвентаре которых преобладает керамика бегазинско-карасукского круга. Ограда 25 выделяется количеством инвентаря, среди которого есть и золотые вещи. Эти 3 погребальных сооружения по формальным признакам не могут занять четко определенного места в предложенной выше классификации и могут быть отнесены к промежуточному варианту между V и VI типами. Все остальные сооружения соответствуют VI—VIII (в большинстве своем VII—VIII) типам. В их инвентаре бегазинско-карасукская керамика отсутствует или представлена незначительно — преобладает посуда саргаринско-алексеевского облика. Большой интерес представляют на-

ходки в Измайловском могильнике сосудов, сопоставимых с керамикой ранних кочевников и раннекочевнической узды, но это предмет особого разговора. В итоге можно сказать, что новые материалы подтверждают изложенные выше наблюдения или, во всяком случае, им не противоречат.

Возвращаясь к опубликованным А. Х. Маргуланом центрально-казахстанским материалам, необходимо отметить, что основания для отнесения памятников VI—VIII типов к «дандыбай-бегазинской культуре» не вполне достаточны. Во всяком случае, это трудно сделать, опираясь на анализ инвентаря. И керамика, и немногочисленные металлические предметы дают дату более широкую, чем любая возможная датировка дандыбай-бегазинских комплексов. Вероятно, тут сыграли роль некоторые параллели в конструкции погребальных сооружений и тот факт, что памятники VI—VIII типов находились в одних могильниках с сооружениями I, IV и V типов. К этому вопросу стоит вернуться. Пока же отметим, что в сводке А. Х. Маргулана к собственно «дандыбай-бегазинской культуре» отнесено 23 памятника (не считая хронологически неопределенной ограды 12 в Сангру I), из них 10 памятников VI—VIII типов.

Резко выделяются по характеру инвентаря и по обряду захоронения 13 памятников I—V типов. О монументальности и циклопическом облике их сооружений написано много. Их большие размеры и сложность конструкций настолько очевидны и бесспорны, что в публикациях практически отсутствуют точные данные, позволяющие судить о том, насколько именно сооружения I—V типов были более трудоемкими, чем конструкции VI—VIII типов и близкие к ним массовые погребальные конструкции андроновской культуры. Отсутствие таких данных связано как с плохой сохранностью памятников, так и с невысоким в целом методическим уровнем раскопок и архитектурных реконструкций.

Можно лишь очень косвенно, условно, с оговорками попытаться сравнить размеры трудовых затрат на сооружение памятников того и другого рода. Возьмем, например, такую величину, как объем камня, использованного на строительство дандыбай-бегазинских мавзолеев. В мавзолее 7 могильника Сангру I каменный ящик имеет размеры 2,4×2,4 м при высоте плит около 1 м и толщине до 0,20 м. Внутренняя ограда из вертикальных плит имеет размеры 5×5 м. Средняя (8,4 и 8,4 м) и внешняя (10×10 м) ограды сложены из горизонтальных плит и имеют толщину не менее 1,5 м и высоту не менее 0,6 м [2, с. 124, 125]. Не считая объемы контрфорсов и перекрытий над центральной частью мавзолея и коридорами, общий объем камня можно определить примерно в 72 м ^{3}, во всяком случае не менее чем в 70 м ^{3} Если условно предположить, что типичным погребальным сооружением для андроновской культуры был каменный ящик размерами 2,0×1,5 м с высотой стен около 1 м и толщиной около 0,20 м, то соответствующий объем камня равен 0,14 м ^{3} Таким образом, полученные величины относятся друг к другу как 500:1. Пользуясь подобными весьма приблизительными расчетами, можно вычислить, что объем камня сооружения 7 Сангру I больше объема камня в ограде 1 Айбас-Дарасы (VII тип) в 350 раз, а в ограде 2 Сангру I (VI тип) — в 24 раза. Условный объем камня в ограде 1 Айбас-Дарасы — 0,2 м ^{3}, в ограде 2 Сангру I — 2,9 м ^{3} В сооружении 11 Дандыбая он будет равен примерно 17 м ^{3}, что в 85 раз больше, чем в ограде 1 Айбас-Дарасы.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что объем камня, вычисленный по публикациям,— чрезвычайно условная величина. К тому же эта величина далеко неполная. За пределами вычислений остаются затраты труда на ломку и транспортировку камня, строительные работы, приготовление и строительное применение иных материалов (деревянные части конструкции, глиняный раствор для горизонтальной кладки) и т. д. При всей условности таких подсчетов главный вывод очевиден: сооружения I—V типов требовали трудовых затрат в десятки и сотни раз больших, чем сооружения массовые, типичные и более многочисленные.

Общепризнано, что размеры трудовых затрат на сооружение могил — один из существеннейших показателей социально-экономического расслоения перво-

бытного общества. По мнению В. М. Массона [7, с. 169], трудовые затраты на сооружение «царских» погребений должны были в 50—100 раз превышать количество труда, затраченного на устройство могил рядовых членов общества. Как видно из приведенных расчетов, трудовые затраты на сооружение многих из дандыбай-бегазинских памятников приближаются к этому соотношению или даже превосходят его.

Есть еще один признак, который связывается с процессом общественно-экономической дифференциации и по которому также существенно отличаются дандыбай-бегазинские комплексы I—V типов от рядовых захоронений степной бронзы: количество и качество инвентаря. К сожалению, почти все погребения ограблены и разрушены. Из-за этого невозможно сделать подсчеты по всем исследованным комплексам, однако очевидно наличие захоронений с количеством вещей значительно (в несколько раз и даже в десятки раз) большим, чем стандартный инвентарь рядовых могил. Таков прежде всего курган-ограда в могильнике Айбас-Дарасы, где было найдено более 40 керамических сосудов и золотой браслет [2, с. 140—147]. В сооружении 11 комплекса Дандыбай имелось 12 сосудов [4, с. 136—144], в погребении 1 могильника Сангру I — не менее 14 сосудов [2, с. 128—131]. Исследователи, анализировавшие дандыбай-бегазинскую керамику, рассматривали ее главным образом в этнокультурном аспекте, сопоставляя с посудой андроновской, карасукской и других культур, с керамикой тагискенских мавзолеев и т. п. Интерес представляет и другой аспект — качество тех дандыбай-бегазинских сосудов, которые тяготеют к карасукско-тагискенскому кругу. Это, по сути дела, произведения керамического искусства, выделяющиеся тонкостенностью, хорошим качеством теста, тщательной обработкой поверхности, сложным и тонким орнаментом, прекрасным обжигом. Нередко черное лощение поверхности, встречается красное лощение и даже полихромное декорирование. Все эти признаки можно рассматривать не только в смысле сближения дандыбай-бегазинской керамики с иными культурами. Общее высокое качество глиняных сосудов, помещенных, как указывалось выше, главным образом в сооружения I—V типов, не случайно. Вполне возможно, что это также отражение социально-экономического расслоения. Можно предположить, что эти типы керамики предназначались прежде всего для помещения в усыпальницы высшего слоя дандыбай-бегазинского общества; при этом они могли или изготавливаться на центральноказахстанских поселениях, или импортироваться с низовьев Сырдарьи (район Тагискена). Не касаясь больше этого вопроса, стоит отметить, что данные типы дандыбай-бегазинской керамики тяготеют все-таки больше к тагискенской, нежели к карасукской посуде. В пользу этого говорят и орнаментальные мотивы, и такой признак, как красное лощение [8, с. 294]

Таким образом, имеются по меньшей мере два ярких признака, прямо свидетельствующие о том, что появление в Центральном Казахстане погребальных комплексов типа Дандыбай-Бегазы — следствие социально-экономической дифференциации первобытного общества.

Вывод о том, что погребения дандыбай-бегазинского типа — могилы представителей родо-племенной верхушки, далеко не нов. Об этом писали М. П. Грязнов [4], А. Х. Маргулан [2; 9, с. 163, 164], М. К. Кадырбаев [10, с. 32—34]

Если учесть, что выделенные выше погребальные сооружения VI—VIII типов резко отличаются по конструкции и инвентарю от памятников I—V типов и, наоборот, практически во всем сходны с обычными степными захоронениями андроновского круга, то получается, что погребальные памятники «дандыбай-бегазинской культуры» представлены только усыпальницами высшего слоя общества.

Итак, признавая принадлежность дандыбай-бегазинских мавзолеев социальной верхушке, мы приходим к неизбежности синхронизировать их с более многочисленными, менее сложными, монументальными и богатыми погребаль-

ными комплексами. Согласно господствующим хронологическим и периодизационным концепциям, таких памятников пока не обнаружено. Традиционные, стереотипные приемы хронологических построений в археологии очень устойчивы, причем эта устойчивость нимало не ослабляется неадекватностью таких классификационно-хронологических схем, согласно которым в течение одного периода существуют главным образом погребения представителей социальной верхушки, а в течение последующей эпохи — исключительно рядовые захоронения (пример такой классификации — концепция «горизонтов» срубной культуры, выдвинутая Н. К. Качаловой и ныне принятая большинством специалистов [11—13]).

Если бы в социологии, этнографии или истории первобытного общества была предложена модель социальной структуры, состоящая из одного элемента — привилегированного, имущего общественного слоя, то такую модель единодушно оценили бы как абсурдную, противоречащую историческим фактам. Иначе обстоит дело в археологии. Здесь время от времени публикуются и становятся популярными такие периодизации археологических фактов (археологических культур), согласно которым в течение одного периода культуры существуют только относительно немногочисленные погребения с многочисленным ценным инвентарем, с повышенными трудовыми затратами на возведение похоронных сооружений, а другим периодом датируются исключительно или почти исключительно многочисленные бедные и нетрудоемкие по конструкции погребения. Схемы эти никак не объясняют и не могут объяснить серьезнейшие логические выводы из такой «раскладки» фактического материала: внезапный быстрый рост населения, существование в одну историческую эпоху только богатых и трудоемких по своей конструкции могил, а в другую — только скромных и бедных захоронений. Если для первого периода оговаривается принадлежность могил представителям родо-племенной верхушки, то все равно мы не найдем ответов на вопросы: почему затем эти могилы исчезают? Почему прекращается социально-экономическая дифференциация? Чем объяснить столь стремительный отказ общества от выделения элиты и поголовный переход к эгалитаризму (во всяком случае, в погребальной обрядности)? Удивительно, что эти вопросы не только не получают ответа, но даже долгое время не задавались. Лишь недавно, например, А. Д. Пряхин позволил себе заметить по поводу очередной статьи Н. К. Качаловой: «В общем мало анализируется проблема развития общественных отношений у населения срубной культурно-исторической общности. Не обошлось и без ошибочных, по сути дела, высказываний... Надо учитывать, что речь идет о заключительном этапе первобытной формации, и тем самым острие оценки должно быть смещено на выявление социальной стратификации общества, на выявление тех структур общественной организации, которые отражают тенденции развития на будущее» [14, с. 258].

Симптоматично, что при изучении тех археологических культур, где существует твердая основа для дробной периодизации и узких датировок, такие интерпретации не предлагаются. Они возникают там, где хронология памятников недостаточно разработана (чаще всего в силу объективных трудностей, как в культурах степной бронзы) и где исследователь, движимый благим стремлением к историзму, к воссозданию культурно-исторической динамики, распределяет материал по хронологическим «полочкам», подчас забывая об иных путях интерпретации фактов.

Если присмотреться к археологическим классификациям и хронологическим разработкам, предложенным для памятников бронзового века аридно-степной зоны за последние два десятилетия, то можно заметить, что методической основой этих работ было во многих случаях упрощенное понимание принципа историзма в археологии. Согласно этому пониманию (никогда, впрочем, не высказываемому в развернутом виде), системный подход к культурно-историческим явлениям подменяется чисто диахронным их анализом, ограничивающимся часто периодизацией археологических памятников. При таком подходе не удивитель-

но, что принцип историзма считается наиболее полно воплощенным теми авторами, которые выделили наибольшее количество «периодов», «этапов» и «горизонтов» и наиболее «четко» распределили по ним археологические факты.

Другой причиной неадекватности господствующих хронологических и периодизационных разработок является стремление к удревнению памятников, к максимальному углублению нижней хронологической границы изучаемой специалистом археологической культуры — т. е. та распространенная в исторических дисциплинах установка, которую еще Марк Блок называл «идолом истоков», «манией происхождения» или «эмбриогеническим наваждением» [15, с. 19—23].

В результате действия этих двух установок многие разработки в области хронологии бронзового века имеют следующие недостатки. Занижена начальная дата археологической культуры, чему способствует отсутствие во многих случаях надежных реперов для абсолютной хронологии и утвердившийся метод датировки вещевых комплексов по дате наиболее древнего предмета или по некой «средней» дате, а не по младшей вещи (как это делается в нумизматике). Образуется хронологический разрыв между рядовыми погребениями с практически недатируемым инвентарем и более богатыми инвентарем комплексами. В результате культура растягивается во времени, и становится необходимо подвергнуть ее «периодизации». Выделяется достаточное, по мнению исследователя, количество этапов или горизонтов, по которым с предельной «четкостью» «раскладываются» элементы погребальной обрядности и типы вещей. В итоге этих процедур археологическая культура по диахронии достаточно разнообразна, но каждый ее синхронический срез обеднен (игнорируется сосуществование в одном обществе различных похоронных ритуалов, типов вещей и т. п.). Не объясняются быстрые и резкие изменения, которые невозможны в традиционных культурах. И, наконец, самое главное, становится невозможной интерпретация социокультурной динамики из внутренних закономерностей развития, которые в традиционных культурах имеют, как правило, вероятностный, а не ступенчато-линейный характер.

Если рассматривать динамику социально-культурных объектов в плане саморазвития, то, как правило, становление нового качества в них сопровождается усложнением элементного состава и структуры объекта. В составе системы наряду со старыми (традиционными) элементами появляются новые, а также элементы, являющиеся морфологически и функционально промежуточными между старыми и новыми. Соответственно изменяется и структура, т. е. взаимосвязи между элементами внутри системы. Эта общесоциологическая закономерность наблюдается и в изменяющихся системах погребальных обрядов. Многочисленные исторические и этнографические факты, привести которые здесь возможности нет, свидетельствуют о том, что в обществах, находящихся на стадии разложения родовых отношений, система погребальной обрядности приобретает большое разнообразие [7, с. 149—176; 16, с. 54—57] Поскольку в конкретно-историческом плане существование в таких обществах лишь элиты, без массы рядовых общинников,— нонсенс, постольку и в археологических остатках этих социальных организмов должны содержаться не только погребения с повышенной материало- и трудоемкостью конструкций и относительно многочисленным и богатым инвентарем, но и более многочисленные могилы с более простыми конструкциями, с бедным инвентарем или вовсе без сопровождающих вещей.

Итак, неизбежный логический вывод из этих рассуждений — синхронизация собственно дандыбай-бегазинских усыпальниц (I—V типы) с иными, противоположными им по предполагаемому социально-экономическому рангу, погребениями бронзового века. Термин «дандыбай-бегазинская культура», по-видимому, правомочен. Однако за ним должно стоять большее, чем сейчас, содержание, значительно больший и разнообразный массив погребальных комплексов.

Такая разнообразная структура погребальной обрядности, имеющая, видимо, социальную природу, не была новостью для дандыбай-бегазинского времени,

но возникла, судя по имеющимся материалам, еще в андроновскую эпоху. Проанализируем те памятники андроновского круга в Центральном Казахстане, в которых имеются элементы погребального обряда, сближающие их с дандыбай-бегазинскими могилами.

В могильнике Айшрак Б среди массы безнасыпных оградок выделяются курганы-ограды. Курган-ограда 7 [2, с. 27, 28; 9, с. 96] состоял из двух концентрических кольцевых выкладок и насыпи диаметром 11 м, высотой 0,65 м. Под насыпью находились два каменных ящика, расположенных один над другим. В верхнем ящике были обнаружены кости животных и скопление золы. На дне нижнего ящика лежал вытянутый на спине скелет человека. Инвентарь небогат: немного бронзовых украшений и обломки керамики. Курган-ограда 12 [9, с. 98] имел насыпь высотой 0,5 м и диаметром 11 м. Внешняя кольцевая ограда состояла из вертикально врытых плит; внутренняя представляла собой кольцевую наброску из обломков камней. В центре сооружения находились два каменных ящика, примыкающих друг к другу. В северном ящике полностью сохранился скелет человека на спине с очень слабо согнутыми ногами. Размеры ящиков 1,77×1,20 и 1,77×1,15 м. С наружной стороны внешнего кольца-ограды был пристроен небольшой каменный ящик (1,16×0,35 м), содержавший сильно скорченный скелет подростка.

В могильнике Жамбай-Карасу внутри ограды 3 в единственном и центральном каменном ящике (размеры 2,0×0,70 м), перекрытом каменными плитами, находился очень слабо скорченный скелет, сопровождавшийся тремя глиняными сосудами и богатым набором украшений [9, с. 143]

Уникальной является усыпальница-курган 3 в могильнике Аксу-Аюлы II. Под насыпью диаметром 30 м и высотой 1,8 м располагались три кольцевые концентрические каменные ограды, внутри которых в яме 2,5×1,45 м и глубиной 1,6 м был сооружен большой каменный ящик (2,30×1,34 м). В нем лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, в сопровождении типичного андроновского сосуда [9, с. 167—170, рис. 80, 81]. Анализируя курган 3 Аксу-Аюлы II, А. Х. Маргулан писал, что вытянутое положение скелета «встречалось еще в Дандыбае 11, в Сангру I, 12, Айшраке 7 и Бегазы, в плиточной ограде 5. В последней зафиксировано вытянутое положение остатков ног, пальцы ступней которых были обращены на восток. В группе Айшрак обнаружен костяк, лежавший вытянуто на спине. В Сангру I скелет был вытянут с СЗ на ЮВ. Признаков скорченности проследить не удалось. Вместе с тем в ограде 3 этого же комплекса найден целый скорченный костяк, что характерно для андроновского времени. Смешение погребальных обрядов в одной и той же группе говорит о переломе, происшедшем при переходе от позднего андрона к бегазинскому этапу, когда древний патриархально-родовой обычай постепенно стал отмирать» [9, с. 176].

Таким образом, бесспорно установлено вытянутое положение скелетов погребенных в курганах-оградах 7 и 12 могильника Айшрак Б, в кургане 3 Аксу-Аюлы и в ограде 3 могильника Жамбай-Карасу. Что касается погребения 12 в Сангру I, то, как говорилось выше, дата его по существу неопределенна. Это погребальные комплексы, явно предшествующие дандыбай-бегазинским: инвентарь их типично андроновский.

Вытянуто лежал скелет и в ограде 7 могильника Былкылдак I [17, с. 178—180] Это единственная в могильнике двойная концентрическая ограда, окружающая каменный ящик 2,4×1,0 м. Инвентарь беден: невыразительные фрагменты сосуда, две каменных «ступки» и окрашенная баранья лопатка. Севернее скелета человека лежал костяк барана. Набор вещей беднее, чем в большинстве других оград могильника, даже ограбленных. Видимо, это вызвало колебания при датировке ограды 7 Так, в работе А. Х. Маргулана 1960 г. она отнесена к доандроновскому времени [18, с. 6, 7], в работе 1966 г.— к атасускому этапу андроновской культуры [9, с. 104—112], в статье 1970 г.— по-видимому, ко времени перехода от андроновской эпохи к дандыбай-бегазинской [17, с. 180]

и в последней его книге — к эпохе перехода от Дандыбая и Бегазы к ранним кочевникам [2, с. 153—156]

Что касается памятников собственно дандыбай-бегазинского типа, то анализ такой существеннейшей детали погребального обряда, как положение человеческого скелета, почти невозможен, поскольку большая часть захоронений ограблена и разрушена. Как вытекало из приведенной выше цитаты, А. Х. Маргулан констатировал вытянутое положение умерших в сооружении 11 Дандыбая и в сооружении 5 Бегазы. В публикациях Дандыбая отсутствуют определенные сведения о положении костяков [2, с. 148; 4, с. 132—134] То же можно сказать и о мавзолее 5 Бегазы [2, с. 92—97]

Из всех дандыбай-бегазинских сооружений I—V типов положение скелета установлено более или менее достоверно только в сооружении 6 могильника Бегазы: на боку, скорченно, черепом на запад [2, с. 99, 100] В больших мавзолеях Бегазы (1 и 2) А. Х. Маргулан предполагает одновременное осуществление кремации и ингумации [2, с. 78, 86] В остальных памятниках I—V типов следы кремации трупа вроде бы не фиксировались, но как именно лежали останки умерших, сказать невозможно.

Можно лишь предполагать, что наметившаяся в предыдущую эпоху тенденция к смене скорченного положения умершего вытянутым могла получить развитие и в собственно дандыбай-бегазинских памятниках. Анализ исторических и этнографических данных показывает, что в условиях разложения родовых отношений и выделения и обособления социальной верхушки возникают не только новые формы погребальных сооружений (резко выделяющихся своими размерами и сложностью), но могут возникать и распространяться новые ритуалы обращения с останками умерших. На явление биритуализма в погребальных памятниках андроновской общности недавно обратили специальное внимание, но конкретного объяснения предложено не было [19, с. 43—47].

Эти новые ритуальные способы обращения с трупом могут резко отличаться от традиционных и массовых: ингумация может заменяться кремацией (и наоборот), в противовес обычаю придавать трупу скорченное положение возникает обряд его свободного, недеформированного, вытянутого положения в могиле [16; 20].

Представляют интерес ситуации такого рода на близлежащих территориях, реконструируемые более или менее достоверно для эпохи поздней бронзы и времени перехода к веку железа. В Северо-Восточном Казахстане среди памятников второй половины II тыс. до н. э. может быть выделена небольшая группа могил с относительно трудоемким устройством камер, занимающих большей частью первостепенное место в могильнике и выделяющихся особым, отличным от типичного андроновского положением скелета (вытянутое или очень слабо скорченное). Это, например, погребение 1 в кургане 2 у с. Кенес [21, с. 23—26, рис. 19—23; 22, с. 54—60, рис. 2, *6*; 23, с. 82—84, 86, 135] и погребение 5 в кургане 5 у с. Семипалатное [23, с. 101, 105, рис. 41, *2*; 24, с. 4—9, рис. 2—13]

В ареале памятников андроновской общности можно указать также на погребение 7 кургана 8 Алакульского могильника. Оно является одним из двух основных могил в кургане и выделяется своими размерами и бревенчатым перекрытием. Скелет мужчины лежал на боку вытянуто, скелет женщины — на боку, с очень слабо подогнутыми ногами. При скелете мужчины было найдено бронзовое навершие булавы [25, с. 52—55]. В литературе необычное для андроновской культуры положение скелетов было определено как «исключение», но не было обращено внимание на связь этого признака с другими [26, с. 35] Массовый переход степного населения Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья от типично срубного обряда скорченности к обряду вытянутого положения умерших в погребениях происходит в киммерийское время. В качестве гипотезы представляет интерес попытка выделить среди памятников срубной общности погребения со слабоскорченными вытянутыми скелетами (как правило, это основные подкурганные могилы с относительно большими камерами) и свя-

зать начало этого процесса с социально-экономической дифференциацией степного общества [20; 27, с. 183—185].

В Северном Азербайджане среди памятников ходжалы-кедабекской культуры выделяется серия погребений, скелеты в которых лежат вытянуто на спине или на боку, или на боку слабоскорченно. Все эти захоронения отличаются большими размерами и сложностью сооружений, богатым инвентарем, наличием сопровождающих погребений (рабов, пленников и т. п.), совершенных по господствующему обряду сильной скорченности. Это курган 91 у с. Карабулак [28, с. 157—164], курган 1 у с. Арчадзор [29, с. 136—141], курганы 1 и 3 у с. Ахмахи [29, с. 148, 151, 152, рис. 16], курганы 7 и 9 у г. Елисаветполя (Кировабада) [30, с. 54—57, рис. 15, 16]. Социологическое определение их как усыпальниц племенных вождей бесспорно [31, с. 17]. Интересно, что М. Н. Погребова [32, с. 131—136] проводит аналогии между ними и сходными погребениями Азербайджана и теми погребениями вождей «срубников», в которых К. Ф. Смирнов усматривал истоки новой погребальной обрядности нижневолжских степняков. По гипотезе М. Н. Погребовой, новые обряды в восточном Закавказье появились вследствие миграции их носителей с Волги. Может быть, всю эту ситуацию, охватившую в эпоху поздней бронзы, как показывают факты, обширнейшую территорию, можно определить иначе, применив термин В. М. Массона: «социологический параллелизм» [33] Действительно, памятники ходжалы-кедабекской культуры на фоне материалов других культур являются лишь частным, хотя и наиболее ярким случаем. Напомню, что еще в 1966 г. М. П. Грязнов писал о сходстве керамики Тагискена, Дандыбай-Бегазы и ходжалы-кедабекской культуры [34, с. 236, 237] Процессы появления новых погребальных обрядов, возможно, развивались конвергентно, поскольку в их основе, как можно предположить, лежал объективный, выходящий за рамки этнических границ фактор: разложение первобытно-общинных социальных структур.

Подводя итоги и рискуя повториться, все же считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что, признавая принадлежность дандыбай-бегазинских мавзолеев социальной верхушке, мы приходим к необходимости синхронизировать их с более многочисленными, менее сложными, монументальными и богатыми погребальными комплексами. Согласно господствующим хронологическим и периодизационным концепциям, таких памятников пока не обнаружено. Традиционные, стереотипные приемы хронологических построений в археологии настолько устойчивы, что может показаться, что дандыбай-бегазинским мавзолеям могут соответствовать только «дандыбай-бегазинские» же рядовые погребения (хотя бы с «дандыбай-бегазинской» керамикой как привычно надежной основой синхронизации). Возможен и другой путь поисков. Может быть, те параллели между памятниками позднеандроновского (атасуского) этапа и памятниками дандыбай-бегазинского типа, которые раньше истолковывались лишь в пользу местного происхождения последних, могут быть интерпретированы иначе: как показатель синхронности, сосуществования тех и других в рамках своеобразного этнокультурного единства. Не об этом ли говорят находки сосудов вполне андроновского облика в дандыбай-бегазинских мавзолеях? Керамический комплекс из них весьма сложен. В нем можно различить, кроме сосудов бегазинско-тагискенского типа, керамику андроновскую и керамику конца бронзового века [2, с. 69—154], так называемую валиковую, связываемую в Северо-Восточном Казахстане с памятниками саргаринской культуры. О многом в этом направлении могут сказать и материалы поселений, опубликованные пока весьма неудовлетворительно. Имеющиеся публикации материалов с поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана говорят о том, что, во-первых, поселения эти слабо стратифицированы, во-вторых, керамический комплекс их очень сложен и включает в ряде случаев небольшое количество керамики дандыбай-бегазинского типа при доминировании форм сосудов, характерных для различных этапов андроновской культуры и финала эпохи бронзы, в частности алексеевско-саргаринского круга [2, с. 164—233; 35, с. 138; 36, с. 56—66]. Совершенно обоснованным

представляется включение Е. Н. Черных «целого ряда поселений бегазы-дандыбаевской культуры» в евразиатскую общность культур валиковой керамики [37, с. 83, 87, 89, 90] С другой стороны, нам известны также немногочисленные находки дандыбай-бегазинской керамики на алексеевско-саргаринских поселениях [23, с. 127, 148, 149; 38, с. 78] Вполне правомочная в свете всех этих фактов гипотеза о существовании в конце бронзового века на территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана саргаринско-бегазинской культурной общности логически уязвима в том случае, если мы ограничиваемся традиционными приемами периодизации и культурной атрибуции археологического материала. Напротив, если мы будем опираться на представления о гораздо большем, чем считалось до сих пор, внутреннем разнообразии степных культур эпохи поздней бронзы, перед нами предстанет более реалистическая картина культурной общности с сосредоточением в южной части ареала погребальных памятников родо-племенной верхушки и аккумуляцией здесь предназначавшейся в основном для этих захоронений своеобразной керамики.

Дальнейшая работа, направленная на изучение социальной и культурной динамики конца бронзового века, связана как с отказом от устоявшихся методов периодизации и хронологии, так и с альтернативным этим методам более полным и глубоким пониманием древних социокультурных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыков П. С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110.
2. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
3. *Маргулан А. Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. 32.
4. *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Т. XVI.
5. *Варфоломеев В. В.* Бегазы-дандыбаевские погребальные сооружения Карагаш // Вопросы археологии Центрального Казахстана. Караганда: 1982.
6. *Ермолаева А. С.* Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987.
7. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
8. *Виноградов А. В., Итина М. А.* // СА. 1968. № 1 — Рец. на кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966.
9. *Маргулан А. Х., Акишев А. К., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
10. *Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.
11. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских могильников // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
12. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3.
13. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1985.
14. *Пряхин А. Д.* Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института (Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1983. 165 с Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т, 1985. 184 с.) // СА. 1988. № 4.
15. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
16. *Кореняко В. А.* Некоторые теоретические проблемы изучения древних погребений // Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки. 1976. № 1.
17. *Маргулан А. Х.* Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
18. *Маргулан А. Х.* Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана: Докл. на XXV Междунар. конгрессе востоковедов. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
19. *Усманова Э. Р.* К вопросу о биритуализме в погребальном обряде племен андроновской общности Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
20. *Кореняко В. А.* Степное население Юго-Востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по обрядам погребений). Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.
21. *Зданович Г. Б., Хабдулина М. Е.* Могильник Кенес: Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1974 г. // Архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
22. *Зданович Г. Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей

(к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
23. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.
24. *Зданович Г. Б., Зайберт В. Ф.* Могильник эпохи бронзы у с. Семипалатное: Отчет о раскопках 1969 г. // Архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
25. *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24.
26. Андроновская культура. М.: Наука, 1962.
27. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
28. *Ивановский А. А.* По Закавказью. М., 1911.
29. *Кушнарева К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957 Т. XXVII.
30. ИАК. 1904. Вып. 12.
31. *Кушнарева К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 134.
32. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
33. *Массон В. М.* Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1971.
34. *Грязнов М. П.* Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966.
35. *Кадырбаев М. К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
36. *Варфоломеев В. В.* Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987
37 *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
38. *Зданович С. Я.* Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

V. A. KORENYAKO

ON SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF BRONZE AGE SITES (BURIALS OF THE DANDYBAI-BEGAZY TYPE)

Summary

The burials of this type are dated to the late Bronze Age and are mainly found in Central Kazakhstan. The author has undertook to discuss their sociological aspects. Eight types of burial constructions have been identified depending in the size and complexity of architecture. One can even offer a tentative assessment of labour inputs for constructions of different types. It has been established that the giant tombs of types I—V demanded much more effort than ordinary burial constructions. The same can be said about the way the grave goods were distributed. Hence a conclusion that the burials of types I—V and the lavishly ornamented pottery of the Dandybai-Begazy type belonged to the upper social strata. Similar conclusions can be made about Northern Kazakhstan, the Lower Volga and the Transcaucasus.

Г. Н. КУРОЧКИН

ЗОЛОТОЙ СОСУД ИЗ МАРЛИКА

До второй мировой войны количество произведений древнейшей торевтики с территории Северного Ирана ограничивалось двумя золотыми сосудами с сюжетными изображениями из Астрабадского клада, случайно открытого крестьянами в 1841 г. в Северо-Восточном Иране [1] Сосуды эти первоначально считались импортными (С. Рейнак сравнивал изображения на сосудах с микенскими или эгейскими [2], М. И. Ростовцев связывал генезис вещей из клада с шумерами [3]). После раскопок таких памятников на Северо-Востоке Ирана, как Тюренг Тепе (откуда предположительно происходит Астрабадский клад) и Тепе Гиссара было установлено, что почти все изделия клада — местного происхождения, а один из золотых сосудов — «чайник» — воспроизводит характерную местную форму глиняной посуды [4] Серебряный сосуд из Афганистана, опубликованный В. И. Сарианиди, позволяет высказать предположение о местном происхождении и второго сосуда из Астрабадского клада, так как изображения людей на обоих сосудах из Северо-Восточного Ирана и Афганистана иконографически чрезвычайно близки [5, с. 69, рис. 1] Астрабадский клад многочисленными соответствиями надежно синхронизируется с периодом Гиссар III С, датировка которого, по последним данным, колеблется в рамках между концом III — первой третью II тыс. до н. э. [6, с. 36] Еще более ранним временем датируется происходящий из Северного Афганистана Фуллолский клад, на некоторых золотых сосудах которого имеется орнаментация, характерная для местной расписной керамики эпохи ранней бронзы [7]

После второй мировой войны находки изготовленных из драгоценных металлов произведений искусства с сюжетными изображениями из Северного Ирана посыпались буквально как из рога изобилия. В Иранском Азербайджане археологами США изучено городище Хасанлу, откуда происходит большое число художественных изделий, в том числе и металлические сосуды с многофигурными композициями [8; 9, с. 37, рис. 1]; в Южном Прикаспии открыт ряд богатых могильников знати (Калардашт, Калураз, Марлик и др.), содержащих среди разнообразного инвентаря десятки золотых и серебряных сосудов и других предметов с сюжетными изображениями; значительное количество произведений торевтики происходит из грабительских раскопок, деликатно именуемых в западной литературе «коммерческими» [10—13] Вся эта многочисленная и разнообразная металлопластика отнесена к концу II — первым столетиям I тыс. до н. э. Налицо, таким образом, огромная (почти в тысячу лет!) хронологическая лакуна между двумя группами торевтики из Северного Ирана и Афганистана — первой, более ранней, датируемой рубежом III—II тыс. до н. э. (и ранее), и второй, более поздней, датируемой рубежом II—I тыс. до н. э. Разрыв во времени между этими (родственными, как я постараюсь показать ниже) группами торевтики тем более удивителен, что памятники Северо-Западного Ирана раннежелезного века и памятники Северо-Восточного Ирана эпохи бронзы, откуда происходят перечисленные выше произведения торевтики, некоторыми специалистами отнесены к одной и той же археологической культуре (или культурной общности) — так называемой культуре серой керамики [14—16] Возникает вопрос: а где же произведения североиранской торевтики II тыс. до н. э.? Могут быть предложены три варианта ответа на этот вопрос: 1) памятников

© Г. Н. Курочкин, 1990 г.

торевтики Северного Ирана II тыс. до н. э. в природе вообще не существует, иными словами, население Северного Ирана по тем или иным причинам не изготовляло и не использовало во II тыс. до н. э. произведений торевтики; 2) памятники торевтики II тыс. до н. э. на территории Северного Ирана еще не раскопаны; 3) произведения торевтики II тыс. до н. э. имеются среди уже давно известных древностей Северного Ирана, но при существующей методике датировок мы пока не в состоянии выделить их достаточно определенно. Первые две версии не требуют от исследователя никаких действий (к тому же раскопки в Иране уже давно не ведутся по известным причинам), третья версия ориентирует на повторное и более тщательное изучение уже имеющихся в нашем распоряжении вещественных источников. Наиболее перспективной для отработки третьей версии представляется серия произведений торевтики из территориально промежуточных между Северо-Западным и Северо-Восточным Ираном могильников Южного Прикаспия, и в первую очередь из Марлика. Датировка вещей из Марликского могильника знати колеблется от 1600 до 700 г. до н. э. Подчас даже у одного и того же специалиста можно встретить разные варианты датировки этого замечательного памятника. Так, автор раскопок сначала датировал Марлик рубежом II—I тыс. до н. э.; после заглубления даты хронологического горизонта Железный Век I до 1400—1100 гг. до н. э. Э. Негахбаном предложена новая дата Марлика — 1400—1000 гг. до н. э. [17] В. Г Луконин, первоначально предлагавший датировать Марлик XII—X вв. до н. э., в более поздней работе отмечал: «Материал позволяет датировать Марлик... IX и даже началом VIII в. до н. э.» [18, с. 106; ср. 19, с. 63]. Детальное рассмотрение хронологии Марликского «царского» некрополя невозможно в рамках небольшой статьи. Могу лишь отметить, что поздняя дата этого памятника вызывает ряд вопросов. Как объяснить, например, что в Марлике при его предполагаемой датировке первыми веками I тыс. до н. э. ни в одной из гробниц нет даже намека на железо, тогда как железо в Иране входит в употребление уже в конце II тыс. до н. э. и любой рядовой памятник Ирана начала I тыс. до н. э. содержит значительный процент изделий из железа? Игнорируется сторонниками поздней датировки Марлика и такой факт: в Динха Тепе, в южном Азербайджане, характерные украшения марликского типа обнаружены в гробнице периода Динха IV (2000—1400 гг. до н. э.), т. е. по стратиграфическим данным (а также по импортам и по радиокарбону) датируются в этом памятнике временем ранее XIV в. до н. э. [20, с. 44].

Справедливости ради следует сказать, что при архаическом облике подавляющего большинства изделий Марлика, которые, по моему мнению, достаточно убедительно могут быть датированы временем около середины II тыс. до н. э. [21, с. 10, 11], некоторые типы вещей находят соответствия в памятниках рубежа II—I тыс. до н. э. Выход из этого противоречия К. Максвелл-Хислоп видит, например, в выделении в Марлике двух разновременных групп могил, датируемых 1350—1150 и 1000—800 гг. до н. э. [22, с. 194, 195]. Выделение поздней группы, состоящей из нескольких могил, вызвано сходством украшений, найденных в этих погребениях, с урартскими IX—VIII вв. до н. э., однако К. Максвелл-Хислоп делает примечательную оговорку, что наиболее ранние этапы урартской ювелирной техники пока не изучены, и высказывает предположение, что марликские украшения представляют собой первые экземпляры подобных изделий. Золотой перстень с изображением птиц, животных и людей, который часто сравнивают с ассирийскими изделиями начала I тыс. до н. э., К. Максвелл-Хислоп считает изготовленным в местной манере и более ранним по дате. Золотые перстни-печатки были широко распространены в хеттской Анатолии, Кархемише и Угарите XIV—XIII вв., а один подобный перстень найден в касситском погребении середины II тыс. до н. э. в Вавилоне [23, с. 2; 24, с. 41—44, рис. 54—57, с. 44, рис. 61; 25, с. 167]. По поводу браслета, украшенного головками львов, К. Максвелл-Хислоп замечает, что типологически это, пожалуй, наиболее ранний браслет такого рода. Необходимо всегда иметь в виду, что богатые могиль-

Рис. 1. Прорисовка сюжетных изображений на золотом сосуде из Марлика

ники высшей знати, каким является и Марлик, нередко содержат среди разнообразного инвентаря определенный процент изделий, широкое тиражирование которых еще не началось, и было бы неправильным датировать эти единичные вещи-прототипы по предметам массового производства, найденным в рядовых могильниках.

Одним из наиболее серьезных аргументов в поддержку поздней даты Марлика часто считают произведения торевтики. Золотой сосуд со сценами жизни горного козла (рис. 1) принадлежит к числу тех немногочисленных произведений прикладного искусства, датировка которых подробно обосновывается сторонниками поздней датировки Марлика. Изображение в нижнем регистре этого сосуда (коза, кормящая козленка) В. Г Луконин сначала сравнивал с ассирийскими изображениями XII—X вв. до н. э. [19, с. 70], а в более поздней работе, вышед-

шей посмертно и специально посвященной рассматриваемому сосуду из Марлика, В. Г Луконин делает вывод о том, что изображение козы с козленком находит наиболее близкие соответствия на плакетках из резной кости, происходящих из Зивийе, которые, по его мнению, могут быть датированы в пределах второй половины VIII в. до н. э. [26, с. 225]. Почти все элементы «древа жизни», так же как и вся композиция в следующем регистре (козлы у древа), в первоначальной трактовке В. Г Луконина взяты из искусства Ассирии начала I тыс. до н. э.; в поздней же работе он приводит более широкий круг аналогий этой сцене — на различных произведениях искусства Древнего Востока в хронологическом диапазоне между XIII и IX вв. до н. э., отмечая, что иконографически наиболее близкий тип козлов, стоящих в той же позе, имеется на цилиндрической печати XIII в. до н. э. из Чога Занбиля [26, с. 226]

Сюжет в верхнем регистре — сцена терзания травоядного животного хищными птицами, как показала Э. Порада, использовался в позднекасситской глиптике XIV—XIII вв. до н. э., на эламской цилиндрической печати XIII в. до н. э., на позднехеттских рельефах из Кара Тепе [27] В. Г Луконин несколько раз подчеркивает, что все изображения на сосуде сделаны в «марликском стиле» местным мастером: «перед нами четыре разнородные „цитаты" или точнее „пересказа своими словами" — различные изображения, входящие в сложную символику разных религий (Ассирии, Элама, касситов, хеттов), вырванные из их контекстов и объединенные на одном сосуде местным мастером»; по самым поздним иконографическим параллелям, предлагается датировать сосуд IX в. до н. э. (или даже позднее) [19, с. 71] Таким образом, марликскому мастеру-торевту отводится роль имитатора, способного лишь «цитировать» художественные образы, давно изобретенные в западных районах Древнего Востока. Сам механизм такого копирования оставлен без объяснения, хотя неизбежно встает вопрос, каким образом мастер, живший в Северном Иране в IX—VIII вв. до н. э., мог воспроизвести на изготовленном им сосуде сюжеты, характерные для древневосточного искусства различных времен и народов. Вряд ли он мог воспользоваться для этой цели той справочной литературой, которую имеет под рукой современный искусствовед. В. Г Лукониным для характеристики художественных изделий из Саккызского клада эпохи переднеазиатских скифских походов был в свое время предложен чрезвычайно удачный термин — «стиль цитат», но тенденция к распространению этого понятия на все искусство Северного Ирана эпохи бронзы и раннего железа, как я постараюсь показать далее, является ошибочной. За конкретной аргументацией, привлекаемой сторонниками поздней даты произведений торевтики из Марлика и некоторых других памятников Северного Ирана, отчетливо прослеживается определенная концепция, опирающаяся на ряд методических принципов (см. таблицу).

Для Ирана эпохи бронзы и раннего железа, где многие типы изделий, художественные сюжеты и даже стилистические приемы существовали на протяжении длительного времени, вопрос о повышении точности датировок, об улучшении методики отбора датирующих аналогий стоит довольно остро. Для памятников типа Марликского «царского» некрополя проблема точной хронологии заключается не в отсутствии или скудности датирующих аналогий (с чем обычно сталкивается большинство археологов), а в их необычайной широте. Сам исходный материал ставит перед исследователем проблему методически продуманного *выбора* опорных датирующих аналогий.

Вернемся к датировке золотого сосуда со сценами жизни и смерти горного козла. Как определить правильное направление поиска аналогий изображениями на этом сосуде? Ответ на этот вопрос могут подсказать другие материалы из самого Марлика. В этом могильнике, например, обнаружена группа предметов, относительно датировки и культурной принадлежности которых у специалистов нет разногласий,— это цилиндрические печати «митаннийского стиля» [29, 30]. Подобные печати (в довоенной литературе их часто называли «сиро-хеттскими»), датируемые 1600—1300/1200 гг. до н. э., имели широкое распространение

Таблица

Методические принципы, на которые опираются сторонники поздней даты североиранской торевтики эпохи бронзы и раннего железа	Предлагаемые нами приемы повышения точности датировки произведений торевтики Северного Ирана эпохи бронзы и раннего железа
1. Искусство Северного Ирана априорно и безоговорочно рассматривается как вторичное по отношению к искусству более западных районов Древнего Востока	Прежде чем искать аналогии в западных районах Передней Азии, необходимо выяснить, не имеет ли тот или иной сюжет местный генезис в самом Иране
2. Отбор датирующих аналогий (во многом под влиянием исходного принципа 1 зачастую сводится к отбору «самых поздних» аналогий	Методически неверно датировать вещи как по самым поздним, так и по самым ранним аналогиям; необходимо опираться на наиболее точные аналогии
3. Используются аналогии разрозненные, выхваченные из археологического контекста, рассеянные по всей карте Древнего Востока	Необходимо опираться в первую очередь на такие датированные комплексы, которые дают серии близких аналогий
4. Привлечение тех или иных аналогий остается, как правило, немотивированным	«Привлечение аналогий нельзя считать оправданным без объяснения механизма появления аналогии» [28, с. 112]

в западных районах Передней Азии, но основная концентрация находок печатей митаннийского стиля приходится на юг Малой Азии, Северную Сирию и Северную Месопотамию. По времени и ареалу эти печати обычно связывают с государством Митанни. Большая серия глиняных табличек с раскатанными оттисками таких печатей, а также значительное число самих печатей обнаружены в Нузи, недалеко от Керкука. По сюжетам митаннийская глиптика в значительной степени представляет собой смешение нескольких местных традиций. П. Моортгат, Э. Порада и другие специалисты связывают генезис значительной части сюжетов на печатях этого своеобразного стиля с древневавилонской и так называемой провинциальной вавилонской глиптикой, сиро-каппадокийской глиптикой начала II тыс. до н. э. Митаннийская глиптика содержит ряд общих образов и композиций с касситской, хеттской и кипрской [31—34]. Прослежено и воздействие на митаннийское искусство со стороны Египта и Элама [35, 36] Наряду с местными традициями и определенными влияниями со стороны известных культурных центров в митаннийском искусстве (представленном кроме глиптики также росписями в Нузи) выявлена большая группа принципиально новых для запада Передней Азии сюжетов: коленопреклоненный лучник, богиня с зеркалом, двуглавые и крылатые персонажи, в том числе «владычица зверей» (на печатях правителя с индоиранским именем Шаушшатар), иногда с переплетенными «змеиными» ногами. Необычайную популярность приобретают изображения оленей (до того в искусстве Древнего Востока встречающихся крайне редко) и козлов в различных позах и сочетаниях: лежащие, идущие, подвергающиеся нападению и приносимые в жертву, в парных «зеркальных» композициях, обычно в связи со своеобразно трактованным «древом жизни», никогда более в таком виде не представленном в древневосточной иконографии. Одновременно с хеттским искусством в митаннийской глиптике появляются также орлиноголовые грифоны и сфинксы [35, с. 39]

Сходство сюжетных изображений на печатях митаннийского стиля, найденных в западных районах Ближнего Востока (вплоть до Палестины), с изображениями на цилиндрических печатях, обнаруженных в Марлике, очень велико, а в некоторых случаях доходит до полного тождества (рис. 2, *1—3, 4—7*) [29, табл. LII, рис. 2; 30, с. 85, рис. 6; ср. 37, табл. I *AH 1—2*, VII, *RB*4; 38, табл. XXXV, *251*, XXVI, *184*]. Столь поразительное сходство между митаннийскими и марликскими цилиндрическими печатями дает основания обратиться к митаннийскому искусству и в поисках аналогий другим предметам искусства из Марлика, в частности произведениям торевтики. В митаннийском искусстве мы на-

Рис. 2. Изображения на различных предметах из Марлика и соответствия им в глиптике «митаннийского стиля» (1600—1300 / 1200 гг. до н. э.). *1—3* — изображения на цилиндрических печатях из Марлика; *4—7* — изображения на печатях «митаннийского стиля»; *8—11* — различные сюжеты на произведениях торевтики из Марлика; *12—15* — аналогичные сюжеты на печатях «митаннийского стиля»

ходим соответствия сразу трем сюжетам на рассматриваемом золотом сосуде из Марлика (рис. 2, *8—10, 12—14*) — это изображение козы или косули, облизывающей своего детеныша; изображение копытных, вставших на дыбы и объедающих побеги со «священного древа», и, наконец, изображение странной фигуры полуобезьяны, полуэмбриона [38, табл. XLIII, *319*, XXX, *205*, XXXVII, *283*, XXIV, *173*]. Симптоматично, что крупные искусствоведы-ориенталисты, сторонники поздней датировки марликского сосуда, так и не смогли найти даже отдаленных иконографических эквивалентов этому последнему персонажу в искусстве Древнего Востока конца II — первых веков I тыс. до н. э. [26, с. 228, 229] (может быть, не там искали?).

На другом сосуде из Марлика — серебряном «чайнике» имеется золотая накладка с изображением двуглавого крылатого чудовища, держащего в передних лапах двух сфинксов. Подобные фигуры типичны для митаннийского и генетически связанного с ним среднеассирийского искусства XIV—XIII вв. до н. э. (наиболее точную аналогию дает печать Эриба-Адада начала XIV в. до н. э.) [39, табл. XXIII, *1;* 40, рис. 66; ср. 11, рис. 137] Из Северо-Запада Ирана происходит еще один золотой сосуд (случайная находка) с подобным сюжетом, только двуглавый монстр имеет переплетенные «змеиные» ноги, как и аналогичные персонажи на печатях «митаннийского стиля» [40, табл. XV; ср. 33, с. 271, рис. 87] На марликских сосудах и митаннийских печатях имеются одинаковые символы, семантика которых пока не ясна (рис. 2, *11, 15*).

Печати «митаннийского стиля» в Марлике обычно интерпретируются однозначно, как импорт. Но как объяснить общность сюжетов на митаннийских печатях и золотых и серебряных сосудах из Северного Ирана? Быть может, североиранские ювелиры использовали изображения на импортированных митаннийских печатях в качестве образцов для изготовления произведений торевтики? Такой вывод нельзя исключать, хотя более обоснованным мне кажется другое объяснение. Цилиндрические печати с оригинальными сюжетами появляются в Северном Иране еще в III тыс. до н. э. (например, в Тепе Гиссаре), позднее они известны в Тепе Гияне, Талыше, Динха Тепе, Сурх Думе и других памятниках, так что не всякая цилиндрическая печать в Ираке обязательно должна рассматриваться как импорт. Сопоставление сюжетов на печатях «митаннийского стиля», найденных в западных областях Передней Азии и обнаруженных в более восточных районах (Мерлике, Талыше [41, рис. 30], Восточном Закавказье [42, с. 157, рис. 77, *1—3* на с. 132; 43, с. 425]), позволяет выявить не только их близость, но и существенное различие, которое заключается в том, что все сюжеты на печатях «митаннийского стиля» из Северного Ирана и Закавказья относятся к той группе образов и композиций, которые в самом митаннийском искусстве принадлежат к числу принципиальных инноваций. Если бы мы имели дело с печатями, действительно импортированными из Митанни (допустим, в результате торговли), то на этих привозных печатях непременно были бы представлены сюжеты, традиционные для запада Передней Азии; поскольку же этого не наблюдается, то можно предположить обратное, а именно, что инновации, засвидетельствованные для митаннийского искусства около середины II тыс. до н. э., проникают туда из Северного Ирана, где эти же самые сюжеты представлены как бы в чистом виде [44, с. 37—39] В пользу такого несколько неожиданного на первый взгляд предположения можно привести дополнительные аргументы. Среди инноваций в митаннийской глиптике имеются изображения горбатого зебувидного быка, той разновидности крупного рогатого скота, которую не разводили в западных областях Ближнего Востока, поэтому произведения искусства с редкими для Древнего Востока фигурами зебувидного быка специалисты рассматривают как прямые импорты из Ирана и Индостана [38, табл. XXXI, *257*; 45, с. 28] (здесь вполне уместно вспомнить терракотовые скульптурные изображения горбатых быков, которые столь характерны для Марлика). На цилиндрической печати, найденной в Нузи, имеется изображение богини с зеркалом оригинальной формы, в виде диска, который держит в поднятых руках женская фигура [46, табл. 7, *8*]; бронзовое зеркало точно такой формы (т. е. реальный вещественный прототип) имеется в Хурвинской коллекции, происходящей из Северного Ирана [47, табл. XLVII, *351*]. Двуглавые и крылатые персонажи, держащие в передних лапах различных животных, как уже упоминалось выше, появляются в искусстве Древнего Востока с середины II тыс. до н. э. (митаннийская глиптика); в Северном Афганистане фигура двуглавого и крылатого монстра украшает топор. Такого типа топоры датируются первыми веками II тыс. до н. э. [48, с. 26, рис. 28].

В митаннийской глиптике отсутствует сцена терзания копытного животного хищными птицами, зато не раз встречена композиция с изображением двух

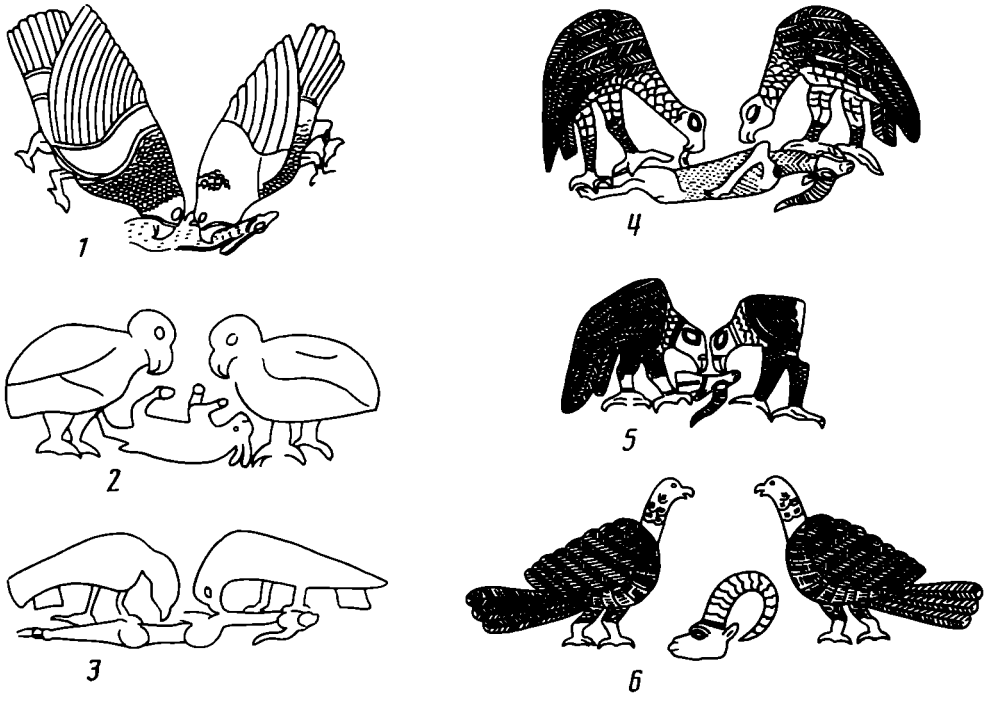


Рис. 3. Сцена терзания травоядного животного двумя хищными птицами. *1* — греческая керамика «ориентализированного стиля» (VII в. до н. э.); *2* — позднехеттский каменный рельеф из Кара-Тепе (начало I тыс. до н. э.); *3* — касситская печать, хранящаяся в Эрмитаже (XIV—XIII вв. до н. э.); *4* — золотой сосуд из Марлика; *5* — золотой сосуд из Северного Ирана (случайная находка); *6* — золотой «чайник» из Астрабадского клада (Северо-Восточный Иран, конец III — первая треть II тыс. до н. э.)

орлиноголовых грифонов в том же контексте. Можно предположить, что в митаннийском искусстве уже произошла замена реального хищника более сложным синкретическим существом, отчасти имеющим те же признаки (крылья, голова хищной птицы) и, вероятно, те же функции. Если предположить, что образ грифона попал в искусство Ирана и Афганистана из более западных областей, то довольно странным выглядит полное отсутствие в ирано-афганском искусстве столь характерных для митаннийского искусства сцен борьбы и терзания, где грифон исполняет роль агрессивной стороны. В искусстве Ирана и Афганистана эпохи бронзы грифон еще мирное существо, встречающееся в статичных композициях (идущие грифоны изображены и на одном из марликских сосудов). Остается предполагать обратное, т. е. то, что образ орлиноголового грифона проникает в искусство Древнего Востока из Ирана и Афганистана; эта мысль подтверждается помимо археологического материала также античной традицией, которая связывает генезис образа орлиного грифона с Бактрией [49, с. 19, 20].

В отличие от митаннийской глиптики в одновременном ей касситском искусстве хищные птицы не были вытеснены в сценах терзания грифонами. Читатель может убедиться, что именно изображение на касситской печати XIV—XIII вв. до н. э. оказывается по стилю наиболее близким соответствующей сцене на марликском сосуде (совпадают форма птичьего хвоста и общий абрис терзаемого животного) (рис. 3, *3, 4*). Э. Порада опубликовала фрагмент еще одного сосуда с изображением двух хищных птиц из Северо-Западного Ирана (случайная находка), но вместо фигуры лежащего козла на этом сосуде воспроизведено лишь изображение головы этого животного (рис. 3, *5*). Точно такая же композиция, но типологически более архаичная (сцена терзания как бы подразумевается, хищные птицы просто стоят у головы козла), имеется на золотом «чайнике» из Астрабадского клада рубежа III—II тыс. до н. э. (прорисовку всей композиции на этом сосуде см. на рис. 3, *6*). Возникает вопрос, почему же такие крупные

историки искусства древнего Ирана, как Э. Порада, В. Г Луконин и др., прошли мимо «протомарликского» изображения на сосуде из Астрабадского клада? Разумеется, не из-за того, что они не знали этого хрестоматийного памятника, а исключительно по той причине, что в поисках аналогий и прототипов торевтике Северо-Западного Ирана обращали своих взоры только в одну сторону — на запад Передней Азии. Именно поэтому оказались незамеченными и навершия бронзовых жезлов-«булавок» из Северного Афганистана со скульптурными изображениями самки копытного животного, облизывающей своего детеныша, которые можно рассматривать как прототипы изображений козы с козленком на нижнем фризе марликского сосуда [5, с. 72, рис. 3, *3, 6*; 50, с. 84, рис. 43]

Искусство Северного Ирана эпохи бронзы и раннего железа находилось под определенным влиянием древневосточного, прежде всего месопотамского искусства; более того, среди североиранской торевтики могут быть выделены прямые западные импорты, но в целом связи североиранского искусства с искусством более западных областей Передней Азии носили обоюдный характер, это была «улица с двусторонним движением». Более строгая методика отбора датирующих аналогий (см. таблицу) позволяет выделить среди североиранской торевтики группу предметов, которая может быть датирована временем, близким к середине II тыс. до н. э. Сформулированные выводы о более ранней даты некоторых произведений торевтики Северного Ирана и о приоритете Ирана (и Афганистана) в отношении генезиса ряда художественных сюжетов могут быть обоснованы на большом фактическом материале, но золотой сосуд из Марлика со сценами жизни горного козла позволяет наглядно сопоставить исходные методические посылки и конкретную аргументацию сторонников двух различных концепций, далеко не одинаково оценивающих место и значение искусства Северного Ирана и Афганистана эпохи бронзы в общей системе древневосточного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bode C. A de.* On a Recently Opened Tumulus in the Neighbourhoud of Asterabad // Archaeologie. 1844. XXX.
2. *Reinack S.* La representation du galop // Revue Archeologique. 1900. XXXVII.
3. *Rostovtzeff M.* The Sumerian Treasure of Asterabad // J. Egyptian Archaeology. 1919. VI. P. 1.
4. *Contenau G.* Le trésor d'Asterabad et les fouilles de Tepe Hissar // Revue d'Assyriologie. 1934. XXXI.
5. *Сариниди В. И.* Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
6. *Дайсон Р. Х., Ховард С. М.* Повторное изучение памятника Тепе Хиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока (II советско-американский симпозиум). Ташкент: Фан, 1983.
7. *Tosi M., Wardak R.* The Fullol Hoard: a new find from bronze age Afghanistan // East and West. 1972. 22. № 1—2.
8. *Porada E.* Notes on the Gold Bowl and Silver Beaker from Hasanlu // A Survey of Persian Art. 1967 XIV.
9. *Курочкин Г Н.* К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. 1974. № 2.
10. *Samadi H.* Les déconvertes fortuites de Kalardasht, Garmabak, Emam et Tomajan. Teheran, 1959.
11. *Negahban E. O.* A Preliminary Report on the Marlik Excavation. Teheran, 1964.
12. 7000 ans d'Art en Iran. P., 1966.
13. *Hakemi A.* Kaluraz et Civilization des Mardes // Archéologie vivante. 1968. T. 1.
14. *Deschayes J.* New Evidence for the Indoeuropeans from Tureng Tepe, Iran // Archaeology. 1969. V. 22. № 1.
15. *Dyson R. H.* The Archaeological Evidence of the Second Millennium B. C. of the Persian Plateau // Cambridge Ancient History. 1973. V. II. Pt. 1.
16. *Станкевич И. Л.* Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии. М.; Л.: Наука, 1978.
17. *Negahban E. O.* Maceheads from Marlik // Amer. J. Archaeology. 1981. V 85. № 4.
18. *Луконин В. Г* Искусство древнего Ирана (основные этапы) // История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971.
19. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г* Культура и экономика древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
20. *Dyson R. H.* A Decade in Iran // Expedition. 1969. V. 11. № 2.
21. *Курочкин Г Н.* Памятники Северного Ирана III—II тыс. до н. э. с серой керамикой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1984.

22. *Maxwell-Hyslop K. R.* Western Asiatic Jewellery, c. 300—612 B. C. L., 1971.
23. *Güterbock H. C.* Siegel aus Bogazköy. II // Archiv für Orientforschung. B. 7. B., 1942.
24. *Schaeffer C. F. A.* Ugaritica III. P., 1956.
25. *Reuther O.* Die Innens tadt von Babylon // Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient. Gesellschaft, 1926.
26. *Луконин В. Г.* Золотой сосуд с «историей козы» из Марлика // Центральная Азия (Новые памятники письменности и искусства). М.: Наука, 1987.
27. *Porada E.* Problems of Iranian Iconography // The Memorial Volume of the V-th International Congress of Iranian Art and Archaeology. V. 1. Teheran, 1972.
28. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
29. *Negahban E. O.* The Seals of Marlik Tepe // J. Near Eastern Studies. 1965. V. 4. № 4.
30. *Negahban E. O.* The Seals of Marlik Tepe // J. Near Eastern Studies. 1977. V 6. № 2.
31. *Флиттнер Н. Д.* Сиро-хеттские памятники Эрмитажа // Тр. Отдела Востока Эрмитажа. 1939. Т. I.
32. *Wiseman D. J.* Cylinder Seals of Western Asia. L., 1958.
33. *Francfort H.* Cylinder Seals. L., 1939.
34. *Porada F.* Seal Impressions of Nuzi // The Annual of American Schools of Oriental Researches. 1947. 24.
35. *Moortgat A.* Vorderasiatische Rollsiegel, Staatliche Museum zu Berlin. B., 1940.
36. *Porada E.* Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. 1: The collection of the Pierpont Morgan Library 1. 2. Wash., 1948.
37. *Neugaurol Y.* Cylindres-Sceaux et Empreintes de Cylindres tronves en Palestine. P., 1939.
38. *Contenau G.* La glyptique Syro-Hittite. P., 1922.
39. *Moorfgat A.* Die bildente Kunst des alten Orients und die Bergvölker. B., 1932.
40. *Parrot A.* Acquisitions et Inedits du Musée du Louvre // Syria. 1958. T. XXXXV, f. 3, 4.
41. *Schaeffer C. F. A.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948.
42. *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
43. *Арешян Г. Е.* Раскопки Больших Шамирамских курганов // АО—1981. М., 1982.
44. *Курочкин Г. Н.* Индоиранские элементы в искусстве древнего Востока и исторические корни скифо-сибирского искусства / Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984.
45. *Porada E.* Iran ancien. P., 1963.
46. The Harvard Semitic Series. 1950. V. XIV.
47. *Vanden Berghe L.* La necropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
48. Bull. Metropolitan Museum of Art. 1984. V. 41. № 4.
49. *Пьянков И. В.* Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976.
50. *Сариаиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.

G. N. KUROCHKIN

A GOLD VESSEL FROM MARLIK

Summary

The earliest North Iranian toreutics known today can be divided into two groups: (1) metal vessels with subject compositions from North-Eastern Iran (and neighbouring Afghanistan) dated between the third millennium B. C. and the first third of the II millenium B. C.; (2) this more numerous group includes metal artistic objects from North-Western Iran and the southern Caspian shore usually dated to the turn of the first millennium B. C. One can only wonder where the objects of north Iranian toreutics dated to the mid-second millennium B. C. are to be found. The author believes that improved methods of dating may refer some of the objects of the second group (especially those that originated from the Southern Caspian region) to the mid-second millennium B. C. Those who incline to date the second group to a later period use the thesis that the cultural ties between Iran and the western part of the ancient Near East were of a one-sided nature and that the Iranian toreutics copied Mesopotamian, Syrian and other Ancient Oriental subjects. This is partially responsible for the later dating analogies of a chance and unfounded nature. The author believes that the gold bowl that shows the scenes from the life of a goat obtained from a royal burial in Marlik (Fig. 1) makes it possible to graphically compare the original methodological principles and arguments used by the two trends. He has shown that the bowl, just like other objects from Marlik, has close analogies among the Mitanni glyptics dated between 1600—1200 B. C. (Fig 2). The scene of rendition of a goat by bird predators is close to a Kassite seal of the 14h-13th century B. C. It can be traced to the representations on a gold „teapot" from the Astrabad hoard in the North-Eastern Iran.

К. А. СМИРНОВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Представление о любой археологической культуре складывается на основании двух групп источников: материалов поселений и могильников. В тех случаях, когда о древнем населении можно судить только по данным могильников или только по материалам поселений, представление о культуре в целом весьма не полно. Это в значительной степени относится к памятникам эпохи раннего железа в Волго-Окском междуречье, известным в науке как памятники дьяковской культуры. В то время как несколько поселений были раскопаны полностью или почти полностью и на многих проведены большие работы, погребальные памятники пока обнаружены всего два раза.

По-видимому, это обусловлено тем, что население, оставившее эти поселения, помещало умерших не в земле. С. А. Токарев, говоря о погребальном обряде, отмечал, что «формы погребения у разных народов настолько разнообразны, что их нелегко привести в определенную систему. Археологический материал не может дать даже отдаленного представления об этом разнообразии» [1, с. 167]. И далее он называет восемь основных способов обращения с умершими: 1) оставление или выбрасывание; 2) водяные погребения; 3) воздушные погребения; 4) зарывание с двумя разновидностями: зарывание в землю и пещерные погребения; 5) кремации; 6) мумификация; 7) рассечение; 8) канибализм. Погребальный обряд, при котором умерший помещался выше уровня земли, этнографы наблюдали у народов Севера, Сибири, Северной Америки. Описывая ирокезов, Л. Морган отмечал: «Древний, но не исключительный способ погребения состоял в том, что труп выставляли на подмостках до тех пор, пока не истлеет мясо, после чего кости собирались и сохранялись в коробах из луба в доме, выстроенном специально для этой цели. Было правилом, что кости, принадлежащие одному и тому же роду, помещались в одном доме» [2, с. 82]. Погребальные сооружения, описанные Л. Морганом, были бы трудноуловимы для современных археологических методов. По-видимому, общество, описанное Л. Морганом, является довольно близкой этнографической параллелью для племен, оставивших памятники дьяковской, городецкой и других культур лесной полосы эпохи раннего железа на поздней стадии их развития. Хотя, конечно, сравнения должны делаться очень осторожно.

Остатки трупосожжений, помещенных в специальные домики, были обнаружены два раза. П. Н. Третьяков следующим образом описал остатки погребального сооружения, найденного в 1934 г. на городище Березняки на верхней Волге: «На поселении был маленький квадратный домик, размером всего лишь 2,25×2,25 м, рубленный из дубовых и сосновых бревен, с фасадом, обращенным на юг или, скорее, на восток. Когда умирал кто-либо из жителей, кого надлежало хоронить в „домике“, за пределами поселка раскладывался большой костер, на котором сжигалось тело умершего. Остатки пережженных костей собирались, приносились в поселок и складывались в маленьком домике вдоль его южной или северной стены. Вместе с ним клались кое-какие вещи: орудия и украшения. К моменту пожара, после которого жизнь в поселке прекратилась, в погребальном домике находились пережженные кости не менее чем пяти-шести человек, среди которых были взрослые обоего пола и маленькие дети. Вместе с костями

© К. А. Смирнов, 1990 г.

в домике лежало пять топоров, четыре ножа, неопределенный железный предмет (не то нож, не то наконечник стрелы), шило, две железных круглых пряжки с бронзовыми обоймицами, бронзовая пряжка, круглая, ажурная бляха с орнаментом, прясло и несколько других мелких железных и бронзовых изделий» [3, с. 60]. И далее он писал: «Погребальный домик на поселении в устье р. Сонохты не является, по-видимому, единственным местом погребения, так как число встреченных там погребений не соответствует числу жителей поселения, существовавшего не одно столетие. Где покоятся остатки других умерших и какой обряд сопровождал их в царство мертвых — это остается пока неизвестными» [3, с. 60]. Гибель поселения П. Н. Третьяков отнес ко времени около рубежа V—VI вв. н. э. [3, с. 68] Как явствует из текста, исследователь не сомневался в том, что «домик мертвых» одновременен поселку.

И. Г Розенфельдт, проанализировав материалы городища, пришла к выводу, что «домик мертвых» и поселок одновременны, так как, по ее словам, кельты из «домика» и из слоя «абсолютно идентичны» [4, с. 58]. Однако, судя по рисунку 2 в статье И. Г Розенфельдт, можно говорить о близости формы, но никак не о идентичности.

Следует отметить, что датировки памятника касались многие исследователи. Приводились доводы в пользу более поздней даты. Говоря об этнической принадлежности населения, оставившего этот памятник, П. Н. Третьяков отмечал, что «обитатели верхнего течения Волги, без сомнения, принадлежали к группе северных восточно-славянских племен, являясь, по-видимому, наиболее восточной ветвью племени кривичей» [3, с. 90].

А. П. Смирнов считал, что население верхневолжских городищ относится к финно-уграм. «Домик мертвых» он рассматривал как свидетельство проникновения славян на эту территорию и сравнивал его с материалами Пастерского городища [5, с. 185, 186].

Е. И. Горюнова сравнила материалы из раскопок городища Березняки с вещами из других финских памятников и пришла к выводу, что городище ничем не выделяется среди прочих поселений дьяковской культуры. «Домик мертвых» Е. И. Горюнова рассматривала как финно-угорский памятник и в подтверждение своего вывода привела ряд этнографических параллелей [6, с. 30].

Полемизируя с Е. И. Горюновой, П. Н. Третьяков писал в 1966 г.: «Е. И. Горюнова, стремящаяся отрицать западные черты в культуре Березняков, всячески пытается доказать, что „домик мертвых" является финно-угорским. Я же продолжаю настаивать, что его надо связывать с большим кругом балто-славянских погребальных памятников — такими же точно домиками, но спрятанными под курганной насыпью. Культуру Березняков я рассматриваю, как смешанную» [7, с. 238].

В книге «Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья» «домик мертвых» на городище Березняки рассматривается как древнейшее погребальное сооружение мери [8, с. 74]

В продолжении 30 лет находка «домика мертвых» на городище Березняки была единственной. В 1966 г. Ю. А. Краснов и Н. А. Краснов, проводя раскопки на городище у Саввино-Сторожевского монастыря, обнаружили остатки аналогичного сооружения [9, с. 140] Оно находилось в центре площадки городища, где культурный слой имел мощность 0,1—0,2 м.

Остатки постройки, по описанию исследователей, представляли собой подпрямоугольное углубление в материке размером 2×1,2 м. Максимальная глубина от поверхности материка 0,55 м и от поверхности дерна 0,62 м. Углубление ориентировано в направлении север—юг, длинные стены отвесные, северная пологая, в южной части имеется ступень. Вдоль краев углубления были прослежены следы древесного тлена — по-видимому остатки сруба. По периметру углубления лежали крупные камни, которыми, по мнению исследователей, был обложен сруб. Вход в сооружение был с южной стороны, где имелась ступенька. На полу у входа прослежено небольшое углубление, заполненное углем и золой,

под ним наблюдался прокал материка. Этот очаг, по мнению исследователей, имел ритуальное назначение. При расчистке сооружения были найдены обломки посуды и кальцинированные человеческие кости — остатки трупосожжений, совершенных на стороне. Кости всегда лежали под обломками сосудов или среди них. В северной части сооружения остатки трупосожжений лежали в три горизонта, в южной части — в один. Всего в сооружении обнаружено не менее 24 погребальных комплексов. Исследователи отмечают, что почти в каждом погребении имелся сосуд, сильно обожженный с одной стороны. По их мнению, сосуд стоял рядом с погребальным костром, а потом вместе с костями переносился в сооружение.

Исследователи выделили четыре типа погребальных комплексов. Тип I. Остатки сожжения помещались в небольшом сосуде, который накрывался более крупным, перевернутым вверх дном (10 случаев). Тип II. Остатки сожжения высыпались на поверхность и накрывались перевернутым сосудом (6 случаев). Тип III. Остатки сожжений высыпались на поверхность, а на них были брошены обломки одного или нескольких сосудов (5 случаев). Тип IV. Остатки сожжения помещались в сосуде-урне (3 случая).

В сооружении были найдены украшения, три грузика дьякова типа и кости конечностей лошади. Последняя находка особенно интересна так как, судя по этнографическим материалам, конь играл большую роль в верованиях финно-угорских народов и связывался с поклонением солнцу [10, с. 251]. На основании всего комплекса находок исследователи датируют сооружение третьей четвертью I тыс. н. э. [9, с. 150] Такой погребальный обряд они считают финно-угорским с элементами балтского или славянского влияния.

По мнению исследователей, в «домике» хоронили жителей поселка, которые являлись членами одной большой семьи. В качестве наиболее близкой аналогии указано погребальное сооружение на городище Березняки. При этом исследователи высказали сомнение в том, что там было похоронено всего пять-шесть человек и допускают, что число погребенных могло быть значительно больше. В заключение исследователи отметили, что: «погребальные домики далеко не всегда ставились на территории поселения. Более того, такое расположение их было, скорее, исключением» [9, с. 153]

Надо отметить, что из публикации не ясно, каково было стратиграфическое соотношение погребального сооружения и поселения. При обсуждении доклада на заседании сектора скифо-сарматской археологии в 1967 г. Ю. А. Краснов высказал мысль, чрезвычайно важную для понимания памятников такого характера. Он допускал, что «домик метрвых» мог быть построен на городище в то время, когда поселка уже не было, что поселение и погребальное сооружение — памятники разновременные. Можно ли рассматривать эти два погребальные памятника как типичные для городищ Волго-Окского междуречья?

П. Н. Третьяков и Е. И. Горюнова отмечали исключительность «домика мертвых», найденного на городище Березняки. Находка 1966 г. не изменила положение. Сейчас, когда целый ряд городищ исследован полностью, основываясь на материале, можно определенно сказать, что «домик мертвых» — явление редкое для этой группы памятников. Интересно отметить, что обе находки датируются примерно одним временем: третья четверть I тыс. или даже немного позднее. Число погребенных в «домике мертвых» на городище Березняки ни в коем случае не может соответствовать количеству жителей на поселении. Это может быть обусловлено двумя причинами. Возможно, что в «домике мертвых» хоронила своих умерших определенная группа обитателей поселка, а погребальный обряд другой части его населения мы не знаем. Такое предположение хорошо увязывается с гипотезой о проникновении балтов и славян на эту территорию и о принадлежности погребальных сооружений славянам. Например, помещение праха в сосуды, прослеженное на городище у Саввино-Сторожевского монастыря, можно рассматривать как славянский элемент. Однако предположение, что часть обитателей поселка производила захоронения

в его пределах в «домике мертвых», в то время как другие жители хоронили умерших по другому обряду вне поселения, и что это были славяне (кривичи, по мнению П. Н. Третьякова), вызывает возражение.

Анализ находок из погребальных сооружений показывает, что среди них нет безусловно славянских вещей. Часть находок, и в первую очередь украшения, имеют параллели в финно-угорских памятниках, другие имеют широкое распространение и не могут привлекаться как этнический признак.

Сопоставлять наземные погребальные сооружения с сооружениями, помещенными под курганными насыпями, надо весьма осторожно. Погребение, совершенное в земле или над землей, обусловлено представлениями людей о смерти, о загробном мире, всем мировоззрением данной этнической группы. Сооружение срубов под курганами — вещь достаточно распространенная у разных народов, также как и погребение на поверхности. Трудно предположить, чтобы часть населения, относящаяся к одной этнической группе, хоронила умерших в пределах поселения, а другая, относящаяся к другой — вне его. Если в находящемся на поселении «домике мертвых» при одноэтничном населении число погребенных не соответствует числу жителей, то естественно предположить, что в пределах поселения хоронили прах людей выдающихся: вождей или шаманов, а простых людей хоронили в другом месте. Однако при таком обряде «домики мертвых», несомненно, были бы найдены и на других поселениях, где были проведены достаточно широкие работы. Кроме того, состав погребенных — мужчины, женщины и дети — заставляет считать это сооружение семейной усыпальницей. О его семейном характере писали Ю. А. Краснов и Н. А. Краснов в своей публикации. С этим наблюдением нельзя не согласиться.

Представляется наиболее вероятным, что «домики мертвых» сооружались не в поселке, а в местах, удаленных от жилья. То, что в двух случаях они были найдены на городищах, обусловлено случайностью. Вероятно, они были построены в то время, когда поселение уже было покинуто и его место заросло. Как отмечалось выше, на разницу времени поселения и погребального сооружения обратил внимание Ю. А. Краснов. Как известно, П. Н. Третьяков считал, что «домик мертвых» одновременен поселку. Но он не приводил каких-либо данных в пользу их одновременности и даже не допускал возможности более позднего времени погребального сооружения. Однако, знакомясь с описанием памятника, нетрудно заметить, что стратиграфическое сопоставление объектов было затруднено из-за малой мощности культурного слоя — 0,20—0,35 м [3, с. 114]. При такой незначительной мощности слоя прослеживание прослоек обычно сильно затруднено, поскольку слой нарушен корнями деревьев и кустарника. Исследователь отмечает, что рядом с погребальным сооружением была большая, овальная в плане яма, стратиграфическое соотношение которой с постройкой из описания не ясно. Вторая яма нарушила восточную часть сооружения [3, с. 117]. Этими двумя сооружениями исчерпываются погребальные памятники, которые могут быть связаны с поздним этапом дьяковской культуры. По-видимому, разница в деталях погребального обряда обусловлена локальными различиями.

Как уже было сказано выше, оба погребальных сооружения относятся к третьей четверти I тыс., а возможно даже несколько позже. Таким образом, они приближаются к тому времени, которое было описано в «Повести временных лет». Б. А. Рыбаков отмечал, что в ее вводной части содержатся данные, относящиеся к середине и даже первой половине I тыс. [11, с. 40]. Летописец описал этническую ситуацию, характерную для довольно продолжительного периода. В Киеве, где создавалась летопись, данные о северных лесных районах были весьма отрывочны и неточны. Описывая славянские племена, населяющие Волго-Окское междуречье, т. е. территорию дьяковской культуры, летописец отмечал их отличие от прочих славян и наличие у них варварских обычаев.

Интересно отметить, что перечисляя народы, говорившие на славянских

языках, летописец не называет среди них вятичей и кривичей [12, с. 13]. Несомненно, в это время на верхней Волге и средней Оке население было смешанное. О длительных и мирных контактах между исконным финно-угорским населением и пришлым славянским свидетельствует ряд данных. Надо отметить, что антропологические исследования показывают, что у русского населения имеется ряд признаков, которые могли возникнуть только в результате смешения славян с аборигенным финно-угорским населением, а это возможно только при длительном проживании рядом [13, с. 199, 202]. О том же свидетельствует наличие в северной части Восточной Европы финно-угорской гидронимики [14, с. 20]. Если бы смена населения произошла в короткое время, то гидронимика изменилась бы. То, что сохранились финно-угорские названия рек, свидетельствует, что славяне, пришедшие в Волго-Окское междуречье, длительное время жили рядом с исконным, финно-угорским населением («дьяковцами») и пользовались их названиями.

Хотя в настоящее время большие работы проведены на целом ряде поселений, пока нет данных, позволяющих говорить, что проникновение славян в Волго-Окское междуречье осуществлялось вооруженным путем. Таким образом, все свидетельствует о длительном и мирном проживании рядом аборигенного («дьяковского») и пришлого славянского населения, что неизбежно должно было сопровождаться взаимным влиянием. Летопись доносит до нас описание погребального обряда вятичей и кривичей. Летописец сообщает, что после тризны они «творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеза сожжаху, и по семь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпь на путях» [12, с. 15].

Интересно отметить, что летописец касается погребального обряда только при описании племен, населявших Волго-Окское междуречье, верховья Оки и Волги. Вероятно, это объясняется тем, что он поразил летописца своей необычностью. Обряд слишком отличался от того, что было известно у других народов, к чему автор летописи привык. По-видимому, информаторы летописца, побывавшие в лесной полосе, были поражены увиденным там погребальным обрядом и сообщили о нем, как об интересном местном обычае.

Из летописного текста следует. 1. После совершения тризны похороны состояли из двух частей. Сначала покойного возглагали на «кладу велику» и сжигали, а потом кости помещали в сосуд и ставили «на столпь на путях». Таким образом, похоронный обряд как бы распадался на две части. 2. Останки покойного не закапывались, а помещались «на столпь». Как отмечал Б. А. Рыбаков, слово «столп» в древнерусском языке обозначало как собственно столб, так и маленький сруб, келью [11, с. 40].

Таким образом, летописные описания погребения чрезвычайно близко к тому, что было обнаружено при раскопках на городище у Саввино-Сторожевского монастыря. Если предположить, что на городище Березняки в момент помещения в домик кости были в туесах или коробах из коры, которые потом полностью истлели, то это погребение также совпадает с летописным описанием, включая все детали. Правда, в летописи не говорится о коллективном характере погребения.

Надо отметить, что при раскопках могильников на верхней Оке и Волге были найдены остатки погребальных домиков, но в отличие от дьяковских они были скрыты под курганной насыпью. В. В. Седов, говоря о ранних могильниках вятичей, отмечал погребальные камеры под курганными насыпями в шести пунктах и добавлял, что курганы с домовинами специфичны, но встречаются не только в вятичском ареале. Они известны у родимичей, у северян, у дреговичей [15, с. 14].

И. В. Дубов указывал на наличие «домиков мертвых» под курганами в ярославских могильниках, в том числе в Тимиревском, где было раскопано более 50 таких сооружений. Автор сравнивает их с «домиками мертвых» с городищ Березняки и у Саввино-Сторожевского монастыря. Погребальное со-

оружение под курганом автор рассматривает как результат финского влияния [16, с. 120, 123] Нельзя не упомянуть и деревянные погребальные камеры в курганах юго-восточного Приладожья, которые, по-видимому, были оставлены вепсами [17, с. 89—91].

Касаясь погребального сооружения с городища Березняки, П. Н. Третьяков указал для него целый ряд параллелей. В основном это погребальные камеры, расположенные под курганами. Сооружение, найденное на городище Березняки, он рассматривал как их прототип [3, с. 85]

В ряде мест долгое время сохранялся обычай ставить над могилой небольшой сруб уже в то время когда покойный помещался не в срубе, а в могильной яме. Неожиданное подтверждение такому погребальному обряду находим в одной из двух повестей «О начале Москвы». Для рассматриваемого вопроса интерес представляет та, которую М. Н. Тихомиров определил как новеллу [18, с. 12, 13] В ней в поэтической форме рассказывается о том, как князь Донило поехал на охоту с сыновьями боярина Кучки, которые, по наущению княгини Улиты, напали на князя и пытались его убить. Спасаясь от погони, князь углубился в чащу «и по прилучаю наиде в той дебри струбец мал стоящ, под ним же преж погребен был ту некоторый мертвый человек. Князь же влезе в струбец той, закрывся в нем, забыв страх от мертвого» [19, с. 216] Сохранилось шесть вариантов «повести», и это событие и устройство «срубца» описывается почти одинаково. Кучковичи были в отчаянии, что упустили князя живым, но злая княгиня Улита дала им любимого княжеского пса. Пес стал искать хозяина и нашел дорогу к срубу: «...и добежав до того струбца упокойнаго, где ухоронился князь, и забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместился» [19, с. 204]

Рассказ этот, несомненно, дает основание считать, что ко времени возникновения Москвы еще существовали надмогильные сооружения в виде срубов, представлявших собой маленький домик. Текст «Повести» позволяет судить как о местоположении, так и о размерах «сруба». Он находился при излучине реки в дебрях. По-видимому, других могил рядом не было. Взрослый человек смог в него влезть, а собака, после этого смогла засунуть туда только голову. Вероятно, сруб своими размерами приближался к могильной яме. Надо отметить, что этнографы многократно наблюдали на русских кладбищах надмогильные сооружения в виде домиков. Несколько изображений таких сооружений с двухскатной крышей и установленным поверх нее крестом из района г Кеми и Тотемского уезда Вологодской губернии были опубликованы А. А. Бобринским [20, табл. 52, *145*]. Интересно отметить, что автор называет эти сооружения «могильный срубец», по-видимому, употребляя местное название.

Б. А. Рыбаков сообщает, что художник Н. О. Фрейман в 1930-х годах зарисовал такие сооружения близ Рязани в селе Солотча [11, с. 44] Рисунки Н. О. Фреймана и фотографии в альбоме А. А. Бобринского чрезвычайно близки к описанию «срубца» в «Повести о начале Москвы». Они могли бы быть иллюстрациями к тексту.

В 1957 г. на русском православном кладбище села Мышкино Можайского р-на автор наблюдал срубы над могилами, сделанные в лапу из хорошо обтесанных плах прямоугольного сечения. Высота сруба 2—3 венца. Толщина плах 0,15—0,20 м. Сруб имеет прямоугольную форму и является обрамлением могильного холма. Крыши сруб не имеет, и на уровне верха находится дерн. На могиле установлен крест. В том случае, когда в одной могиле захоронено несколько человек, количество крестов, установленных в ней, соответствует числу погребенных. В таком случае один крест бывает больше других. Сруб имеет широкие пропорции, как бы обрамляя насыпь братской (семейной) могилы. На кладбище, наряду с описанными надмогильными сооружениями, были и обычные насыпи. К сожалению, автор не произвел подсчетов и не установил, какой процент составляли могилы со срубами. Но могилы без срубов явно преобладали. В момент осмотра все срубы были исправны, в некоторых

были недавно заменены подгнившие бревна. Вероятно, такие срубы следует рассматривать не как приспособление для предотвращения оплывания могильного холма, так как рядом их нет, а как пережиток древних погребальных обычаев.

По-видимому, воспоминанием о наземном погребальном обряде, бытовавшем у дославянского населения центральной части Восточной Европы, является образ «бабы-яги костяной ноги» и «избушки на курьих ножках». В трехтомном сборнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева содержится 579 сказок. Баба-яга и избушка упоминаются в 21 сказке. В разных сказках, записанных на большом расстоянии одна от другой, образ бабы-яги рисуется очень близко, часто почти одними и теми же словами. Во всех случаях баба-яга существо не русское, противопоставляющее себя русским. Она говорит: «Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел» [21, т. I; с. 228]. В некоторых случаях баба-яга враждебна герою, но чаще она нейтральна или даже помогает ему. Избушка бабы-яги описана весьма лаконично и стандартно: «Стоит избушка на курьих ножках» [21, т. I, с. 155], «стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках» [21, т. I, с. 279], «в чистом поле стоит хатка на курьих лапках на собачьих пятках» [21, т. II, с. 92].

В ряде сказок довольно стандартно описывается положение бабы-яги в избушке: «Идет мужик в избушку, а в ней баба-яга; Впереди голова, в одном углу нога, в другом другая» [21, т. I, с. 155]; «На печке лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок» [21, т. I, с. 279]; «Лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, зубы на полку положила» [21, т. II, с. 486]

Интересно отметить, что в двух сказках дом бабы-яги окружен кольями, на которые надеты головы. Это сказки «Василиса Прекрасная» и «Марья Маревна». В сказке «Марья Маревна» дом описан следующим образом: «Стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человеческой голове, только один не занят» [21, т. I, с. 380]

Аналогичное описание имеется в Калевале:

«Ты послушай, что скажу я
К избам Похъёлы пойдешь ты —
Там все колья на пригорке
Огорожен двор столбами,
Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя сидела» [22, с. 315].

Оба источника дают настолько близкое описание, что можно предположить, что это один объект, что конечно исключено. По-видимому, в данном случае это описание финно-угорского жертвенного места.

Представляется вероятным, что образ бабы-яги сложился под впечатлением погребального обряда финно-угорского населения Волго-Окского междуречья в период заселения его славянами. В пустынном месте, в лесу или поле стояла одинокая маленькая избушка «срубец». В ней находился погребенный или погребенные. Почему с избушкой на курьих ножках (вероятно, это погребальная камера на сваях) связана баба-яга — женский образ? На этот вопрос трудно ответить. Возможно, что погребальный культ обслуживали жрицы женщины. Тот факт, что баба-яга и избушка на курьих ножках встречаются как сказочные персонажи на большой территории, часто далеко за границей распространения дьяковской и городецкой культур, не может вызывать удивление, так как русское население, в среде которого сложились эти сказки, расселялось и несло с собой свой фольклор.

Проблемы наземных погребений в среднем Поволжье касалась В. В. Гольмстен. Используя мордовский фольклор, она сделала вывод, что в древности существовал обычай помещать умерших на деревьях. В песне, известной в

нескольких вариантах, умирающая девушка просит похоронить себя на дереве: «Не хорони меня,батюшка,на кладбище, вели отнести меня на перекресток большой дороги, вели положить меня, батюшка, на вершину березы» [23, с. 57, 58] В. В. Гольмстен описала интересный обычай, наблюдавшийся сравнительно недавно. Людей, умерших зимой, не хоронили в землю, а относили в лес и подвешивали на сучья березы, а весной тайно хоронили под тем деревом, на котором умерший помещался зимой. Объясняется это тем, что в течение зимы душа покойного должна очиститься настолько, чтобы по белизне быть похожей на снег или кору березы [23, с. 58]

Чрезвычайно интересные этнографические данные о погребальном обряде мордвы сообщает Н. Ф. Мокшин. До настоящего времени имеют место факты, когда на стенках гроба топором, ножом или углем изображают окна. Считалось, что погребенный будет смотреть в эти окна, а в ногах гроба делалось изображение двери, чтобы погребенный мог выходить и входить [24, с. 50, 51]. Н. Ф. Мокшину известен факт, когда по просьбе человека в его гробу сделали настоящие окна с рамами и стеклами [24, с. 51] Аналогичный обычай делать на гробах изображения окон и дверей известен у марийцев [25, с. 66] Н. С. Попов сообщает, что еще в конце XIX в. делали гробы с отверстием со стеклом, предназначенные для старшего в семье или вожака в деревне, т. е. наиболее уважаемых людей [26, с. 161]

Представляется вероятным, что обычай изображать на гробах окна и двери мог возникнуть при условии, что первоначально погребальные сооружения помещались на поверхности земли и имели вид маленьких домиков. Как известно, мордовские могильники появляются в первой четверти I тыс. н. э. Очевидно, наряду с ингумацией существовали и другие, наземные формы погребения. Соответствовали ли разные формы погребального обряда разным группам населения или нет, сказать трудно.

Чрезвычайно интересный материал был получен при исследовании Старшего Ахмыловского могильника, относящегося к VIII—VI вв. до н. э. А. Х. Халиков отмечает, что на могильнике встречаются два обряда погребения: в наземных сооружениях и в могильных ямах [27, с. 32] Исследователь считает, что «почти над каждой могилой сооружались небольшие срубы-жилища (именно срубы, а не столбовые конструкции), которые служили своеобразным наземным домом, для закрытого в большинстве случаев, а иногда и оставленного непосредственно в срубе, погребенного. Все это, очевидно, было связано с поверием, что материальные остатки человека (кости, одежда и пр.) должны были остаться в жилище, а душа должна была переселиться, или должна была быть переселена в иной мир» [27, с. 91] В ряде случаев практиковалось помещение нескольких погребенных под одним срубом. По мнению А. Х. Халикова, «погребения в таких наземных „домах" очевидно, стало характерным для западнофинских (городецко-дъяковских) племен от Средней Волги на востоке до Прибалтики и южной Финляндии на западе» [27, с. 92].

Говоря о погребальном обряде Старшего Ахмыловского и Тетюшского могильников надо отметить, что в них есть элементы, которые пока не прослеживаются в других, расположенных восточнее. Это погребение в «домике мертвых» выше земной поверхности, а также наличие сруба над могилой. Оба могильника находятся в зоне контакта племен ананьинской культуры и племен сетчатой керамики. Материалы, полученные при исследовании поселений, позволяют считать, что население на них было смешанное. Помимо того, что на поселениях в одном слое встречается сетчатая и ананьинская керамика, имеются образцы, несущие черты обеих культур. Такая керамика могла появиться только при условии длительного совместного проживания представителей обеих этнических групп. Она была найдена на втором Васильсурском городище [28, с. 142], на Нижне-Услонском поселении [28, с. 111], на городище Казанка I [29, с. 61] и на других памятниках. Влияние западных культур, дьяковской и городецкой, на памятниках, расположенных по Ветлуге и по Средней Волге, ощущается

очень сильно. По-видимому, оно проявлялось не только в керамике на поселениях, но и в погребальном обряде и «домике мертвых».

Наличие срубов (но не домиков) над могилами многократно фиксировалось этнографами у финно-угорских народов. Так, они еще недавно встречались у марийцев [30, с. 150] и у мордвы [31, с. 172] Возможно, что они где-то есть и до настоящего времени. Однако подобные сооружения встречаются не только у финно-угорских народов.

Закономерен вопрос, правомерно ли привлечение этнографического и фольклорного материала для решения проблемы позднедьяковского погребального обряда? Общеизвестно, что некоторые обряды или их отдельные элементы сохраняются в неизменном или мало измененном виде на протяжении длительного времени. Погребальный обряд относится к их числу. Многие его детали возникли в глубокой древности. Как известно, сказки и легенды порой несут информацию о весьма древних нормах и обычаях, в частности о пережитках матриархата, на что обращали внимание многие исследователи [32, с. 166] Поэтому есть все основания рассматривать бабу-ягу и избушку на курьих ножках как воспоминание о древнем погребальном обряде, который славяне наблюдали у местного населения при заселении Волго-Окского междуречья. О широком распространении у финно-угорских народов обрядов, связанных с применением огня при погребении, писала Е. И. Горюнова. Она привела целый ряд археологических и этнографических данных, свидетельствующих о его большой роли [33, с. 75 и далее].

В заключение можно сделать следующие выводы. «Домики мертвых», обнаруженные при исследовании городищ Березняки и у Савино-Сторожевского монастыря, следует связывать с дославянским финно-угорским населением, т. е. с поздним, завершающим этапом дьяковской культуры. Различия в деталях, несомненно, обусловлены временными и локальными особенностями погребального обряда в разных частях Волго-Окского междуречья. Число погребенных в «домике» на городище Березняки не соответствует числу обитателей поселка. По мнению Е. И. Горюновой, в пределах поселения сохранялся только прах наиболее почитаемых членов коллектива — «богатырей» [33, с. 82] Однако наличие детских костей как будто свидетельствует против этого.

Наблюдения Ю. А. Краснова, сделанные при исследовании городища у Саввино-Сторожевского монастыря, и тот факт, что при полном исследовании ряда городищ такие сооружения не были найдены, позволяет предположить, что «домики мертвых» не ставились в пределах поселков и на двух городищах они оказались случайно. Вероятно, они сооружались вне населенных пунктов в относительно пустынном месте, в священной роще. В обоих случаях в «домике» сохранялись кремированные останки умерших. Как отмечалось выше, именно такой погребальный обряд был описан в «Повести временных лет». Оба погребальных сооружения могут служить иллюстрацией к летописному тексту. Вятические курганы с домовинами менее соответствуют этому описанию. В. В. Седов, говоря о вятических курганах, пишет, что летописец из Переславля-Залесского, писавший в начале XIII в., к словам «Повести временных лет» о постановке погребального сосуда на столпе добавляет: «...и в курганы сыпаху» [15, с. 11] Может быть, такое уточнение было обусловлено тем, что летописец, писавший первоначальный текст, судил об обряде по рассказам, а монах из Переславля-Залесского сделал уточнение в соответствии со своими более поздними наблюдениями. Эта поправка, по-видимому, свидетельствует о том, что отождествлять «столпы» с домовинами под курганами нельзя. Это какое-то другое сооружение, не связанное с курганом.

Погребальные сооружения, исследованные А. Х. Халиковым на Старшем Ахмыловском могильнике, по его мнению, через некоторое время после погребения сжигались. Если захоронение было в нем, то оно сгорало, если в земле под ним, то нет [27, с. 92] Такой обряд сильно отличается от прослеженного на городищах Березняки и у Саввино-Сторожевского монастыря, где сожжение

производилось на стороне. Вероятно, в пределах распространения дьяковской культуры захоронения производились в «домиках мертвых» над поверхностью земли. Помимо приведенных выше данных в пользу этого свидетельствует и отсутствие могильников. Приводимый часто довод, что дьяковские могильники еще не найдены, потому что не имеют внешних признаков, звучит неубедительно, так как на этой территории в большом количестве известны фатьяновские и поздняковские могильники, также не имеющие внешних признаков. По-видимому, «домики мертвых» сооружались за пределами поселений. Находка погребений на городищах — это в известной мере счастливая случайность. Дальнейшее изучение погребального обряда дьяковской культуры требует тщательных разведок и тщательного сбора информации о находке отдельных предметов, так как остатки погребений могут быть найдены только на небольшой глубине, непосредственно под дерном и вне поселений, или на поселениях в основании культурного слоя или под дерном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Наука, 1964.
2. *Морган Л. Г* Первобытное общество. СПб., 1900.
3. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. // МИА. 1941. № 5.
4. *Розенфельдт И. Г* Еще раз о березняковском городище // КСИА. 1980. Вып. 162.
5. *Смирнов А. П.* К происхождению восточных славян // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.
6. *Горюнова Е. И.* Об этнической принадлежности населения Березняковского городища // КСИИМК. 1956. Вып. 65.
7. *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.
8. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.
9. *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Худяков М. Г* Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933.
11. *Рыбаков Б. А.* Нестор о славянских обычаях // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
12. Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
13. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
14. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
15. *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135.
16. *Дубов И. В.* «Домики мертвых» ярославских могильников. Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
17. *Пименов В. В.* Этническая принадлежность курганов юго-восточного Приладожья // СА. 1964. № 1.
18. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947.
19. *Солмина М. А.* Повесть о начале Москвы. М.; Л.: Наука, 1964.
20. *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. М., 1913.
21. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. I—III. М., 1975.
22. Калевала. М., 1949.
23. *Гольмстен В. В.* Надземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. 1940. Вып. V
24. *Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
25. *Яковлев Г* Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.
26. *Попов Н. С.* Погребальный обряд марийцев в XIX — начале XX веков // Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981.
27. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
28. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1962.
29. *Ишмуратова Г Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1.
30. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Казань, 1889.
31. *Смирнов И. Н.* Мордва. Казань, 1895.
32. *Косвен М. О.* Матриархат. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
33. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.

K. A. SMIRNOV

THE BURIAL RITE OF THE DYAKOVO CULTURE

Summary

Only twice archaeologists stumbled across Dyakovo burials — in the Bereznyaki fortified settlement and at the Savvino-Storozhevsky monastery. In both cases they proved to be collective tombs, looking like a small hut where cremation remains were placed. In the hut found at the monastery the ashes were placed in a vessel. There are indications that the burial construction was later than the settlement and had no connection with it whatsoever. Both finds are dated to the third quarter of the I millenium A. D. or even later Ethnographic and written sources provide ample information on burial huts placed under kurgans or found on the ground. Thus, the Vyatichi burial rite as described in the *Tale of Bygone Years* can be applied to these finds. It seems that the on-ground burial huts of the pre-Slavic population are accountable for some of the personages in Russian folk tales. There are every ground to surmise that the pre-Slavic population between the Oka and Volga buried their dead in the „huts of the dead".

Б. А. ТИМОЩУК

НАЧАЛО КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
(по материалам поселений Украинского Прикарпатья)

В исторической науке еще нет однозначного ответа на вопрос о начале классовых отношений у восточных славян. В. Д. Королюк, например, начальную грань зарождения классовых отношений у восточных славян относил к рубежу VI—VII вв. [1, с. 30] Касаясь этой же проблемы, А. Ю. Дворниченко пишет: «Исторический материал, относящийся к Верхнему Поднепровью и Подвинью, свидетельствует о сложении феодализма в данном регионе не ранее XIV—XV вв. и тем самым подтверждает концепцию о дофеодальном характере общественного строя Руси XI—XII вв.» [2, с. 73] Расхождение, как видим, составляет многие столетия.

Решение этой проблемы в значительной мере зависит от привлечения новых источников. В данной статье делается попытка привлечь к решению проблемы материалы славяно-русских городищ и прилегающих к ним селищ. Памятники этого типа на территории Восточной Европы обнаружены почти в 1500 пунктах, и на многих из них проведены значительные археологические исследования [3, с. 38] Но для решения социальных проблем пригодны материалы тех городищ, исследования которых охватили все структурные части поселения: жилищно-усадебную, оборонительную и, главное, хозяйственно-производственную (поля, пастбища, охотничьи угодья, карьеры полезных ископаемых и др.). Такого рода целенаправленное изучение городищ проводилось на территории Украинского Прикарпатья, эти результаты положены в основу данной статьи.

Проведенными исследованиями удалось установить, что славяно-русские городища VII—XII вв. могли быть построены: 1) общинами, которые обладали самоуправлением; 2) государством, которое распространяло свое господство посредством строительства крепостей — опорных пунктов своей власти на местах; 3) крупными земельными собственниками, которые на своих вотчинных землях возводили укрепленные усадьбы-замки.

Хронологическая классификация славяно-русских городищ показала, что городища — общинные центры, т. е. те, которые возводились самоуправляемыми общинами, характерны для финальной стадии первобытнообщинного строя; городища — феодальные замки начали строить в то время, когда возникли частновладельческие вотчины — характерный признак зрелого феодализма [4, с. 36—37] Городища — государственные (княжеские) крепости начали, естественно, строить при сложении государственных отношений, и именно эти городища заслуживают пристального внимания при рассмотрении проблемы начала сложения классовых отношений у восточных славян по археологическим данным.

Определение городищ — княжеских (государственных) крепостей по археологическим данным облегчается тем, что в летописях упоминаются конкретные «грады», принадлежавшие киевским князьям или построенные по их инициативе. Среди этих укрепленных поселений «Вышгород град Вользин» [5, с. 43], Белгород, который «заложил» Владимир Святославич [5, с. 83], Витачов, который «повеле рубити» киевский князь Святополк [5, с. 149] и др. Раскопки их руин, а также других городищ такого типа дали определенное представление

© Б. А. Тимощук, 1990 г.

о княжеских крепостях, позволили выделить их существенные археологические признаки, по которым они отличаются от городищ — общинных центров и городищ — феодальных замков.

Важным археологическим признаком городищ — княжеских крепостей является конструкция их главных укрепленных линий, основу которых составляют валы-платформы [1] На вершинах этих валов находились деревянные оборонительные срубы, в которых во время боевых действий сосредоточивались воины — защитники крепости. С внутренней стороны к валам-платформам примыкали жилищно-хозяйственные постройки, как правило срубной конструкции. Такая конструкция главных укрепленных линий характерна в основном для княжеских крепостей. Основу таких же линий, например городищ — общинных центров, составляли деревянные стены столбовой конструкции без применения валов-платформ. Эти стены с внешней стороны усиливались валами-откосами [2], а с внутренней — длинными домами или другими постройками общего пользования. Основу же главных укрепленных линий городищ — феодальных замков составляли обычно сплошные линии оборонительных срубов, поставленные без применения валов-платформ. Эти срубы с внешней стороны также усиливались валами-откосами.

Довольно важным археологическим признаком поселений — княжеских крепостей является характер застройки их территории. Так, особенностью застройки княжеских крепостей X—XI вв., например, было вынесение за пределы крепости их хозяйственно-производственной части, что не характерно для поселений — общинных центров. Такая социально-территориальная структура поселений — княжеских крепостей сложилась вследствие социальной дифференциации восточнославянского общества и поэтому вызывает особый интерес.

Для выяснения социального состава населения, которое находилось под защитой главных укреплений линий княжеских крепостей X—XI вв., обратимся к материалам городищ этого времени в Ревно [4, с. 39—50] и Горишних Шеровцах [4, с. 57—62] Остатки их древних построек хорошо сохранились. На центральных площадках этих городищ обнаружены жилища двух типов: 1) жилищно-хозяйственные срубы, входившие в конструкцию главных укрепленных линий, 2) свободно расположенные во дворе крепости срубные дома, часто с подвалами.

Оказалось, что жилищно-хозяйственные срубы у вала чаще всего имели два яруса: верхний, который служил жилищем, и нижний, использовавшийся для разнообразных хозяйственных нужд, в том числе и для занятия ремесленной деятельностью. Это подтверждается, во-первых, тем, что остатки отопительных сооружений в этих постройках обрушились, и, во-вторых, нижние помещения часто имеют специальные приспособления для занятия ремесленной деятельностью. В них, например, прослежены материковые останцы — «лавки», возле которых найдены железные шлаки и обломки глиняных тигельков.

Комплексы находок в жилищно-хозяйственных срубах княжеских крепостей X—XI вв. имеют военно-ремесленный характер. Об этом убедительно свидетельствуют также материалы княжеских крепостей этого времени, которые исследовались в Алчедаре [6, с. 78—85] и Екимауцах [7, с. 104—126] Эти крепости были сожжены кочевниками, и на их месте сохранилось много вещевых находок. В жилищно-хозяйственных постройках крепостей найдены предметы вооружения (железные шпоры, пластинки от панциря, стрелы, копья, боевые топоры и др.), ремесленные инструменты (наковальни, клещи, точила, зубила, тесла, пробойники, напильник и др.), разнообразные бытовые предме-

---

[1] Валы-платформы — это своеобразные фундаменты для оборонительных срубов, и они чаще всего насыпались из земли и скреплялись внутренними срубами. Известны также валы-платформы, сложенные из бревен перекладным способом.

[2] Валы-откосы — это остатки специальных сооружений из глины, иногда из глины, камней и дерева, в виде откосов, прикрывавших деревянные стены с внешней стороны, которые сохраняются в виде невысоких земляных валов.

ты, в том числе женские украшения (серебряные серьги, медные бубенчики и др.).

Конструктивная связь жилищно-хозяйственных срубов с укрепленными линиями и находки в них предметов вооружения свидетельствуют о том, что в этих срубах жили со своими семьями дружинники — основная военная сила княжеских крепостей. Кроме военных обязанностей дружинники занимались также ремеслом, которое было связано с военным делом.

Другой характер имели жилища, располагавшиеся на центральных площадках княжеских крепостей X—XI вв. независимо от укрепленных линий. Это были наземные срубные дома, рядом с которыми не выявлено хозяйственно-производственных и других построек, т. е. эти жилища не входили в состав усадеб. Это важный показатель того, что обитатели этих жилищ не принимали непосредственного участия в хозяйственно-производственной деятельности. Многие из этих домов имели подвальные помещения — хранилища. При отсутствии личного хозяйственно-производственного комплекса эти подвалы могли предназначаться для хранения продукции, поступавшей в крепость в виде даней. Известно, что часть даней, поступавших в крепость, предназначалась непосредственно «княжим мужам» [8, с. 150—155] Поэтому есть основание утверждать, что жилища с подвалами на центральных площадках княжеских крепостей могли принадлежать сборщикам княжеских даней.

Расположение наземных срубных домов с подвалами на центральных площадках княжеских крепостей под защитой укрепленных линий, охраняемых дружинниками, и находки на их территории предметов вооружения и драгоценных предметов (например, на территории Алчедарского городища найдена массивная серебряная шейная гривна — знак богатства и власти) позволяют утверждать, что эти жилища принадлежали военно-служилой знати. Это подтверждается также свидетельством письменных источников. Например, Владимир Святославич «нача ставити городы... поча нарубати мужъ лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады» [5, с. 83], т. е. населял свои крепости военно-служилой знатью. Эта знать обязана была собирать дани с крестьянских общин. Не случайно процесс сооружения княжеских крепостей сопровождался обложением местного населения регулярной данью: Олег «нача городы ставити, и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери» [5, с. 20]

На территории центральных площадок княжеских крепостей X—XI вв. раскопаны также наземные срубные жилища без подвалов. Наличие разнотипных жилищ (с подвалами и без них) позволяет допустить, что среди военно-служилой знати существовала определенная специализация по исполнению военно-административных обязанностей.

Таким образом, на территории центральных площадок княжеских крепостей жила военно-служилая знать, выполнявшая от имени великого князя военные, административные, фискальные и другие функции, опираясь на силу воинов-дружинников. Последние жили в жилищно-хозяйственных срубах главных укрепленных линий. Военная-служилая знать представляла собой разветвленную и постоянную военную организацию, которая скреплялась договорными вассальными связями. Ее членов объединяли не родственные и не общинные связи, а специализация на военно-административной деятельности. Часто ряды ее формировались из чужаков, не имевших сколько-нибудь прочных связей в местном обществе и потому преданных великому князю.

Теперь выясним социальный состав населения хозяйственно-производственных частей княжеских крепостей, которые в наших исследованиях получили наименование «селища — спутники княжеских крепостей» [9, с. 20, 21]. Целенаправленное исследование этих селищ проведено в Ревно, Горишних Шеровцах, Теребовле и Стожке. Полученные в этих пунктах археологические данные о селищах-спутниках заслуживают отдельного рассмотрения.

Княжеская крепость X в. в Ревно была построена на высоком мысу, на

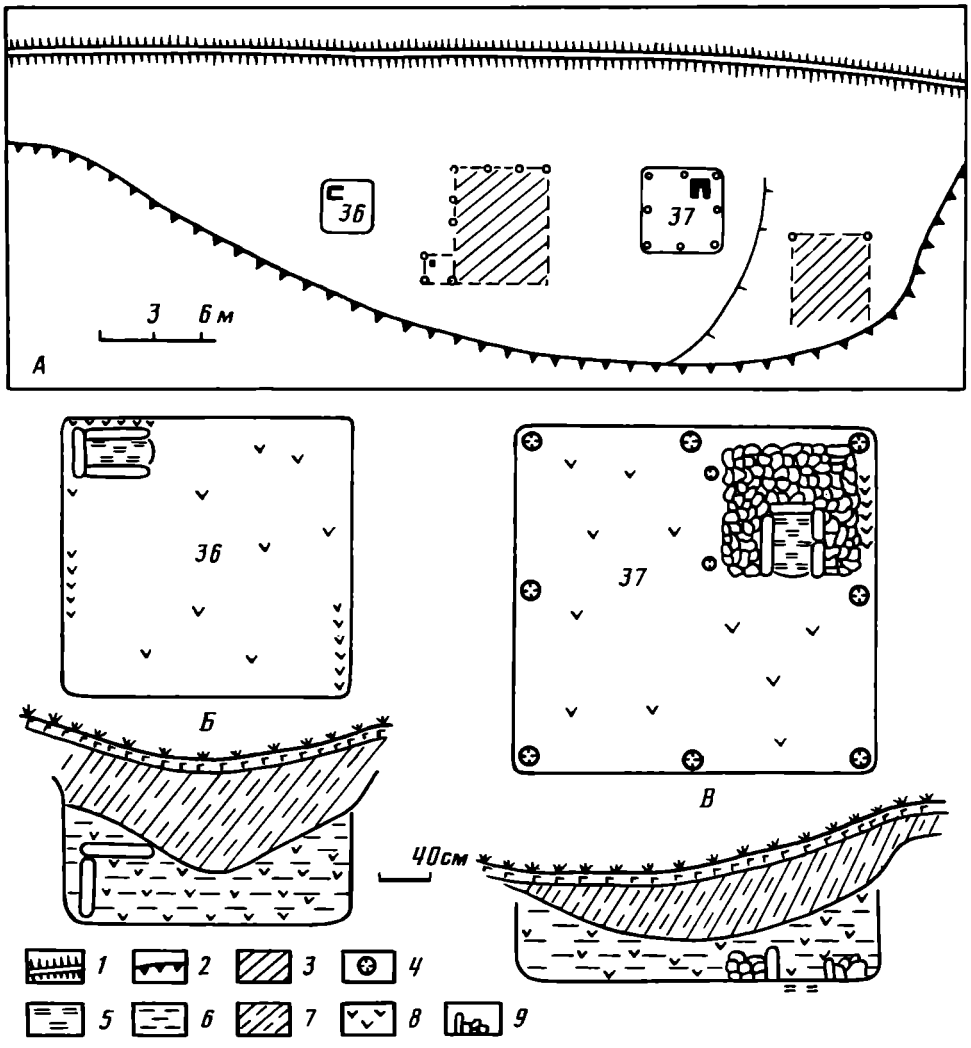


Рис. 1. *А* — усадьба X в. на селище — спутнике княжеской крепости в Ревно; *Б, В* — планы и профили жилищ. *1* — вал IX в.; *2* — крутой склон; *3* — наземные постройки; *4* — ямы; *5* — обожженная глина; *6* — глина; *7* — серая земля; *8* — угли; *9* — камни

месте сожженного общинного центра около рубежа IX—X вв. [4, с. 39—57] Крепость прекратила свое существование в конце X в. Позднее ее территория не застраивалась, и ее остатки хорошо сохранились. Поэтому представилась возможность обнаружить следы древней дороги, которая соединяла селище-спутник на стрелке мыса с пахотной землей с противоположной стороны крепости.

На территории селища-спутника хорошо сохранились в виде западин остатки жилищ X в. Раскопано 17 западин, которые оказались землянками, т. е. углубленными постройками, стены которых, за исключением фасадных, а также крыши были полностью укрыты землей (теперь эта земля толщиной 40—70 см, с вкраплениями угля, лежит на дне котлованов глубиной больше 1 м). Это новый тип жилища, появившийся в процессе формирования селищ — спутников княжеских крепостей. Он отличается от наземных срубных жилищ военно-служилой знати и даже от жилищ свободных крестьянских общин Украинского Прикарпатья этого же времени. Последние представляли собой полуземляники, т. е. постройки, в которых нижняя часть опускалась в материк, а большая их часть возвышалась над поверхностью земли.

Оказалось, что жилища селищ — спутников княжеских крепостей, в отличие

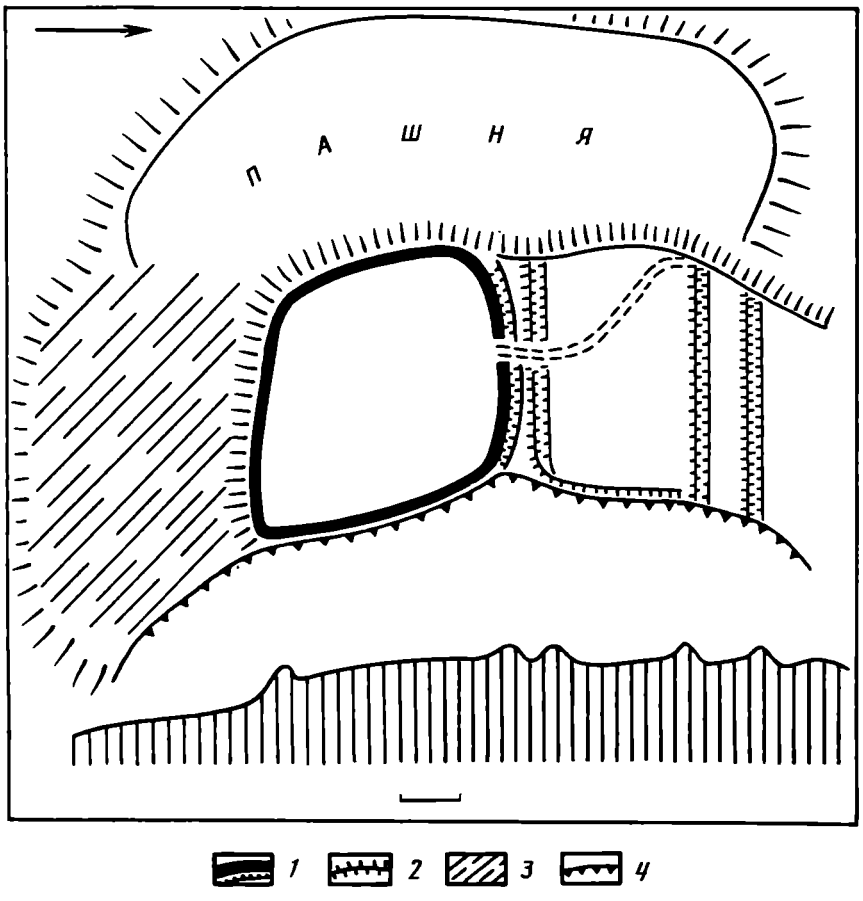


Рис. 2. Городище — княжеская крепость X—XI вв. у с. Горишние Шеровцы. *1* — укрепленная линия X—XI вв.; *2* — укрепленная линия раннежелезного века, которая использовалась в X—XI вв.; *3* — территория селища-спутника; *4* — обрыв

от жилищ военно-служилой знати этих же крепостей X—XI вв.[3], входили в состав усадеб. Одна из них, имевшая естественные границы, раскопана на селище — спутнике княжеской крепости в Ревно (рис. 1). На ее территории (20×40 м) раскопаны две землянки-жилища с печами-каменками. Эти жилища функционировали в разное время, но в пределах X в. Рядом с древнейшим жилищем (№ 36) этой усадьбы раскопаны остатки наземной хозяйственной постройки, войти в которую можно было, поднявшись по деревянной лестнице (от нее сохранились столбовые ямы и куски сгоревшего дерева), т. е. это была постройка с приподнятым над землей деревянным полом. В состав усадьбы входила еще одна наземная постройка, стены которой были из плетня, обмазанного глиной. По-видимому, это было помещение для содержания скота. Усадьба с хранилищем-амбаром и хлевом могла принадлежать земледельцу, который пользовался землей, расположенной возле княжеской крепости.

Важным для раскрытия социального содержания селища — спутника княжеской крепости в Ревно является раскопанный на его территории длинный дом (длина 85 м, ширина около 6 м). Он состоял из двух помещений, в меньшем из которых выявлена культовая яма, а большее использовалось как пекарня (в нем находилось девять нишеобразных печей для выпечки хлеба). На территории селища раскопано еще пять таких же хлебных печей, которыми пользовались его жители.

Если жители селища — спутника княжеской крепости имели свои печи для

[3] Жилища военно-служилой знати без усадеб характерны лишь для княжеских крепостей X—XI вв. Для княжеских крепостей XII—XIII вв. характерны индивидуальные усадьбы.

выпечки хлеба, тогда возникает вопрос: куда поступал хлеб из общественной пекарни? Здесь ответ может быть один — на пропитание военного гарнизона крепости, на территории которого таких печей не обнаружено. Если принять во внимание тот факт, что жители селища-спутника пользовались землей, принадлежавшей княжеской крепости, то следует признать, что гарнизон крепости кормился за счет населения селища-спутника. Это предположение подтверждается материалами других селищ — спутников княжеских крепостей.

Интерес к княжеской крепости в Горишних Шеровцах вызван тем, что эта крепость располагалась на высокой горе, и поэтому поселение имеет естественные границы в виде крутых склонов [4, с. 57—65] Селище — спутник этой крепости расположено рядом с крепостью, на небольшом склоне (рис. 2). Рядом с селищем находится горизонтальная площадка размерами 400×150 м, с мощным слоем чернозема, которая в древнерусское время служила пашней. Коллективным держателем этой земли, входившей в структуру поселения — княжеской крепости, могла быть военно-служилая знать, а обрабатывали эту землю жители селища-спутника, располагавшие для этого необходимыми средствами.

Такое понимание сущности селища-спутника основывается прежде всего на его расположении. Только зависимое от княжеской крепости население вынуждено было устраивать свои усадьбы на высокой горе (ее высота более 400 м), далеко от воды, на косогоре, но рядом с пахотным полем, которое находилось под защитой крепости. В таком селище была заинтересована военно-служилая знать крепости, поскольку селища вместе с полем представляли собой хозяйственно-производственный комплекс, без которого в условиях господства натурального хозяйства крепость нормально функционировать не могла. Уничтожить селище-спутник вместе с урожаем на его поле означало обречь гарнизон крепости на голодную смерть.

Расположение селищ — спутников княжеских крепостей на высоких холмах и мысах, под защитой крепостей, характерно и для других поселений этого типа. На высоком мысу рядом с крепостью располагается селище-спутник в Теребовле [10, с. 251, 252]. Оно занимает большую территорию (800×200—400 м), так как, по-видимому, гарнизон этой крепости, который обязано было кормить население селища-спутника, был значительным. На территории селища раскопана усадьба, занимавшая территорию приблизительно 30×50 м. В ее состав входили две землянки с печами-каменками, функционировавшие в разное время, но в пределах X в., и две наземные постройки (хлева). Более древнее жилище при сооружении нового было приспособлено под хранилище — в нем были выкопаны две большие хозяйственные ямы (погреб и зерновая яма). Комплекс построек этой усадьбы, как и в Ревно, характерен для индивидуальных хозяйств, которые занимались хлебопашеством.

Важная информация о структуре селища-спутника получена при обследовании княжеской крепости XI в. у с. Стожок Шумского р-на Тернопольской обл. [4] Это селище располагается на том же высоком мысу, что и городище — княжеская крепость, имеет хорошо выраженные естественные границы в виде крутых склонов, а одной стороной примыкает к главному укрепленному валу крепости. На территории селища хорошо сохранились западины (следы жилищ), которые располагаются таким образом, что в центре этого поселения находилось пахотное поле размерами 300×300 м. Такое расположение жилищ (усадеб?) по отношению к пахотной земле, во-первых, обеспечивало определенную охрану поля и, во-вторых, свидетельствует о том, что жители селища-

[4] Поселение — княжеская крепость у с. Стожка обследовано совместной экспедицией Института археологии АН СССР (руководитель И. П. Русанова) и Тернопольского краеведческого музея в 1988 г. Прорезкой вала-платформы, окружающего центральную площадку городища, обнаружены с его внутренней стороны остатки помещения для воинов. На центральной площади раскопаны остатки наземного дома с подвалом.

спутника, усадьбы которых были рассредоточены вокруг поля, были держателями этой земли.

Итак, важной составной частью поселений княжеских крепостей X—XI вв. являлись селища-спутники, представлявшие собой хозяйственно-производственные зоны этих крепостей. Эти селища располагались под защитой крепостей, обычно в одинаковых с ними топографических условиях. Хронологические рамки существования селищ-спутников совпадают со временем существования княжеских крепостей. Основным элементом застройки этих селищ были индивидуальные усадьбы земледельцев — держателей земли, принадлежавшей княжеским крепостям. Эти земледельцы жили в землянках с печами-каменками, владели скотом (об этом свидетельствуют раскопанные хлева), располагали хранилищами (амбарами).

Социальная сущность селищ — спутников княжеских крепостей раскрывается при сопоставлении археологических данных и письменных источников. Анализ последних убеждает в том, что эти селища упоминаются в летописях начиная с X в. как «княжеские села». Так, в связи с событиями 947 г. упомянуто «село Ольжичи» [5, с. 43]. Это название означало людей, которые принадлежали к челяди княгини Ольги [11, с. 31]. В других местах летописи прямо указывается, что в княжеских селах жила «челядь», т. е. зависимые от княжеских властей люди [12, с. 492, 493].

Социально-территориальная структура поселений — княжеских крепостей убеждает в том, что зависимыми от этих крепостей могли быть только люди селищ-спутников, сидевшие на землях этих крепостей. Эти люди пользовались землей, которая в письменных документах (например, в «Краткой Правде», ст. 34) упоминается как «княжа пашня». За пользование этой землей ее держатели-земледельцы должны были, естественно, нести какие-то повинности или отработки. Пекарня с девятью печами, раскопанная на селище — спутнике княжеской крепости в Ревно, позволяет утверждать, что зависимое население этих селищ обязано было снабжать гарнизоны крепостей продуктами питания.

Княжеские крепости X—XI вв. имели сложную систему укрепленных линий. Их центральные площадки прикрывали, кроме главной, дополнительные укрепленные линии. Последние часто располагаются на территории селищ — спутников этих крепостей. Оказалось, что эти линии в отличие от главных не имели специальных помещений для воинов. Это свидетельствует о том, что обязанности охранять дополнительные укрепленные линии возлагались не на профессиональных воинов-дружинников, а на зависимое от крепости население. По-видимому, жители селищ — спутников княжеских крепостей обязаны были не только охранять, но и ремонтировать и принимать участие в строительстве этих линий.

Возникает вопрос: к какой категории зависимого населения, известного по летописям, принадлежали земледельцы селищ — спутников княжеских крепостей X—XI вв.? На основании анализа «Русской Правды» и летописей историки пришли к выводу, что знать крепостей («градов») обслуживали своим трудом рядовичи, смерды и холопы [13, с. 113, 114] Холопы — это несвободные, дворовые люди, которые не имели своих усадеб, и причислять к этой группе земледельцев селищ — спутников княжеских крепостей, живших в усадьбах, нет оснований. Рядовичи — это зависимые люди по договору, которые могли жить в весях, входивших в состав крестьянских общин-вервей. Поэтому нет убедительных оснований причислять земледельцев селищ — спутников княжеских крепостей к рядовичам.

Больше оснований имеется для того, чтобы земледельцев этих селищ принять за княжеских смердов. Летописные известия об этих смердах многократно комментировались в исторической литературе. Княжеские смерды не были членами крестьянских общин-вервей, жили в княжеских селах, имели свое хозяйство, выполняли повинности в пользу княжеских властей, владели лошадьми, которых давали на войну, и находились под защитой княжеских

властей [14, с. 84—115; 15]. Этим признакам княжеских смердов больше всего соответствуют археологические данные о земледельцах селищ — спутников княжеских крепостей.

Таким образом, в княжеских крепостях, под защитой главных укрепленных линий, жила военно-служилая знать, которая не принимала непосредственного участия в хозяйственно-производственной деятельности и кормилась за счет зависимого населения селищ — спутников этих крепостей. Эксплуатация княжеских смердов основывалась на том, что военно-служилая знать княжеских крепостей коллективно владела землей, была ее корпоративным держателем, что обусловливалось вассальной службой. Эту землю знать в свою очередь передавала в держание смердам, за что получала ренту. Последняя являлась феодальной формой отчуждения прибавочного продукта. Рента вместе с иерархической системой вассальных отношений является важным показателем феодальных отношений, которые впервые сложились на территории поселений княжеских крепостей. Поэтому начало классовых отношений у восточных славян определяется строительством первых княжеских (государственных) крепостей.

Когда же начали строить княжеские крепости? Летописцы этот процесс относят ко второй половине IX в.: князь Олег «нача городы ставити» в 882 г. И этот процесс, как уже отмечалось, сопровождался обложением местного населения регулярной данью: «... и устави дани словеномъ, кривичемъ и мери». Здесь имеем прямое указание на одну из главных функций княжеских крепостей — фискальную, которая осуществлялась с самого начала строительства этих крепостей. Коснувшись строительной деятельности князя Игоря, летописец снова этот процесс связал с собиранием даней: «... нача грады ставити и дани устави словеном» [16, с. 107]

Таким образом, вместе со строительством княжеских крепостей на местное население распространялась власть военно-служилой знати, позволявшая ей собирать регулярные дани с общин-вервей. В состав этих натуральных даней, по свидетельству летописи, входили меха, мед, воск, но нет в этом составе таких продуктов, как зерно, мясо, молоко, так как этими продуктами крепости снабжало зависимое население селищ-спутников. Сбывая собранные дани на международных рынках, военно-служилая знать имела возможность обогащаться.

Начало строительства княжеских крепостей на землях Руси можно определить по археологическим данным. Хронологическая классификация славяно-русских городищ показала, что княжеские крепости пришли на смену укрепленным общинным центрам. Развитие последних происходило неравномерно, что послужило причиной их иерархии, приведшей к возникновению надобщинных («племенных») центров, которые распространяли свою власть на несколько более слабых в экономическом отношении общин. Создавались союзы общин разного уровня, высшими из которых были племенные княжения и их конфедерации. Надобщинные центры собирали дань с подвластных общин в форме полюдья — ежегодного объезда князем со своей дружиной этих общин. Эта дань не была нормирована, что приводило к конфликтным ситуациям.

Дружина надобщинных центров, сгруппированная вокруг своего вождя (князя), жила не только за счет даней, собираемых с местных общин, но и за счет походов в чужие страны и соседние земли. Она все больше и больше попадала в зависимость от вождя-князя, который был обязан кормить и снабжать своих воинов всем необходимым. Это уже была постоянная, сформировавшаяся эволюционным путем профессиональная дружина. Она требовала новых социально-экономических отношений, позволявших свободно развиваться социальной и имущественной дифференциации, увеличивать сборы временных даней. Все это вызывало недовольство рядовых общин и неминуемо должно было привести к социальному конфликту. Как свидетельствуют этнографические материалы, такие конфликты обычно заканчивались ликвидацией

общинных центров, этих институтов первобытнообщинного строя [17, с. 44] Такая судьба постигла и общинные центры восточных славян.

Древнерусский летописец на примере древлян так характеризует процесс ликвидации общинных центров войсками княгини Ольги: «...яко взя градъ и пожьже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другие работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань» [5, с. 43] Таким образом, в процессе ликвидации общинного центра древлян часть населения, которая оказала сопротивление княжеским властям Киева, была уничтожена, часть была взята в плен и передана военно-служилой знати («мужам своим»), остальное население оставлено на месте и было обязано платить государственные повинности («дань»). Здесь важно подчеркнуть, что вместо ликвидированных общинных центров строили княжеские (государственные) крепости.

Строительство княжеских крепостей вместо общинных центров летопись называет «установлением» земли тем или иным князем [18, с. 111—112] Например, князь Ярослав прибыл из Новгорода на Волгу, подавил восстание местных жителей и «устави ту землю», т. е. в Ярославле была построена крепость и установлены правовые нормы, регламентировавшие отношения господства и подчинения [19, с. 150]

Археологические материалы дают конкретное представление о процессе ликвидации общинных центров и строительстве вместо них княжеских крепостей на любой территории Руси, в том числе и на той, где этот процесс проходил без внешнего вмешательства. К такой территории принадлежит, например, Украинское Прикарпатье, где строительство первых княжеских крепостей началось по инициативе местных хорватских князей. Эта территория в состав Киевской Руси была включена в конце X в. (после известного похода Владимира Святославича на хорватов в 992 г.), а строительство первых княжеских крепостей, по археологическим данным, здесь началось не позднее рубежа IX—X вв.

Достоверные археологические данные о начале ликвидации общинных центров и строительстве вместо них княжеских крепостей на территории Украинского Прикарпатья получены при сплошном обследовании более 30 гнезд поселений VIII—X вв. [20, с. 29] На территории этих гнезд обнаружены городища — общинные центры, которые прекратили свое функционирование приблизительно в одно и то же время — не позже первой половины X в. Значительная часть общинных центров при этом была сожжена (рис. 3). Сжигались оборонительные линии этих центров и поселки общинной знати, а другие поселения, входившие в состав этих же общин, продолжали функционировать. Обращает на себя внимание тот факт, что на месте сожженных общинных центров нет выраженных следов военного разгрома, т. е. эти центры не были использованы для обороны от внешних вторжений. При ликвидации общинных центров их жители имели возможность унести с собой наиболее ценные вещи. На месте, например, оставалась глиняная посуда, которая не выдержала бы дороги.

Главная особенность массовой ликвидации общинных центров на той или другой территории состоит в том, что этот процесс сопровождался строительством княжеских крепостей. Часто оборонительные стены новых крепостей возводили на месте сожженных общинных центров, примером чему может служить Ломачинское городище на Днестре [21, с. 100—107]. Под насыпью вала-платформы этого городища обнаружены остатки деревянной оборонительной стены, которая составляла основу укрепленной линии городища — общинного центра IX в. (рис. 4). Стена сохранилась на высоту 1 м, и ее конструкция хорошо изучена. Стена сложена из горизонтально уложенных бревен, закрепленных при помощи столбов-стояков, с внешней стороны она была усилена насыпным откосом, а с внутренней стороны к ней примыкал длинный дом, в одном из помещений которого находилась кузница. Конструкция этой укрепленной линии оказалась типичной для общинных центров.

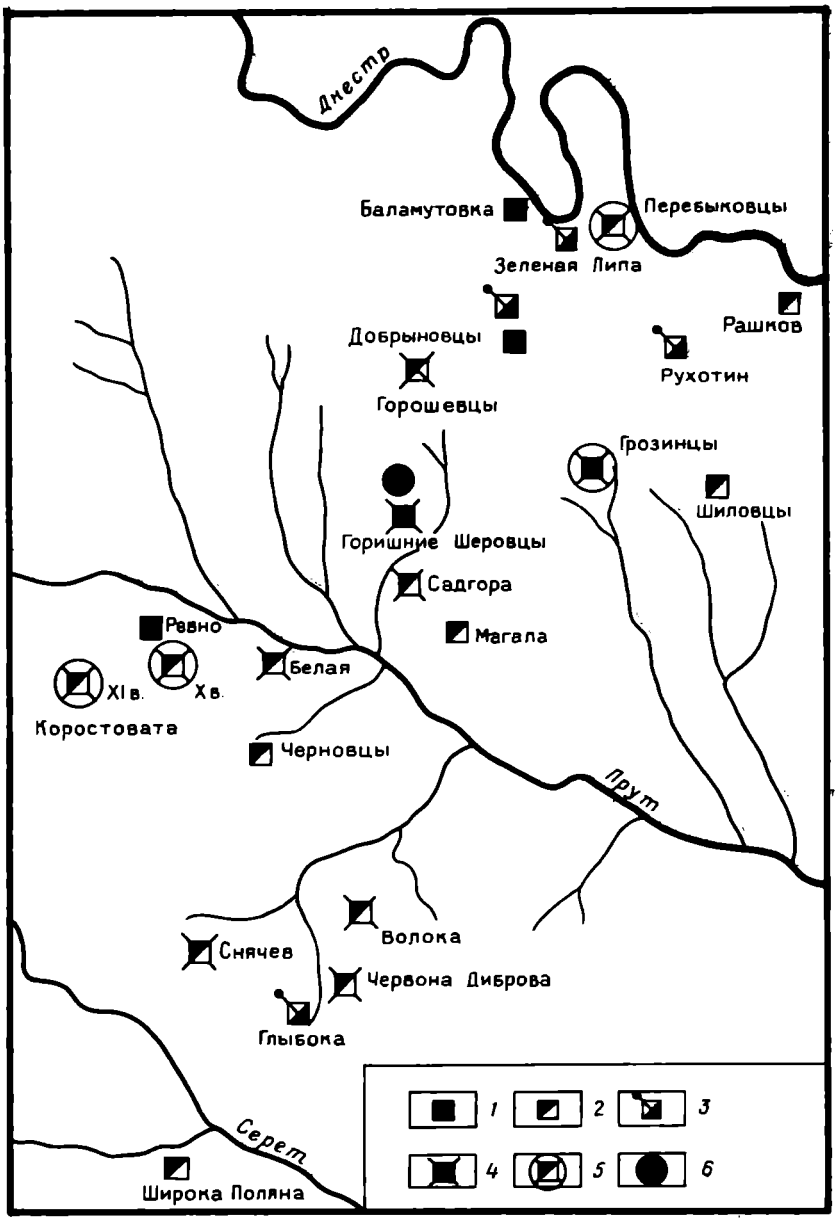


Рис. 3. Городища VIII—XI вв. *1* — городище — административно-хозяйственный центр общины; *2* — городище-убежище; *3* — городище-святилище; *4* — городище, уничтоженное пожаром; *5* — городище — общинный центр, на месте которого построена княжеская крепость; *6* — городище — княжеская крепость

На месте уничтоженной пожаром укрепленной линии IX в. Ломачинского городища был насыпан вал-платформа новой крепости. С внутренней стороны к валу-платформе примыкали срубные жилища для воинов, а на вершине его найдены незначительные остатки оборонительных срубов в виде сгоревшего дерева. Конструкция новой укрепленной линии оказалась типичной для княжеских крепостей. Таким образом, в материалах Ломачинского городища нашел свое отражение процесс ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей.

Конечно, в пожаре гибли укрепления общинных центров, оказывавших сопротивление княжеским властям. Другие общинные центры прекращали существование, так как отжили свой век. Общинная знать последних могла переходить на сторону княжеско-дружинной знати, которая в этом была заинтересована. Ведь местная общинная знать имела опыт ведения общест-

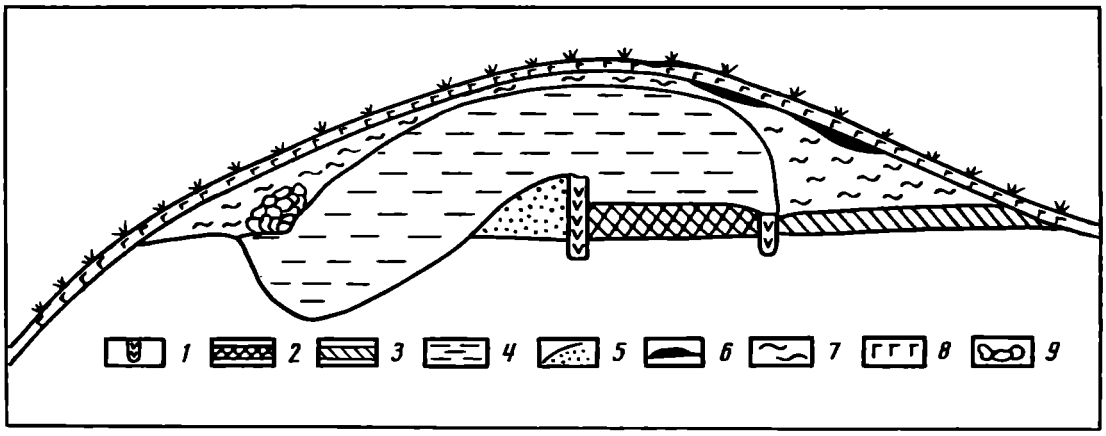


Рис. 4. Профиль вала Ломачинского городища. *1* — остатки сгоревшего столба; *2* — культурный слой, остатки длинного дома IX в.; *3* — культурный слой XI—XII вв., остатки жилищно-хозяйственного сруба; *4* — глина; *5* — откос; *6* — остатки сгоревших оборонительных срубов; *7* — темно-серая земля; *8* — гумус; *9* — камни

венных дел, ей подчинялось местное население и с ее помощью легче было укреплять княжескую власть на местах.

Процесс ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей на огромной территории Руси не был единовременным актом. Раньше всего он охватил наиболее развитые регионы Руси. По свидетельству летописей, на территории Поднепровья, например, этот процесс шел полным ходом уже при Олеге, во второй половине IX в., а у вятичей еще в XI в. был свой племенной князь Ходота и, естественно, на этой земле должны были сохраняться укрепленные общинные центры. К сожалению, хронология процесса ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей по археологическим данным на территории «племенных» княжеств почти не выяснена.

Процесс ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей следует отнести к коренному перевороту в общественной жизни восточных славян, с которого началось крушение основ первобытно-общинного строя и утверждение новых, классовых отношений. Этот процесс можно считать коренным переворотом еще и потому, что с его началом связаны изменения во всех сферах общественной жизни восточных славян.

Изменения, связанные со строительством княжеских крепостей, коснулись прежде всего общинного строя. Для финальной стадии развития первобытно-общинного строя, как известно, характерна земледельческая (соседско-большесемейная) община, представлявшая собой сообщество главным образом больших патриархальных семей с их обособленной собственностью [20, с. 26, 27] Эта община определена по материалам изучения гнезд поселений восточнославянской культуры типа Луки Райковецкой, которая датируется VIII—IX вв. К этому времени на территории распространения этой культуры (между Днепром и Карпатами) следует отнести и земледельческую общину.

Новый этап эволюции восточнославянской общины наступил в связи со строительством княжеских крепостей. Общинные центры были ликвидированы, и общины подчинены этим крепостям. Меняется и внутренняя структура общин. Изучение поселений X—XI вв. свидетельствует, что основной хозяйственной единицей общины этого времени становится малая индивидуальная семья. Союз этих семей представлял уже новый стадиальный тип общины — соседскую. Формирование этой общины происходило в процессе выделения малых индивидуальных семей. Этот процесс начался еще на заключительном этапе существования земледельческой общины и в основном завершился, как показывает обследование гнезд-общин, в X в.

Наиболее массовыми в X—XI вв. были крестьянские общины-верви (это одна из форм соседской общины). Под угрозой насилия со стороны военно-

дружинных гарнизонов княжеских крепостей эти общины эксплуатировались государством через налогово-податную систему. Они платили «дани» за отправление публичных функций, но не за землю, т. е. эта дань еще не являлась феодальной рентой. Последняя господствовала, как показано выше, лишь в селищах — спутниках княжеских крепостей X—XI вв.

Не исключено, что одновременно с началом строительства княжеских крепостей начался процесс формирования первых древнерусских раннефеодальных городов. Это предположение основывается, прежде всего, на известном положении, что «противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3, с. 49). Показателем начала сложения государственности у восточных славян, как показано выше, являются княжеские крепости. Следовательно, процессы сложения первых княжеских крепостей и первых древнерусских раннефеодальных городов проходили параллельно. Это находит некоторое подтверждение и в археологических материалах.

Главным структурным компонентом древнерусского города был посад — поселение свободных ремесленников, торговцев и других членов городской общины [22, с. 71—77]. Поэтому древнерусский город впервые мог возникнуть там и тогда, где и когда впервые сформировалась свободная посадская община, обычно расположенная рядом с княжеской крепостью. Например, посад-община на киевском Подоле начал функционировать не позже второй половины IX в. [23, с. 29] В это же время процесс строительства княжеских крепостей шел, как показано выше, полным ходом.

Процесс формирования городского посада нашел отражение, например, в материалах выше упомянутого Ревнянского поселения [24, с. 121—125] В IX в. это поселение представляло собой общинный центр, состоящий из убежища (в урочище Городище) и отдельно расположенного ремесленного поселения (в урочище Царина). Где-то около рубежа IX—X вв. укрепления убежища были сожжены и на их месте построили княжескую крепость. Ремесленное поселение в урочище Царина не только продолжает функционировать в X в., но и приобретает новые качества. Его территорию обносят новыми деревянными укреплениями и на ней появляются ремесленные мастерские с более усовершенствованным оборудованием (например, мастерская № 5 с двумя каменными рабочими площадками и тремя нишеобразными печами). Расположение этого поселения рядом с княжеской крепостью, наличие собственных укреплений, ремесленных мастерских рядом с жилищами, плотная застройка — все это существенные признаки городского посада, возникновение которого следует отнести к тому же времени, что и строительство княжеской крепости.

Возникновение первых раннефеодальных городов явилось стимулом нового экономического развития восточнославянского общества. Свободная экономическая деятельность ремесленников посада значительно ускорила развитие ремесла, а вместе с ним и торговли (ремесленная продукция посадов поступала главным образом на удовлетворение запросов рынка) В условиях первобытной общины, например, ремесло находилось в полной зависимости от нужд общины и слабо развивалось. Именно на территории городских посадов начали формироваться внутренние рынки.

В процессе ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей формируется новая система административно-территориального управления Руси. Вместо десятичного принципа членения общества вводится территориальный принцип, основной единицей которого становится волость. История образования и структура древнерусских волостей изложена во многих работах [25, с. 94—100; 26, с. 42—45; 27, с. 173—187]. Археологические данные позволяют утверждать, что центрами первых древнерусских волостей были княжеские крепости, распространявшие свою власть по сбору даней на многие общины-верви.

В состав волостей входили погосты — места сбора регулярных даней, центры податных округов. С образованием новой административно-территориальной системы общины-верви начали сами доставлять дани в центры погостных округов и в княжеские крепости. Вместо полюдья постепенно внедряется новая форма сбора даней, упоминаемая в летописях под названием «повоз» (радимичи «платять дань Руси, повозъ везуть и по сего дне» [5, с. 59]). Археологическим свидетельством повоза являются найденные в слоях X—XI вв. Новгорода так называемые «цилиндры» с надписями и княжескими знаками [8, с. 138—155] Это были особые деревянные замки-пломбы, которыми закрывали мешки с собранными мехами, что гарантировало сохранность ценностей. Надписи на цилиндрах называют тех, кто должен получать мешки с ценностями (емца, мечника), а княжеские знаки указывают на связь сборщиков даней с княжескими крепостями.

Бесперебойное функционирование системы регулярного налогообложения, сформировавшейся в процессе строительства княжеских крепостей, являлось экономической основой государственной (княжеской) власти. Эта система обеспечивалась при помощи разветвленной сети княжеских крепостей с их военными отрядами, которые в случае необходимости прибегали к насилию.

Таким образом, новая административно-территориальная система сыграла важную роль в укреплении государственных отношений на Руси. Она благоприятствовала консолидации военно-служилой знати в масштабах всей страны, сплоченность которой скреплялась договорными вассальными связями. На защиту этой знати были направлены юридические законы («Русская Правда» и др.), составляемые князьями. Знать благодаря этим законам получала права не только эксплуатировать население княжеских сел в форме ренты, но и присваивать себе часть собираемого прибавочного продукта со свободных крестьянских общин-вервей и, таким образом, обогащаться, продавая на международных рынках меха, воск, мед и др.

Перестройка общественных отношений, начавшаяся с ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей, не ограничилась лишь сферой социально-экономических отношений. Она затронула также сферы идеологии. По свидетельству византийского митрополита Фотия, во второй половине IX в. на Руси начало активно распространяться христианство, которое по сравнению с язычеством являлось более прогрессивной формой идеологии. Исследователи уже обратили внимание на то, что начало этого процесса совпадает с началом сложения государственности у восточных славян, требовавшего ликвидации политической изоляции [28, с. 97]. Это был процесс частного, мирного принятия христианства определенными группами, главным образом элитарными, например княжеско-дружинными слоями общества.

Имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что вместе с распространением христианства на Руси начала применяться письменность на славянском языке. В одном из курганов Гнездовского могильника найдена амфора с надписью на славянском языке («гороухща»). Эта находка датируется временем не позднее середины X в. [29, с. 71—79] Имеются и другие находки, связанные с распространением письменности на Руси еще до официального принятия христианства в конце X в. Например, к ним следует отнести находки инструментов для письма — писал (стилей) [30, с. 49—60].

Подведем итоги изложенного выше. Коренной (революционный) переворот в развитии общественных отношений восточных славян начался с ликвидации укрепленных общинных центров, этих социальных структур финальной стадии первобытнообщинного строя, и строительства вместо них новых центров общественной жизни — княжеских (государственных) крепостей. В последних впервые начала складываться типичная форма феодальной эксплуатации — земельная рента. В систему этих крепостей входили селища-спутники (княжеские села), зависимое население которых было обязано снабжать военно-

дружинные гарнизоны крепостей всем необходимым. Военно-служилая знать княжеских крепостей имела возможность также присваивать себе часть прибавочного продукта, собираемого со свободных крестьянских общин-вервей, и благодаря этому приумножать свои богатства.

Вслед за ликвидацией общинных центров и строительством вместо них княжеских крепостей началась перестройка во всех сферах общественной жизни: социально-экономической, политической и идеологической. Формируются новые экономические центры — раннефеодальные города, предоставившие свободу производственной деятельности ремесленникам и другим членам посадской общины. На смену земледельческой (соседско-большесемейной) приходит соседская община, представлявшая собой сообщество малых индивидуальных семей. Вместо полюдья постепенно внедряется постоянное налогообложение крестьянских и городских общин. Складывается новое административно-территориальное устройство Руси, основной единицей которого становится волость. Преобразования социально-экономического и политического порядка закреплялись новой идеологией — христианством.

Появление первых княжеских (государственных) крепостей на территории наиболее развитых земель Руси, по свидетельству письменных источников и археологических данных, относится ко времени не позднее второй половины IX в. Следовательно, к этому же времени следует отнести начало сложения классовых отношений у восточных славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1985.
2. *Дворниченко А. Ю.* Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1988. № 1.
3 *Куза А. В.* Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М.: Наука, 1985.
4. *Тимощук Б. А.* Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ: Наук. думка, 1982.
5. Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. *Федоров Г Б., Чеботаренко Г Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев: Штиинца, 1974.
7. *Федоров Г. Б.* Городище Екимауцы // КСИИМК. 1953. Вып. 50.
8. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к «Русской Правде» // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
9. *Тимощук Б. А.* Социальная типология селищ VI—X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев: Штиинца, 1985.
10. *Тимощук Б. А.* Социально-территориальная структура княжеской крепости X—XI вв. в Теребовле // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. конф., Суздаль. М.: Наука, 1987.
11. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М.: Госполитиздат, 1955.
12. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2.
13. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
14. *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М.: Наука, 1973.
15. *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1, 2.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
17 *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5.
18. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
19. *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА. 1940. № 6.
20. *Тимощук Б. А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв.: Автореф. дис. докт ист. наук: 07.00.06. М., 1983.
21. *Тимощук Б. О.* Ломачинське городище // Археологія. 1973. № 9.
22. *Тимощук Б. А.* Об археологических признаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988.
23. *Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев: Наук. думка, 1982.
24. *Тимощук Б. А.* Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М.: Наука, 1981.

25. *Ричка В. М.* Про адміністративно-територіальний устрій давньоруських земель у XI—XII ст. // Український історичний журнал. 1983. № 2.
26. *Буров В. А.* К истории сложения волости в земле смоленских кривичей // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. Псков, 1986.
27. *Платонова Н. И.* Погосты и волости северо-западных земель Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Наука, 1984.
28. *Рапов О. М.* Официальное крещение Руси в конце X в. // Введение христианства на Руси. М.: Наука, 1987.
29. *Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись // Вестн. АН СССР. 1950. Т. 4.
30. *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // // СА. 1984. № 4.

B. A. TIMOSCHUK

SHAPING CLASS RELATIONSHIPS AMONG THE EASTERN SLAVS

(Settlements in the Ukrainian Regions in the Carpathian Foothills)

Summary

The author looks at how class relationships were taking shape among Eastern Slavs. Princely (or state-owned) fortresses are most important in this respect. They emerged (according to written sources and archaeological data) in the late 9th and early 10th century and differed from fortified communal centres and feudal castles. The princely fortresses (Revno, Gorishnie Sherobtsi, Alchedar, Terebovlya and others) had ramparts with timber constructions on them. Inside the fortress houses lined the defensive construction. Judging by objects found in them the houses were occupied by warriors who were also craftsmen in peace time. Houses with deep cellars took the central squares of such fortresses. These were the houses of princely vassals who were collective landowners and collected tribute from perple who lived around the fortress. Bonded peasants sought protection in the fortress and tilled the land the vassals owned. To repay they supplied foodstuffs to the fortress and paid tax. The emergence of princely fortresses marked the beginning of feudal relations: communal centres disappeared and the landtilling community (extended family-neighbour) became a neighbour community. Early feudal towns made their appearance. There free urban communities took shape, with a new administrative-territorial state system and regulated tax payment. This introduced dramatic changes into the Eastern Slavs' social life, destroyed the primitive-communal system and paved the way for class relationships.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ХАЗАРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АРХЕОЛОГИИ

Исследования в области «хазарской археологии» начались 50 лет назад с блестящей статьи М. И. Артамонова «Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии», опубликованной в «Советской археологии» [1] В ней автор обосновал археологическим материалом тезис о том, «что население Нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической среде» [1, с. 162] Вторым не менее важным выводом этой работы явилось разделение этой в целом единой культуры на два варианта: лесостепной, собственно «салтово-маяцкий», получивший наименование от двух расположенных на его территории археологических комплексов (Верхнесалтовского и Маяцкого) и степной, названный автором «нижнедонским». При рассмотрении вариантов М. И. Артамонов неоднократно подчеркивал, что этническая их принадлежность не самое главное, важнее то, что все памятники VIII — первой половины X в. в бассейне Дона являются остатками поселений и могильниками «оседающих кочевников», бывших тогда населением Хазарского каганата, т. е. к какой бы этнической группе они ни принадлежали, они входили в каганат в качестве составной части.

Обе эти проблемы, поднятые и решенные на имеющемся тогда в распоряжении автора материале, легли краеугольными камнями в строящееся здание археологического хазароведения. Естественно, следует учитывать, что полевые исследования памятников культуры Хазарского каганата были начаты М. И. Артамоновым еще в конце 20-х годов. Результатом их была небольшая, но чрезвычайно насыщенная археологическими данными книга [2], в которой были представлены все ранее известные и вновь открытые автором на Нижнем Дону памятники, в том числе Левобережное Цимлянское городище, которое было с доскональной убедительностью отождествлено со знаменитым благодаря рассказу Константина Багрянородного [3, с. 171, 172] хазарским городом Саркелом. В этой же книжке М. И. Артамонов дал мастерский анализ керамических материалов, легший в основу его хронологических и этнических выводов [2, с. 24—78]. В 1934—1936 гг. М. И. Артамонов начал сравнительно крупные по тем временам раскопки на Левобережном Цимлянском городище. Помощником ему уже в те далекие годы стала его жена О. А. Артамонова. Работы на городище были продолжены в 1949—1951 гг., когда М. И. Артамонову было поручено возглавить первую советскую новостроечную экспедицию — Волго-Донскую. Целью Волго-Донского строительства было затопление богатейших пойм Среднего Дона для создания так называемого Цимлянского моря. Почти в центре этого будущего моря находился Саркел.

В этой экспедиции помимо О. А. Артамоновой ближайшими помощниками и соратниками М. И. Артамонова стали И. И. Ляпушкин и А. Л. Якобсон. Первый взял на себя руководство раскопками синхронных Саркелу памятников, попадавших в зону затопления. И. И. Ляпушкин с полной, свойственной этому ученому основательностью доказал, что принадлежали они не только к «хазарской», но и к славянской (роменско-боршевской) культуре [4, с. 242; 5, с. 337—347]. Надо сказать, что и Саркел, завоеванный в 965 г. Святославом и превратившийся после того в древнерусский городок Белую Вежу, еще до этого завое-

© С. А. Плетнева, 1990 г.

вания начал постепенно заселяться славянами [6, с. 132; 7, с. 260—266, рис. 48]. Таким образом, раскопки Волго-Донской экспедиции позволили поставить еще одну весьма существенную проблему в археологическом хазароведении, а именно: выявить довольно тесные взаимоотношения основного населения каганата с их северными и северо-западными соседями — славянами, очевидно, постепенно проникавшими на центральные земли этого государства.

Огромные материалы, полученные в результате трехлетних работ на городище и в его широкой округе, поставили перед будущими исследователями ряд дополнительных не менее важных, чем основные проблемы, вопросов, касающихся архитектуры, развивающегося домостроительства, торговли, хозяйства, ремесел, культуры, религии и т. д. Широкие раскопки городских могильников [8] позволили антропологам и медикам всесторонне исследовать тысячи скелетов, сделать ряд этнических наблюдений и создать великолепную антропологическую коллекцию, исследовать многие болезни людей той эпохи.

Казалось бы, что эти раскопки станут мощным импульсом в развитии хазароведения. Однако случилось непоправимое. В страшный 1951 г., когда весьма активно «отлавливали» очередную партию «врагов народа» (в тот раз — врачей-«отравителей»), в «Правде» [10] появилась небольшая статейка о неверной, явно завышенной в советской исторической науке оценке роли Хазарского каганата, официальной религией которого был иудаизм. При этом имелись в виду в основном работы М. И. Артамонова. К этому прибавилась возглавленная «вождем» борьба с марризмом в языкознании и вообще в гуманитарной науке. М. И. Артамонова, который, разумеется, в нескольких своих работах вынужден был, несмотря на свой здравый ум, как-то положительно откликаться на фантазии Н. Я. Марра, фаворитствующего в науке все 20—40-е годы, стали обвинять и в этом «отклонении». И половины этих «ошибочных отклонений» должно было бы хватить, чтобы привести автора к обычному в те годы концу.

Хазароведение получило сокрушительный удар. Работы над громадным материалом велись по существу исподволь. Саркел был уже затоплен, раскопки других памятников, как-то связанных с хазарами, не велись, да и М. И. Артамонову не выдали открытого листа за несданный отчет о работах в Саркеле — Белой Веже в 1951 г. Большой работоспособный коллектив экспедиции, состоявший в значительной степени из учеников М. И. Артамонова, распался, молодые ученые получали темы, далекие от хазарской тематики. Сам основатель хазароведения спустя 10 лет правильно, но очень сдержанно писал об этом периоде: «после появления этой статьи имело место некоторое замешательство в разработке истории хазар» [10, с. 37]. Замешательство действительно было...

Только в 1958 г. вышел наконец первый том Трудов Волго-Донской экспедиции [11]. В нем на первой странице своей вводной обобщающей статьи о Саркеле — Белой Веже М. И. Артамонов написал, что «Хазария была тогда большим государством» [11, с. 7] Одна эта фраза свидетельствовала уже о том, что хазароведение не погибло.

Первый том почти наполовину написан И. И. Ляпушкиным, опубликовавшим в пяти статьях результаты своих работ на затопленных памятниках. Наибольшую научную ценность представляет его обобщающая статья, посвященная салтово-маяцкой культуре в бассейне Дона [12]. Надо сказать, что в значительной степени И. И. Ляпушкин повторяет построения и выводы основополагающей работы М. И. Артамонова, о которой говорилось в начале данной статьи, включив в свое исследование новые материалы Волго-Донской экспедиции и проведенных им в 1939 г. раскопок Правобережного Цимлянского городища, а также разведок по памятникам верховий Донца и некоторым другим участкам обширного бассейна Дона. Вслед за М. И. Артамоновым он признает, что культура делится на два варианта — лесостепной и степной, определяя их и этнически: первый — аланский, второй — древнеболгарский. Главными признаками обоих вариантов являются данные погребальных обрядов и антропологии, а также некоторые приемы домостроительства и архитектуры. Недоговоренной остается в работе И. И. Ляпушкина только концепция о Хазарском каганате.

Создается впечатление, что ни хазар, ни такого государство как бы совсем не было. Характерно, что обошел молчанием «хазарский период» в истории Херсонеса и А. Л. Якобсон в книге, вышедшей в 1959 г. [13]. Объясняется это, видимо, все еще длившимся в те годы «замешательством».

Несмотря на все это, первый том Трудов ВДЭ благодаря вводящей в хазарскую проблему статье М. И. Артамонова и материалам, абсолютно объективно представленным И. И. Ляпушкиным, так же, как и два последующие тома, имеют ясную и четкую хазароведческую направленность [8, 11, 14].

Кардинальным исследованием того времени, посвященным хазарам, стал фундаментальный труд М. И. Артамонова «История хазар» [10]. Однако эта работа, как и изданные в 1936 г. «Очерки древнейшей истории хазар» [15], не археологические исследования. Выводы обеих основываются на данных различных письменных источников, поэтому останавливаться на характеристике этих энциклопедических трудов, эквивалента которым в мировой науке нет до сих пор, в этой статье мы не будем. Замечу только, что «История хазар» — итог многолетних исследований автора не только письменных источников. Археологические материалы, археологическое «видение» позволили ему значительно шире, чем его предшественникам и последующим исследователям-историкам, взглянуть как на экономику и культуру, так и на историческую географию и политическую историю каганата.

После выхода в свет «Истории хазар» далее писать что-либо о хазарах и хазарской культуре без новых данных было нечего, старые материалы, уже многократно использованные в работах разных авторов, потеряли прежнее звучание. Они требовали нового методического подхода. Написанные без учета этого требования работы не могли внести в науку фактически ничего, кроме упоминаний или весьма общих описаний вновь открытых единичных памятников. Таковы, например, книга Б. А. Шрамко, в которой целый раздел посвящен «салтову», статья Д. Т. Березовца о салтовской культуре [16, 17] и некоторые другие. Правда, Д. Т. Березовец предлагал еще своеобразное решение этнической принадлежности собственно салтовской культуры (лесостепного варианта). По его мнению, это были русы. Следует с удовлетворением заметить, что эта точка зрение не нашла дальнейшего развития ни у самого автора, ни у других украинских археологов.

Первая попытка выйти из прежних рамок была предпринята мной в двух статьях, посвященных керамическим комплексам Саркела — Белой Вежи и Тмутаракани [7, 18]. Обе статьи являются прдолжением керамиковедческих исследований М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина и А. Л. Якобсона [2, 19—21] Новизна их заключается в значительно более полном охвате материала в статистических подсчетах его по слоям и глубинам, а также в построении на основании подсчетов графиков распространения, что дало возможность стратиграфически датировать отдельные категории, виды и типы сосудов, проследить эволюцию их и выявить синхронные типы, т. е. хронологические комплексы керамики, характеризующие определенный период жизни города. Так были созданы «керамические профили» обоих раскопанных памятников. Практически предложенная методика обработки массового материала с многослойных городищ повсеместно принята и поныне. Думается, что только трудоемкость метода мешает его распространению среди археологов: десятки тысяч обломков отпугивают, как правило, даже самых самоотверженных.

Дальнейшее развитие хазароведения нуждалось не только в обновлении методики, но и в открытии новых памятников, принадлежавших этой культуре. Для этого необходима была организация многолетних разведок на территории распространения культуры и раскопки хотя бы нескольких памятников, ранее исследованных слабо или вовсе неизвестных. Эта работа была начата мной еще в 1955 г., разведки по рекам и речкам Донского бассейна велись вплоть до 1965 г. Территориальный охват был очень велик — примерно 350×500 км, поэтому невозможно было за одно десятилетие провести в этом громадном регионе тотальные разведки. Они были выборочными, но маршруты прокладыва-

лись по разным географическим зонам: лесостепным, степным, приморским и т. д. Разведки вместе с материалами, полученными из раскопок Правобережного Цимлянского городища (1958—1959 гг.) и Дмитриевского комплексного памятника, состоявшего из городища, селища и могильника (1957—1965 гг.), а также некоторыми другими данными раскопок тех же лет, проведенных разными исследователями, позволили мне написать обобщающую все имеющиеся к 1965 г. археологические сведения работу, значительно расширившую наши прежние представления о салтово-маяцкой культуре [22].

В книге, во-первых, введено в науку более 100 новых памятников из различных регионов Хазарского каганата, во-вторых, дана относительная хронология древностей салтово-маяцкой культуры, которая до этого датировалась суммарно VIII — первой половиной X в., в-третьих, впервые поставлен вопрос о существовании в степях в хазарскую эпоху поселений разных культурно-хозяйственных типов: кочевых стойбищ, полукочевых-полуоседлых поселений и полностью оседлых больших поселков. Последнее наблюдение прекрасно подтвердило высказанный много ранее тезис М. И. Артамонова о постепенном переходе населения Хазарского каганата от кочевания к оседлости. Наконец, совершенно новой сравнительно с предыдущими работами является идея многовариантности салтово-маяцкой культуры (культура Хазарского каганата). Всего я выделила восемь «геоэтнических» вариантов, отличающихся друг от друга, как следует из их общего наименования, не только географическим расположением, но нередко и этнической принадлежностью. Различия географических условий определяют экономическую характеристику вариантов, а это в свою очередь обусловливает своеобразие их культуры в той же степени, что и этническая принадлежность.

В настоящее время очевидно, что не все варианты выделены вполне правомерно или, во всяком случае, не всегда следовало бы считать ту или иную область вариантом салтово-маяцкой культуры, но в целом большинство археологов-хазароведов признали предложенное разделение.

Наиболее исследованными частями обширного Хазарского каганата являются два варианта салтово-маяцкой культуры, расположенные в донских и донецких степях, степи и лесостепи. Исследование отдельных памятников и больших регионов, относящихся к этим вариантам, активно проводилось в последние два десятилетия. В степном варианте прежде всего следует отметить обстоятельное изучение К. И. Красильниковым памятников «салтовской» культуры в бассейне среднего течения Северского Донца. Оно заключается в проведении тотальных разведок, в результате которых было открыто на сравнительно небольшой территории (100×100 км) более 200 новых памятников (поселений и могильников). Все они детально исследованы, на нескольких, наиболее характерных, проведены более или менее крупные раскопки. Основываясь на открытых материалах, К. И. Красильников сделал ряд новых выводов об экономике населения изученного региона. Он изложил их в нескольких статьях и в кандидатской диссертации [23—26]. Однако громадный, добытый неустанными трудами материал все-таки остается в основной массе неизданным, а значит, малоизвестным науке. Особенно это касается материалов раскопанных могильников. Разработка «поселенческих» данных позволила ему разделить поселения на две «стадии»: к первой отнесены поселения в поймах с юртообразными жилищами и лепной керамикой, ко второй — поселения с довольно толстым культурным слоем, полуземлянками и прекрасной гончарной керамикой. По всей вероятности, это два этапа второй формы кочевания — сначала полукочевой, потом — полуоседлый. Работы К. И. Красильникова весьма показательно свидетельствуют о том, что тщательно и умело обработанный материал всегда может дать достаточно убедительный источник для серьезных исторических выводов.

Помимо К. И. Красильникова на Среднем Донце проводились небольшие разведки и раскопки «салтовских» памятников и другими археологами (А. Г Ко-

пылом, С. И. Татариновым, М. Л. Швецовым). Результаты некоторых из них публиковались [27—29]. В настоящее время М. Л. Швецов раскапывает знаменитый Зливкинский могильник, открывая на нем погребения значительно более позднего времени сравнительно с прежними, а именно XII—XIII вв. Однако материалы эти не изданы, не проработаны, и полевые наблюдения автора пока могут быть приняты только как предварительные.

Та же судьба «неизданности», а значит, и почти полной безвестности постигает и замечательно интересные результаты работ В. К. Михеева на нескольких памятниках, расположенных там же — в Среднем Придонечье. Почти все эти памятники были известны и ранее: городища Сидоровское, Теплинское, Маяки и пр., но он провел тщательное их доследование с шурфовкой и, что самое главное, в течение ряда лет вел раскопки на самом известном из них — городище Маяки. Городище это с мощным культурным слоем, прекрасной сохранностью многочисленных находок, могильниками, расположенными на склонах, должно бы стать одним из опорных пунктов в изучении салтово-маяцкой культуры (культуры Хазарского каганата). Хотя В. К. Михеев и использовал находки с городища в своей книге об экономике Хазарского каганата [30, с. 13—25 сл.], в целом этот памятник остается неизученным и фактически недоступным.

Все памятники, обнаруженные в среднем течении Северского Донца, относятся к степному, очевидно, праболгарскому варианту. Материалы по древним болгарам этого региона, входившим в состав Хазарского каганата, известны еще очень мало. Назрела необходимость решения многих проблем, остающихся сейчас темными пятнами в истории Среднедонечья. Так, в первую очередь неясен этнический состав населения: основная масса несомненно древнеболгарская, однако в ней явственно выявляются славянские и аланские включения. Каковы они, какую роль играли в жизни основного населения? В этих и аналогичных вопросах еще предстоит разобраться. Осталось невыясненным соотношение больших укреплений с земляными валами с окружающими их поселениями, т. е. нужно определить социальный статус этих укреплений. Кроме того, даже не поднималась всегда важная и всегда слабо решаемая проблема хронологии памятников, включающая вопросы и первого появления на данной территории праболгар и времени повсеместной гибели их поселений. Совершенно очевидно, что следует подумать об издании коллективного труда, в основу которого были бы положены результаты открытий К. И. Красильникова и В. К. Михеева.

На Нижнем Дону 20 лет назад начали исследования Е. И. Савченко и В. С. Флеров. Первый проводил раскопки на комплексном памятнике (городищах, селищах, могильнике) у хутора Крымский, второй — Семикаракорского городища. Не считая кратких информаций в АО, никаких серьезных сведений об этих раскопках долгое время в печати не появлялось. Только в 1986 г. вышел сборник АОН, в котором помещена предварительная публикация Крымского могильника без информации о прилегающих к нему поселениях [31]. Вопрос создания относительной хронологии могильника, необходимой для публикации такого рода, даже не затронут. По-прежнему он датируется в целом: VIII — первой половиной X в.

Интереснейшие данные, полученные при раскопках Семикаракор, остаются неизвестными науке, хотя этот памятник со стенами из сырцового кирпича крепко связывается не только с хазарским Саркелом, но и с сырцовыми укреплениями Дагестана, где формировалось в VII в. ядро Хазарского каганата. Раскопки Правобережного Цимлянского городища, разрушаемого прибоями Цимлянского «моря», продолжены после 30-летнего перерыва тем же В. С. Флеровым. Результаты их уже сейчас позволяют ставить ряд новых вопросов, касающихся архитектуры памятника, однако это также пока остается неизвестным науке.

Остальные исследователи приближались к раннесредневековым памятникам на Нижнем Дону спорадически, чаще всего случайно, раскапывая попадающиеся впускные погребения или шурфуя лежавшие на пути следования раз-

ведки поселения. Сведения об этих небольших работах иногда появляются в печати [32].

Особый интерес среди этих памятников представляют характерные кочевнические захоронения, которые в последние годы попадаются археологам все чаще и чаще на территории Прикаспия и Нижнего Поволжья, в бассейне Нижнего Дона вплоть до Приазовья и Крыма (точный ареал их пока не установлен).

Расположены они обычно в одиночку или в небольших по количеству насыпей могильниках. Насыпи — простые земляные холмики. Под ними квадратные площадки, ограниченные ровиками. В центре площадки помещалась, как правило, подбойная могила. Во входной яме погребался конь в сбруе, в подбое — человек с необходимым (согласно ритуалу) количеством вещей (воины — с оружием, женщины — с украшениями). Среди этих погребений довольно много богатых, встречаются золотые и серебряные вещи, изредка золотые византийские монеты. Дата погребений — конец VII—IX в. [33—35, с 45—48; 36, 37]. К сожалению, из-за богатства погребений большая их часть оказалась разрушенной и разграбленной еще в древности. Интерпретация этих захоронений не вызывает споров — обыкновенно их называют тюркскими, а некоторые исследователи уже уверенно связывают их с хазарами. Очевидно, следует признать, что это самое крупное открытие в хазароведении, которое по значению сравнимо только с результатами работ Волго-Донской экспедиции. До находок этих погребений и их осознания как хазарских археологи не могли назвать ни одного признака массовой собственно хазарской культуры. В настоящее время ясно, что, во-первых, хазары действительно из всех своих «соотечественников», входивших в Хазарию, были наиболее кочевой частью населения (отсюда разбросанность их погребений по степям), во-вторых, они были явно богаче остальных жителей каганата и, можно предположить, находились на более высокой иерархической ступени общества, поскольку являлись основателями данного государства.

Несмотря на вышедшие из печати три тома Волго-Донской экспедиции, огромный массив сведений, полученных при раскопках Саркела — Белой Вежи, остается слабоизданным, и историческое значение этого уникального памятника постепенно стало забываться. К счастью, все вещевые материалы Саркела попали на хранение в Государственный Эрмитаж, где находятся в естественном для этого учреждения порядке, поэтому и по прошествии 40 лет мы можем работать над ними и надеяться, что новые данные об этом городе еще в текущем тысячелетии будут опубликованы. Следует помнить, что Саркел — единственный памятник, который можно назвать хазарским. Проблемы строительства крепости, возникновения городов в степи, проблемы освоения завоеванного города новым населением и жизнь старого при завоевателях — все это мы можем решать, обрабатывая материалы из раскопок Саркела — Белой Вежи, поскольку развалины главного города хазар Итиля так до сих пор и не найдены.

На Нижней Волге, в районе, где должен был находиться, согласно сведениям письменных источников, этот город, в течение многих лет работает Нижневолжская новостроечная экспедиция под руководством Г А. Федорова-Давыдова, а также ряд первоклассных археологов из институтов и музеев Астрахани, Волгограда, Саратова. Тем не менее громадный город, бывший сначала хазарской столицей, а затем, вероятно, торговым городом Саксином, как будто растаял в песках и переплетениях волжского русла. Единственным объяснением этого таинственного исчезновения развалин города с мощным многовековым культурным слоем может быть перекрытие его современным крупным городом. Вполне возможно, что таковым был Волгоград — Царицын, расположенный на речке Царице (возможно, Сары-су?). Естественно, что во время войны был уничтожен не только современный город, но мог быть «поднят» взрывами и окопами, уничтожен, а затем счищен при новом строительстве и застроен древний культурный слой. Конечно, эти соображения не претендуют даже быть гипотезой поскольку для них нет никаких вещественных подтверждений. Во всяком слу-

чае, пока остатки Итиля не найдены, это предположение может иметь право быть учтенным.

Громадный новый материал накоплен в настоящее время в лесостепном (аланском) варианте салтово-маяцкой культуры бассейна Дона. Прежде всего следует начать с Верхнесалтовского археологического комплекса, изучаемого уже около 100 лет. Кажется невероятным, что памятник, известный археологам всего мира, давший, как говорилось, название всей культуре, не издан и работы по подготовке такого издания не ведутся. Понятно, что Верхнесалтовский комплекс требует многотомного труда, в котором были бы последовательно рассмотрены все составные комплекса: городище, обширное поселение (или поселения?) и многотысячекатакомбный могильник. Эта работа непосильна для одного человека, необходимо создание большого коллектива работоспособных авторов. Пока его нет. Между тем этот комплекс по мере исследования его и окрестных памятников (в частности, начавшего раскапываться Старосалтовского могильника) буквально «обрастает» нерешенными проблемами, начиная с вопросов хронологии и кончая социально-этническим определением этого очень крупного населенного пункта с мощной белокаменной крепостью на берегу.

Самым деятельным археологом, изучающим в последние 20 лет памятники салтово-маяцкой культуры верховий Северского Донца, является В. К. Михеев. Именно ему принадлежит одно из наиболее значительных открытий на этой территории: могильники с трупосожжениями в урнах, которыми служили обычно салтово-маяцкие сосуды и рядом с которыми нередко помещались так называемые тайнички с оружием, сбруей, боевыми поясами и пр. Полностью исследован им Сухогомольшинский могильник, рядом с которым располагались городище и большое поселение того же времени. В опубликованной недавно книге В. К. Михеева об экономике Хазарского каганата Сухогомольшинскому комплексу уделено всего несколько страниц [30, с. 6—10], а несколько сообщений о нем в журналах очень лаконичны и информативного материала в них в целом немного [38, 39] Между тем известно, что В. К. Михеев обнаружил несколько аналогичных могильников на исследуемой им территории верховий Северского Донца, справедливо связывая их с известным ранее Новопокровским могильником, а также с близкими типологически могильниками, открытыми в Восточном Причерноморье и Предкавказье. Вопросы, возникающие в связи с этими памятниками, не только не решены, но пока многие из них даже по-настоящему не поставлены. Неясны их хронология, этнокультурная принадлежность, социально-экономические отношения внутри этого сообщества, отношения с населением каганата, с центральной властью, с соседями и пр. Далеко не полный перечень возникающих вопросов свидетельствует, по-видимому, прежде всего о том, что В. К. Михеев обнаружил новый этнос, ранее нам неизвестный или «неосознанный», который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии. Это тема большого проблемного исследования.

Что касается упомянутой выше книги этого автора, посвященной экономике каганата, то написана она была примерно в начале 70-х годов, а еще раньше ее основная часть — о ремеслах была защищена в качестве кандидатской диссертации. В то время достижения В. К. Михеева были очевидны, так как подобных работ о конкретных проявлениях экономической жизни каганата не было. Естественно, за прошедшие полтора десятилетия, пока рукопись «пробивалась в свет», автор дополнял и переделывал ее, но в эти же годы появились и другие исследователи, значительно углубившие давно разработанные В. К. Михеевым вопросы, к которым он уже не захотел и не смог вернуться, перегруженный своей более чем успешной полевой деятельностью. Впрочем, большинство археологических книг публикуется издательствами не только с неохотой, но и с обязательной задержкой, в лучшем случае на 5 лет. Это кажется непереносимым, но, видимо, придется пока принимать как реально существующую данность и как-то учитывать при рецензировании вышедших из печати работ.

Несколько в лучшем положении сравнительно с археологическими материалами верховий Северского Донца (в издательском плане) находятся памятники, расположенные на северо-востоке от Верхнего Салтова. Так, в 1989 г. вышла моя книга, обобщающая результаты работ на комплексном (городище, селище и могильнике) Дмитриевском памятнике, находящемся всего в 50 км от Салтова [40]. В книге ставилась задача как можно полнее осветить результаты полевых исследований комплекса для того, чтобы дать общее представление о всем лесостепном варианте культуры. Естественно, что на примере одного комплекса, тем более что это остатки небольшого пограничного «провинциального» населенного пункта, сделать это трудно. Однако факт очевиден — подобные издания археологических памятников так же необходимы науке, как академические издания письменных источников.

Очень удачно сложились исследования в большом регионе верхнего и среднего течения Оскола (в лесостепи). Обстоятельные разведки там были начаты еще мной в 1958 г., а в 70—80-х годах продолжены учителем истории Волоконовской средней школы А. Г Николаенко, который ежегодно ведет там тотальные разведки и обнаружил уже более 100 новых памятников. Помимо памятников хазарского периода он нашел и верно истолковал свыше 30 поселений предшествующей эпохи, видимо, относящейся к так называемой пеньковской культуре. Проведя небольшие раскопки на одном из поселений, он доказал его двухслойность и явную сменяемость одного (пеньковского) слоя другим (салтовским).

К сожалению, несмотря на правильное видение конкретных фактов, умение найти памятник и разобраться в сложной полевой работе, А. Г Николаенко не смог бы издать свои материалы, поскольку для этого нужны еще и специальные «кабинетные» навыки обработки материала. Поэтому все свои ценнейшие открытия и блестящие способности археолога-полевика он еще в начале 70-х годов предложил мне. Наша экспедиция совместно с А. Г Николаенко в 1973 г. провела на Нижнелубянском разрушающемся могильнике и на расположенном рядом Ютановском могильнике небольшие «разведочные» работы, вскрыв несколько катакомб. Затем вместе с А. Г Николаенко мы издали раскопанный им «ямный» Волоконовский могильник [41]. Далее, с середины 70-х годов, А. Г Николаенко сотрудничает с Г. Е. Афанасьевым, который издал с этим неутомимым «первопроходчиком» обнаруженные разведками последнего железоплавильные горны [42, 43]. Все остальные данные об открытых А. Г Николаенко салтово-маяцких памятниках он использовал в своей книге [44]. В ней помещен каталог всех известных до 1985 г. лесостепных раннесредневековых памятников бассейна Дона и результаты небольших раскопок самого Г Е. Афанасьева на Ютановском поселении, поэтому книгу следует приветствовать, несмотря на ряд поспешно сделанных выводов. Особенно это касается интерпретации лесостепного варианта как земли буртасов. Таких стремительных этнических определений в науке было уже много, оспорить их, как правило, почти невозможно, так как авторы обычно не дают фактического фундамента для своих построений, а помещают в работу только толкования разрозненных сведений. К сожалению, уверовав, видимо, в правомочность такого быстрого и безапелляционного метода, вслед за Г Е. Афанасьевым пошел А. Г Николаенко, объявивший в серии газетных волоконовских статей пеньковские памятники принадлежащими древним русам. Легкость этнических толкований без солидных фактических данных очень заразительна.

Следующим большим участком работ по исследованию памятников лесостепного варианта является знаменитое «Маяцкое городище»— крайний северовосточный его памятник. Как и все лесостепные аланские городища, оно окружено обширным селищем и сопровождается могильником. Раскопки этого комплекса проводились в 1975—1982 гг. и дали очень большой материал, который частично публикуется. В 1984 и 1989 гг. вышли два сборника, посвященных публикации и частичному осмыслению полученных материалов [45, 46]. Кроме того в Воронеже опубликована книжка Г. Е. Афанасьева и А. З. Винникова,

посвященная культовым сооружениям на поселении, значительно расширившая наши представления о быте, общественных отношениях и некоторых религиозных обрядах населения [47]. Очень интересны и перспективны открытые на Маяцком городище рунические надписи, анализ которых привел И. Л. Кызласова к выводу о существовании собственно хазарской письменности [48] Судя по тому, что обнаружена она была на стенах пограничной северной крепости, распространение письменности в государстве было повсеместным.

Необходимость продолжения работ на Маяцком городище очевидна, тем более что в настоящее время там создан историко-биологический заповедник, для окончательного оформления которого нужно будет вскрыть все стены крепости. Археологов, палеографов, тюркологов ждут еще более увлекательные открытия.

Исследование лесостепной крайне северной окраины Хазарского каганата представляется весьма существенным и для изучения связей этого государства со славянами: на северо-западной окраине с роменцами, на северо-восточной — с боршевцами. Думается, что эта тема, поднятая сейчас А. Г Винниковым [49], должна быть серьезно разработана по всей зоне соприкосновения каганата со славянами. В настоящее же время мы не можем объяснить даже факта отсутствия славянских вещей или каких-либо иных следов на расположенных рядом поселениях Маяцкого комплекса.

Не менее перспективным представляется исследование региона междуречья Волги и Дона. Разведки ведутся там спорадически, без определенной целенаправленности на поиски раннесредневековых памятников. До сих пор там обнаружено всего семь пунктов, относящихся к этому времени [44, с. 183, 184], в том числе хорошо известное специалистам «Воробьевское погребение», приписываемое древним венграм [50, с. 54, 55]. Эта крайняя скудость источников (даже окрестности Воробьевского комплекса не доследованы) не помешала Г Е. Афанасьеву считать и этот участок лесостепи буртасским. Правда, по письменным источникам, здесь действительно могли бы размещаться буртасы, но археологам требуется найти и хотя бы начать исследования их памятников.

В заключение к разделу о лесостепном варианте упомянем еще об одном виде памятников, «цепочка» которых прослежена вдоль северной границы варианта, а значит, и границы каганата. Это прямоугольные или квадратные небольшие (не более 10 000—20 000 м^2) «укрепления», обычно без воротного проема, стены которых сложены из саманных кирпичей или рваного белого камня. Они низкие, рвы вокруг них неширокие (скорее, канавы). Обычно они сооружены на территории салтово-маяцких поселений, поэтому подъемный материал с них, естественно, тот же, что и на поселении. Что это такое, почему размещены они на пограничье — неясно. Это не обычные крепости, так как хороший конь перепрыгнул бы через «ров и стену» в один мах. Может быть, это летние кочевья, возникшие на поселении после его гибели где-то в начале X в. Из-за опасной политической обстановки кочевья, хоть и несильно, укреплялись. Аналогии им известны в Казахстане, они примерно синхронны [51, с. 53]

Б. И. Маршак предложил мне другое объяснение назначения этих крепостиц, значительно более интересное и перспективное. По его мнению, это могли быть «рабаты», т. е. укрепленные стоянки (типа облегченных караван-сараев), ставящиеся вдоль наезженных торговых путей. Надо сказать, что и по сей день мимо крепостиц проходит прекрасная проселочная дорога, тянущаяся от Маяцкого городища по правому берегу Тихой Сосны до Оскола, затем по левому берегу речки Нежеголи почти до Северского Донца и далее на юг через городище Волчанское до городища Кабанова, стоящего на правом бурегу Донца при впадении в него р. Уды. Вполне возможно, что это отрезок длинного сухопутного торгового тракта с организованными на нем станциями-рабатами. Как бы там ни было, но ясно, что вопрос об этих крепостицах остается открытым, решать его надо исследователям, изучающим экономические отношения в каганате.

Очень слабо мы представляем приднепровские памятники, которые пока затруднительно даже объединить в вариант хазарской (салтово-маяцкой) культуры. Отмечу только, что хорошо известные специалистам ремесленные мастерские у балки Канцирка [52, с. 118—161] несомненно относятся к хазарскому времени, а Вознесенский храмовый комплекс, который считается синхронным Канцирке [52, с. 157], следует датировать первой половиной VIII в. [53]. К этой же эпохе образования и становления Хазарского каганата (± 20—30 лет) принадлежат и другие известные «клады» Приднепровья — Глодосы, Перещепинский и др. Представляется неверной появившаяся в последние годы тенденция пресонификации этих памятников. Так, храмовый комплекс Вознесенка был назван могилой Аспаруха [54, с. 37—38], а Перещепинский клад — погребением его отца Кубрата [55]. Оба памятника безусловно принадлежали знатным и богатым людям, возможно даже, что Перещепинское сокровище, судя по монограммам на перстнях, имело отношение к роду Кубрата (роду Дуло), однако в настоящее время неясно, был ли Перещепинский клад погребальным комплексом или просто зарытым «сокровищем» семьи. Следует сказать, что в последние годы исследованием Перещепинского клада серьезно занялись сотрудники Государственного Эрмитажа (Б. И. Маршак, В. Н. Залесская, З. А. Львова и др.). Это нашло отражение в организации выставки, названной «Сокровища хана Кубрата» в Болгарском Историческом музее (София, 1989 г.), издании каталога этой выставки [56] и подготовке фундаментальной новой и дополненной публикации этого памятника. Богатые серебряные и золотые вещи подобных «кладов» и поминальных храмов способствовали тому, что почти все они попали в ведущие музеи нашей страны и с той или иной степенью полноты и умения были уже опубликованы. К сожалению, большая обобщающая работа о «приднепровских кладах», написанная в последние годы жизни Г Ф. Корзухиной, так и лежит в архиве ЛОИА неизданной.

Таким образом, в целом относительно «хазарского периода» в Приднепровье говорить сейчас трудно, так как кроме «кладов» материалы не издаются (или, возможно, их нет?). Правда, новостоечные экспедиции, проводившиеся в степной Украине чрезвычайно широко, обнаружили большое количество погребенных сооружений средневековых кочевников начиная с VI—VII вв. и кончая XIV в. Однако они пока не обработаны, не изданы, судить о правильности их предварительных полевых датировок невозможно. Когда этот материал увидит свет, у археологов-хазароведов появятся, вероятно, интереснейшие данные о приднепровском варианте хазарской культуры. Это, как мне представляется, находит подтверждение, в частности, в статье А. И. Айбабина о Ясиновском захоронении хазарского воина (Северное Причерноморье) и аналогичных ему погребениях, обнаруженных в Крыму [36]

В исследованиях крымского варианта салтово-маяцкой (хазарской государственной) культуры очень много сделал А. Л. Якобсон. В двух книгах, вышедших в 70-х годах, он дал характеристику всех сведений о крымских поселениях эпохи хазарского каганата и последующих двух веков, которые были открыты и обследованы в 50—60-е годы [57], и подробно описал керамический комплекс с этих поселений и керамических печей, в которых обжигалась эта керамика [58] Правда, основное внимание он уделяет тарной и строительной керамике. Бытовая посуда затрагивается бегло, никаких статистических и стратиграфических данных по памятникам не приводится, даты устанавливаются только по аналогиям, поэтому они не всегда убедительны.

В те годы, когда выходили из печати две последние книги А. Л. Якобсона, в Крыму начали работать два молодых исследователя: И. А. Баранов и А. И. Айбабин. Первый фактически продолжил дело А. Л. Якобсона, сосредоточив свое внимание на поиске и изучении раннесредневековых поселений. Сейчас количество их выросло вдвое, многие из них передатированы. Периодизация, пред-

ложенная И. А. Барановым, несколько иная, чем у А. Л. Якобсона, выделявшего V—VII, VIII—IX вв. У. И. А. Баранова периоды более соответствуют историческим событиям, происходившим в Крыму, и общей дате салтово-маяцкой и предшествующей ей праболгарской культур, а именно VII — первая половина VIII в., вторая половина VIII—X в. [59] Впервые на рядовых поселенческих материалах показаны как общность, так и различия культур двух тесно переплетенных этносов. Становится очевидным существенный вклад ранней болгарской культуры в государственную культуру Хазарского каганата.

Весьма плодотворны и работы, проводимые в Крыму А. И. Айбабиным, занявшимся прежде всего вслед за А. К. Амброзом хронологизацией вещевых, в основном погребальных, комплексов. В значительной степени опираясь на хронологию Амброза [60], он, как и И. А. Баранов, четко датирует и выделяет «салтовскую эпоху» в крымских средневековых древностях.

Здесь же следует сказать об изучении поселений с «хазарским слоем», расположенных через пролив от Крыма — на Таманском полуострове. Наиболее крупным, известным и давно исследуемым памятником является Таманское городище (древняя Тмутаракань — Таматарха). На нем работали экспедиции А. А. Миллера, Б. А. Рыбакова, последние 25 лет раскопки ведутся А. К. Коровиной. Хазарское время представлено на городище очень полно разнообразнейшей характерной керамикой и развалинами каменных и глинобитных домов, от которых нередко сохранились только обрывки кладок и разливы глины. К сожалению, все эти очень серьезные исследования почти не нашли отражения в археологической литературе. По существу кроме статьи И. И. Ляпушкина о таманской керамике и сравнительно небольшого сборника, посвященного части вещевых материалов городища, полученных раскопками Б. А. Рыбакова [61], еще ничего об этом замечательно интересном памятнике не опубликовано. Очень мало сведений дошло до археологов и о другом таманском большом раннесредневековом и античном городище — Фанагорийском [62, 63]. Оба города неоднократно упоминаются в разновременных письменных источниках, и их культурные слои могут быть, как слой Саркела — Белой Вежи, привязаны к конкретным историческим периодам и событиям. Совершенно очевидно, что множество вопросов, касающихся истории, экономики, культуры этих портовых городов и всего раннесредневекового Причерноморья, можно будет решать только после опубликования и тщательной обработки материалов с этих памятников. Пока эта проблема фактически закрыта.

Наиболее значительные результаты исследований таманского средневековья в последнее десятилетие были достигнуты Я. М. Паромовым, который провел на территории полуострова сплошные разведки. Благодаря наблюдательности, увлеченности и работоспособности этого археолога у нас есть сейчас подробная карта разновременных поселений (античных, раннесредневековых, позднесредневековых), в том числе и памятников хазарского времени [64]. Датировки основываются автором пока только на подъемном материале, правда, из-за глубокой распашки довольно обширном. Следующей задачей таманских археологов является уточнение этих датировок стратиграфическими наблюдениями на разных памятниках. Работа эта уже ведется как самим Я. М. Паромовым, так и несколькими другими археологами, но памятники хазарской эпохи на Тамни в настоящее время не исследуются (или не издаются?).

Еще в конце 50-х годов М. А. Артамонов постоянно обращался мыслью к колыбели каганта, находившейся, судя по свидетельству письменных источников, на землях современного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия. Вследствие этого там было проведено несколько небольших разведок (скорее, «наездов») под руководством ученика М. И. Артамонова Л. Н. Гумилева. Результат получился неожиданным: хазарские земли, по мнению начальника экспедиции, были затоплены Каспием [65]. Поэтому обнаружить на них памятники не представлялось, по его заключению, возможным. Проблема оказалась «потопленной». Вновь открыл Хазарию дегестанский археолог М. Г. Магомедов. В книге

и нескольких статьях [66] им учтены и рассмотрены все памятники, которые, по его мнению, можно материалами связывать с хазарской эпохой. Может быть, не все выводы автора подкреплены достаточным количеством археологических данных, возможно также, что какие-то положения преждевременны и излишне категоричны, но заслуга «открытия Хазарии» в Предкавказье принадлежит безусловно М. Г Магомедову. Особый интерес представляют раскопанные им и другими дагестанскими археологами погребальные памятники, в частности подкурганные катакомбные погребения у Чирюрта. Решая вопрос об их этнической принадлежности, М. Г Магомедов называет эти погребения хазарскими и датирует VII в. Высказанные им по поводу этноса логические соображения в целом справедливы, но, к сожалению, все захоронения оказались полностью разграбленными, антропологические материалы отсутствуют и потому автору и читателям приходится довольствоваться тем, что удалось получить при раскопках: реконструкциями погребальных сооружений и редкими находками сломанных вещей. Вещи дали возможность установить время совершения погребений. В конечном счете вопрос об этнической принадлежности остался все-таки открытым — он еще не раз встанет перед исследователями хазарской проблемы. Частично изученные раскопками и разведками поселения также далеко не все были хазарскими. Многие из них возникли в более раннюю эпоху и надо доказать, что в хазарскую эпоху они тоже существовали.

Следует констатировать, что несмотря на вполне доказанный факт существования ядра Хазарского каганата (домена кагана) на прикаспийских и нижневолжских равнинах, именно эта территория археологами-хазароведами исследовалась слабо. В течение нескольких сезонов разведки там проводил А. В. Гадло, обнаруживший ряд поселений с характерной хазаро-болгарской кухонной посудой [67, 68] Кроме того, там было раскопано новостроечными экспедициями несколько десятков хазарских погребений, о которых мы говорили выше. Совершенно очевидно, что исследования этого региона — первейшая задача хазароведов. Открытия могут быть сказочными — от погребений хазарских каганов в старых руслах рек, по роскоши не уступавших богатым скифским и гуннским, до развалин никому не известных сейчас городов или поселений городского типа.

Итак, мы рассмотрели те проблемы и задачи, которые встают перед нами при исследовании шести вариантов культуры Хазарского каганата. Два остальных были выделены мною условно и вряд ли правомерно. Это прежде всего собственно аланский предкавказский «вариант». Аланская культура в период, когда Алания входила в состав Хазарского каганата (VIII — начало X в.), влилась в общую государственную культуру и очень сильно повлияла на общий облик последней. Но в данном случае, видимо, прав В. А. Кузнецов, считавший, что нельзя писать о ней как о варианте хазарской культуры [69, с. 299]. Впрочем, проблема сложения культур в раннефеодальных государствах еще мало изучена. Очевидно только, что культура в них всегда синкретична и вопрос о том, что является целым, а что частью этого целого, нуждается в серьезном комплексном исследовании.

Второй «вариант», который нельзя, конечно, считать вариантом салтово-маяцкой культуры, расположен на территории современной Молдавии, отчасти южной Украины и Румынии и в основном — Северо-Восточной Болгарии. В СССР его обычно именуют Балкано-Дунайской культурой, в Румынии — культурой Буков или Дриду [70, 71], а в Болгарии — это культура I Болгарского царства. Очевидно следует признать, что все вместе это единая культура Болгарского государства IX—X вв. Сходство ее с хазарской (салтово-маяцкой) очень выразительно, объясняется оно тем, что в создании культур того и другого государства очень заметное участие принимали древние болгары (праболгары). К сожалению, до сих пор культура населения восточной окраины I Болгарского царства изучена еще недостаточно. Остаются пока невыясненными ни хронология, ни культурные связи этой окраины древнеболгарской земли, ни взаимо-

отношения ее с восточными славянами, чьи поселения вплотную подходили к ней с севера. Думается, что мешает решению всех этих вопросов прежде всего желание молдавских археологов во что бы то ни стало представить свою культуру самобытной и самостоятельной, т. е. выделить ее из общей, уже вполне сложившейся яркой болгарской культуры, хорошо и полно изученной в Северо-Восточной Болгарии, и прежде всего в обеих столицах I Болгарского царства — Плиске и Преславе. Нет сомнения, что провинциальный окраинный вариант этой культуры должен отличаться от центральной, но общий их облик значительно более близок друг к другу, чем разные варианты хазарской культуры, о которых мы говорили выше.

Подведем краткие итоги. Из всего сказанного ясно прежде всего, что несмотря на некоторые тормозящие осложнения в начале пути, археологическое хазароведение не погибло. Около двух десятков археологов уже второго и третьего поколений после М. И. Артамонова работают как над исследованиями конкретных памятников и связанных с ними вопросов, так и над решением более общих проблем, относящихся в основном к этнической и социально-экономической тематике. Однако положительным поступательным процессам в развитии хазароведения мешает не только географическая, сколько научная разобщенность археологов-хазароведов. Мне представляется весьма желательным и необходимым проводить ежегодные симпозиумы — практически «производственные совещания» с максимальным охватом всех ученых, работающих над данной тематикой. Дело в том, что в наше время, когда в археологической науке идут интенсивные поиски новых путей обработки материалов, одни археологи решительно отказываются от них и занимаются простой публикацией материалов или его беглым описательством с широкими выводами, что не делает материал источником, другие, наоборот, увлекаются больше методикой, а не материалом, которого нередко бывает маловато или он за методологическими штудиями просто не виден. Обсуждение работ в узкопрофессиональной аудитории поможет созданию разумно унифицированной методики, взаимного контроля, который должен способствовать определению правомерности в оценке полученного источника и тем более в следуемых из него выводов, а также поможет выявить необходимость разработки ряда тем, общих для истории и культуры не только самого каганата, но и окружающих его стран и народов Южной и Восточной Европы. Таковы, в частности, тема экономических связей и торговых путей, проходивших через земли каганата, вопросы о распространении на территории культуры письменности и грамотности, о сложении оригинального художественного стиля в прикладном искусстве каганата и, наконец, наиболее сложный узел этнических проблем, требующих включения в их решение ученых разных специальностей.

Хорошо известно, что о Хазарском каганате сохранились крайне скудные, не всегда ясные сведения в арабских, персидских, армянских, византийских, еврейских сочинениях, причем большая их часть относится к событиям довольно позднего для Хазарии времени (X в.) или написана авторами в X в. и более поздних веков, хотя и пользовавшихся более ранними произведениями. Однако несмотря на все недостатки письменных источников, они долгое время, а для широкого круга и по сей день, являлись и являются единственным видом достоверных свидетельств об этом крупном восточноевропейском государстве, просуществовавшем около 300 лет.

Только правильно организованная и выполненная работа над археологическими материалами превратит их в источник, которым смогут пользоваться не только сами археологи, но и другие специалисты: историки, этнографы, антропологи, тюркологи.

И только в таком содружестве наук возможно будет где-то в XXI в. написать новую, фундированную многочисленными новыми данными историю Хазарского каганата — первого раннефеодального государства в Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // СА. VI. М.; Л., 1940.
2. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.
3. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
4. *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА. 1958. № 62.
5. *Ляпушкин И. И.* Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница // МИА. 1958. № 62.
6. *Белецкий В. Д.* Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
7. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
8. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, III // МИА. 1963. № 109.
9. Правда. 1951. 25 дек. № 359 (12196). С. 3.
10. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во ГЭ. 1962.
11. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, I // МИА. 1958. № 62.
12. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. 1958. № 62.
13. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
14. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, II // МИА. 1959. № 75.
15. *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
16. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
17. *Березовец Д. Т* Слов'яни й племена салтівської культури // Археология. 1965. Т. 19.
18. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
19. *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
20. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. XV.
21. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. 1954. № 54.
22. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
23. *Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3.
24. *Красильников К. И.* Население Среднедонечья в VIII— начале X века: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1980.
25. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. № 4.
26. *Красильников К. И.* Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. № 3.
27. *Копыл А. Г Татаринов С. И.* Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. № 1.
28. *Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В.* Два праболгарских могильника на р. Северский Донец // СА. 1986. № 1.
29. *Татаринов С. И., Копыл А. Г* Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. № 1.
30. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
31. *Савченко Е. И.* Крымский могильник // АОН. 1986. № 1.
32. *Гадло А. В.* Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии, II. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
33. *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО—1971. М., 1972.
34. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии, II. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
35. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974.
36. *Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.
37. *Власкин М. В., Ильюков Л. С.* Раннесредневековые курганы с ровиками междуречья Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.
38. *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2.
39. *Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
40. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
41. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.
42. *Афанасьев Г Е., Николаенко А. Г* О салтовском типе сыродутного горна // СА. 1982. № 2.
43. *Афанасьев Г Е., Николаенко А. Г* Металлургический комплекс у с. Ездочное / Маяцкое городище. Труды Советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1984.
44. *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // АОН. Вып. 2. М., 1987.
45. Маяцкое городище. Труды Советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1984.
46. Маяцкий археологический комплекс. Труды Советско-болгаро-венгерской экспедиции. М., 1989.
47. *Афанасьев Г Е., Винников А. З.* Культовые комплексы на Маяцком поселении. Воронеж, 1989.
48. *Кызласов И. Л.* Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. М., 1989.
49. *Винников А. З.* Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3.
50. ОАК за 1895 г. СПб, 1897.

51. *Жолдасбаев С.* Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
52. *Смиленко А. Т.* Слов'яни та іх сусіди в степовому Подніпрові (II—XIII ст.), Київ, 1975.
53. *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
54. *Ваклинов Станчо.* Формиране на старо-българската култура. София, 1977.
55. *Вернер Йоахим.* Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан на българите. София, 1988.
56. Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни. София, 1989.
57. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970.
58. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
59. *Баранов И. А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска — Преслав, 2. София, 1981.
60. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982.
61. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
62. Фанагория // МИА. 1956. № 57.
63. *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска — Преслав, 2. София, 1981.
64. *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1990.— Деп. в ИНИОН. 1990.
65. *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966.
66. *Магомедов М. Г* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
67. *Гадло А. В.* К этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
68. *Гадло А. В.* Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3. Л., 1976.
69. *Кузнецов В. А.* Рец. на кн.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967 // СА. 1969. № 2.
70. *Федоров Г Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973.
71. *Comsa Maria.* Cultura materiala veche Românească. Bucuresti, 1978.

S. A. PLETNEVA

PROBLEMS OF KHAZAR ARCHAEOLOGY

Summary

Studies of Khazar archaeology began 50 years ago with the publication, in *Soviet Archaeology*, of M. Artamonov's article „Sarkel and Some Other Fortifications in North-Western Khazaria" In fateful 1951 the Khazar studies were crushed by an article in *Pravda* denouncing the idea about a great role the Khazar Kaganate had to play. The article was directed against Artamonov. Even his closest associates stopped mentioning the kaganate in his works. In the early 60s Artamonov published his *History of the Khazars*. Archaeology of the Khazars survived. Tobay, the second and third generations that came after Artamonov continued diggings and discussions of the ethnic and socio-economic problems. Since written sources about Khazars are scarce it is the task of archaeologists ot shape the accumulated material into a historical source. This is the only way to a new *History of the Khazars* that might appear in the next century.

Дискуссии

А. Е. МАТЮХИН

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ДАТИРОВКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО (?) МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ГОРА ДО ВО ВЬЕТНАМЕ

Датировка археологических памятников и отдельно каменных индустрий — одна из ответственных и сложных функций нашей науки. И очень часто на этом пути исследователи сталкиваются с рядом трудностей. К их числу можно отнести наличие нестратифицированных памятников, небольшое число предметов в инвентаре, отсутствие четких и диагностических форм, типологическая однородность коллекций и т. п. В силу этих и других причин возникают трудности в отнесении изделий, например, к ашелю или мустье, с одной стороны, мустье или верхнему палеолиту, с другой. В отдельных случаях такой археологической парой может оказаться даже ашель (мустье) — неолит.

Весьма непростым делом является датировка недостаточно изученных в настоящее время стоянок-мастерских и особенно мастерских, где материалы представлены чаще всего отходами производства. И далеко не всегда типологический облик изделий и технические приемы их изготовления и раскалывания камня согласуются с теми хроно-типологическими эталонами, которые выработаны первобытной археологией и обоснованно применяются ею. Нужно всегда принимать во внимание морфо-технологический динамизм каменных изделий, а также функциональный тип конкретных памятников. Именно под углом зрения очерченных общих принципов нам бы и хотелось рассмотреть вопрос об археологической датировке и типологическом облике инвентаря, получившего широкую известность в мировой литературе палеолитического местонахождения Гора До во Вьетнаме. Памятник расположен в 170 км от Ханоя на севере республики. Он не имеет культурного слоя. Изделия приурочены к склону горы и залегают вместе с огромным количеством глыб и кусков базальта разной величины и качества.

Первый исследователь памятника П. И. Борисковский выделил в его инвентаре грубые отщепы и нуклеусы крупных размеров, чопперы, чоппинги, кливеры и ручные рубила [1, с. 51—66; 2, с. 148—156; 3, с. 140, 141]. Исходя из морфологии изделий, он пришел к выводу о шелльском и ашельском возрасте памятника [1, с. 68—70; 2, с. 152—160; 3, с. 141]. В работах последних лет П. И. Борисковский настаивает на раннепалеолитическом возрасте находок, указывая на их ашельский облик [4, с. 191; 5, с. 87—90; 6, с. 11—14; 7, с. 1—3] Предложенная советским археологом оценка возраста горы До была принята вьетнамскими и некоторыми другими зарубежными исследователями [8, с. 47—51; 9, с. 102; 10, с. 206; 11, с. 135—136]. Отдельные авторы полагают, что поскольку изделия не имеют культурного и геологического контекста, они лишены оценки [12, с. 353, 354]. Совершенно неожиданную и неоправданную позицию занял датский археолог П. Соренсен, посчитав находки на горе До всего лишь псевдоорудиями [13, с. 28—33]. И это несмотря на то, что он лично изучал материалы в Ханое и был на самом памятнике. Решительное несогласие с подобным мнением Р. Со-

© А. Е. Матюхин, 1990 г.

ренсена уже высказано в печати П. И. Борисковским [6, с. 11—14]. Ставя вопрос о типе памятника, П. И. Борисковский вначале отнес его к числу стойбищ [1, с. 159; 2, с. 69]. Некоторые вьетнамские археологи отдают предпочтение термину стоянка-мастерская [14, с. 115]. В последнее время и сам П. И. Борисковский склонен относить этот памятник к типу мастерских [4, с. 191]

Во время пребывания в СРВ в 1985 г. мне удалось изучить значительные коллекции изделий, собранных на горе До, а также поселениях эпохи бронзы Донг Кхой, Кон Чан Тьен и на открытом в 1984 г. советскими и вьетнамскими археологами памятнике гора Нуонг, а также побывать на горе До и горе Нуонг. Орудия с горы До изучались в Историческом музее Вьетнама, Институте археологии и в музее г. Тхань Хоа.

Условия залегания находок на горе До многократно описаны П. И. Борисковским, и нет необходимости останавливаться на этом. Отметим, что архаичные и развитые по своей морфологии изделия имеют нередко одинаковую (часто хорошую) сохранность. Заложенные в 1985 г. Нгуен Ван Ши на склоне горы До три шурфа показали, что находки связаны только с почвенным слоем. В нижележащем суглинке они отсутствуют. Сохранность находок в целом нормальная. В шурфах обнаружены примерно те же вещи, что и на поверхности. В конце нашего пребывания в Ханое, в институте археологии состоялось обсуждение вопросов, касающихся археологии горы До.

В вопросах типологического изучения каменных изделий мы исходим из ряда важных методологических принципов. Прежде всего характер и содержание типологического подхода, оценка и выбор тип-листов зависит в первую очередь от типа исследуемых памятников — базовая стоянка, стоянка-мастерская, мастерская, охотничий лагерь и т. п., а также от конкретных целей типологического анализа. Совершенно очевидно, что каждый тип памятника свидетельствует о разных видах деятельности древних людей. На стоянке могла осуществляться деятельность по расщеплению камня, изготовлению орудий, разделке туш животных, подготовке пищи, изготовлению предметов быта, сооружению жилищ и т. п. Поскольку орудия интенсивно использовались для разных целей, то это были законченные, типологически разнообразные и выраженные формы, а также переоформленные и сломанные изделия. Первичная обработка камня могла происходить как на стоянке, так и за ее пределами. На мастерских набор изделий будет совершенно иным. Так, на Калитвенских палеолитических мастерских, расположенных в Ростовской обл., законченные орудия практически отсутствуют [15, с. 86] Преобладают орудия незаконченные и среди них незаконченные, неоформленные, незаконченные грубооформленные и незаконченные, близкие к завершению орудия. Отмечены также сломанные и неполучившиеся изделия [16, с. 162—165; 17, с. 23—42] Детальный морфологический анализ коллекций из Калитвенских мастерских показывает, что к числу законченных или близких к завершению форм, видимо, можно относить наконечники и скребки. Следовательно, все наличные разнообразные, морфологически невыраженные формы на деле являются их незаконченными модификациями. Поэтому в соответствии с контекстом конкретного памятника нет оснований накладывать на реальные изделия с нераскрытым содержанием жесткие типлисты, порой «вытягивать» насильственно типы, например скребла, остроконечники, рубила, кливеры и т. п., лишь на основании их внешнего, морфологического сходства с незыблемыми эталонами.

Возвратимся теперь непосредственно к обсуждаемым вопросам. Характерно, что в основании горы До располагается памятник эпохи бронзы Кон Чан Тьен. Здесь, наряду с керамикой, найдено немало законченных и уже отшлифованных топоров. Некоторые заготовки похожи на топоровидные орудия, найденные на горе До. По мнению П. И. Борисковского, подобного рода изделия с горы До являются на деле типичными ашельскими кливерами, хотя раньше он их относил к топорам [3, с. 14]. Особо грубых заготовок на Кон Чан Тьен не найдено. С мастерской горы До приносили уже подготовленные экземпляры. Близкие

по форме и технологии изготовления орудия найдены и на стоянке того же времени Донг Кхой, расположенной в 4 км от горы До. Среди многочисленных заготовок есть и достаточно грубые образцы. Хорошая сохранность изделий объясняется прежде всего непотревоженным характером культурного слоя. Здесь, в отличие от горы До, не было перемещения предметов. Можно легко объяснить и наличие отщепов с фасетированными площадками — снятие отщепов при оформлении топоров проводилось с подготовленных на боковых краях ударных площадках.

Во время нашего пребывания на горе До мы вместе с Нгуен Ван Ши на местонахождении Хе Чуа, расположенном тут же у подошвы горы на ровном участке у поймы собрали ряд грубых и выразительных заготовок (в том числе из отщепов) топоров. Грубые изделия идентичны «кливерам» и «чопперам», найденным на склоне горы. По сути дела, это заготовки на самой ранней стадии обработки.

Исключительно интересными следует считать находки, собранные на горе Нуонг, удаленной от До на расстояние около 8—10 км. Заложенный вьетнамскими археологами на основе шурфа Н. К. Анисюткина и В. И. Тимофеева раскоп площадью 5×2 м доставил интересные находки, которые также были найдены и на поверхности склона горы. Стратиграфия отложений, покрывающих базальты, в целом близка к таковой, установленной на горе До. Здесь также находки выявлены только в почвенном слое. В двух нижних маломощных слоях суглинков они полностью отсутствуют. Основная часть отщепов, осколков и чешуек расположена горизонтально, края их острые. Сохранность изделий в целом хорошая. Кроме того, найдены грубые нуклеусы и крупные изделия, обработанные с двух сторон широкими снятиями, а также выразительные топоры, близкие к завершению, длиной до 20 см. Топоры обнаружены и на поверхности, в непосредственной близости с раскопом. Можно уверенно сказать, что изделия не испытали какого-либо существенного перемещения вниз по склону. Грубые изделия, о которых упомянуто выше, являются на деле заготовками на разных стадиях оформления. Выделено и несколько обработанных кусков базальта без следов оформления. Это неоформленные изделия, оставленные на стадии специального уплощения заготовки, т. е. ее подготовки. На первый взгляд неожиданным является присутствие большого числа выразительных отщепов и среди них леваллуазского облика. Интересно, что они были сняты не с нуклеусов, а с заготовок топоров, у которых имеются четко оформленные по всей длине одного или двух краев ударные площадки. Принимая во внимание типологический набор изделий, едва ли целесообразно датировать гору Нуонг палеолитическим временем. Это поздний памятник.

Что же можно сказать о типологическом составе изделий и археологическом возрасте горы До? Собранные здесь грубые отщепы и нуклеусы указывают прежде всего на то, что здесь происходила первичная обработка базальта. Последнее объективно предполагает скалывание крупных и массивных отщепов. К тому же многие куски трещиноваты, структурно неоднородны, имеют инородные включения, пустоты, покрыты толстой коркой. Огромное количество невыразительных отщепов с широкими, сильно скошенными ударными площадками и крупными ударными бугорками можно встретить на стоянках-мастерских и мастерских палеолита, мезолита и неолита. Наличие грубых нуклеусов с единичными негативами крупных сколов указывает в первую очередь на целенаправленность расщепления — получение заготовок для удлиненных макроорудий, т. е. топоров. Что касается так называемых чопперов, чоппингов, кливеров и ручных рубил, то перед нами заготовки топоров на разных стадиях обработки. Заметим, что такие категории, как чопперы, чоппинги и кливеры, даже с формально-типологической точки зрения выделены авторами весьма условно. Типологически неправомерно изделия зауженных пропорций с двумя обработанными боковыми краями относить к кливерам. Это типичные заготовки для топоров и присутствуют практически всюду, где имеются данные орудия. Внимательный анализ «рубил» показывает, что отдельные изделия имеют ряд естест-

венных негативов [9, с. 129], другие при переориентации окажутся нуклеусами для целевого получения крупных заготовок [9, с. 130], а третьи — исходными формами топоров [9, с. 127, 128, 131]. Ни у одного из рубил нет четкого согласования основных орудийных элементов, т. е. рабочих лезвий и аккомодационных участков. Рабочие лезвия как таковые отсутствуют. Анализ раннепалеолитических макроорудий (чопперов, чоппингов, рубящих орудий, кливеров, рубил), а также многочисленные эксперименты по их изготовлению и использованию показывают, что даже у самых примитивных орудий имеется собственно рабочий край, который пригоден для выполнения той или иной работы. Нелогично выделять условные орудия (их подобие), которыми нельзя ни рубить, ни резать, ни скоблить. К тому же во многих индустриях, содержащих ручные рубила, наряду с незаконченными есть завершенные формы. В инвентаре горы До нет законченных рубил.

Гора До — это мастерская, где происходил отбор, оценка и опробование, грубая обработка базальта и получение заготовок для топоров. В качестве исходных заготовок выбирались или естественно уплощенные обломки, или куски, полученные в ходе простых приемов раскалывания, или крупные массивные отщепы, снятые с нуклеусов, вернее, с кусков базальта. Естественно, что практически все обломки и некоторые отщепы нуждались в дополнительном уплощении — снятии крупных отщепов. На этой стадии обработки, т. е. когда не происходит собственно оформления основных компонентов орудия или осуществляется самое общее оформление, изделия фактически не похожи на конечный продукт, в данном случае топоры. Мало походят на эталоны и орудия на средней стадии оформления. И лишь на стадии, близкой к завершению (отделки) можно отчетливо угадать конечную форму. Речь идет о всеобщих технологических приемах изготовления сложных орудий — бифасов, кливеров, топоров, разных типов наконечников [16, с. 146—155; 18, с. 245—248]. Так, наконечник на начальной стадии оформления оказывается похожим на отщеп с ретушью, и на разные типы скребел, и на скребок и т. п. Очень наглядные примеры динамических модификаций форм топоров в процессе их изготовления изложены в работе Н. Н. Гуриной по материалам Красносельских шахт в Белоруссии [19, с. 64, 71]. Она же предложила предварительную группировку заготовок топоров [19, с. 77—79]. Весьма интересные морфо-технологические группы в их динамике приводит на примере топоров, долот и тесел Л. Я. Крижевская [20, с. 58—67] При просмотре обширных мезолитических и неолитических коллекций орудий, происходящих из памятников лесной полосы Европейской части СССР и неолитического комплекса из окрестностей Красного Села, мы обращали внимание на то, что отдельные крупные наконечники похожи на грубые ручные рубила, а топоры — на кливеры, скребла, наконечники, остроконечники, двустороннеобработанные формы и т. п. [1] Здесь многое зависит от качества исходного материала, размеров заготовок и объема обработанной их поверхности, т. е. степени оформленности орудий. Ясно, что между наконечниками и топорами на начальной и заключительной стадиях изготовления может не быть морфологической связи. Следовательно, для отнесения того или иного изделия к определенной категории или типу нужен не только данный единичный предмет, а целая динамичная морфо-технологическая группа изделий, свидетельствующая о деталях формообразования эталонных, законченных орудий.

Принимая во внимание разное, в том числе и плохое качество базальта на горе До, можно представить себе, что многие изделия древние мастера выбрасывали ввиду тех или иных дефектов породы, представленных на конкретных заготовках. На горе До оставлены неудавшиеся, непригодные, другими словами, незаконченные изделия. Хорошие заготовки для орудий (топоров) уносились

---

[1] Автор выражает глубокую благодарность В. В. Сидорову, А. Н. Сорокину, М. Г Жилину и В. Е. Кудряшову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с указанными материалами.

на стоянку, например Кон Чан Тьен, Донг-Кхой, где осуществлялась отделка топоров и их шлифовка. Все эти памятники объединены нами по наличию динамических морфо-технологических групп изделий, хотя точное сопоставление по рядам (на стоянках мало грубых заготовок) может не быть буквальным. Характерным является общая морфо-технологическая модель-подготовка ударных площадок по всей длине краев заготовок, как грубых, так и совершенных, и скалывание с них отщепов — для уплощения и формирования основных частей будущего орудия. Более показательным в плане представления всех динамических морфо-технологических звеньев эталонной модели топоров являются материалы горы Нуонг, где найдены заготовки от самых грубых до совершенных, видимо подготовленных к шлифовке.

Значит, «архаичность» изделий с горы До по сравнению с предметами из стоянок Донг Кхой и Кон Чан Тьен всего лишь внешняя и имеет технологический, а не культурно-исторический, т. е. временной характер. К материалам мастерских, таким образом, неприменимы в полном объеме, например, типолого-статистические разработки Ф. Борда. Здесь более уместен конкретный, контекстуальный подход, имеющий динамическую направленность.

Изложенные выше суждения были высказаны нами в ходе дискуссии в Ханое. Известный вьетнамский археолог Ха Ван Тан сказал, что присутствие ручных рубил не является вообще показателем древнего возраста памятников. Многие рубила Юго-Восточной и Южной Азии могут быть датированы поздним временем. Вполне возможно, что «кливеры» являются заготовками для топоров. В итоге он высказал сомнение относительно отнесения горы До к раннему палеолиту, но выразил надежду, что, может быть, раннепалеолитические орудия будут обнаружены на До и в целом во Вьетнаме. По его мнению, неправомочным нужно признать и абсолютное применение к местным материалам типлистов Ф. Борда. Выводы Ха Ван Тана явно противоречат тем, которые были сделаны им ранее [10, с. 195—233]. Видимо, изменение его оценки возраста горы До произошло после ознакомления во Франции с обширными материалами с территории Европы и Африки. Хоанг Суан Тинь, изучающий палеолит Вьетнама, лишь отчасти согласился с высказанным нами мнением. Он считает, что можно не выделять например, кливеры, но ручные рубила являются реальной частью инвентаря, и это обстоятельство указывает на раннепалеолитический возраст. Не присутствовавший на официальном обсуждении автор крупной работы о горе До Люй Чан Тьеу ранее в беседе с нами высказал несогласие с предложенными выводами. Рядом молодых археологов была поддержана наша точка зрения.

Свое мнение мы изложили в докладе, сделанном в ЛО ИА уже после возвращения из Вьетнама. Против решительно выступил П. И. Борисковский. Знакомые с вьетнамскими материалами Н. К. Анисюткин и В. И. Тимофеев, не отрицая присутствия на горе До поздних элементов, тем не менее высказались за отнесение основной части изделий к раннему палеолиту. Не исключает древний возраст отдельных находок и Г П. Григорьев, хотя он обратил внимание и на наличие в инвентаре памятника заготовок для топоров.

Таким образом, проблема археологической датировки горы До и типологического облика ее индустрии остается нерешенной. Высказанное нами мнение, конечно, носит частный характер, хотя мы пытались его аргументировать. К памятникам подобного рода необходим иной, более тактичный и разноплановый, комплексный подход, с учетом данных разных археологических методов, особенностей сырьевой базы и ряда важных методологических и теоретических установок. Очень полезно в связи с обсуждаемыми вопросами обратиться к истории некоторых открытий, например в России. В свое время (начало XX в.) большой резонанс получило сообщение о находках макроорудий, близких к ручным рубилам и пикам. Эти изделия были отнесены некоторыми авторами к палеолиту [21, с. 30, 31; 22, с. 168, 169]. Однако было выяснено, что отдельные предметы являются псевдоорудиями [23, с. 79—83], а другие — орудиями, отно-

сящимися наряду с резцами, скребками и пластинками к неолиту [24, с. 81] Любопытным представляется замечание П. П. Ефименко о том, что пикообразные орудия можно рассматривать как генетически исходную форму топора [24, с. 81].

Отсутствие культурного слоя на горе До, безусловно, в значительной мере осложняет прояснение спорных вопросов. Одну из причин надо видеть и в особенностях современного состояния некоторых наиболее актуальных проблем первобытной археологии и, в частности, характера и содержания наших классификационных установок, типологического подхода в целом. Крайне необходимо провести всестороннее полевое исследование памятника, а также углубленный анализ коллекций изделий как горы До, так и ряда других памятников, желательно разного возраста. Можно надеяться, что усилия заинтересованных археологов, представляющих разные методологические и конкретные исследовательские подходы, принесут положительные результаты. Все мы должны исходить не из того, чья точка зрения победит, а из стремления конкретно внести ясность в решение того или иного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л.: Наука, 1966.
2. *Борисковский П. И.* Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966.
3. *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
4. *Борисковский П. И.* Археология во Вьетнаме в наши дни // СА. 1977. № 4.
5. *Boriskovsky P. I.* Some Problems of the Palaeolithic of South and East Asia // Early Palaeolithic in South and East Asia. World Anthropology. P., 1978.
6. *Boriskovsky P. I.* Binh luân ý kien cûa Per-Sørensen Vê dia diêm So ki đá-cũ Nui Đò // Khab Cô' Hoc. 1981. 14.
7. *Boriskovsky P. I.* Xao đinh niên dai Nui Đo // Khab Cô' Học. 1978. 12.
8. *Le Van Len.* Tro lai Nui Do // Khao Cô' Học. 1971. 12.
9. *Pham Đăng Kinh, Lưu Trân Tiêu.* Nhũng di tích cùa con nguòi thoi tòi cô trên đât Việt Nam. Hanoi, 1973.
10. *Ha Van Tan.* Núi Do vó'i môt sô vân thói dai do da cũ Viêt Nam và Dông Nam Á. // Nhũng di tích cùa con nguòi thoi tôi c'ô trên đất Việt Nam. Hanoi, 1973.
11. *Saurin E., Carbonnel J P.* Evolution prêhistorique de la peninsule Indochinoise d'apres les donnes recentes // Paleorient. 1974. 2.
12. *Movius H. L.* Southern and East Asia: Conclusion // Early Palaeolithic in South and East Asia. World Antropology. P., 1978.
13. *Sørensen P.* Note on Vietnamese Archaeology // Annual Newsletter of the Scandinavian Institute of Asian Studies. 1980. 14.
14. *Ha Van Tan.* Nouvelles recherches prehistoriques et protohistoriques au Vietnam // Bulletin l'ecole francaise d'extrême-Orient. 1980. T. LXVIII.
15. *Матюхин А. Е.* Палеолитическая мастерская Калитвенка I // КСИА. 1987. Вып. 189.
16. *Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
17. *Матюхин А. Е.* Макроорудия из палеолитических мастерских // СА. 1988. № 2.
18. *Матюхин А. Е., Григорьева Г. В.* Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач // СА. 1981. № 2.
19. *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты. Л.: Наука, 1976.
20. *Крижевская Л. Я.* Неолитические мастерские верхнего Поволжья. 33 // МИА. 1950. № 13.
21. *Симсон П. Ф.* Каменный век под г. Ржевом. Тверь, 1903.
22. *Рерих Н. К.* Каменный век на озере Пирос // ЗОРСА. 1905. Т. VII.
23. *Макаренко Н. Е.* Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги // ИАК. 1904. Вып. 6.
24. *Ефименко П. П.* Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. 1916. Вып. I, II.

A. E. MATYUKHIN

ON SOME CONTROVERSIAL PROBLEMS OF DATING THE PALAEOLITHIC (?) SITE THE MOUNTAIN OF DO IN VIETNAM

Summary

The author says that it is very difficult to precisely date the Mountain Do site that today is believed to belong to the Early Palaeolithic. He insists that the site's tyre (a main camp, a toot-making camp, a tool-making shop, a hunting camp, etc.) and the morphological and technological succession of stone implements should be taken into account. In his opinion, the implements' typology and technology do not always correlate with the commonly accepted chronological and typological patterns. An analysis of the vast collections of stone implements from various sites has led the author to conclude that the Mountain of Do was a workshop where axes were made. There unfinished implements were found. More or less clear-cut forms existed side by side with less clear shapes that looked like choppers, hand axes, etc. The blanks were taken to other camps where they were finished and polished. It seems that the Mountain of Do is a later site that exceeds the limits of the Palaeolithic. Some other Soviet archaeologists and their Vietnamese colleagues agree with this view. There are archaeologists who while admitting that later materials were also found on the site still insist on the Early Palaeolithic dating of the majority of the finds.

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ HOMO SAPIENS. НОВЫЕ ФАКТЫ И НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

За последние годы в разных областях науки было добыто большое количество новых интересных фактов, требующих, как кажется, пересмотра некоторых укоренившихся представлений, связанных с происхождением Homo sapiens. Данные такого рода не получили пока должного отражения в советской литературе. Настоящая статья представляет собой попытку хотя бы частично восполнить этот пробел. В ней излагаются и, по возможности, обсуждаются наиболее важные, с точки зрения автора, результаты проводимых за рубежом археологических, антропологических и биомолекулярных исследований, затрагивающих хронологические, географические и культурные аспекты процесса становления человека современного физического типа.

Во избежание разночтений следует сразу же оговорить, что термин Homo sapiens используется здесь для обозначения исключительно неантропов. Это уточнение необходимо, поскольку большинство западных антропологов, следуя за Б. Кэмпбеллом [1], предпочитают обозначать неоантропов как Homo sapiens sapiens, отводя последним тем самым подвидовой ранг в пределах одного с неандертальцами — Homo sapiens neandertalensis — вида. Мало того, некоторые исследователи полагают, что границы вида Homo sapiens следует расширить еще более, включив туда не только неандерталоидов, но и питекантропин [2; 3, с.143; 4, с. 88; 5]. Это, по мысли ряда сторонников подобных номенклатурных новаций, должно отразить и подчеркнуть тесную генетическую связь автохтонного населения разных районов Земли с местными популяциями Homo erectus и тем самым укрепить позиции полицентристской теории происхождения людей современного физического типа.

Все эти терминологические перестановки, на мой взгляд, лишены глубокого смысла как в теории, так и для практики систематиков. Не останавливаясь на этом вопросе специально, отмечу лишь, что в последние годы некоторые антропологи Запада вновь начинают отдавать предпочтение традиционному словоупотреблению, признавая целесообразным оставить обозначение Homo sapiens лишь за неоантропами (что, разумеется, не следует понимать как отказ в «разумности» иным типам гоминид) [6, 7]

Время появления Homo sapiens. Начавшие поступать в последние 15—20 лет сведения о том, что общепринятый некогда возраст Homo sapiens 35—40 тыс. лет, возможно, следует удревнить более чем в 2 раза, встретили в отечественной литературе довольно прохладный прием и сдержанно-критическое [8, с. 125; 9, с. 20] или осторожно-выжидательное [10, с. 98; 11, с. 270] отношение. И в научных, и в научно-популярных работах тезис о 40-тысячелетней, и не более, истории людей современного физического типа остается [1] практически непоколебленным, о существовании же противоречащей ему информации порой даже не упоминают [12]. Лишь А. А. Зубов вкратце приводит некоторые данные такого характера в своем весьма полезном обзоре литературы по эволюции рода Homo от архантропа до современного человека [13, с. 120, 134], но помещен этот

[1] Настоящая статья написана в феврале 1989 г.

© Л. Б. Вишняцкий, 1990 г.

обзор в издании, о существовании которого многие специалисты (особенно археологи), к сожалению, просто не подозревают. Между тем за рубежом вопрос о времени и месте первоначального появления Homo sapiens дебатируется со все возрастающей активностью (возможно, впоследствии будет констатировано, что именно в конце 80-х годов дискуссия достигла апогея), и проведено уже несколько международных конференций, посвященных специально этой теме [14—16].

В истории антропологии известно немало случаев, когда те или иные ископаемые объявлялись доказательством существования людей современного или близкого к таковому физического типа задолго до начала верхнего палеолита. Как правило, подобные «открытия» являлись результатом либо преднамеренной фальсификации (Пильтдаун), либо грубых ошибок при определении возраста костей. Если же возраст находок действительно был достаточно древним, то спорной оказывалась их таксономическая атрибуция. Так было, например, с фрагментами черепов из Сванскомба и Фонтешевада, которые долгое время служили главным козырем для сторонников европоцентристской версии теории пресапиенса [17, 18], а теперь не выделяются специалистами из прочих неандертальских форм [19; 20, с. 290; 21, с. 308].

Тем не менее вера в доверхнепалеолитических Homo sapiens никогда не умирала среди преисториков окончательно, не прекращался и поиск соответствующих фактов: он лишь во все большей степени смещался из Европы на другие континенты Старого Света. В конце концов были получены данные, позволившие одному из крупнейших современных антропологов уже в начале 70-х годов заявить в широкочитаемом международном журнале, что «в тот период, когда в Европе жили неандертальцы, в Африке и Азии уже были распространены представители вида Homo sapiens ...» [22, с. 12]. Сейчас, к концу 80-х годов, этот вывод, как кажется, обрел под собой более солидную почву.

Среди известных ныне ископаемых, претендующих на роль древнейших Homo sapiens, наиболее однозначно трактуемыми с точки зрения их морфологии и к тому же достаточно надежно датированными являются находки, происходящие с территории Южной Африки — из пещеры Бордер и пещер на р. Класиес.

В пещерах на р. Класиес (ЮАР, 130 км к западу от Порт-Элизабет) раскопки проводились с 1966 по 1968 г. Первое краткое сообщение об антропологических находках было опубликовано уже в 1969 г. [23], но детальное описание памятника появилось сравнительно недавно [24]. Костные останки людей происходят в основном из нижних слоев пещерных отложений, к которым приурочены и каменные индустрии, относящиеся к двум первым стадиям южноафриканского среднего каменного века. Датировки, полученные для соответствующих слоев разными методами (кислородно-изотопным, радиоуглеродным, аминокислотным), примерно совпадают и, видимо, могут рассматриваться как вполне реалистичные. Согласно этим датировкам, первые обитатели появились в пещерах около 120—125 тыс. лет назад, к этому же времени относятся и наиболее древние из человеческих костных останков [25, с. 75, 76; 26, с. 219; 27, с. 149—150; 28]. Последние, к сожалению, представлены лишь сильно фрагментированными костями черепа (челюстные, скуловая, теменная, лобная) и посткрана, но большинство изученных образцов достаточно выразительны, чтобы можно было сделать вывод о том, что морфологически они практически не отличаются от аналогичных частей скелета современных людей [29, с. 20; 30, с. 164; 31, с. 203].

Еще меньше сомнений относительно принадлежности к Homo sapiens вызывают ископаемые из пещеры Бордер (ЮАР, близ границы со Свазилендом), хотя, с другой стороны, здесь может возникнуть больше вопросов насчет достоверности имеющихся определений возраста находок. Первые человеческие кости были обнаружены в пещере еще в 1940 г., большая же их часть получена благодаря работам Бомона, начатым здесь в 1970 г. Сейчас известны фрагменты черепов и челюстей трех взрослых индивидов и детский скелет (если не считать чело-

веческих останков железного века), которые всеми изучавшими их исследователями определяются как останки Homo sapiens [30, с. 165; 32, 33] Как и в Класиес, кости гоминид в пещере Бордер связываются со слоями среднего каменного века, но абсолютно точно эта связь зафиксирована лишь для скелета ребенка и одной из челюстей. Для скелета имеется радиоуглеродная дата, согласно которой, его возраст превышает 49 тыс. лет, а согласно аминокислотной датировке он составляет 60 тыс. лет. Имеется аминокислотная дата и для одной из взрослых костей — 89 тыс. лет [34, с. 313, 314]. Основная часть ископаемых гоминид из пещеры Бордер, в том числе и реконструированный взрослый череп, помещаются сейчас исследователями этого памятника в хронологическом диапазоне от 90 до 115 тыс. лет назад [35, 36], но следует учитывать, что это результат не непосредственного абсолютного датирования, а экстраполяции темпов осадконакопления в верхней части отложений на нижнюю часть и корреляции определенных слоев с определенными кислородно-изотопными стадиями глубоководных отложений Мирового океана.

В связи с находками анатомически современных человеческих костей в пещерах на р. Класиес и в пещере Бордер часто упоминают череп, найденный еще в 1932 г. в районе Флорисбада (ЮАР). Он рассматривался то как неандертальский [37], то как характеризующий вместе с черепом из Бордер группу, ancестральную для негроидов и прото-бушменов [38], то, наконец, как переходный к современным формам, занимающий промежуточное положение между ними и рядом более архаичных гоминид [39] Последняя трактовка приобрела сейчас наибольшее распространение, и многие антропологи согласны в том, что черепу из Флорисбада в филогенетических схемах следует отвести место между ископаемыми типа Броке-Хилл, с одной стороны, и типа Бордер — с другой [40; 41, с. 305]. Возраст флорисбадской находки не установлен точно, но есть основания считать, что он находился за пределами возможностей радиоуглеродного метода [42] и, возможно, даже превышает 100 тыс. лет, тяготея к рубежу среднего и верхнего плейстоцена [30, с. 161; 41, с. 304, 305]

Из Южной Африки происходит еще целый ряд ископаемых гоминид, представленных черепами, которые некоторыми рассматриваются как своеобразная и весьма ранняя группа Homo sapiens (Боскоп, Фине-Хук, Кэйп-Флэтс, Спрингбок-Флэтс, Маджес-Ривер и др.). Иногда их связывают с концом палеолита и мезолитом [43, с. 236], но можно думать, что, по крайней мере для части перечисленных находок, более вероятно соотношение с южноафриканским средним каменным веком, который сейчас оценивается как примерный хронологический и типологический аналог европейского среднего палеолита. Правда, нигде такая связь не документирована должным образом [44, с. 209] Что бы мы ни предполагали, следует признать, что пока возраст всех этих материалов не определен сколько-нибудь надежно, а имеющиеся абсолютные даты не выходят за пределы 35—36 тыс. лет. Поэтому попытки отдельных исследователей выделить ископаемые из Боскопа, Фиш-Хук и т. д. в отдельный подвид (Homo sapiens capensis) и доказать, что именно от него происходят как современные люди, так и южноафриканские и палестинские неандерталоиды [34, 45] не встретили поддержки [29, с. 21; 46] Эта гипотеза не увязывается ни с хронологией южноафриканских ископаемых, ни с их морфологией. Впрочем, нельзя все же исключить, что какие-то из известных в Южной Африке, не датированных пока точно черепов могут оказаться сопоставимыми по возрасту с останками гоминид из пещеры Бордер и с р. Класиес.

Проблема датирования является критической и по отношению к черепу из Канжеры (оз. Виктория, залив Кавирондо, Кения), который многие сближают с Homo sapiens [47, с. 113; 48, с. 3; 49, с. 828] Для этой восточноафриканской находки предполагается возраст от 60 до 80 тыс. лет и связь с ашелем, однако оба предположения нуждаются в серьезном дополнительном обосновании. Тем не менее и в Восточной Африке имеются достаточно определенно датированные ископаемые, свидетельствующие о весьма раннем появлении здесь форм, идентичных Homo sapiens или во всяком случае очень близких таковым. Это прежде

всего фрагменты черепа ОМО I, обнаруженные в 1967 г. в отложениях формации Кибиш, неподалеку от северного побережья оз. Туркана (Эфиопия). Неплохо сохранившиеся лобная и особенно затылочная кости этого черепа анатомически вполне современны, равно как и остатки костей лицевого скелета. Фиксируется достаточно развитый подбородочный выступ. По заключению М. Дэя, первым изучившего находку, череп Омо I, а также известные части посткраниального скелета того же индивида не несут признаков, выходящих за рамки обычного для Homo sapiens размаха вариаций [50, с. 1136—1138; 51, с. 34]. Несколько более архаичен череп ОМО II (он массивней, ниже и у́же), отличающийся весьма хорошей сохранностью (утрачена лишь лицевая часть). Для него вычислен примерный объем мозговой полости — 1435 ± 20 см^3 [50, с. 1136] Оба черепа, несмотря на некоторые различия между ними, ставятся исследователями в единый эволюционный ряд [52], куда, возможно, мог бы быть отнесен и череп Омо III, не будь он слишком сильно фрагментирован [50, с. 1138].

Возраст антропологических находок из формации Кибиш не определен точно, но он, несомненно, древнее дат, доступных радиоуглеродному методу, и может оцениваться в пределах от конца среднего плейстоцена до середины верхнего [53, с. 1135] Для раковин из слоя, откуда происходит череп Омо I и, предположительно, также Омо II, была получена Th/U дата около 130 тыс. лет [54], но относительно надежности метода датирования в данном случае существуют некоторые сомнения. Так или иначе, но древность черепов Омо I и II превышает 50 тыс. лет и выходит, таким образом, за хронологические рамки, которыми традиция ограничивает время существования Homo sapiens. Остается не выясненным, каково хронологическое соотношение черепов между собой; предположение о большей древности Омо II делают на основе сравнения морфологии этих ископаемых.

К началу верхнего плейстоцена относят на основании геологических и археологических данных череп из Синги (Судан), хотя, согласно данным радиоуглеродного датирования, он должен быть гораздо моложе (от 17 до 23 тыс. лет). Этот череп рассматривался иногда как анатомически современный, несущий бушменоидные черты [55, с. 290], но сейчас его чаще сближают с ископаемыми типа Брокен-Хилл или Омо II [56, с. 188; 57].

В Северной Африке пока нет антропологических находок, которые позволяли бы уверенно говорить о том, что люди современного физического типа жили здесь ранее 35 тыс. лет назад [58, с. 315], хотя ископаемые Homo sapiens из гротов Темара и Дар-эс-Солтан 2 (Марокко), связанные со слоями атера, имеют возраст, видимо, более 30 тыс. лет [59, с. 175—180, 183—193], как и недавняя находка останков человека современного физического типа в Вади-Куббанья (Египет) [60]

За пределами Африки интересующие нас материалы сконцентрированы главным образом на Ближнем Востоке. Здесь, как известно, долгое время выделяли две группы неандертальцев: одна из них, представленная антропологическими находками в пещерах Схул и Кафзех, именовалась «прогрессивной», а другая, охватывающая ископаемых людей из пещер Табун, Кебара, Амуд и Шанидар, рассматривалась как весьма близкая «классическим» неандертальцам Европы. Существовало и существует множество самых разных предположений о филогенетических и хронологических отношениях обеих групп, но до самого последнего времени все построения такого рода были практически неверифицируемы. Дело в том, что отсутствовали сколько-нибудь надежные датировки мустьерских слоев, откуда происходят как «классические» неандертальцы Ближнего Востока, так и люди типа Схул-Кафзех, а биостратиграфические данные интерпретировались неоднозначно (см., например, [61, с. 8]).

Теперь, можно надеяться, время гаданий в этой области прошло. Группой исследователей под руководством А. Валлада были продатированы термолюминесцентным методом образцы обожженного в древности кремня из 6—12 мустьерских слоев пещеры Кебара и 17—23 (исключая 20-й) мустьерских слоев пещеры Кафзех. Результаты выглядят вполне правдоподобно и обнадеживающе:

для более поздних слоев каждого из памятников получены в целом и более молодые даты. Исследованные слои Кебары разместились в хронологическом диапазоне от 60 до 48 тыс. лет, причем 12-й слой, откуда происходит неандертальский скелет, получил дату 59 900 ± 3500 лет [62, с. 159, 160] В пещере Кафзех возраст слоев с антропологическим материалом оказался значительно древнее — от 90 до 100 тыс. лет [63, с. 614—616] Таким образом, был получен весомый довод против допущения филогенетической связи «классических» неандертальцев Западной Азии с более сапиентной группой гоминид этого же региона. И, напротив, обрел обоснование взгляд на последних как на весьма ранних представителей Homo sapiens.

Такую оценку ряда ископаемых из Кафзех и Схул разделяют сейчас многие специалисты; особенно же убедительно она обоснована французским антропологом Б. Вандермеершем, который проводил работы в первой из этих пещер с 1965 по 1979 г. [64]. Вандермеерш пользуется по отношению к группе Схул-Кафзех предложенным Кларком Хауэлом термином «протокроманьонцы» и считает, что с неандертальцами их сближают лишь черты, которые были унаследованы и теми, и другими от Homo erectus; в остальном же в отношении морфологии первые Homo sapiens Ближнего Востока резко отличны от палеоантропов [65, с. 297]. На отсутствие неандертальских признаков у ископаемых из Кафзех указывают и другие исследователи, имевшие возможность работать непосредственно с материалом (см., например, [66]).

Более спорным представляется вопрос о трактовке так называемого черепа из Галилеи, который был обнаружен еще в начале века в ашело-ябрудийском, по-видимому, слое пещеры Зуттиех [67] Этот череп Вандермеерш считает единственным ископаемым, которое связывает протокроманьонцев с Homo erectus [65, с. 298; 68], причем такая оценка «галилейской находки» позволила французскому антропологу еще до датировок, полученных А. Валлада, прийти к выводу о том, что Homo sapiens появился на Ближнем Востоке раньше неандертальцев [68] Тем не менее не все специалисты согласны, что череп из Зуттиех имеет непосредственное отношение к происхождению людей современного физического типа [20, с. 294].

Вне Южной и Восточной Африки и Ближнего Востока пока не известны столь же достоверные, как в этих регионах, находки останков Homo sapiens, возраст которых превышал бы 40 тыс. лет. Есть лишь данные, что в ряде случаев отдельные кости или скелеты современного физического типа происходят из мустьерских археологических слоев (стоянки Староселье в Крыму, Дараи-Кур в Афганистане и т. д. [69, с. 22—32; 70]), но древность этих слоев либо остается неустановленной, либо не выходит за рамки обычных для Homo sapiens дат. Следует упомянуть еще, пожалуй, лишь череп вполне современного типа из пещеры Ниа на о-ве Калимантан (Индонезия), возраст которого оценивается в 39 тыс. лет [71, с. 169]

Сколь бы ни был краток представленный выше обзор, завершая его и подводя итоги сказанному, вполне можно сделать вывод, что традиционные представления о времени появления неоантропов нуждаются в пересмотре. Нижняя граница периода существования Homo sapiens должна быть значительно опущена, а продолжительность периода увеличена за счет этого по меньшей мере в 2 раза. Есть достаточно оснований считать, что люди, мало чем отличающиеся в анатомическом плане от нынешних обитателей Земли, жили в Южной и Восточной Африке, а также на Ближнем Востоке уже около 80—100 тыс. лет назад, а может быть, и двумя-тремя десятками тысячелетий ранее. Об этом свидетельствуют прежде всего находки на р. Класиес и в пещере Бордер, череп и другие кости Омо I, ряд скелетов и черепов из пещер Кафзех и Схул.

Не вызывает сомнения, что европейские материалы, по которым главным образом судили ранее о древности Homo sapiens, равно как и материалы из других районов земного шара, значительно уступают по возрасту перечисленным африканско-ближневосточным находкам. Конечно, нельзя исключить, что какие-то открытия далекого или даже близкого будущего изменят наблюдае-

мую сейчас картину, но если руководствоваться лишь данными, уже имеющимися в распоряжении науки, то следует признать, что неоантропы появились в Африке и непосредственно прилегающих к ней районах Азии гораздо раньше, чем где бы то ни было. Значит ли это, что существовал единый центр, где люди современного физического типа сформировались и откуда расселились затем по всей планете? Находился ли он в Африке (Южной? Восточной?) или на Ближнем Востоке? Или все же процесс становления Homo sapiens протекал в нескольких отдаленных друг от друга регионах?

Место происхождения Homo sapiens. При всем многообразии оттенков, присущих взглядам разных исследователей на проблему прародины Homo sapiens, все предлагаемые варианты ее решения могут быть сведены к двум противостоящим гипотезам. Согласно одной из них (так называемые теории полицентризма и широкого моноцентризма [2]), становление людей современного физического типа либо происходило более или менее независимо в нескольких регионах земного шара, либо захватывало единый огромный ареал, занимавший значительные участки континентов Старого Света. Согласно другой, ареной этого процесса является какой-то достаточно ограниченный регион, откуда неоантропы впоследствии расселились по всей планете, уничтожив или ассимилировав предшествовавшие им в разных местах автохтонные популяции гоминид. Первая гипотеза с легкой руки У. Хауэлса получила в зарубежной литературе название гипотезы «неандертальской фазы» (на мой взгляд, название не очень удачно, и в дальнейшем я буду пользоваться вместо него термином «полицентризм»), а вторая — «Ноева ковчега» (наименование весьма меткое, вполне отражающее суть дела) [72, с. 479, 480]. В свете данных, изложенных в первом разделе настоящей статьи, гипотеза «Ноева ковчега» выглядит как будто предпочтительней.

Однако, во-первых, эти данные не исключают возможности существования двух независимых центров формирования людей современного физического типа — африканского и ближневосточного, а во-вторых, большая древность останков неоантропов в названных регионах не означает еще, что в других местах Homo sapiens появились в результате миграции, а не автохтонного развития. И дело здесь не только и не столько в теоретической возможности обнаружения в будущем в Европе и иных регионах ископаемых неоантропов, не уступающих по древности африканским, сколько в том, что процесс сапиентации мог протекать в одних ареалах быстрее, а в других медленнее, приводя к схожим результатам в разное время. Правда, кроме чисто антропологических доводов в пользу гипотезы «Ноева ковчега» появляется в последние годы все больше и больше аргументов со стороны молекулярной биологии, но и они, строго говоря, не решают пока еще вопрос окончательно, хотя и заслуживают, несомненно, самого пристального внимания.

Принцип, лежащий в основе биомолекулярных методов систематики, отчасти сродни тому, на котором основываются радиоизотопные способы датирования. Если краеугольным камнем последних является примерно одинаковая для больших промежутков времени скорость распада радиоактивных элементов, то в первых аналогичную роль играют так называемые нейтральные мутации в белках и ДНК, которые, как предполагается, не имеют селективного значения и распределяются во времени (конечно, на длительных его отрезках) более или менее равномерно. Если это так, то, сравнивая посредством различных, весьма изощренных методик строение определенных белков и нуклеиновых кислот у раз-

---

«Широкий моноцентризм» является по сути лишь разновидностью полицентризма, придуманной для объяснения сходства результатов процесса антропогенеза, его единой в целом направленности в разных, изолированных друг от друга районах. Если «чистые» полицентристы ссылаются обычно на общность факторов эволюции человека, используя иногда в своих построениях и аргументацию виталистического свойства, то в версии широкого моноцентризма к представлениям об общности факторов антропогенеза добавляется мысль о достаточно интенсивном генетическом обмене между разными популяциями ареала сапиентации.

ных организмов, можно судить о степени их родства, а при наличии достаточно надежных палеонтологических реперов или при известной скорости мутирования — даже и о примерном времени расхождения от общего предка.

Среди прочих биомолекулярных методов систематики особую популярность приобрело сейчас сравнительное изучение митохондриальных ДНК. Как известно, основная масса молекул нуклеиновой кислоты сосредоточена в клеточном ядре, но некоторое количество их имеется и в митохондриях. Считается, что скорость мутирования в ДНК митохондрий выше, чем в ядерных, а кроме того, они наследуются исключительно по материнской линии. Обе эти особенности повышают их ценность для филогенетических исследований.

С начала 80-х годов стало появляться все больше работ, в которых сравнивались последовательности нуклеотидов в митохондриальных ДНК разных групп приматов, в том числе и людей. Было показано, сначала на небольшом количестве выборок из разных расовых групп, что различия в этих последовательностях у людей очень невелики — гораздо меньше, чем у других видов живых существ. Это было истолковано как свидетельство того, что в эволюционной истории человечества сравнительно недавно имело место явление, называемое генетиками эффектом «бутылочного горлышка» [73, 74]. Суть его состоит в том, что если в какой-то период существования данного вида численность его представителей по тем или иным причинам резко сокращается до размеров небольшой популяции, насчитывающей десятки или даже лишь единицы особей, и если затем эта популяция все же не вымирает, а, наоборот, растет количественно, что приводит к восстановлению вида, то для последнего очень долго будет характерна весьма низкая степень генетического полиморфизма, близкая к той, какая была у популяции-основателя.

По меньшей мере тремя группами ученых в разных лабораториях Японии и США было установлено, что в строении ДНК митохондрий современное африканское население обнаруживает гораздо большую степень вариабельности, чем население остальных континентов. Это истолковывается в том смысле, что группа выходцев из Африки стала некогда предковой для всех нынешних жителей Земли, исключая лишь сам «черный континент», обитатели которого уже были к тому времени достаточно полиморфны в генетическом плане. Группа биохимиков из Беркли рассчитала и вероятное время миграции из Африки группы, ставшей тем самым «горлышком», из которого «вылилось» все современное население Европы, Азии и Нового Света,— 100 тыс. лет назад или несколько раньше [75, с. 35; 76, с. 112]

К аналогичным выходам приводит также анализ ДНК, содержащихся не в митохондриях, а в ядрах клеток. «Анализ генетических дистанций, основанный на полиморфизме ядерных ДНК, показывает, что главная разграничительная линия проходит между африканским и евразийским населением» [77, с. 491] Об этом же говорят и результаты сравнительных исследований белковых систем и эритроцитарных групп, результаты других сравнительно-генетических исследований. При этом время начала дивергенции основных рас оценивается, как правило, в пределах 55—120 тыс. лет [78—81]

Таким образом, данные молекулярной биологии вполне соответствуют суммированным в первом разделе этой статьи антропологическим данным. И те и другие указывают на Африку как центр формирования Homo sapiens и предполагают примерно одно и то же время начала расселения неоантропов за пределы этого континента — около 100 тыс. лет назад. С этим нельзя не считаться, и многие антропологи сейчас склонны полагать, что наиболее вероятным «источником» людей ныне господствующего на Земле физического типа являлся какой-то ареал в Южной и (или) Восточной Африке [6, с. 1267; 82, с. 427; 83—86] Не отвергается и версия ближневосточной прародины, ставки которой повысились благодаря датировкам, полученным А. Валлада. Некоторые известные сторонники полицентризма, как, например, Фр. Смит, под напором фактов сдают былые позиции, переходя в лагерь приверженцев гипотезы «Ноева ковчега» (см. [84, с. 1294]).

И все же, очевидно, делать сейчас окончательный выбор между существующими гипотезами прародины Homo sapiens было бы преждевременно. Выводы, к которым пришли авторы упомянутых биомолекулярных исследований, не всем специалистам в этой области представляются неизбежными (см., например [87]) и оспариваются также некоторыми биологами [88] и антропологами [89], сохраняющими верность полицентризму. Но еще важнее то, что даже признание реальности факта африканского генетического «бутылочного горлышка» в истории человечества отнюдь не влечет за собой автоматически признание того, что прошли через это горлышко уже именно люди современного физического типа, неоантропы, а не гоминиды какого-то из предшествовавших им типов.

Дело в том, что правильность «считывания» времени с «молекулярных часов» зависит во многом от правильности принятой за основу расчетов скорости мутирования (т. е. неизвестное определяется через неизвестное же). При этом даже очень незначительное изменение величины последней имеет результатом весьма значительное изменение итоговой даты. Из антропологов на это указал, в частности, М. Уолпоф, который заметил, что стоит предположить чуть меньшие темпы мутирования, чем те, из которых исходили Р. Кэн, М. Стоункинг и А. Уилсон [76], как мы получим время дивергенции не 100—150 тыс. лет назад, а 600—800 тыс. Правда, по мнению биохимиков, принятая ими первоначально скорость мутирования в митохондриальных ДНК была скорее занижена, чем завышена [77], но вряд ли этот вопрос можно считать решенным окончательно.

Обратимся теперь вновь к ископаемым антропологическим материалам, чтобы посмотреть, насколько глубоко в разных регионах могут уходить филогенетические корни Homo sapiens, если допустить полицентристское происхождение последних. В Южной и Восточной Африке, как уже говорилось, непосредственными предшественниками людей современного физического типа могли быть гоминиды, представленные находками типа Флорисбад и Омо II. В качестве промежуточных связующих звеньев эволюционной последовательности Homo erectus — Homo sapiens рассматриваются, как правило, также ископаемые из Брокен-Хилла (Замбия), Хоупфилда, Салданьи, Пещеры очагов (ЮАР), Бодо (Эфиопия), Ндуту, Нгалобы и Эяси (Танзания) [31, с. 201; 40; 90; 91, с. 46] Возраст большинства перечисленных находок не определен сколько-нибудь точно, но в целом, вероятно, они могут быть размещены в хронологическом диапазоне от 100 до 500 тыс. лет [31, с. 20; 92] Все они определяются как «архаичные Homo sapiens», т. е. неандерталоиды, весьма отличающиеся по своей морфологии от «классических» неандертальцев. Далее в рассматриваемой линии стоят, видимо, поздние представители Homo erectus (типа ископаемых из формации Каптурин — оз. Баринго, Кения, и некоторых олдувайских гоминид), и затем она может быть продолжена вплоть до австралопитецин и даже глубже [82]

В Северной Африке в качестве останков возможных предков Homo sapiens рассматриваются часто челюсть и два черепа из мустьерских слоев Джебел Ирхуд (Марокко), датирующихся концом среднего плейстоцена или началом верхнего [93] В этом случае их сближают с находками типа Омо II и Флорисбад [20, с. 294] Не исключается причастность к происхождению современных людей и для гоминид из Сале, Рабата и Абдеррахмана [94], хотя по другой версии они представляют собой, скорее, результат неудачной попытки сапиентации [95] Наиболее древние из этих находок имеют возраст, видимо, в пределах 400 тыс. лет [94, с. 284]

В Западной Азии эволюция Homo sapiens может быть прослежена пока лишь на очень ограниченном материале и на ограниченном же отрезке времени ввиду отсутствия соответствующих ископаемых более древнего, чем череп из Зуттиех, возраста.

Восточная и Юго-Восточная Азия дали довольно большое число ископаемых гоминид, относимых в подавляющем большинстве к Homo erectus. Этот регион

можно считать главной цитаделью полицентризма, каковой он является еще со времен Ф. Вейденрейха. Сторонники местной эволюции Homo sapiens подчеркивают тот факт, что коренное население Восточной Азии (монголоидное) имеет ряд специфических, не присущих другим расовым группам черт, которые в то же время фиксируются у восточноазиатских питекантропин и более поздних гоминид [5; 96, с. 88; 97, с. 104, 105] К сожалению, останки неандерталоидов представлены в регионе гораздо хуже, чем питекантропин, а имеющиеся определения их возраста получены в основном путем разного рода корреляций (геологических и фаунистических), а не абсолютного датирования [98; 99] Тем не менее костные останки (главным образом черепов) из Дали, Суйцзияо (Северный Китай), Мапа (Южный Китай) и Нгандонга (Индонезия) могут претендовать на роль связующего звена между Homo erectus и Homo sapiens в Восточной Азии [3] К этому можно добавить, что в регионе, а также на территории соседней с ним Австралии известны находки довольно древних (древнее 30 тыс. лет) ископаемых неоантропов, в том числе и уже упоминавшийся череп из пещеры Ниа на о-ве Калимантан (39 тыс. лет).

Европа — единственный из трех континентов Старого Света, для которого можно более или менее уверенно говорить об отсутствии преемственности между местными неоантропами и предшествовавшими им по времени гоминидами [86; 102; 103; 104, с. 42]. По отношению к эволюции Homo sapiens этот регион рассматривается ныне большинством исследователей как нечто, по выражению Фр. Смита, вроде «тихой заводи» (см. [84]), где вплоть до начала верхнего палеолита господствовали «классические» неандертальцы, сосуществовавшие затем некоторое время с неоантропами. Эволюция от первых ко вторым маловероятна и почти всеми зарубежными антропологами сейчас отрицается [4]. Homo sapiens, скорее всего, пришли в Европу извне около 36—38 тыс. лет назад и со временем вытеснили исконное население. Имело ли при этом место смешение автохтонной и пришлой групп — неясно, хотя результаты некоторых биомолекулярных исследований предполагают скорее отрицательный, чем положительный, ответ на этот вопрос [75].

Таким образом, характеризуя ситуацию в целом, можно констатировать, что в ряде регионов Старого Света имеются ископаемые формы гоминид, позволяющие провести гипотетическую филогенетическую линию от местных Homo erectus к местным Homo sapiens. В то же время наиболее древние останки Homo sapiens происходят из Южной и Восточной Африки (где, кстати, с наибольшей полнотой представлены и ископаемые переходного характера) и с Ближнего Востока, а, согласно биомолекулярным данным, все современное человечество ведет свою родословную от весьма мономорфной в генетическом плане и, следовательно, количественно небольшой группы гоминид, мигрировавшей некогда из Африки. Точное время этой миграции неизвестно, хотя на основе опять же биомолекулярных данных предполагается, что она произошла около 100 тыс. лет назад или несколько раньше. Если принимать эту дату, хорошо согласующуюся с имеющимися определениями возраста древнейших Homo sapiens, то резонно будет считать, что миграция была осуществлена уже людьми современного, или очень близкого к таковому, физического типа, а Ближний Восток представляет собой один из форпостов на пути их продвижения в заселенные гоминидами иных типов пространства Евразии. Не исключено, однако, что постулируемая дата весьма сильно омоложена. В этом случае вполне допустимо, что в ряде районов (во всяком случае, в Южной и Восточной Африке, Юго-Восточном Средиземноморье и Юго-Восточной Азии) переход от Homo

---

[3] Возможно, в этот же ряд следует поставить и ископаемый череп, недавно открытый в долине р. Нармада в Индии [100; 101, с. 299].

[4] Исключение делается иногда для Центральной и Южной Европы (см., например, [105]). Разумеется, автор обзора сознает, что вопрос об эволюционных судьбах европейских неандертальцев и пренеандертальцев чрезвычайно сложен и далек от окончательного разрешения; здесь лишь отмечается преобладающая ныне точка зрения.

erectus к Homo sapiens протекал сравнительно независимо и, скорее всего, асинхронно.

Разумеется, какую бы из двух версий мы ни выбрали (автору настоящей статьи более правдоподобной представляется первая), сохраняется множество вопросов, на которые трудно или просто невозможно сколько-нибудь внятно ответить при нынешнем состоянии наших знаний. Таковы, например, вопросы о причинах миграций, о взаимоотношениях пришельцев с аборигенами и вкладе последних (как биологическом, так и культурном) в развитие неоантропов, о факторах сапиентации, их сходстве и различии в разных регионах и т. д., и т. п. Вместе с тем некоторые издавна обсуждаемые проблемы, на мой взгляд, утратили былое значение, приобретя ныне более терминологический, чем содержательный, характер. Такова, в частности, так называемая проблема неандертальской фазы. Не могу не согласиться с Э. Тринкаусом, который на вопрос, признает ли он существование в эволюции человека такой фазы или нет, ответил, что признает, если иметь в виду участие в становлении Homo sapiens неандерталоидов вообще, не связывая вопрос исключительно с «классическими неандертальцами» [106, с. 320] Действительно, формы ископаемых гоминид из разных регионов, рассматриваемые предположительно как переходные между Homo erectus и Homo sapiens, обладают рядом выраженных неандерталоидных черт, и нет причин, которые мешали бы нам выделять соответствующую фазу (стадию) эволюции, сознавая при этом, однако, относительность любых подразделений филетических линий.

Уровень биологической организации гоминид и культура. Суммировав вкратце новые факты, касающиеся хронологических и географических аспектов происхождения Homo sapiens, перейдем теперь к рассмотрению еще одной, очень важной стороны этого процесса, которая находит отражение прежде всего в археологических материалах. Я имею в виду эволюцию культуры, точнее — связь ее с биологической эволюцией гоминид.

Насколько уровень культуры был детерминирован уровнем биологического развития? Действительно ли, как часто думают, в этом отношении существовал какой-то весьма низкий «потолок», определявшийся морфофизиологическими характеристиками того или иного типа гоминид, и лишь с появлением Homo sapiens «возникает тип организации человека, способного развивать культуру, не меняясь при этом биологически» [107, с. 13] Практически все авторы, пишущие сейчас об антропогенезе, считают своим долгом отмежеваться от упрощенного понимания связи между типами культуры палеолита и типами ископаемых людей. Отсутствие здесь жесткой взаимозависимости осознается уже давно, в том числе и в отечественной науке [108, с. 36; 109, с. 50; 110, с. 167] Тем не менее «вера в то, что изменения физического типа людей и материальной культуры должны были быть синхронны, восходящая к временам, когда познания и в той и в другой области были еще более фрагментарны, чем они есть сейчас, пустила удивительно глубокие корни в нашем мышлении» [111, с. 173]. Проявляется это прежде всего в широко распространенном, но выражаемом, как правило, в имплицитной форме убеждении, согласно которому, до появления Homo sapiens все сколько-нибудь серьезные культурные сдвиги становились возможны лишь благодаря сдвигам в биологии гоминид [112], а без последних были немыслимы. На мой взгляд, есть основания считать, что в действительности дело обстояло несколько иначе и что на протяжении значительной части истории рода Homo диапазон культурных возможностей его представителей не реализовывался полностью и во всяком случае был гораздо шире, чем об этом можно судить по дошедшим до нас материальным следам деятельности гоминид. В частности, такой вывод представляется мне несомненным по отношению к неандерталоидам, и в том числе «классическим» неандертальцам, причем имеется достаточное количество фактов, позволяющих в данном случае избежать голословности.

С одной стороны, эти факты, показывают, что появление неоантропов отнюдь

не влечет за собой автоматически переход к новым типам культуры. Так, например, Homo sapiens из пещер Схул и Кафзех были носителями мустьерских традиций обработки камня и не отличались, насколько известно, в этом плане от неандертальцев Ближнего Востока. В Южной Африке также первые люди современного физического типа связываются с культурами местного среднего каменного века, который, как уже говорилось, по теперешним представлениям, и хронологически, и типологически весьма близок европейскому среднему палеолиту [113; 114, с. 257; 115, с. 82—88; 116, с. 254, 117]. Переход к позднему каменному веку (выделяемая в пределах этой эпохи ранняя стадия аналогична позднему палеолиту и мезолиту Европы [113]) совершился здесь вряд ли ранее 30 тыс. лет назад [118, с. 32]

С другой стороны, появились свидетельства того, что классические неандертальцы в Европе были носителями не только мустьерской, но и верхнепалеолитической культуры. Их останки обнаружены в шательперронском слое Сент-Сезара (Франция) [119], а по некоторым данным, также в шательперроне Арси-сюр-Кюр (Франция) и ориньянке Винчи (Югославия) [31, с. 210] Кроме того, неандерталоиды наряду с неоантропами были, очевидно, причастны к созданию атерской культуры в Северной Африке [58, с. 315]

Непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют и те теперь уже в достаточно большом количестве известные случаи, когда фиксируется переслаивание археологических индустрий безусловно среднепалеолитического типа с индустриями, содержащими большое количество позднепалеолитических и даже эпипалеолитических элементов (например, таких, как пластинчатая техника расщепления или геометрические формы орудий, приближающихся по размерам к микролитоидным). Явлениям такого рода будет целесообразно посвятить отдельную работу, здесь же приходится ограничиться простым перечислением. В ряде памятников Сирии и Израиля (Ябруд, Табун, Зуттиех и т. д.) известны так называемые преориньякские индустрии (с большим числом пластин и орудий, характерных для верхнего палеолита), подстилающие мустьерские и даже ашельские слои [120] Сходный феномен, получивший название «ливийского преориньяка», зафиксирован и в Северной Африке, на многослойной стоянке Хауа Фтеах [121] Наконец, как выяснилось благодаря прогрессу, достигнутому в последнее полтора десятилетия в изучении южноафриканского каменного века, слои с индустриями, относимыми к комплексу Хоуисонс Пурт, рассматривавшемуся ранее в качестве переходного от среднего каменного века к позднему, стратиграфически и хронологически вклиниваются в средний каменный век, располагаясь при этом в хронологическом интервале 80—95 тыс. лет назад [27, с. 149; 35, с. 335; 122, с. 245; 123, с. 95—97] Для индустрий комплекса Хоуисонс Пурт характерны изделия на пластинах, и в том числе весьма совершенные орудия геометрических форм (сегменты, трапеции, ножи типа шательперрон и т. д.) [123, с. 97; 124, с. 203—207], отличающиеся от собственно микролитов лишь несколько более крупными размерами.

Конечно, нельзя исключить, что и преориньяк южного Средиземноморья, и Хоуисонс Пурт Южной Африки являлись «делом рук» Homo sapiens, которые именно в этих регионах хронологически одновременны с названными культурными проявлениями, но, во-первых, их связь пока ни на одном из изучавшихся памятников не зафиксирована (напротив, подчеркну еще раз, ранним неоантропам неизменно сопутствует средний палеолит), а, во-вторых, будь она даже и доказана в будущем, из этого никак нельзя было бы сделать вывод о жесткой связи типа культуры и физического типа ее носителей.

Подведем в очередной раз итоги. Изложенные факты позволяют констатировать: 1) Homo sapiens долгое время (по меньшей мере 50 тыс. лет с момента своего появления) существовали «в недрах» среднепалеолитической культуры; 2) в среднем палеолите не раз имели место эпизоды культурных новаций, предваряющих верхний палеолит и даже мезолит, причем биологический субстрат

подобных явлений пока не выяснен; 3) неандерталоиды (во всяком случае «классические» неандертальцы) были вполне способны овладеть верхнепалеолитическими приемами изготовления каменных орудий.

Если перейти теперь от констатаций фактов к их интерпретации, то, на мой взгляд, могут быть выдвинуты следующие положения.

1. Новации в культуре, в том числе и крупные качественные сдвиги, никогда не происходили в палеолите (и не только в палеолите) вследствие одного лишь появления возможности для них, например, повышения уровня биологической организации гоминид. Возможность — условие, в данном случае необходимое, но не достаточное, к нему обязательно должна добавляться потребность в новациях. Дело в том, что до появления в обиходе и сознании людей такого понятия, как выгода, культура, видимо, развивается по пути наименьшего сопротивления, наименьших затрат энергии, и прогресс вне кризисных ситуаций немыслим [5]

2. Сообщества людей, в том числе и доверхнепалеолитические, как правило, не существовали на пределе своих культурных возможностей. Когда же это правило нарушалось (в кризисных ситуациях), следовали либо вымирание, либо переход на более высокий уровень развития (культурного и (или) биологического). В норме же часть культурных потенций существовала (и существует) в рецессивном, если использовать генетический термин, состоянии, не будучи реализуема вплоть до возникновения такой необходимости и изменения направления действия отбора.

3. По археологически фиксируемым проявлениям культуры, к сожалению, нельзя судить о потенциальных возможностях ее носителей, ибо первые могут отражать вторые лишь в очень незначительной степени. Поступая вопреки этому принципу, мы рискуем очень сильно недооценить своих предшественников на пути эволюции, что, видимо, и произошло по отношению к неандертальцам.

Имеющиеся факты позволяют предположить, что «классические» неандертальцы, исчезнувшие с лица земли, скорее всего, не выдержав конкуренции с неоантропами, в области культуры отнюдь не достигли максимума своих возможностей. Тот факт, что и первые Homo sapiens десятки тысяч лет являлись носителями среднепалеолитической культуры, подкрепляет это предположение. Не правильнее ли будет оценивать «классических» неандертальцев не как тупиковую ветвь эволюции, а как «дублеров» Homo sapiens, резервный вариант «венца творения»? Такая оценка хорошо согласовалась бы и с выводами ряда недавних антропологических исследований, в которых утверждается, что по основным способностям, и в том числе таким, как интеллектуальные и речевые, неандертальцы мало в чем уступали или совсем не уступали людям современного физического типа [125, 126]

Дополнение. За те несколько месяцев, что статья находилась в редакции, появился ряд новых публикаций, в которых так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с происхождением Homo sapiens. Упомяну лишь наиболее важные с моей точки зрения.

Г Брауэр и М. Мелман описали три моляра, обнаруженные 24 ноября 1977 г. в среднепалеолитическом слое грота Мумба (север Танзании). Для вмещающих отложений по урану получена серия дат от 109 до 132 тысяч лет назад. Строение жевательных поверхностей и размеры зубов делают, по мнению автора сообщения, наиболее вероятным предположение об их принадлежности человеку современного физического типа [127]

Дж. Д. Кларк опубликовал обзор среднего палеолита Восточной Африки, где содержится раздел о сопутствующих находках костей гоминид. Ссылаясь на ископаемые из Омо 1, Мумбы, Нгалобы, Канжеры и др. Кларк пишет, что уже

---

[5] В этой связи заслуживает самого пристального внимания то обстоятельство, что индустрии комплекса Хоуисонс Пурт появляются и существуют, видимо, в условиях заметного похолодания и связанных с этим изменением флоры и фауны [27, с. 150]

100 тысяч лет назад для населения Восточной Африки было характерно господство современного анатомического типа [128, с. 288—292] В северной Африке примерно в это же время, по мнению Р. Клейна и К. Скотта, преобладало население морфологически промежуточное между неандерталоидами и современными людьми [129, с. 521]

Попытку свести воедино генетические, археологические и лингвистические данные, могущие пролить свет на эволюцию человека, предприняла группа американских и итальянских исследователей во главе с Л. Кавалли-Сфорца [130] Эти авторы, как и многие современные биологи, считают что первое расщепление филогенетического древа современного человечества отделило обитателей Африки от жителей всех остальных континентов; произошло же это не позднее 92 тысячелетий назад.

Наконец, чрезвычайно интересный обзор, посвященный в основном археологическим аспектам появления неоантропов, опубликовал недавно П. Мелларс. Его выводы отчасти перекликаются с тем, что сказано в третьем разделе настоящей статьи [131, особо см. стр. 377, 378].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Campbell B. G.* Human Evolution. Chicago, 1966.
2. *Thoma A.* New Evidence for the Polycentric Evolution of Homo Sapiens // J. Human Evolution. 1973. V. 2.
3. *Jelinek J.* European Homo Erectus and the Origin of Homo Sapiens // Current Arguments on Early Man. Oxford, 1980.
4. *Jelinek J.* Was Homo Erectus Already Homo Sapiens? // Les processus de l'hominisation. P., 1981.
5. *Wolpoff M., Wu X. Z., Thorne A.* Modern Homo Sapiens Origins: a general theory of hominid evolution involving the fossil evidence from east Asia // The Origins of Moderen Humans. N. Y., 1984.
6. *Stringer C. B., Andrews P.* Genetic and Fossil Evidence for the Origin of Modern Humans // Science, 1988. V. 239. № 4845.
7. *Tattersal I.* Species Recognition in Human Paleontology // J. Human Evolution, 1986. V 15. № 3.
8. *Алексеев В. П.* Становление человечества. М.: Наука, 1984.
9. *Алексеев В. П.* Завершение процесса антропогенеза и формирование человеческих рас // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
10. *Семенов Ю. И.* Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
11. *Вишняцкий Л. Б.* // СА. 1988. № 1.— Рец. на: Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene. Oxford, 1983.
12. *Урысон М. И.* У истоков рода человеческого // Будущее науки. 1988. Т. 21.
13. *Зубов А. А.* Эволюция рода Homo от архантропа до современного человека // Становление и эволюция человека. М., 1987. (Сер. «Итоги науки и техники». Антропология. Т. 2).
14. *Smith F. H., Spencer F.* (Eds) The Origins of Modern Humans: a world survey of the fossil evidence. N. Y., 1984.
15. *Gowlett J. A. J.* The Coming of Modern Man // Antiquity. 1987. V. 61.
16. *Mellars P.* The Origins and Dispersal of Modern Humans // Current Anthropology. 1988. V. 29. № 1.
17. *Heberer G.* Grundlinien in der pleistocänen Entfaltungsgeshichte der Euhominiden // Quarterl. Jahrbuch für Erforschung der Eiszeitalters und seinen Kulturen. Bonn, 1951. J. 5.
18. *Vallois H. V.* Neandertals and Praesapiens // J. Royal Anthropological Institute. 1954. V. 84.
19. *Stringer C. B., Hublin J. J., Vandermeersch B.* The Origin of Anatomically Modern Humans in Western Europe // The Origin of Modern Humans. N. Y., 1984.
20. *Stringer C. B.* Middle Pleisticene Hominid Variability and the Origin of Late Pleisticene Humans // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
21. *Vandermeersch B.* The Origin of the Neandertals // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
22. *Хауэлс У.* Homo sapiens: 20 миллионов лет эволюции // Курьер ЮНЕСКО. 1972, август-сентябрь.
23. *Singer R., Smith P.* Some Human Remains Associated with the Middle Stone Age Deposits at Klasies River, South Africa. // Amer. J. Phys. Anthrop. 1969. V. 31.
24. *Singer R., Wymer J.* (Eds) The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. Chicago, 1982.
25. *Klein R. G.* The Mammalian Fauna of the Klasies River Mouth Sites, Southern Cape Province, South Africa. // South Afr. Archaeol. Bull. 1974. V. 31.
26. *Bada J. L., Deems L.* Accuracy of Dates beyond the ^{14}C Dating Limit Using the Aspartic Acid Racemization Technique // Nature. 1975. V. 255.

27. *Butzer K. W* Sediment Stratigraphy of Middle Stone Age Sequence at Klasies River Mouth // South Afr. Archaeol. Bull. 1973. V. 33.
28. *Butzer K. W* Geomorphology and Sediment Stratigraphy // The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. Chicago, 1982.
29. *Rightmire G. P.* Later Pleistocene Hominids of Eastern and Southern Africa // Anthropologie (Brno). 1981. V. 19.
30. *Rigthmire G. P.* The Fossil Evidence for Hominid Evolution // Southern African Prehistory and Paleoenvironments, 1984.
31. *Smith F H.* Continuity and Change in the Origin of Modern Homo Sapiens // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. 1985. B. 75. № 2.
32. *Villiers H., de.* Human Skeletal Remains from Border Cave, Ingwavuma District, Kwazulu, South Africa // Annals of the Transvaal Museum. 1973. V. 28.
33. *Villiers H., de.* A Second Adult Human Mandible from Border Cave, Kwazulu, South Africa // South Afr. J. Science. 1976. V. 72.
34. *Protsch R.* The Absolute Dating of Upper Pleistocene Subsaharan Fossil Hominids and their Place in Human Evolution // J. Human Evolution. 1975. V. 4. № 4.
35. *Butzer K. W., Beaumont P., Vogel J.* Lithostratigraphy of Border Cave, Kwazuly, South Africa: a Middle Stone Age sequence beginning c. 195000 B. P. // J. Arch. Science. 1978. V. 5.
36. *Beaumont P. B.* On the Age of Border Cave Hominids, 1—5 // Palaeont. Afr. 1980. V. 23.
37. *Drennen R.* The Florisbad Skull // South Afr. J. Science. 1935. V. 32.
38. *Wells L. H.* Homo Sapiens after Linn — Content and Earliest Representatives // South Afr. Arch. Bull. 1969. V. 24.
39. *Dreyer T F.* Further Observations of the Florisbad Skull // Soölogiese Navorsing van die Nasionale Museum. Bloemfontein. 1936. V. 1, № 5.
40. *Rigthmire G. P.* Florisbad and Human Population Succession in Southern Africa // Amer. J. Phys. Anthropology. 1978. V 48.
41. *Clarke R. J.* A New Reconstruction of the Florisbad Cranium, with Notes of the Site // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
42. *Partridge T C.* The Chronological Positions of the Fossil Hominids of Southern Africa // I Congr. Intern. Paleont. Hum. 1982. V. 2.
43. *Гохман И. И.* Ископаемые неоантропы // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.
44. *Sampson Garth C.* The Stone Age Archaeology of Southern Africa. N. Y.; L., 1974.
45. *Protsch R.* Wie alt ist der Homo sapiens? // Archäologische Informationen. 1978. B. 4.
46. Wie alt ist der Homo sapiens?— Discussion // Archaologische Informationen. 1983. B. 5.
47. *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977.
48. *Glark J D.* The Significance of Culture Change in the Early Later Pleistocene in Northern and Southern Africa // The Mousterian Legacy. Human biocultural change in the upper pleistocene. Oxford, 1983.
49. *Pilbeam D. R.* Middle Pleistocene Hominids // After the Australopithecines. Hague, 1975.
50. *Day M. H.* Omo Human Skeletal Remains // Nature. 1969. V. 222.
51. *Day M. H.* The Omo Human Skeletal Remains // The Origin of Homo Sapiens. P., 1972.
52. *Day M. H., Stringer C. B.* A Reconsideration of the Omo Kibish Remains and the Erectus — Sapiens Transition // I Congr. Intern. Paleont. Hum. Nice. 1982.
53. *Butzer K. W* Geological Interpretation of Two Pleistocene Hominid Sites in the Lower Omo Basin // Nature. 1969. V. 222.
54. *Butzer K. W., Brown F H., Thurber D. L.* Horisontal Sediments of the Lower Omo Valley: the kibish formation // Quaternaria. 1969. V 11.
55. *Woodward A. S.* A Fossil Skull of an Ancestral Bushman from the Anglo-Egyptian Sudan // Antiquity. 1938. V. 14.
56. *Tobias P. V* Middle and Early Upper Pleistocene Members of the Genus Homo in Africa // Evolution und Hominisation. Stuttgart, 1968.
57. *Stringer C. B.* A Reevaluation of the Fossil Human Calvaria from Singa, Sudan // Bull. British Museum (Natural History). 1979. V. 32.
58. *Fogarthy M. E., Smith F H.* Late Pleistocene Climatic Reconstruction in North Africa and the Emergence of modern Europeans // J. Human Evolution. 1987. V. 2. № 4.
59. *Ferembach D.* Les restes humains ateriens de Temara (campagne 1975); Les restes humains de la Grotte de Dar-es-Soultane 2 (Maroc) campagne 1975. // Bull. et Memoires de la Soc. d'Anthropologie de Paris. 1976. № 3.
60. *Robert C.* Decouverte d'un homme fossile du paleolithique moyen (?) en Haute-Egypt // L'Anthropologie. 1982. T. 85.
61. *Алексеев В. П.* К обоснованию положения черепов из пещеры Джебел Кафзех в системе гоминид // Вопросы антропологии. 1987 Вып. 78.
62. *Valladas H. et al.* Thermoluminiscence Dates for the Neandertal Burial Site at Kebara in Israel. // Nature. 1987. V. 330. Ser. 6144.
63. *Valladas H. et al.* Thermoluminiscence Dating of Mousterian «Proto-Cromagnon» Remains from Israel and the Origin of Modern Man // Nature. 1988. V. 331. № 6157.
64. *Vandermeersch B.* Les hommes Fossiles de Qatzeh (Israel). P., 1981.
65. *Vandermeersch B.* The First Homo Sapiens in the Near East // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford, 1982.
66. *Arensburg B., Tillier A. M.* A New Mousterian Child from Qatzeh (Israel): Qatzeh 4a // Bull. et Memoires de la Soc. d'anthropol. de Paris. 1983. T. 10. Ser. 13.

67. *Gissis L., Bar-Yoset O.* New Excavation in Zuttiyeh Cave, Wadi Amud // Paleorient. 1974. T. 2. № 1.
68. *Vandermeersch B.* Les premiers Homo sapiens au Proche-Orient // Les processus de l'hominisation. P., 1981.
69. *Алексеев В. П.* Положение старосельской находки в системе гоминид // *Алексеев В. П.* Человек. Эволюция и таксономия. М., 1985.
70. *Angel J. L.* Middle Palaeolithic Temporal Bone Darai-Kur, Afranistan // Afganistan. 1975. V. 28. № 2.
71. Catalogue of Fossil Hominids. P. III. Americas, Asia, Australia. L., 1975.
72. *Howells W. W.* Explaining Modern Man: evolutionists versus migrationists // J. Human Evolution. 1976. V. 5. № 5.
73. *Brown W. M.* Polymorphism in Mitochondrial DNA of Humans Revealed by Restriction Endonuclease Analysis // Proc. Nation. Acad. Sci. 1980. V. 77.
74. *Ferris S. D., Brown W. M., Davidson W S., Wilson A. C.* Extensive Polimorphism in the Mitochondrial DNA of Apes // Proc. Nation. Acad. Sci. 1981. V. 78.
75. *Cann R. L., Stoneking M., Wilson A.* Mitochondrial DNA and Human Evolution // Nature. 1987. V. 325. № 6099.
76. *Cann R. L., Stoneking M., Wilson A.* Reply // Nature. 1987. V. 329. № 6135.
77. *Wainscout J. S., Hill A. V S., Boyce A. L. et al.* Evolutionary Relationships of Human Populations from an Analysis of Nuclear DNA Polymorphisms // Nature. 1986. V 319. № 6053.
78. *Cavalli-Sforza L. L.* Human Diversity // Proc. 12 Intern. Congr. Genet. V. 3. Tokyo, 1969.
79. *Nei M., Roychoudhury A. K.* Genic Variation within and between the Three Major Races of Man, Caucasoids, Negroids and Mongoloids // Amer. J. Hum. Genet. 1974. V. 26.
80. *Roychoudhury A. K.* Genetic Distance between the American Indians and the Three Major Races of Man // Human Heredity. 1978. V. 28, № 5.
81. *Nei M.* Evolution of Human Races at the Gene Level // Human Genetics. Pt A: The unfolding genome. N. Y., 1985.
82. *Andrews P.* Fossil Evidence on Human Origins and Dispersal // Cold Spring Harbor Symp. Anat. Biol. 1986. V. 41. P. 1.
83. *Stringer C. B.* The Dates of Eden // Nature. 1988. V. 331, № 6157.
84. *Lewin R.* Africa: cradle of modern humans // Science. 1987 V. 237. № 4820.
85. *Delson E.* One Source not Many // Nature. 1988. V. 332, № 6161.
86. *Brauer G.* A Craniological Approach to the Origin of Anatomically Modern Homo Sapiens in Africa and Implications for the Appearance of Modern Europeans // The Origins of Modern Humans: a world survey of the fossil evidence. N. Y., 1984.
87. *Greenwood J.* Occam and Mankind's Genetic Bottleneck // Nature. 1986. V 324, № 6092.
88. *Van Valen L.* Speciation and aur own Species // Nature. 1986. V. 322, № 6078.
89. *Eckhardt R. B.* Evolution East of Eden // Nature. 1987. V 326, № 6115.
90. *Stringer B. B.* Some Problems in Middle and Upper Pleistocene Hominid Relationships // Recent Advances in Primatology. 1978. V. 3.
91. *Ullrich H.* Die Entstehung des Jetztmenschen // Urania. 1987. № 7.
92. *Mehlman M. J.* Provenience, Age and Associations of Archaic Homo Sapiens Crania from Lake Evasi, Tanzania // J. Arch. Sci. 1987 V. 14. № 2.
93. *Hublin J. J., Tillier A. M.* The Mousterian Juvenile Mandible from Irhood (Marocco): A phylogenetic interpretation // Aspects of Human Evolution. L., 1981.
94. *Hublin J J.* Human Fossils from the North African Middle Pleistocene and the Prigin of Homo Sapiens // Ancestors: the hard evidence. N Y., 1985.
95. *Jaeger J.-J.* Les hommes fossiles du pleistocene moyen du Maghreb dans leurcarde geologique, chronologique, et paleoecologique // Homo erectus. Toronto, 1981.
96. *Wu Rucang, Dong Xingren.* Homo Erectus in China // Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China. Orlando etc., 1985.
97 *Wu Xinzhi, Wu Maolin* Early Homo Sapiens in China // Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in Peoples' Republic of China. Orlando ets., 1985.
98. *Wu Rucang.* Hominid fossils from China and their Bearing on Human Evolution // Can. J. Anthrop. 1983. V. 3.
99. *Zhou M., Li Y., Wang L.* Chronology of the Chinese Fossil Hominids // I Congr Intern. Paleont. Hum. 1982. V. 2.
100. *Sonakia A.* Early Homo from Narmada Velley, India // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
101. *Delson E.* Late Pleistocene Human Fossils and Evolutionary Relationships // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
102. *Vandermeersch B.* L'extinction des neandertaliens // Dossiers histoire et archeologie. 1988. № 124.
103. *Heim J.-L.* L'Homme de Neandertal et l'evolution // Dossiers histoire et archeologie. 1988. № 124.
104. *Hublin J.-J.* Les populations // De Neandertal a Cro-Magnon. 1988.
105. *Radovcic J.* Neandertals and their contemporaries // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
106. *Trinkaus E.* Discussion // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. Oxford, 1982.
107 *Харитонов В. М.* Лекции по антропогенезу и археологии палеолита. М., 1987
108. *Дебец Г Ф.* Выступление на совещании «Проблема происхождения Homo sapiens в советской археологии» // КСИЭ. 1950. Вып. 9.

109. *Рогинский Я. Я.* Выступление на совещании «Проблемы происхождения Homo sapiens в советской археологии» // КСИЭ. 1950. Вып. 9.
110. *Бунак В. В.* Выступление на совещании «Проблема происхождения Homo sapiens в советской археологии» // КСИЭ. 1950. Вып. 9.
111. *Wells L. H.* Homo Sapiens after Linn: content and earliest representatives // South Afr. Archaeol. Bull. 1969. V. 24.
112. *Foley R.* Hominid Species and Stone-Tool Assemblages: how are they related? // Antiquity. 1987. V 61.
113. *Vogel J. C., Beaumont P.* Revised Radiocarbon Chronology for the Stone Age in South Africa // Nature. 1972. V. 237.
114. *Klein R. G.* Environment and Subsistance of Prehistoric Man in the Southern Cape Province, South Africa // World Archaeology. 1974. V. 5. № 3.
115. *Deacon J.* Changing Patterns in the Late Pleistocene / Early Holocene Prehistory of Southern Africa as Seen from the Nelson Bay Cave Stone Artifact Sequence // Quaternary Research. 1978. V. 10, № 1.
116. *Deacon J.* Excavations at Boomplaas Cave: A sequence through the upper pleistocene and holocene in South Africa // World Archaeology. 1978. V. 10, № 3.
117 *Klein R. G.* The Ecology of Early Man in Southern Africa // Science. 1977. V. 197.
118. *Mitchell P.* The Late Pleistocene Early Microlithic Assemblages of Southern Africa // World Archaeology. 1988. V 20, № 1.
119. *Leveque F., Vandermeersch B.* Decouverte de restes humains dans un niveau casbelperronien a Sainto-Cesaire (Charente Maritime) // C. R. Acad. Sci. D219.
120. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
121. *McBurney C. B. M.* The Haua Fteah (Cyrenaica). Cambridge, 1967.
122. *Clark J. D.* The Transition from Lower to Middle Palaeolithik in the African Continento // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Moderne Man. Oxford, 1982.
123. *Clark J D.* The Microlithic Industries of Africa: their antiquity an possible economic implications // Recent Advances in Indo-Pacific Archaeology. Leiden, 1985.
124. *Volman T P.* Early Prehistory of Southern Africa // Southern African Prehistory and Paleoenvironments. Rotterdam, 1984.
125. *Holloway R. L.* The Poor Brain of Homo Sapiens Neanderthalensis: see what you please... // Ancestors: the hard evidence. N. Y., 1985.
126. *Trinkaus E.* Hard Times among the Neanderthals // Natural History. 1978. V. 87, № 10.
127 *Brauer G., Mehlman M.* Hominid Molars from a Middle Stone Age Lavel at the Mumba Rock Shelter, Tanzania // Amer. J. Phys. Anthropology. 1988. V. 75.
128. *Clark J. D.* The Middle Stone Age of East Africa and the Beginnings of Regional Identity // J. World Prehistory. 1988. V 2, № 3.
129. *Klein R., Scott K.* Re-analysis of Faunal Assemblages from the Haua Fteah and Other Late Quaternary Archaeological Sites in Cyrenaican Libya // J. Arch. Science. 1986. V. 13, № 6.
130. *Cavalli-Sforza L., Piazza A., Menozzi P., Muontain J.* Reconstruction of Human Evolution: bringing together genetic, archaeological and linguistic data // Proceedings of the National Academy of Sciences, USA. 1988. V 85.
131. *Mellars P.* Major Issues in the Emergence of Modern Humans // Current Anthropology. 1989. V 30, № 3.

L. B. VISHNYATSKY

THE ORIGIN OF HOMO SAPIENS: TRADITIONAL CONCEPTIONS AND NEW FACTS

Summary

In recent years science has provided many new thought-provoking facts. The author believes that we should reconsider some traditional notions on the origin of anatomically modern Homo sapiens. Until present time Soviet academics failed to look at the new body of facts. This article is attempted as a bridge over the abyss. The current archaeological, anthropological and biomolecular investigations of the chronological, geographical and cultural aspects of the emergence of anatomically modern man are discussed. The author puts forward some new propositions on the biocultural evolution of man. He also reconsiders the question of a possible underestimation of the cultural and social potentialities of the Neanderthals.

Публикации

У. ИСЛАМОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ ПЕЩЕРНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СЕЛЬ-УНГУР В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Фергана — один из древнейших очагов цивилизации: благоприятное сочетание природных богатств с древнейших времен привлекало людей в эти места. Сохранившиеся наскальные рисунки, открытые стоянки первобытных людей, обилие находок каменных орудий позволяют отнести долину к районам постоянного обитания человека на протяжении всего каменного века. Целенаправленные поиски и систематическое изучение памятников каменного века в Ферганской долине начались под руководством акад. А. П. Окладникова. В 1953 г им были обнаружены на р. Он-Арча, правом притоке р. Нарын, оббитые человеком гальки, близко напоминающие галечные орудия Восточной Азии, датируемые эпохой нижнего палеолита [1, с. 50—55] В 1954 г. А. П. Окладниковым были открыты палеолитические местонахождения в Кайра-Кумах, где собрано более 1040 экземпляров разнообразных каменных изделий, а также местонахождение на террасах в районе Акчап-Акбельского и Супетаузского адыров. А. П. Окладников высказал предположение, что здесь в смешанном состоянии встречены два археологических комплекса: древний ашело-мустьерский и более молодой леваллуа-мустьерский [2, с. 16—31] В 1960 г А. П. Окладниковым впервые была обследована и пещера Сель-Унгур: был заложен шурф в северной части пещеры, где, однако, не удалось обнаружить культурных отложений.

Существенный вклад в изучение эпохи палеолита Ферганской долины был внесен П. Т. Коноплей [3, с. 36—42], который обнаружил в 1954 г палеолитические орудия в пос. Охна, а также открыл ряд палеолитических местонахождений: Айрабаз 1—7, Карамкуль, Капчигайская палеолитическая мастерская и др. [4, с. 36—42]

Некоторые местонахождения следов деятельности первобытного человека (Калача 1—5, Чунгара, Сарыкурган и др.) изучались М. Р Касымовым [5, с. 28—35]. Основные находки группы местонахождений Калача обнаружены в галечных выносах у древнего берега р. Кувасая. Здесь найдены остроконечники, скребло, отбойники, нуклеусы, отщепы, характерные для мустьерского периода.

В центре внимания исследователей палеолита находится проблема первоначального заселения Ферганской долины и Средней Азии. Длительное время следов этого древнейшего периода становления и развития человечества в данном регионе не фиксировалось. В этой связи исследование многослойной древнепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур имеет принципиально важное значение.

Пещерная многослойная древнепалеолитическая стоянка Сель-Унгур находится на высоте 1890 м над ур. м., в южных отрогах хребта Катрантау, в 100 км к юго-западу от г Ферганы, в палеозойских осадочных породах девон-карбонового возраста. Пещера обращена к востоку широким (16 м) сводчатым

© У. Исламов, 1990 г.

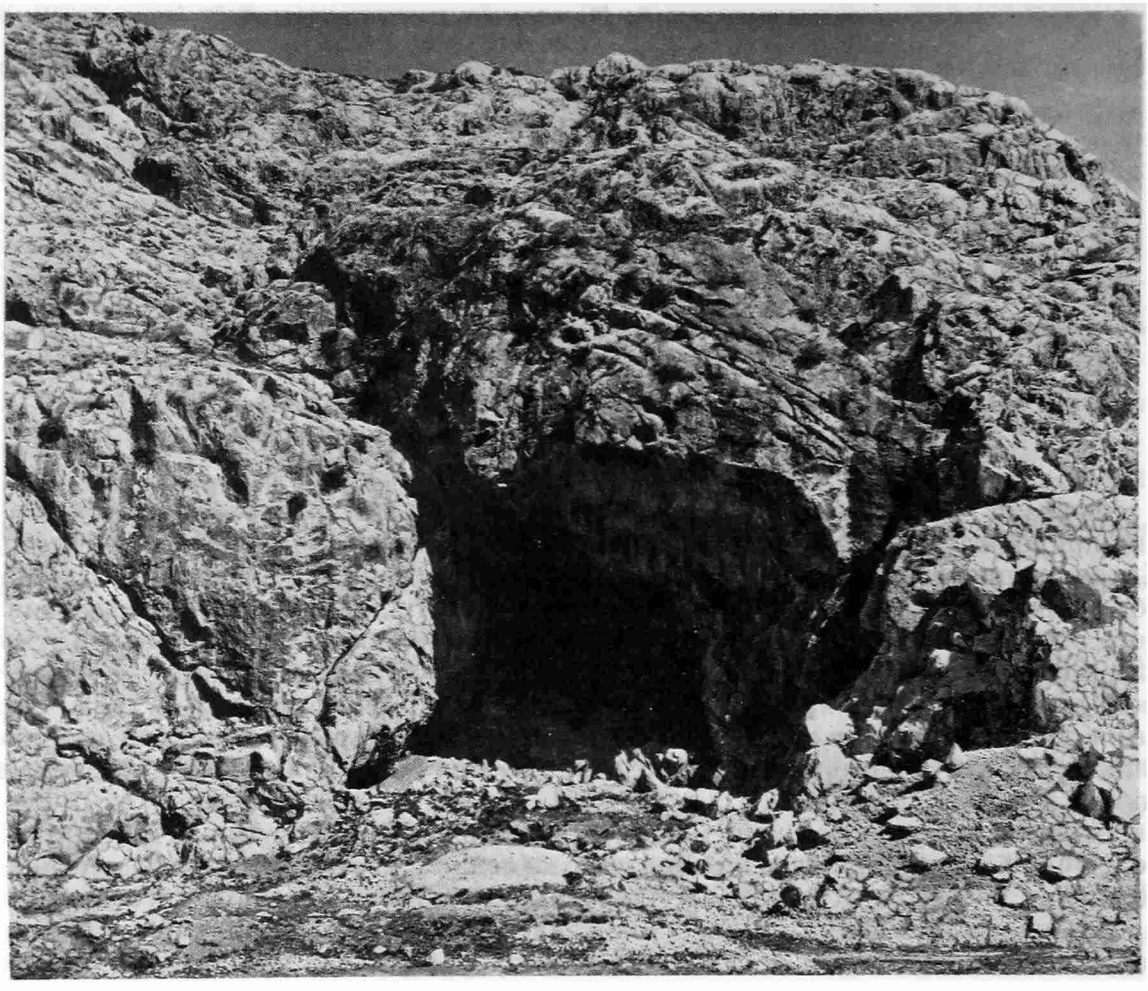


Рис. 1. Вид пещеры Сель-Унгур

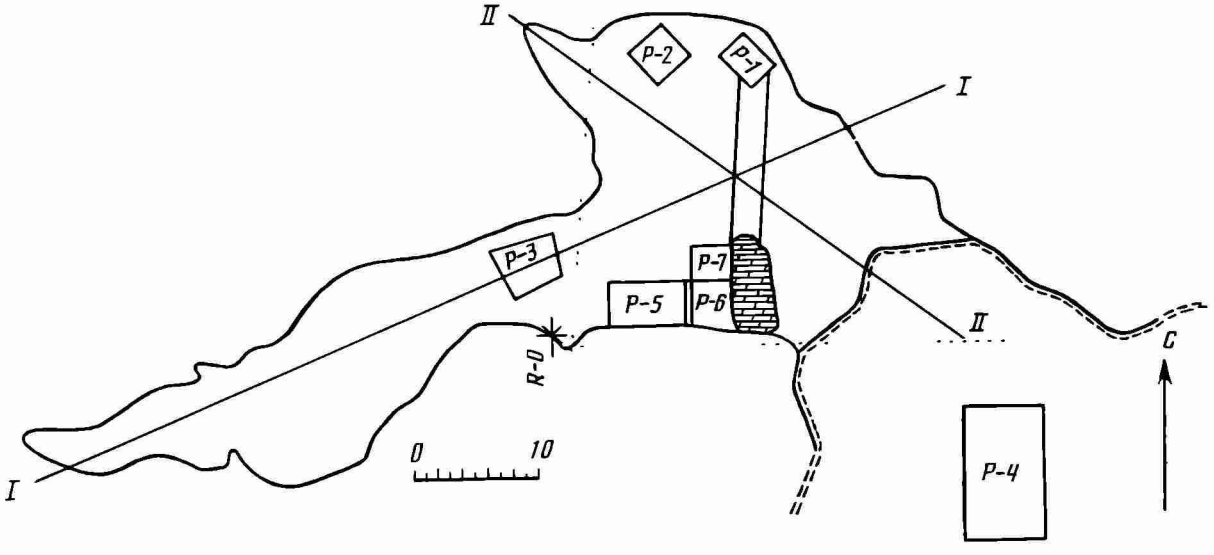


Рис. 2. Общий план пещеры

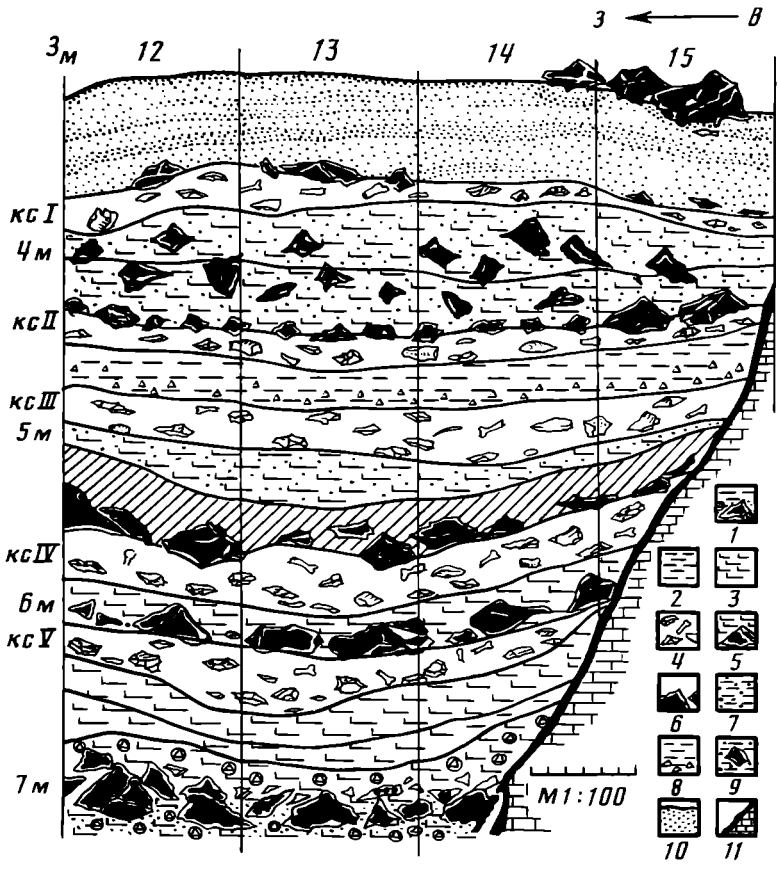


Рис. 3. Разрез северной стенки раскопа 6 пещерной стоянки Сель-Унгур. *1* — дифференцированные обломки известняка 50—60 см; *2* — глина от светло-коричневого до серо-коричневого цвета, 10—15 см; *3* — супесь темно-коричневого цвета, 15—20 см; *4* — культурные слои; *5* — глина буровато-серого цвета с крупными обломками известняка, 20—25 см; *6* — пещерно-обвальные отложения, 20—35 см; *7* — супесь желто-коричневого цвета, 25—30 см; *8* — глина алевролитическая с включением обломочного материала; *9* — супесь с включением крупнообломочного материала, 60—70 см; *10* — отложения верхнего горизонта — голонец; *11* — восточная граница раскопа

входом, высота ее — 25 м, длина — 76 м (рис. 1) Она состоит из двух коридоров (рис. 2): длина большого коридора — 50 м, ширина 6—12 м, малого — соответственно 34 и 26 м; пол обоих коридоров повышается по мере удаления в глубь пещеры.

Учитывая уникальность этого памятника, с 1980 г изучается весь комплекс археологических, историко-геологических проблем с привлечением методов естественных наук [6, с. 450, 451] Установлено, что пещерные отложения относятся к плейстоцену и представляют нижнечетвертичный комплекс сохского горизонта. По генетическим признакам они представлены преимущественно глинистыми и глинисто-аллювиальными осадками с включением обломочного материала.

Описание стратиграфии пещерных отложений ведется снизу вверх по северной стенке раскопа 6 (рис. 3)

Слой 1. Дифференцированные обломки известняка, угловатые, в верхних частях слоя представлены мелкообломочным материалом, зернами разложившихся известняков, сцементированных глинистым цементом. Встречаются отложения каолина светло-голубого цвета, в виде мелких линзочек размерами 1,5×4 мм и менее. Мощность слоя 50—60 см. Археологических находок нет.

Слой 2. Глина с большим количеством (более 70%) милонитизированных обломков известняка от светло-серого до серо-коричневого цвета. Находок нет Мощность слоя 10—15 см.

Слой 3. Супесь темно-коричневого цвета с редкими включениями мелких обломков известняка — от 0,25 мм и меньше. Встречаются редкие гнезда охры гидроокислов железа преимущественно темно-желтого цвета. Находок нет. Мощность слоя 15—20 см.

Слой 4. Практически не отличается от вышеописанного слоя, за исключением того, что в данном случае не наблюдается ожелезненных отложений и нет ярких обохренных гнезд. В слое обнаружено около 10 каменных изделий и кости животных. Археологически это пока самый нижний, V культурный слой, мощность его 15—20 см.

Слой 5. Глина буровато-серого цвета с крупными обломками известняков. В количественном отношении обломки составляют 50—60% от общей массы слоя, порода легко поддается разрушению. Слой без находок, мощность 20—25 см.

Слой 6. Супесь темно-коричневого цвета с включением окремненных и окварцованных известняков в кальцитово-глинистом цементе. Размеры обломков — от 0,3×0,5 до 3×5 см. Цвет обломков — от светло-серого до темно-серого, отложение пропитано гидроокислами железа розовато-оранжевого цвета. Примерный состав обломков: горных пород 60—70%, глины 20—25%, кальцита 10—15%. Под ударом молотка поддается разрушению. В слое обнаружены каменные изделия и кости животных. Археологически это IV культурный слой, мощность его 30—40 см.

Слой 7 Пещерно-обвальные отложения, крупные обломки известняка темно-серого цвета с заполнением в виде глинистых отложений, мощность слоя 20—35 см.

Слой 8. Супесь желто-коричневого цвета с включением обломков известняка в глинистом цементе, мощность слоя 25—35 см.

Слой 9. Глинистые отложения с включением окремненных известняков, кварца, сланцев, с примесью кальцита. Кальцитовый материал в цементе является продуктом растворения вышележащих известняков водой. Порода в слое под ударами молотка частично разрушается. Здесь обнаружена масса археологического материала в виде каменных изделий и костей животных. Археологически это III культурный слой, мощность его 20—30 см.

Слой 10. Отложения состоят преимущественно из сланцевых обломков в глинистом цементе. Встречаются отложения каолина. Порода рыхлая, буровато-серого цвета. Мощность слоя 20—25 см.

Слой 11. Супесь светло-коричневого цвета, наблюдаются обломки сланцев, известняков. Слой насыщен каменными изделиями и костями животных. Археологически это II культурный слой, мощность его 20—30 см.

Слой 12. Супесь с включением крупнообломочного материала, участками ожелезнения буровато-серого цвета. В количественном отношении обломки составляют примерно 70% всей массы, мощность слоя 60—70 см.

Слой 13. Обломки массивных окремненных известняков темно-серого цвета в глинистом материале, обломки крупные (20—25 см и более). В глинистом отложении присутствуют также мелкие обломки сланцев; порода интенсивно пропитана гидроокислами железа и имеет желто-бурую окраску, легко поддается разрушению. Археологических находок довольно много. В основном это каменные изделия и кости животных. Археологически это I культурный слой. Он перекрывает отложения темно-серого цвета с пылеватыми прослойками. Здесь встречаются керамика, каменные изделия, кости животных, характерные для разных археологических периодов — от палеолита до средневековья.

По данным литолого-генетических и предварительных спорово-пыльцевых исследований, климатические условия в период накопления нижней ритмоподтолщи были более теплыми и влажными, в период накопления верхних слоев — сухими и умеренно теплыми, с периодами похолодания.

Спорово-пыльцевой анализ [1] выявил пыльцу следующих растений.

I культурный слой: Graminea — злаковые; Artemisia — полынь; Chenopodiaceae — маревые; Umbelliferae — зонтичные; Ranunculaceae — лютиковые; Plantaginaceae — подорожниковые.

II культурный слой: Picea — ель; Graminea — злаковые; Cyperaceae — осоковые; Ephedra — хвойник (эфедра); Artemisia — полынь; Compositae — сложноцветные; Chenopodiaceae — маревые; Leguminosae — бобовые; Ramunculaceae — лютиковые; Plantaginaceae — подорожниковые.

III культурный слой: Graminea — злаковые; Artemisia — полынь; Chenopodiaceae — маревые; Poligonaceae — гречишные; Plantaginaceae — подорожниковые.

IV культурный слой: Artemisia — полынь; Chenopodiaceae — маревые.

V культурный слой: Yuniperus — арча; Graminea — злаковые; Artemisia — полынь; Compositae — сложноцветные; Chenopodiaceae — маревые; Legiminosae — бобовые.

Малое количество зерен пыльцы не позволяет построить диаграмму и установить динамику изменения растительности от слоя к слою.

---

[1] Анализ произведен научным сотрудником Института ботаники АН УзССР Р. А. Халмухамедовой.

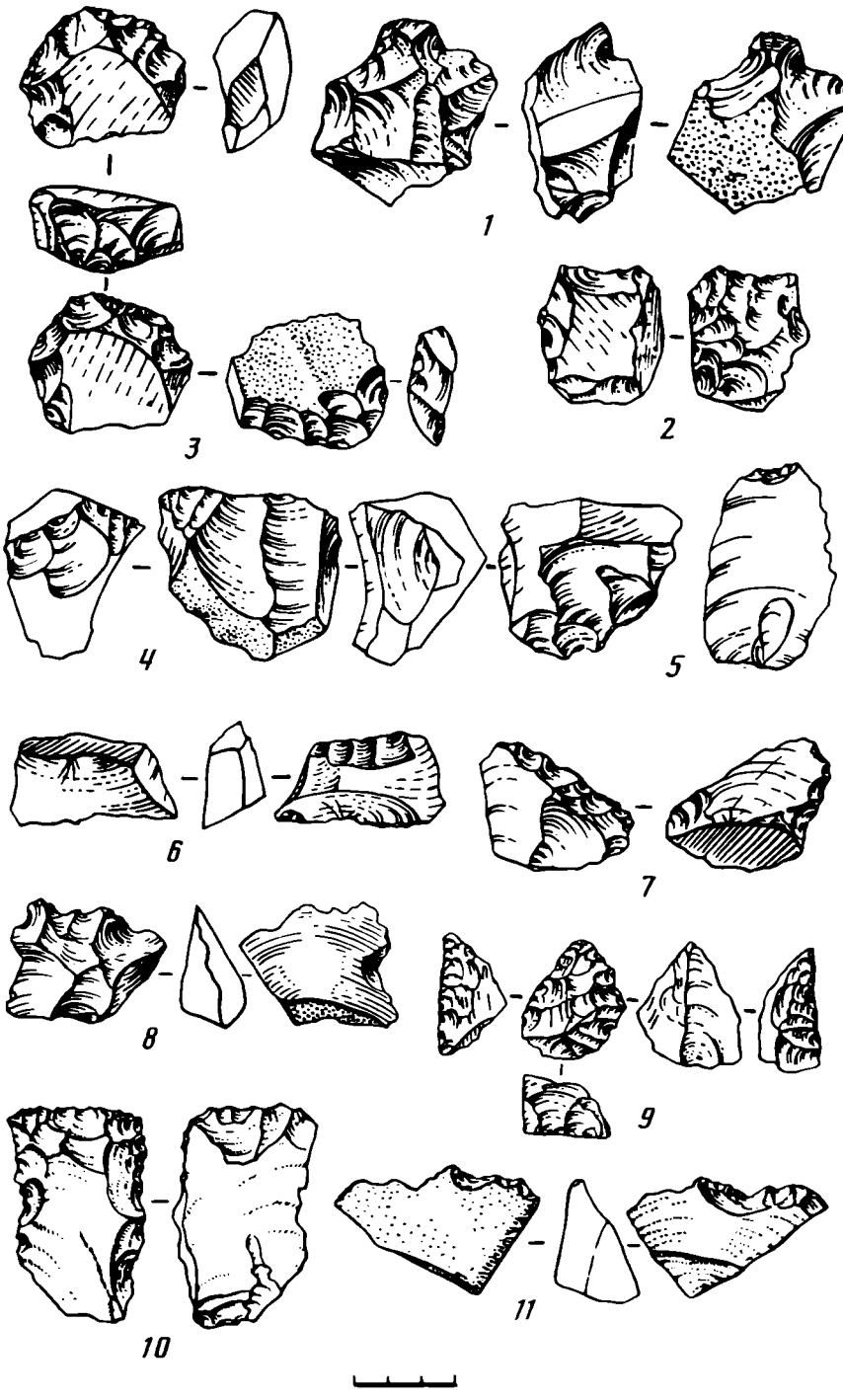


Рис. 4. Каменные орудия из пещерной стоянки Сель-Унгур

Таким образом, результаты комплексных исследований многослойной палеолитической стоянки Сель-Унгур свидетельствуют о том, что древнечетвертичные отложения в нижней части накапливались в пещерно-озерных и аллювиальных условиях в сочетании с периодическими, незначительными пещерно-обвальными процессами.

Характерной особенностью культурных слоев является то, что все пять слоев приурочены к периодам относительного тектонического покоя и располагаются между законченными микроритмами, что, несомненно, указывает на их сохранность.

Каменные орудия в основном изготовлены из яшмы желто-коричневого цвета, встречаются вулканическая порода темно-серого цвета и глинистый

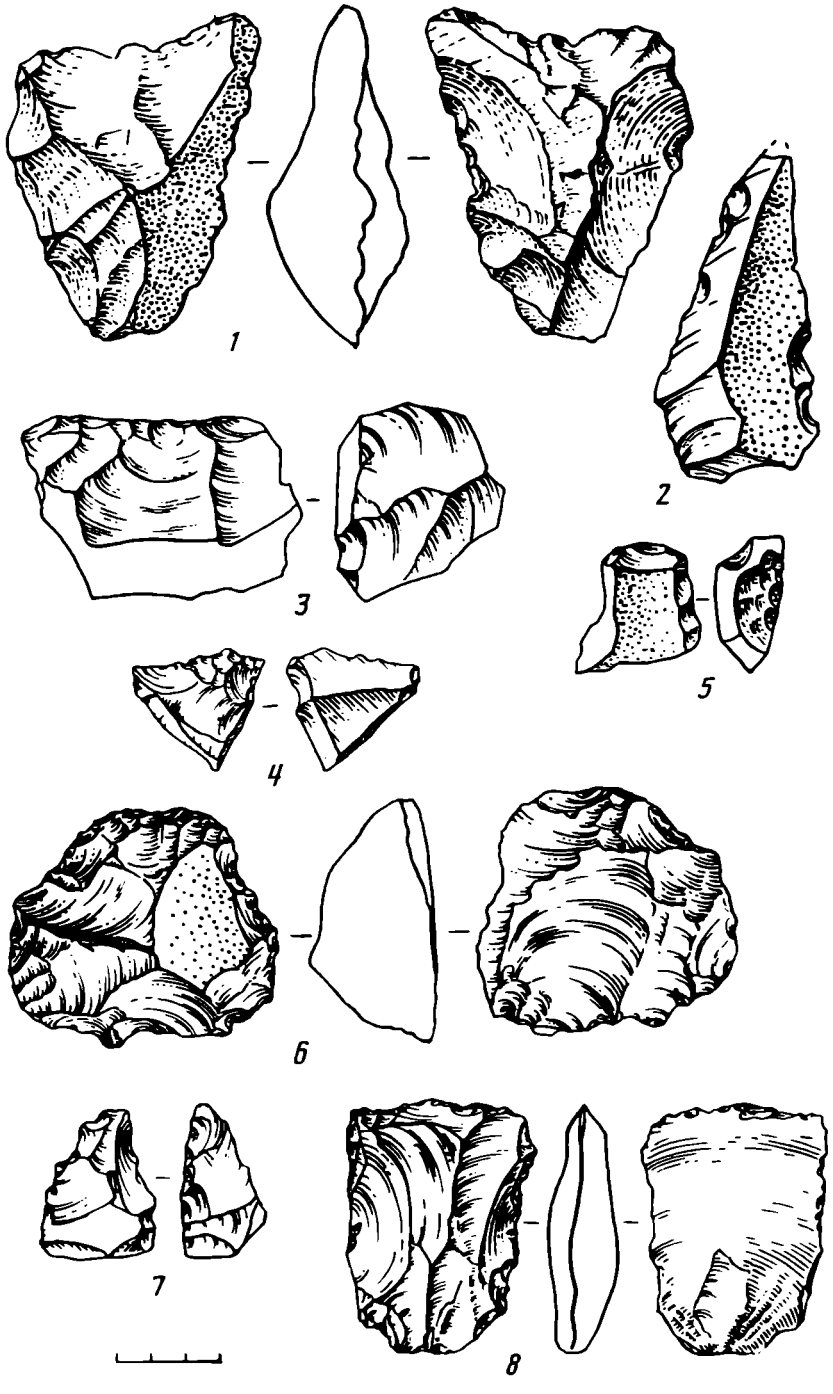


Рис. 5. Каменные орудия из пещерной стоянки Сель-Унгур

сланец черно-зеленоватого цвета. При анализе инвентаря мы делаем упор на нижние два слоя — IV, V Однако для аналогий обращаемся и к материалам из остальных слоев памятника.

В коллекции имеются ручное рубило, колуны, чопперы, скребла, большое количество зубчатых и выемчатых орудий высокой формы, долотовидные орудия, скребки, орудия клювовидных форм. Что касается заготовок, которые использовались для изготовления орудий, то они весьма различны: это осколки, обломки, порой естественные отдельности, наряду с ними встречаются пластины и отщепы.

В Сель-Унгуре представлены и ядрища. Интересно, что почти все они нерасколотые, находящиеся если не на первой стадии раскалывания, то на такой, ког-

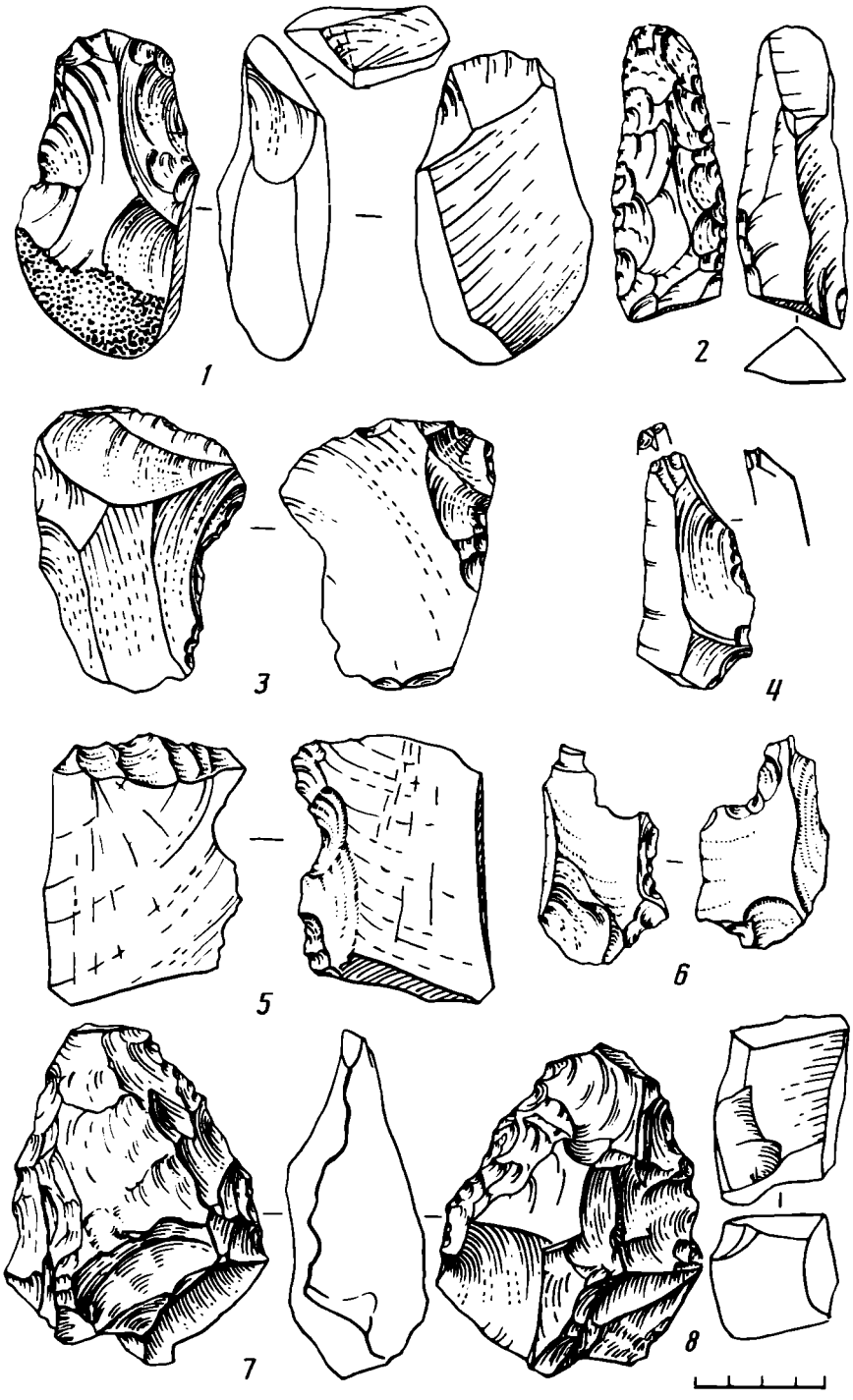


Рис. 6. Каменные орудия из пещерной стоянки Сель-Унгур

да их размеры позволяют сколоть с них еще много заготовок. Присутствуют и заготовки ядрищ (рис. 4, *4*). Правда, экземпляр, о котором идет речь, несет на себе следы многих попыток раскалывания, но неудачных — не удалось сколоть достаточно длинной заготовки. Показательна обработка всего контура этого ядрища (или заготовки ядрища) с тыльной стороны плоскости раскалывания. Интересен экземпляр ядрища, который можно считать призматическим (рис. 6, *8*)

Из слоя III происходит типичное ядрище в средней стадии расщепления, но еще достаточно массивное, чтобы продолжить его раскалывание (рис. 5, *3*) На боковой поверхности — негативы сколов, видимо, более раннего времени,

в другой плоскости и в другом направлении. Стало быть, это уже однажды переделанное ядрище.

Если сравнить заготовки с негативами, оставшимися на ядрищах, то станет очевидным несоответствие между предполагаемыми по негативам сколами и большинством заготовок, которые использованы человеком. Одним из возможных объяснений этого является уменьшение размеров заготовок в процессе их вторичной обработки. Остается, однако, вопрос, почему люди использовали в качестве заготовок еще и осколки породы или обломки естественного происхождения, не ограничивая себя заготовками — сколами с ядрищ, бывших в их распоряжении. Видимо, для изготовления некоторых групп орудий осколки более подходили, чем пластины. Таковы все категории так называемых орудий высокой формы.

Орудиями высокой формы мы считаем все орудия, у которых высота равна или чуть меньше ширины в месте, где помещается обработанный край или края орудия (скребки высокой формы, острия или орудия типа тейяк) [2] Количество орудий, изготовленных из обломков и естественных отдельностей породы, является показателем, существенным для определения природы памятника. Орудия, которые принято относить к орудиям типа тейяк, есть уже в IV и V слоях Сель-Унгура. Они изготовлены на массивных заготовках, имеют в плане форму равностороннего треугольника и являются часто орудиями высокой формы.

Известно, что эти орудия встречаются и в мустье, и в ашельское время. Характерной особенностью их является обработка краев либо крутой ретушью, либо оббивкой. Обработанные края бывают, как правило, неровными, зубчатыми. Негативы сколов на краях чаще всего широкие в противоположность негативам сколов на конце орудия, где эти негативы узкие. Примерами таких изделий в Сель-Унгуре могут быть орудия на рис. 4, *9*, 5, *4* — все из IV слоя. Особенностью изготовления орудий типа тейяк является использование нижней (в некоторых случаях можно сказать — брюшковой) поверхности орудия. На нижней поверхности (а если это отщеп, то на брюшке) помещается несколько негативов, дополняющих обработку на той поверхности, где обработаны оба края (рис. 5, *4*). Последний экземпляр наиболее интересен тем, что у него использованы для оформления острого конца не один угол, а два.

К орудиям высокой формы относятся и скребки. Название «скребки» в данном случае условно, поскольку даже для эпохи верхнего палеолита они не отождествляются со скребками на пластинах, но их продолжают так называть по традиции. Это массивные изделия с поперечным краем, обработанным крутой ретушью. Край этот, как правило, выпуклый и расположен более или менее симметрично относительно продольной оси изделия (или заготовки). Таково орудие на рис. 5, *5*, у которого помимо конца обработан еще один край, он оббит крутой ретушью. Скребки высокой формы сопровождаются скребками, у которых на конце двумя выемками выделено узкое место, называемое разными отечественными авторами то рыльцем, то носиком, то мордочкой. Оно оформляется совершенно стандартно — при помощи двух симметрических выемок, которыми «зажато» рыльце (рис. 4, *1*). По приемам обработки скребки с носиком (или рыльцем) сходны до некоторой степени с орудиями типа тейяк. Поэтому орудие, изображенное на рис. 5, *7*, хотя оно и треугольной формы в плане, мы предпочитаем отнести не к орудиям типа тейяк, а к скребкам: у него выделено именно рыльце и нет острия, которое присуще орудиям типа тейяк. Оно также происходит из слоя IV.

В Сель-Унгуре, как и в других ашельских (и многих мустьерских) памятниках, представлены орудия с усеченным и подтесанным концом. Одно из таких изделий занимает промежуточное положение между скребками и орудия-

---

[2] Мы предпочитаем называть их орудиями тейяк, но не остриями (и тем более не остроконечниками) тейяк. Использование термина «острие тейяк» подводит к мысли, что есть категория «острие» и бывают острия мустьерские, леваллуазские, тейякские. Однако это все самостоятельные категории.

ми с подтесанным концом, оно обработано по краям так же, как скребок высокой формы, а на конце, усеченном одним ударом (по крайней мере остался один негатив), образована неглубокая выемка. Типичная усеченная и подтесанная пластина изображена на рис. 4, *10*. Одновременно этот предмет — свидетельство того, что обитатели Сель-Унгура получали достаточно совершенные пластины и использовали их для орудий. Примером двусторонней подтески и усечения является орудие на рис. 4, *2*. У него крутой ретушью обработан конец орудия, и эта обработанная поверхность использована в качестве ударной площадки для сколов со стороны брюшка.

Таким образом, перед нами типичный пример подтески, где усечение еще дополнено подтеской конца (намеренной двусторонней обработкой, распадающейся на два этапа). Кроме того, крутой неровной ретушью обработаны края орудия. В итоге была получена типичная форма этого орудия. Из IV слоя происходит и другое орудие, еще более крепкое, где усечен не конец орудия, а основание заготовки, так что ретушью снят весь участок, прилегающий к бугорку и ударной площадке. Орудие изготовлено на грубом сколе, спинка которого, кроме подтески, не несет негативов предшествующих сколов (рис. 4, *6*). Другое орудие, несущее усечение на конце, изготовлено из пластины с множеством негативов на спинке. До некоторой степени усечением можно считать и обработку массивного отщепа (рис. 4, *11*), но здесь усечение — это зубчатый конец орудия.

Зубчатые орудия довольно хорошо представлены в древних слоях Сель-Унгура. В одних случаях это несполошная зубчатая обработка края, как на предметах, изображенных на рис. 6, *6*, 5, *2*, у который зубчатая ретушь сочетается с выемкой, оформленной ретушью (выемка так называемого ашельского типа). Противолежащая обработка, отмеченная для набора выемчатых орудий эпохи мустье, представлена и в ашельских слоях, как мы видим на примере Сель-Унгура. Интересно, что здесь нет приуроченности зубчатой обработки и выемок к коротким отщепам, что было отмечено для памятников эпохи мустье — не для всех, разумеется. В Сель-Унгуре зубчатые орудия изготовлялись и на пластинах, и на массивных заготовках. Как будто в большинстве случаев, по крайней мере на приводимых на таблицах орудиях, зубчатая ретушь нанесена намеренно, а не является следствием употребления (повреждения) орудия (заготовки).

Отметим еще одно орудие, где зубчатая обработка опять сочетается с выемкой (рис. 6, *6*), но скорее всего выемка на одном из концов этого предмета определяется формой края заготовки. Выемки отмечаются на заготовках самого разного рода: и на коротких, и на сколах, и на отдельностях породы. В ряде случаев выемка была оформлена не на заготовке, а уже на орудии того или иного рода (рис. 6, *5*).

Скребла, как правило, составляют большинство изделий на отщепах, однако в Сель-Унгуре это не так: скребел сравнительно много, но они разнообразны; конечно, есть скребла и продольные, и поперечные. Есть и такая, по общему мнению поздняя, форма скребел, как скребло с двумя сходящимися (но не под острым углом) лезвиями (рис. 5, *6*) или столь же редкая разновидность — диагональное скребло (рис. 4, *7*). Как оригинальную форму отметим двойное скребло, у которого оба края поперечные и оформлены как противолежащие (рис. 4, *3*) [3]

Некоторые скребла, имеющие двустороннюю обработку лезвия, могут быть отнесены к чоппингам. Как известно, такое совмещение отмечали как допустимое применительно к орудиям Южной, Юго-Восточной Азии [7, с. 72] К числу уникальных разновидностей в Сель-Унгуре следует отнести орудие типа кинсон (рис. 6, *2*). Это орудие было отмечено впервые для ашеля Франции, затем —

[3] Следует оговорить, что в ряде случаев качество исходного материала, отсутствие ясно выраженного раковистого излома делают наши заключения недостаточно обоснованными.

для мустье Ближнего Востока [8, с. 274—276], в Азии же такого рода изделия обнаружены в Чжоукоудяне (по материалам, хранящимся в Музее антропологии МГУ). Овальный, но не острый конец орудия сближает его с экземплярами из пещеры Ябруд (Сирия) [9, с. 274—276]

В единственном экземпляре есть орудие, у которого при двугранной нижней поверхности оформлен скребок с рыльцем (рис. 6, *4*). Остроконечников в Сель-Унгуре нет, если не считать один предмет, у которого нет сплошной ретуши по другому краю, и по этой причине он не может считаться остроконечником. Одна форма близка к двуконечному острию (лимасу), но края этого изделия неровные, не обработанные крутой ретушью.

Безусловно, особого внимания заслуживает рубило, найденное в V слое пещеры. Рубило изготовлено из красной яшмы, края плитки оббиты по контуру будущего изделия так, что образовались две ударные площадки (они были сняты при уплощении рубила). С этих площадок сняты крупные осколки оббивки. Мелких фасеток ретуши мы не видим. Однако края уже прямые в плане, пересекаются под острым углом, кончик изделия обломан. Основание по существу не обработано, видна поверхность плитки, из которой оно изготовлено. Особенностью морфологии рубила является то, что обе площадки оформлены с одной и той же стороны, тогда как чаще они располагаются на разных краях и на разных поверхностях, являются противолежащими. Судя по форме краев и пропорциям, орудие может быть копьевидным, по Ф. Борду [9, с. 288] (рис. 6, *7*).

Другое уникальное для территории Советского Союза изделие происходит из IV слоя, по форме это колун, типичное, вполне законченное изделие на отщепе. Ударная площадка — в основании, продольные края оббиты, с них сняты широкие сколы, края выровнены. Конец орудия не обработанный, но острый, поскольку это край отщепа с несколькими выщербинами, возможно от употребления или от повреждения. Таких колунов несколько (рис. 5, *1, 8*; 6, *1, 3*). Они известны и на Кавказе [10, с. 55—63]

Таким образом, перед нами первая в Средней Азии пещерная стоянка, на которой встречено сочетание ручных рубил и колунов. Орудие, которое раньше рассматривалось как рубило (из-под Красноводска), не соответствует этому определению по причине аморфности. Скептически относится к оценке подобных изделий и В. П. Любин [11, с. 19—42] Колуны в большом количестве находят на территории Индии, известны они и в памятниках Ближнего Востока, относимых к южному ашелю — разновидности ашеля, впервые отмеченной Ф. Бордом [12, с. 121]. Так называемый южный ашель распространен в Африке и на южной окраине Европейского материка [13, с. 107—114] До сих пор на территории Советского Союза ашель встречался только в его северной разновидности. Сель-Унгур — первый памятник южной разновидности ашеля, сочетающий такие орудия, как ручные рубила, колуны и чопперы. Такие памятники известны прежде всего в Индии [14, с. 63—79] и на Переднем Востоке [15, с. 25—47]. Своеобразие ашеля Сель-Унгура — в изготовлении орудий из массивных заготовок, что указывает на фациальные особенности этого памятника. На стоянке выявлено 1417 каменных изделий: из них 306 орудий (21,59%), 64 нуклеуса (4,51%), 777 отбросов производства (54,8%).

В культурных слоях пещеры обнаружено более 5000 костных фрагментов. В III культурном слое найдены изолированные (10 шт.) зубы и фрагмент плечевой кости человека. По данным антропологов, они принадлежат архантропу. Зубы хорошей сохранности, но жевательные поверхности сильно потерты. Поэтому многие морфологические особенности их строения невозможно изучить. Три зуба принадлежат одному индивидууму — женщине 25—40 лет, еще три — другому взрослому индивидууму. Обломок трубчатой кости относится к ребенку. Рассмотренные кости принадлежат представителям рода Homo (человек), при этом принадлежность их современному человеку категорически исключается. По своим размерам они могут быть отнесены к неандертальцу,

более древнему, чем тешик-ташский. Не исключено, что человек из Сель-Унгура относится к формам, близким к «прогрессивным архантропам». К этому заключению пришел крупный советский антрополог А. А. Зубов.

Найденные фрагменты плечевой кости, по результатам анализа В. М. Харитонова, представляют собой половину диафиза и нижний эпифиз плечевой кости гоминида. Возраст индивидуума соизмерим с тешик-ташским, но кость из Сель-Унгура более массивная. Плечевая кость из Сель-Унгура отличается эллипсоидной формой сечения в районе дельтовидной шероховатости, что характерно для современного типа. Проведено сравнение рентгенограмм кости из Тешик-Таша и Сель-Унгура. Массивность кортикального слоя кости Сель-Унгура превосходит аналогичный признак, констатированный Д. Г Рохлиным для Тешик-Таша, а наименьшая ширина костно-мозгового канала у кости из Сель-Унгура гораздо меньше, чем у кости из Тешик-Таша. Данная особенность строения делает кость из Сель-Унгура более архаичной, чем из Тешик-Таша.

Сохранность костей животных плохая, черепа и длинные трубчатые кости раздроблены, на поверхности образовался футляр из сильно сцементированных остатков известковых брекчий. Кости имеют темно-коричневую окраску.

Во II—V слоях здесь встречаются кости парнокопытных: быка, тура, оленя, масса остатков костей барана и горного козла, яка; непарнокопытных: лошади Стенона, плейстоценового осла, носорога (I, II слои); хищных: медведя, волка, барса, лисицы, рыси, хищных мелких размеров (II, III слои); грызунов: полевки горной, мыши лесной, сурка, лесной сони (II—IV слои); насекомоядных (II—IV слои); много пищухи, зайца Толая, бурозубки. Среди обнаруженных костных остатков есть целые челюсти медведя, кости скелета тура, стержни рогов оленя, зубы лошади. Все кости сильно фрагментированы. Определению поддается лишь 30% всех костей.

Пещера Сель-Унгур (рис. 6) дает интересный материал по истории формирования млекопитающих антропогена Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А. П.* Археологические исследования в Киргизии // Вестн. АН СССР. 1954. Вып. 9.
2. *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душанбе, 1965.
3. *Конопля П. Т.* Следы людей в каменном веке на территории Южной Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1959. Т. 1.
4. *Окладников А. П., Леонов Н. И.* Первые находки каменного века в Фергане // КСИА. 1961. Вып. 89.
5. *Касымов М. Р.* Новые исследования по палеолиту в Ферганской долине в 1964 году // ИМКУз. 1966. Вып. 7.
6. *Исламов У. И.* Работы Ферганского отряда // АО — 1981, М., 1982.
7. *Movius Hallam L.* Early Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia // Papers of the Peabody Museum of American Archaelogy and Ethnology. Harward University, 1944.
8. *Lumley H. de, Bottel B.* Sur evolution des climats et des industries ou Riss et ou Wurm d'après le remplissage de la Baume Bonne (Quincon, Basses Alpes). Bonn, 1960.
9. *Bordes F.* Typologie du paleolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.
10. *Кикодзе З. К.* Бифас-колун в ашеле Кавказа // Вестн. Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашия. XXXVIII-В. Тбилиси: Мецниереба, 1986.
11. *Любин В. П.* Нижний палеолит // МИА. 1970. № 166.
12. *Bordes F.* The Old Stone Age. New. York; Toronto, 1968.
13. *Григорьев Г П.* Палеолит Африки. М.: Наука, 1977.
14. *Борисковский П. И.* Древнекаменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1970.
15. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978.

U. ISLAMOV

THE EARLIEST CAVE PALAEOLITHIC SITE OF SEL-UNGUR IN THE FERGHANA VALLEY

Summary

The author looks at the results of archaeological studies of the multilayered early Palaeolithic cave camp of Sel-Ungur. Five cultural levels divided with sterile strata came to light. This shows that the cave was habitated for a long time. The levels produced numerous stone implements with choppers, cores, core-like fragments and flakes among them. They all are typical for an Early Palaeolithic culture. Bones of archanthroposes, 10 teeth among them, were found in the cultural deposits (3 teeth belonged to a 25-40-year-old woman, three to an adult male). Many animal bones were also found: horse, ass, cave bear, rhinoceros and deer The cave camp is undoubtedly a unique site, the first in Central Asia to produce bone artefacts typical of the Acheulian, a variant of the Southern Acheulian in the Soviet Union.

Н. П. МАТВЕЕВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ

В 1976 г. в зоне строительства железной дороги Тюмень — Сургут, в урочище Барсова Гора, М. В. Елькиной было открыто первое на территории Сургутского Приобья поселение каменного века — Барсов городок П/16а. В том же году ею были проведены там раскопки [1], продолженные в 1978 г. автором статьи.

Поселение располагается на второй надпойменной террасе коренного берега Оби высотой 8—10 м, над протокой Утоплая (рис. 1). Общая площадь его $\sim$1300 м^2, площадка ровная, имеет уклон к югу, к протоке. С запада и юго-запада она перекрыта селищем эпохи поздней бронзы и городищем Барсов городок П/16. Восточная часть поселения повреждена при строительных работах на трассе железной дороги.

На поверхности были заметны лишь две жилищные западины — глубиной 15—20 см и размером 6×7 м. За 2 года на площади 580 м^2 исследованы семь полуземлянок, остатки наземных построек, хозяйственные ямы. В раскопанной части поселения под дерном залегал слой светло-коричневой супеси (10—30 см), содержащий материалы эпохи поздней бронзы [2]; ниже — слабо окрашенный, чуть сероватый песок — культурный слой эпохи неолита. Мощность его 15—20 см на межжилищном пространстве и до 50—60 см в сооружениях. Дно котлованов выстилает прослойка охры толщиной 7—15 см. Материк — желтый песок. Из-за очень слабой окрашенности культурного слоя в заполнении жилищ очертания построек фиксировались с большим трудом, а в ряде случаев проведены предположительно. Планировка поселения осталась неясной (рис. 2).

Жилище 1 (рис. 3) раскопано М. В. Елькиной. Оно имело подпрямоугольную форму и размеры 5,5×6,2 м. Ориентировано по линии север — юг; выход в виде тамбура (1,2×2 м) был обращен на северо-восток; в западной стенке — небольшая ниша. Стенки котлована почти вертикальные, высотой 0,4—0,5 м. Прямо напротив выхода располагался очаг — линза бурой супеси (1,9×1,5 м) с пережженными косточками и камнями. В юго-западном углу постройки отмечено пятно прокала размером 1,25×0,7 м, мощностью 15 см. Рядом с ним была обнаружена неровная каменная стенка, сложенная из крупных валунов, длиной 1,9 м. На полу вокруг очага собрано много керамики (рис. 4, *1, 2, 6—11*). Дно котлована выстилает прослойка охры толщиной 7—10 см. Жилище окружают небольшие хозяйственные ямы; у входа зафиксирована яма от столба.

Жилище 2 (рис. 5) исследовалось М. В. Елькиной. Оно располагалось северо-восточнее первого, сохранилось хуже. Остатки сооружения имеют неправильную форму: близкую к прямоугольной, но с большими полукруглыми нишами в юго-западной и юго-восточной стенках и в восточном углу. Размеры его 5×5 м, ориентировано по линии 3 СЗ—ЮВВ, выход-тамбур был

Приношу глубокую благодарность М. В. Елькиной, предоставившей в мое распоряжение материалы своих раскопок.

[2] Материалы эпохи поздней бронзы в данной статье не рассматриваются.

© Н. П. Матвеева, 1990 г.

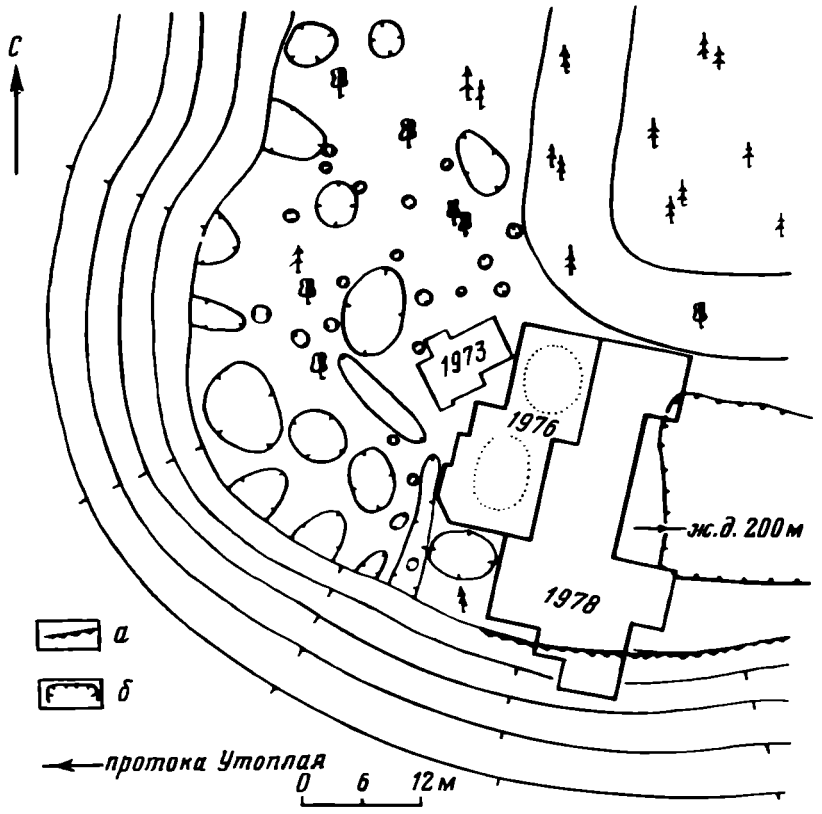


Рис. 1. Барсов городок II/16а. Ситуационный план (горизонтали через 2 м). *а* — граница осыпи; *б* — площадь разрушений

обращен на северо-запад. Дно котлована очень неровное, углубленное на 0,3—0,5 м, засыпано охрой, следы которой фиксировались в виде двух линз. Напротив входа располагается овальная плоская выкладка из камней (1,25×0,75 м), а далее, у передней стенки, — небольшой, неправильных очертаний, сильно расплывшийся очаг В заполнении очага и около него найдена керамика (рис. 4, *4, 13*). В нишах были хозяйственные ямы. На полу местами зафиксированы углистые пятна от сгоревших деревянных плах.

Жилище 3 (рис. 5) располагалось в северной, окраинной части поселения; затем культурный слой постепенно выклинивается. Котлован его, прямоугольный в плане, размером 6×6,3 м, ориентирован по линии ССЗ—ЮЮВ. Высота стенок 0,3—0,5 м. Часть дна была посыпана охрой. В западной половине жилища обнаружено два очага в виде линз бурой супеси (1,65×1,25 и 0,8×0,35 м) с пережженными косточками и керамикой (рис. 4, *5, 12*). На краю центрального очага зафиксированы углистые полосы — следы сгоревших балок перекрытия. У юго-западной стенки была выкопана небольшая хозяйственная яма. В жилище найдены шлифовальник и клык медведя (?).

Жилище 4 сохранилось плохо, значительно повреждено поздними ямами. Оно имело подпрямоугольную форму, размеры ~6,5×5 м и было ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. Стенки углублены только на 15—20 см. Пол жилищной площадки в центральной и южной частях был засыпан охрой. В середине жилища имелось углубление, где были зафиксированы прокал от кострища (ярко-красный в центре и с оранжевым ободком по краям) и остатки рамы перекрытия в виде углистых полос (1,5×2 м). У восточной стенки расчищены очажок и пятно прокала (диаметр — 0,6 м, мощность — 10 см) с фрагментами керамики (рис. 4, *14*).

Жилище 6 — подпрямоугольной формы, размером приблизительно 6×5,2 м, с выходом в виде тамбура на север. Дно его, крайне неровное, понижалось от входа к центру ступеньками. В наиболее углубленной части была посыпана

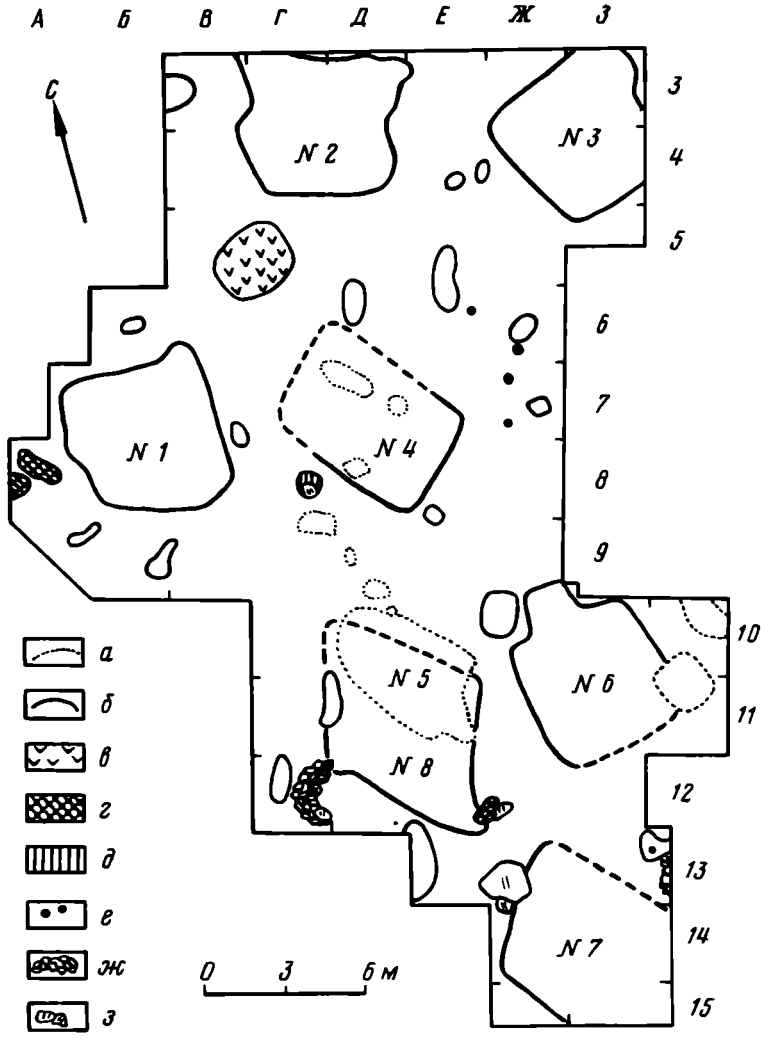


Рис. 2. План поселения. *а* — сооружения эпохи поздней бронзы; *б* — сооружения эпохи неолита; *в* — охра; *г* — очаг; *д* — прокал; *е* — ямки от столбов; *ж* — каменные выкладки; *з* — валуны

охра. В жилище имелись два очага: у восточной стенки (0,6×0,5 м) и в тамбуре, у выхода (0,75×0,35 м), а также хозяйственная яма (1,2×0,3 м). На краю охристой линзы были найдены уголь от сгоревшего дерева и керамика.

Жилище 7 (рис. 6) находилось на краю террасы. Оно сохранилось не полностью, южный угол его обрушен, а восточная часть пострадала от строительных работ Сооружение было прямоугольным, углубленным на 0,5 м в землю, размеры его определяются приблизительно в 5,5×5—5,6 м. Дно котлована, аналогично жилищу 6, понижалось ступеньками и в центре было засыпано охрой. В наиболее глубокой части зафиксированы очаг (1,25×0,75 м), пятно прокала (0,7×0,5 м) от кострища и хозяйственная яма с углем в заполнении. По границе центрального углубления, несколько в стороне от стен сооружения располагались ямки от столбов, причем четыре из них — у северо-западной стенки — оставлены колышками. Жилище было построено рядом с огромными плоскими валунами, но никаких выраженных следов использования на их поверхности нет.

Жилище 8 (рис. 2) сооружалось на участке террасы, имеющем естественное понижение в юго-западном направлении, поэтому северо-восточная часть его оказалась более углубленной в землю (0,2—0,3 м), чем западная, основание стен которой лежало почти на дневной поверхности. Постройка имела подпрямоугольную форму и размеры ~6,5×6 м. Ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В южной половине жилища дно было засыпано

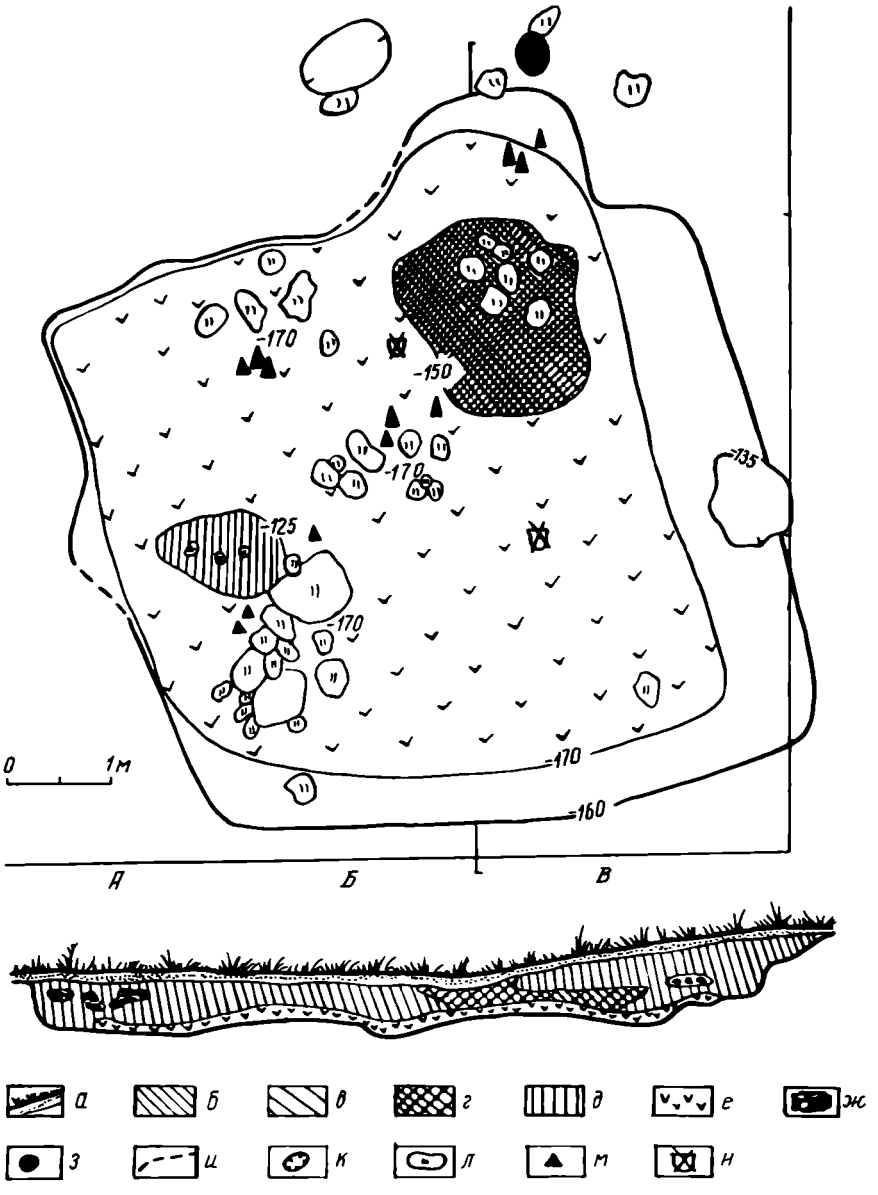


Рис. 3. Жилище 1. *а* — дерн; *б* — серовато-коричневая супесь; *в* — сероватая супесь; *г* — очаг; *д* — прокал; *е* — охра; *ж* — угли; *з* — ямки от столбов; *и* — предполагаемые границы; *к* — ямы; *л* — валуны; *м* — керамика; *н* — развал сосуда

охрой. Здесь же был обнаружен очаг в виде линзы бурой супеси с жжеными костями и возле него — пересекающиеся углистые полосы от сгоревшего перекрытия. В глубокой яме (2,3×0,75 м) у западного угла постройки имелся еще один очажок. По краям охристой площадки и у стен прослежены девять ям от столбов каркаса.

Снаружи около западного угла жилища обнаружена дугообразная кладка из валунов и гальки, длина ее 2,7 м, ширина 0,6 м, высота 15—20 см. Рядом с ней находилась большая хозяйственная яма.

На поселении вскрыты остатки двух наземных сооружений. Одно из них фиксировалось между жилищами 1 и 2 в виде линзы охры размером 2,7×2,8 м со скоплением камней в центре, другое — в виде дугообразной линии хозяйственных и столбовых ям, примыкающей к жилищу 4.

При раскопках поселения Барсов городок II/16а найдена главным образом керамика. Каменный инвентарь очень скуден, что объясняется недостатком сырья хорошего качества. К нему относятся: 1) скребок-скребло из крем-

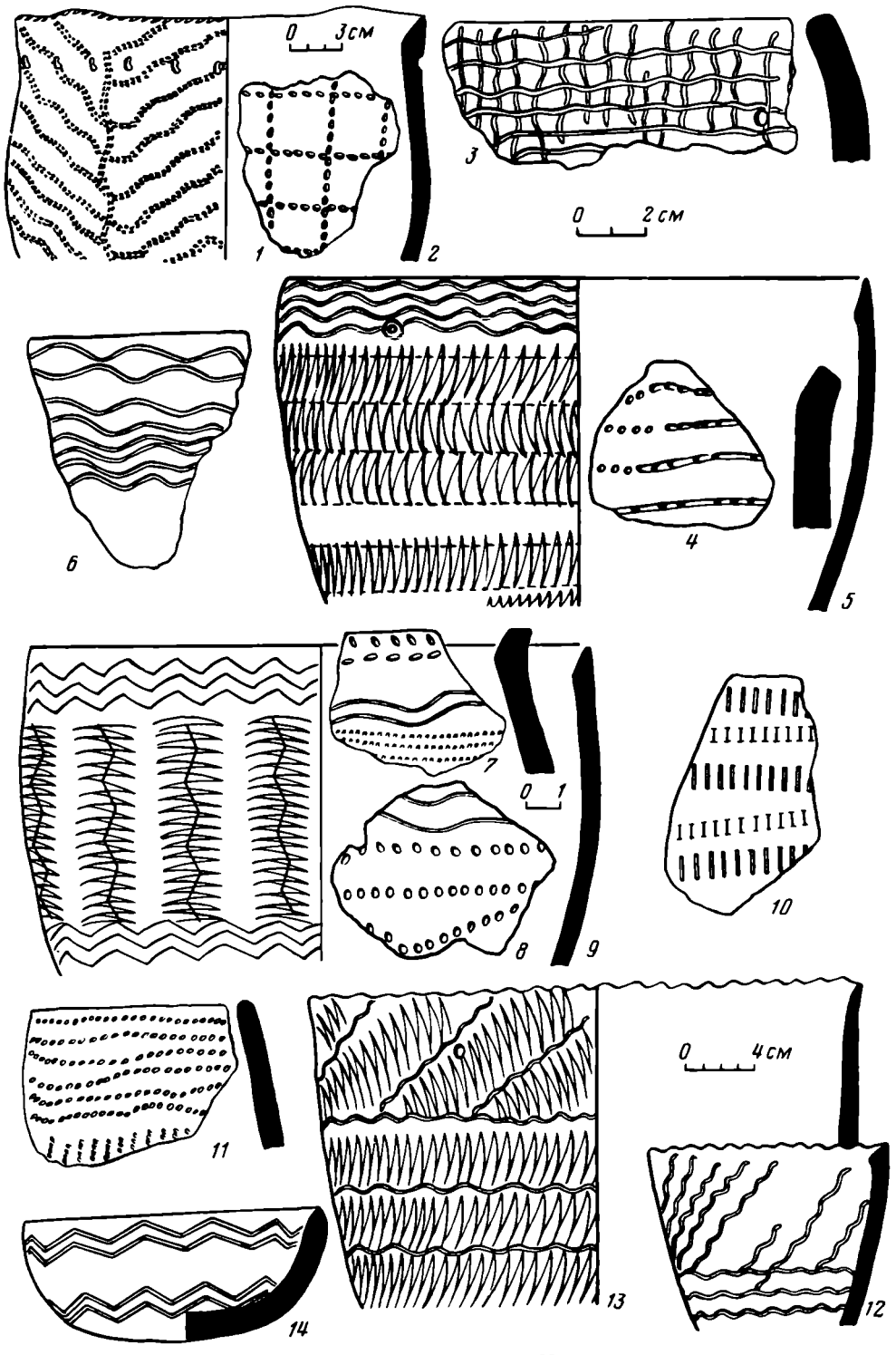


Рис. 4. Керамика из поселения Барсов городок II/16а. *1, 2, 6—11* — жилище 1; *4, 13* — жилище 2; *3, 5, 12* — жилище 3; *14* — жилище 4

нистого сланца на массивном отщепе с гальки, с желвачной коркой на спинке (ретушь грубая, фасетки ее крупные, следов сработанности нет), 2) грузило из гальки с опоясывающим желобком посредине (рис. 6, *1*), 3) топор из серо-зеленого сланца размером 8,7×4,2 см, обработан оббивкой и частично пришлифован (рис. 6, *3*); 4) нуклеусы из кремневого сланца (одноплощадочный подтреугольный и двухплощадочный односторонний), пластины неправильной огранки (рис. 6, *2*); 5) абразивные плитки из песчаника — 7 экз.

Найдены плитки песчаника правильных геометрических форм, окрашенные

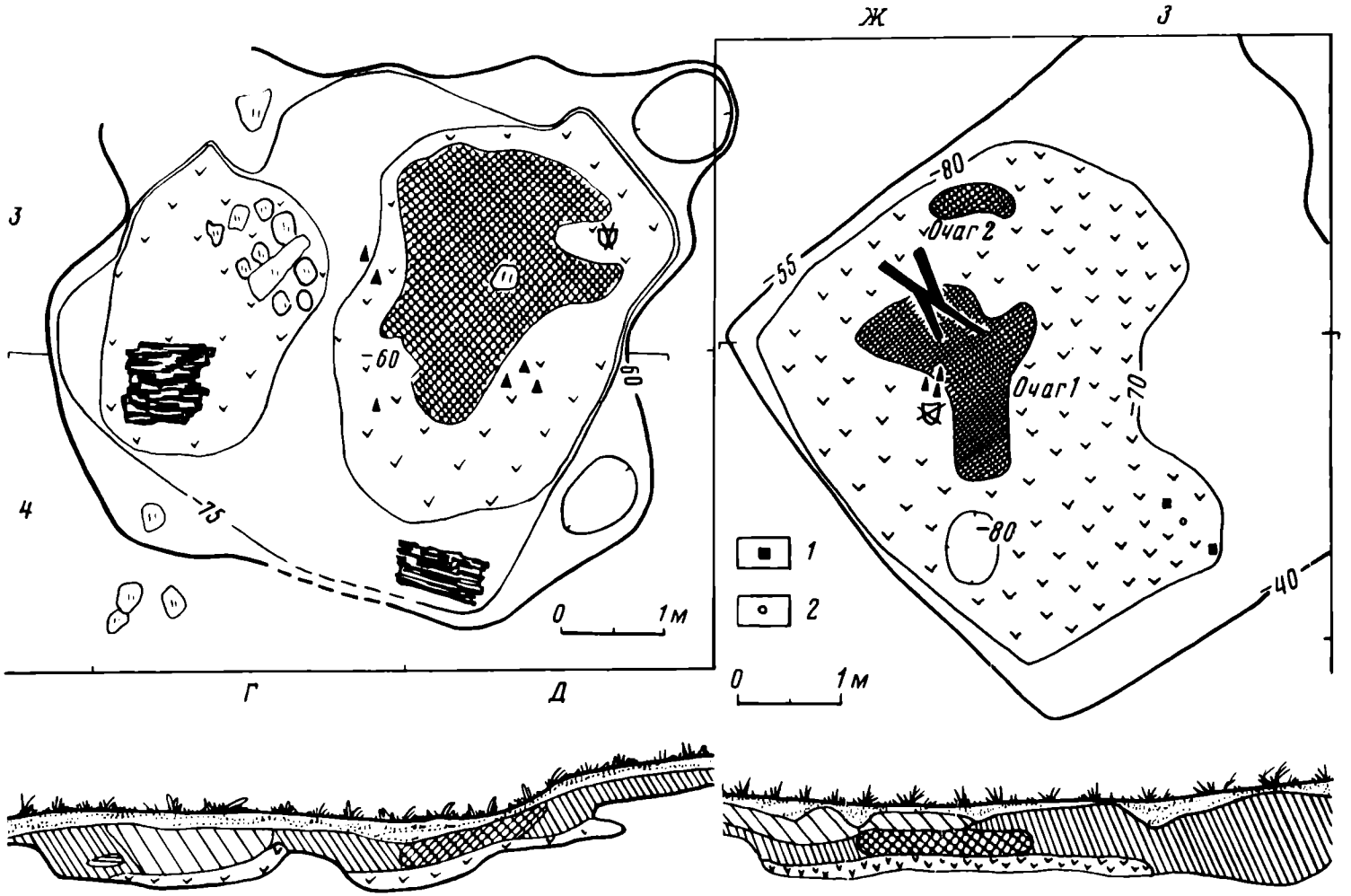


Рис. 5. Жилища 2 и 3. План и разрез (условные обозначения см. на рис. 3)

1 шлифовальник; *2* — зуб медведя (?)

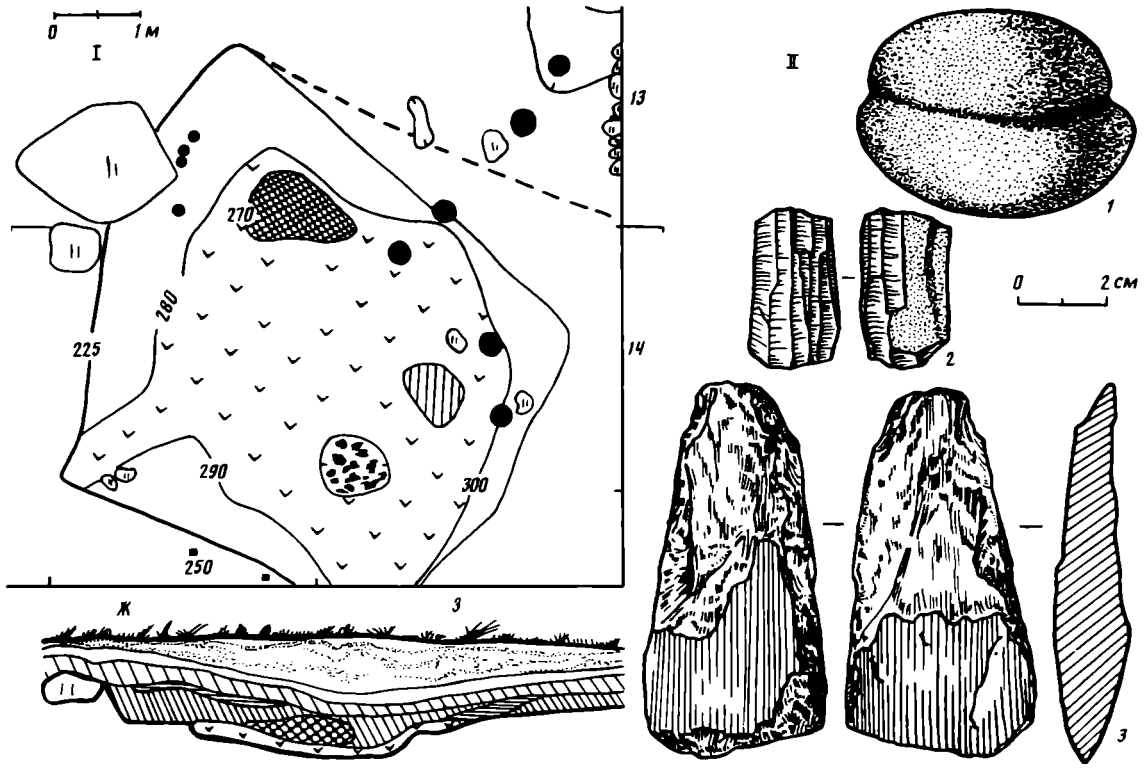


Рис. 6. Жилище 7, план и разрез (условные обозначения см. на рис. 3); каменный инвентарь поселения Барсов городок II/16а

окислами железа. Плитки использовались для растирания охры с целью получения порошка (проверено экспериментально)

Малочисленность и характер каменного инвентаря заставляют предположить широкое использование кости и рога обитателями поселка.

Большая часть керамики происходит из жилищ 1 и 2. Все сосуды изготовлены вручную, техникой ленточного налепа, из хорошо отмученной глины с примесью шамота, тщательно заглажены и прекрасно обожжены.

По форме сосуды делятся на две группы: а) крупные, полуяйцевидные, с круглым или приостренным дном и прямыми или наклонными (чаще) внутрь стенками, с диаметром устья 20—40 см и б) маленькие, чашевидные. Последняя группа очень малочисленна. Венчики разнообразны: прямые (46%), скошенные вовнутрь (26%), округлые (10%), с наплывом (10%), заостренные (4%), отогнутые наружу (4%) Срез венчика ровный, реже — волнистый, иногда на сосуде имеются ушки.

В керамике поселения (таблица) сочетаются различные виды орнаментации: часть сосудов украшена только прочерченными волнами (23%) или, в технике отступающей палочки (9,2%), только наколами (9,2%) или оттисками гребенки (20,8%). Наиболее часто встречается украшение посуды оттисками шагающей гребенки или гладкой качалки, чередующимися с прочерченной волной или зигзагом (23,2%). Прочерченно-накольчатые узоры составляют 10,2%. На одном сосуде сочетаются даже три типа орнаментов: прочерченный, печатный (гребенчатый) и накольчатый (рис. 4, *5*).

Более всего сходства посуда Барсова городка II/16а обнаруживает с волнисто-гребенчатой керамикой, распространенной в Зауралье в период развитого неолита, типа Полуденки I [1, с. 145], жилища 3 на Козловом Мысу [2, с. 88; 3, табл. VII—XII], с гребенчатой и волнисто-накольчатой керамикой северных позднеолитических поселений Чэстый-Яг [4, с. 13—14], Вуграсян-Вад [5, с. 154—157], Тух-Сигат IV [6, с. 204]. Разреженность узоров, появление ямок по краю сосуда, разнообразие форм венчиков служат основанием для датировки нашего памятника концом развитого [7, с. 18] неолита. Если

Таблица

Суммарная характеристика орнаментации сосудов поселения Барсов городок II/16а (49 сосудов)

Категории характеристики	Наименование признака	Показатель, %
Элементы узора	Наклонные линии	5,2
	Горизонтальные линии	26
	Вертикальные линии	3,6
	Зигзаг	14,4
	Волнистые линии	30
	Качалка	19,5
	Сетка	1,3
Техника орнаментации	Гребенчатый штамп, оттиски	30
	Прочерчивание	35
	Отступающая палочка	5
	Протащенная гребенка (гребенчатая волна)	5
	Наколы	11,7
	Ямки	6,5
	Гладкий штамп	6,8
Композиции	Горизонтальные пояса	86,8
	Сочетание горизонтальных и вертикальных поясов	8,68
	Сочетание горизонтальных и наклонных поясов	4,52

ориентироваться на радиоуглеродные даты поселения Сумпанья IV, относящиеся к середине V тыс. до н. э. [8, с. 38], то наш памятник может датироваться, вероятно, IV тыс. до н. э.

Особенности сургутской керамики: гладкостенность, узкие желобки от прочерчивания острой палочкой, мелкие округлые наколы тупой палочкой (под прямым углом), однообразие гребенчатых штампов и узоров из отпечатков, развитие орнаментов от прочерченно-отступающих и печатных к накольчато-печатным (ложный шнур, качалка). В орнаментации на всем протяжении от развитого неолита до ранней бронзы велика роль волнистых узоров, но отмечаются тенденция к упрощению композиции, ослабление роли зигзагов, вертикалей, волны за счет усиления наклонных линий и качалки [9, с. 77].

Судя по находкам на поселении Барсов городок II/16а, производственная деятельность людей протекала в основном не в жилищах, где найдена только керамика у очагов, а на площадке древнего поселка. Там вертикально врытыми в землю хранились шлифовальные плиты, были обронены грузило, топор, найдены мелкие абразивы, заготовки и нуклевидные куски.

Жилища были подпрямоугольными полуземлянками, на 0,3—0,5 м углубленными в материк, до плотного суглинка с галькой. По расположению столбовых ям, вдоль стенок и в углах сооружений, отсутствию центральных опорных столбов и остаткам обгоревших балок с кровли можно заключить, что постройки имели шатровое перекрытие, причем размеры рамы его, по находкам в жилище 4, составляют примерно 1,5×2 м при размерах стен 5×6—6,5 м, что, несомненно, указывает на усеченно-пирамидальную кровлю. Этот тип жилищ близок к шатровым полуземлянкам «тяй-мат», считающимся древнейшим видом полуземлянки в форме усеченной пирамиды [10, с. 19]

Аналогичные постройки раскопаны на других поселениях эпохи неолита и энеолита Барсовой горы [9, с. 73—74; 11, с. 258; 12, с. 240]

Самыми оригинальными чертами этих жилищ, впервые наблюдаемыми в домостроительстве Западной Сибири, следует признать засыпку дна котлована охрой и использование каменных кладок. Каменные кладки на площадках древних поселений известны на севере европейской части СССР, и дугообразные в том числе; они предположительно реконструируются Н. Н. Гуриной как основания заслонов от ветра [13, с. 113, 124, 141; 14, с. 180, 204] Пятно прокала в сочетании со стенкой из валунов позволяет предположить, что это было своеобразное отопительное приспособление.

При сооружении жилища центральная часть, видимо, преднамеренно делалась более углубленной и засыпалась охрой. Затем поверх охры насыпался чистый песок или настилался пол, и только потом отводилось место для очага. Таким образом, засыпка охрой никакого практического значения не имела. Она была как бы «захоронена» под полом жилища. Возможно, это свидетельство определенной ритуальной церемонии, м. б., символического погребения.

По археологическим и этнографическим материалам у народов Урала и Сибири прослеживаются элементы культа предков, в том числе сожжение черепа в очажной яме жилища [15, с. 200], захоронение умерших в жилищах [16, с. 135], под очагом [17, с. 64; 18, с. 91], представления об очаге и других частях жилища как вместилище душ умерших предков [19, с. 265; 20, с. 98; 21, с. 163; 22, с. 153] С другой стороны, существование в древности обряда погребения в жилище определенной категории умерших известно и на других территориях по археологическим [23, с. 151, 73; 24; 25, с. 229] и фольклорным источникам [26, с. 318; 27]. Это позволяет усматривать в нашем случае подобный же акт, но не реальный, а скорее символический.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2.
2. *Юровская В. Т.* Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс 1 // ВАУ. 1975. Вып. 13.
3. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
4. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
5. *Старков В. Ф.* Неолитические памятники Приобья // Памятники древней истории Евразии. М.: Наука, 1977.
6. *Кирюшин Ю. Ф.* Работы в Среднем Приобье // АО—1976. М., 1977.
7. *Старков В. Ф.* О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой // ИИС. 1973. Вып. 7.
8. *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
9. *Матвеева Н. П.* Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979.
10. *Соколова З. П.* К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодник Тюменского областного музея. 1959. Вып. 1.
11. *Москвина Н. П.* Исследование неолитических поселений в районе Барсовой Горы // АО—1978. М., 1979.
12. *Чемякин Ю. П.* Исследования на Барсовой Горе // АО—1979. М., 1980.
13. *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита на Онежском озере // МИА. 1951. № 21.
14. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. 2. Стоянки. М.: Наука, 1977.
15. *Берс Е. М.* Позднеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4.
16. *Соколова З. П.* Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980.
17. *Грачева Г Н.* Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
18. Сказки народов Сибирского Севера. Ч. 1. Томск, 1972.
19. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976.
20. *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
21. *Иванов С. В.* Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
22. *Чернецов В. Н.* Представление о душе у обских угров // Тр. ИЭ. Новая сер. 1951. Т. 51.
23. *Массон В. М.* Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180.
24. *Чубинишвили Т. Н.* Некоторые итоги раскопок Амиранис-Гора // КСИА. 1966. Вып. 106.
25. *Чайлд Г* Древний Восток в свете новейших раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956.
26. *Харузин Н. Н.* Русские лопари. М., 1890.
27. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.

N. P. MATVEYEVA

A NEOLITHIC SITE IN THE SURCUT REGION ON THE OB RIVER

The author publishes the materials from the first settlement of the Stone Age Barsov Gorodok II/16a, discovered on the Ob's right bank near Surgut. In 1976 and 1977 seven one-chamber semi-underground dwellings and the adjacent area were studied. They were rectangular rooms (25—30 sq m) with pits and fireplaces opposite the entrance. Stone pavements and central stretches covered with ochre before the fireplaces were set up are accounted for the traces of an ancient ritual of burials in dwellings and as a purifying rite. The finds included pottery, grinding plates, sinkers, axes, small abrasives, blanks and core fragments. The settlement is part of the Transural and lower Ob developed Neolithic sites, tentatively dated to the fourth millennium B. C.

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА, С. Ш. МАДИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ЗОЛОТА КАЗАХСТАНА

В результате археологических исследований на территории Казахстана накоплены значительные материалы по ювелирному искусству. Древнее золото представлено отдельными находками и коллекциями художественных изделий широкого хронологического и территориального диапазона. Многие золотые изделия являются уникальными образцами древнего ювелирного искусства. Особое место в археологическом золотом фонде Казахстана занимает комплекс вещей из Семиречья (Южный Казахстан) — захоронение сакского воина в «золотой одежде», найденное в полной сохранности в кургане Иссык [1] Многочисленность украшений (рис. 1) (свыше 4 тыс. золотых изделий), совершенство художественного исполнения, высокая техника обработки металла — все это сделало семиреченскую коллекцию ценным материалом для всестороннего изучения.

Цель данной работы заключалась в аналитическом исследовании элементного состава золотых и серебряных предметов, датированных эпохой бронзы и ранних кочевников, определении пробности древнего золота, выявлении тождества и различия химико-технологических параметров образцов по территориальному и временному признакам.

По археологическим данным [2], зарождение ювелирного дела на территории Казахстана относится ко второй половине II тыс. до н. э. (периоду андроновской культуры). Указывается, что большое количество золотых украшений — кольца, обоймы (от ременных поясов), серьги (круглые, спиральные, с раструбом), массивные браслеты — изготовлены ювелирами эпохи поздней бронзы техникой ковки, литья, чеканки и тиснения [2, с. 319]. Проанализированные предметы этого времени представлены на рис. 2.

Золотые украшения скифо-сакского периода составили основную часть аналитического материала (176 образцов). Значительная доля принадлежит указанной выше уникальной иссыкской коллекции. Это бляхи и бляшки в виде фигурок барса, тигра, оленя, лошади, рогатых и крылатых коней, архара, птиц и т. д., а также два перстня: с изображением человека (рис. 1, *23*) и зеркальным щитком (рис. 1, *24*), серьга с зернью и подвесками из бирюзы (рис. 1, *21*). Анализировались также серебряные вещи из иссыкского захоронения: большая орнаментированная чаша (рис. 1, *34*), ложка (рис. 1, *36*) и малая серебряная чашечка (рис. 1, *35*). Имеющаяся надпись на последней придает ей особую ценность как самому древнему памятнику письменности (IV в. до н. э.) на территории Казахстана и Средней Азии [3] К сакским изделиям применены разные технологические приемы обработки благородных металлов: литье, ковка, чеканка, гравировка, тиснение, штамповка, плакирование [1, с. *73*] Более поздние золотые изделия из семиреченских памятников (IV—I вв. до н. э.) отличались по стилю исполнения (рис. 2). Здесь использованы элементы инкрустации металла вставками цветных камней, узорами из зерни и др. [4]

Наряду с золотыми находками из Южного Казахстана подлежали аналитическому определению предметы, обнаруженные в сакских и савроматских памят-

© Э. Ф. Кузнецова, С. Ш. Мадина, 1990 г.

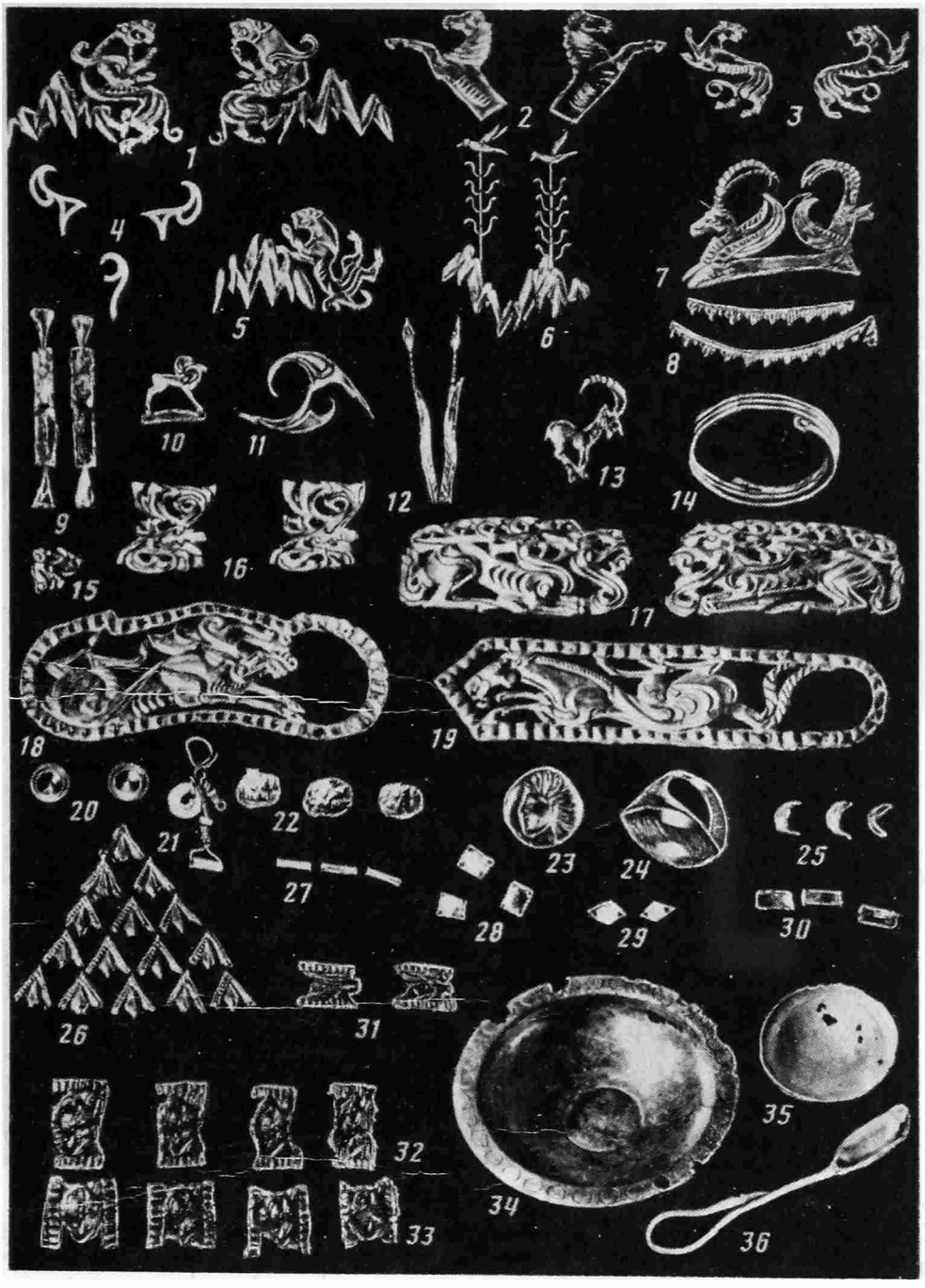


Рис. 1 Золотые и серебряные предметы «золотого человека» из кургана Иссык

никах Центрального и Северного Казахстана. Это коллекция ювелирных украшений в виде серег с подвесками и цепочками, бус и блях (рис. 2)

Учитывая специфику археологических образцов (уникальность, небольшие размеры и пр.), для определения состава и других параметров древнего золота и серебра были привлечены современные физические методы исследования. В качестве основного использован высокочувствительный лазерный микроспектральный анализ, выполненный на установке LMA-10 («Карл Цейсс, Иена», ГДР) Небольшие по размеру изделия — кольца, серьги, подвески, бляшки, пластинки и т д. анализировались без нарушения их целостности, для анализа массивных предметов отбирались кусочки металла размером $0{,}5 \times 0{,}5 \times 0{,}1$ мм и наклеивались на плоскопараллельную пластинку. Метод заключался в мгновенном разогреве лазерным лучом микроколичеств вещества (диаметр зоны поражения 50—200 ммк, возбуждении его в микроискре с даль-

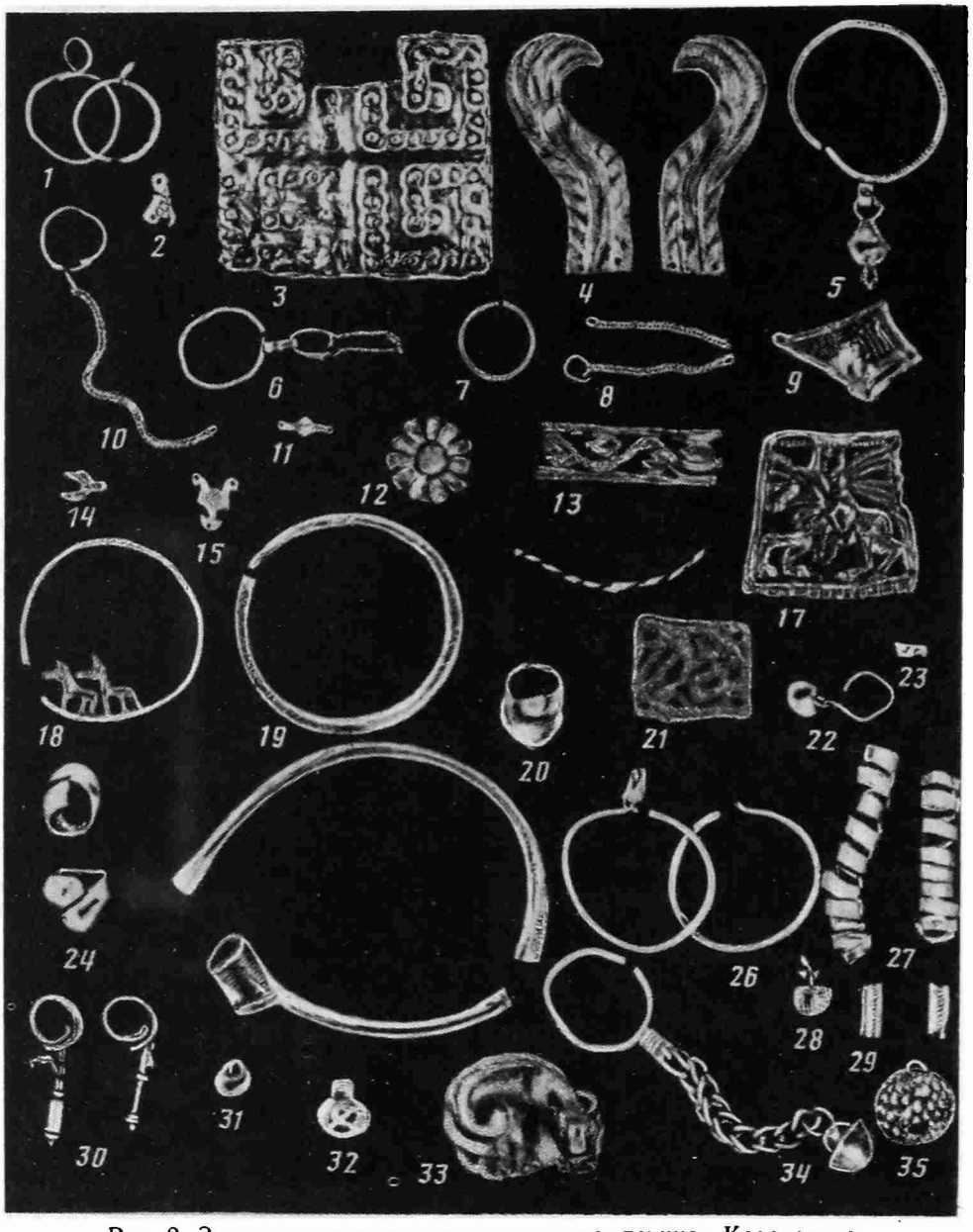


Рис. 2. Золотые изделия из различных памятников Казахстана

нейшим спектрографическим завершением анализа. Эталонами служили бисплавы (Au + Ag), концентрация золота в которых распределялась в интервале 43—99%. Для обеспечения корректности анализа спектры эталонов и образцов получены в идентичных условиях. При количественном определении содержаний элементов основы лазерное испарение осуществлялось в режиме модулированной добротности (рис. 3, *1*; 4, *а*) с отбором минимального количества анализируемого вещества ($2 \cdot 10^{-6}$ г) При диагностике элементов-примесей лазер работал в режиме «умеренно модулированной» добротности (рис. 3, *2*; 4, *б*), в этом варианте вещества испарялось на порядок больше ($2 \cdot 10^{-5}$ г). Аналитической парой служили линии нейтральных атомов золота AuI 267,6 нм и серебра AgI 338,3 нм. Градуировочный график (рис. 5) построен применительно к бинарным системам по отношению интенсивностей линий обеих составляющих. Для количественных определений использован метод фотографической фотометрии.

Изучение состава золотых и серебряных предметов проводилось параллельно другим методом — электроразрядным микроспектральным (по схеме Н. В. Королева) [5]. В последнем случае металл подвергался действию

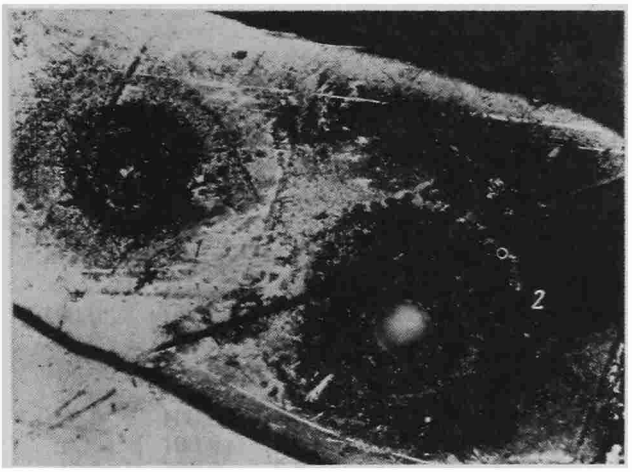


Рис. 3. Лазерные кратеры в золоте. *1* — режим модулированной добротности; *2* — режим «умеренно» модулированной добротности

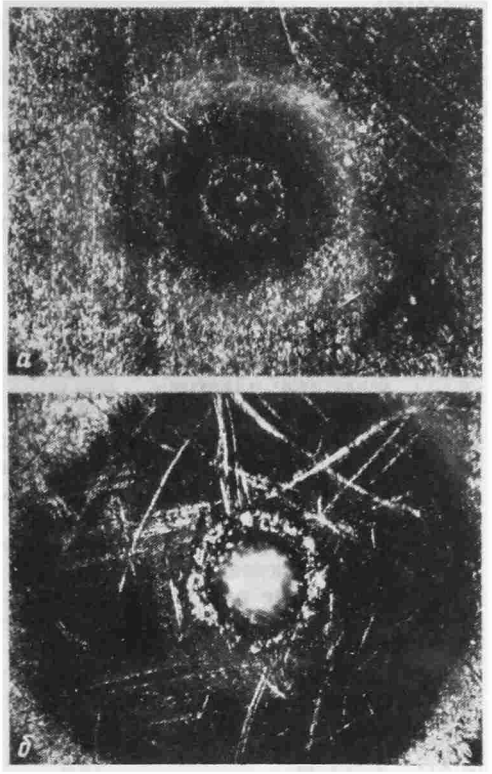


Рис. 4. Лазерные кратеры в серебре. *а* — режим модулированной добротности; *б* — режим «умеренно» модулированной добротности

искрового разряда (без разрушения образца), который происходил между платиновыми электродами в атмосфере углекислого газа (для устранения фоновых полос молекулярных спектров).

Частично археологический материал апробировался методом эмиссионного спектрального анализа (в основном крупные детали) При этом испарение вещества, отобранного высверливанием стружки из образцов в количестве 15 мг,

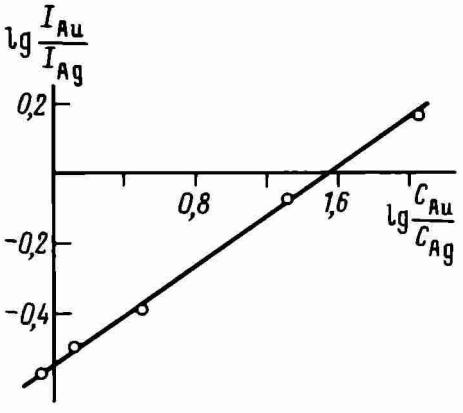


Рис. 5 Градуировочный график для количественного определения содержаний золота

производилось из кратера угольного электрода в плазме дуги переменного тока. Контрольные анализы отдельных золотых и серебряных изделий выполнены рентгеноспектральным методом на микрозонде Superprobe-733 «JEOL» (Япония) и в пределах допустимых погрешностей совпали с данными вышеприведенных анализов (расхождения не превышали половины порядка).

Полученные значения концентраций золота и серебра использованы для расчета пробности каждого проанализированного предмета (П) Пробность является важным геохимическим свойством золота (серебра) и широко используется для решения различного рода задач

$$П = C(Au) / (C(Au) + C(Ag)) \cdot 1000 \qquad [6]$$

где C(Au) и C(Ag) — концентрация золота и серебра в образцах (вес. %)

Химический состав древнего золота из Иссыкского кургана (лазерный микроспектральный и эмиссионный спектральный анализы)

№ п/п	Предмет	Содержание элементов, %				
		Au	Ag	Cu	Sn	Pb
	Семиречье, курган Иссык.					
1	Барс на горе. Бляха	72,49	22,15	3,8	0,001	0,001
2	Лошадь. Бляха	74,26	23,24	1,2	0,001	0,001
3	Барс (одиночный). Бляха	72,99	23,70	1,1	0,03	0,001
4	Фигурные пластины	73,62	22,83	2,8	0,03	0,01
5	Барс на горе (мелкий). Бляха	71,00	28,69	0,3	0,004	0,001
6	Птица на дереве и на горе. Пластина	73,81	24,56	0,3	0,001	Сл.
7	Кони рогатые и крылатые. Пластина	70,43	24,60	2,3	0,006	0,01
8	Диадема. Пластина с растительным орнаментом	78,45	18,80	0,4	0,001	0,002
9	Украшение геометрической формы. Пластина	74,41	25,21	0,2	0,01	0,002
10	Архар. Скульптурка	66,73	27,37	5,8	0,004	0,001
11	Украшение в виде клюва птицы. Пластина	66,87	30,54	0,5	0,01	0,001
12	Стреловидные украшения. Пластина	68,81	29,09	0,8	0,01	0,001
13	Козел. Бляха	82,45	16,15	0,1	—	—
14	Гривна. Концы-головы тигров	77,58	21,18	0,3	—	—
15	Пантера. Распределитель ремня	87,88	12,05	0,08	0,004	0,008
16	Голова лося. Поясная бляха	70,48	23,02	5,1	0,01	0,008
17	Олень. Поясная бляха	78,82	18,22	1,6	0,005	Сл.
18	Лось. Накладка на ножны кинжала.	69,57	30,15	0,4	0,002	0,001
19	Лошадь. Накладка на ножны кинжала	69,66	29,05	0,6	0,007	Сл.
20	Составные бляшки	80,01	18,16	0,2	0,005	—
21	Серьга с подвесками и бирюзой	82,32	15,86	0,6	0,04	0,001
22	Головы львов. Бляха	67,18	30,83	0,1	0,003	—
23	Перстень с изображением головы человека	84,12	9,27	6,3	0,2	0,05
24	Перстень с зеркальным щитком	81,02	10,92	7,8	0,007	0,002
25	Лунообразные бляшки	67,31	31,38	0,1	0,008	0,008
26	Стреловидные бляшки	66,82	33,19	0,3	0,002	Сл.
27	Прямоугольные (узкие) бляшки	73,01	25,78	0,2	0,001	0,004
28	Квадратные бляшки	77,07	22,35	0,1	0,001	Сл.
29	Ромбовидные бляшки	78,07	20,70	0,08	0,003	—
30	Прямоугольные бляшки	72,33	25,82	0,2	0,003	—
31	Трилистники. Бляшки	71,41	28,47	0,1	0,003	0,001
32	Головы тигров с горизонт. планки. Бляхи	66,74	26,73	3,7	0,002	Сл.
33	Головы тигров с вертик. планки. Бляхи	69,65	26,6	2,8	0,006	0,001
	Серебряные предметы					
34	Чаша с орнаментом	0,8	88,62	6,7	0,004	2,0
35	Чаша малая с надписью	0,3	94,44	3,8	Сл.	0,5
36	Ложка, оканчивающаяся клювом птицы	2,7	90,83	5,6	0,02	0,7

Химический состав древнего золота из разных памятников Казахстана (лазерный микроспектральный и эмиссионный спектральный анализы)

№ п/п	Памятник	Датировка	Предмет	Содержание элементов, %				
				Au	Ag	Cu	Sn	Pb
			Семиречье					
1	Бесшатыр	V—IV вв. до н. э.	Подвеска	78,18	17,58	3,4	0,002	0,002
2	Иссыкский могильник	IV—I вв. до н. э.	Серьга	74,63	25,10	0,1	0,003	0,01
3	»		Подвеска с зернью	65,77	29,33	2,5	0,4	Сл.
4			Бляха ременная	56,46	40,12	3,7	0,3	0,1

Таблица 1

Содержание элементов, %									
Zn	Pt	Hg	Fe	Ti	Mg	Si	Al	Сумма	Пробность
Костюм воина в золотой одежде (V—IV вв. до н. э.)									
—	—	—	Сл.	Сл.	Сл.	0,008	0,002	98,56	744,7
0,005	0,004	0,004	0,002	0,001	0,001	0,02	0,004	98,74	765,6
—	—	—	0,001	Сл.	—	0,05	—	98,82	746,9
0,002	0,001	0,001	0,008	0,001	0,01	0,008	0,003	99,33	764,5
0,002	Сл.	0,003	0,005	0,002	0,003	0,009	0,004	100,02	719,9
—	—	—	0,004	Сл.	0,009	0,006	—	98,74	750,3
—	0,001	0,001	0,03	—	0,008	0,5	—	97,88	738,9
0,003	—	0,003	Сл.	Сл.	0,005	0,009	—	97,67	807,2
0,005	Сл.	0,007	0,002	»	0,007	0,01	—	99,86	747,6
—	—	0,006	0,002	»	0,005	0,004	0,001	99,93	709,9
0,005	Сл.	0,004	0,004	0,003	0,004	0,02	0,003	97,96	686,55
0,004	0,001	0,001	0,03	—	0,03	0,03	Сл.	99,81	695,1
0,07	0,003	0,02	0,002	0,003	0,02	0,3	0,001	99,12	836,2
—	—	0,008	0,005	0,001	0,01	0,4	0,005	99,49	782,2
—	0,002	Сл.	0,004	—	0,02	0,005	0,004	100,08	879,9
—	0,006	0,01	0,05	Сл.	0,01	0,04	—	98,73	857,9
0,004	—	0,001	0,02	—	0,007	0,005	0,003	98,07	812,4
0,002	—	0,001	0,008	0,004	0,007	0,04	—	100,18	695,7
—	0,005	—	Сл.	—	0,004	0,01	—	99,34	710,8
Сл.	—	0,03	0,04	0,003	—	0,005	—	98,45	815,6
—	Сл.	—	0,05	0,05	0,03	0,1	Сл.	99,26	837,9
—	0,001	—	Сл.	—	0,001	0,008	»	98,12	685,6
Сл.	0,003	0,001	0,03	0,003	0,07	0,1	0,03	100,18	902,64
—	0,003	0,001	0,03	0,003	0,02	Сл.	0,02	99,83	884,77
—	Сл.	—	0,006	0,001	0,001	0,001	0,03	98,84	682,0
—	—	0,01	0,005	—	0,002	Сл.	0,001	100,33	664,7
—	0,003	Сл.	0,006	—	0,007	—	0,005	99,02	745,1
0,03	0,001	—	0,005	0,004	0,002	Сл.	0,001	99,56	725,1
0,02	0,002	—	0,01	—	0,009	0,005	0,02	98,92	790,4
0,005	0,001	Сл.	0,01	Сл.	0,002	Сл.	0,01	98,38	736,9
0,004	—	—	0,01	0,003	0,006	0,002	0,001	100,01	715,7
0,03	0,001	—	0,004	0,06	Сл.	0,5	0,1	97,91	711,22
—	Сл.	Сл.	0,02	Сл.	—	0,004	0,001	99,08	725,5
Серебряные предметы									
0,03	—	0,002	0,001	—	0,002	0,007	0,02	98,19	991,0
0,05	—	0,003	0,01	—	0,01	0,007	0,008	99,12	996,8
0,05	—	0,002	0,006	—	0,005	0,008	0,005	99,93	971,2

Таблица 2

Содержание элементов, %									
Zn	Pt	Hg	Fe	Ti	Mg	Si	Al	Сумма	Пробность
Семиречье									
0,005	Сл.	0,002	0,03	0,004	0,007	0,005	0,006	99,22	813,02
0,01	0,001	0,008	0,007	0,003	0,02	0,005	0,005	99,89	748,4
—	0,001	—	0,03	—	0,06	0,1	Сл.	98,19	691,7
	0,002	—	0,004	Сл.	0,04	0,003		100,73	583,9

№ п/п	Памятник	Датировка	Предмет	Содержание элементов, %				
				Au	Ag	Cu	Sn	Pb
5			Бляха в виде трилистника	69,94	27,11	0,1	0,002	—
6	Могильник у совхоза Панфиловский	IV—III вв. до н. э.	Бляшка с гофрированным орнаментом	87,34	12,91	0,5	Сл.	—
7	»		Бляшка нашивная фигурная	56,62	29,97	10,8	2,3	0,004
8	Сары-Булак	IV—I вв. до н. э.	Серьга с цепочкой	63,35	31,89	5,2	0,004	0,001
9	»		Серьга с подвеской	62,33	35,66	1,3	0,001	—
10	Коктума	»	Кольцо	66,78	28,70	2,2	0,3	0,002
11	Могильник Талгар	II—I вв. до н. э.	Бляшка в виде ласточки	66,58	33,20	0,1	0,002	—
12	»	»	Пронизка	71,75	27,34	0,2	0,004	0,002
13	»		Бляшка с мотивом розетки	67,77	28,29	2,2	Сл.	—
14			Бляшка нашивная фигурная	68,31	24,33	6,4	0,07	0,003
15			Бляшка круглая с изображением	74,01	23,06	1,7	0,002	Сл.
16	Курган Тенгелик Талды-Курганская обл.	III—II вв. до н. э.	Булавка с навершием	70,30	28,21	0,6	0,001	0,002
17	»		Пластина с растительным мотивом	69,15	26,90	2,5	Сл.	0,001
18			Бляшка с изображением всадника	78,61	18,98	0,1	0,002	Сл.
19	Могильник Укули	II—III вв. до н. э.	Серьга	78,38	21,02	0,5	0,009	0,001
20	»		Бляха	58,09	40,86	0,1	0,005	0,001
21	Могильник Кзыл-Кайнар	III—V вв. н. э.	Обкладка птицы	68,61	30,77	0,7	0,003	—
22	»		Подвеска	67,36	14,42	16,6	0,1	0,3
23	»		Пронизка-обоймочка	76,37	23,21	0,2	0,005	—
24			Обкладка (лошадь)	69,16	29,36	0,03	0,002	—
			Центральный Казахстан					
25	Аксу-Аюлы	XIV—XII вв. до н. э.	Височное кольцо	69,75	21,91	4,6	0,002	0,006
26	Айбас-Дарасы	»	Браслет	70,71	10,46	7,8	0,5	0,004
27	Могильник Жиланды	VII—III вв. до н. э.	Серьга	80,06	11,86	8,2	0,04	0,001
28	»		Спираль листовая	72,31	25,33	0,06	0,003	—
29			Серьга с бирюзой	66,56	28,06	3,7	—	—
30	Могильник Кара-Мурун		Бусина круглая	68,78	30,57	0,2	0,004	0,002
31	Могильник Котан-Эмель		Подвеска с орнаментом	86,33	7,26	4,5	0,6	0,009

Таблица 2 (продолжение)

Содержание элементов, %									
Zn	Pt	Hg	Fe	Ti	Mg	Si	Al	Сумма	Пробность
0,004	—	—	0,001	0,006	0,004	0,008		97,17	713,6
0,007	0,001	0,002	0,002	—	0,005	0,008		100,77	871,2
—	0,001	Сл.	0,001	—	0,1	0,005	0,01	99,81	637,6
0,003	0,002	0,001	0,01	0,003	0,004	0,1	Сл.	100,57	666,8
0,002	—	0,002	0,008	0,003	—	0,003		99,31	636,1
0,003	0,001	—	0,005	0,003	0,01	0,005	0,006	98,01	697,8
0,06	0,001	—	0,06	0,006	0,003	0,02	0,02	100,05	666,9
Сл.	0,001	0,03	0,003	0,01	0,009	0,004	0,003	99,16	725,5
0,007	0,003	0,02	0,005	Сл.	0,008	0,003	0,008	98,31	706,0
—	0,002	0,001	0,01	—	0,003	0,1	—	99,23	737,4
Сл.	0,002	Сл.	0,005	Сл.	0,03	0,04	0,003	98,85	762,4
0,003	0,001	0,003	0,001	0,001	0,004	0,005	0,003	99,13	724,8
0,01	—	—	0,003	0,002	0,02	0,3	0,005	98,89	720,4
—	—	—	0,003	Сл.	0,01	—	—	97,70	805,4
—	0,001	—	0,1	—	0,1	0,002	0,001	100,31	791,8
Сл.	Сл.	—	0,003	0,01	0,01	—	0,001	99,08	587,4
0,002	0,0002	—	0,005	0,002	0,01	0,004	0,003	100,11	690,4
0,005	—	—	0,003	0,003	0,005	0,02	0,001	98,82	822,8
—	—	0,001	0,006	—	0,04	0,003	0,04	99,88	768,0
—	—	0,002	—	0,007	—	—	0,005	98,57	702,9
Центральный Казахстан									
0,01	0,001	—	0,008	0,01	0,02	2,3	0,04	98,66	742,1
—	—	Сл.	0,001	—	0,007	0,01	0,002	99,08	873,0
Сл.	0,001	—	0,001	0,008	0,007	—	0,008	100,19	870,9
0,004	0,007	0,001	0,003	0,005	0,008	0,004	0,005	97,74	740,6
0,003	0,001	0,001	0,02	0,005	0,01	—	0,02	98,38	705,8
—	—	—	0,003	—	0,006	0,006	0,003	99,57	694,8
—	0,001	—	0,01	—	0,1	0,2	0,005	99,01	905,6

№ п/п	Памятник	Датировка	Предмет	Содержание элементов, %				
				Au	Ag	Cu	Sn	Pb
32	Могильник Тасмола		Бляшка в виде головы тигра	78,76	19,8	0,1	0,001	—
			Северный Казахстан					
33	Могильник Бесоба	V—IV вв.	Серьга с цепочкой и шариком	53,21	45,85	0,4	0,5	0,005
34	»		Пронизка фигурная	58,91	36,28	3,2	0,3	0,4
35			Подвеска гиревидная	69,44	26,65	3,6	0,2	0,007
36	Могильник Сынтас		Серьга с зернью	78,23	20,32	0,2	0,004	0,005

Результаты анализов содержат все сведения о химическом составе археологических находок (табл. 1, 2). Определены в процентах концентрации золота, серебра и примесных элементов. Сумма всех составляющих компонентов приведена к 100%, в последней графе выведена пробность. Табличные данные характеризуют изделия, показанные на рис. 1 и 2. В целом проанализирован значительно больший материал (212 образцов). Чтобы не перегружать статью цифровыми данными, распределение пробности и элементов-примесей в золоте для полного масштаба исследования представлено на частотных гистограммах (рис. 6, 7)

Анализы показали, что образцы неоднородны, отмечены значительные вариации по химическому составу (содержание золота колеблется от 53 до 97%) и пробности. Установлены элементы-спутники золота — серебро (5—35%) и медь (9,05—15%). Реже встречаются олово, свинец, цинк, ртуть, платина, титан, висмут, никель, кобальт, сурьма, мышьяк, в отдельных случаях обнаружен барий, бериллий, марганец, хром. Во всех образцах присутствуют в незначительных количествах кремний, кальций, магний. Серебро показало стабильные значения (88—94% Ag), в серебряных изделиях зафиксированы золото (0,3—2,7%), медь (3,8—6,7%), свинец (0,5—2,0%) и в незначительных количествах другие металлы (рис. 8). Следует отметить, что изучаемый материал был неравнозначен в количественном отношении — из одних памятников анализам подвергались большие коллекции, из других — образцы единичных находок. Поэтому было трудно установить четкие закономерности в поведении индикаторных элементов-примесей по областям местонахождения памятников и во временной последовательности.

Согласно частотным гистограммам распределения пробности золота (рис. 6) выявлено, что доля особо высокопробного золота (910—970) составила 9%, высокопробного (800—880) — 36, низкопробного (537—697) — 13%. Наибольшая встречаемость (43%) приходилась на интервал 720—810. В целом большинство археологических предметов (88%) отнесено к категории высокопробных с преобладающими значениями в области 750—830; для серебра характерны максимально высокие пробы — 990.

Сопоставление полученных аналитических данных с геохимией золота позволило решить некоторые вопросы исследования. Во-первых, присутствие в археологических образцах «неблагородных примесей» — Fe, Pb, Sn, Bi и др. можно объяснить длительным воздействием на природное золото, являющееся минералом гидротермального происхождения, гидротермальных растворов и поверхностных вод в местах его нахождения. Во-вторых, выявленные значительные колебания пробности изделий отражают естественную микронеоднородность природного золота. В-третьих, состав проанализированных образцов согласуется с геохимическими характеристиками самородного золота, для которого типичны постоянно высокие содержания серебра (до 50—53%),

Таблица (окончание)

Содержание элементов, %									
Zn	Pt	Hg	Fe	Ti	Mg	Si	Al	Сумма	Пробность
—	—	0,001	Сл.	0,001	0,003	0,3	Сл.	98,97	796,7
				Северный Казахстан					
0,003	—	0,002	0,2	—	0,03	0,002	0,008	100,21	537,5
—	Сл.	—	—	—	0,02	0,02	0,001	99,13	619,5
0,005	—	0,003	0,001	—	0,005	0,01	0,003	98,92	730,6
—	—	0,001	0,006	—	—	0,003	0,01	98,78	794,1

меди (9—20%) и незначительные примеси других элементов: олова, свинца, железа, платины [7]. Кроме того, в пользу предположения об изготовлении археологических образцов из самородков золота говорит факт низкого содержания ртути и щелочных металлов (Na, K, Li), которыми могло «загрязняться» золото при технологической переработке (амальгамации, цианировании).

Добыча золота, по свидетельству исторических материалов, производилась во многих районах СССР начиная с III тыс. до н. э. К древнейшим золотодобывающим центрам относилось Закавказье (III тыс. до н. э.), следы древних работ обнаружены также и на месторождениях Алтая, Урала, Сибири и Средней Азии (конец III — середина II тыс. до н. э.) [8, 9]

В Казахстане С. С. Черниковым обследованы древние горные работы на золото в районе г. Степняк (Северный Казахстан) [10] и синхронные на олово, медь и золото в Нарымском и Калбинском хребтах (Восточный Казахстан) [11] Указанные памятники горного дела датированы андроновским периодом эпохи бронзы на базе большого археологического материала, собран-

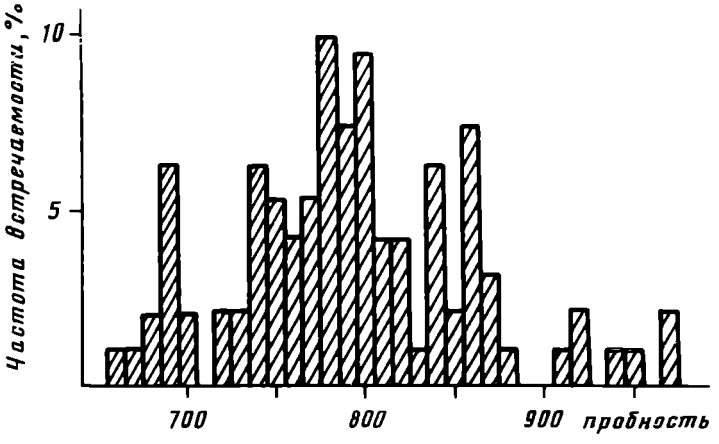


Рис. 6. Гистограмма распределения пробности золота

ного с выработок и поселений рудокопов (остатки керамики, бронзовые изделия, орудия труда из камня, бронзы, кости) [10, с. 22] По определению автора [10, с. 15, 28], громадные древние выработки Степняка — результат многовековых работ (не менее 500 лет) «небольших родовых коллективов, постепенно вырабатывающих мощные золотоносные жилы». Размеры выработок достигали иногда сотни метров в длину и 30 м в глубину.

Древние выработки (в районе Степняка) зафиксированы на всех крупных золотоносных месторождениях (Бестюбе, Джеламбет, Майкаин и др.), большинство из которых впоследствии уничтожены старательскими работами [12, с. 19, 20] Наряду с открытыми разрезами велись и подземные работы — тогда

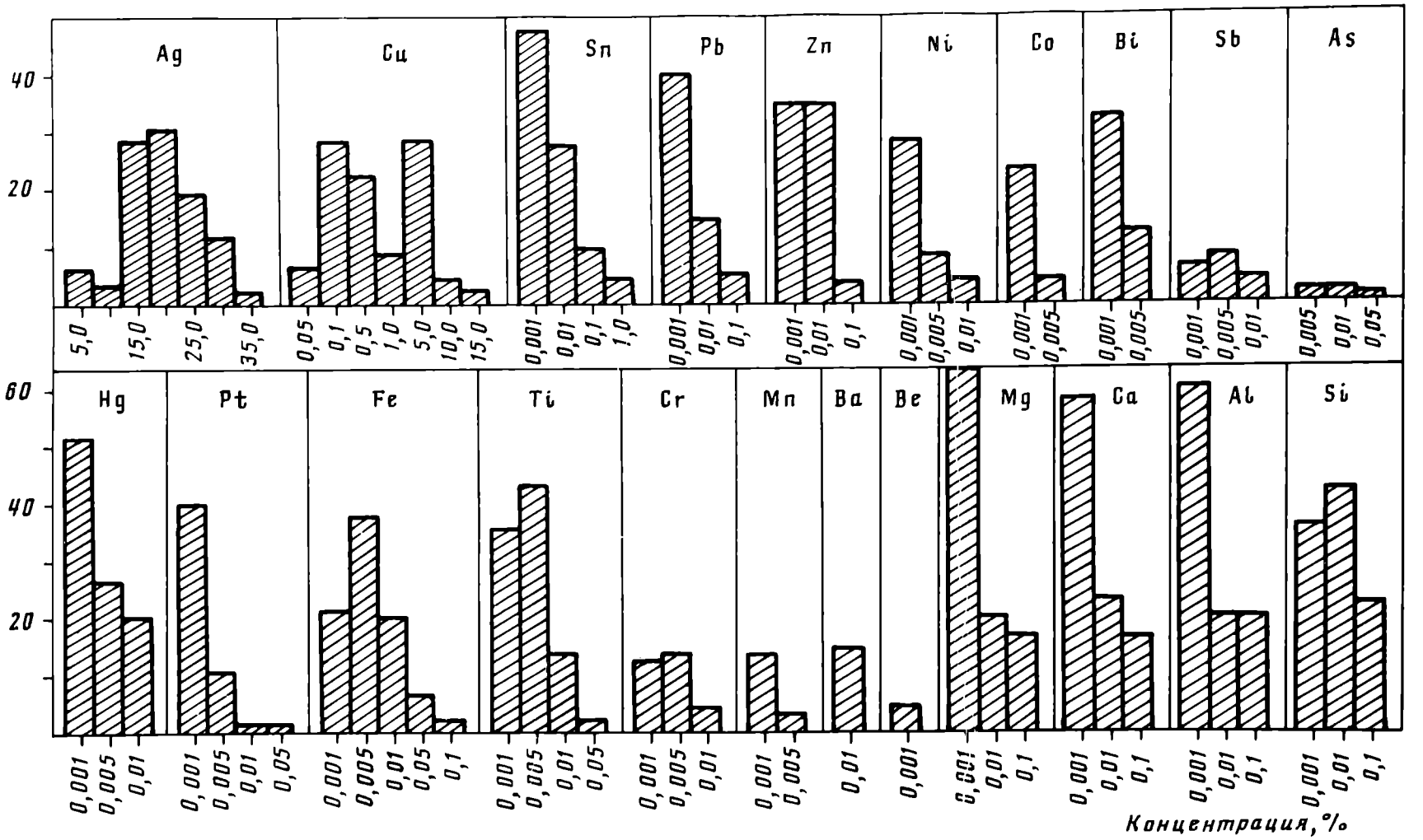


Рис. 7 Гистограмма распределения элементов-примесей в золоте

выработки имели форму дудок, рассечек, подбоев, уклонок и пр. Даны описания техники проходки, объема выработанных руд, производительности труда древних рудокопов, методов переработки золотосодержащих руд (дробление, промывка и т. д.), характеристик собранных орудий производства. Золото, добываемое в Степняке, удовлетворяло нужды не только местного населения, но и шло на обмен с соседними племенами [12, с. 28] В Центральном Казахстане и Семиречье также обнаружены следы «чудских» разработок в виде разносов, закопушек, уклонок, шурфов и пр. Добыча благородных металлов проводилась в Тургайском и Улутатауском районах, на северо-восточном побережье оз. Балхаш, в горах Джунгарского Алатау [2, 8]

Широкие исследования, проведенные геологической службой Казахстана, выявили богатство этого региона на проявления золота и серебра. Они приурочены к разнообразным геологическим структурам, локализованы в разных по возрасту (протерозой — триас), составу и происхождению рудовмещающих породах. В Семиречье и Южной Джунгарии разработки золота имели по геологическим данным «тысячелетний возраст», что подтверждается отдельными находками орудий труда и золотых изделий. В частности, одна из выработок

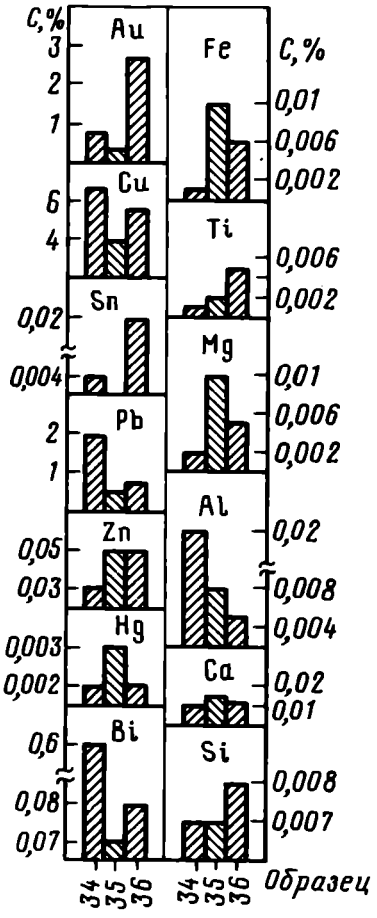


Рис. 8. Химический состав серебряных изделий из кургана Иссык

имела длину 80, ширину 7 и глубину 1,5 м. В обрамляющих Алакульскую впадину (богатую разнообразными археологическими памятниками) Тарбагатайском, Северо-Джунгарском, Кетменском и других горных районах (Южный Казахстан) также известны рудопроявления золота, на которых в широких масштабах производилась его добыча в древности. Этим, видимо, и обусловлено обилие на указанной территории памятников с золотыми захоронениями.

На основании историко-технологических данных исследователи говорили о местном производстве многочисленных украшений из драгоценных металлов, обнаруженных в памятниках Казахстана, отмечая при этом самобытность

искусства древних мастеров-ювелиров [4] Полученный нами материал подтверждает вышеотмеченное высказывание. Большая часть изученных находок имеет общие (в региональном плане) индикаторные элементы-примеси. На основании аналитических и геохимических параметров археологического материала сделан вывод об использовании для их изготовления сырьевых источников различных мест добычи золота, но принадлежащих единому Казахстанскому региону. Отдельные находки золотых изделий, содержащие редко встречающиеся примеси (Co, Sb, As и др.), видимо, импортированы из других регионов [1]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М.: Искусство, 1978.
2. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
3. *Акишев К. А.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1983.
4. *Маргулан А. Х.* Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Онер, 1986.
5. *Марзуванов В. Л.* Локальный спектральный анализ минералов. Алма-Ата: Наука, 1969.
6. *Петровская Н. В.* Самородное золото. М.: Наука, 1973.
7. *Годовиков А. А.* Минералогия. М.: Недра, 1975.
8. *Данилевский В. В.* Русское золото. М.: Гос. науч.-техн. изд-во лит. по черной и цветной металлургии, 1959.
9. *Максимов М. М.* Очерк о золоте. М.: Недра, 1977.
10. *Черников С. С.* Древнее горное дело в районе г. Степняк // Изв. АН КазССР. Сер. археол. Вып. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948.
11. *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949.
12. *Марфунин А. С.* История золота. М.: Недра, 1987.

E. F. KUZNETSOVA, S. Sh. MADINA

STUDIES OF THE EARLIEST GOLD OBJECTS IN KAZAKHSTAN

Summary

The authors describe the physical and chemical parametres of gold and silver samples found in Kazakhstan in great numbers and the analythical methods they used. They also cites archaeological and geological sources that describe gold mining and the manifestations of gold ores in the region. They also determined the correlation between gold and silver and admixtures and the standards of finess. They also looked at the origins of gold and silver finds and the quality of the mineral raw materials.

[1] Авторы выражают искреннюю признательность кандидату геолого-минералогических наук Б. М. Руденко за ценные замечания при обсуждении работы.

С. И. АНДРУХ, С. И. ЧЕРНОВ

НОВЫЕ СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДУНАЙ-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Одной из важнейших проблем современного скифоведения является необходимость решения целого комплекса вопросов, связанных с западными районами Скифии. История исследования и сводка скифских памятников в данном регионе приводятся в работах А. И. Мелюковой [1, 2], В. И. Ильинской и А. И. Тереножкина [3] и других ученых [4] Малочисленность археологических источников IV—III вв. до н. э. давала основания считать, что проникновение кочевого скифского населения на территорию Дунай-Днестровского междуречья было явлением эпизодическим [1, с. 76, 79; 5, с. 103, 115], а массовое присутствие скифов здесь связывалось с устремлениями Атея на Балканы в период, непосредственно предшествующий скифо-македонскому конфликту. Однако работы последних лет, давшие большое количество материала, датирующегося как концом V, так и IV—III вв. до н. э. [5—9], позволяют подвергнуть сомнению тезис о проходившей по Днестру границе скифов [1] и включить регион Нижнего Подунавья в ареал постоянного обитания скифских племен. Более того, исследованиями румынских археологов на Брэильской равнине, примыкающей с севера к Дунаю, выявлены скифские погребальные комплексы V и IV—III вв. до н. э., что со всей определенностью свидетельствует о проникновении скифов на территорию к западу от Прута [10, с. 40—71; 11] Расширение западных границ Скифии, как и освоение новых территорий в целом, по-видимому, является закономерным и длительным результатом внутренних преобразований общества, связанных с процессами классообразования и сложения государственности, что в свою очередь ведет к активизации завоевательной политики [2, с. 240].

Преимущественное исследование археологических комплексов в зонах новостроек обусловило неравномерное изучение Дунай-Днестровского региона, в результате чего наиболее полно представлены памятники Поднестровья и Подунавья. Это привело к попыткам выделения локальных групп памятников: днестровской и нижнедунайской [6, с. 118; 12, с. 61]. Подобное членение не несет, на наш взгляд, никакой смысловой нагрузки, кроме указания местонахождения. Открытие в 1985 г. могильника у с. Дивизия [9, с. 417] наряду с уже известными в междуречье курганами предполагает рассмотрение всех памятников региона в едином комплексе с расположенными восточнее Днестра.

В данной работе будут рассмотрены новые скифские материалы, полученные исследованиями Измаильской и Дунай-Днестровской новостроечных археологических экспедиций ИА АН УССР. Территориально они подразделяются на две локальные группы, одна из которых дополняет комплекс памятников в Подунавье, другая — в междуречье Дуная и Днестра (рис. 1, *1*). Памятники представлены как могильниками, так и отдельными курганами или впускными подкурганными захоронениями, дающими богатый фактический материал для изучения скифской культуры и реконструкции исторической и политической ситуации в регионе.

В 1983—1984 гг. у с. Виноградовка, на водоразделе озер Ялпуг и Кагул,

© С. И. Андрух, С. И. Чернов, 1990 г.

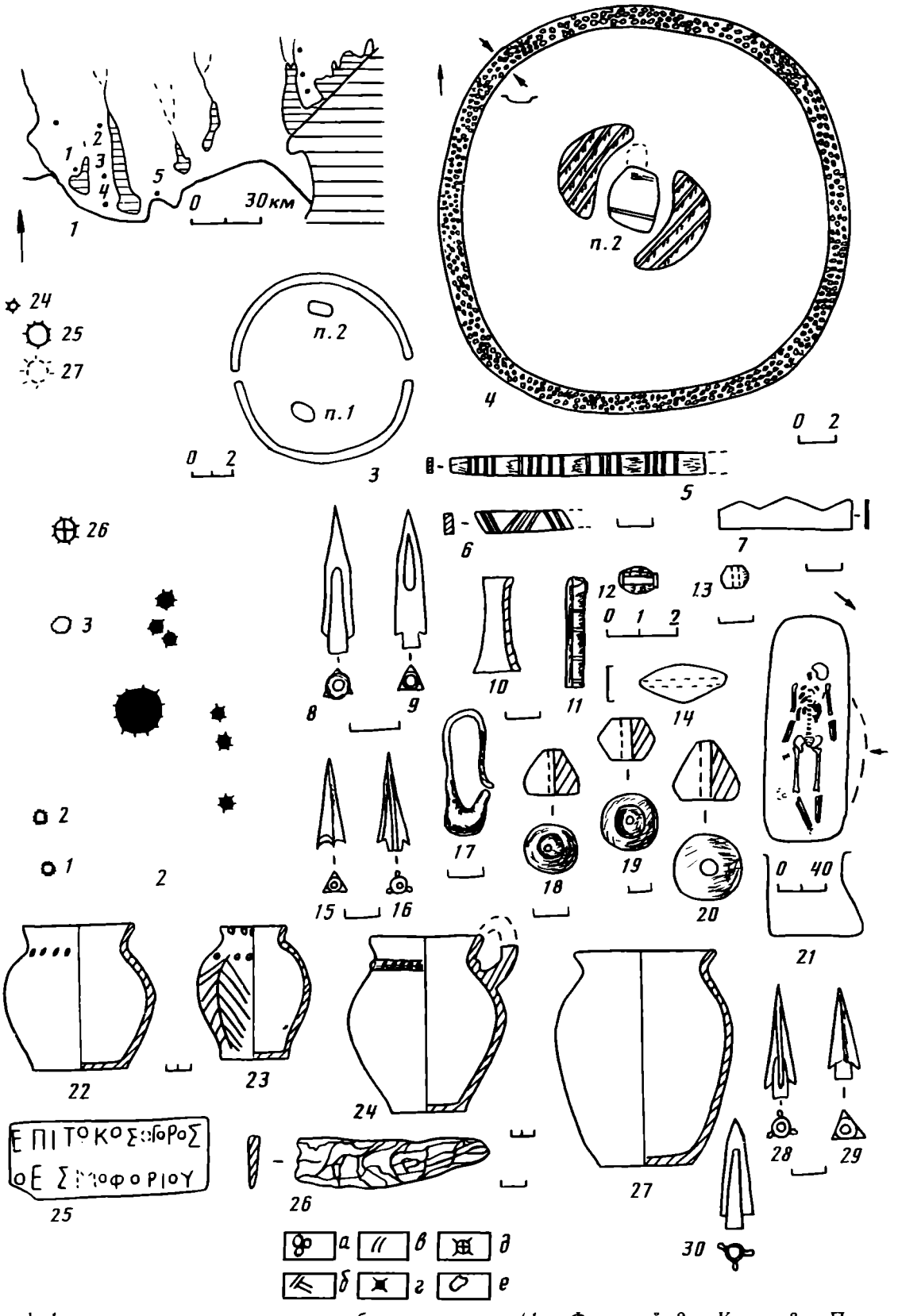


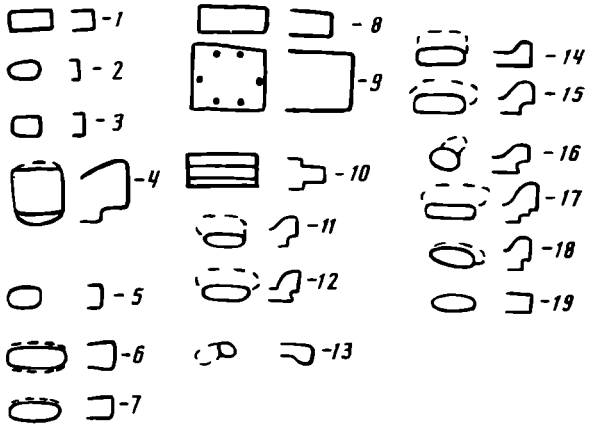
Рис. 1. *1* — карта рассматриваемых в работе памятников (*1* — Фрикацей; *2* — Курчи; *3* — Плавни; *4* — Градешка; *5* — Измаил; *6* — Белолесье; *7* — Траповка; *8* — Кочковатое); *2* — план могильника Курчи; *3, 4* — план курганов 24 и 25 могильника Курчи; *5—13* — инвентарь могилы кург. 25; *14—18, 26, 27, 30* — инвентарь могилы 2 кург. 27; *19, 20* — инвентарь могилы 3 кург. 27; *21* — план и разрез могилы 3 кург .27; *22—24* — керамика из могилы 1 кург. 24; *25* — клеймо из тризны; *28, 29* — инвентарь могилы 3 кург. 18; (*5, 6* — кость; *7—11, 15—17, 28—30* — бронза; *12* — золото; *13, 14* — стекло; *18* — свинец; *19, 20, 22—25, 27* — керамика; *26* — железо). *а* — камни; *б* — материковый выброс; *в* — ров; *г* — неисследованные насыпи; *д* — курган бронзового века с впускным скифским погребением; *е* — тризны

Таблица 1

Погребальные сооружения

Наименование пункта		Высота, диаметр насыпи	Диаметр рва	Тип погребения	Основное	Размеры входной ямы	Размеры погребальной камеры	Поза костяка	Ориентация	Примечание
Курчи	18/3	0,35; 22	13	1	+	2,2×1×0,7	2,2×1×0,7	Вытянут	Запад	Тризна
	24/1	0,1 15	10,5	2	+	1,1×0,9×0,15	1,1×0,9×0,15	»	»	»
	24/2	0,1 15	10,5	3		1,2×0,6×0,2	1,2×0,6×0,2	»	»	»
	25/2	0,2 40	23	4	+	2,5×0,8×1,1	2,5×2,3×2,15	»	»	Подстилка, тризна, кромлех?
	26/1	— —	—		—	—	—			—
	27/1	— 15	—	5	+	1,2×0,5×0,2	1,2×0,5×0,2			Тризна
	27/2	— 15	—	6	+	2,15×0,7×0,8	2,15×1,2×0,8			»
	27/3	— 15	—	7	+	1,9×0,7×0,7	1,9×0,8×0,7			»
Измаил	—	— —	—		—	—	—			—
Плавни	27/1	0,5 30	24	8	+	2,7×1,7×2,1	2,7×1,7×2,1	—	—	Тризна
	28/2	1,3 40	34	9	+	3,2×3×3,2	3,2×3×3,2	—	—	» Деревянное перекрытие
Фрикацей	5/1	0,1; 20	17	10	+	2,9×2,2×0,6	2,9×1,2×1,7	—	—	Тризна
Градешка	4/1,4	— —	—	11	—	2×0,55×0,9	2,15×0,9×1,2	Вытянут	Запад	»
	5/1,6	— —	—	12	—	2,2×0,7×1,65	2,8×1×1,9	»	»	Деревянное перекрытие
Траповка	12/1	0,6 23	—	13	+	0,9×0,9×2,15	1,7×1,2×2,15	—	—	—
Белолесье	1/11	— —	—		—	—	—	Скорчен	Восток	
Кочковатое	26/1	0,5 16	—	14	+	2,5×1×1,6	2,5×0,8×1,7	—	—	—
	38/1	0,6 28	—	15	+	2,4×0,9×2,25	2,95×1,2×2,6	Вытянут	Запад	—
	48/1	0,5 33	19	16	+	1,6×1,45×1,9	1×0,75×2,2	—	—	Тризна, кромлех
	48/2	0,5 33	19	17	+	2,6×1×2	3,35×2×3	Вытянут	Запад	
	48/3	0,5 33	19	18	+	1,9×0,4×0,25	2,2×1,1×0,55	»	Восток	Подстилка
	48/4	0,5 33	19	19	+	1,8×0,8×0,7	1,8×0,8×0,7	—	—	

Примечание. Типы погребений (1—19) см. в приложении к табл. 1.



были исследованы два скифских могильника. Рассматриваемый здесь могильник (1984 г.) получил название Курчи. К нему относились четыре кургана, содержавшие семь погребений, одно впускное в курган эпохи бронзы захоронение и четыре тризны, расположенные в непосредственной близости от них (рис. 1, *2*). Объединение погребений в кург. 27 условно: на поверхности поля слабо прослеживались два пятна, сливавшиеся друг с другом и визуально неразделимые.

Вероятно, здесь представлены два, не исключено и три, самостоятельных комплекса, без насыпи над ними. Курган 18 и примыкавшая к нему тризна (кург. 19) располагались в 1 км к юго-западу от остальной группы и, возможно, являлись обособленным комплексом.

Насыпи курганов выделялись на фоне пахоты светлыми пятнами, и только два из них (18 и 25) прослеживались в рельефе на высоту 0,35 и 0,2 м соответственно (см. табл. 1). Применение камня при сооружении насыпи отмечено только в кург. 25. К моменту исследования весь камень сполз в ров. Все насыпи, исключая кург. 27, окружены рвами диаметром от 10,5 до 23 м, овальной или прямоугольной формы в разрезе, глубиной 0,8—1 м от современной поверхности. Рвы прерывались с западной и восточной стороны (кроме рва в кург. 25). В заполнении рвов отмечены остатки тризны в виде обломков амфор и костей животных. Наиболее представительна тризна во рву кург. 18; здесь найдены лежавшие в анатомическом порядке скелеты лошади и быка. Под последним обнаружены скопление мелких камней и три ножки гераклейских амфор. В юго-западном секторе рва кург. 25 выявлены птичьи косточки.

Определенный интерес представляют так называемые тризны — светлые пятна диаметром до 15 м, при вскрытии которых в черноземном слое отмечены компактные скопления амфорного боя и невыразительных обломков лепных и гончарных сосудов. Скопления в плане овальной формы, вытянуты по линии север — юг, их размеры 2×1—6×3 м. По-видимому, после совершения тризны на данном месте возводилась небольшая насыпь из чернозема и суглинка, чем и объясняются различия в структуре почвы.

Погребальные сооружения представлены простыми ямами и катакомбой I типа, по классификации В. С. Ольховского [13, рис. 2] Простые ямы обнаружены в шести случаях. Они прямоугольной или подовальной формы, ориентированы в широтном направлении, иногда с небольшими отклонениями. Размеры их колеблются в пределах 1,2×0,5—2,2×1 м, глубина 0,2—0,9 м от уровня обнаружения. В большинстве случаев стенки погребений вертикальные. В двух захоронениях (27/2,3) [1] наблюдалось увеличение размеров могил ко дну на 0,1—0,5 м за счет расширения одной или двух продольных сторон ямы книзу (рис. 1, *21*).

Свидетельством наличия перекрытий над могилами являются каменные наброски над погр. 1 и 3 кург. 27 Наброска состояла из мелких необработанных камней и занимала пространство, гораздо большее, чем площадь погребальной ямы. Очевидно, камни были уложены после засыпки могилы землей и возвышались над древней поверхностью. Подобная черта погребального обряда отмечена и на Николаевском могильнике [14, с. 115, 124].

Катакомба выявлена в кург 25, погр. 2 (рис. 1, *4*), наиболее представительном для данного могильника. Входной колодец трапециевидной формы ориентирован с запада на восток. На глубине 1,1 м от уровня обнаружения контуров прослежена ступенька шириной 0,6 м, полого опускающаяся к погребальной камере, примыкавшей ко входному колодцу с севера. Дно камеры находилось на глубине 2,15 м от уровня обнаружения. Вдоль ступеньки прослежен ровик шириной 0,2 м, глубиной 0,15 м. Вход перекрывался закладом из необработанных камней, попавших в камеру в результате ограбления могилы.

Ограблению подверглись только два погребения (18/3 — сохранились фаланги пальцев ног; 25/2 — отсутствовали череп и часть костей туловища), что позволило представить цельную структуру погребального обряда.

Захоронения совершались по обряду трупоположения, вытянуто на спине, головой на запад, иногда с отклонениями. Как правило, погребенные лежали по центру ямы; если же могила была достаточно широкой — то у одной из стенок, чаще — у северной (25/2; 27/2).

Остатки жертвенной пищи обнаружены только в трех могилах (25/2 — бык

---

[1] Числитель — номер кургана, знаменатель — номер погребения.

и овца; 26/1 и 27/3 — мелкий рогатый скот), причем в двух последних они найдены соответственно у правой и левой руки погребенных, а в первом захоронении — в засыпке. Инвентарем сопровождались все погребения. В детских захоронениях найдены только лепные сосуды, положенные у западной стенки, за головой. Инвентарь взрослых погребенных, как правило, размещался справа от туловища, и только в погр. 1 кург. 26 два наконечника копий были положены справа выше черепа, острием вверх. Остатки подстилки под костяком отмечены в одном захоронении (25/2).

Из рассматриваемых погребений три относились к детским (24/1; 24/2; 27/1) и пять принадлежали взрослым особям. По определению С. П. Сегеды, погр. 2 кург. 25 является женским. По составу инвентаря можно полагать, что погр. 2 и 3 кург 27 были женскими, а погр. 3 кург. 18 и погр. 1 кург. 26 — мужскими.

Набор инвентаря традиционен для рядовых скифских памятников. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, копьями, обломками меча и бронзовых поясных пластинок (см. табл. 2).

Бронзовые наконечники стрел (22 экз.) относятся к отделам II и III, по классификации А. И. Мелюковой [15, табл. V], и включают в себя несколько типов (рис. 1, *8, 9, 15, 16, 28, 30*). Наиболее многочисленными являются наконечники II отдела. Среди них выделяются: 1) втульчатые трехлопастные с ложковидным углублением; концы лопастей обрезаны под острым углом ко втулке; высота 2—3,3 см, ширина 1 см — 5 экз. (рис. 1, *28*) (18/3, 27/2); 2) башнеобразные втульчатые; головка отделена от втулки П-образным углублением; лопасти обрезаны под прямым углом ко втулке, реже — под острым; высота 2,3—2,5 см, ширина 0,8 см — 7 экз. (рис. 1, *30*) (26/1; 27/2); 3) трехлопастные базисные; концы лопастей опущены вниз в виде шипов; высота 2,6—2,9 см, ширина 0,8 см — 3 экз. (рис. 1, *16*) (27/2). К III отделу относятся три наконечника. Они трехгранные базисные. Концы граней опущены вниз в виде шипов. Высота 2,7 см, ширина 0,7 см (рис. 1, *15*) (27/2). Подобные наконечники относятся к IV хронологической группе и датируются IV—III вв. до н. э. [15, с. 25—30].

Из этого круга выделяются четыре наконечника из погр. 2 кург. 25 (рис. 1, *8, 9*). Они башнеобразные со слабо выделенной втулкой, трехлопастные и трехгранные. Высота наконечников 2,9—3,1 см, ширина основания 0,5 см, т. е. отношение ширины основания к высоте равно 1:6, что резко выделяет их из комплекса аналогичных вещей.

Наконечники копий представлены двумя идентичными экземплярами, происходящими из погр. 1 кург. 26. Они относятся к отделу наконечников с «остролистным» пером и получают наибольшее распространение в IV—III вв. до н. э. [15, с. 40—42, табл. 14, *10*].

К предметам защитного вооружения относятся найденные в погр. 2 кург. 25 многочисленные фрагменты бронзовых пластинок трех видов: зубчатые, шириной 0,9 см (рис. 1, *7*); с загнутыми продольными сторонами, шириной 1,4 см; прямоугольные, шириной 0,4 см. На них пробиты небольшие отверстия. Пластинки являются составной частью портупейного бронзового чешуйчатого пояса. По своей форме они близки к пластинкам, найденным у Грищенцев и Пастырского [16, с. 61, рис. 31, *23*] По мнению А. П. Манцевич, портупейные пояса были широко распространены в Северном Причерноморье с середины V по III в. до н. э. [17, с. 27]. Пересматривая датировку бытования металлических поясов, Е. В. Черненко определяет более широкие хронологические рамки — с конца VII — начала VI до начала I в. до н. э. [18, с. 43, 45]. Следует отметить, что аналогичные пластинки были найдены в Ахтанизовском кладе [19, с. 56—58]. Автор публикации указывала на несомненную близость этого клада с Артюховским курганом, продатированным ею же впоследствии 140—125 гг. до н. э. [20, с. 9].

К защитным доспехам, возможно, принадлежат бронзовые ворворка (рис. 1,

Инвентарь погребений

Пункт	Оружие			Посуда		
	мечи	копья	стрелы	лепная	гончарная	амфоры
Курчи: 18/3	—	—	4	—	—	—
24/1	—	—	—	3	—	+
24/2	—	—	—	1	—	—
25/2	1	—	4	—	—	—
26/1	—	2	5	—	—	—
27/1	—	—	—	1	—	—
27/2	—	—	9	1	—	+
27/3	—	—	—	—	—	+
Измаил	—	—	9	+	—	4
Плавни: 27/1	—	3	—	—	—	—
28/2	—	—	—	—	1	3
Фрикацей: 5/1	—	—	1	—	—	—
Градешка: 4/1,4	—	1	31	—	—	—
5/1,6	—	2	47	—	—	—
Траповка: 12/1	—	—	—	—	—	—
Белолесье, 1/11	—	—	—	2	—	—
Кочковатое: 26/1	—	—	—	—	—	—
38/1	—	1	43	—	—	—
48/1	—	—	—	—	—	—
48/2	1	2	1	—	1	—
48/3	—	1	73	—	—	—
48/4	—	—	—	—	—	—

10) и стержень (застежка?), орнаментированный восемью горизонтальными насечками, расположенными в четыре ряда (рис. 1, *11*).

В этом же погребении (25/2) найдены фрагменты костяных пластинок шириной до 1 см, прямоугольных в сечении, украшенных горизонтальными, и косыми насечками (рис. 1, *5, 6*). Определить их назначение из-за ограбленности погребения затруднительно. Возможно, они применялись в обкладке колчана. Близкие изделия обнаружены в погр. 3 Хоминой Могилы [21, с. 234, рис. 37, *14*].

Лезвие ножа найдено в погр. 2 кург. 27 (рис. 1, *26*). В двух погребениях обнаружены пряслица: одно свинцовое (27/2) (рис. 1, *18*) и четыре глиняных (27/3 — располагались кучкой) (рис. 1, *19, 20*). Подобные находки широко распространены в скифских памятниках.

К предметам украшения относятся серьга, бусы, бисер, фрагмент зеркала. Серьга бронзовая, с изогнутой дужкой и туловом в виде стилизованной уточки (рис. 1, *17*). Основное количество подобных серег найдено в Поднепровье в памятниках IV—III вв. до н. э. [22, с. 31, табл. 4, *13*, 20, *25—27*].

Фрагмент бронзового зеркала (27/3) относится к типу зеркал, ручка которых крепится к диску заклепками, распространенных в IV—III вв. до н. э. [22, с. 35, тип 5, 6].

Бусы и бисер имелись в двух погребениях. В погр. 2 кург. 27 найдены три бусины из стеклопасты — две биконические и одна уплощенно-ромбическая (рис. 1, *14*). В погр. 2 кург 25 найдены небольшое количество бисера и бус из стеклопасты (рис. 1, *13*), две золотые бочонкообразные рубчатые бусины (рис. 1, *12*) и более 70 округлых бисеринок, изготовленных из двух сфер. Близкие аналогии золотым бусинам имеются в могильнике IV в. до н. э. Плавни I [6, с. 116, 117, рис. 3, *10*].

В этом же погребении найдены сера и реальгар. Подобные находки редки и обычно встречаются в женских захоронениях [23, с. 47, 63, 65, 67]. Согласно

Таблица 2

Украшения					Орудия труда		Примечание
зеркала	браслеты	кольца	серьги	бусы	ножи	пряслица	
—	—	—	—	—	—	—	Фрагменты железных изделий
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	80	—	—	Краска, бронзовая ворворка; поясные пластинки; застежка; костяные пластинки; к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	1	3	1	1	Бронзовая скоба
—	—	—	—	—	—	4	Фрагменты железных изделий, к. ж.
1	4	2	—	4	1	—	Боласы, точильный брусок; бронзовые колокольчики
—	—	—	—	—	1	—	Боласы; к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	к. ж.
—	—	—	—	1	—	1	Боласы; к. ж.
—	—	—	—	—	1	—	Вток; кости птицы
—	—	—	2	—	1	—	Вток, ворворка; к. ж.
+	—	—	—	—	1	—	к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	6	—	—	Бронзовый стержень; к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	Краска; к. ж.
1	—	—	—	2	1	1	Стригель; боласы; к. ж.
—	—	—	—	6	—	—	Вток; к. ж.
—	—	—	—	—	—	—	к. ж. кенотаф?

В. Г Петренко, сочетание краски с культовыми предметами может предполагать выполнение женщиной жреческих функций в обществе [22, с. 21] Помимо того, краска (реальгар) могла служить в очистительных целях или иметь только косметическую направленность [22, с. 17, 19] Сочетание здесь краски с наступательным и защитным вооружением, украшениями свидетельствует о захоронении зажиточной представительницы среды рядовых общинников, возможно, занимавшей высокое положение в своем коллективе.

Керамический комплекс могильника представлен лепной посудой (пять горшков и один кувшин) и двумя фрагментами красноглиняных амфор. Пять сосудов найдены в детских погребениях (24/1 — два горшка и один кувшин; 24/2 — один горшок; 27/1 — один горшок) и один в женском (27/2). Горшки из детских погребений представлены миниатюрными экземплярами, высота которых варьирует от 11 до 12,6 см, диаметр венчика — от 6 до 9,2 см, диаметр дна — от 6 до 7,6 см. Два из них украшены по горловине вертикальными и косыми вдавлениями (рис. 1, *22*). Согласно классификации Н. А. Гаврилюк, они относятся к первому варианту I типа лепной скифской посуды [24, с. 19, рис. 1, *2*]. Выделяется богатым декором горшочек из погр. 1 кург. 24 (рис. 1, *23*). По орнаментальным мотивам он весьма близок сосуду из погребения IV—III вв. до н. э. кург. 22 у Холодного Яра [21, с. 23, 95, табл. 8, *19*; 25, с. 115], украшенному по плечикам валиком с насечками, от которого отходят вниз небольшие прочерченные елочки. Своей формой он соответствует третьему варианту I типа лепных горшков [24, с. 19, рис. 1, *10*]. Горшок из погребения взрослого характеризуется бóльшими пропорциями. Его размеры: высота 20 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 8,2 см. Относится ко второму варианту I ти-

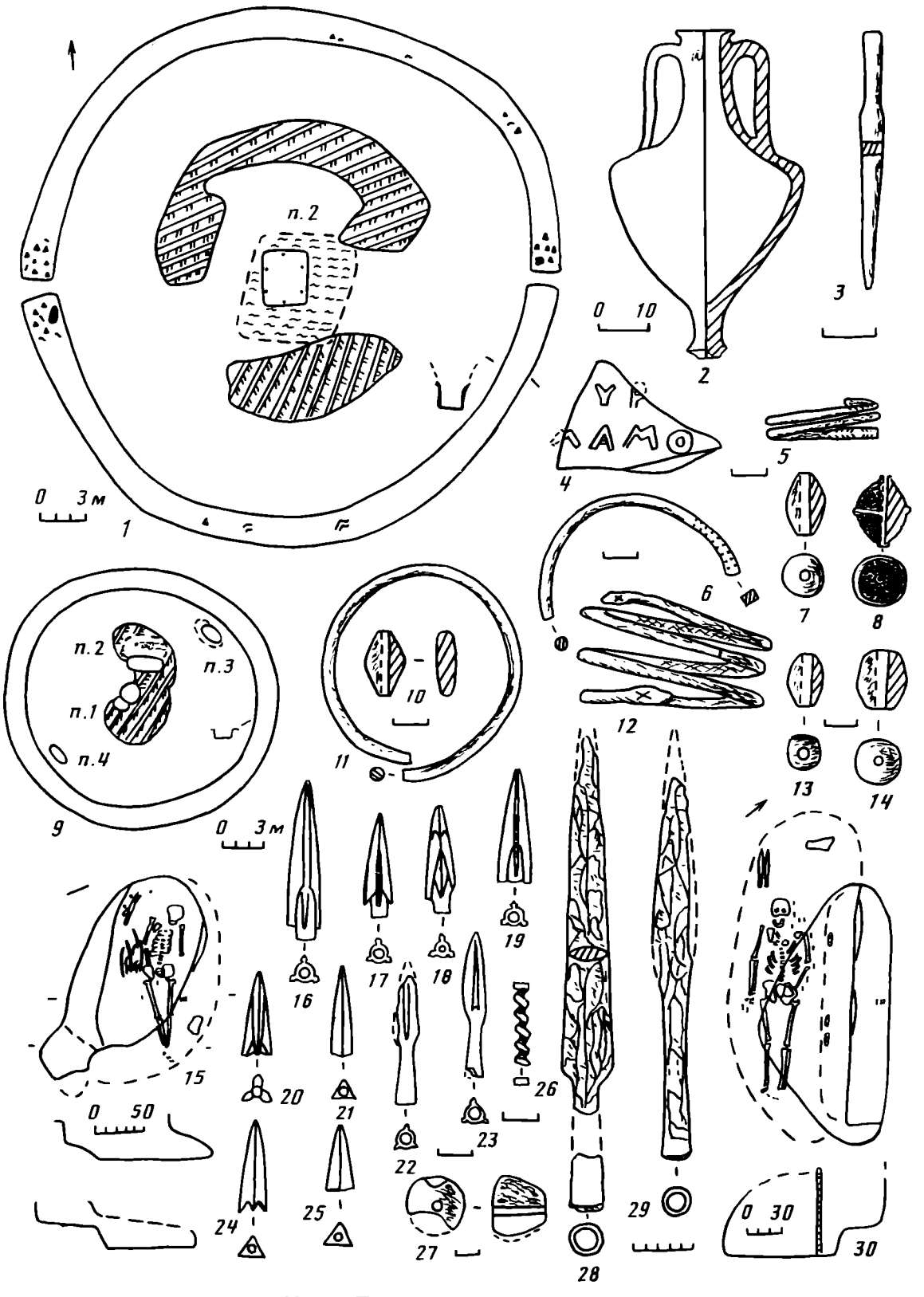


Рис. 2. *1* — общий план кург 28 у с. Плавни; *2, 3* — инвентарь могилы 2 кург. 28; *4* — обломок амфоры из рва кург 28; *5, 6, 10—12* — инвентарь погребений Измаильского могильника; *7, 8, 13, 14, 16—25* — инвентарь могилы 3 кург. 48 у с. Кочковатое; *9* — общий план кург. 48 у с. Кочковатое; *15* — план и разрез могилы 3 кург. 48; *26—29* — инвентарь могилы 6 кург. 5/1 Градешка; *30* — план и разрез могилы 6; (*3, 5, 6, 11, 12, 16—21, 24, 25* — бронза; *7, 10, 13, 14* — стекло; *8* — керамика с позолотой; *26* — золото; *27—29* — железо)

па той же классификации [24, с. 19, рис. 1, *6*]. Рассмотренные сосуды широко распространены в памятниках степной Скифии IV—III вв. до н. э. Одноручный кувшин орнаментирован валиком, расчлененным косыми вдавлениями. Ручка овальная в разрезе, слегка приподнята над венчиком. Его высота 14,5 см, диаметр венчика 9,7 см, диаметр дна 6,5 см. Аналогичные или близкие по форме сосуды нам неизвестны.

Керамический материал могильника дополняют также амфорный бой, обломки лепных горшков и тонкостенного красноглиняного сосуда с ручкой, происходящие из трех тризн. Как правило, все фрагменты невыразительны и не поддаются реставрации. Следует выделить несколько фрагментов венчика лепного сосуда с нанесенными под ним пальцевыми вдавлениями. Наибольший интерес представляют две ручки светлоглиняных родосских амфор из тризны III. На одной из них оттиснуто прямоугольное клеймо с именем эпонима Токосогора и названием месяца (рис. 1, *25*). Клеймо на второй ручке сильно стерто, удалось восстановить только имя эпонима Павсания [2] (рис. 3, *30*). Согласно хронологической шкале, разработанной В. Грейс, амфоры с подобными клеймами датируются 220—180 гг. до н. э. [26, с. 529]

В Нижнем Подунавье (юго-запад СССР и северо-восточная Мунтения СРР) известны и другие скифские могильники: Плавни I, Чауш, у сел Кискани, Градиштя и др. [6, 7, 11] К ним примыкает также неопубликованный могильник, обнаруженный в 1961 г. в окрестностях Измаила, в урочище Кавказ, на расстоянии 1 км севернее Дуная. Могильник разрушен во время проведения земляных работ. Остатки погребений свидетельствуют о трупоположениях с широтной ориентировкой [3] Инвентарь могильника характерен для скифских комплексов IV—III вв. до н. э.

Орудия труда представлены точильным камнем и костяной рукоятью ножа. Из предметов вооружения сохранилось девять бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел, датирующихся IV—III вв. до н. э.

Более обширен набор украшений: бронзовые браслеты, кольца, зеркало, стеклянные бусы. Браслеты представлены четырьмя экземплярами (рис. 2, *6, 11, 12*): 1) витой спиралевидный браслет в 3,5 витка с оформленными в виде головок змей концами; 2) два простых браслета с незамкнутыми утолщенными концами; 3) фрагмент браслета с четырехгранным в сечении концом, грани которого украшены двумя рядами точечного орнамента. Сохранилось два бронзовых кольца: одно — простое, круглое; другое — спиралевидное в 2,5 витка (рис. 2, *5*). Концы его расплющены, украшены косыми насечками. Зеркало с литой ручкой, заканчивающейся овальным навершием, относится к IV типу, по классификации В. Г Петренко, и датируется IV—III вв. до н. э. [22, с. 35, табл. 24, *9*] К украшениям одежды, видимо, относятся три конических колокольчика. Подобные предметы редки в скифских памятниках и более характерны для фракийской культуры [14, с. 74, 185, сн. 120, рис. 57, *5*] Четыре бусины представлены тремя типами: бочонковидная, две цилиндрические и уплощенно-ромбическая (рис. 2, *10*).

Вблизи скифского могильника Плавни I исследованы курганы 27, 28 и расположенная между ними тризна [27, с. 64—69, 89, рис. 22, *17*, 26, *1—7*, 28, *1—10*]. Они отличаются от погребальных конструкций могильника и размерами и составом инвентаря. Насыпи курганов 27 и 28 имели высоту 0,5 и 1,3 м соответственно, были окружены рвами диаметром 24 и 34 м. В кург. 28 отмечены подрезка выброса и перенос грунта из рва к выбросу. Весьма представительны остатки тризн и рвов. Так, во рву кург. 27 обнаружено до 10 разбитых амфор, фрагменты чернолакового сосуда, 12 боласов, кости лошади и быка; во рву кург. 28 —

---

[2] Приношу благодарность Т. Л. Самойловой за помощь в определении клейм. Второе клеймо относится к Павсанию III.

[3] Материал собран и обобщен бывшим директором Измаильского краеведческого музея В. И. Чигириным. Хранится в музее.

фрагменты более 20 амфор и кости двух-трех лошадей. Конструкция ямы в кург. 27 аналогична встреченным на могильнике и отличается только бóльшими размерами. Конструкция могилы из кург. 28 редка и своеобразна. Большая подквадратная яма размерами 3,2×3×3,2 м, с шестью столбовыми ямками была перекрыта мощным деревянным накатом площадью 49 м^2. Могила сопоставима с памятниками такого же типа в степи и лесостепи [28, с. 90, 91; 29, с. 49, 50] Аналогичные деревянные перекрытия отмечены и в погребении могильников у сел Буторы [2, с. 149, 151; 30, с. 137] и Балабаны [31, с. 123]. Среди плах перекрытия найдено бронзовое шило (рис. 2, *3*).

Погребения обоих курганов ограблены. В первом найдены только нож с горбатой спинкой и три наконечника копий IV—III вв. до н. э. [15, с. 40, табл. 14, *1—4*]. В погребении второго кургана сохранились фрагменты черно-лакового расписного сосуда и обломки трех-четырех амфор Менды, одна из которых реставрирована (рис. 2, *2*) и датируется концом V — началом IV в. до н. э. [32, с. 72, рис. 1, *4*]. Фрагменты гераклейских амфор из рвов, на которых реставрируются клейма с именем Эвридама (рис. 2, *4*), относящиеся к I группе, по классификации И. Б. Брашинского [33, с. 6, 20] и Б. А. Василенко [34, с. 5, 6], в сочетании с амфорой Менды и наконечниками копий дают возможность отнести время сооружения обоих курганов к началу IV в. до н. э.

Судя по размерам насыпей, погребальных ям и сохранившемуся инвентарю, курганы содержали захоронения довольно богатых представителей скифского общества. Они могли быть непосредственно связаны с могильником Плавни I или слегка предшествовать ему.

В Дунай-Днестровском междуречье за последнее десятилетие исследовано также большое количество отдельных курганов. Рассматриваемые здесь памятники локализованы двумя группами: первая — вблизи озер Кагул и Катлабух — кург. 5 у ст. Фрикацей и два впускных погребения могильника Градешка (4/1,4; 5/1,6); вторая — вдоль левого берега р. Сарата и оз. Сасык — курганы 26, 38, 48 у с. Кочковатое, кург. 12 у с. Траповка и впускное захоронение у с. Белолесье (1/11). Насыпи курганов достигали высоты до 0,6 м, в двух случаях (Фрикацей, 5 и Кочковатое, 48) окружены рвами диаметром до 19 м (см. табл. 1). Остатки каменного кромлеха прослежены в кург. 48 у с. Кочковатое. Во рвах и насыпях найдены остатки тризн (обломки амфор и кости животных).

Основной конструкцией погребальных ям являются катакомбы I типа [13, с. 109, рис. 2] Они отмечены в пяти случаях. Входные колодцы ориентированы с запада на восток, иногда с отклонениями, в плане прямоугольной формы. Размеры их 1,9×0,6—2,6×1 м. Погребальные камеры примыкали к длинной стороне входного колодца, чаще — к северной, и превышали их по длине. В погребальную камеру вела одна (рис. 3, *22*), реже — две (Кочковатое: 48/2 — рис. 3, *1*) ступеньки. Размеры погребальных ям варьировали от 2,15×0,9 до 3,35×2 м. В погребении могильника Градешка (5/1,6) отмечено перекрытие входа в камеру вертикальными деревянными плахами (рис. 2, *30*). На дне входного колодца в погребении кург. 26 у с. Кочковатое прослежены желобки, западные края которых терялись на дне камеры.

Редкая конструкция — яма с заплечиками—выявлена в кургане у ст. Фрикацей. Она имела размеры 2,9×2,2 м, погребальная камера — 2,9×1,2 м. Ближайшими аналогами являются погр. 4 кург. 14 у с. Семеновка [5, с. 112, рис. 3, *1*] и погр. 2 могильника у с. Николаевка [14, с. 67, рис. 30, *6, 7*].

Простая овальная яма отмечена в кургане у с. Кочковатое (48/3). Конструкции трех погребальных ям с трудом поддаются определению. Возможно, к VI типу, по классификации В. С. Ольховского [13, рис. 2], следует отнести захоронение из кург. 12 у с. Траповка. Судя по наличию ступеньки вдоль продольной стены ямы, погр. 3 кург. 48 у с. Кочковатое, видимо, можно отнести к I типу той же классификации. Конструкция погр. I этого же кургана резко отличается от обычных катакомб. Входная яма, округлой формы, размерами 1,6×45 м, имела глубину 1,95 м. Погребальная камера примыкала к колодцу с юго-запада,

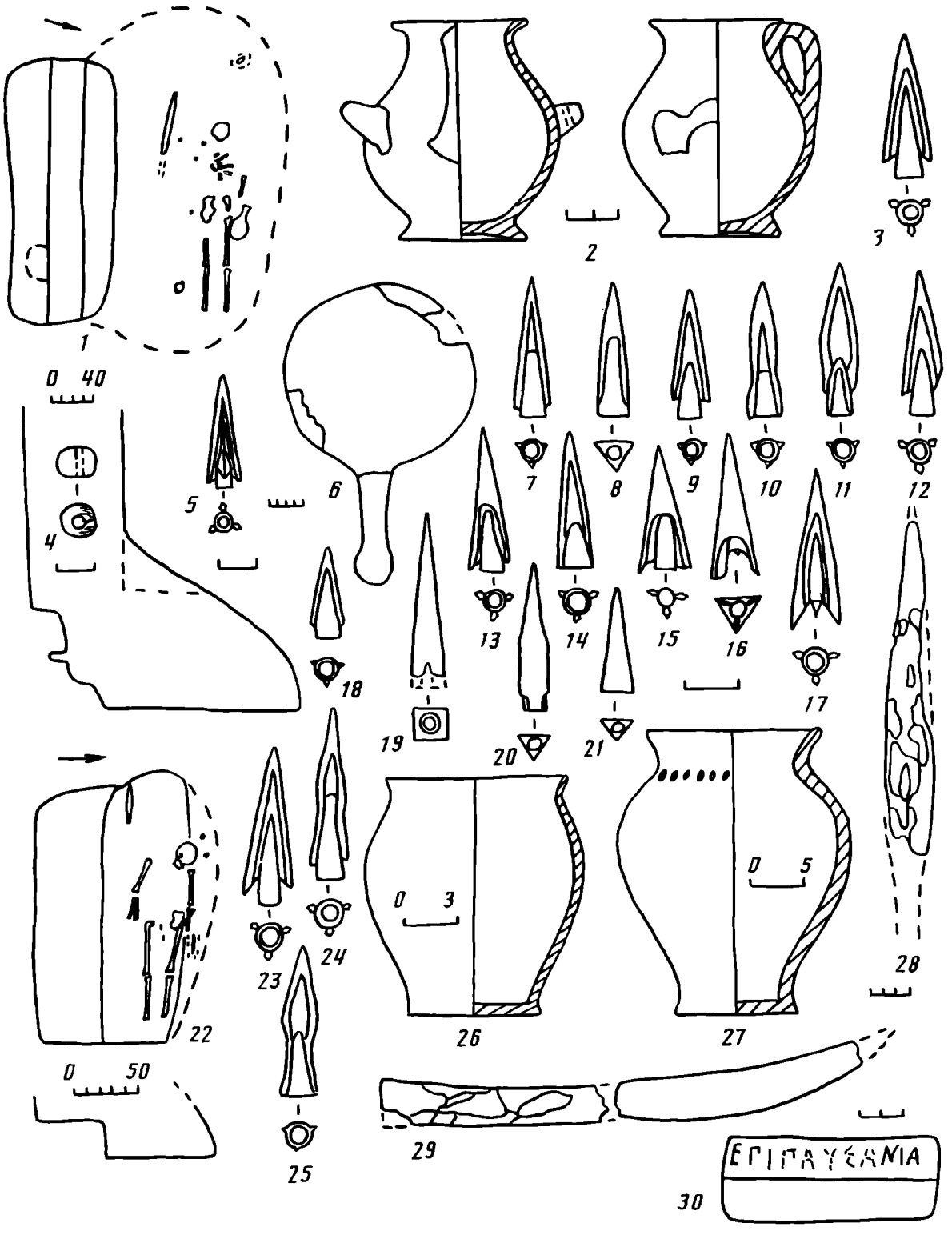


Рис. 3. *1* — план и разрез могилы 2 кург. 48 у с. Кочковатое; *2, 4—6* — инвентарь могилы 2 кург 48; *3, 7—16* — инвентарь могилы 6 кург. 5/1 Градешка; *17—21, 23—25, 28, 29* — инвентарь могилы 4 кург 4/1 Градешка; *22* — план и разрез могилы 4; *26, 27* — сосуды из могилы 11 кург 1 у с. Белолесье; *30* — клеймо из тризны (*3, 5—18, 20, 21, 23—25* — бронза; *4* — стекло; *19* — кость; *2, 26, 27, 30* — керамика; *28* — железо; *29* — кость и железо)

дно ее находилось на 0,25 м ниже дна входного колодца. Камера имела овальную форму, размеры 1,05×0,75 м, прослеженная высота свода — 0,7 м. Аналогичные конструкции нам неизвестны.

Обряд захоронения можно восстановить во всех комплексах, за исключением трех (см. табл. 1). Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад или с отклонениями. Из этого круга выпадает захоронение у с. Кочковатое (48/3), где костяк ориентирован головой на восток (рис. 2, *15*). Редкий случай положения умершего скорченно на правом боку, головой на запад отмечен во впускном захоронении у с. Белолесье.

Остатки жертвенной пищи в погребениях располагались обычно за черепом костяка. Зачастую рядом был положен нож. В погр. 3 кург. 48 кости животных располагались справа от костяка. Остатки жертвенной пищи представлены, как правило, костями крупного рогатого скота, и только в одном захоронении могильника Градешка (4/1,4) находилась птица.

Некоторые категории инвентаря занимают в погребениях четко определенное положение: наконечники копий — справа и выше черепа костяка, острием кверху; наконечники стрел — слева от туловища, остриями вниз. Сосуды в двух захоронениях располагались справа от костяка, бусы чаще всего находились в разрозненном состоянии.

В состав инвентаря рассматриваемых памятников входят оружие, орудия труда, украшения, керамика. Оружие представлено копьями, наконечниками стрел, боласами. Семь копий найдены в погребениях Градешка (4/1,4; 5/1,6), Кочковатое (38/1; 48/2; 48/3). Определению поддаются четыре экземпляра (рис. 2, *28, 29; 3, 28*). Они относятся к отделу наконечников с «остролистным» пером IV—III вв. до н. э. [15, с. 40—42, табл. 14, *10*]. Иногда копья сопровождались находками железных втоков и ворворок (рис. 2, *27*). Наконечники стрел найдены в комплексах с копьями, а также в погребении фрикацейского кургана. Наборы их составляют от 30 до 73 наконечников, в разрушенных погребениях они встречены в единичных экземплярах (табл. 2). Основное количество бронзовых наконечников представлено трехлопастными и трехгранными экземплярами (рис. 2, *16—21, 24, 25*; рис. 3, *3, 5, 7—18, 20, 21, 23—25*) IV—III вв до н. э. [15, с. 25—30, табл. V]. Костяной четырехгранный наконечник найден в погребении могильника Градешка (рис. 3, *19*). Из колчанного набора у с. Кочковатое происходят четыре железных втульчатых трехлопастных наконечника (рис. 2, *22, 23*), которые были распространены в IV—III вв. до н. э. и бытовали вплоть до II в. до н. э. [15, с. 29].

В четырех погребениях (табл. 2) отмечены находки ножей с горбатой спинкой и рукоятью из двух костяных пластин (рис. 3, *29*). Нож из Траповки (12/1) имел граненую рукоятку из одной пластинки. В рассматриваемых памятниках найдены также два свинцовых конических пряслица и распавшийся железный стригель.

Керамика представлена тремя сосудами. В погребении у с. Белолесье найдено два лепных горшка. Один из них орнаментирован по горловине округлыми наколами (рис. 3, *27*). Его высота 26 см, диаметр венчика 16 см, дна — 11 см. Относится ко второму варианту сосудов типа корчаг, по классификации Н. А. Гаврилюк [24, с. 25, рис. 4, *2*]. Второй горшок — приземистых пропорций: высота 13,2 см, диаметр венчика 10 см, дна — 7,5 см (рис. 3, *26*). Соответствует второму варианту I типа той же классификации [24, с. 19, рис. 1, *6*]. Редкой находкой является гончарный трехручный сосуд на кольцевом поддоне, светло-коричневого цвета, из погребения у с. Кочковатое (48/2) (рис. 3, *2*). Высота его 8,2 см, диаметр венчика 4,2 см, дна — 4 см. Этому сосуду близка по форме и тесту гидрия из некрополя Аполлонии, найденная в комплексе начала III в. до н. э. [35, с. 172, табл. 96, № 372а].

Бусы найдены в четырех комплексах (табл. 2). Наибольшее их количество в погребении достигает шести экземпляров. Форма, цвет, материал бус характерны для подобных находок в скифских памятниках (рис. 2, *7, 13, 14*; 3, *4*).

Крайне редки найденные в погребении у с. Кочковатое (48/3) керамические бусы округло-вытянутой формы с позолотой (рис. 2, *8*). Поверхность их покрыта выпуклым точечным узором, разделенным рубчиком. Бусы изготавливались в двухстворчатых разъемных формах путем прессовки, затем обжигались и покрывались позолотой. Е. М. Алексеева считает их привозными из Средиземноморья. Подобные изделия найдены в погребениях IX—II вв. до н. э. и в комплексах I в. н. э., причем большая часть находок относится к III—II вв. до н. э. [36, с. 28, табл. 46, *48, 49,* рис. 21]

Две спиралевидные золотые подвески в 5,5 витка найдены в погребении могильника Градешка (5/1,6) (рис. 2, *26*). Бронзовые зеркала с цельной ручкой, заканчивающейся овальным навершием (рис. 3, *6*), представлены двумя экземплярами IV типа, по классификации В. Г Петренко [22, с. 35, табл. 24, *9*]

Погребальный обряд и набор инвентаря характерны для памятников скифского круга. Особого внимания заслуживает то, что в некоторых комплексах отмечен факт единовременного захоронения умерших. Для одиночных памятников наиболее ярким является курган 48 у с. Кочковатое, где две могилы (1 и 2), расположенные в центре, были впущены с уровня древней поверхности. Судя по наборам инвентаря, погребение 3 совершено одновременно с ними. Расположение могил в кургане (рис. 2, *9*) позволяет предположить одновременность с ними и погр. 4 (кенотаф?). Больший интерес в этом плане представляет могильник Курчи. Так, курган 24 содержал два одновременных детских захоронения (рис. 1, *3*). Кроме того, судя по набору инвентаря, размерам и особенностям погребальных конструкций и, что важно,— топографии могильника, курганы 24 и 27 могли быть сооружены одновременно с кург. 25. Тризны были совершены в некотором отдалении, но, возможно, имели непосредственное отношение к этим комплексам.

Близость рассмотренных памятников к античному и гето-фракийскому миру должна была определять их взаимоотношения, что нашло свое отражение в вещевом материале. Так, находки в комплексах целых амфор и обломков их, гончарного трехручного сосуда и краснофигурного скифоса, большей части украшений свидетельствуют о существовании определенных торговых связей с греками, причем наряду с греческими городами Северо-Западного Причерноморья в этих взаимоотношениях могли непосредственно участвовать и западнопонтийские полисы. Влияние гето-фракийской культуры, видимо, можно связывать с находками в захоронениях бронзовых браслетов и колокольчиков. Примечательно, что с близостью к Дунаю число нескифских вещей в комплексах возрастает, например в могильнике у г. Измаил и др. [12, с. 62]

К началу IV в. до н. э. можно уверенно отнести только курганы у с. Плавни. Основное количество скифских памятников, рассмотренных здесь и известных ранее на данной территории, согласно существующим датировкам, относится к IV—III вв. до н. э. Из этого круга выходят курган 48 у с. Кочковатое и могильник Курчи. Так, по трехручному гончарному сосуду, железным наконечникам стрел и, возможно, керамическим бусам с позолотой курган 48 можно датировать III в. до н. э. Определение хронологических рамок могильника Курчи более затруднительно. Датировка тризн определяется по обломкам родосских амфор с клеймами, чьи хронологические пределы укладываются в 220—180 гг. до н. э. Датировка погребений могильника более противоречива. Возможно, к этому же времени следует отнести и фрагменты бронзовых поясных пластин, аналогичных ахтанизовским. Здесь уместно упомянуть также находку бронзовой серьги — «уточки», аналогичной нашей и происходящей из поселения на Средней Горе вместе с фрагментами родосских амфор [22, с. 11, 12, рис. 4, *13*] Если верно наше предположение об одновременности совершения захоронений и тризн, то могильник Курчи (кург. 24, 25, 27 и тризны) датируется концом III — началом II в. до н. э. и содержит хронологически единые комплексы, в то время как состав инвентаря отражает сочетание новых и более архаичных предметов.

В последние годы в Северо-Западном Причерноморье открыто несколько комплексов III—II вв. до н. э. На левобережье Днестра к ним относятся клад

у с. Великоплоское, курганы Тираспольщины и курган у с. Николаевка [37—39]. На правобережье Днестра помимо описанных нами к III—II вв. до н. э. относится комплекс вещей из насыпи кург. 20 у с. Семеновка [37]. На основании такого ограниченного количества памятников невозможно, конечно, воссоздать ту историческую обстановку в регионе, которая сложилась после скифо-македонского конфликта. Однако при обращении к письменным источникам (Юстин, IX, 2,1—16), указывающим, что битва произошла в низовьях Дуная [40, с. 253], можно полагать, что македонская армия не затронула основной скифский массив. Кроме того, военные походы Зопириона против скифов также закончились неудачей македонцев (Юстин, XII, 1, 4) [40, с. 254], так что если растущее могущество Македонии и изменило политическую ситуацию в регионе, то оно не могло привести к полной смене здесь этнического состава населения. Письменные свидетельства говорят также о переходе какой-то части скифов за Триас и Истр и основании в Добрудже царства «Малая Скифия» (Страбон, VII, 4, 5, 12) [41, с. 205]. Вполне вероятно, что в этом процессе принимали непосредственное участие скифы Дунай-Днестровского междуречья.

Таким образом, в результате новых исследований в Северо-Западном Причерноморье могут быть выделены скифские памятники начала IV, IV—III и III—II вв. до н. э. На основании всего комплекса известных на этой территории памятников можно сделать вывод о продвижении и распространении скифских племен в Дунай-Днестровское междуречье задолго до скифо-македонского конфликта и о пребывании здесь какой-то части их и в последующий период.

Дальнейшее изучение памятников, возможно, позволит конкретизировать традиционную датировку — IV—III вв. до н. э.— и рассматривать историю скифов в определенные, конкретные периоды их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1969.
2. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
3. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
4. *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
5. *Субботин Л. В., Охотников С. Б.* Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
6. *Суничук Е. Ф., Фокеев М. М.* Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
7. *Суничук Е. Ф.* Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. Думка, 1985.
8. *Андрух С. И., Суничук Е. Ф.* Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987
9. *Субботин Л. В.* Раскопки курганов на юге Одесской области // АО—1985. М., 1987.
10. *Hartuche N. A., Anastasiu I.* Brăilita. Brăila: Muzeul Brăilei, 1968.
11. *Sîrbu V* Cîmpia Brăilei în secolele V—III i. e. n. Descoperiri arheologice şi interpretări istorice // SCIVA. 1983. T. 34, № 1.
12. *Редина Е. Ф.* Скифы днестро-дунайских степей // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Ч. II. Кировоград, 1987.
13. *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4.
14. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник у с. Николаевка. М.: Наука, 1975.
15. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
16. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
17. *Манцевич А. П.* О скифских поясах // СА. 1941. Т. VII.
18. *Черненко Е. В.* Скіфські бойові пояси // Археологія. 1966. Т. XVI.
19. *Максимова М. И.* Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116.
20. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.
21. *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
22. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д1-24.
23. *Бунатян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материалах скифских могильников IV—III вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1985.
24. *Гаврилюк Н. О.* Кераміка степових скіфьских поховань IV—III ст. до н. е. // Археологія. 1980. Т. 34.

25. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
26. *Grace V* Limbres amphoriques trowvés a Délcs // BCH. 1952. V.LXXVI.
27. *Андрух С. И., Добролюбский А. О., Тощев Г. Н.* Курганы у села Плавни в низовьях Дуная. М., 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР. 13.06.85. № 21110.
28. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
29. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
30. *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца, 1987
31. *Чеботаренко Г. Ф.* Скифские курганы у с. Балабаны // АИМ—1970—1971 гг. Кишинев, 1973.
32. *Брашинский И. Б.* Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками») // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
33. *Брашинский И. Б.* Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. Т. XIV.
34. *Василенко Б. А.* О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э. // НЭ. 1974. Т. XI.
35. *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония // Аполония. София, 1963.
36. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
37. *Дзис-Райко Г А., Суничук Е. Ф.* Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
38. *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины // МИА. 1962. № 115.
39. *Мелюкова А. И.* Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
40. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 2 (28).
41. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4 (22).

S. I. ANDRUKH, S. I. CHERNOV

NEW SCYTHIAN SITES BETWEEN THE DANUBE AND DNESTR

Summary

Recently, numerous Scythian sites dated between the turn of the V—IV and IV—III centuries B. C. have been discovered between the Danube and Dnestr. Today, the region is included into the area where Scythian tribes were living for a long time. These sites form two clusters: at the Danude mouth and in the central part of the interfluve. They include burials, kurgans and secondary kurgan burials. Tables 1 and 2 show the typical traits of the burial rite and the composition of grave goods. Catacomb of Type I (according to V Olkhovsky's classification) (13, Fig. 1) is the main type of burial constructions. All the burials belonged to rank-and-file Scythians where the burial constructions and grave goods are concerned. A more detailed classification is possible (Plavni 27 and 28, Kochkovatoe 48/2, Kurchi 25/2). It is interesting to note that the burials in Kurgan 48, at Kochkovatoe, and in the Kurchi cemetery were probably made at one and the same time. The fact that burial complexes of the 3rd and 3rd-2nd centuries B. C. (Kochkovatoe 48 and Kurchi) can be identified among other burials shows that some of the Scythian population remained in the Danube-Dnestr interfluve after the Scythian-Macedonian clash.

В. К. ГУГУЕВ, С. И. БЕЗУГЛОВ

ВСАДНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА НА ДОНУ

В ходе работ Кобяковской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1956—1962 гг. основное внимание было уделено исследованию городища и грунтового могильника [1, с. 96—99] Находящийся рядом и известный еще с прошлого века [2, с. 30] курганный некрополь подвергался осмотрам, но работ на нем не проводилось. Впоследствии территория курганного могильника интенсивно застраивалась; большинство курганов было снивелировано.

В 1981 г. при рытье котлована под жилой дом на территории могильника строителями был обнаружен крупный литой бронзовый котел яйцевидной формы. Место находки котла было исследовано отрядом Ростовского областного музея краеведения под руководством П. А. Ларенка. Здесь были выявлены остатки ровика, в котором найдены кости крупного рогатого скота и фрагменты светлоглиняных амфор. Погребения, однако, тогда обнаружить не удалось. Оно было найдено в 1984 г. при прокладке траншеи. Весь погребальный комплекс обозначен нами как кург. 5.

Погребение было совершено в яме с подбоем, ориентированной по оси север — юг. Входная яма подбоя имела подпрямоугольную форму, ее длина — 1,8 м. Ширина входной ямы невосстановима, так как свод подбоя рухнул вместе с ее западной стенкой. Восточная стенка входной ямы наклонна ко дну, северная и южная отвесны. В заполнении входной ямы найдены череп лошади и отдельные кости быка и овцы. Камера вырыта в западной стенке входной ямы; ее юго-западная часть разрушена траншеей. От входной ямы камера отделена наклонной ступенькой высотой 0,13 м. Длина камеры в сохранившейся части — 1,95 м, ширина 0,6—0,7 м. Глубина ямы — 1,5 м от современной поверхности, высота свода подбоя — около 0,4 м. На дне камеры обнаружен костяк мужчины 25—30 лет [1] Верхняя часть скелета разрушена траншеей. Судя по непотревоженным костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг (рис. 1).

В центральной части входной ямы, на дне, на расстоянии 5—7 см друг от друга лежали пять кольцевидных скоб с расходящимися в стороны концами, на которых сохранились следы дерева (рис. 2, *20*). В южной части камеры найден обломок округлой железной скобы, по всей видимости, крепившейся к ножнам меча с помощью шести (?) бронзовых заклепок (рис. 2, *3*). Вдоль правой руки погребенного острием на север лежал длинный (0,82 м) двулезвийный железный меч без металлического навершия и перекрестья. На черенке меча сохранилась железная заклепка, крепившая рукоять (рис. 2, *1*). В 10 см к югу от рукояти меча найдено дисковидное навершие из серо-зеленого серпентинита с темными прожилками (рис. 2, *2*) [2] У рукояти меча найдена удлиненно-бочковидная

---

[1] Определение произведено научным сотрудником археологической лаборатории Ростовского гос. университета Е. Ф. Батиевой.

[2] Определение пород камня выполнено на кафедре минералогии и петрографии геолого-географического факультета Ростовского гос. университета.

© В. К. Гугуев, С. И. Безуглов, 1990 г.

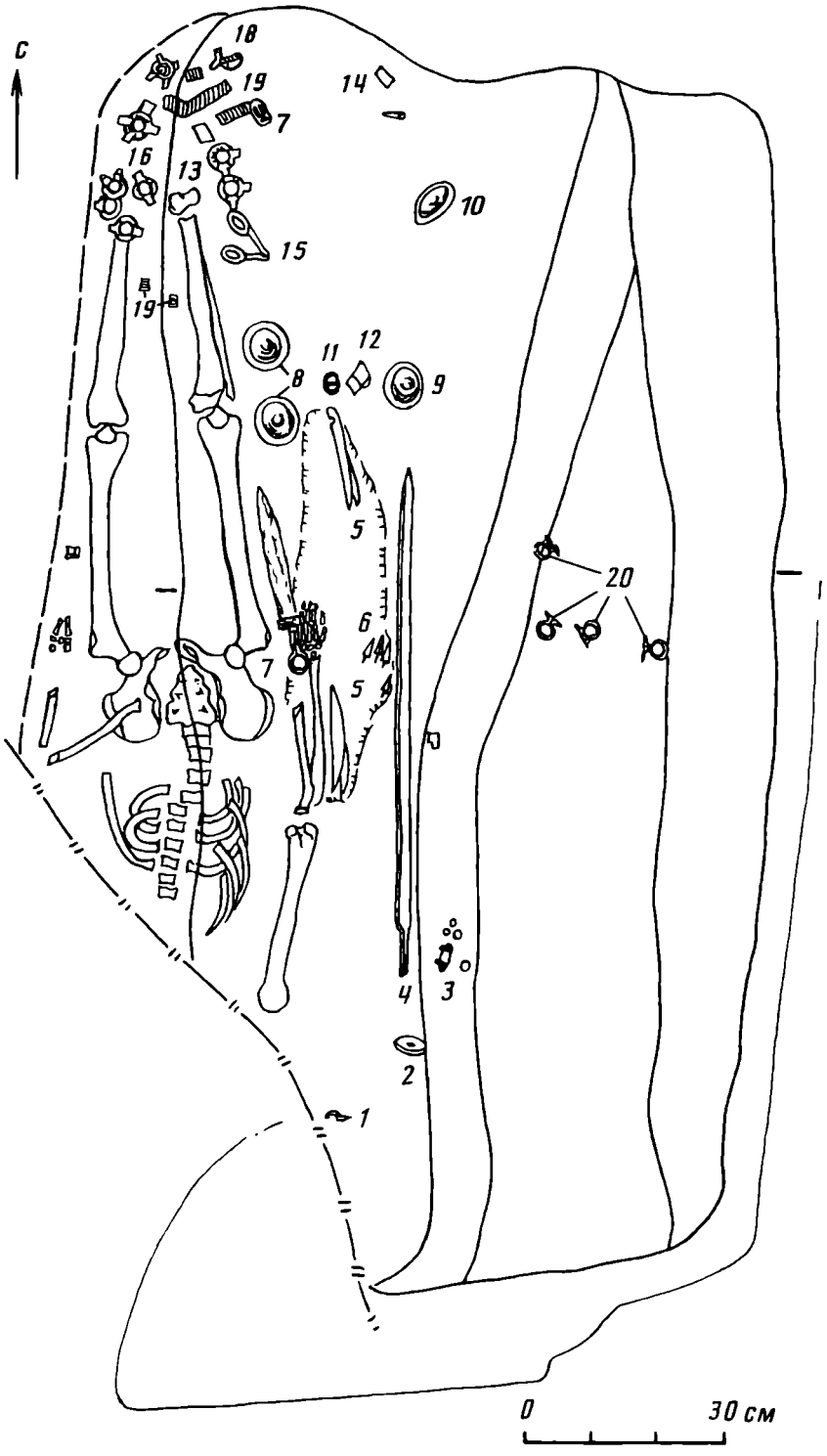


Рис. 1. Кобяковский могильник, погребенные в кург 5. *1* — портупейная скоба; *2* — навершие меча; *3* — подвеска к мечу и бусы; *4* — меч; *5* — костяные накладки лука; *6* — наконечники стрел; *7* — кинжал и нож; *8* — *10* — фалары; *11* — пряжка; *12*—*14* — прямоугольные железные бляшки; *15* — удила; *16* — распределители ремней; *17, 18* — наконечники ремней; *19* — ленточки золотой фольги; *20* — скобы

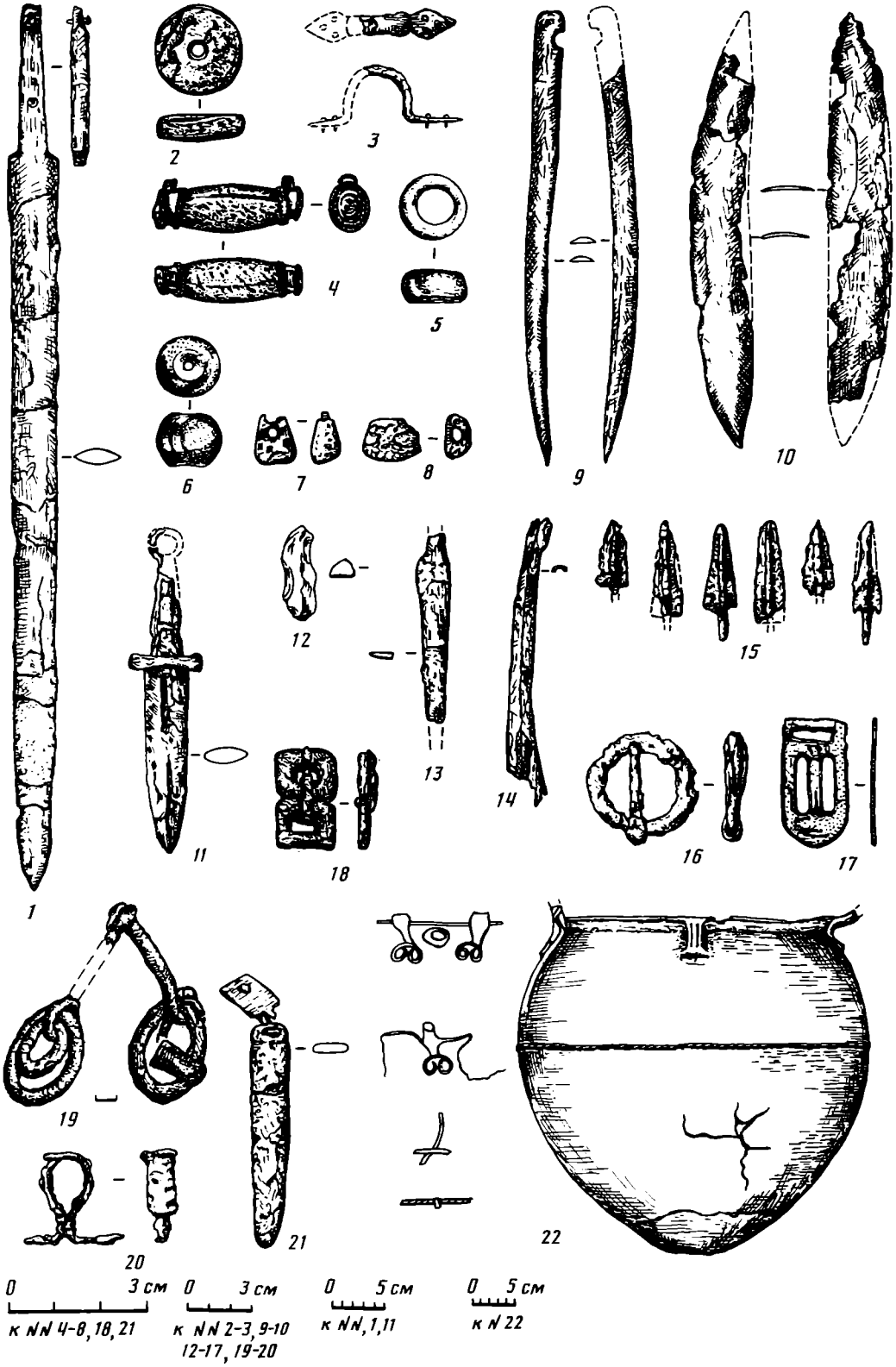


Рис. 2. Инвентарь погребения в кург 5. *1* — меч; *2* — навершие; *3* — портупейная скоба; *4* — подвеска к мечу; *5—8* — бусы у меча; *9, 10, 14* — накладки на лук; *11* — кинжал; *12* — кремень; *13* — нож; *15* — наконечники стрел; *16, 18* — пряжки; *17, 21* — наконечники ремней; *19* — удила, *20* — кольцевидная скоба; *22* — котел (*1, 11, 13, 15, 16, 18, 20* — железо, *2, 5* — серпентинит; *3, 21* — железо, бронза; *4* — яшма, золото; *6* — паста; *7* — мел; *9, 10, 14* — кость; *17* — железо, золото, *22* — бронза)

подвеска из яшмы, обрамленная в золотые, орнаментированные филигранной косичкой колпачки с петельками (рис. 2, *4*). К востоку от подвески найдена кольцевидная бусина из серо-зеленого серпентинита (рис. 2, *5*). К северу от подвески найдено скопление бус: меловая пирамидальной формы (рис. 2, *7*), бусина неправильной формы из неопределенного материала с чередующимися прожилками темно-красного и желтого цветов (рис. 2, *8*), пастовая полосчатая (рис. 2, *6*), фрагменты еще одной меловой и ярко-зеленой стеклянной бусин. Вдоль правого бедра, рукоятью у кисти правой руки лежал железный кинжал с прямым, зауженным к середине перекрестьем и кольцевым навершием (рис. 2, *11*). Под кистью погребенного и кинжалом находился небольшой железный нож с прямой спинкой (рис. 2, *13*). К западу от меча, на уровне правой кисти погребенного найдены лежавшие остриями к северу железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (не менее 9 экз., рис. 2, *15*). К востоку от костей правого предплечья, вдоль костяка найден комплект костяных срединных накладок на лук: пара боковых, лежащих одна на другой (рис. 2, *10*), и торцевая (фронтальная) со следами позолоты на поверхности (рис. 2, *14*). Вдоль правого бедра, на уровне коленного сустава найдены лежавшими одна на другой парные концевые накладки лука (рис. 2, *9*). Вторая пара уничтожена траншеей.

Под костяными накладками и наконечниками стрел прослежен слой тончайшего органического тлена со следами позолоты. Вероятно, это остатки украшений мягкого налучья. Судя по пятну тлена, лук погружался в него более чем наполовину — так, чтобы срединные накладки находились внутри. У кинжала найден комок серы, а на нем — зеленоватый, плохого качества кремень (рис. 2, *12*)

Остальной инвентарь погребения составлял сбруйный набор, залегавший преимущественно в ногах погребенного. К сожалению, тип сбруи установить невозможно в силу того, что она была помещена в могилу сложенной. В районе стоп погребенного найдено скопление ременных распределителей. Они представляют собой уплощенные железные кольца, на которые надеты ременные зажимы из согнутой вдвое железной пластинки. Всего найдено девять распределителей трех разновидностей: один — с четырьмя зажимами, в центре кольца прикипела небольшая железная пряжка (рис. 3, *8*); четыре распределителя — с тремя зажимами: два расходящихся под углом напротив одного (рис. 3, *9*) и четыре распределителя с двумя зажимами, расположенными друг против друга (рис. 3, *10*).

К востоку от правой ноги погребенного, на некотором удалении друг от друга лежали четыре круглых, выпуклых железных фалара с узким рантиком. Внешняя поверхность фаларов плакирована тонкой золотой фольгой, крепившейся к железной основе в технике сплошного точечного чекана. На ранге фаларов с противолежащих сторон прорезаны отверстия для крепления к сбруе (рис. 3, *1—4*). К ремням сбруи крепились и четыре премоугольных железных бляшки со слегка вогнутыми сторонами и бронзовыми заклепками по углам. Внешняя поверхность бляшек украшена фигурной аппликацией из золотой фольги, укрепленной сплошным точечным чеканом (образцы, рис. 3, *5—7*) У голеностопного сустава правой ноги погребенного найдены двусоставные железные удила; в свободный конец каждого звена грызл вдето по паре колец — большого и меньшего диаметра. На большие кольца одевалось по одному железному ременному зажиму (рис. 2, *19*)

Там же, в ногах погребенного, среди ременных распределителей найдены узкие ленточки из тонкой гофрированной золотой фольги. В основном скоплении обнаружены прямоугольные ленточки, длина которых колеблется от 2,2 до 8,5 см, ширина — от 1,8 до 2,2 см; здесь же находились две гладкие сегментовидные золотые пластинки с загнутым округленным краем. В отдалении от основной массы, между берцовыми костями погребенного найдены две трапециевидных пластинки, а у одного из фаларов — треугольная (рис. 4).

К сбруйным деталям относятся наконечники ремней: железный ажурный,

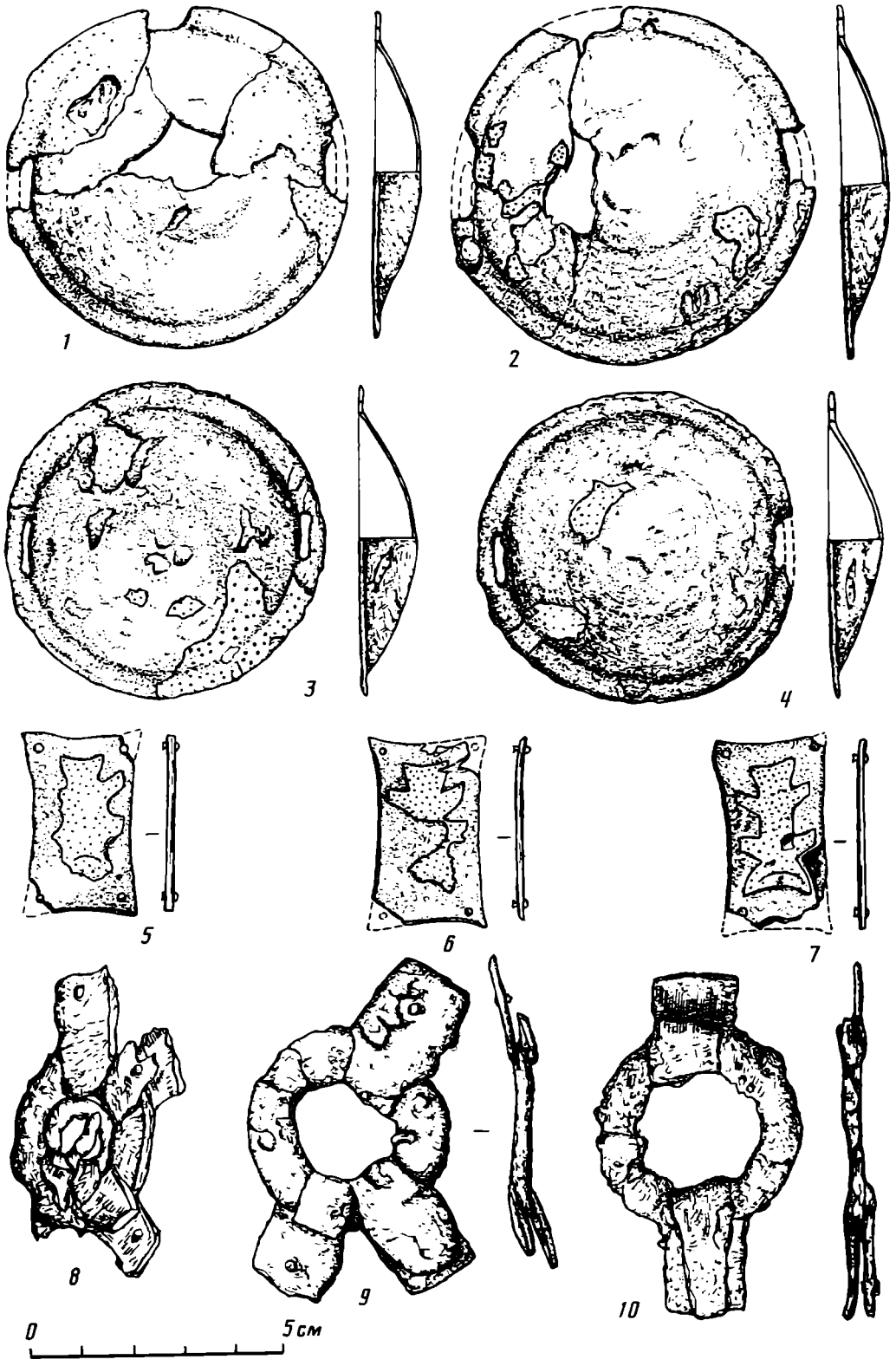


Рис. 3. Детали сбруи из погребения в кург 5. *1—4* — фалары; *5—7* — бляшки; *8—10* — распределители ремней (*1—4* — железо, золото; *5—7* — железо, золото, бронза; *8—10* — железо)

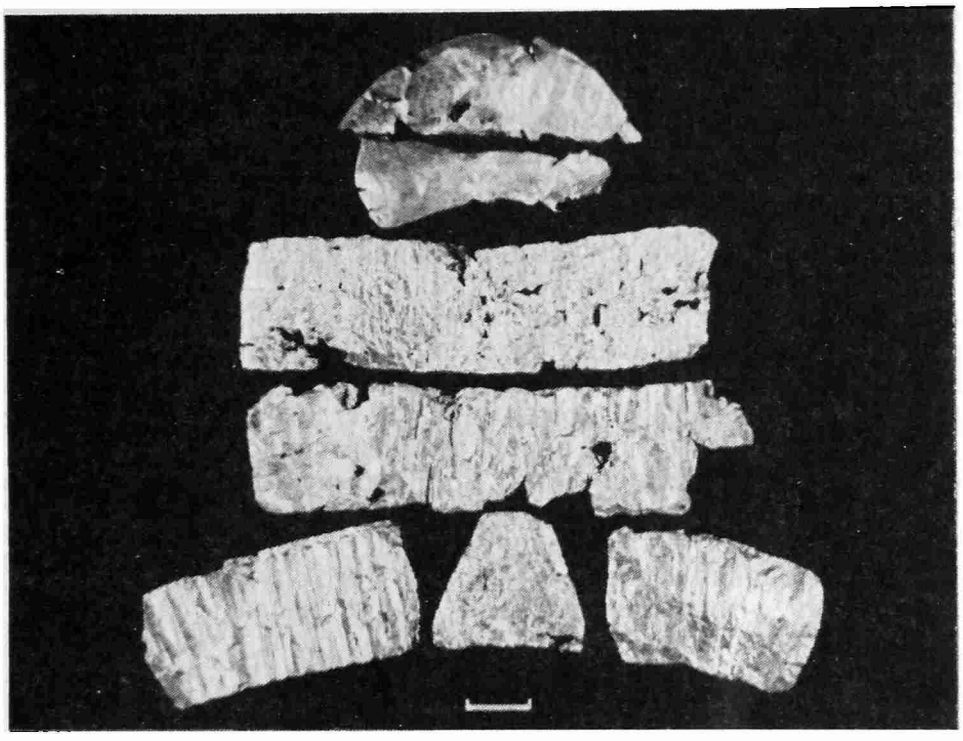


Рис. 4. Кобяковский могильник, кург 5. Золотая фольга

украшенный золотой аппликацией с точечной начеканкой (рис. 2, *17*), и узкий бронзово-железный (рис. 2, *21*), а также железные пряжки — крупная круглорамчатая (рис. 2, *16*) и небольшая с прямоугольной рамкой (рис. 2, *18*)

Инвентарь комплекса интересен в связи с открытием на Дону в последние годы выразительной серии воинских кочевнических погребений II — середины III в. н. э.

Достаточно своеобразен литой котел, связываемый с комплексом (рис. 2, *22*) Его ручки утрачены еще в древности, на сохранившейся части одной из них видны грубые зарубки. Основания ручек были украшены тамгообразными знаками из наваренной бронзовой проволоки. Между основаниями — приливы бронзы кольцевидной формы. К плечику и венчику котла приварена и другая пара маленьких петлевидных ручек, украшенных двумя продольными желобками. По тулову котла смоделирован валик, имитирующий веревочку с узелком и завязкой. Ниже валика по котлу был нанесен сильный удар, давший ряд трещин в металле. На дне и боку котла грубо наварены заплаты; тулово покрыто сажей.

Расширение круга комплексов, содержащих литые бронзовые котлы, позволяет уточнить их типологическую эволюцию и хронологию. Кобяковский котел (рис. 2, *22*) морфологически значительно отличается от котлов, происходящих из богатых среднесарматских курганов I— начала II в. н. э., и имеет целый ряд достаточно близких аналогий в поволжских [3, с. 53, 54, рис 1, *5*; 2, *2*] и донских [3, с. 55, 56, рис. 1, *8*; 2, *5, 6*] находках. По типологии Н. А. Боковенко, он может быть отнесен к третьему типу [4, с. 233, 234, там же перечислены основные морфологические признаки — см. рис. 2] Однако у Н. А. Боковенко котлы рассмотрены без учета хронологии конкретных комплексов, а признаки описания считаются равноценными; в результате третий тип сарматских котлов оказался недостаточно дифференцированным и получил широкую датировку — II—III вв. н. э. [4, с. 234] А между тем котлы, близкие кобяковскому, образуют довольно устойчивую размерную группу (в основном высотой 35—40 см) и сильно отличаются от позднейшей группы литых бронзовых котлов, представленной находками в Альт-Веймаре [5, с. 36—40, рис. 33], Усатове [6, с. 54, рис. 29], Лебедевке [7, с. 76, рис. 5, *2*] и несколькими нижнедонскими на-

ходками. Эта подборка, происходившая из пяти хорошо документированных комплексов, исключительно однородна по размерам (17—18 см) и пропорциям; на ручках этих котелков нередки украшения из трех кнопок (3 из 5). Все комплексы, в которых обнаружены миниатюрные литые котелки, относятся к концу II — первой половине III в. Это самые поздние сарматские литые бронзовые котлы.

Кобяковский котел занимает промежуточное место между хорошо известными ныне среднесарматскими котлами, основная масса которых относится к I в. н. э., и поздними миниатюрными котелками конца II — первой половины III в. Датировка группы кобяковского котла затруднена тем, что большинство таких сосудов происходит из случайных находок. На наш взгляд, наиболее вероятно его отнесение ко II в. н. э. Этим временем датируется аналогичный котел из кургана 11/33 Крепинского II могильника [8, с. 53—55, рис. 24]. Крепинский котел, однако, имеет невысокий воронковидный поддон.

Длинный меч из погребения (рис. 2, *1*) обычен для сарматских воинских комплексов II—III вв. н. э. Массовое распространение этих мечей в донских степях связано с памятниками раннего пласта позднесарматской культуры (II в. н. э.). Более ранняя история бытования этого оружия в Подонье во многом еще неясна. Нами учтено пять находок данных мечей в сарматских могилах Нижнего Дона, суммарно относимых ко II—I вв. до н. э. (могильники у хутора Новый, курганы 80 и 121 [3]; Суходюдеревский, кург. 1 [4], Арпачин, кург 40 [9, с. 260, 261], Сагванский I, кург. 5, погр. 6 [10]). Один длинный меч найден в богатой диагональной могиле второй половины I — начала II в. [11, с. 135] Ранние (II в. до н. э. — I в. н. э.) находки длинных мечей составляют исключение. Число их совершенно незначительно в сравнении с обильными находками коротких мечей с кольцевым навершием. Вероятно, они мало соответствовали военной тактике своего времени. Ширина клинков длинных донских мечей II — середины III в. не превышает 4—5 см, что отличает их от более поздней группы длинных мечей середины III — IV в. где часто встречаются тяжелые экземпляры, с шириной клинка 5—6 см.

Особый интерес представляют детали отделки меча: железная скоба, навершие и бусы-подвески.

Портупейная скоба (рис. 2, *3*) повреждена срезом траншеи и найдена в отдалении от меча. Благодаря ряду эффектных находок портупейных скоб I—V вв. в странах Востока, Восточной, Центральной и Западной Европе, а также богатому иконографическому материалу проясняются способы ношения длинных мечей и характер их крепления к портупее. Сейчас очевидно, что портупейные скобы, вертикально крепившиеся к ножнам, возникают независимо друг от друга всюду, где в широкий обиход входит длинный меч. Помимо неплохо изученных каменных скоб известны костяные (сарматская культура Подонья, находки в Северной Европе) [12, с. 237, 238, рис. 3], железные, а также скобы с серебряной и золотой обкладкой. Ножны кобяковского меча были снабжены простой петлевидной скобой. Способ крепления меча к портупее с помощью такой скобы хорошо показан на золотой застежке из погр. 3 некрополя Тилля-тепе [13, рис. 29] Считать такие скобы восточными по происхождению было бы неосторожно, так как они известны и в Центральной Европе, на длинных латенских мечах [14, табл. XXVI]

Дисковидное навершие меча (рис. 2, *2*) обычно для воинских кочевнических могил II—III вв., известных от Зауралья до степей Подонья; чаще других встречаются халцедоновые навершия (могильники Лебедевка, Агаповский, Альт-Веймар, «Три брата», Новоаксайский, «Четыре брата», Высочино, Ростов-на-Дону, Сладковский, Подгорненский и др.). Навершия из серпентина нехарактерны для этой группы оружия. Традиционны для позднесарматских

---

[3] Могильник исследован Л. С. Ильюковым в 1982 и 1983 гг.

[4] Исследован В. Г Житниковым в 1986 г.

мечей Подонья подвесные бусы, находимые в верхней трети клинка (рис. 2, *4, 5*).

Кинжал из погребения (рис. 2, *11*) отличается особо массивным клинком. В свете находок последних лет можно говорить о том, что в Подонье тип кинжала с прямым перекрестьем и кольцевым навершием пережил среднесарматскую эпоху (учитывая кобяковский, семь находок в могилах II — середины III в. совместно с длинными мечами; из них два биметаллических). Для позднесарматского вооружения эти кинжалы не были архаичными. В отличие от довольно стандартных мечей, у некоторых варьировали в основном переход от черенка к клинку и форма острия, кинжалы были представлены в это время различными типологическими модификациями, среди которых преобладали формы с кольцевым навершием и прямым перекрестьем, а также без навершия и перекрестья [15, с. 161, рис. 2, *10*, с. 167, рис. 8, *5, 6*, с. 169, рис. 9, *6*;16, с. 185, рис. 2, *15*, с. 187, рис. 4, *6*; 17, с. 105, рис. 2, 3; 18; табл. 51, *1*; 19, с. 235—238 и др.] В то же время, говоря о сосуществовании различных типов оружия, отметим, что устойчивый и наиболее употребительный в позднесарматскую эпоху набор наступательного оружия (длинный меч без металлического навершия и такой же кинжал, в ножнах которого часто носили и небольшой нож) складывается еще в рамках среднесарматской культуры [11, с. 135]

Особый интерес представляет находка комплекта костяных накладок на лук. Сохранившиеся накладки, несомненно, принадлежат луку «гуннского» типа (рис. 2, *9, 10, 14*). Длина лука составляла около 1 м. Средняя часть лука имела три накладки, причем фронтальная крепилась спереди. Первоначально лук имел семь костяных накладок (срединные и две пары концевых) Костяные накладки луков II — середины III в. в Подонье редки [17, с. 105, рис. 2, *8—13*; Кобяковский некрополь, раскопки 1985 г., погр. 111 (обломок концевой накладки)].

Морфологически накладки восточноевропейских луков II—III вв. очень близки центрально- и среднеазиатским. Обычно они длинные и узкие, слабо изогнуты и очень незначительно расширены к округленному концу. Вырезы для тетивы расположены близко к концам [20, с. 63, рис. 13; 21, табл. III—V, 22, табл. IV, *3, 4*; 23, с. 27, рис. 2, *1—22* и др.]

Считается, что победа «гуннского» лука над «скифским» во II—III вв. была обусловлена в первую очередь развитием защитного вооружения [24, с. 33] Интенсивные раскопки последних лет в Подонье и Волго-Уральском регионе, выявившие большое количество новых позднесарматских памятников, не позволяют говорить о сколько-нибудь значительном распространении защитного вооружения (щитов, шлемов, кольчуг, панцирей, конских доспехов) у степных кочевников. Напротив, если в среднесарматскую эпоху изредка встречаются погребения, содержащие остатки панцирей и кольчуг, то в позднесарматских комплексах такие находки пока неизвестны. Существование защитного вооружения у причерноморских конников II—III вв. устанавливается по косвенным данным, в частности по иконографическому материалу (рельеф Трифона из Танаиса, росписи керченских склепов). Археологические данные не дают оснований для утверждения о значительном распространении и развитии защитного вооружения в волго-уральских, донских и причерноморских степях на протяжении II—III вв. Появление здесь крупных луков «гуннского» типа следует рассматривать в связи с их высокой боевой эффективностью. «Гуннский» лук в большей степени, чем «скифский», приспособлен для прицельной, избирательной стрельбы, что было важно при ведении боевых действий сравнительно небольшими профессиональными дружинами.

Кроме того, историю «гуннского» лука нельзя понять в отрыве от грандиозных миграционных процессов, охвативших на рубеже и в начале нашей эры Центральную и Среднюю Азию. Они способствовали распространению этого эффективного оружия в различной культурно-этнической среде. Очевидно, как следствие внешних импульсов, не позднее второй половины I — начала II в.

н. э. «гуннские» луки попадают в сарматские воинские могилы Поволжья [25, с. 45, 46, рис. 13], Подонья и далее на запад, вплоть до Поднестровья (погребение у с. Пороги Винницкой обл. [26, с. 53, 54] Любопытно отметить, что и в Порогах, и в Сусловском кургане 51 наборы костяных накладок на лук сочетались с наконечниками стрел центрально-азиатских типов. Отметим, что в конце II — начале III в. наряду с другим восточным импортом в Подонье попадают нефритовые детали отделки длинных мечей [16, с. 186—188, рис. 2, *2, 7*], крупные наконечники стрел с опущенными жальцами, очень близкие среднеазиатским (Кобяковский могильник, погр. 7 (1957 г.)).

Интересен и сбруйный набор из погребения. Удила, конструктивно близкие кобяковским (рис. 2, *19*), известны по находкам в комплексах, датирующихся не позднее начала II в. н. э. Таковы находки в Сусловском кург 51 [25, с. 45, 46], погр. 79 некрополя Танаиса [27, табл. 32, *6*], кург. 26 Крепинского I могильника на Нижнем Дону [28, табл. 67, *3*] Конструкция сбруи была сложной — об этом можно судить по обилию железных колец-распределителей с ременными зажимами; многообразие вариантов не позволяет убедительно реконструировать сбруйный убор. Не вполне ясна роль в сбруе четырех прямоугольных железных бляшек с золотой аппликацией (рис. 3, *5—7*). Ажурный наконечник с аппликацией (рис. 2, *17*) мог использоваться для застегивания подпружного ремня или же в качестве подвески. Близкие ажурные железные наконечники с золотой аппликацией найдены в близлежащем кургане 10 Кобяковского могильника, в богатейшем среднесарматском комплексе второй половины I — начала II в., в кург 1 Кировского I могильника в бассейне Сала (раскопки Л. С. Ильюкова 1981 г.), в кург. 25 могильника Валовый близ Танаиса (исследован Е. И. Беспалым в 1987 г.).

Количество и форма фаларов позволяют предположить, что они крепились парами на плечах и бедрах лошади. Основанием такой реконструкции может служить иконографический материал. Так размещены фалары на боспорских терракотовых статуэтках, изображающих всадников [29, с. 177, 178, рис. 1, *1, 4*], на гандхарских рельефах [30, с. 104, рис. 107], на сбруе царских коней раннесасанидских рельефов 60—70-х годов III в. н. э. [31, табл. VII; 32, рис. 84]. Сбруйные комплекты этого типа хорошо известны в сарматских [17, с. 107, рис. 5] и северопонтийских древностях (Керчь, гробница из раскопок Карейши 1842 г. и гробница 1896 г [33, с. 616, 617; 34, с. 271—292, табл. Б], Неаполь Скифский, могила из раскопок 1949 г. [35, рис. 8, *б*]). Часто наборы из четырех круглых фаларов сопровождаются 14 небольшими, листовидной или миндалевидной формы. Все эти находки относятся ко II — первой половине III в. н. э. По комплектности сбруйные наборы этого типа отличаются от роскошных парадных конских уборов среднесарматской знати, где больших фаларов было 2, а малых 8—12.

Любопытна стилистика исполнения сбруйных деталей. В основном это тонкие железные пластинки, на которые накладывалась вырезная золотая фольга, крепившаяся к железу сплошными рядами начеканенных точек; одновременно точки служили и декором. В этой стилистической группе нередки ажурные вещи, часто с тамгообразными знаками. В литературе до сих пор особенностям этого стиля уделялось мало внимания. Нам известны находки нескольких конских уборов этого стиля в кочевнических могилах степного Подонья, из них один опубликован [16, рис. 2, *3—6, 8—12, 14*] Судя по описанию, в том же стиле был исполнен сбруйный набор из богатой позднесарматской могилы у с. Олонешты, вещи из которой не позволяют датировать ее позднее конца II в. [36, с. 206].

Вопрос о вещах, исполненных в этом стиле, нуждается в специальном исследовании. Прием аппликации фигурной золотой фольги на железные предметы известен в сарматских древностях со II—I вв. до н. э. Прорезные железные вещи с тамгами, плакированные начеканенной золотой фольгой, на наш взгляд, перекликаются с причерноморской модой II в. н. э. на ажурные украшения (пряжки, наконечники ремней), также имеющие тамгообразные знаки. Нам представляется, что сбруйные украшения этого стиля в целом немного старше

яркой и монолитной группы бронзовых и серебряных уздечных наборов, украшенных фасетками [17, с. 106, рис. 3; 37, с. 75, 76, рис. 3], хотя известны и совместные их находки.

В Карпато-Дунайском бассейне пряжки, исполненные в этом стиле, венгерские исследователи относят ко второй половине II — первой трети III в. н. э. [38, с. 256—258, рис. 1, *1, 12*; 2, *3*] Подтверждают такую дату комплекса и немногочисленные датирующие вещи, например железно-бронзовый наконечник ремня (рис. 2, *21*), который размерами и отсутствием декора фасетками еще отличается от наконечников, надежно датированных первой половиной III в., но очень близок армазским наконечникам второй половины II в., датированным монетами [39, с. 46, табл. I, *4, 5*] На II в. указывают и фрагменты светлоглиняных амфор, найденные в ровике. Наиболее вероятной датой Кобяковского комплекса следует считать вторую половину II в. н. э.

Очень редка находка узких гофрированных ленточек из золотой фольги (рис. 4). Судя по легкому загибу краев, они крепились на кожаную основу; их непрочность и непрактичность исключают повседневное использование — это или парадные, или, скорее, специальные погребальные сбруйные украшения. Максимально близки им ленточки из уже упомянутого кургана 10 Кобяковского курганного могильника и из курганов 2 и 12 Никольского могильника на Нижней Волге. Все эти курганы относятся к среднесарматской культуре и датируются второй половиной I — началом II в. [40, с. 112, рис. 16, *23*]. И. П. Засецкая предположительно считает никольские пластинки деталями отделки седла [40, с. 112] Поскольку история развития сарматского седла практически не изучена, трудно утверждать принадлежность кобяковских ленточек именно седлу, тем более что некоторые из них найдены в отдалении от основной массы (между берцовых костей погребенного, у фаларов). Возможно, часть ленточек использовалась в качестве декоративных накладок на сбруйные ремни. Примечательно, что гофрированные золотые ленточки, как и удила с двумя парами колец, выглядят в комплексе достаточно архаично в связи со среднесарматскими параллелями.

Вопрос о культурной принадлежности погребения достаточно сложен. Работами последних лет установлены большое своеобразие культуры Кобяковского некрополя I—III вв. и ее отличие от синхронной степной средне- и позднесарматской культуры [41, с. 52, 53]

Кобяковский курганный могильник исследован очень незначительно, планомерное его изучение невозможно в силу застроенности территории. Но даже скромные итоги исследования кобяковских курганов позволяют считать курганный могильник памятником, более сложным и неоднородным, нежели грунтовой. Основная его особенность — наличие богатых погребений, совершенных по степным, кочевническим обрядовым нормам. Так, в кург. 10 исследовано редчайшее непотревоженное погребение среднесарматского типа, а в расположенном неподалеку кургане 5 — воинская могила, соотносимая с ранним хронологическим горизонтом донских позднесарматских памятников.

Литые котлы являются преимущественной особенностью богатых кочевнических погребений; вне степной среды их находки редки. Структура инвентарного набора могилы полностью соответствует наборам позднесарматских погребений военной аристократии — сбруя и комплект наступательного оружия. Последний состоит, как правило, из длинного меча с каменным навершием и бусиной-подвеской и кинжала, часто носимого в одних ножнах с небольшим ножом. Реже встречаются наконечники стрел, еще реже — костяные накладки луков; в нескольких случаях найдены длинные узкие однолезвийные боевые ножи. Богатство сбруи находится в прямой зависимости от социального ранга погребенного, его места на военно-иерархической лестнице.

Любопытно, что богатые сарматские погребения обнаружены в самой непосредственной близости от этнически инородного грунтового могильника и в зоне прямой видимости с Кобякова городища. Мы склонны расценивать

эту ситуацию как следствие политического приоритета кочевников над населением Кобякова (а вероятно, и других нижнедонских) городища [42, с. 25]. Интересно отметить, что не ранее второй половины II в. в грунтовом Кобяковском некрополе появляется группа подбойных могил с камерами в западной стенке и северным сектором ориентировки погребенных. Эта группа, с одной стороны, сходна со степными позднесарматскими могилами, но рядом микропризнаков связана и с другими синхронными обрядовыми типами могильника, неизвестными в степи [42, с. 26]

Эта группа, на наш взгляд, может отражать начало седентаризации носителей позднесарматской культуры и их включение в иную культурно-этническую общность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост ун-та, 1962.
2. *Крылов А. Л.* О старине Донской области // Тр. VI АС. Т. IV. Одесса, 1889.
3. *Максимов Е. К.* Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1866. № 1.
4. *Боковенко Н. А.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. 1977 № 4.
5. *Rau P.* Prahistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927
6. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
7. *Багриков Г. И., Сенигова Т Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 2.
8. *Воронина Р Ф.* Отчет о работах 2-го Манычского отряда // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5642.
9. *Раев Б. А.* Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин // СА. 1979. № 1.
10. *Каменецкий И. С. за Зельдину В. Я.* Донская экспедиция. Отчет о раскопках за 1978 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10616.
11. *Максименко В. Е., Косяненко В. М.* Исследование курганного могильника на р. Быстрой // АО—1978. М., 1979.
12. *Tallgren A. M.* Notes marginales // ESA. 1933. T. VIII.
13. *Сарианиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983.
14. *Filip J* Celtic Civilisation and its Heritage. Praha, 1976.
15. *Шепко Л. Г* Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4.
16. *Максименко В. Е., Безуглов С. И.* Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. № 1.
17 *Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4.
18. *Volkow I. V., Guguev Yu. K.* A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR Int. Ser. 1986. 278.
19. *Федоров-Давыдов Г. А.* Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2.
20. *Сосновский Г П.* Раскопки Ильмовой пади // СА. 1946. Т. VIII.
21. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.
22. *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.
23. *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.
24. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
25. *Рыков П. С.* Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.
26. *Симоненко А. В.* Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н. э.// Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: Тез. докл. Новочеркасск, 1987
27 *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
28. *Шарафутдинова Э. С.* Отчет о работах второго Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г.// Архив РОМК. Ф. 2. Оп. 11. Д. 54.
29. *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
30. *Пугаченкова Г А.* Искусство Гандхары. М.; Искусство, 1982.
31. *Луконин В. Г* Иран в эпоху первых Сасанидов. Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
32. *Фрай Р.* Наследие Ирана М.: Наука, 1972.
33. ЗООИД. 1844. Т. I.
34. *Штерн Э. Р.* Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи // ЗООИД. 1898. Т. XXI.
35. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957
36. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1.
37. *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

38. *Вадаи А. Х., Кульчар В.* К вопросу о так называемых сарматских пряжках // ААН. 1984. Т. XXXVI.
39. *Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г А.* Мцхета. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1958.
40. *Засецкая И. П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Тр. ГЭ. 1979. Т. XX.
41. *Гугуев В. К.* Новые данные о Кобяковском грунтовом могильнике // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. Донецк, 1986.
42. *Безуглов С. И., Гугуев В. К.* Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I—III вв. н. э.// Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. Азов, 1988.

V. K. GUGUEV, S. I. BEZUGLOV

A KNIGHT BURIAL OF THE EARLY CENTURIES A. D. FROM THE KURGAN NECROPOLIS OF THE KOBYAKOVO FORTIFIED SETTLEMENT ON THE DON

Summary

This is the first publication of the materials obtained from a rich burial. It was discovered in 1984 at the outskirts of Rostov on Don. The grave goods date it between the second half — late 2nd century A. D. It is one of the so-called „knight" burial of the military typical mostly for the steppe late Sarmatian culture. Rich Sarmatian burials found at an ethnographically alien fortified settlement and a ground cemetery can be explained by nomads' political domination.

С. Г. КОЛТУХОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

За период более чем 150 лет со времени археологического открытия позднескифской столицы, получившей как объект исследования условное наименование Неаполь Скифский, накоплен большой, но неравноценный материал об оборонительных сооружениях города.

Топография памятника позволяет выделить три участка внешней оборонительной линии: южный, северо-западный и восточный (рис. 1). Южный участок наиболее мощный. Его протяженность около 500 м. Здесь проходила стена, отсекавшая от плато обрывистый мыс площадью более 20 га. Сегодня ее развал прослеживается на протяжении 450 м. От обрыва Петровских скал и до главных городских ворот на протяжении 260 м трасса стены идет с востока на запад. К западу от главных ворот, на отрезке протяженностью 190 м, стена поворачивается к северо-западу — западу. Развал обрывается в 30 м от крутого склона Петровской балки. Отсюда начинался сильно разрушенный северо-западный участок обороны. Восточный проходил по обрыву Петровских скал. Его протяженность 700—750 м. О характере укреплений, располагавшихся на северо-западе и востоке, определенных сведений, к сожалению, нет.

Впервые южная стена городища была нанесена на план Ф. Дюбуа де Монпере в 1834 г. [1, с. 378] [1] Точность, присущая плану, отмечена Т. Н. Высотской [2, с. 24]. Среди многочисленных планов города детальным изображением стен ворот и башен выделяется схема П. Н. Шульца [3, рис. 1], хотя наиболее строго трасса южной стены нанесена на план Н. Л. Эрнста [4, рис. 10].

В наши дни участок стены между главными воротами и обрывом Петровских скал изучен достаточно полно. Это позволяет поставить вопрос о его единой периодизации и реконструкции [2]

Многочисленные материалы по позднескифской фортификации, полученные при раскопках стен и башен у главных ворот, легли в основу трех периодизаций данного участка. Две из них, различающиеся лишь в деталях, принадлежат П. Н. Шульцу и А. Н. Карасеву [5, с. 161—166; 6, с. 68—72] Третья недавно предложена Т. Н. Высотской, отказавшейся от схемы предшественников. Новая модель не имеет перибола и протейхизмы [2, с. 45—50] Однако несмотря на развернутую аргументацию, реконструкция Т. Н. Высотской, основывающаяся на схематических планах, отрывочных описаниях и допущениях, лишенная основного — стратиграфической картины, выглядит недостаточно убедительно. В пользу отсутствия протейхизмы у ворот не свидетельствует даже то, что ее нет в 37 м к востоку в раскопке Е [2, рис. 9]. Скорее это серьезное основание считать передовую стену дополнительным укреплением, возводившимся только на

---

[1] Альбом к сочинению Ф. Дюбуа де Монпере давно стал библиографической редкостью, но план, составленный путешественником, воспроизведен в одной из последних работ Т. Н. Высотской [2, рис. 1]

[2] К числу новостроечных объектов, к натурному обследованию которых вернуться невозможно, принадлежат раскопы 1926 г. [4, с. 23—28], раскоп Е 1958 г. [2, с. 44], раскоп VI 1981—1982 гг. Исключение составляет раскоп А, расположенный на заповедной территории (рис. 5, *3*).

© С. Г Колтухов, 1990 г.

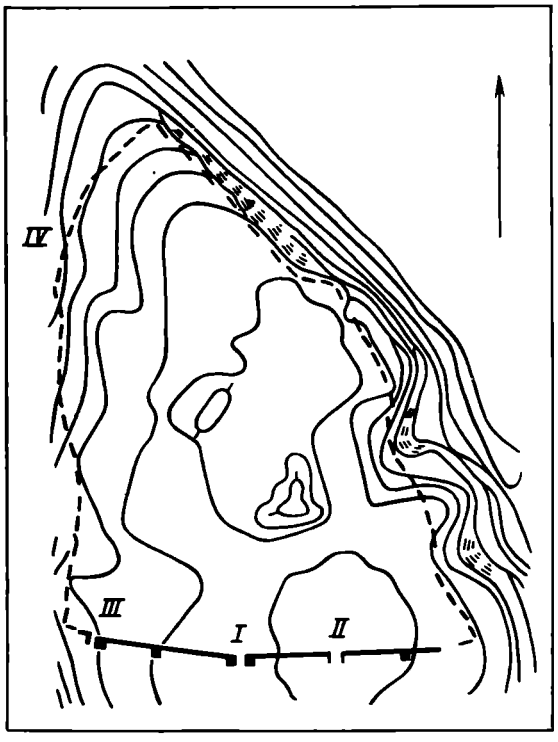


Рис. 1. План Неаполя со схематическим изображением южной оборонительной стены. I — центральные ворота; II — восточные ворота; III — западные ворота, по Ф. Дюбуа де Монпере; IV — северные ворота, по П. Н. Шульцу. Пунктирной линией обозначены северо-западный и восточный участки обороны города

наиболее опасных участках. Один из них — район главных ворот, другой, не менее своеобразный, возник у восточных ворот. Материал для периодизации и возможных реконструкций этого участка дает раскопки последних лет и полевая документация работ Н. Л. Эрнста, ранее по существу неизвестная [3]

Раскоп 1926 г. Расположен в 95 м к востоку от главных ворот. Участок изучался весной 1926 г. В плане представлял собой прямоугольный котлован длиной 70, шириной 27 м, а с учетом откосов 79×35 м. Был ориентирован по оси северо-восток — восток — юго-запад (рис. 2). Исследование велось квадратами размером 2×2 сажени (4,26×4,26 м) [7, с. 8] Материал, судя по дневниковым записям, систематизировался по слоям, выделенным на основании анализа керамики. Нижний характеризовался чернолаковой посудой, выше залегал слой, содержавший большое количество фрагментов краснолаковой керамики амфор и пифосов, и, наконец, в верхнем слое встречались в основном обломки скифской лепной посуды [8, с. 2]

Судя по описанию и плану раскопа (инв. № ККМ КП-26112/Д-9860), вычерченному в масштабе 1 200, сохранность стены, несмотря на большую протяженность раскрытого участка, хуже, чем у главных ворот. Н. Л. Эрнсту удалось выделить лишь древнейшую стену и протейхизму.

Древнейшая стена, сильно разрушенная, ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением. Протяженность ее исследованного участка составляет 70 м. Ширина в основании 2—2,5 м, местами достигает 3 м. На некоторых участках стена стоит на скале, чаще на наскальной корке, поверхность которой промазана тонким слоем глины [7, с. 12—15] Панцири сложены из массивных обломков известняка, забутовка — из наскальной корки. В 22 м от западного борта раскопа на протяжении 6 м стена прерывалась. Здесь не было ни панциря, ни забутовки. Последнее позволяет видеть в разрыве воротный проем, края которого разрушены выборкой камня. От несохранившихся торцов в южном направлении перпендикулярно к стене отходили две кладки толщиной до 1,2 м, образуя коридор шириной около 4,2 м. Восточная кладка сохранилась на протяже-

[3] Полевая документация Н. Л. Эрнста обнаружена автором в научном архиве Крымского краеведческого музея. До сих пор исследователи пользовались только кратким предварительным отчетом.

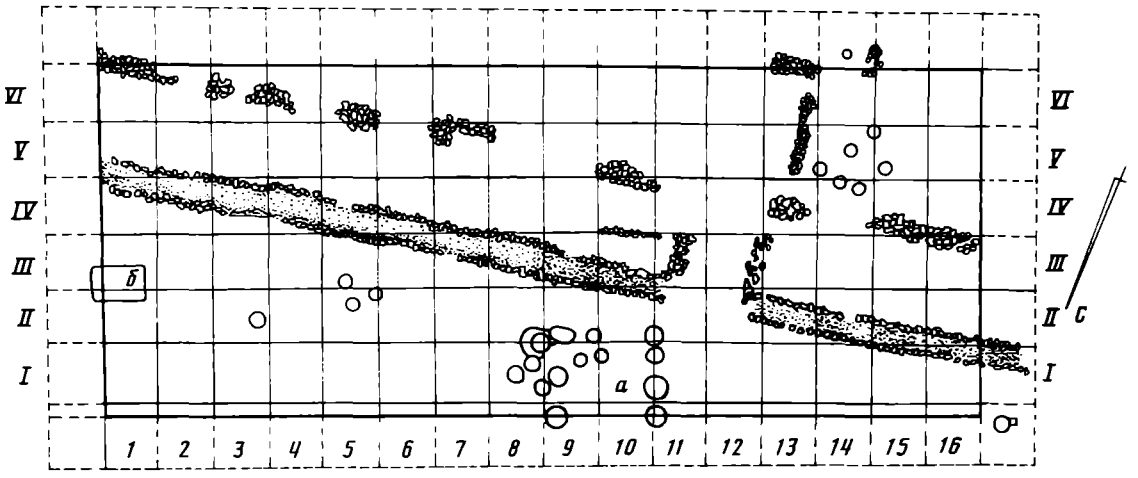


Рис. 2. План раскопа 1926 г *а* — хозяйственные ямы; *б* — землянка

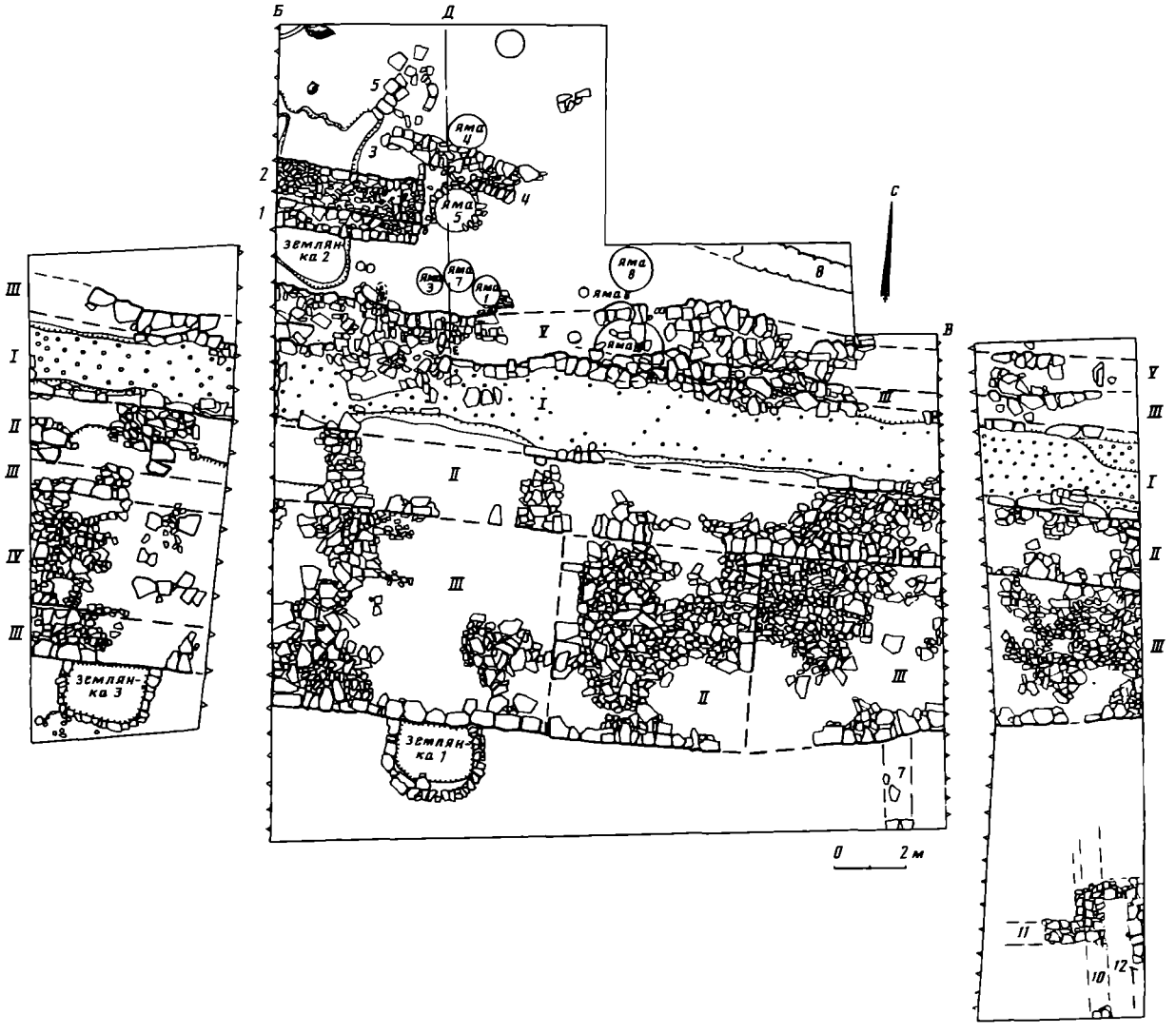


Рис. 3. План раскопа 1981—1982 гг. (№ VI). I—V — строительные периоды оборонительной стены. На территории города к эллинистическому времени относятся: кладки 5, 9, хозяйственные ямы 4, 7, 8, 10. К I в. до н. э.— I в. н. э.: полуземлянка 2, стены 1, 8, хозяйственные ямы 1, 3, 4. Ко II—III вв. н. э.: стены 2, 4, хозяйственные ямы 2, 5. На участке пригородной территории к I в. до н. э.— началу I в. н. э. относятся стены 7, 10—12. К III в. н. э.— землянки 1, 3

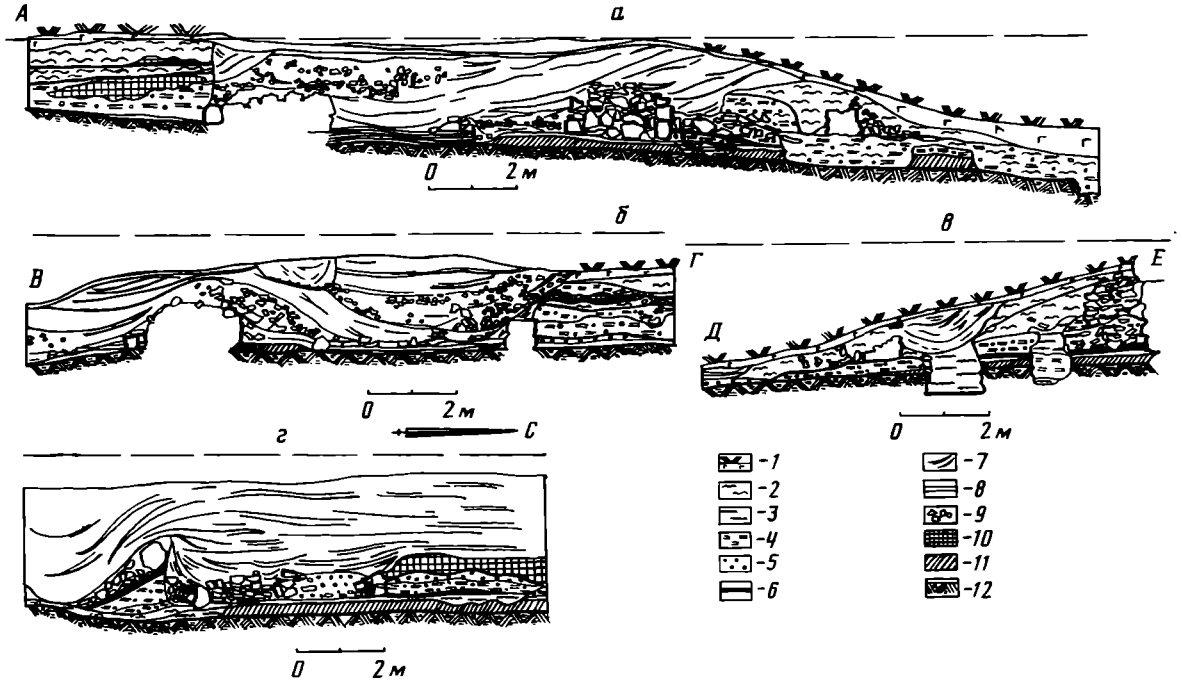


Рис. 4. Стратиграфия раскопа VI и разреза 1983 г *а* — западный борт раскопа; *б* — восточный борт раскопа; *в* — разрез по линии Д—Е; *г* — западный борт разреза 1983 г *1* — гумус; *2* — золистый культурный слой; *3* — зола; *4* — рушеный сырец; *5* — известняковый щебень; *6* — гарь; *7* — перекоп; *8* — тонкие прослойки рушеного сырца и глины; *9* — камни; *10* — рушеный сырец со следами воздействия огня; *11* — наскальная корка; *12* — материковая скала

нии 3 м, западная — 5 м (рис. 2). Вряд ли можно сомневаться в том, что стены облицовывали воротный проем длиной 10—11 м. На вопрос о том, одновременны ли они протейхизме или сооружены позднее, возведены сразу или делятся на несколько строительных периодов, полевая документация ответа не дает.

Передовая стена сохранилась участками, между которыми существовали разрывы протяженностью до 8 м. Ширина ее основания 1,6—1,8 м. От древнейшей стены она отстоит на 6,5—7 м и на всем протяжении строго параллельна ей. На плане раскопа восточнее ворот, в 3 м к югу от древнейшей стены, на протяжении 4 м нанесен участок каменного панциря, который не был интерпретирован исследователем, вероятно, из-за невыразительности (рис. 2) Так как стены Неаполя усиливались путем наращивания дополнительных поясов, что надежно засвидетельствовано в раскопах А и Е, в раскопе 1981—1982 гг можно думать, что перед нами остатки такого пояса. Расстояние между ним и протейхизмой 3,5 м. Вероятно, это соответствует ширине перибола.

Перед протейхизмой, к западу от ворот, открыты остатки нескольких каменных построек и хозяйственных ям. К сожалению, подробного описания материала, позволяющего датировать эти сооружения, в дневнике нет. То же можно сказать о землянке и серии хозяйственных ям на территории города. Тем не менее обвинять в этом Н. Л. Эрнста, хорошо владевшего достаточно совершенной методикой тех лет, не следует. Раскопки представляли собой рытье котлована, а исследователь силой обстоятельств был низведен до положения наблюдателя [4, с. 26] В таких условиях значение отдельных деталей могло остаться непонятным. Существенно другое: выводы, к которым пришел в 1926 г Н. Л. Эрнст [4, с. 28], стали тем фундаментом, на котором покоятся современные представления о городе и позднескифской культуре в целом.

Раскоп 1981—1982 гг. (в полевой документации и отчетах именуется раскопом VI, под этим же номером он будет упоминаться далее в тексте статьи) Расположен в 10 м к востоку от раскопа 1926 г ориентирован так же, как и раскоп Н. Л. Эрнста. Его протяженность с северо-запада — запада на юго-

восток — восток 32 м, по перпендикулярной оси — 25 м (рис. 3). Раскрыто 33 погонных метра городской стены. Несмотря на крайнюю фрагментарность строительных остатков, удалось выделить четыре строительных периода. Все они относятся к эллинистическому времени.

Первый строительный период представлен древнейшей стеной, трасса которой идет по оси восток — запад с едва заметным отклонением (рис. 3). Ее длина в раскопе 33 м. Основание шириной 2—2,5 м покоится на поверхности наскальной корки, промазанной слоем глины толщиной до 3 см (рис. 3; 4, *а*). Кладка трехслойная, двухлицевая. Панцири возведены в иррегулярной системе из крупных обломков известняка со слегка подработанной лицевой поверхностью. Щели заполнены землей или глиной. В восточной части стены выявлена каменная перемычка, соединяющая оба панциря (рис. 3; 4, *а*). Наклон внешнего панциря внутрь составляет 10—40 см на высоте 1 м. Внутренний пояс столь же значительно отклонен в сторону города. Причину подобного опрокидывания стены предстоит выяснить. Забутовка до высоты 1,5—2 м состоит из наскальной корки и гумуса, взятых на месте строительства. С напольной стороны на расстоянии 1,8 м от внешнего панциря тянется выборка наскальной корки шириной до 14 м и глубиной до 0,25 м.

Со стороны города вдоль стены в полосе шириной до 2 м расположено большое количество ямок для столбов диаметром от 0,2 до 0,4 м, размещенных очень неравномерно. В дальнейшем они были перекрыты культурным слоем и развалом стены, который можно отнести ко времени после похода Диофанта.

Второй строительный период. К нему относятся башня и пояс 1, пристроенный к древнейшей стене с напольной стороны (рис. 3).

Ширина пояса 1 в западной части раскопа 1,9 м. Далее на протяжении 3 м он полностью выбран. Восточнее снова появляются обрывки пояса, однако ширина его достигает 2—2,2 м. Кладка двухслойная, панцирь возведен из продолговатых и узких обломков известняка и зеленого песчаника, сложенных в иррегулярной системе насухо или на земляном растворе. Наклон панциря внутрь на 1 м высоты не превышает 5 см. Забутовка состоит из мелкого камня и гумуса, подстилается тончайшим культурным слоем с единичными обломками позднеэллинистических амфор, лепных и чернолаковых сосудов. Ширина стены с момента сооружения пояса составляет 4,5—3,6 м.

С юга к поясу 1 пристроена без перевязи прямоугольная башня размером 5,5×6 м. Основания кладок башни и пояса находятся на одном уровне. Возведена башня из того же материала и по той же системе, что и пояс 1. Стены не выделены, за панцирем следует каменная забутовка, заполняющая всю внутреннюю часть. Лицевые слои, сохранившиеся до высоты 1 м, имеют наклон внутрь около 5 см.

Третий строительный период связан с ремонтом существующей стены, превращением башни в бастион, не позднее этого времени возводится протейхизма. Со стороны города к древнейшей стене пристраивается пояс 2 шириной 0,7—0,8 м, сохранившийся отдельными участками (рис. 3). Панцирь сложен в иррегулярной системе из необработанных обломков известняка. Щель между ним и древнейшей стеной забутована мелким камнем. Пояс, так же как и древнейшая стена, отклонился в сторону города. Его основание стоит на культурном слое толщиной от 3 до 20 см, содержащем керамику II в. до н. э. Причиной отнесения пояса к третьему строительному периоду послужило следующее наблюдение. В культурном слое под ним выявлена хозяйственная яма, в заполнении которой, состоящем из строительного мусора, найдены обломки зеленого песчаника, использованного лишь в кладках второго периода.

Тогда же с внешней, напольной стороны стены к западу от башни возводится двуслойный пояс 3 шириной 1,4 м, он заканчивается, не доходя 9—7 м до башни. Его панцирь, возведенный из необработанных обломков известняка в иррегулярной системе, и каменная забутовка сложены на глине. Основание кладки покоится на скале или на тонкой прослойке глины (рушеный сырец?). Расстояние меж-

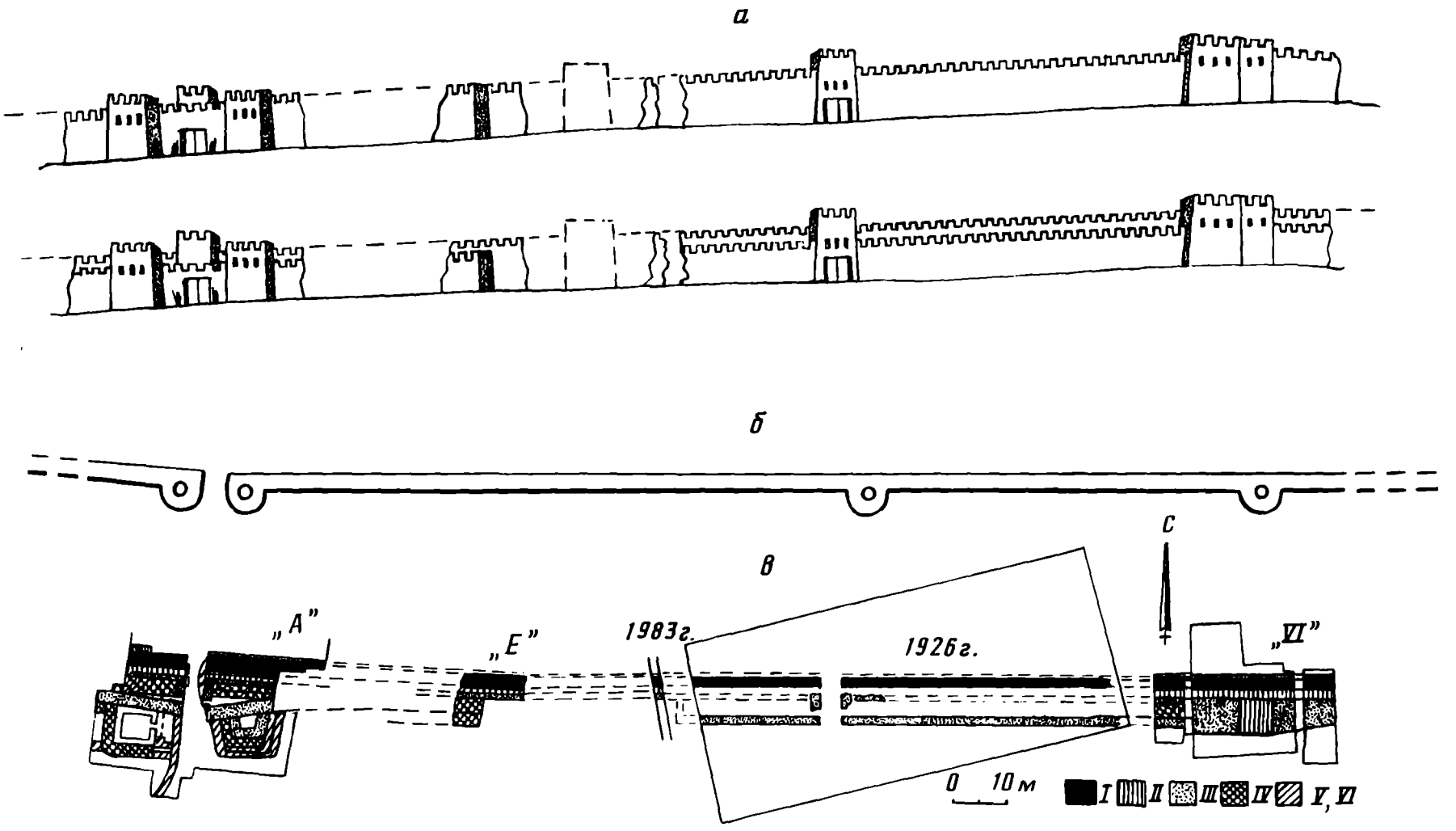


Рис. 5. Реконструкция стены. *а* — объемная реконструкция южной стены четвертого строительного периода к востоку от главных ворот; план стены к востоку от главных ворот, по Ф. Дюбуа де Монпере; *в* — сводный план раскопов (I—VI — строительные периоды стены)

ду этим поясом и передовой стеной, равное 3,2—3,4 м, близко к ширине перибола, зафиксированной в раскопе 1926 г. (рис. 2, *3*).

То, что описанный выше пояс не доведен до башни, можно рассматривать как свидетельство того, что сама башня перестраивается. Протяженность западной пристройки 7—9 м, ширина 6 м (рис. 3). Панцирь сложен на глине из крупных обломков известняка с грубо обколотой лицевой поверхностью. Кладка однослойная иррегулярная. За панцирем следовала забутовка из меньших камней, заполнявших всю внутреннюю часть. Они лежали на культурном слое толщиной до 0,4 м, состоявшем из прослоек золы и глины (рис. 4, *а, б*). Материал из напластований датируется временем не позднее II в. до н. э. Здесь найдены фрагменты лепных сосудов, родосских, синопских, косских, книдских, коричнево-глиняных эллинистических амфор и гончарной посуды. К сожалению, участок, на котором располагался обращенный к западу панцирь этого сооружения, был уничтожен при строительных работах (рис. 3).

Новый пояс был возведен и к востоку от башни. Однако здесь панцирь положен так, что пояс быстро сужается в восточном направлении (рис. 3). Скорее всего высота нового пояса соответствовала высоте передовой стены (рис. 5, *а*).

Остатки протейхизмы выявлены в западной части раскопа на протяжении 2 м (рис. 3). Она отстоит от пояса 3 на 3,2—3,4 м, что соответствует ширине перибола. Ширина покоящегося на скале основания передовой стены 1,6 м. Кладка трехслойная, иррегулярная, двухлицевая. Панцири сложены на глине из обломков известняка большого размера, забутовка из мелкого камня на глине. Очевидно, протейхизма примыкала к западному фасаду перестроенной, превращенной в бастион башни (рис. 5, *а, в*).

Четвертый строительный период. В это время, судя по обилию камней на дне перибола, он был засыпан (рис. 3). Искусственный характер засыпи подтверждается тем, что слой разрушения с напольной стороны, следующий за описываемым строительным периодом, состоит из рушеного сырца без камней (рис. 4, *а, б*). Замечу, что искусственная засыпь отмечена и в периболе у главных ворот города [2, с. 49]

О дальнейшей истории оборонительных сооружений можно, конечно со многими оговорками, судить по культурному слою города и предместья.

Стратиграфия пригорода достаточно полно отражает картину формирования отложений II в. до н. э.— III в. н. э. (рис. 4, *а, б*). Выше слабого, мощностью не более 0,2 м слоя рушеного гумированного сырца и золы, синхронного первому — второму строительному периоду, и перекрывающего его в некоторых местах отеса третьего строительного периода (рис. 4, *б*) зафиксирован мощный слой рушеного сырца высотой до 1 м (рис. 4, *а, б*). В нем преобладают мелкие осколки синопских, херсонесских, родопских амфор, гончарных сосудов с серой, коричневой, красной обмазкой, мегарских чаш (некоторые обломки находятся непосредственно во фрагментах сырца). Подобный материал типичен для позднеэллинистических напластований города. Однако в этом же слое встречены единичные осколки светлоглиняных амфор с двухствольными ручками, традиционно датируемых I в. до н. э.— I в. н. э. Нам кажется, что подобное сочетание могло возникнуть еще в конце II в. до н. э. Вероятно, стена продолжала разрушаться и в первой половине I в. до н. э.

На снивелированной поверхности сырца отложился тонкий золистый культурный слой (рис. 4, *а, б*). Он связан с остатками каменных построек, очевидно, примыкавших к городской стене (рис. 3), открытых в юго-восточной части раскопа. На полу помещений гарь. Пожар перекрыт обожженным сырцом, глиной, развалами камня (рис. 4, *б*). Обожженный сырец и глина встречаются не только в помещениях, отдельные линзы лежат перед стеной на всем протяжении раскопа. Керамика в пожарище сравнительно однообразна. Это остатки лепных сосудов, фрагменты светлоглиняных амфор с двухствольными ручками [9, с. 100, табл. XXII, *61*], обломки светлоглиняных амфор с широким горлом и ручками, профилированными двумя гребнями, известными в слое I в. н. э. Нижнегнилов-

ского городища [10, с. 35]. Узкогорлых светлоглиняных амфор типа А, бытовавших в I в. н. э. [11, с. 17, 18], нет. Нередко встречаются фрагменты красноглиняных амфор, типология которых не разработана. Краснолаковая посуда представлена редкими обломками кувшинов с рельефным валиком в основании горла или на плечиках и мисок с загнутым внутрь приостренным краем. Такой керамический комплекс, вероятно, типичен для конца I в. до н. э. и первых десятилетий I в. н. э.

Выше залегают золистые отложения первых веков нашей эры (рис. 4, *а, б*). В I в. н. э. погибшие в пожаре строения частично восстанавливаются, но существуют недолго. Культурных остатков II—III вв. н. э. в них нет. Следует отметить, что у стены материал II в. крайне невыразителен и не образует слоя, который появляется здесь лишь в III в. н. э. К этому времени относятся обломки рифленых амфор, датирующим материалом являются фрагменты амфор мирмекийского типа [9, с. 112, табл. XXX, *72а*] и узкогорлых светлоглиняных амфор типа D [11, с. 18, 19] Этим же временем датируются и две землянки, пристроенные к внешнему панцирю стены (рис. 3). В слое часто встречаются скопления камня, появившегося, вероятно, в результате разрушения городской стены.

Не менее выразительны культурные отложения в городе. Мощность культурного слоя, синхронного первому — четвертому строительным периодам, незначительна и не превышает 0,25 м. К эллинистическому времени относится несколько ям и остатки каменных построек в северо-западной части раскопа (рис. 3). Находки представлены тем же материалом, что и в синхронных слоях под стеной и перед ней.

Выше залегает прослойка гари, на ней мощный слой рушеного сырца, камня и высыпавшейся из тела древнейшей стены забутовки (рис. 4, *а, б*). Находки подобны тем, которые содержались в сбросе сырца перед стеной. Все говорит за то, что перед нами следы разрушения, последовавшего за пожаром, происшедшим в конце II в. до н. э. на территории города. В I в. до н. э. с поверхности слоя, образовавшегося из продуктов разрушения стены, прослеживается полуземлянка (рис. 3; 4, *а*). Следующий этап — возведение каменных построек, сооружение хозяйственных ям, появление детских погребений у стены и строительство пояса 5 (рис. 3), удерживавшего от расползания огромную массу сырца, камня, щебня, находившуюся на стене с разрушенными со стороны города панцирями (рис. 3; 4, *в*). Собственно, это часть сооружения, подобного «пандусу» в районе главных городских ворот, сыгравшего столь заметную роль в реконструкции Т. Н. Высотской [2, с. 49] В каменных постройках, на полах, встречается материал I в. до н. э.— I в. н. э., на камнях стен — следы пожара. Остатки построек перекрывают золистые отложения с находками I—III в. н. э.

Периодизация и реконструкция. В ее основе — планы исследованных участков и фрагмент плана, составленного Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 5) Следует заметить, что такие объективные причины, как плохая сохранность строительных остатков и напластований, крайний схематизм плана путешественника, не позволяют рассматривать нашу реконструкцию иначе, чем ряд возможных вариантов.

Первый строительный период представлен древнейшей стеной. Протяженность раскопанных участков составляет 103 м (рис. 5, *в*). Трехслойная иррегулярная кладка повсюду одинакова. По данным Т. Н. Высотской, сужение стены на раскопе Е, на ненарушенном участке, составляет 30 см на 1 м высоты [2, с. 37] Судя по размерам выборки наскальной корки в раскопе VI, на погонном метре стены объем забутовки составлял около 2,5 м ^{3} Следовательно, при ширине основания стены 2—2,5 м и общей толщине панцирей 0,6 м забутовки из наскальной корки хватало до высоты 1,5—2 м. Последнее подтверждается наблюдениями в раскопе А. По реконструкции Т. Н. Высотской, высота каменного основания составляла 2,5—3 м, далее, до высоты 5—5,5 м предполагается сырцовая надстройка [2, с. 39] Однако в тончайших отложениях, подстилающих в раскопе VI пояс второго строительного периода, сырца нет. А ведь в таком виде

стена могла существовать довольно длительное время, достаточное для того, чтобы прослойка из продуктов разрушения сырца перед стеной появилась. Замечу, что к западу от центральных ворот перед стеной успел накопиться слой золы высотой до 1 м [5, с. 165, рис. 52, *3*].

Не отвергая пока реконструкцию Т. Н. Высотской, предложим иную, которая выглядит не менее вероятной. Возможно, на этом этапе стена на всю высоту была каменной и не имела выделенного парапета. Верхняя часть могла быть сложена из камня с использованием раствора глины. Боевая площадка могла представлять собой настил, крепившийся на брусьях, вмонтированных в кладку и опиравшихся на столбы (в раскопе VI за древнейшей стеной обнаружены многочисленные столбовые ямки). Подобный прием использовался в древней фортификации [12, с. 46]. Высота подобной стены могла достигать 5—7 м.

Помимо центральных и западных ворот, нанесенных на плане Ф. Дюбуа де Монпере, в стене существовали и восточные, обнаруженные Н. Л. Эрнстом, отстоявшие от главных на 120 м. Очевидно, по ширине и оформлению проема они не отличались от главных. Остается неясным, фланкировалась ли древнейшая стена башнями. Вообще в фортификации Страбоновой Скифии уселение стен башнями — явление самое обычное. Они известны в Крыму и Поднепровье [13, с. 110; 14, табл. V] Поэтому разное количество и ширина поясов второго строительного периода, примыкающих к древнейшей стене с юга на последовательно расположенных раскопах А и Е, позволяет высказать предположение о том, что различие может объясняться существованием на неисследованном участке между раскопами (рис. 5, *в*) башни первого строительного периода.

Вопрос о времени строительства древнейшей оборонительной стены неразрывно связан с вопросом о времени возникновения города. К его историографии мы не обращаемся, так как она достаточно полно рассмотрена Т. Н. Высотской [2, с. 189, 190], считающей временем основания Неаполя конец IV в. до н. э. Сравнительно недавно появилось хорошо обоснованное исследование А. С. Голенцова и В. К. Голенко, дающее точную дату — конец или последняя четверть III в. до н. э. [15, с. 78] Среди 16 клейм, найденных в 1926 и 1981—1982 гг. у стены, наиболее ранние родосские относятся к близкому времени.

ᶜΙππoκ[ρ]ατεύς

вокруг цветка граната

Обнаружено в засыпи ямы непосредственно за древнейшей стеной на территории города в раскопе VI. Д. Б. Шелов относит клейма этого эргастериарха к 200—180 гг. до н. э. [16, с. 105], Ю. С. Бадальянц — к 200—165 гг. [17, с. 11, *7*]

φάνια

Раскоп Н. Л. Эрнста, квадрат IV—8, на материке. Данного эргастериарха Ю. С. Бадальянц связывает с хронологической группой III, которую датирует 200—180 гг. до н. э. [17, с. 12, *7*]

'Επὶ 'Αρατόφα

νευς

Раскоп Н. Э. Эрнста, на материке, квадрат IV—12. Принадлежит Аратофану I. Д. Б. Шелов согласен с датировкой 200—180 гг. до н. э. [16, с. 35]. Ю. С. Бадальянц принимает иную — 220—180 гг. [18, с. 39]

'Επὶ [= = =]ευδανο

вокруг цветка граната

На ручке сбоку дополнительное клеймо [Р ✶].

Раскоп Н. Л. Эрнста, на материке. Аналогичное дополнительное клеймо известно в Танаисе, где сопровождает клеймо эргастериарха Гиппократа [16, с. 105]. Это позволяет отнести наше клеймо к 200—180 гг. до н. э. [19, с. 66].

Клейм, датируемых более ранним временем, нет. К приведенной выше дате, предложенной А. С. Голенцовым и В. К. Голенко, добавим лишь то, что временем основания позднескифской столицы может быть и первая четверть II в. до н. э. Отдельные находки III и даже IV вв. до н. э. на городище встречаются, слоя же конца IV—III в. до н. э. до сих пор не обнаружено.

Можно думать, что стена на первом этапе либо была временным сооружением, либо предназначалась для защиты от варварских отрядов, не владеющих приемами осады и штурма городов. Скорее всего таким противником в это время были сарматы. Кстати, они, в легенде об Амаге, захватили скифскую резиденцию без штурма.

Второй строительный период. Основанием для отнесения его ко времени после 180 г. до н. э. может служить находка родосского клейма в раскопе VI перед башней, под строительным отесом времени ее постройки.

('Επὶ) Πμου[ρρὸδου]
[πα]νὸμου

вокруг цветка граната

В легенде опущен предлог 'Επὶ. В названии месяца вместо второго А резчик поставил О. Время деятельности эпонима обычно определяют в рамках 180—150 гг. до н. э. [16, с. 76]

В этот период стена на всем протяжении была усилена поясом шириной около 2 м, сооруженным с напольной стороны (рис. 5, *в*), и, очевидно, несколькими башнями. Нет оснований считать башню второго периода из раскопа VI единственной. Теперь ширина основания стены достигала 5—6 м, выступающие на такое же расстояние башни (нельзя исключать того, что некоторые из них могли быть разобраны во время последующих перестроек) могли надежно зафланкировать район ворот и значительные участки куртин. Тогда же на каменном основании стен и башен были возведены сырцовые кладки. Скорее всего для защиты сырца от воздействия воды и снега были использованы перекрытия. За счет сырцовой надстройки высота стены могла заметно увеличиться и достичь 8—10 м. Именно с этого времени город приобрел вполне достойные столицы укрепления, по крайней мере с точки зрения их планировки и высоты. Слабым местом были иррегулярные кладки без надежного связующего раствора и отсутствие у людей, возводивших стены, давних традиций каменного строительства.

Третий строительный период по количеству и разнообразию работ превосходит второй. В это время поясами 2 и 3 усиливается основная стена, башня в раскопе VI превращается в бастион, перед воротами возводятся передовые стены и башни у главных ворот.

Пояс 2 пристраивается к древнейшей стене со стороны города. Его остатки зафиксированы в раскопе А и в раскопе VI, очевидно, он сооружался отдельными несомкнутыми куртинами лишь там, где это было вызвано необходимостью ремонта стены. Пояс 3 усиливал стену с напольной стороны. Он зафиксирован во всех раскопах (рис. 5, *в*). Возводился он куртинами шириной 0,8—1 м. В свое время А. Н. Карасев отметил, что к западу от главных ворот этот пояс построен для усиления предшествующего, разрушающегося [5, с. 165].

У главных городских ворот к поясу 3 пристраивают пилоны (рис. 5, *в*) длиной около 4 м, которые скорее всего представляли собой основание надвратной башни, ширина каждого из них 1,7 м (рис. 5, *а*) [4] В том виде, в котором реконструи-

[4] По мнению В. П. Толстикова, которым он любезно поделился с автором статьи, в башне помимо воротного проема и боевой площадки могло быть специальное помещение для хранения

рует их Т. Н. Высотская, они скорее мешают защитникам, чем помогают [2, рис. 10]. Ориентируясь на «пилоны», передовую стену строят так, чтобы между двумя сооружениями оставались проходы, ведущие в неширокие и небольшие по протяженности участки перибола к востоку и западу от ворот (рис. 5, *в*). Очевидно, протейхизма имела свои ворота, другие располагались в башне. Другая башня пристроена в это же время к передовой стене с востока от ворот. Она, как могла, фланкировала ворота, но основной задачей была, очевидно, защита парадного входа в мавзолей, пристроенный к протейхизме к западу от ворот (рис. 5, *в*). Сам мавзолей, судя по положению и размерам, с самого начала рассматривался в системе обороны ворот как привратная башня. Высота мавзолея и башни, пристроенной к протейхизме, из понятных соображений, вряд ли заметно превышала высоту основной стены. Скорее всего их боевые площадки с тыльной стороны не имели парапета. В высотном отношении господствовать над всем узлом обороны могла надвратная башня (рис. 5, *а*).

Очевидно, тогда же сооружается протейхизма у восточных ворот. Протяженность перибола в восточном направлении составляла около 75 м (рис. 5, *в*), ширина — 3,5 м в среднем. Протяженность в западном направлении не более 30 м. Выяснить это удалось в 1983 г., когда траншея водовода разрезала стену в направлении северо-запад — юго-восток в 9—12 м к западу от раскопа 1926 г. (рис. 5, *в*). Ширина основания древнейшей стены составляла 2,2 м (рис. 4, *г*). Возведена она так же, как и на других участках. Под стеной тонкая прослойка глины, которой покрыта поверхность стерильной в археологическом отношении почвы. К югу от древнейшей стены на расстоянии 1,1 м заметно «корыто» выборки наскальной корки. Его ширина 5 м, глубина 0,25 м (рис. 4, *г*). С севера к стене примыкает развал кладки, который сложно интерпретировать. С юга пристроен пояс шириной 1,9 м, хорошо известный нам и на других участках. К нему примыкает еще один, панцирь выбран, но четкая полоса перекопа позволяет определить его ширину — 0,8 м (пояс 3). Перед стеной рушеный сырец, гарь, обгоревшие камни, выше современный перекоп (рис. 4, *г*). Со стороны города к стене примыкает слой гари, на нем рушеный сырец, смешанный с забутовкой древнейшей стены, выше известняковый щебень и более поздний завал сырца. Вся эта текстура хорошо знакома нам по стратиграфиям раскопа VI (рис. 4). Итак, общая ширина стены 5,5 м, следов протейхизмы нет, так же как нет их и в раскопе Е [2, с. 44, рис. 9] Как заканчивался здесь перибол, нам неизвестно.

Вероятно, одновременно с передовой стеной у восточных ворот сооружается надвратная башня (рис. 5). Между ней и передовой стеной на уровне воротного проема могли существовать проходы, ведущие в перибол (рис. 2). Высота протейхизмы при ширине основания, равной 1,6—2 м, была невелика. Так как башен, фланкирующих ее, не обнаружено, есть все основания считать, что у передовой стены была боевая площадка. В отличие от главных ворот, где в обороне широко использовались возможности флангового обстрела, участок стены у восточных ворот был предназначен для фронтального отражения противника. С востока перибол замыкал новый бастион, на боевой площадке которого можно было разместить большое количество камнеметов. К востоку от бастиона стена также была усилена новым поясом (рис. 5, *в*).

Складывается впечатление, что на этом этапе скифы, используя ряд достижений эллинистической фортификации, пытаются создать систему укреплений, способную успешно и длительно противостоять правильной осаде с применением инженерных машин. Возможно, это указывает на время, когда вероятность высадки на полуострове понтийских отрядов стала вполне реальной.

Заметим, что интерпретация строительных остатков оборонительных сооружений и их периодизация, принятая в данной работе, в основном совпадают

поднятой катаркты. Передовая стена возводилась с учетом существования надвратной башни. Сам же комплекс сооружений у главных ворот содержит эллинистическую идею предвратного дворика.

с предложенными П. Н. Шульцем и А. Н. Карасевым [6, рис. 4] Единственное существенное различие — это разделение единого второго строительного периода предшественников на второй и третий.

Четвертый строительный период у главных ворот соответствует третьему периоду, по П. Н. Шульцу [6, с. 72] В районе главных городских ворот перибол застраивается дополнительными поясами, но его остатки не засыпаются, дополнительными поясами обносятся башня и мавзолей (рис. 5, *в*). Восточнее сооружаются дополнительные пояса, зафиксированные в раскопе Е. По всей видимости, они создали выступ, удобный для флангового обстрела (рис. 5, *а, в*). Нельзя исключить, что права Т. Н. Высотская и пояса построены не в одно время [2, рис. 6, III] Детально разобраться в периодизации необычного количества неаполь ских поясов при плачевном состоянии самих объектов часто невозможно. Подтверждение этому — различия между планами стены в раскопе А, опубликованными в 1950, 1951, 1957 гг. [5, рис. 52; 6, рис. 4; 20, рис. 1]

В районе восточных ворот был засыпан перибол. Теперь общая ширина основания стены достигала 10—11 м. Ликвидировав периболы, строители могли вывести все участки стены на одну высоту, отказавшись при этом от двух боевых площадок (см. два варианта реконструкции на рис. 5). Судя по наблюдениям А. Н. Карасева и П. Н. Шульца, а также по новым материалам, стена и башни в римское время существенно не менялись. В таком случае башни, изображенные на плане Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 5, *б*), появились еще в эллинистическое время. При сведении к одному масштабу плана раскопов и плана путешественника совпадают по положению башни у главных ворот, восточная башня соответствует бастиону в раскопе VI, а башня, нарисованная несколько западнее,— надвратной башне восточных ворот (рис. 5, *б, в*).

Новых материалов для обоснованной датировки описываемого строительного периода у нас нет. В данном случае есть основания принять мнение П. Н. Шульца об интенсивных работах по укреплению Неаполя в период Диофантовых войн [6, с. 72] и отнести четвертый строительный период к 110—107 гг. до н. э.

Упадок, связанный с разрушением города во время упомянутых выше событий, не был слишком продолжительным. Уже в I в. до н. э. на территории городища и предместья ведется новое строительство. Оборонительным сооружениям вряд ли уделялось особое внимание. Иначе трудно объяснить сооружение каменных построек, располагавшихся у самой стены с напольной стороны.

О катастрофе, происшедшей скорее всего в первых десятилетиях I в. н. э. свидетельствует пожар и многочисленные разрушения в городе и на пригородной территории. Ее вероятную причину можно видеть в военных действиях, связанных с подчинением скифов и тавров Боспорским царством в правление Аспурга. Это событие упомянуто в двух пантикапейских посвятительных надписях [21, № 39, 40], одна из которых датируется 23 г. н. э. Если предположение верно, пожар, в соответствии с началом правления Аспурга и датой надписи, будет относиться к периоду между 8 и 23 гг. н. э.

В дальнейшем, в I—II вв. н. э., городские укрепления существовали и, очевидно, поддерживались в порядке. Косвенно это подтверждается отсутствием построек и культурного слоя этого времени перед стеной в раскопе VI и невыразительностью отложений II в. н. э. в целом на пригородной территории [5] Характерно, что громадный зольник 3, возникший в I в. н. э. перед центральными воротами, в течение описываемого периода расширялся лишь в южном направлении, т. е. в противоположную от городской стены сторону. Очевидно, тогда же у главных ворот были усилены башни и возведен дополнительный пилон (?) [6, с. 72, рис. 5, *в*]

---

[5] Полевые наблюдения автора. Замечу, что в городе отложения II в. н. э. менее выразительны и значительны, чем культурные напластования предшествующего и последующего времени.

Картина жизни поселения серьезно меняется в III в. н. э., на площади предместья появляется выразительный культурный слой, землянки, примыкающие к городской стене, хозяйственные ямы. Более интенсивной становится жизнь на городище. В то же время оборонительная стена постепенно разрушается.

Одно из вероятных объяснений подобной ситуации, несомненно не полное, указывающее лишь на политическую причину, может быть связано с событиями конца II в. н. э., о которых упоминается в танаисской надписи 193 г. [21, № 1237]. Завоевав скифов и присоединив по договору Таврику, Боспор до начала готских походов мог успешно контролировать политически децентрализованные поселения предгорных районов полуострова. Теперь в мощных стенах бывшей столицы крымских скифов уже не было прежней необходимости, к тому же отказ от их восстановления мог быть одним из требований победителей. Последний подъем оказался непродолжительным. В том же III веке город перестал существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dubois de Montpereux. F.* Voyage autour du Caucase et en Crimee. V. 5. P. 1843.
2. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
3. *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М.: Искусство, 1953.
4. *Эрнст Н. Л.* Неаполь скифский (к столетию со времени первых раскопок) // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927.
5. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя скифского // КСИИМК. 1951. Вып. 37.
6. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
7. *Эрнст Н. Л.* Дневник работы на Неаполисе. 1926 г. // Архив ККМ. Д-9860.
8. *Эрнст Н. Л.* Краткий предварительный отчет о раскопках скифского городища Неаполис у Симферополя в 1926 г. // Архив ККМ. Д-9860.
9. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
10. *Каменецкий И. С.* Светлоглиняные амфоры Нижнегниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94.
11. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
12. *Филон Византийский.* О фортификации. 3,5 // Архитектура античного мира. М., 1940.
13. *Дашевская О. Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК, 1957. Вып. 70.
14. *Гошкевич В.* Древние городища по берегам Низового Днепра // ИАК. 1913. Вып. 47.
15. *Голенцов А. С., Голенко В. К.* Из керамической эпиграфии Неаполя // КСИА. 1979. Вып. 159.
16. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1975.
17. *Бадальянц Ю. С.* Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ. 1980. Т. XIII.
18. *Бадальянц Ю. С.* Хронологические соответствия имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса // СА. 1976. № 4.
19. *Шелов Д. Б.* Дополнительные клейма на родосских амфорах // Melanges offerts à K. Michalowski. Warszawa, 1966.
20. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г. // ВДИ. 1950. № 4.
21. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965.

S. G. KOLTUKHOV

NEW MATERIALS ON THE PERIODISATION AND RECONSTRUCTION OF THE DEFENCE LINE IN NAPOLI OF SCYTHIANS

The author publishes the materials collected by N. Ernst in 1926 and the finds gathered on the same place between 1981-1982. A section of town fortifications set up in the 2nd century B. C. close to the eastern gate and used through the 3rd century A. D. was studied in detail. A comparison between the ramparts at the eastern and southern gates provides a tentative reply about the lay-out and dates of the southern wall. The first and the earliest wall was erected in the last quarter of the 3rd century B. C. or in the first quarter of the 2nd century B. C. During the second construction period (after 180 B. C.) the wall was reconstructed. Napoli became an impregnable fortress. During the third construction period, in the 2nd century B. C., the wall was repaired and fortified. The fourth construction period is tentatively referred to 110-107 B. C., the fifth and the sixth periods are dated to the Roman times. This periodisation, based on the author's studies of the remains at the eastern gate, mainly coincides with the periods envisaged by P Schultz for the wall stretch at the central gate.

С. И. ФИНОГЕНОВА

АНТИЧНЫЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ МАСКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Античные терракотовые маски, так же как и произведения античной коропластики вообще, отражают духовную культуру населения античных городов Северного Причерноморья и дают представление не только об искусстве и художественных вкусах их жителей, но являются также и важнейшим источником для изучения их психологии и религиозных представлений. Маска, как и протома, в первую очередь связана с мистериальными действиями в честь божеств, имеющих отношение к земледельческим и хтоническим культам.

Среди большого количества вотивных терракотовых масок, найденных в Северном Причерноморье, можно выделить две группы, отличающиеся как по внешнему оформлению, так и по художественной трактовке. В первую входят культовые маски, которые непосредственно связаны с мистической стороной религиозной жизни, во вторую — так называемые «театральные» маски, которые, являясь уменьшенными копиями настоящих сценических масок, также несут в себе глубокий сакральный смысл.

В настоящее время в музеях нашей страны собрана значительная коллекция вотивных терракотовых масок, большая часть которых происходит из городов Боспорского царства, и в частности из Пантикапея. Собрание масок, хранящихся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, состоит из более чем 50 экземпляров, среди которых есть как культовые, так и «театральные».

Маска как художественное произведение, как элемент культа, как непременный атрибут театральных представлений издавна интересовала ученых всего мира. Существует несколько работ, посвященных маскам древних государств средиземноморского бассейна на основе различных источников (древние авторы, вазовая живопись, скульптура, терракота [1, с. 66—95, прил. XXI, *1,* XXIII; *2;* табл. II, III; 2, с. 205—213, рис. 1—4; 3, с. 900—918]). Однако в советской историографии этому вопросу не уделялось достаточного внимания: маски рассматривались главным образом как произведения мелкой пластики, в одном ряду с терракотами культового и жанрового характера, без какой-либо связи с их назначением и религиозным смыслом.

Появление масок в религиозной пластике связано с первыми антропоморфными изображениями (ксоаны, идолы, гермы), когда на деревянный столб или колонну прикреплялось изображение человеческой головы [4, с. 59], вокруг которой совершалось мистериальное действие. Это подтверждается как находкой терракотовой маски в Вани [5, с. 202; 6, рис. 114], так и изображениями на так называемых Ленейских вазах [7]

Как символический предмет мистериальных действий маски использовались и в качестве вотивных приношений. Для этих целей изготовлялись небольшие терракотовые маски с отверстиями для подвешивания. В Греции с древнейших времен существовали многочисленные формы почитания священных деревьев, одной из которых было украшение их венками, повязками, священными изображениями, в том числе и масками [8, с. 181—184]

Маска являлась неотъемлемой частью театральных представлений, которые

© С. И. Финогенова, 1990 г.

теснейшим образом связаны с дионисийским культом, ибо принято считать, что античный театр берет свое начало от дионисийских празднеств [9, гл. 4, *1449-а*].

Однако, хотя истоки театральных представлений берут начало в религиозной сфере, культовые и театральные маски, как уже отмечалось вначале, отличаются друг от друга по художественной передаче изображаемых персонажей. Культовые маски, участвующие в мистериальных действиях, как правило выполнены в реалистичной манере, без каких-либо признаков гротеска. Театральные маски, определяющие своим внешним видом тот или иной сценический персонаж, всегда наделены эмоциональной характеристикой, которая выражается или в подчеркнуто карикатурной пластической форме, или в соответствующей раскраске.

Вотивные терракотовые маски, являющиеся уменьшенным повторением больших масок, используемых в мистериальных или театральных представлениях, и являются предметом нашего исследования.

Культовые вотивные маски. Благодаря археологическим исследованиям античных городов Северного Причерноморья собрана довольно большая коллекция терракотовых масок, связанных с культовой стороной жизни местного населения. Значительную их часть составляют исполненные в реалистической манере небольшие маски, прототипы которых использовались в мистериальных действиях [1] Назовем их условно культовые вотивные маски. Большинство северопричерноморских терракотовых масок четко укладывается в рамки эллинистического времени. Самые ранние из них датируются IV—III вв. до н. э., наиболее поздние — I в. до н. э. И лишь очень небольшая часть относится к I—II вв. н. э. Основные изображения, представленные в масках, связаны с божествами земледельческих и хтонических мистериальных культов, причем преобладают персонажи дионисийского круга, в первую очередь изображения самого Диониса. Подавляющее большинство масок найдено в городских слоях, но нередки случаи, когда маски находили и в некрополях. Так, в одной из детских гробниц III в. до н. э. из Херсонеса было найдено четыре маски дионисийского круга: Диониса, молодого сатира, силена и менады [8, с. 175, рис. 548—551] Среди них особенно интересна маска бородатого Диониса.

Маски с Дионисом дают два основных типа. К первому относятся маски с изображением Диониса, голову которого украшает жреческая повязка в виде выпуклого валика, перевитого лентой с бантами по бокам. Два коримба, венок из листьев и цветов плюща, иногда узкая повязка на лбу дополняют головной убор бога. По обеим сторонам головы видны небольшие треугольные выступы, помогающие придерживать маску в определенном положении на вертикальной или горизонтальной поверхности. Среди листьев венка видны два небольших продолговатых отростка, в которых большинство исследователей склонны видеть рожки. В подобном оформлении маска представляет собой образ Диониса-Быка, буколический культ которого являлся одним из древнейших в земледельческой религии, связанной с представлениями о жизни и смерти [10, с. 150] Пышная, завитая в тугие спиралевидные локоны борода завершает изображение. Около 30 масок подобного типа, включая фрагменты, найдено в Пантикапее [11, табл., IXXIV, *1, 2*], (ГЭ, инв. № II. 1836. 3; ОАМ, инв. № 21084, 26518, 20435; ГМИИ, инв. № М-955, 1345, 882, 1385, 1264; М-79, Ц, 33/10, № 184; М-57, НЭ, III/4, № 2011; М-79, Ц 52/4, № 254; М-78, Ц, 68/8, № 237; М-79, Ц, 32/10, № 54; М-79, Ц, 33/10; № 18). 9 экземпляров хранится в Керченском государственном историко-археологическом музее, 4 — в Мирмекии [12, табл. XXI, *б—г*, XXII, *ж*] (ГЭ, инв. № Мир-60-24), 1 — в Херсонесе [13, табл. 12,*4*] (ГЭ, инв. № Х. 1896,9), 1 — в Вани [5, с. 235, № 150]. Все названные маски объединены в единый тип благодаря стилистической общности и идентичной схеме изображения. Особого внимания заслуживает маска Диониса, найденная

---

[1] Об использовании масок в мистериальных действиях говорят многочисленные рисунки на Ленейских вазах, где изображены сцены, связанные с различными дионисийскими празднествами.

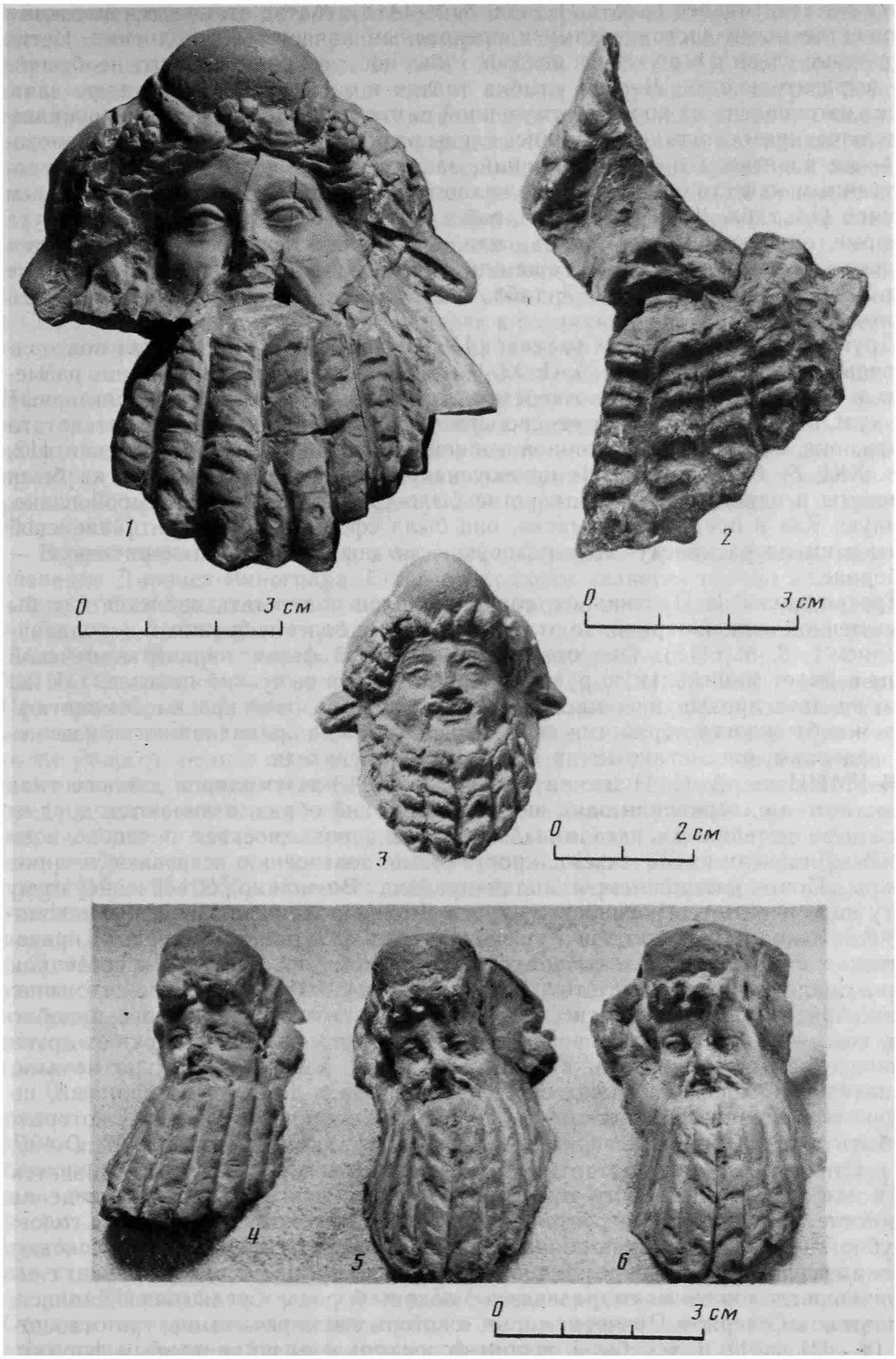


Рис. 1. Культовые маски. *1—3* — маски Диониса из Пантикапея; *4—6* — маски Диониса, изготовленные в одной форме

в 1979 г. в Пантикапее (рис. 1,*1*) (инв. № М-1418). Маска отличается высокими художественными достоинствами и прекрасным качеством исполнения. Четко очерченные глаза с выпуклыми веками, губы, нос, усы придают лицу необычайную выразительность. Легкая улыбка таится в уголках губ и прищуре глаз. Маска изготовлена из хорошо отмученной пантикапейской глины с мельчайшими включениями слюды; сохранились следы раскраски: белой — на лице и розовой — на повязке. По четкости линий, законченности форм и высоким художественным качествам она близка аналогичным маскам Диониса, найденным в Амисе [14, табл. XV, *2*, с. 575; 15, табл. 107, *D*-475, с. 81], и была оттиснута в форме, привезенной из Амиса, или изготовлена с явным подражанием амисским маскам, так же как и еще одна маска Диониса, найденная в кургане близ Керчи [16, табл. 12, *1*; 17, табл. LXXIV, *2*], являющаяся точной копией вышеописанной.

Другая маска из недавних раскопок Пантикапея в основных чертах повторяет предыдущую (рис. 1, *2*, М-79, Ц, 32/10, № 183), отличаясь от нее лишь размерами и наличием сквозного отверстия для рта — элемент, малохарактерный для культовых масок, а скорее свойственный театральным. Если бы не эта деталь, она могла бы быть точной копией маски Диониса из Мирмекия [12, табл. XXI, *б*, 44, *1*, с. 66]. Не исключена возможность, что обе маски были оттиснуты в одной форме, а отверстие было сделано позже, по сырой глине, вручную. Как и предыдущая маска, она была сформована из пантикапейской глины и имела раскраску: ярко-розовую — на повязке и темно-коричневую — на бороде.

Третья маска из Пантикапея, сохранившаяся полностью, является как бы уменьшенной копией первой, но отличается от нее более небрежным исполнением (рис. 1, *3*, М-1415). Она оттиснута в забитой форме из пантикапейской глины и имеет минимальную ручную доработку. На выпуклой повязке, так же как и на двух предыдущих масках,— следы ярко-розовой краски. Миниатюрность и небрежность обработки свидетельствуют о ее принадлежности к дешевым изделиям, рассчитанным на небогатого покупателя.

В ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится еще 13 экземпляров данного типа масок, которые, передавая один иконографический образ, отличаются друг от друга незначительными деталями. Это наблюдение относится почти ко всем маскам Диониса: из 33 экземпляров точные повторения встречаются лишь трижды. Почти каждая маска индивидуальна. Возможно, объяснение этому факту надо искать в особенностях культа Диониса. Не исключено, что использованная единожды форма для оттиска уничтожалась (или изымалась из производства) и к каждому последующему дионисийскому празднику ее изготовляли вновь, придерживаясь при этом установившегося иконографического типа. Таким образом, форма для оттиска маски погибала и воскресала вновь, подобно тому, как ежегодно умирал и воскресал сам Дионис. Отличаясь друг от друга незначительными вариантами в трактовке венка, волос, бороды, размерами, все названные маски передают своеобразный образ Диониса, созданный, по мнению исследователей, в каком-то одном эллинистическом центре, которым мог быть город Амис [12, с. 66; 14, табл. LXV, *2*, с. 575; 15, табл. 107, *D*-495, с. 81] Стилистическое сходство амисских масок с боспорскими прослеживается как в выборе определенного иконографического типа, так и в соблюдении единой схемы, по которой строится изображение: высокий своеобразный головной убор — повязка в виде тюрбана, перевитого лентой, концы которой свисают по бокам, венок из листьев и плодов плюща, два коримба в центре венка, симметрично расположенные спиралевидные локоны бороды. Среди масок Диониса, найденных в Северном Причерноморье, о которых шла речь выше, три относятся к IV—III вв. до н. э. и были, вероятно, изготовлены по привозным формам, а остальные, будучи полностью продукцией местных мастеров, являются явным подражанием им и датируются более поздним временем. Изображая общепринятый образ, боспорские мастера нередко допускали схематизм и условность

в передаче отдельных деталей. Особенно это характерно для позднеэллинистических масок. С этой точки зрения, интересны три маски, изготовленные в одной форме — редкий случай (рис. 1, *4—6*, М-1345, 1407, 1416). Их своеобразие заключается в нарочито удлиненной и сильно выступающей вперед бороде, трактованной, как и на всех других масках, рядом параллельных спиралевидных локонов, в которые заглублен подбородок. Неестественное на первый взгляд положение лица и бороды оправдывается назначением последней как одной из опорных точек; двумя другими служили треугольные выступы по бокам головы. С учетом опоры на эти три точки маска помещалась на горизонтальную поверхность (отсутствие отверстий для подвешивания подтверждает это), а расположенное под углом к бороде лицо бога смотрело прямо на зрителя. Подобная модификация, несколько отличная от общепринятого и распространенного в Северном Причерноморье типа, привела к созданию нового, местного варианта, в котором лишь угадывается первоначальный оригинал.

Вся описанная выше группа масок передает один иконографический тип, тип Диониса Сарданапала, созданный впервые Праксителем и называемый иногда в литературе «индийским Дионисом». Образ, переданный на боспорских масках, испытал значительное влияние малоазийского искусства, в результате чего он приобрел черты умиротворенного жизнью старца с насмешливой и плутоватой усмешкой, черты «божественно-цветущей и пиршественно-роскошной старости» [11, с. 127]

Второй тип масок Диониса, известный в Северном Причерноморье, получил название Диониса-Винограда. Его своеобразием является то, что волосы, усы и борода бога представлены в виде ягод или грозди винограда. По наблюдениям А. Ломонье, виноградная гроздь как элемент украшения человеческой фигуры была очень распространена в Египте среди жителей хоры [18, с. 124, табл. XXIII]. Однако, судя по находкам на Делосе [18, с. 124, № 315] и в Северном Причерноморье [12, табл. XXI, *а*], подобная орнаментика была известна также на севере и востоке античной цивилизации. Для масок этого типа характерны то же умиротворенное выражение лица и плутоватая улыбка, что и для описанных выше масок первого типа. Совпадает и ареал их распространения. Можно предположить, что эти два типа масок не только взаимосвязаны, но, возможно, и происходят из одного центра, а именно из Амиса, где были найдены в большом количестве маски и протомы не только Диониса-Винограда, но и сатира-Винограда [19, с. 254, 255] Из масок, найденных в Северном Причерноморье, лучше этот тип представлен маской из Мирмекия (рис. 2, *1*) [11, табл. XXI, *а*] Две маски Диониса-Винограда из пантикапейского некрополя [17, табл. LXXIV, *1, 2*] и Порфмия [20, с. 206, рис. 6] почти полностью повторяют их. Несомненно, эти маски, как и маски Диониса-Быка, являлись вотивными приношениями, на что указывают как аналогичные условия находок (в могилах и городских слоях), так и их внешнее оформление (отверстия для подвешивания и наличие треугольного выступа-упора).

В античном искусстве, особенно в вазовой живописи, нередки сюжеты, где рядом с Дионисом изображалась его возлюбленная, дочь критского царя Миноса, прекрасная Ариадна. Как спутница Диониса Ариадна входит в круг персонажей, представленных в масках. Выделить их среди других женских масок помогают отдельные элементы, указывающие на связь этого образа с Дионисом, а именно — священная повязка, перевитая лентой, и венок из листьев и цветов плюща. По-видимому, можно говорить о двух типах масок Ариадны, известных в Северном Причерноморье. На одном Ариадна представлена юной женщиной, волосы которой, как и у Диониса, переданы в виде ягод винограда. Одна из таких масок, дающая наиболее полное представление об иконографии этого типа, была найдена в грунтовой могиле Пантикапея [16, табл. 40, *1*], другая была найдена в Мирмекии и определена В. И. Пругло как безбородый Дионис-Виноград [12, табл. XXI, *9*] (рис. 2, *2*). Судя по пантикапейскому экземпляру, эти маски, как и маски Диониса, имели треугольные выступы для упора.

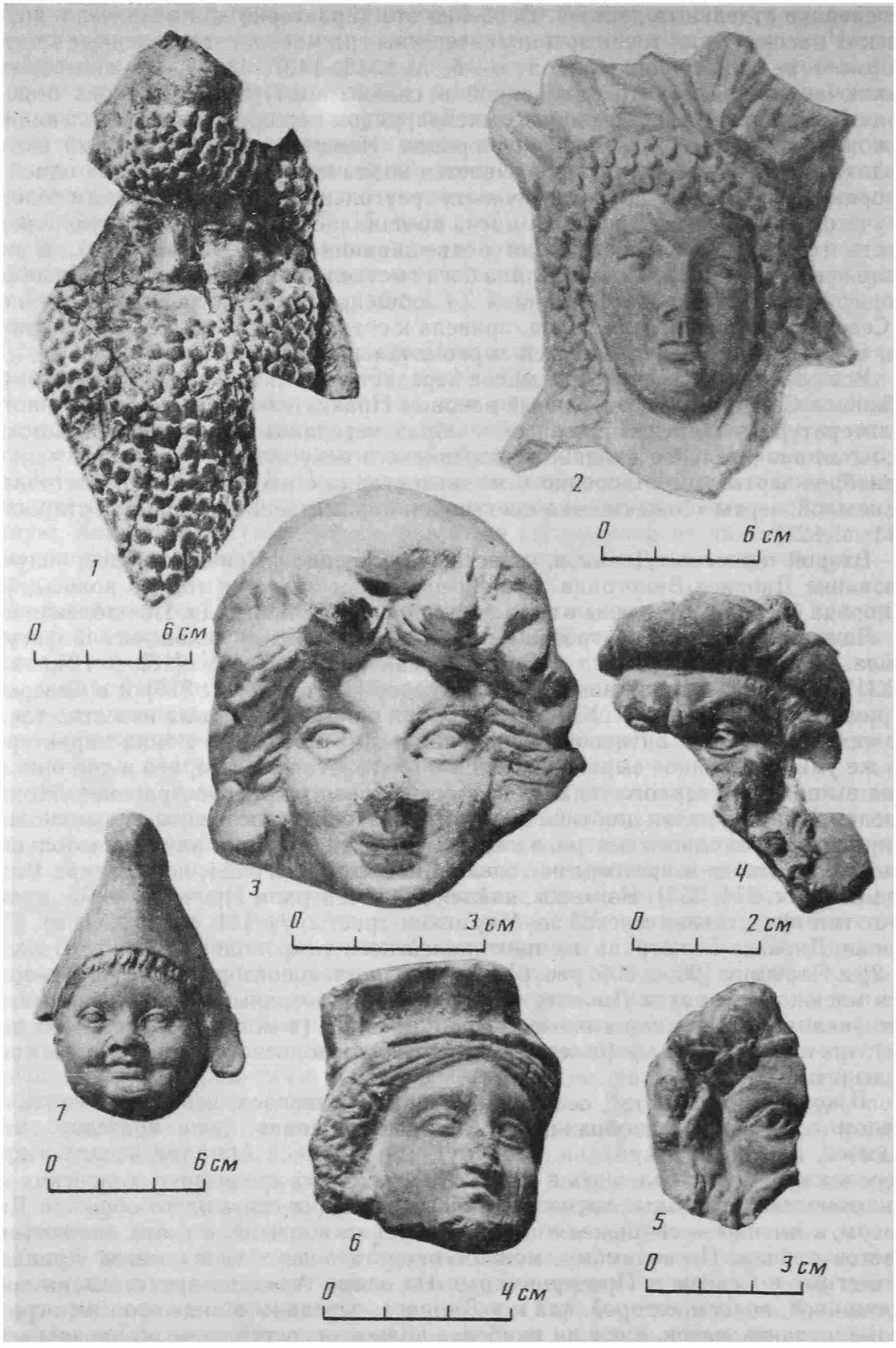


Рис. 2. Культовые маски. *1* — маска Диониса-Винограда из Мирмекия; *2, 3* — маски Ариадны; *4* — маска силена; *5* — маска сатира; *6* — маска Кибелы; *7* — маска Аттиса-Мена

О втором типе масок Ариадны дают представление два экземпляра, из которых один хранится в Государственном Историческом музее (ГИМ, из собрания Подшивайлова, инв. № 5254), а другой — в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — М-875 (рис. 2, *3*). Главными отличительными признаками этого типа являются наличие выпуклого венца, перевитого лентой, и узкая повязка, пересекающая лоб [2],— атрибуты Диониса, с которыми он часто изображался в малоазийской терракоте, и в особенности на статуэтках Мирины [21, табл. 39, *е*, 42, *а, в*, 43, *а, в*, 205, *с, d*] Маски с изображением Ариадны относятся к числу довольно редких находок. Наряду с другими спутниками Диониса Ариадна входит в ближайшее его окружение, а сам факт присутствия маски в могиле или в жилище указывает на один из символов дионисийского культа, которым его владелец выражал свое почитание этого бога.

Частыми персонажами терракотовых масок являются неизменные спутники Диониса — силены и сатиры. На их масках карикатурность и гротеск иногда доходят до крайности. Особенно утрированы черты лица у силенов. Из четырех масок, хранящихся в ГМИИ им. А. С. Пушкина, одна, происходящая из Пантикапея, заслуживает особого внимания, несмотря на то, что от нее сохранилась лишь половина (рис. 2, *4*, ГМИИ, инв. № М-1187). Она представляет собой некогда изумительное по выразительности и качеству работы произведение мелкой пластики. Эмоциональность и экспрессия персонажа с напряженно сведенными мышцами лба и щек, круто сдвинутыми бровями приближают ее к театральным маскам. И лишь знакомый по маскам Диониса головной убор в виде выпуклого валика, перевитого лентой,— ритуальная принадлежность — позволяет отнести ее к культовой серии. Аналогично маскам Диониса оформлено и завершение венка в виде треугольного выступа по бокам. Сближает ее с масками Диониса и сходная трактовка бороды в виде тугих спиралевидных локонов.

Маски сатиров также не лишены гротеска. Как правило, на масках эти персонажи изображены с мясистыми, упругими щеками, с лицом, оживленным беззаботной, жизнерадостной улыбкой, с высоко поднятыми и рельефно подчеркнутыми бровями, с козлиными рожками и ушами. Как спутники Диониса сатиры украшены иногда его атрибутами — венком из листьев и цветов плюща или гроздьями винограда. Таким жизнерадостным и юным существом сатир представлен на привозной маске III в. до н. э. из детской могилы Херсонеса [13, табл. 12, *1*] и на пантикапейской позднеэллинистической маске из детской грунтовой могилы [16, табл. 40, *3*]. Пять однотипных масок, построенных по одной схеме, но различающихся размерами, найдены в Пантикапее [23, табл. V, *3*], (ГЭ, инв. № П. 1853/53.6; П. 1901.1; ОАМ, инв. № 20421; ГИМ, инв. № 49469), одна — в Гермонассе [24, табл. 47, *4*, с. 40] Две аналогичные гипсовые маски, в точности повторяющие вышеназванные терракотовые, были найдены в грунтовых могилах I—II вв. н. э., где они являлись украшением саркофагов [25, табл. II, *1*]. В собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина маски сатиров представлены семью незначительными фрагментами из Пантикапея, из которых один принадлежал маске высокого качества (рис. 2, *5*, инв. № М-839). От нее сохранилась, к сожалению, лишь незначительная часть. На сохранившемся фрагменте видна узкая повязка в виде ленты с цветами и листьями плюща. У глаза с рельефно прочерченным веком просверлен зрачок. Сбоку в густых волосах видно характерное для этого персонажа козлиное ухо. Детализация и четкость в трактовке черт лица, тщательность исполнения, характер глины определяют маску как привозную, а своеобразное оформление налобной повязки — митры находит прямые аналогии среди терракот Мирины [21, табл. 194, *g*, 196, *b, g, f*]

---

[2] Ш. Пикар впервые исследовал вопрос о роли налобной повязки — митры на изображениях Диониса-Митрофора. Он отметил, что в связи с образом Диониса митра впервые появляется в конце IV в. до н. э. и указывает на связь этого божества с хтоническим культом [22, с. 209—214]

Как уже отмечалось выше, маски силенов и сатиров носят гротескный характер, что, несомненно, объясняется их назначением — служить апотропеями тем, кому они принадлежат. Эти маски должны были отпугивать злых духов своим устрашающим видом (если маска страшная) или притягивать к себе взгляды и отвлекать на себя внимание недобрых демонов (если маска смешная). С этой целью маски помещали в святилищах или в жилищах людей. Павсаний сообщает, что в святилище Диониса в Афинах рядом со статуями главных божеств на стене была помещена маска «демона несмешанного вина» (Paus. I,2 (5)), которая служила, вероятно, апотропеем.

В эллинистический период в Северном Причерноморье широкое распространение получил культ Великой матери богов Кибелы, что засвидетельствовано эпиграфическим материалом, находками скульптур и многочисленными терракотами [26, с. 10—13, рис. 1—14]. В терракотовой пластике образ этой малоазийской богини, как правило, передавался в виде сидящей на троне молодой женщины с тимпаном и фиалой в руках и со львенком на коленях или у ног [27, с. 81—83] Кибела как покровительница городов часто изображалась в башенной короне. Такой она представлена на большинстве терракот Пантикапея, Мирмекия и Ольвии. Хотя культ Кибелы был очень распространен среди широких масс населения городов Северного Причерноморья, маски с ее изображением чрезвычайно редки. Нам известны лишь две, одна из них находится в Керченском историко-археологическом музее, другая — в ГМИИ им. А. С. Пушкина. На маске из ГМИИ (рис. 2, *6*, инв. № М-838) богиня представлена молодой женщиной с мягкими чертами лица, которые придают всему ее облику спокойно-задумчивое выражение. Волосы, уложенные на прямой пробор волнистыми прядями, покрыты невысокой башенной короной, которая была окрашена в голубой цвет (кое-где сохранились следы голубой краски). Маска небольшая по размеру и не имеет отверстий для подвешивания.

Несмотря на редкость находок масок Кибелы, их существование можно считать закономерным. Культ этой богини имеет много общего с культом Диониса, где маски имели большое смысловое значение. Кибела, как и Дионис, относясь к земледельческим божествам, тесно связана с хтоническими культами. Прослежена ее связь с хтоническими богами Корой-Персефоной и Гермесом-Кадмилом [28, с. 111] Празднества в честь Кибелы сопровождались, как и в культе Диониса, оргиастическими действиями с маскарадами, представлениями, неистовыми плясками и даже кровавыми жертвами.

Среди боспорских позднеэллинистических масок имеется четыре экземпляра, на которых изображена головка ребенка во фригийской шапочке (рис. 2, *7*) [25, рис. 28; 29, табл. XXXIII, *5*] Одна из них хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № II, 1-а, 199). На ней представлено детское улыбающееся лицо с мягкими чертами, оживленное ямочками на щеках. Короткие завитки волос прикрыты высоким фригийским колпачком, на котором имеется два отверстия для подвешивания. Все четыре маски (три — из Пантикапея и одна — из Порфмия) воспроизводят один и тот же иконографический тип, причем две из них почти в точности повторяют друг друга и, судя по глине, были сделаны на Боспоре. Единственным детерминирующим признаком данного типа масок является фригийская шапочка. Однако этот головной убор был характерен для изображений двух божеств — Аттиса и Мена. При отсутствии других атрибутов их различить почти невозможно. Поэтому данный тип маски, вероятно, надо считать изображением синкретического божества Аттиса-Мена. В культах этих божеств очень много сходных черт. На терракотах часто изображают Мена в одеждах Аттиса [26, рис. 29, 32] Аттис, олицетворяющий растительные силы природы, подобно Дионису умирает и возрождается вновь, символизируя собой смену времен года [26, с. 13—16] Почитая Аттиса как хтоническое божество, его изображениями украшали саркофаги [26, с. 14, рис. 20] Мен подобно Аттису тесно связан с земледельческими культами, содействуя плодородию земли. Мен считался покровителем умерших, охраняющим их могилы [30, с. 106]

Из всего сказанного становится ясно, что маски Аттиса-Мена, имеющие отношение к хтоническим культам, несут охранительные функции. А находка одной из них в могиле Пантикапея наглядно подтверждает это.

Таким образом, следует отметить, что все вышеназванные маски не являлись декоративным украшением, а несли определенную смысловую направленность. Все персонажи, представленные на них, тесно связаны с хтоническими культами. Маска являлась олицетворением богов — покровителей умерших, которые должны были даровать им благодеяния в загробном мире. Преобладание масок дионисийского круга объясняется не только особой близостью Диониса к хтоническим культам, но и большой популярностью этого бога среди широких слоев населения. Особенно наглядно это прослеживается на примере городов Боспора, откуда происходит подавляющее большинство терракотовых масок [3]

Будучи культовым символом, маски являются отражением одной из сторон религиозной жизни города. В связи с этим особый интерес приобретает материал, полученный в результате раскопок последних лет в Пантикапее. На Центральном раскопе были открыты архитектурные остатки монументального здания эллинистического времени, площадью около 160 м^2 Внутри здания и непосредственно вблизи него было найдено много терракот, связанных с культом Диониса, среди них восемь дионисийских масок, большинство из которых описано выше. Сопоставив данные об их местонахождении с характером найденного с ними материала, можно предположить, что здание имело непосредственное отношение к культу Диониса. Возможно, и маски из Мирмекия, большинство из которых происходит из района позднеэллинистического зольника [12, с. 65—67], связаны с комплексом дионисийского характера.

«Театральные» вотивные маски. Порой бывает трудно провести грань между культовой и «театральной» маской, в особенности если это касается сатиров и силенов, которые входят в дионисийский фиас культовых действий и являются в то же время излюбленными персонажами театральных представлений. Поэтому, при выделении вотивных «театральных» масок, которые являются как бы уменьшенными копиями настоящих, приходится руководствоваться основными признаками последних. Это прежде всего своеобразная трактовка лица и передача в сильно утрированной манере наиболее характерных качеств того или иного персонажа. Каждый участник театральных представлений наделялся маской, индивидуальность которой обозначалась рядом условных признаков (знаков). Например, для передачи гнева использовалась маска с высоко поднятыми к вискам бровями, круто сходившимися у переносицы. Соответственно поднимались кверху внешний угол глаза, крылья носа, расходящиеся по лицу морщины. В рассуждениях Феофраста о характерах [35] отмечается, что некоторые признаки находят параллели с наиболее ярко выраженными качествами представителей животного мира. Например, у комедийных параситов рыжий цвет волос ассоциируется с лисой. Это символ хитрости. Изогнутый крупный нос, как у вороны, указывает на такую черту характера, как бесстыдство; курносый и широкий, как у оленя, нос, которым наделялись маски сатиров, крестьян, сводников, указывает на похотливость.

Кроме того, повторяя настоящие театральные маски, вотивные в большинстве случаев воспроизводили и соответствующую им трактовку глаз и рта

---

[3] О почитании Диониса в Пантикапее, например, свидетельствуют многочисленные памятники, связанные с его культом. Это прежде всего святилище Диониса IV в. до н. э., остатки которого были открыты в 1865 г. в южной части города [31, с. VIII] Там же была найдена мраморная статуя стоящего Диониса, изображение которой имеется на боспорских монетах I в. до н. э. [32, с. 161, табл. III (50, 51)]. В 1832 г. была найдена надпись с посвящением Дионису [33, № 24]. На северном склоне горы Митридат в 1892 г. Думбергом была найдена еще одна надпись, состоящая всего из двух слов: «Дионису-Арею». На пантикапейских монетах на протяжении всего эллинистического времени чеканилось изображение спутников Диониса — силенов и сатиров [34, табл. XLI, *1—7*] Неоднократно в Пантикапее находили изображения быков и букрании, указывающие на связь с культом Диониса-Быка. Изображение быка имеется и на пантикапейских монетах IV—III вв. до н. э. [34, табл. XLI, *1—3, 7*].

в виде сквозных отверстий, которые в театральной, сценической маске были функционально оправданны. Однако для вотивных масок этот признак не всегда соблюдается.

Для понимания сюжетов и типов вотивных терракотовых масок необходимо их сопоставление со сценическими, которые являлись характеристикой театральных персонажей.

Важнейшим источником в решении этой задачи служит словарь римского лексикографа II в. н. э. Полидевка (Поллукса), который составил каталог 76 масок (Poll. Onom, IV, 133—155), дав в очень сжатой форме описание трагических, комических и сатирических масок. Наглядное представление о театральных масках дает изобразительный материал: многочисленные вазовые рисунки с театральными сценами, статуэтки, изображающие актеров, настенные росписи, мозаики, рельефы и, конечно, сами терракотовые маски, происходящие из раскопок античных центров как в самой Греции, так и на территории Италии, Малой Азии и Северного Причерноморья.

К сожалению, ни одной сценической маски не сохранилось, но до нас дошло большое количество их уменьшенных воспроизведений, вотивных масок, в основных чертах повторяющих сценические маски. Фрагментарность этого материала чрезвычайно затрудняет его изучение и атрибуцию. К тому же в подавляющем большинстве маски утратили свою первоначальную раскраску (или, возможно, не имели ее вовсе), которая играла существенную роль в персонификации их сценических двойников. Все это не всегда позволяет с достаточной долей уверенности связать ту или иную маску с конкретным типажом, поскольку в сценической маске раскраска волос, бороды и лица определяла не только возраст героя, но и его характер.

Наиболее ранние вотивные «театральные» маски, найденные в Северном Причерноморье, относятся к концу V — началу IV в. до н. э. и происходят из Аттики. Большая их часть найдена в Пантикапее, как в городских слоях, так и в некрополе. Одна из них относится к древней аттической комедии [16, табл. 10, *2*, с. 20] Все черты лица: большой, растянутый почти во всю ширину лица рот, широкий курносый нос, выпуклые круглые глаза — сильно утрированы, но не искажены до неестественности (именно такой гротеск характерен для масок древней аттической комедии) Среди терракот этого круга она и находит ближайшие аналогии [36, табл. 68—70]. К средней аттической комедии относится маска из Ольвии [37, табл. 30, *6*, с. 52]. В ней только намечен элемент, типичный для большинства комических масок новой комедии, а именно — своеобразная трактовка улыбки в виде широко расходящегося рупора. Два экземпляра, найденные в Феодосии [38, табл. 23, *6*, с. 80] и в Пантикапее (рис. 3, *1*, ГМИИ, инв. № II, 1а, 870), наиболее типичны для масок рабов новой комедии как по своему внешнему оформлению, так и по стремлению пластическими средствами выразить эмоциональный настрой персонажа. Старческое лицо с широкой улыбкой, борода и поднятые кверху усы образуют подобие рупора, курносый приплюснутый нос с заглубленной переносицей, выпуклые круглые глаза с выразительной зигзагообразной линией бровей и многочисленные морщины придают лицу комическое выражение. Эта маска, отличающаяся богатством пластического решения, была раскрашена: борода и короткие, зачесанные назад волосы — белой краской, лицо — розовой, глаза — темно-синей. Этот хитрый и предприимчивый тип раба, очень популярный в новой комедии, хорошо известен и в произведениях мелкой пластики IV в. до н. э. [16, табл. II, *4*, с. 20; 39, табл. XLV].

На одной комической маске (рис. 3, *2*, ГМИИ, инв. № М-1263) в характерной утрированной манере передана крайняя степень гнева, выраженная соответствующими признаками: круто сведенные к переносице брови, резко поднятые к вискам внешние уголки глаз и края бровей, широко раздутые ноздри. Подобные маски свойственны слугам, рабам, поварам (по определению Поллукса). В раз-

Рис. 3. «Театральные» маски. *1* — комическая маска раба; *2* — комическая маска; *3* — маска Геракла; *4* — маска, изображающая молодого человека; *5, 6* — маски, изображающие юную девушку; *7* — мужская маска с двойным выражением лица. *8—10* — маски юного Пана

личных вариантах они воспроизводятся в большом количестве на рельефах и в терракоте [36, табл. 104, *2*, 105, *1*, *2*; 40, рис. 15].

По маскам прослеживается также и особая популярность образа Геракла в боспорской коропластике позднего эллинизма. В Пантикапее было найдено девять экземпляров терракотовых масок этого героя местной работы [16, табл. 41, ГМИИ, инв. № II, 1а 722], (ГЭ, инв. № П. 1885.4; ГЭ, инв. № П. 1878.46; ГЭ, инв. № П. 1901.14; ГЭ, инв. № П. 1873.30; ГЭ, инв. № П. 1974.91; ГЭ, инв. № П. 1873.30; ГЭ, инв. № П. 1974.91; инв. № П. 1884.35): суровое, напряженное и страдальческое выражение лица лишено карикатурности, которая характерна для его комедийного образа, где Геракл выводится как плут и обжора. Пантикапейская маска, возможно, восходит к тому трагическому типу, создателем которого был Еврипид. Соблюдая индивидуальные атрибуты этого героя (например, повязка в виде «гераклова узла»), маска придерживается и традиционной театральной символики, передающей душевное состояние персонажа (ровные брови — признак пылких натур, курчавые волосы и борода — признак силы и мужественности [41, с. 408, 409]).

Маски первых веков н. э. происходят главным образом из городов Боспора, в коропластике которого начинают постепенно отмирать античные традиции и многие произведения мелкой пластики приобретают новую форму и новое содержание. Среди масок, так же как и среди терракот вообще, старые мифологические образы наиболее популярных божеств переданы в грубой и схематичной манере. На общем фоне уменьшения значения терракотовых статуэток в жизни городов Северного Причерноморья роль масок, по-видимому, усиливается. Подавляющее большинство терракотовых масок этого времени найдено в некрополях, что, вероятно, связано с представлениями об их магической силе. Наиболее наглядно упадок античных художественных традиций выявляется при сопоставлении масок Геракла позднеэллинистического времени, о которых говорилось выше, и масок этого героя первых веков н. э.

На трех масках Геракла из Пантикапея (рис. 3, *3*; ГМИИ, инв. № II 1а 878; М-83, с. н.; ОАМ, инв. № 22155) представлен персонаж, для передачи образа и характера которого использована та же символика, что и в более ранних масках: прямая линия бровей и губ, короткие кудрявые волосы и борода. Персонификация персонажа определена узкой повязкой со схематично изображенным «геракловым узлом». В отличие от позднеэллинистических масок Геракла здесь все черты трактованы очень суммарно, схематично, без передачи эмоционального характера.

Среди трагических масок молодых людей Поллукс насчитывает восемь типов, которые объединяются одним общим признаком — отсутствием бороды. Их возрастные отличия, отмеченные цветом лица, окраской волос и формой прически, определяют характер персонажа. Каждый тип маски может иметь несколько вариантов. Так, например, маска изящного, впечатлительного юноши, наделенного белокурыми волосами в локонах, нежным цветом лица, приятной улыбкой, может изображать и прекрасного эфеба, и юного бога.

Поскольку вотивные маски, как правило, не сохраняют раскраску, мы можем лишь предположительно отнести к этому типу две небольшие маски, найденные: одна — в Пантикапее (рис. 3, *4*, ГМИИ, инв. № II, 1а 603), другая — в Феодосии [23, табл. X, *4*] На масках представлено юное улыбающееся лицо с пышными вьющимися волосами, прикрытыми сверху конической шапкой. Среди множества персонажей античной трагедии трудно указать конкретного героя, но весь облик маски указывает на его положительный характер.

Среди вотивных театральных масок женские типы встречаются гораздо реже, чем мужские, хотя нет ни одного произведения античной драматургии, которое обходилось бы без женских ролей. По свидетельству Поллукса, в греческих трагедиях известно восемь женских масок, и почти все они наделены печатью страдания или траура. В новой комедии, чьи маски отличаются большим разнообразием, женские персонажи гораздо многочисленнее. Поллукс описывает 17

женских масок новой комедии для героинь, различающихся как по возрасту, так и по социальному положению. Среди масок, предназначенных для амплуа молодых героинь, главным образом молодые девушки: или влюбленные, или добродетельные дочери, похищенные в раннем детстве у родителей и теперь вновь находимые ими.

Две пантикапейские маски, по-видимому, изображают одну из таких героинь (рис. 3, *5, 6*; ГМИИ, инв. № М-840, М-837). Женский облик явно идеализирован: мягкий овал лица, спокойные губы, волнистые пряди волос (на одной из масок волосы окрашены в коричневый цвет), задумчивое выражение лица. Плоскостность изображения, сухость линий и сглаженность черт — особенности, характерные для первых веков н. э.,— и определяют маски этим временем.

Развитие действия в древнегреческой драме ставило ее героев в разнообразные ситуации, в которых неоднократно менялись мимика и соответственно маски. Замена по ходу действия одной маски на другую требовала различных ухищрений актеров. Иногда в подобных случаях использовались маски с двойным выражением, когда каждая половина лица имела свою мимику. Актер старался держаться к публике той стороной, которая соответствовала моменту. Обычно это касалось масок стариков, у которых правая бровь была поднята, выражая гнев, а левая — расположена горизонтально в знак спокойного состояния. На небольшой маске из Пантикапея (рис. 3, *7*, ГМИИ, инв. № М-1188) представлен молодой человек (возраст определяет отсутствие бороды) с открытым ртом, большими выпуклыми глазами и зачесанными назад наподобие стефаны волосами. Резкая асимметрия лица выражена различным расположением глаз, бровей, морщин на лбу: в правой части они горизонтальные, в левой — подняты к виску в соответствии с символикой, выражающей гнев. Раскраска лица красноватой краской, от которой сохранились слабые следы, является, вероятно, попыткой передать лицо человека, постоянно пребывающего на воздухе (согласно характеристике Поллукса). Возможно, данная маска имеет отношение к персонажам Плавта или Теренция (в частности к той категории, которую называют «грубиянами») и которые обрисованы следующим образом: «загорелое лицо с большими губами, курносым носом, с волосами в форме стефаны» [41, с. 161]

В первые века н. э. был широко распространен обычай украшать саркофаги терракотовыми или гипсовыми налепами в форме масок, фигур, декоративных элементов. По-видимому, для этих целей (судя по расположению отверстий, слишком заниженных по сравнению с другими экземплярами) были изготовлены терракотовые маски с изображением молодого Пана (рис. 3, *8—10,* ГМИИ, инв. № М-1307, М-1306, М-1305, II, 1а 790, II, 1а 877) Найдено пять масок (частично — во фрагментах), которые являются повторением одного типа: юное, почти детское лицо с чуть вздернутым заостренным носом, с небольшим полуоткрытым ртом. По-разному оформлена лишь прическа: или нерасчлененная масса, или слабо намеченные пряди волос с повязкой и цветами плюща. Очень суммарная и упрощенная трактовка лица, смазанные, сглаженные формы почти не передают эмоционального состояния персонажа. Эта задача, вероятно, не ставилась коропластами, учитывая назначение масок. Столь же суммарная моделировка свойственна женской маске с онкосом (знаком трагической маски).

Таким образом, многочисленность вотивных «театральных» масок и разнообразие их типов свидетельствуют о том, что они играли важную роль в жизни населения Северного Причерноморья. Как уже отмечалось выше, театральные маски, будучи теснейшим образом связаны с культом Диониса, являлись одной из разновидностей культовой атрибутики. Анализируя условия находок обеих групп масок, необходимо отметить, что их в равной степени много найдено как в погребениях, так и в городских слоях. По-видимому, маска, положенная в могилу, имела как бы двойное назначение: во-первых, она служила апотропеем; во-вторых, она являлась вотивным приношением людей, которые будучи приверженцами культа Диониса, как бы включали себя в дионисийский фиас

[1, с. 2112, § 5] и которые, возможно, придерживались учения об орфизме, с его представлениями о жизни и смерти, с его верой в бессмертие души [42, с. 154, сл.]. Хтоническая сущность Диониса, который сам умирает и воскрешается (миф о Дионисе-Загрее) и является богом умирающей и возрождающейся растительности, связана с культом плодородия земли и покровительством умершим. Дионисийские маски в могилах являются такими же символами приобщения к дионисийским таинствам, какими являются протомы в культе Деметры или зеркала, золотые таблички и костяные пластинки в культе Диониса [43, с. 98] Обычай класть маски в могилы известен уже с V в. до н. э. В некрополе Беотии найдено несколько терракотовых масок, ныне хранящихся в различных музеях мира [44, с. 90, табл. XXVII, *2—4*, XXVIII, *1—4*] Все они представляют собой небольшие (не более 14,5 см в высоту) бородатые маски Диониса с отверстиями для подвешивания, со следами раскраски, выполненные в реалистичной манере, без каких-либо признаков гротеска.

Поскольку маска (в особенности театральная) — своеобразный символ перевоплощения, которое предусматривает изменение не только внешности, но и внутренней сути ее носителя, то использование ее в погребальном обряде знаменует переход умершего в новое состояние, в котором смерть является началом нового цикла бытия.

Жанровое разделение масок на трагические и комические определялось задачами и средствами эмоционального воздействия театрального представления. Основная цель трагедии, по Аристотелю,— очищение от «аффектов», вызывая чувство сострадания и страха [9, т. IV, § IV, 25]. Основная задача комедии — развлекать и смешить публику. Каждая маска являлась образным выражением своего жанра.

Помещение «трагической» маски в могилу было, вероятно, созвучно основной тенденции погребального обряда — очищению от земных страданий. Комическая маска, наделенная часто смешными или уродливыми чертами, должна была вызывать смех. «Смех в древности принадлежал к обрядовому погребальному культу» и рассматривался как «радостная жертва подземным богам, устанавливающая мир между богом и человеком» [45, с. 72].

Маски всегда имели некий сакральный смысл. В этой связи особое значение приобретает обычай посвящения сценических масок в святилище Диониса, который засвидетельствован вазовыми рисунками [46, с. 245].

Известны случаи, когда маски не были связаны ни с погребальным обрядом, ни с приношениями в храм. На Делосе [47, № 1235, 1236], в Приене [48, с. 360—362], в Амисе [15, с. 81] открыты помещения, где было найдено много «театральных» масок, главным образом комических. Высказано предположение, что «Дом масок» на Делосе служил репетиционным помещением и его украшения, таким образом, соответствовали его назначению. Раскопки Приены дали возможность реконструировать настенный декор — пластичный фриз, в котором комические маски служили опорной точкой для рельефных гирлянд; выступ на задней стенке масок удерживал их под небольшим наклоном, рассчитанным на обзор снизу.

Можно допустить, что «театральные» маски в данном случае имели чисто декоративное значение, подобно росписям в «комнате с театральными масками» в Помпеях. Не исключено также, что помещения, украшенные «театральными» масками (например, «Дом масок» на Делосе), были как-то связаны с театральными действиями. Однако, вероятнее всего, маски независимо от места своего приложения всегда несли определенную смысловую нагрузку, так как всегда имели сакральный смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bieber M.* Maske // RE. 1930. V XIV.
2. *Charbonneaux J.* Les masques rituel dans la sculpture grecque // Mélanges Gustave Glotz. V 1. P., 1932.
3. *Lenormant F.* Terres cuites antiques. Collection Camille Lecuyer P., 1882.
4. *Goldman H.* The Origin of the Greek Herm // AJA. 1942. V. XLVI. Suppl.
5. *Рамишвили К. И.* Терракоты Вани. Археологические раскопки // Вани II. Тбилиси: 1976.
6. *Хоштариа Н. В., Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р В., Лежава Г И.* Археологические раскопки // Вани I. Тбилиси: Мецниерба, 1972.
7. *Frickenhaus A.* Dia Lenaënvasen. B., 1912.
8. *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.
9. *Аристотель.* Поэтика / Пер., примеч. Новосадского Н. И. Л.: 1927.
10. ОАК — 1896. СПб., 1897.
11. *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.
12. *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981.
13. *Белов Г Д.* Терракоты Херсонеса // САИ. 1970. Вып. Г1-11. Ч. II.
14. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941.
15. *Besques S.* Cataloque raisonné des figurines reliefs en terre cuite grecs, etrusques et romains. V III. P., 1972.
16. *Силантьева П. Ф.* Терракоты Пантикапея // САИ. 1970. Вып. Г1-11. Ч. III.
17. Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
18. *Laumonier A.* Les figurines de terre cuite // Exploration archéologique de Délos V XXIII. P. 1956.
19. *Kleiner G.* Tanagrafiguren. B., 1942.
20. *Кастанаян Е. Г* Раскопки Порфмия в 1953 г. // СА. 1958. № 1.
21. *Mollard-Besque S.* Cataloque raisonné des figurines et reliefs en terre cuite grecs, etrusques et romains du Museé National du Louvre. V. II. P., 1963.
22. *Picard Ch.* Dionysos μιτροφοροσ // Mélanges Gustave Glotz V. II. P., 1932.
23. *Деревицкий А., Павловский А., Штерн Э.* Терракоты Одесского музея. Т. I. Одесса, 1897
24. *Грач Н. Л.* Описание статуэток из Гермонассы в Государственном Эрмитаже // САИ. 1974. Вып. Г1-11. Ч. IV.
25. *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М.: Сов. Россия. 1957.
26. *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978.
27. *Русяева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1982.
28. *Русяева А. С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка, 1973.
29. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
30. *Perdrizet P.* Mén // BCH. 1896. XX.
31. ОАК—1865. СПб., 1866.
32. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
33. Корпус боспорских надписей. М; Л.: Наука, 1965.
34. *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
35. *Феофраст.* Характеры / Пер. Стратоновского Г А. Л.: Наука, 1974.
36. *Bieber M.* Die Denkmaler zum Theaterwesen im Altertum. B., 1920.
37. *Леви Е. И.* Терракоты Ольвии // САИ. 1970. Вып. Г1-11. Ч. I.
38. *Кобылина М. М.* Терракоты Феодосии // САИ. 1970. Вып. Г1-11. Ч. II.
39. *Pottier E., Reinach S.* La Nécropole de Myrina. P. V. I. P., 1887.
40. *Navarre O.* Le théâtre gres. P., 1925.
41. *Navarre O.* Persona // DAGR. IV
42. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957.
43. *Русяева А. С.* Орфизм и культ Диониса в Ольвии // ВДИ. 1978. № 1.
44. *Wrede W.* Der Maskengott // AM. 1928. V. III.
45. *Кондаков Н. П.* Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту. Одесса, 1879.
46. *Green J. R.* Dedication of Masks // RA. 1982. 2.
47. Exploration de Délos. XXIII. P., 1956.
48. *Wiegand T Schräder H.* Priene. B., 1904.

S. I. FINOGENOVA

ANCIENT TERRA-COTTA MASQUES IN THE NORTHERN PONTIC AREA

Anciet terra-cotta masques, just as other objects of ancient coroplastics, are the relics of the spiritual life of the people who lived in the antique cities on the northern shores of the Black Sea. They provide an idea about their aesthetic tastes and art and allow us a glimpse of their psychological makeup and religious ideas. The protoma is associated, in the first place, with mysteries dedicated to landtilling and chtonic deities. The numerous votive masques found on the northern coast can be divided into two groups that differ by their outward appearance and artistic interpretation.

В. И. КУЛАКОВ

«ЗВЕРИНОГОЛОВЫЕ» ФИБУЛЫ БАЛТОВ (V—VII ВВ.)

В раннесредневековых древностях Восточной Европы с X в. широко распространяются звериноголовые браслеты, первоначальным ареалом которых является Прибалтика [1, с. 112] Подобным браслетам в землях балтов предшествуют «звериноголовые» фибулы (Tierkopffibeln), содержавшие на ножке и окончаниях дуги литой пружины стилизованные головки животных (по мнению Ф. Д. Гуревич,— змей [2, с. 69]) и поперечное рифление. В VIII—IX вв. такие фибулы характерны прежде всего для ареала куршей [3, карта 30, с. 44] В современной археологической науке существует мнение, что прототипами для таких фибул послужили арбалетовидные застежки скандинавского производства, проникшие на территорию Прибалтики в VII в. через землю пруссов [4, с. 196] Этот вывод сделан на основании значительной распространенности териологических мотивов в искусстве раннесредневековой Скандинавии (прежде всего — о-ва Готланд). Возможные местные корни происхождения звериноголовых фибул не предполагаются.

Подобные застежки, как арбалетовидные, так и пластинчатые (с тремя «лучами»), давно известные среди древностей пруссов, никогда не подвергались специальному исследованию. При характеристике материальной культуры пруссов эпохи великого переселения народов наличие довольно большого числа звериноголовых фибул трактовалось как показатель влияния проходивших в начале VI в. через землю пруссов герулов [5, с. 10] или остготов [6, с. 271] Окончательному решению проблемы происхождения и датировки данных фибул балтов должна способствовать полная сводка таких находок.

Каталог «звериноголовых» фибул балтов V—VII вв.

1. Фибула, близкая к виду Унтерзибенбруннен (здесь и далее типология и датировки пластинчатых застежек даются по схеме Г Кюна [7]) из клада (?) (рис. 1), обнаруженного частями в 1830, 1870 и 1917 гг. при пахоте в окрестностях пос. Млотечно (Эльблонгское воеводство, ПНР, б. Хаммерсдорф). Фибула изготовлена из золота, украшена филигранью, зернью и вставками красных гранатов. К комплексу относятся также золотые цепочка и медальон Констанция II (335—337 гг.), три ведеркообразные подвески (к фибуле ?) [8, с. 155—159; 9, с. 150, рис. 73], два обломка серебряного блюда с изображениями охоты. Видимо, данные находки являются, как и найденная здесь же в конце XIX в. пара круглых фибул с портретными (?) изображениями [10, с. 56], инвентарем погребений разрушенной части могильника. М. Эберт датировал комплекс «клада» временем около 400 г. Правда, этим же временем обозначены лишь прототипы данной фибулы — крупные застежки I подгруппы двупластинчатых фибул позднегуннской эпохи [11, с. 86, рис. 5, *2*]. Логично предположить, что комплекс из Млотечно должен быть отнесен к более позднему времени — к первой половине V в.

2. Фибула — архетип вида Брайтенфурт (до 480 г.) (рис. 2, *1*) из погр. 5 могильника Детлевсру (Правдинский р-н Калининградской обл.). Обнаружена вместе с парой аналогичных фибул, двумя желтокоричневыми стеклянными бусинами, сосудом [12].

3. Фибула (рис. 2, 2)из погр. б/№ могильника Варенген (Зеленоградский р-н — Самбия) [5, с. 168]

4. Фибула бронзовая, с железной иглой (рис. 2, *12*) вида Оммундрод (500—525 гг.) из погр. А9 могильника Малая Липовка (Гвардейский р-н). Обнаружена вместе с фрагментом гривны и биконическим сосудом с налепами [13, с. 61, 62].

5. Фибула (рис. 2, *3*) — дериват вида Брайтенфурт из погр. 191 могильника Коврово (Самбия). Обнаружена вместе с копьем и сосудом-миской [14, с. 25, рис. VII, *5*].

6. Фибула (рис. 2, *4*) — дериват вида Брайтенфурт из погр. б/№ могильника Андуляй (Кре-

© В. И. Кулаков, 1990 г.

Рис. 1. Инвентарь «клада» из Млотечно. Все вещи — из золота, на фибуле — вставки из гранатов

тингский р-н, ЛитССР). Хранится в фондах Каунасского исторического музея (негатив № 21, поступила из сборов бывшего Пруссиа-музеум).

7 Фибула (рис. 2, *5*) — дериват вида Брайтенфурт. Случайно обнаружена на могильнике Доброе (Самбия) [15, рис. 12]

8. Фибула (рис. 2, *6*) — дериват вида Брайтенфурт, серебряная, покрыта золотом, из погр. 246 могильника Косево (Ольштынское воеводство, ПНР). Обнаружена вместе с пальчатой фибулой вида Тамань (500—550 гг.) [5, с. 766]

9, 10. Две фибулы (рис. 2, *8, 9*) — дериваты вида Брайтенфурт. Случайно найдены на могильнике Детлевсру [16, рис. 124, 125].

11. Фибула (рис. 2, *10*) — дериват вида Брайтенфурт, из погр. б/№ могильника Богачево (Белостоцкое воеводство, ПНР). Найдена вместе с арбалетовидной фибулой с горизонтальным рифлением ножки [17, табл. XI]

12. Фибула (рис. 2, *11*) — дериват вида Брайтенфурт. Случайно найдена на могильнике Доброе [15, рис. 12]

13. Фибула (рис. 2, *13*) — дериват вида Брайтенфурт, бронзовая, из безынвентарного погр. 123 могильника Суворово (Гвардейский р-н) [18]

14. Фибула (рис. 2, *7*) — дериват вида Крефельд (450—500 гг.) из погр. 57 (раскопки 1943 г.) могильника Доброе [15, рис. 1, *ф*]

15. Фибула (рис. 2, *14*) — дериват вида Крефельд из погр. б/№ могильника Подгуже (Эльбонгское воеводство, ПНР) [19, рис. 141]

16. Фибула (рис. 2, *15*) — дериват вида Крефельд, бронзовая, из погр. 15 (раскопки 1987 г.) могильника Доброе. Обнаружена вместе с аналогичной фибулой, пронизкой из бронзовой проволоки, биконической урной [20]

17. Фибула (рис. 2, *16*) — дериват вида Крефельд из погр. б/№ могильника Эшенорт (окрестности Венгожево, Сувалкское воеводство, ПНР) [5, с. 94, рис. 124]

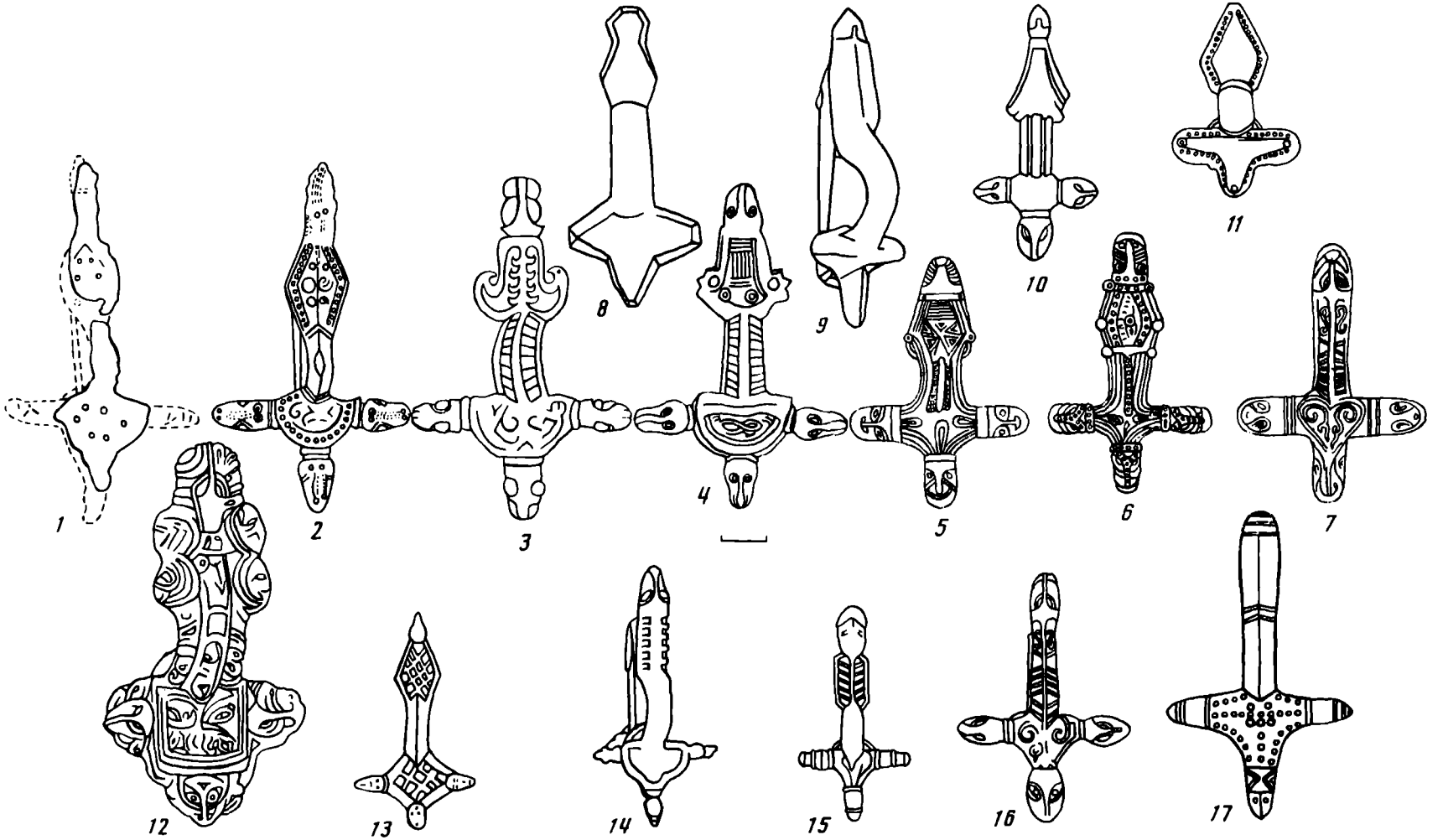


Рис. 2. Пластинчатые фибулы «видивариев» и пруссов (V — начало VI в.) *1* — погр. 5 могильника Детлевсру; *2* — Варенген; *3* — Коврово; *4* — Андуляй; *5* — случайная находка на могильнике Доброе; *6* — Косево; *7* — погр. 57 (раскопки 1943 г.) могильника Доброе; *8, 9* — случайные находки на могильнике Детлевсру; *10* — Богачево; *11* — случайная находка на могильнике Доброе; *12* — Малая Липовка; *13* — Суворово; *14* — Подгуже; *15* — погр. 15 (раскопки 1987 г.) могильника Доброе; *16* — Эшенорт; *17* — Подгуже

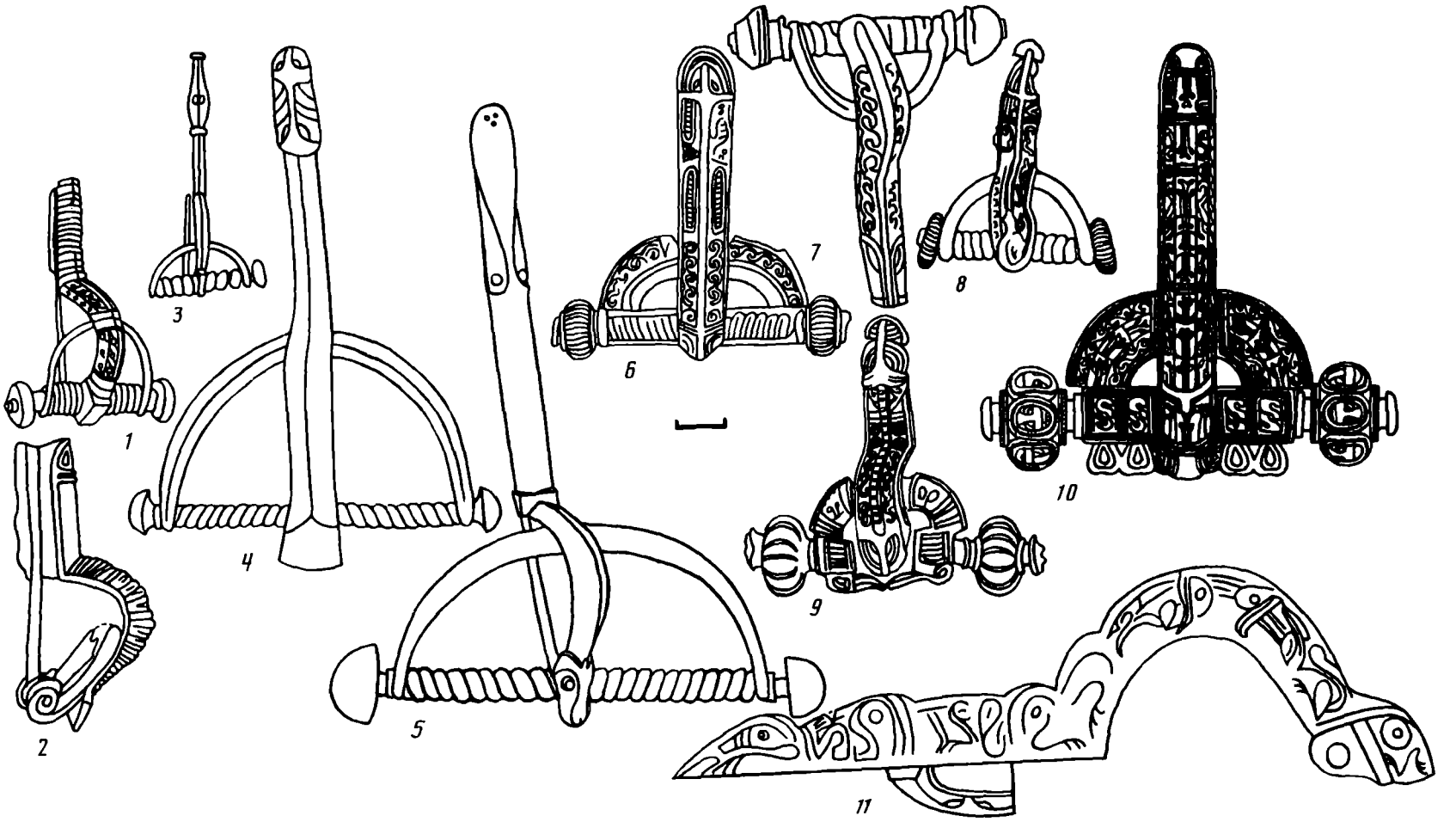


Рис. 3. Арбалетовидные фибулы с элементами I общегерманского звериного стиля (V—VI вв.). *1* — Лермонтово; *2* — случайная находка на могильнике Тумяны, *3* — Моронг; *4* — Крустпилс Мантас; *5* — Яунейкяй; *6* — Клеттам; *7* — Осокино; *8* — Ярославское; *9* — погр. 38 могильника Тумяны; *10* — случайная находка на могильнике Тумяны; *11* — Гробиня

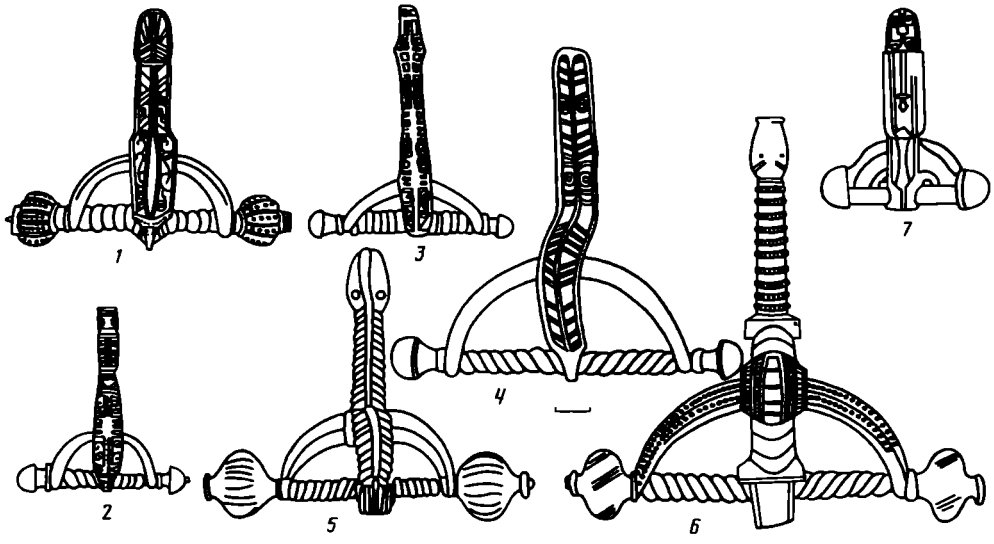


Рис. 4. Арбалетовидные «звериноголовые» фибулы балтов (VII в). *1* — Гейстауты; *2* — Видгиряй; *3* — погр. 106 могильника Плинкайгалис; *4* — Яунейкяй; *5* — погр. 150 могильника Тумяны; *6* — Рубокай; *7* — Миклас Калнс

18. Фибула (рис. 2, *17*) — дериват вида Крефельд из погр. б/№ могильника Подгуже [19, рис. 142].

19. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *2*), случайно найденная на могильнике Тумяны (Ольштынское воеводство, ПНР) [21, рис. 40].

20. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *3*) из погр. б/№ могильника Моронг (Ольштынское воеводство, ПНР) [5, рис. 127].

21. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *4*), бронзовая, с городища Крустпилс Мантас (окрестности г. Екабпилса, ЛатвССР) [22, табл. 42, *2*].

22. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *5*), бронзовая, из погр. 390 могильника Яунейкяй (Йонишкский р-н Лит. ССР) [23, рис. 1].

23. Арбалетовидная (литая) фибула (рис. 3, *6*) из погр. 421 могильника Клеттам (Верхняя Бавария, ФРГ). Обнаружена с арбалетовидной фибулой типа Оцингелль, с гривной и двумя булавками [24, рис. 27] Дата — 525—575 гг.

24. Арбалетовидная (литая) фибула, серебряная, из Гроборга (Оланд, Швеция) [21, табл. 8, *3*].

25. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *7*), серебряная, покрыта золотом, из погр. б/№ могильника Осокино (Багратионовский р-н) [5, с. 94, рис. 129]

26. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 3, *8*), бронзовая, покрыта серебром, из погр. б/№ могильника Ярославское (Самбия) [5, с. 95, рис. 130].

27. Абралетовидная (пружинная) фрагментированная фибула из погр. б/№ могильника (?) Ромбинас (Шилутский р-н ЛитССР) [21, рис. 41].

28. Арбалетовидная (литая) фибула (рис. 3, *9*) из погр. 38 могильника Тумяны. Обнаружена вместе с круглой фибулой, тремя бронзовыми пряжками, ножом с костяной рукоятью фризского происхождения [26, рис. 6, 17], с ожерельем из цепочек, подвесок и желтых пастовых бусин, железной шпорой и фрагментами сосуда. Дата комплекса — 660—670 гг. [27, с. 53].

29. Арбалетовидная (литая) фибула из погр. 6 могильника Малиновка (Гвардейский р-н) [21, с. 246, рис. 45].

30. Арбалетовидная (литая) фибула (рис. 3, *10*). Случайно обнаружена на могильнике Тумяны [28, рис. 3]

31. Арбалетовидная (литая) фибула (рис. 3, *11*), бронзовая, покрыта золотом, из клада 1831 г. (погребения ?) в Гробине (Лиепайский р-н ЛатвССР). Обнаружена со стандартной «звериноголовой» фибулой VIII—IX вв. и 18 стеклянными бусинами [29, с. 6].

32. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *1*), серебряная, из кург. 2 могильника Гейстауты (Лиепайский р-н ЛатвССР). Обнаружена с парой фибул, гривной и др. Дата — VI в. [22, с. 158].

33. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *3*), серебряная, покрыта золотом, из погр. 106 могильника Плинкайгалис (Кедайняйский р-н ЛитССР), обнаружена с боевым и малым ножами, мотыгой, пряжкой, бусиной, накладками и обоймицей [4, рис. 1].

34. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *2*), серебряная, покрыта золотом, из погр. 2 могильника Видгиряй (Шилутский р-н ЛитССР). Обнаружена с двумя боевыми ножами, серпом, топором, шпорой, четырьмя арбалетовидными фибулами (в том числе с рифлением ножки), с браслетом типа Сентендре, гривной из двух тордированных дротов [7, с. 65].

35. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *4*), серебряная, из погр. 150 могильника Тумяны. Обнаружена вместе с пятью серебряными пряжками, шпорой, двумя наконечниками ремня и ножом [26, рис. 6].

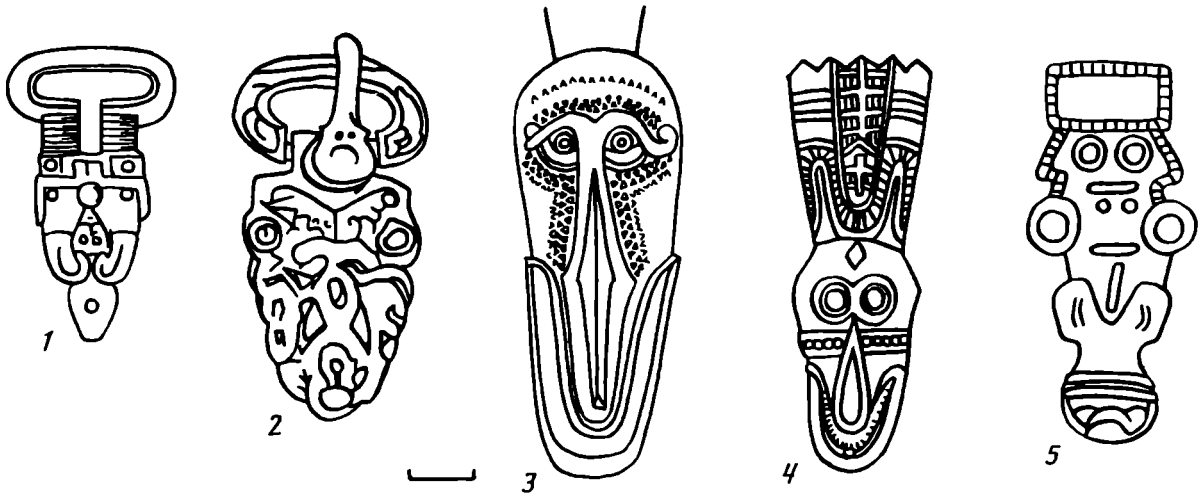


Рис. 5. Эволюция композиции «Один и во́роны» в декоративном искусстве региона Балтики в VI—IX вв. *1* — пряжка из Сконии (Швеция), конец VI в.; *2* — пряжка из низовий Рейна (ранее ошибочно считалась из Самбии), начало VII в.; *3* — нижняя часть накладки щита из кенотафа конунга Редвальда (Саттон-Ху, Суффольк, Англия), 624—625 гг.; *4* — фибула из могильника Келары (Мазуры); *5* — наконечник ремня из погр. 153 могильника Ирзекапинис (Самбия), начало IX в.

36. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *5*), бронзовая, из погр. 466 могильника Яунейкяй [24, рис. 2]. Обнаружена с двумя копьями.

37—39. Арбалетовидная (пружинная) фибула (рис. 4, *6*), из погр. 41 могильника Рубокай (Шилутский р-н ЛитССР) [30, рис. 145] и однотипные фибулы из погр. 107 могильника Плинкайгалис и погр. 11 могильника Видгиряй.

40. Арбалетовидная (литая) фибула (рис. 4, *7*) из погр. б/№ могильника Миклас Калнс (бассейн р. Лиелупа, ЛатвССР) [31, рис. 10].

41. Арбалетовидная (литая, пластинчатая) фибула, случайно найденная в Оши (окрестности г. Елгавы ЛатвССР) [21, рис. 82]

В представленном каталоге фибулы в целом даны в порядке, соответствующем развитию их орнамента и деталей конструкции. Наиболее ранняя фибула 1 (Млотечно, первая половина V в.) — представитель прототипа фибул видов Брайтенфурт (по ромбической ножке) и Крефельд (по спиралевидному орнаменту). Начало прусского ряда фибул (3, 5—8) связано с застежками вида Брайтенфурт, являвшимися племенным украшением саксов [12, с. 871] Датируемые по фибулам 2, 8 концом V — началом VI в., эти застежки появляются на юго-западной окраине балтского мира в результате переселения на восток группы саксов. Пришельцы принесли с собой не только племенные украшения, но и традицию изготовления урн с отверстиями, ранее характерную для западных германцев [32, табл. 232] и с VI в. ставшую признаком мазурской культурной группы. Появление саксов на окраине балтского мира — косвенный результат движения их вместе с лангобардами в начале VI в. в Паннонию [33, с. 30]

Уже в начале VI в. пластинчатые фибулы прусского ряда снабжаются поперечным рифлением ножки. Это может восходить к «готским» фибулам (ср. с фибулой 1) или быть заимствовано у ютландских застежек (фибула 4) Ведущим признаком фибул прусского ряда являются личины «демонических» животных (по терминологии Г Кюна), украшавшие ножку и «лучи» фибул. Эти личины являются скорее всего результатом модификации изобразительной схемы «Оди́н и во́роны», этапы развития которой наиболее четко видны в более позднем декоре украшений балтов и германцев (рис. 5). Еще не слившиеся в одну фигуру головки воронов заметны на фибуле 4 (рис. 2, *12*).

Одновременно с дериватами вида Брайтенфурт в древностях пруссов появляются застежки, близкие виду Крефельд, известные также в конце V — начале VI в. в ареале франков (Нижний Рейн). В земле пруссов такие фибулы встре-

чены на побережье Вислинского залива и на Самбии [34, с. 189] На некоторых из них (14, 17) отмечены орнаментальные композиции, характерные для украшений фризов середины V в. [35, рис. 7б]. Появление в земле пруссов форм и орнамента фибул, характерных для жителей берегов Нижнего Рейна, связано с уходом части населения Фрисландии из пределов родины под давлением саксов [36, с. 141] В бассейне Балтики фибулы вида Крефельд (с отсутствием щитка), кроме единичных находок в Муурла-Эйэло (Финляндия) [37, с. 44, табл. 27, № 226] и на о-ве Сааремаа (Эстония) [38, с. 65; 39, с. 25] известны только в земле пруссов.

Уже во второй половине V в. спиралевидный орнамент, присущий застежкам западных германцев IV—V вв. и восходящий к традициям провинциально-римского искусства [40, с. 124, 127, 165], спорадически появляется на фибулах пруссов (рис. 3, *1*). Западно-балтские мастера в это время помещают их фибулы и головки животных (рис. 3, *2—5*). Форма и орнамент фибул 33, 34 показывают первую попытку представить на традиционной для западных балтов арбалетовидной застежке композицию с симметричными, практически слитыми воедино головками птиц и спиралями, характерную для пластинчатых фибул выходцев из Фрисландии, осевших в земле пруссов. В VI в., судя по фибуле 35, обнаруженной в комплексе с характерными для того времени пряжками, имевшими полукруглые обоймицы, данная традиция продолжает жить на окраинах земли пруссов.

Сложность и взаимодействие этнических и культурных процессов, протекавших в западно-балтских землях, находят отражение в оформлении арбалетовидных (литых) «звериноголовых» фибул (рис. 3, *6, 9—11*). Наиболее ранней из них является фибула 23, обнаруженная в комплексе с арбалетовидной фибулой, на ножке которой представлены парные птичьи головки (тип Оцингелль VI в.) [12, с. 704] Позднейшей из литых фибул можно считать застежку 31, датируемую по сопровождавшей ее стандартной куршской фибуле временем не ранее начала VIII в. Для таких застежек характерно как воспроизведение традиционной для местного населения формы фибулы VI в., так и орнамент (прежде всего — спиралевидный), являющийся продуктом дальнейшего развития декора пластинчатых фибул с тремя «лучами», в рамках I общегерманского звериного стиля. Подобные фибулы ранее связывались со Скандинавией [25, с. 269]. Однако на севере Европы, где действительно в начале VI в. появляются литые подражания фибулам пруссов [41, с. 70], такой орнамент неизвестен. Фибулы 23, 28—31 являются, несомненно, изысканной и весьма дорогостоящей продукцией мастеров полиэтничной мазурской группы [42, с. 140] Эти мастера изготовляли для обмена на янтарное сырье украшения в традициях (по заказу?) наиболее состоятельных представителей местного населения.

Данные фибулы оказали несомненное влияние на продукцию балтских мастеров. Это отразилось прежде всего в появлении на местных фибулах ранее не характерных для них массивных наверший стержня пружины (рис. 4, *5, 6*), указывающих на дату таких фибул — не ранее середины VII в. Творчески переработав кольцевидное навершие стержня пружины балтских фибул VI в., мазурские мастера создали парадигму для своих соседей. Будучи, видимо, не в состоянии воспроизвести чрезвычайно усложненный, выглядевший деструктивным орнамент ножек литых фибул, балтские мастера изображают в середине VII в. на конце ножки фибулы упрощенную головку животного. Спинка фибулы покрывается привычным для балтов поперечным рифлением [6, рис. 213]. Так появляется прототип «звериноголовых» фибул в окончательном виде, ставшем характерным для украшений куршей VIII—IX вв. Основная черта таких предметов — плоская модель застежки — реализована на фибуле 41.

Социальную принадлежность «звериноголовых» фибул балтов можно представить следующим образом. Собранные в каталоге данные, хотя зачастую и отрывочные, позволяют предположить, что пластинчатые фибулы середины V — начала VI в. принадлежали как мужчинам (в комплексе — одиночная крупная фибула, гривна, поясной набор), так и женщинам (в комплексе —

пара небольших фибул, изредка — прочие украшения). Позднейшие куршские фибулы и их прототипы — «звериноголовые» фибулы крупных размеров (пружинные и литые арбалетовидные) — принадлежность мужчин-воинов. Использование при изготовлении этих застежек драгоценных металлов указывает на высокий имущественный уровень их владельцев. Появление пластинчатых фибул в западно-балтском ареале (Мазуры, Витланд, т. е. Самбия и берега Вислинского залива), видимо, непосредственно связано с переселением сюда групп выходцев с запада Европы. Эти группы известны во второй половине V в. под общим именем «видиварии» [43, с. 72, 85]. Они занимали в устье р. Вислы «остров Гепейдос», которому может соответствовать по геоморфологической характеристике только Эльблонгское всхолмление (размеры 55×20 км) [44, с. 179]. Данная возвышенность, занятая до V в. н. э. поздневельбарским населением [45, с. 122], могла привлечь во второй половине V в. разрозненные группы беглецов из Западной Европы. Их наименование — «видиварии» — носило не этнический, а скорее социальный характер [46]. Показатель контактов «видивариев» и пруссов, встретившихся у границ Эльблонгского всхолмления в 450—500 гг. [47, с. 112, 116],— распространение трехлучевых фибул «видивариев» в земле пруссов — Витланде [48, с. 96] Возможность сосуществования и плотного контакта пришельцев с местным населением показывает высокую степень разложения ранее замкнутой на себя родовой структуры пруссов [49, с. 86].

На рубеже V—VI вв. в культуре пруссов происходят определенные изменения. В погребальном обряде исчезают урновые трупосожжения, в могилах появляются остатки погребального костра [50, с. 142]. Эти черты характерны для западных германцев (в том числе для саксов и фризов) в эпоху, предшествовавшую распространению Reihengräber, т. е. до начала VI в. [51, с. 117]. Тот факт, что чуждый родовым традициям орнамент утверждается на фибулах северных соседей пруссов (рис. 6), показывает определенные сдвиги и в социальной структуре населения на территории современной Литвы в VI—VII вв. Все это позволяет предполагать, что «звериноголовые» фибулы балтов принадлежали представителям дружинной прослойки общества, являлись показателем их социальной принадлежности. Сам факт приобретения культурой пруссов в начале VI в. некоторых ранее чуждых балтам черт и признаков, присущих фризам, объясняет возникновение этнонима жителей западных рубежей балтского мира по схеме Frūsa — Prūsai [52, с. 19]

Учитывая сложность и устойчивость формы и орнамента пластинчатых фибул земли пруссов, можно предполагать наличие в них определенного семантического смысла. Герберт Кюн определял пальчатые фибулы германцев V—VII вв. как сакральный символ связи человека с потусторонним миром, знак его победы над «злыми» силами [53, с. 30, 31], исходя из предположения о том, что при ношении фибулы были повернуты «лучами» вверх [53, с. 53] Все дошедшие до нас изображения позднеримского времени показывают, что пальчатые фибулы крепились на одежде «лучами» вниз [54, с. 56, 57] Расположенные таким образом, пластинчатые фибулы земли пруссов приобретают вид неравностороннего креста. Подобная схема становится наиболее распространенной в языческой символике Скандинавии X—XI вв. [55, рис. 45; 56, рис. 106] и соотносится со знаком бога молний [56, с. 218] Аналогичный вид имеют и амулеты Донара-Тора V в. [57, рис. 197] Конкретная семантическая трактовка пластинчатых фибул земли пруссов, возможно, многовариантна (символ бога молний, мировое древо?). Ясно одно: эти застежки в совокупности позволяют предполагать их явно культовое (наравне с социальным) значение (оберег).

Опираясь на даты прототипов, а также на временные показатели по комплексам, в которых обнаружены «звериноголовые» фибулы балтов, их дробную хронологию по группам в пределах V—VII вв. можно представить следующим образом.

Группа 1. Пластинчатые фибулы «видивариев» с тремя «лучами» и орнамен-

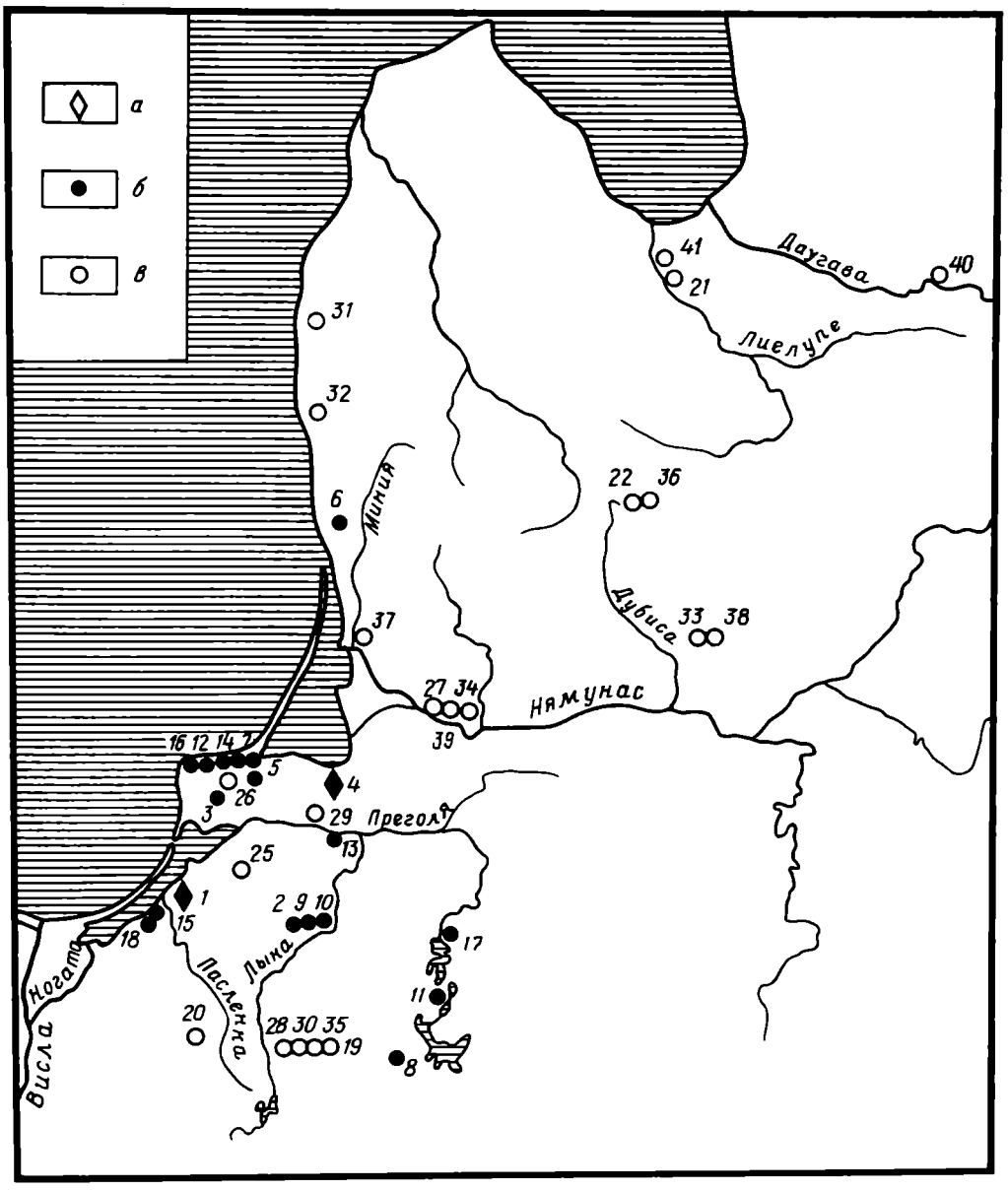


Рис. 6. Распространение «звериноголовых» фибул балтов в V—VII вв. *а* — германские пластинчатые фибулы V — начала VI в.: *б* — пластинчатые фибулы «видивариев» и пруссов; *в* — арбалетовидные «звериноголовые» фибулы. Цифры соответствуют номерам каталога

том в виде пары практически слившихся птичьих голов, спиралей (3, 5—18) — ок. 450—550 гг.

Группа 2. Арбалетовидные (пружинные) фибулы с полусферическими навершиями стержня пружины и со «звериными» головками на конце ножки (20—22, 33—35) — ок. 470—550 гг.

Группа 3. Арбалетовидные (литые) фибулы с орнаментом I общегерманского звериного стиля (23, 24—31, 38, 39) — ок. 550—700 гг.

Группа 4. Арбалетовидные (пружинные) фибулы с отдельными элементами орнамента пластинчатых и арбалетовидных (литых) фибул (25, 26) — ок. 550—600 гг и (32, 37) — ок. 600—700 гг.

Данные, полученные при анализе «звериноголовых» фибул балтов (V—VII вв), можно суммировать так.

1. Во второй половине V в. на окраины земли пруссов проникают группы представителей населения запада Европы (саксы и фризы), известные в устье р. Вислы под именем «видивариев». Ускоряя процесс формирования местной

дружины, пришельцы привносят в материальную и духовную культуру населения Витланда новые элементы (в том числе пластинчатые «звериноголовые» фибулы группы 1).

2. В начале VI — начале VII в. процесс формирования дружины разворачивается в землях северо-восточных соседей пруссов — куршей, скальвов и других балтских племен [58, с. 57]. Индикатором этого процесса является, по-видимому, появление в их ареалах отдельных «звериноголовых» фибул группы 2.

3. Следующая стадия развития данных фибул — литые застежки (центр изготовления — Мазурское Поозерье), появляющиеся в середине VI в. и спорадически встречающиеся до начала VIII в. Эта стадия показывает развитие и усложнение структуры дружины балтов. Данные фибулы, видимо, принадлежали вождям дружины. Появление единичных фибул группы 3 и даже литейной формы для одной из них [21, табл. 8, *1*] в ареалах германцев характеризует их этнические и культурные связи с дружинной прослойкой западных балтов.

4. Появление литых фибул явилось толчком к возникновению плоских литых «звериноголовых» фибул упрощенной конструкции со стилизованным орнаментом (группа 4), а затем и застежек с маковидными навершиями. Следует отметить, что такие навершия могли появиться только лишь как дериваты «дыневидных» наверший фибул группы 3. Последние появились в результате переосмысления мазурскими мастерами наверший из рифленых колец прусских фибул VI в. Упрощенные «звериноголовые» фибулы становятся стандартным атрибутом курша-дружинника.

Приведенный выше разбор ранних «звериноголовых» фибул балтов — опыт выявления первых шагов в создании полиэтничного декоративного стиля, одного из признаков дружинной организации [34, с. 190]. Варианты такого стиля прослеживаются в археологическом материале эпохи раннего средневековья в пределах Балтийского субрегиона. Находки отдельных «звериноголовых» фибул вдоль течения рек Дубиса и Лиелупе (рис. 6) и далее — в Эстонии показывают северо-восточное направление контактов прусских торговцев и дружинников. Они уже в VI в. заложили основы Балтийского культурно-экономического сообщества, достигшего расцвета позднее, в эпоху викингов, и послужившего основой для сложения в Восточной Европе государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
2. *Гуревич Ф. Д.* Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змеи в Прибалтике // КСИИМК. 1947. Вып. XV.
3. *Tautavičius A.* Lietuvos TSR archeologijos atlasas. IV Vilnius: Mokslas, 1978.
4. *Kazakevičius V.* A. Rare Animal-Headed Cross-Bow Brooch from Plinkaigalis in Lithuania // Fornvännen. 1983. 78.
5. *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungzeit. Uppsala; Leipzig, 1919.
6. *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussen. Königsberg, 1929.
7. *Kühn H.* Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. T. II. B. 2. Graz, 1974.
8. *Ebert M.* Neuerwerbungen des Prussia-Museums // Prussia. 1923. 24.
9. *La Baume W.* Urgeschichte der Ostgermanen. Danzig, 1934.
10. *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen. Glogau; Berlin, 1908.
11. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
12. Muzeum Warmii i Mazur // Zbiory. № 885/72.
13. *Scherbing.* Ausgrabungen in Grasl. Schakaulack // Prussia. 1883/1885. B. 38.
14. *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Alterfümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Chr Geb. Königsberg, 1902.
15. *Grunert W.* Von Hünenberg bei Rantau. Kr. Samland // Altpreussen, 1944.
16. *Hollack E.* Das Gräberfeld bei Detlevsruh. Kr. Friedland // Prussia. 1914. № 23. T. 1.
17. *Okulicz J.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego, odkryte w miejscowości Bogaczewo, na przysiółku Kuła, pow. Ciżycko // Rocznik Olsztyński. 1958. T. I.
18. *Heym W.* Das Gräberfeld Zohpen. 1938. Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. № 9177. Poznań, 1938.
19. *Peiser F. E.* Gräberfeld bei Huntenberg. Kr. Braunsberg // Prussia. 1914. № 22. T. 1.

20. *Кулаков В. И.* Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 11895.
21. *Oxenstierna E. C. S.* Prachtfibel aus Grobin // Mannus. 1940. 32. № 1/2.
22. Latvijas PSR arheologija. Rīga. 1974.
23. *Vaškevičiute I.* Gyvuliniai motyvai VI—VII a. ziemgalių papuošalų ornamentuose // Jaunųjų istorikų darbai. Vilnius, 1978. № 2.
24. *Sage W* Reihengräberfeld von Altererding // Ausgrabungen in Deutschland. 2. Mainz, 1975.
25. *Schulze M.* Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibel mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2) // Antiquitas. Reihe 3. Bonn, 1977.
26. *Waller K.* Friesische Gräberfelder an der Nordseeküste // Praehistorische Zeitschrift. 1936. 27
27. *Kemke H.* Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode «E» der ostpreussischen Gräberfelderzeit // Prussia. 1914. B. 23. T. 1.
28. *Heydeck J.* Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf den Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia. 1894. B. XIX.
29. *Kleemann O.* Die beiden Fiebeln von Grobin // Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Jelgava, 1935.
30. *Bezzenberger A.* Das Gräberfeld bei Rubocken // Prussia. 1909. № 22.
31. *Graudonis J.* Izrakumi Lielupes krasta 1977. gadā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1977. gada pētījumi rezultātiem. Rīga, 1978.
32. *Reinert H.* Vorgeschichte der deutschen Stämme. B. 2. Berlin, 1940.
33. *Шервуд Е. А.* Предпосылки формирования итальянского этноса (социально-экономический аспект в V—VI вв.) // Романия и Барбария. М.: Наука, 1989.
34. *Кулаков В. И.* Начало дружины пруссов // X Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М.: Наука, 1986.
35. *Es W A. van, Ypey J.* Das Grab der Prinzessin von Zweeloo und seine Bedeutung in Rahmen des Gräberfeldes // Studien zur Sachsenforschung. Hildesheim, 1977
36. *Schmid P.* Die vor- und frühgeschichtlichen Grundlagen der Besiedlung Ostfrieslands nach der Zeitwende // Ostfriesland im Schutze des Dieches. B. 1. Leer, 1965.
37 *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
38. *Tallgren A. M.* Saaremaa ja Muhu muinasjäänused Tartu, 1924.
39. *Tallgren A. M.* Zue Archäologie Eestis. II. Dorpat, 1925.
40. *Salin B.* Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904.
41. *Nerman B.* Der Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm, 1935.
42. *Кулаков В. И.* Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.
43. *Иордан.* О происхождении и деяниях готов.—«Getica». М.: Наука, 1968.
44. *Szukalski J* Krajobraz geograficzny Elbląga // Rocznik Elbląski. 1961. T. 1.
45. *Anger D.* Das gemische Gräberfeld auf den Neustädterfeld bei Elbing // Zeitschrift für Ethnologie. 1880. B. 12.
46. *Кулаков В. И* Дружинные элементы в могильниках пруссов VI—XI вв. // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1988.
47. *Godłowski K.* Okres wędrówek ludów na Pomorzu // Pomorania Antiqua. 1981. T. X.
48. *Кулаков В. И.* Земля пруссов и «прусские земли» // Балто-славянские исследования 1985 г. М.: Наука, 1988.
49. *Пашуто В. Т* Особенности структуры Древнерусского государства // *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965.
50. *Jaskanis J.* Obrządek pogrzebowy zachodnich bałtów u schyłku starożytnosci (I—V w. n. e.). Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
51. *Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н. э.— III в. н. э. западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1974.
52. *Трубачев О. Н.* Заметки по этимологии и ономастике (по материалам балто-германских отношений) // Питанн'я ономастики. Київ, 1965.
53. *Kühn H.* Die Germanische Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. T. II. B. 1. Graz. 1974.
54. *Тяжелов В., Сопоцинский О.* Искусство средних веков. Дрезден; Москва, 1975.
55. *Graham-Campball J., Kidd D.* The Vikings. London, 1980.
56. *Paulsen P* Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956.
57. *Werner J.* Herkuleskeule und Donar-Amulett // Jahrbuch des Römisch. Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1964. B. 11.
58. *Вайткунскене Л.* К вопросу о начале дружины в Литве // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: Наука, 1987.

V. I. KULAKOV

FIBULAE WITH ANIMAL HEADS OF THE BALTS IN THE 5TH-7TH CENTURIES

Summary

It is commonly believed that in the 8th and 9th centuries fibulae with animal heads were a typically Baltic tradition. So far all archaeologists were convinced that it was rooted in Scandinavian art of the 6th and 7th centuries. The present analysis (the first of this kind) of fibulae with animal heads dated to the 5th and 7th centuries sheds a new light on the problem. First such fibulae appeared late in the 5th century together with the Frisians and Saxes who moved to the fringes of the Prussian area. They left a noticeable trace in the material and spiritual life of the indigenous population. Starting with the middle of the 6th century craftsmen of the polyethnic Mazury culture group began making sumptious fibulae with animal heads for the local warlords. They greatly influenced the local craftsmanship too. This probably explains the appearance of somewhat simplified fibulae with animal heads: in the 8th and 9th centuries they were an inalienable attribute of rank-and-file warriors.

В. Г. МИРОНОВА

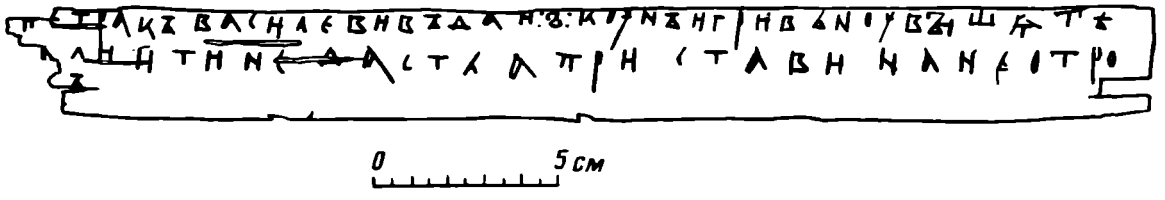
БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ СТАРОЙ РУССЫ
(находки 1985 г.)

В 1985 г. были возобновлены раскопки в Старой Руссе, где продолжились работы на раскопе XV, законсервированном А. Ф. Медведевым в 1978 г. на уровне 17-го пласта. Вскрытые за сезон 1985 г. три пласта (на площади раскопа в 100 м^2) дали небывалый для Старой Руссы «урожай» грамот — девять берестяных свитков. Все они концентрируются в пределах юго-западного угла раскопа, на площади не более 30 м^2 (рис. 1), и принадлежат, как видно, владельцам одной усадьбы. Это подтверждается как содержанием грамот, так и концентрацией их в пределах жилого комплекса одной усадьбы.

Общая стратиграфическая дата берестяных грамот — первая половина — середина XII в. К этому же времени относятся и другие находки на уровне вскрытых напластований: стеклянные бусы, шиферные пряслица, двусторонние костяные гребни, железные ключи и т. д.

При издании грамот используются следующие правила: квадратными скобками ограничиваются частично сохранившиеся буквы, круглыми — полностью утраченные, но очевидные по смыслу. При разделении текста на слова буквенные обозначения цифр заменяются их арабским написанием. Номера грамот — с 15-го по 23-й, порядковые, по общему количеству найденных в Старой Руссе.

Грамота № 15 (рис. 2)



ПЕТРА КЪ ВАСИЛЕВИ ВЪДАИ : 6 : КОУНЪ И ГРИВЬНОУ ВЫШАТЬ
АЛИ ТИ НЕ ДАСТЬ А ПРИСТАВИ НА НЬ ОТРО
Ъ

Грамота найдена на уровне 19-го пласта (в траншее), в квадрате 11. Сохранилась почти полностью, за исключением небольших утрат в левой ее части, никак не влияющих на прочтение текста. Длина 31 см, ширина 3,3 см.

На слова грамота делится так:

(От) Петра къ Василеви. Въдаи 6 коунъ и гривьноу Вышате. [А]ли и ти не дасть, а пристави на нь отро(к)ъ.

Петр и Василий — широко распространенные христианские имена. «Въдаи» — повелительное наклонение от «въдати» — дай, отдай. В берестяных грамотах встречается часто: «въдаи [1, с. 149], «въдаита» [1, с. 54], «въдае» (там же) и т. п. Вышата — распространенное языческое имя, известное по письменным источникам: «Вышата Васильевич» [2, с. 38], «Ян Вышатич» [2,

© В. Г Миронова, 1990 г.

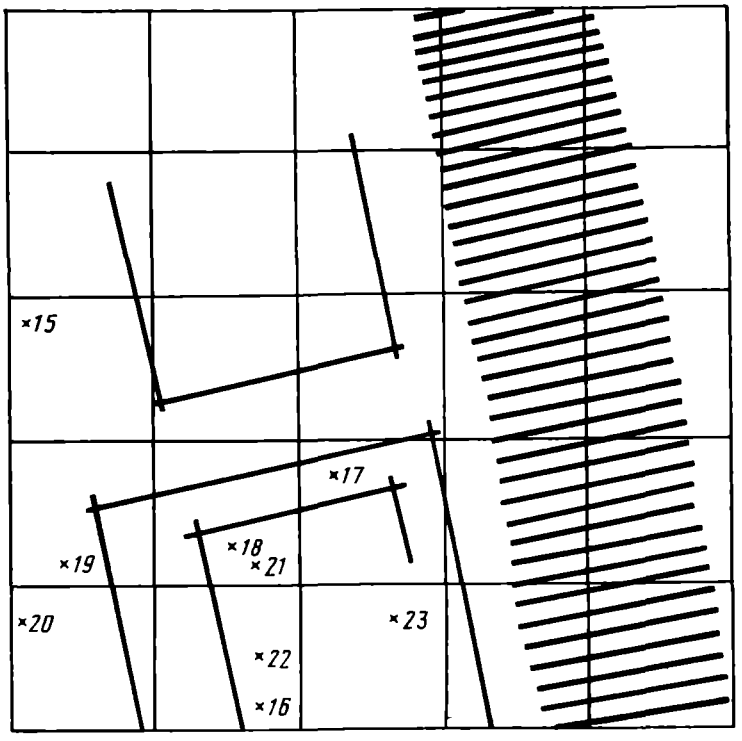


Рис. 1. Места находок берестяных грамот на раскопе XV в. в Старой Руссе

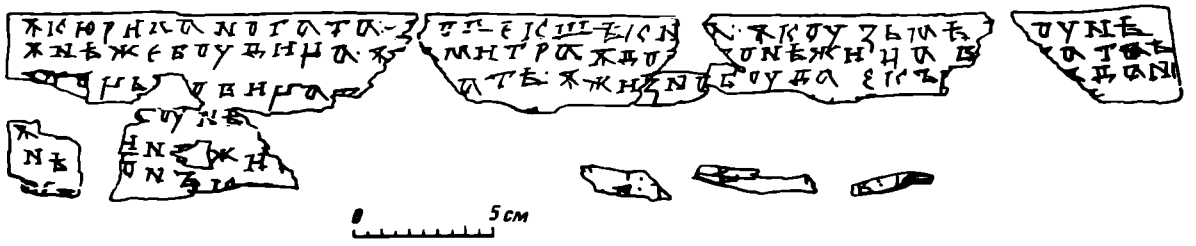
с. 92], «Вышата, сын Остромир» [2, с. 184] «Али» — если; «и» — он (местоимение м. р., ед. ч., 3-го лица); «ти» — тебе. «А пристави на нъ отрокъ» — то приставь на него отрока, т. е. «начни иск, тяжбу» [3, с. 445] посредством вызова ответчика через отрока. Отсюда позднее «пристав» как «должностное лицо, приставленное к чему-либо» [3, с. 445]. «Отрок» уже упоминался в старорусских грамотах: «не сель отрока» (№ 6), «молови отроку своему...» (№ 7), а также в берестяных документах Новгорода: «а на отроке»... (№ 241), «на отроку въдаите...» (№ 509). Л. В. Черепнин, ссылаясь на «Русскую Правду», характеризует отрока как одного из помощников высших судебных исполнителей, младшего дружинника, на котором лежала обязанность «ведения следствия, доставки в суд и т. п.» [4, с. 55]

Общий перевод грамоты таков: «От Петра к Василию. Дай (выдай) 6 кун и гривну Вышате. Если (же) он тебе не отдаст, то предъяви ему иск через отрока».

Стратиграфическая дата документа — первая половина XII в.

Палеографические признаки написания букв не противоречат этому: петли «Ъ», «Ы» — геометричны; у «В» правые штрихи не соединяются с левой вертикальной прямой; перекладины у «А» и «Ѣ» вмещается в строку, а верхняя и нижняя части — равновелики; «Р» — в виде вертикальной мачты с узкой петлей, не примыкающей к ней.

Грамота № 16 (рис. 3)



ѪКЮРИЛАНОГАТА:[Ѫ]ОЛЕКШЕКН[А]:ѪКОУЗЬМЕ---ОУНѢ
ѪНѢЖЕБОУДИЧА Ѫ---[Д]МИТРАѪДО---[Г]ОНЕЖИЧА·В...АТ..Ѣ
ѪТОЧЬ...ОВИЧА·[В]...АТѢ:ѪЖИЗНОБОУДА·ЕКЪ...[Ѫ]ДАН(И)
---ОУНѢ---
Ѫ---ИН[Ѣ]ЖИ---
НѢ---ОНЪ[К]---

На отдельных кусочках бересты — буквы «Ѣ», «В», «Ь».

Грамота найдена на уровне 19-го пласта, в квадрате 22. Сохранилась фрагментарно, разрывы значительные, древние. Особенно пострадала нижняя ее часть. Длину точно установить не удается. Учитывая возможные добавления букв по смыслу, она достигала 40—42 см. Ширина сохранившейся части 7 см.

На слова грамота может быть разделена так: У Кюрила ногата. Олекше кн[а] У Кузьме... (К)оуне у Нежебоудича. У [Д]митра у До(ро)гонежича 2(но) [Г] ате. У Точе...овича [2] (ног)ате. У Жизнобоуда екъ... .У Дани... (к)оуне...У...ин[е]жи...не...онъ. [К]...

Общий смысл грамоты понятен. Это — долговая памятная запись с перечислением имен должников и сумм их долга. Перевод (с некоторыми предположениями) таков: «У Кирила ногата. У Олекши куна. У Кузьмы... кун у Нежебудича. У Дмитра у До(ро)гонежича 2 ногаты. У Точе...овича 2 ногаты. У Жизнобуда...». Далее — обрывки.

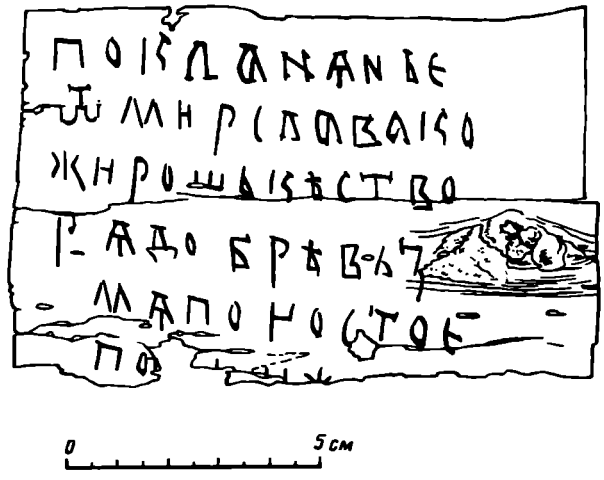
По начертанию отдельных букв, по общему стилю грамота близка к грамоте № 18 и, вероятно, написана одним человеком.

Слово «кна» читается как написанное с ошибкой — пропуском букв «куна» или как специальное сокращение, употребляемое в берестяных грамотах (см. старорусскую грамоту № 13 [1, с. 153] В отчестве «Дорогонежич» предположительно реконструируется слог «рог» по аналогии с именем «Дорогобуд». После имени «Жизнобуд» буква «Ꙁ» может являться зеркальным написанием буквы «З»; в таком случае она, видимо, означает цифру. В грамоте впервые встречено древнерусское мужское имя «Нежебуд».

Стратиграфическая дата документа — первая половина XII в. Палеографические признаки начертания букв характерны для этого времени. Постоянно употребляется большой юс, исчезнувший в начале XIII в.; равновелики верхняя и нижняя части «В» (однако нижняя петля чуть оплывшая); геометрически начертаны буквы «Ѣ» и «Ь»; у буквы «Б» нижняя петля чуть округлая; «Л» похожа в написании на «П». Однако «Ц» уже не умещается в строку, «Ж» пишется в пять приемов.

Как кажется, по сравнению с грамотой № 15 этот документ относится к более позднему времени, хотя за границу XII в. не выходит.

Грамота № 17 (рис. 4)



ПОКЛАНАНЬЄ
ѠМИРСЛАВАКО
ЖИРОШЬКѢСТВО
РАДОБРѢВЪЗ
МАПОЦОСТОЄ
ПО----[Ж]

Грамота найдена на уровне 17-го пласта (на глубине 335 см), в кв. 18. Нижняя часть ее не сохранилась. Длина 11,3 см, ширина 7 см.

На слова грамота делится так: Покланянье от Мирслава ко Жирошьке. Створя добре, вьзмя поцостое, по..[ж]

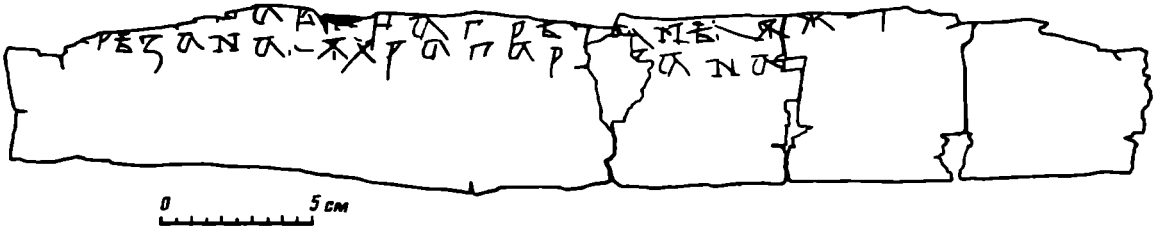
Перевод грамоты: «покланянье» — поклон; Мирслав или Мирослав — имя, хорошо известное по письменным источникам: в 1126 г в Новгороде известен посадник Мирослав Гюрятинич [2, с. 21—24], в 1132 г. под этим именем упоминается псковский посадник [2, с. 23], боярин Мирослав упомянут в «Уставе» Владимира Всеволодовича [2, с. 493]

Жирошка — от Жирослава, распространенного в Новгороде имени: в летописи — посадник Жирослав [2, с. 34, 35], боярин Жирослав Дорогомилович [2, с. 86], новгородцы Жирошка Городшинич [2, с. 43] и Жирошка Огасович [2, с. 45]. Известно оно и в новгородских грамотах, в основном как производные: Жируня (№ 237), Жирослав (№ 67), Жирята (№ 434) и т. д. «Створя добре» — сделай добро, доброе дело («сотворити» — сделать, построить, устроить [5, с. 335] Выражение «добре створя» уже встречалось в новгородской берестяной грамоте № 87 Издатели переводят его как «добро сделав» [6, с. 12] Л. В. Черепнин дает несколько иное толкование этого словосочетания — делай по праву, справедливо [4, с. 327] «Поцостое» — почестье, как составная часть дани, состоявшей из «урока» и «почестья» — подношения, дара, получаемого сборщиками дани.

Общий перевод грамоты: «Поклон от Мирослава к Жирошке. Сделай доброе дело (сделай справедливо): взяв почестье, по ...».

Стратиграфическая дата грамоты — первая половина XII в. Палеографические признаки аналогичны указанной дате: геометрическое начертание букв «Ь«, «В», «Б», «Ѣ». У «Ѣ» перекладина умещается в строку. «Р» имеет форму тросточки, «Ж» написанное в три взмаха, характерно для XII в. Омега с высокой перекладиной — также признак раннего написания грамоты.

Грамота № 18 (рис. 5)



---АВ[N]ЦА Г·РѢ[З]АNЬ:ЖЖ---
РѢЗАNА-ЖХРАПАР--[З]АNА.

Грамота обнаружена на уровне 17-го пласта, в квадрате 17 Верхняя часть грамоты не сохранилась. Текст состоит из двух строк. Надпись слабо прочерчена, выполнена на внутренней стороне берестяного свитка. Длина грамоты 37 см, ширина 6 см.

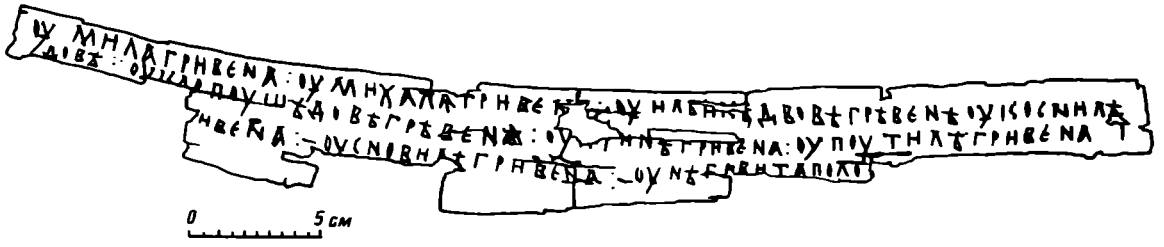
На слова текст делится так: авича З резане, у Ж... резана, у Храпа р(е)зана.

Специального перевода, по-видимому, не требуется... «авича — отчество должника (Сбыславича, Мстиславича, Жирославича и т. п.).

Храп — имя-прозвище, известное по летописным данным под 1396 г. (епископ Пермский Стефан Храп) [7, с. 473], в Новгородских берестяных грамотах — Хрипан (№ 526), по-видимому, как производное.

Стратиграфический уровень грамоты — первая половина — середина XII в. Этому соответствуют и все палеографические признаки написания букв.

Грамота № 19 (рис. 6)



ОУ МИЛА ГРИВЕНА: ОУ МИХАЛА ГРИВЕН(А): ОУ ИЛЬИКЕ ДВОВѢ ГРѢВЕНѢ ОУ КОСНИЛѢ
ДОВѢ: ОУ КЛОПОУШѢ ДОВѢ ГРѢВЕНѢ: ОУ (ЯР)ИНѢ ГРИВЕНА: ОУ ПОУТИЛѢ ГРИВЕНА
------ИВЕНА: ОУ СНОВИ(ДѢ) ГРИВЕНА: ОУ НѢ(ГО)ВИТА ПОЛО-----

Грамота обнаружена на уровне 18-го пласта (глубина 360 см), в кв. 16. Состоит из трех строк, нижняя из которых не сохранила начало и конец. Длина грамоты 44,5 см, ширина 5 см.

На слова грамота делится так: Оу Мила гривена. Оу Михаля гривена. Оу Ильике двове гревене. Оу Косниле дове. Оу Клопоуше дове гревене. Оу (Яр)ине гривена. Оу Поутиле гривена... (гри)вена. Оу Снови(де) гривена. Оу Неговита поло...

По содержанию грамота классифицируется как памятная долговая запись с перечислением имен должников и значащихся за ними сумм долга, выраженных в гривнах.

Перевод: «У Мила гривна, у Михаля гривна, у Ильика две гривны, у Коснилы две, у Клопуши две гривны, у Ирины гривна, у Путилы гривна, ...гривна, у Сновида гривна, у Неговита пол (половина)...».

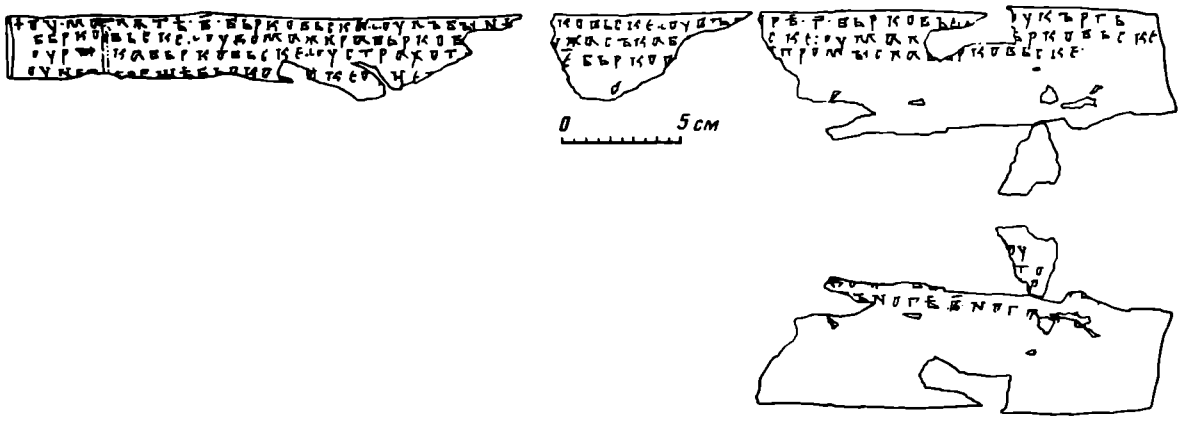
Представляется уместным рассмотреть имена, упомянутые в грамоте. Мил — производные Милята (НБГ-420), Миленя, Милешко; Михаль — часто встречаемое в НБГ — 42, 69, 165, 225, 279, 299, 318; Коснила — такого имени в грамотах нет; по-видимому, это производное от имени «Константин» (ср. Коста, Коснячко, Костка, Коснятин); Клопуша — в словаре Тупикова упоминается имя «Клопко» [7, с. 238]; Ярина — Арина, Орина; Путила — встречено в НБГ-165; Путята — в старорусских грамотах № 5, 9; известно в новгородских писцовых книгах. В новгородской транскрипции имена на «ило» (типа Путило, Коснило) существуют с XI в [8, с. 51] Сновид — упоминается в летописи под 1097 г. (конюх Святополка Изяславича), встречено в НБГ-516; Неговит — такая транскрипция неизвестна. Можно предположить, что производные от него — Нежата, Нежила. Однако, существует мнение, что Нежата — это сокращенное имя от Доманег [9, с. 11].

Из ошибок в тексте следует отметить написание «ДВОВѢ ГРѢВЕNѢ», так как двойственное число от слова «два» должно быть «ДОВѢ».

Во второй строке грамоты писец первоначально написал «ДОВѢ ГРѢВСNА», а затем исправил окончание в слове «ГРѢВСNА» на грамматически верное «ГРѢВСNѢ».

Стратиграфическая дата — первая половина — середина XII в. Ей не противоречат и все палеографические признаки начертания букв.

Грамота № 20 (рис. 7)



†оу малятѣ·в̄·бьрковьска·оулъбын[ь]...ковьске·соувъ...рѣ·г̄·бьрковьск..[о]у къргѣ
бьрковьске·соудомажнра бьрков... ужасъкаб...ске: оумал...(ь)рковьске
оурыка бьрковьске·соустрахот... ебьрков....промысла[бь]рковьске:
оуне ----- ешѣбьрко(вь)ске о(у)че -----

на других обрывках:

оу
то
р
до---
ъногѣ·в̄·ногатѣ

Найдена на уровне зачистки 18-го пласта (на глубине 360 см), в квадрате 21.

Грамота фрагментирована, состоит из нескольких обрывков разной длины. Основная часть грамоты сохранилась в длину около 45 см (точнее сказать нельзя из-за разрывов свитка), ширина ее 3—5,5 см. Написана в три полных строки и частично в четвертую, которая в нижней левой части немного повреждена.

Длина второго обрывка 16,5 см, ширина 5,5—8 см.

Деление текста на слова:

Оу Маляте 2 берковська, оу Лъбыне... (бер)ковьске, оу Въ...ре 3 берковськ(а)...оу Кърге бьрковське, оу Домажира бьрков(ьске)...(о) у Жасъка б(ьрковь)ске; оу Мал...(б)ьрковьске, оу Рыка бьрковьске, оу Страхот... 5(?) бьрков... оу Промысла бьрковьске, оу Не...(ере)ше бьрко (вь)ске, оу Че...

Надо отметить в этой грамоте своеобразное и оригинальное начертание разделительного знака между законченными фразами, который обычно в грамотах обозначается одной или двумя точками. Здесь писец не только соединил между собой две точки, но сделал это так размашисто, что получился полукруг, напоминающий букву «С».

Из имен, упоминаемых в грамоте, отметим «Малята» — от «Мал» (имя древлянского князя), «Малко» [2, с. 121]. Новгородские грамоты также знают это имя (НБГ-348). «Лобыня» — известно из старорусской грамоты № 5, «Домажир» — отчество «Домажирич» зафиксировано в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. [10, с. 20], известно в летописи под 1224 г. [2, с. 61], встречается в новгородских грамотах № 233, 510. «Страхот» — производные Страшко, Страх, Страхон (НБГ-348). «Корга» — карга, коряга. «Рык» — зафиксированы в «Ономастиконе» Веселовского [11, с. 135, 274]

Перевод грамоты: «У Маляты 2 берковца, у Лобыни берковец, ...ре 3 берковца, у Корги берковец, у Домажира берковец, ...у Жаска б(ерков)ец, у Мал... (б)ерковец, у Рыка берковец, у Страхот(а)... 5(?) берковцов... у Промысла берковец, у Не(ве?)реша берковец, у Че ...».

Речь идет о памятной долговой записи с перечислением должников и числящихся за ними товаров, измеряемых берковцами. Берковец — это единица веса, равная 10 пудам. Как правило, берковцами измерялись такие «тяжеловесные» товары, как мед, воск, соль [4, с. 81].

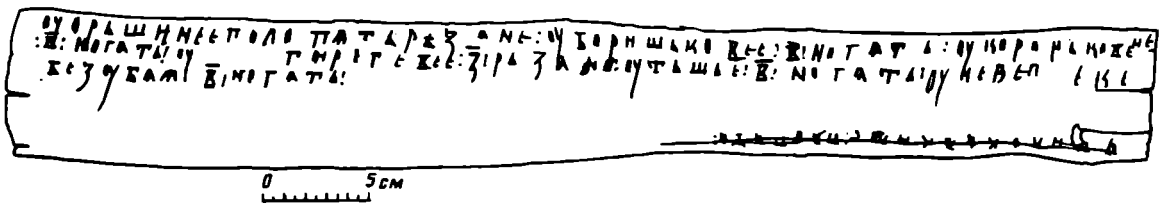
Объем перечисленных здесь в весе товаров достаточно велик (так, 3 берковца равны 480 кг).

Другой большой обрывок грамоты содержит надпись из четырех строк, из которых только нижняя разбивается на понятные слова: ...еноге 2 ногате, т. е. (у) енога 2 ногаты. Смысл аналогичен предыдущему — долговая запись, фиксирующая долг в 2 ногаты у человека, имя которого заканчивается на «еног».

Эта часть грамоты никак не совместима с первой (по внешним контурам обрыва). Кроме того, здесь зафиксирована другая метрическая (денежная) единица — ногата. Можно было бы предположить, что это два разных документа. Однако структура бересты, как и почерк писца, идентичны. Остается только думать, что это был один большой документ, часть которого занимало перечисление имен с «берковцами», а совершенно самостоятельная его часть относится к перечню имен с записью долгов, выраженных денежными единицами.

Стратиграфическая дата грамоты (первая половина — середина XII в.) и палеографический анализ начертания букв совпадают.

Грамота № 21 (рис. 8)



ОУ ОРЬШИНЕЕ ПОЛО ПАТЬ РЪЗАНЕ : ОУ БОРИШЬКОВЕЕ : В̄ : НОГАТЬ : ОУ КОРОЦЬКОВЕ НЕ
: В̄ : НОГАТЬ : ОУ ГЮРЕГЕВЕЕ : З̄ : РЪЗАНО : ОУ ТЬШЬЕ : В̄ : НОГАТЬ : ОУ НЕДЕЛЕКЕ
БЕЗОУБАЯ : В̄ : НОГАТЬ :

В нижнем правом углу грамоты «вверх ногами» написано:

ОУ МИЛОКЪ ЯКИМЕ : ПЛОПАТЬ

Грамота найдена на уровне 19-го пласта, на глубине 363 см, в кв. 17 Это — целый документ, хорошей сохранности, буквы процарапаны отчетливо. Длина его 53,5 см, ширина 7 см.

На слова грамота делится таким образом: Оу Орьшинее поло пять резане, оу Боришьковее 2 ногать, оу Короцковеие 2 ногать, Оу Гюрегевее 7 резано, оу Тьшье 2 ногать, оу Неделеке Безоубая 2 ногать.

Нижняя часть — с противоположно написанной строкой: Оу Милока Якиме пло пять.

Характерно, что в этой грамоте все имена — женские. Употреблены они в родительном падеже: ОРЕШИНЕЕ от ОРЕШИНЕЯ, ГЮРЕГЕВЕЕ от ГЮРЕГЕВЕЯ и т. д. Отметим, что женщины названы по именам своих мужей: ГЮРЕГЕВЕЯ — жена Гюргия (Юрия), БОРИШЕКОВЕЯ — жена Боришка и т. п. Такие образования женских имен встречены в Новгородских грамотах № 212, 227, 228, 263, 264, 293 (например, У ПОПАДЕИ У ПАВЛОВЕИ —

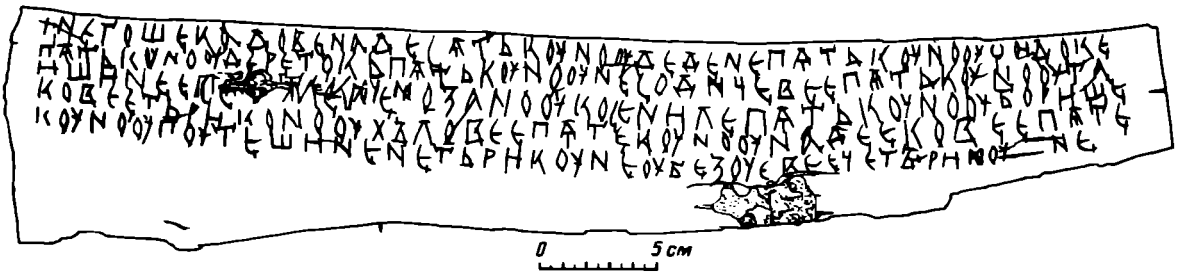
у попадьи у Павловой; ОУ ЯРОШЕКОВЕЕ у Ярошковой и др.). Эти женские имена образуются путем употребления притяжательного прилагательного в местоименной форме, причем прилагательное образовано от мужского собственного имени.

Перевод грамоты: «У Орешиной четыре с половиной резаны, у Боришковой 2 ногаты, у Короцковой 2 ногаты, у Гюргевой (Юрьевой) 7 резан, у Тешей 2 ногаты, у Недельки Безубой 2 ногаты».

Противоположная строка: «У Милки Якимовой (Якиме — притяжательное прилагательное) четыре с половиной» (пло пять — вероятно, описка, вместо «поло пять», как и в начале грамоты).

Палеографический анализ написания букв «Ь», «В», «Ѧ», «Ѣ» подтверждает стратиграфическую дату документа — первая половина XII в.

Грамота № 22 (рис. 9)



+ НЕГОШЕКАДОВЕНАДЕСАТЬКОУНООУДЕДЕНЕПАТЬКОУНООУЧЮДОКЕ
ПАТЬКОУНООУДЕРЕТОКЬПАТЬКОУНООУНЕСОДНЧЕВЕЕПАТЬКОУНООУТА
НШИНЕЕСЕМЕРЕЗАНООУКОСЕНИЛЕПАТЬКОУНООУ БОРНШЕ
КОВЕЕТЬРНКОНООУХЪЛОВЕЕПАТЕКОУНООУНАДЕЕКОВЕЕПАТЕ
КОУНООУПОУТЕШИНЕНЕТЬРНКОУНЕОУБЕЗОУЕВЕЕ ЧЕТЬРНКОУНЕ

Грамота целая. Найдена на уровне зачистки 19-го пласта, на глубине 380 см, в кв. 22. Длина 49 см, ширина 6,5—10 см, надпись в пять полных строк четко прочерчена, буквы большие, почерк размашистый.

На слова делится так: Негошека довенадесять коуно, оу Дедене пять коуно, оу Чюдоке пять коуно, оу Дерекоть пять коуно, оу Несодивечевее пять коуно, оу Таишинее семе резано, оу Косениле пять коуно, оу Боришековее тьри коно, оу Хъловее пяте коуно, оу Надеековее пяте коуно, оу Поутешинене тьри коуне, оу Безоуевее четыри коуне.

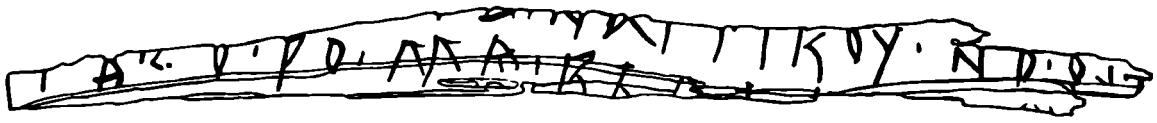
Как и большинство предыдущих грамот, содержит перечисление имен должников с суммами долга, выраженными в кунах и резанах.

Перевод: «(У) Негошка двенадцать кун, у Дедени пять кун, у Чудока пять кун, у Деретока пять кун, у Несодичевой пять кун, у Таишиной семь резан, у Коснилы пять кун, у Боришковой три куны, у Хловой пять кун, у Надейковой пять кун, у Путешиной три куны, у Безуевой четыре куны».

Среди имен снова встречены женские, образованные от имени мужа: Несодичева, Боришкова, Хлова, Безуева и др. (ср. с грамотой № 21). В грамоте встречено достаточно редкое мирское имя «Безуй» (вероятно, от древнейшего корня «уй» — дядя по материнской линии). Оно, в частности, упомянуто в граффити XI в. в Киевской Софии [12, № 102, с. 25—30]

Стратиграфическое и палеографическое наблюдение относят документ к первой половине XII в.

Грамота № 23 (рис. 10)



---[на]... коу·но·о---

[к]·о·ро·ма вь-----

Грамота обнаружена на уровне 19-го пласта (глубина 365 см), в кв. 23. Сохранилась в небольшом обрывке, разрывы древние. Длина 19 см, ширина 1,5 см.

Просматриваются буквы двух строк. Содержание восстановить не представляется возможным. Единственное читаемое слово «коуно» — кун. По всей вероятности, речь здесь также идет о долговых записях.

Стратиграфическая дата — первая половина XII в.

Значение находок в 1985 г. старорусских берестяных грамот трудно переоценить. В первую очередь следует отметить, что впервые после Новгорода появился комплекс берестяных грамот, объединенных как смысловым значением, так и едиными, достаточно узкими хронологическими рамками, что позволяет отнести их к кругу членов одной семьи [1] Находки берестяных грамот в других древнерусских городах (Псков, Смоленск, Мстиславль, Тверь и др.) представлены единичными экземплярами и нигде не образуют единой комплексной группы.

Определенное значение эти грамоты имеют как уникальный исторический источник первой половины XII в., являясь документальной иллюстрацией частного делопроизводства эпохи «Русской Правды».

Исследуя этапы становления и формирования новгородского боярства, В. Л. Янин отмечал, что для этого класса на первом этапе его развития (XI—XII вв.) характерна деятельность в области финансово-денежных операций. В частности, накопление средств в боярских кругах этого времени происходило за счет ростовщичества. Накопленные таким образом средства с XIII в. бояре обращают на приобретение земли, являвшейся основным фундаментом феодально-вотчинного хозяйства. Именно с этого времени начинается активное наступление набирающего силу класса на общинные земли [13, с. 256].

Все эти процессы прекрасно иллюстрируются берестяными грамотами. Как было отмечено А. А. Коноваловым еще в 1966 г., для раннего периода новгородских грамот (XI—XII вв.) характерны документы с упоминанием денег (финансовых, долговых и т. п. операций). Начиная же с XIII в. и практически до падения Новгородской республики преобладают феодальные грамоты, фиксирующие поземельные сделки, феодальные повинности, документы сельскохозяйственной отчетности и пр. [14, с. 68]

Аналогичная картина представляется и при анализе старорусских берестяных грамот. Публикуемый комплекс их, относящийся к первой половине XII в., почти целиком состоит из долговых записей. Принадлежал он, по-видимому, владетельному ростовщику (его семье), дававшему в долг денежные и прочие ссуды. Однако ни в одной грамоте не упомянуты ни резы, ни намы — проценты от «истиного» капитала. Может быть, выгоды кредитора заключались в незафиксированной (устной) договоренности, может — это лишь первый этап «закабаления» должника.

С другой стороны, чтобы приступить к каким-либо финансовым операциям,

---

[1] Дендрохронологическая дата сооружений и мостовой, относящихся ко времени написания грамот, ограничивается 1102—1143 гг.

необходимо, естественно, иметь «первоначальный» капитал. На этом этапе он мог концентрироваться в первую очередь у должностных лиц, имевших дело, в частности, со сбором дани. В этой связи кажется не случайной находка в публикуемом комплексе грамоты № 17, где речь идет о взимании «почестья» — составной части дани. Может быть, владельцем этой усадьбы и был «даньщик», фиксирующий для «памяти» официальные недоимки, с одной стороны, и личные ссуды определенным лицам — с другой.

Упоминание в грамотах различных наименований денежных единиц дает новый, дополнительный материал для исследователей древнерусского средневекового денежного обращения. Берестяные грамоты могут стать источником по уточнению истории сложения древнерусской метрологической номенклатуры времени появления тех или иных названий, замены одного другим и т. п. Особое значение этого комплекса в данном случае заключается в том, что речь здесь идет о денежно-весовых единицах так называемого безмонетного периода.

Наконец, грамоты являются уникальным источником для воссоздания истории русского языка в древнейший период. В частности, много возможностей они открывают для истории русской ономастики. Определенные выводы можно сделать и в области фонетики, морфологии и лексики древнерусского диалекта, нашедшего свое отражение в пределах Новгородской земли.

Публикуемые берестяные грамоты из Старой Руссы, несомненно, явятся предметом дальнейшего изучения в качестве источника по истории и быту Древней Руси [2]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М.: Наука, 1978.
2. Новгородская Первая летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Рус. яз., 1980.
4. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
5. Материалы для терминологического словаря Древней России // Сост. Кочин Г Е. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
6. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
7. *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. 1903. Т. VI.
8. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Суперанская А. В.* Что такое топонимика. М.: Наука, 1985.
10. *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
11. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М.: Наука, 1974.
12. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев: Наук. думка, 1976.
13. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981.
14. *Коновалов А. А.* Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // СА. 1966. № 2.

V. G. MIRONOVA

BIRCH-BARK SCROLLS FROM STARAYA RUSSA (FINDINGS OF 1985)

Summary

The author publishes 9 scrolls found in Staraya Russa (Figs. 2—10), gives their translation and interprets them. They are registrations of debts dated to the first half of the 12th century.

[2] Выражаю искреннюю благодарность за консультации при подготовке грамот к публикации В. Л. Янину, А. А. Зализняку, А. А. Медынцевой. Прориси грамот выполнены В. И. Поветкиным.

С. Г. СКОБЕЛЕВ

ПОДВЕСКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ БОГИНИ УМАЙ

К числу наиболее многочисленных и характерных изображений людей древнетюркского времени (VI—XII вв.) относятся каменные изваяния — так называемые каменные бабы, находки которых известны на обширных пространствах лесостепной зоны Евразии от Амура до Паннонии. Всем им присущи устоявшиеся, почти канонические позы, определнный набор аксессуаров, среди которых одним из главных является сосуд со священным напитком, удерживаемый одной-двумя руками на уровне живота или груди. Кроме каменных изваяний для данного времени известны также изображения людей, выполненные из металла, а также в виде рисунков на металле, кости и камне, рисунков в книгах, изображений на фресках. Однако ни одно из них сколько-нибудь близко не напоминает каменные изваяния. Если считать последние выражением религиозных воззрений тюркоязычных племен, как это принято сейчас в литературе, то трудно понять отсутствие аналогов данным изображениям, выполненных из других материалов, например из глины, кости или металла. Все исторические соседи тюрков, за исключением, пожалуй, приверженцев ислама, имели антропоморфные изображения объектов своих религиозных культов одновременно в различных видах и формах. Так, христиане делали эти изображения на иконах и фресках, в виде скульптур и барельефов, носили на себе нательные кресты и иконки с изображением святых. Подобная ситуация характерна и для последователей буддизма во всех его разновидностях, для культа предков китайцев, языческих верований различных народов Сибири и Восточной Европы, доисламских культов Средней Азии. Общеизвестно, что древнетюркские этносы никогда не были замкнутыми, изолированными. Они постоянно находились в различного рода контактах с соседними народами. В такой подвижной среде вряд ли могла возникнуть столь строгая канонизация, связанная, например, с требованием изображения людей в установленной ритуальной позе только из одного материала — камня. В какой-то мере подтверждением возможности существования многообразия являются факты обнаружения в некоторых тюркских курганах остатков деревянных скульптур, сохранность которых, к сожалению, не позволяет судить о близости их по форме к каменным [1, с. 221]

Особый интерес в этой связи представляет обнаружение двух изображений людей в кургане конца I тыс. н. э. у с. Койбалы на р. Абакан [2]. Они являются как бы миниатюрными копиями каменных изваяний, но выполнены из золота и серебра и имеют ряд других деталей, которые пока предметно нигде не фиксировались.

Курган 7 входит в состав разновременного могильника Койбалы, содержащего погребения VIII—XIII вв., но находится на некотором удалении от основной группы объектов. Расположен он на южном склоне гребня невысокого увала, проходящего с юга параллельно р. Абакан. Внешне могильник выглядит как группа небольших пологих среднезадернованных кольцевых выкладок и округлых насыпей из мелких обломков плит девонского песчаника и щебня, ясно различаемых лишь с близкого расстояния. Диаметр кург. 7 около

© С. Г Скобелев, 1990 г.

6 м, высота — не более 0,2 м от уровня дневной поверхности. По центру прослеживается заметная западина округлой формы, интенсивно задернованная. Погребальное сооружение — кольцевая, округлая выкладка-наброска. По центру кургана на глубине 1,2 м — беспорядочно набросанные грудой камни общей площадью до 5 м^2. По краям груды камней идет материковый грунт. Между камнями обнаружен фрагмент сильно окислившегося железного предмета, под камнями — череп лошади без нижней челюсти, а на глубине 1,7 м — гробовище (1,85×0,57), изготовленное из тонких деревянных плах, ориентированное по линии северо-запад — север — юго-восток — юг. Перекрытие гробовища разрушено, его фрагменты находятся по сторонам. Последовательность сооружения гробовища представляется следующим образом: в выдолбленную в материковом грунте яму были уложены встык несколько тонких плах, составивших дно, на них сверху были установлены соответствующие размерам ямы боковые и торцевые стенки и присыпаны по периметру землей для устойчивости; гробовище было перекрыто тонкими продольными плахами, от которых сохранились только незначительные фрагменты в южной части. Внутри сооружения был обнаружен костяк человека. В анатомическом сочленении сохранились лишь кости ног Верхняя часть скелета сильно нарушена. Кости лежали беспорядочной грудой, часть их отсутствует, часть повреждена. На ногах человека — череп барана без нижней челюсти. Рядом обнаружена нижняя челюсть лошади. Здесь же встречались отдельные кости лошади и барана, обнаружены лошадиные копыта (4 шт.) Других находок нет. Однако в ходе контрольного перекопа сразу же под досками дна гробовища, в районе правого плеча погребенного, было обнаружено два железных стремени с широкой округлой подножкой, лежавших друг на друге. Стремена сильно коррозированы, но их форма хорошо прослеживается. Слева у головы погребенного, за торцевой стенкой гробовища, в материковом грунте находились железные детали сбруи. Они лежали кучкой, были сильно коррозированы и представляли собой бесформенный кусок окислов железа, перемешанных с материковым грунтом. Каких-либо остатков ремней не обнаружено. После расчистки железных деталей в стационарных условиях обнаружилось, что все они покрыты позолотой в виде овальных пластинок тонкой фольги, расположенных рядами по всей внешней поверхности. Позолота во многих местах повреждена. У торцевой стенки гробовища, в ногах, в материковом грунте, в небольшой ямке-тайнике в стенке могильной ямы, в аналогичном состоянии были обнаружены железные детали сбруи: 4 тройника и 4 накладки, подобные обнаруженным у северной торцевой стенки, 10 сердцевидных накладок, пряжка, султанчик и удила с псалиями. Все накладники, тройники, а также султанчик имеют позолоту, аналогичную описанной, сердцевидные накладки имеют сплошное золочение всей внешней поверхности, за исключением небольшого округлого участка в центре, где выступает головка шпенька, при помощи которого накладка крепилась на ремень. Часть деталей коррозирована до такой степени, что отделить их друг от друга вообще не представляется возможным. В ходе контрольного перекопа у головы погребенного, несколько выше стенок гроба, в стенке могильной ямы был обнаружен еще один тайник — в небольшой ямке в материковом грунте, заполненной этим же материковым грунтом. Здесь были найдены четыре золотые подвески, имеющие ряд деталей из серебра. Подвески (или серьги) находились прямо в грунте и лежали очень плотно друг к другу: в центре тыльными сторонами друг к другу лежали две одинаковые подвески, изображавшие крылатого человека; по краям — ромбовидные подвески. Человек изображен в статичной позе с сосудом в руках на уровне верхней части живота (рис. 1). Судя по подчеркнуто выделяемому признаку — отвислой груди, здесь, скорее всего, даны изображения женщины, у которой высокая прическа, украшенная бусами, на шее и поясе украшения в виде низок бус (или гирлянд), на щеках — в виде трех точек. Лицо широкое, уплощенное. Разрез глаз удлиненный, нос широкий, приплюснутый. Выделены надбровные дуги и большие уши. У одного из изображений четко выделены ноги, у другого они выделены слабее

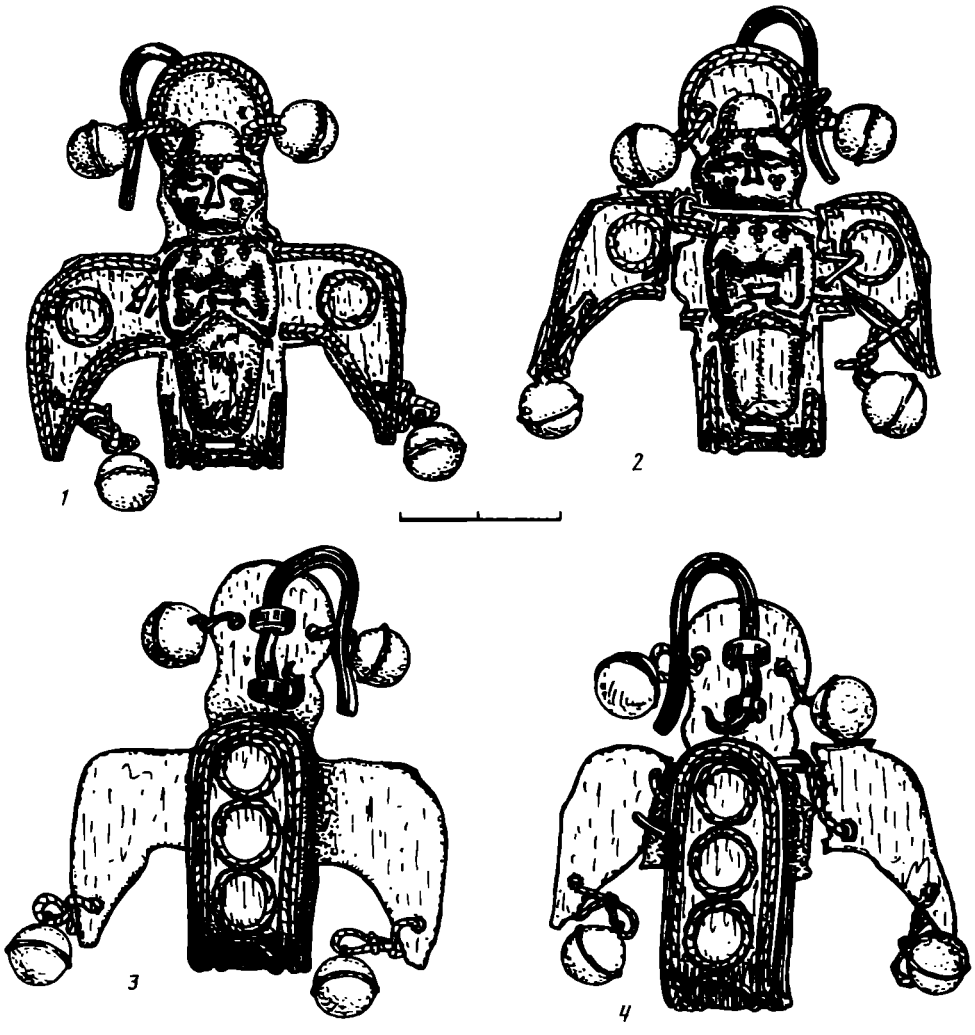


Рис. 1. *1, 2* — лицевая сторона подвесок из кург 7 могильника Койбалы; *3, 4* — обратная сторона

из-за дефекта изделия при изготовлении. Обе женщины имеют нимб округлой формы над головой, окаймленный искусно выполненным витком скани из тонкой проволоки, а также крылья, украшенные по краям и в центре витками скани. В районе пояса крылья переходят в длинный, закругленный на конце хвот с витками скани по периметру. Хвост украшен также четырьмя концентрическими окружностями, выполненными из витков скани; по размерам они аналогичны таким же окружностям на крыльях. Несколько ниже ног хвост плавно загнут назад и с тыльной стороны доходит до головы изображения. Подвески дополнительно украшены шариками, прикрепленными с обеих сторон к нимбу и концам крыльев с помощью витых проволочек, продетых в специальные отверстия на основном изображении и в ушки на шариках. У ног изображения имеется ушко округлой формы. С тыльной стороны с помощью двух ушек прикреплена скоба из толстой проволоки, на которой и носилась подвеска или серьга. Ромбовидные подвески также аналогичны друг другу по размерам и форме (рис. 2). Их внешняя и тыльная стороны украшены рельефными выступами в виде трилистника. Каждый из углов ромба заканчивается ушком округлой формы. В трех ушках на тонких витых и прямых проволочках подвешены такие же шарики, как и на основных изображениях, имеющие ушки аналогичного размера.

Вся внешняя поверхность изделий имеет сплошную позолоту. Частично позолоту по серебру имеет и тыльная сторона изображения женщины, а также тыльная сторона нимба, крыльев и хвоста. Ромбовидные подвески позолочены

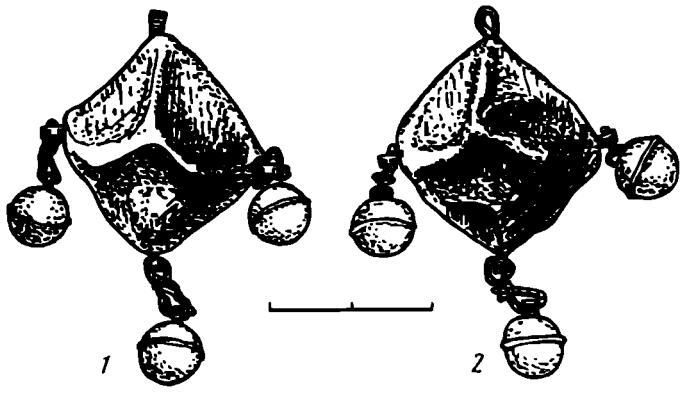


Рис. 2. Ромбовидные подвески из кург. 7 могильника Койбалы

целиком (или выполнены из золота). Скоба с тыльной стороны изображения, а также ушки, на которых она крепится, выполнены из серебра. Из серебра выполнены все проволочки, на которых крепятся шарики. Шарики сделаны из золота и серебра: шарики, которые крепятся к нимбу и нижнему ушку ромбовидной подвески,— из серебра, остальные — из золота [1]

Технология изготовления описанных изделий довольно сложна. Отдельно были изготовлены как единое целое нимб, крылья и хвост, а также пустотелое изображение женщины. Затем все это с помощью пайки соединялось вместе и украшалось сканью. Ромбовидная подвеска также пустотелая и выполнена из соединенных вместе половинок. По такому же принципу выполнены и шарики. На некоторых предметах заметен ряд дефектов. Так, левая сторона лица женщины на одном из изображений выполнена менее рельефно, на другом изделии почти не выделены ноги, на обоих изделиях скань в отдельных местах нанесена несимметрично.

Находки длительное время были в употреблении. Так, во многих местах заметны потертости; одна из ромбовидных подвесок и некоторые шарики несколько смялись; в отдельных местах из-за дефектов в пайке произошло заметное отслоение деталей. Одна из подвесок подвергалась ремонту: с помощью тонких проволочек, продетых через пробитые отверстия, соединялись обломки крыльев. Однако соединение оказалось непрочным, отверстия на правой стороне разорвались. Тогда через шею изображения была проложена шина из серебряной проволоки прямоугольного сечения, с помощью которой было вновь укреплено правое крыло и дополнительно закреплено левое (рис. 1, *2*).

Судя по тому, что подвески с изображением женщин имели на тыльной стороне скобы, с помощью которых их можно было продеть в уши, следует думать, что они служили в качестве серег. Ромбовидные подвески, вероятно, крепились к ним с помощью тонких проволочек через ушко, укрепленное ниже ног изображения (остатки такой проволочки сохранились в ушке одной из серег).

Проведенные раскопки позволяют в общих чертах восстановить последовательность сооружения кургана. Вначале была вырыта могильная яма глубиной до 1,9 м. В торцевых стенках были выдолблены ямки-тайники, в которые были последовательно уложены серьги с подвесками и ремни сбруи с накладками и тройниками, а в ногах — уздечка вместе с удилами. Затем эти ямки были заполнены таким же материковым грунтом и хорошо замаскированы. В могильную яму было установлено гробовище, которое своим днищем и торцевыми стенками полностью или частично прикрывало тайники. Сверху или рядом была уложена шкура коня с черепом и копытами, а также голова овцы и, вероятно, куски мяса. Все это было закрыто камнями и засыпано затем вынутым грунтом. На уровне

[1] Качественная реакция на золото и серебро проведена в лаборатории минералогии Института геологии и геофизики СО АН СССР И. К. Кузнецовой.

дневной поверхности была сооружена округлая каменная выкладка. Через некоторое время курган подвергся ограблению. Грабители добрались до гробовища, вскрыли его почти по всей площади, переворошили верхнюю часть костяка и, очевидно, забрали вещи, которые находились вместе с покойником. Фрагмент железного предмета, обнаруженный в ходе разборки каменной наброски, видимо, попал туда в результате ограбления. Но стенки гробовища и днище в основном уцелели, и тайники остались незамеченными. В целом создается впечатление, что ограбление кургана проходило в спешке и в ночное время — так, в заполнении часто встречаются мелкие угольки по всей его толще, которые, вероятно, являются следами освещения места грабежа. К сожалению, из-за сыпучего грунта не удалось полностью проследить стенки могильной ямы и грабительского хода. Однако на одном из небольших участков раскопа сохранились остатки стенки могильной ямы (или грабительского хода) со следами от землеройного инструмента, имеющего рабочее лезвие шириной 4—5 см (вероятно, от тесла).

Время сооружения и этнокультурную принадлежность кургана следует определять исходя из имеющегося на сегодняшний день круга сведений о культуре древних тюрков Южной Сибири. Об этом говорят и конструкция погребального сооружения, и характер погребального обряда. Для тюрков Хакасско-Минусинской котловины в VII—IX вв. было характерно сооружение над могильной ямой именно кольцевых, округлых, пологих каменных выкладок на уровне дневной поверхности [3, с. 33] Сложены они обычно из мелких и среднего размера обломков плит девонского песчаника. Аналогичные по конструкции погребения тюрков, но с полными скелетами лошадей, относящиеся ко времени II тюркского каганата, были раскопаны Ю. С. Худяковым в 1983 г. совсем рядом с могильником Койбалы [4, с. 247, 248] Отдельные курганы тюрков VIII—IX вв., например кург. 22 могильника Саглы-Бажи в Туве, являются по обряду погребения почти копией описываемого: здесь также присутствуют голова и конечности коня, а человек ориентирован головой на север [5, с. 106, 107] Имеются у тюрков VIII—IX вв. и деревянные гробы в довольно глубокой и широкой могильной яме [6, табл. XIII, *в*]; известны они и у уйгуров в Туве в это же время [7, с. 65—74] Нет сомнений в том, что памятник принадлежит к одной из культур тюркского этнического круга.

Обнаруженные в тайниках предметы конской упряжи соответствуют предложенной датировке погребения и характерны именно для тюркских памятников. Таковы железные двусоставные удила с псалиями, округлые восьмеркообразные стремена с широкой подножкой, имеющей ребро жесткости. Эти предметы находят многочисленные аналогии в тюркских памятниках VII—IX вв. [3, с. 37]. Сложнее обстоит дело с поиском аналогий для сбруйных накладок. Их форма, способ позолоты, а также материал изготовления — железо — менее характерны, обычно для этого использовалась бронза. Однако набор накладок: султанчик, тройники, сердцевидные, а также удлиненные накладки с заостренным окончанием — встречается в тюркских памятниках. Имеются соответствующие аналогии им по форме и размерам. Как отмечает В. А. Могильников, «в VIII—IX вв. распространяются подвесные и накладные сердцевидные бляхи, тройники для перекрестия ремней, ...сердевидные декоративные бляшки с рельефным краем» [3, с. 40] Таким образом, и эти предметы погребального инвентаря в целом соответствуют представлению о тюркском происхождении памятника и датировке его VIII—IX вв.

Основной интерес среди находок вызывают изображения крылатых людей и сопутствующие им ромбовидные подвески. Ничего подобного в тюркских или каких-либо других памятниках эпохи средневековья в Сибири и Центральной Азии не найдено. Это относится и к характеру изображений, к их форме, функциональному назначению, материалам и технологии изготовления. Вместе с тем само изображение человека без учета отдельных элементов: нимба, крыльев, хвоста — имеет сходство с каменными изваяниями тюрков: статичность позы,

сосуд, который удерживается обеими руками на уровне верхней части живота; монголоидный облик напоминает обычную тюркскую бабу. Близких аналогий ему в Евразии можно найти множество [8]. Исследователи отмечают, что каменные изваяния VII—VIII вв. несколько схематичны. Скульптуры же последующего времени (VIII—IX вв.) более реалистичны. На них появляются детали прически, одежды, головного убора, в руках часто изображены сосуды, изображение оружия исчезает [3, с. 42]; на поздних изваяниях сосуд обычно удерживается двумя руками. В нашем случае, однако, это не просто наложение изображения каменной тюркской бабы на контур птицы с распущенными крыльями, где тело пернатого механически заменено на тело человека. Здесь плечи человека плавно и естественно переходят и в руки, удерживающие сосуд, и в расправленные за спиной крылья, которые представляют собой основу всей композиции. Туловище человека также неразрывно связано с крылатой основой. Лишь ноги подчеркнуто выделяются как ноги человека, отделенные ниже таза от тулова птицы, свободные, ничем не связанные. Таким образом, мы видим изображение крылатого человека, женщины-птицы с раскрытыми крыльями. Ромбовидные подвески на своей поверхности имеют рельефное изображение стилизованного трилистника — символа древа жизни и плодородия у многих народов Евразии. То, что они сопутствуют изображениям людей, является фактом знаменательным, дающим право на предположение о ритуальном назначении находок. Проблема семантики древнетюркских изображений остается и поныне актуальной, хотя изыскания в этой области ведутся давно и плодотворно [1, с. 213—222; 3, с. 29—43; 9, с. 31—39; 10].

Для нас большое значение имеет точка зрения ряда исследователей о том, что каменные изваяния не были только надмогильными памятниками, а являлись олицетворением культа предков, постепенно переродившимся в культ предков — покровителей рода и даже целого союза племен [1, с. 220, 221]. Особый интерес в данном отношении представляет выдвигаемое некоторыми авторами положение о том, что отдельные женские изваяния следует рассматривать в качестве изображений Матери (Девы) — покровительницы рода [9, с. 36].

Ю. С. Худяков, автор одной из последних работ, посвященных религиозным культам древних тюрков, отмечает, что в рунических текстах имеются упоминания о таких мифологических персонажах, как Тэнгри (Небо) или Кок-Тэнгри (Голубое небо), Умай и Иер-су (Священная земля-вода или Родина). Им же на основе реконструкции иконографии образа Умай, предпринятой Г В. Длужневской по изображению на «Кудыргинском валуне», сделана попытка выделить стилистически близкие изображения на Сулекской писанице [10, с. 69] Тэнгри, Умай, Иер-су и другие божества известны и по поздним материалам (фольклор и этнография), собранным у тюркоязычных народов Сибири. Наибольшего внимания из числа перечисленных заслуживает именно образ Умай.

М. И. Боргояков отмечает, что тюрки Саяно-Алтая представляли Мать Умай в образе красивой женщины, спускающейся с неба. Хотя в представлениях этих народов былые птичьи черты такого образа (сказочная птица, которая гнездится в воздухе) стерлись, оставалось само собой разумеющимся, что у Умай должны быть крылья, чтобы обитать в небесах [11, с. 139, 140] Хакасы представляли Умай в виде белой птички, которая приносила ребенку плоть и кровь. В дохристианских культах хакасов Умай являлась покровительницей детей, богиней плодородия. В. Я. Бутанаев даже высказал мнение, что на хакасских нагрудниках «пого», которые надевают на свадьбу, встречаются изображения Умай, являющиеся стилизованным отражением лиц каменных изваяний. Таким образом, надевание нагрудника на свадьбу связано с культом Умай, которая якобы дает души детям [12] Интересно, что бездетные хакасские женщины обращались за помощью к стоявшим в степи каменным изваяниям, жертвоприношения которым у них считались «кыргызскими» (хотя на самом деле в большинстве случаев статуи были «окуневскими»). В данном случае следует полагать, что у

тюрков Саяно-Алтая существовало довольно устойчивое представление о каменных изваяниях как о культовых объектах. Значение имеет и тот факт, что время бытования культа, связанного с жертвоприношениями у статуй, соотносится в представлении современного населения с «кыргызским» временем, т. е. с эпохой средневековья. Главное же здесь — тесная связь культа Умай с каменными изваяниями, которые также воспринимались как объекты культа плодородия.

В числе важных деталей культа Умай (Ымай, Омай) у хакасов следует отметить обязательное наличие небольшой чашечки, которая играет особую роль при камлании о послании бездетной женщине ребенка. Эта чашечка является непременной принадлежностью Умай, где в освященном молоке временно помещалась душа ребенка на пути следования в материнское чрево. Во время болезни детей из такой чашечки производили обрядовое кормление Умай (чеек ымай) [12]. Эти обычаи напрямую происходят от общетюркского представления о роли чаши, сопровождавшей изображения людей. Общепризнано ритуальное назначение этих предметов на каменных изваяниях. Сосуд в руках человека символизирует присутствие души умершего. Отмечено, что иногда вместо сосуда изображали птицу [13, с. 18] Вероятно, в данном случае птица символизировала связь с верхним миром, с небом, т. е. олицетворяла собой душу. У монгольских народов Умай считается женским божеством, покровительницей матери, новорожденных и беременных. Известен этот культ у шорцев, сибирских татар, киргизов и даже народов Нижнего Амура, что объясняется их глубокими историческими связями с тюрко-монгольскими этносами [14, с. 39]. В связи с длительной историей самостоятельного развития различных тюркоязычных народов имя богини и некоторые детали ее культа менялись. Так, у алтайцев она является посланницей Ульгена — главы божеств верхнего мира и носит имя Дьайык. Ульген спустил ее на землю, поручив охранять людей от всего плохого и злого и давать всему жизнь [15, с. 30, 31] Генетически культ Дьайык восходит к почитанию общетюркской богини-покровительницы, дающей души детям, т. е. богини Умай. В связи с небесным происхождением Дьайык подразумевается, что она должна иметь крылья, чтобы осуществлять связь среднего мира, мира людей, с верхним миром. В целом мотив птичьего облика сверхъестественных существ широко распространен в тюркоязычной среде. Прием полета, оформление своего костюма в виде, символизирующем облик птицы, использовали шаманы, предпринимая «посещения других миров». Это отмечается в шаманских костюмах качинцев, сагайцев, шорцев, якутов, тувинцев [15]. Образ птицы, игравший важную роль в системе космологических и мифологических представлений тюркских и монгольских народов, связывался с внешним миром и олицетворялся с его вестником, являлся воплощением души. Основы традиционного мировоззрения народов Южной Сибири и Центральной Азии закладывались в древнетюркское время. Именно в это время наряду с Тэнгри, Иер-су и другими персонажами мифологии у тюрков сформировался и образ богини Умай, чье изображение в золоте и было обнаружено в кург. 7 могильника Койбалы. Такое толкование семантики находок соответсвует всему их облику: символу плодородия и благополучия в виде трилистника, общему образу птицы, канонической позе изображений, нашедшей широкое отражение в каменных изваяниях тюрков. Вместе с тем не следует полагать, что Умай изображалась в древнетюркское время исключительно в таком виде. Как уже отмечалось, в тюркских этносах очень строгих канонов в религиозных культах не существовало, и поэтому попытки некоторых исследователей (Г В. Длужневская, Ю. С. Худяков) выделить образ Умай на других материалах в несколько ином виде также не лишены основания [10].

Что же касается функционального назначения изделий, то общий смысл ношения их в качестве серег, вероятно, сводился к тем же принципам, которые можно применить, например, к обычаю ношения нательных крестов и небольших иконок с изображением святых покровителей у христиан. В данном слу-

чае они выполняли функции оберега и одновременно украшения. Таким образом, иконографически выделен образ одного из главных персонажей религиозных культов средневековых кочевников Евразии — богини плодородия Умай.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
2. *Скобелев С. Г* Отчет об археологических раскопках и разведках позднесредневековых памятников в Красноярском крае в 1985 г. Новосибирск, 1985 // Архив ИА АН СССР. Р-1 № 11188.
3. *Могильников В. А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
4. *Худяков Ю. С.* Раскопки могильников Ах-хол и Ибыргыс-кисте // АО—1983. М., 1985.
5. *Грач А. Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968. Вып. 144.
6. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.
7. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
9. *Чариков А. А.* Некоторые статуи Казахстана и Омского Прииртышья // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987.
10. *Худяков Ю. С.* Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987.
11. *Боргояков М. И.* Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984.
12. *Бутанаев В. Я.* Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984.
13. *Сентпетери Й.* Ритуальная посуда в аварских погребениях // Уралоалтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.
14. *Смоляк А. В.* К вопросу о западных элементах в культуре народов Нижнего Амура // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
15. *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984.

S. G. SKOBELEV

PENDANTS WITH UMAI, AN ANCIENT TURKIC GODDESS

Summary

A large number of ancient Turkic stone statues that were used as religious objects in the 7th-12th centuries has been found in Eurasia. No metal objects of the same kind have been found so far. This makes the silver and gold pendants carrying representations of people executed in the style of stone representations especially interesting. They came from a Turkic burial dated to the 8th-9th centuries on the Abakan River in Khakassia. Two large earrings were shaped like a bird with its body being a woman who holds a bowl (Fig. 1). Each of the earrings had trefoil pendants, a fertility symbol (Fig. 2). One can surmise that they show Umai, the fertility goddess mentioned in the runic texts of ancient Turks. The myths of the contemporary Turkic speaking population in the Sayan and Altai mountains suggest the same conclusion. In this way, we have identified one the main objects of the mediaeval nomads in Eurasia.

Г. Н. ПРОНИН

КУРГАНЫ X—XI ВВ. С СОЖЖЕНИЯМИ И С КАМЕННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ У Д. БОКОВО

Могильник у д. Боково (Маревский р-н Новгородской обл.) расположен на правом берегу р. Шеберихи — левобережного притока р. Полы (бассейн верхнего течения р. Ловати).

В ходе раскопок могильника, проводившихся автором в течение ряда лет, было исследовано более 40 разнотипных насыпей, содержавших погребения по обряду трупосожжения и трупоположения X—XI вв. и несколько жальничных захоронений. Исследованные курганы неоднородны по конструктивным особенностям и деталям погребальной обрядности. Особый интерес представляют курганы с каменными конструкциями, содержавшие захоронения по обряду трупосожжения.

Эти курганы в могильнике у д. Боково по внешнему виду делятся на две группы: большие массивные насыпи полусферической формы (высота до 2 м) и более низкие (высота в среднем до 0,5, диаметр 3—7 м) [1—3].

Курган 1 (высота 2,2—2,4 диаметр 11 м). Под насыпью открыты каменные конструкции, реконструкция которых усложняется тем, что валуны были сложены насухо и раскатились. Условно они разбиты на четыре пласта, отделявшихся друг от друга прослойками аморфного суглинка. Первый пласт — беспорядочное скопление небольших валунов на глубине от 0,4 до 1 м, в основном в северо-восточном, юго-восточном и юго-западном секторах насыпи (рис. 1, *1*). Какой-либо системы в их расположении не прослеживается. На уровне второго пласта (глубина от 1 до 1,8 м) в расположении камней угадывались некоторые закономерности (рис. 2, *1*). Так, в западной половине кургана, ближе к его основанию, камни образовали продольную кладку длиной около 3 м, ориентированную в направлении север — юг. Аналогичная кладка располагалась перпендикулярно к первой в северо-западном секторе кургана. Судя по разнице в уровне залегания камней, они были сложены в несколько ярусов. О других деталях конструкций этого пласта приходится говорить более осторожно. В северо-восточном секторе камни образовывали полукольцевую кладку, в южной части насыпи расположение крупных валунов напоминало продольную кладку, перпендикулярную к западной (рис. 2, *1*). Наиболее четко каменные конструкции выявились на уровне третьего пласта. Они представляли собой кладку, охватывающую центральную часть насыпи по периметру. В западной ее части камни образовывали подпрямоугольную незамкнутую конструкцию. В юго-восточном и восточном секторах от полукольцевой кладки сохранились лишь отдельные крупные валуны (рис. 2, *2*). К четвертому пласту относится сплошная вымостка из мелких камней на уровне погребенного дерна (рис. 3, *1*).

В насыпи кургана на глубине 1,2 м обнаружено одно погребение по обряду трупосожжения на стороне: это мощная угольно-зольная прослойка размерами 2,8×1,8 м, вытянутая в направлении север — юг и насыщенная мелкими кальцинированными костями. Прокаленности почвы ниже нее не отмечено. При погребении найдены железный нож и проволочное бронзовое колечко с завязанными концами и надетой на него подвеской в виде буквы Л. На вершине кургана обнаружен развал сосуда в окружении нескольких валунов (рис. 1, *1*).

© Г. Н. Пронин, 1990 г.

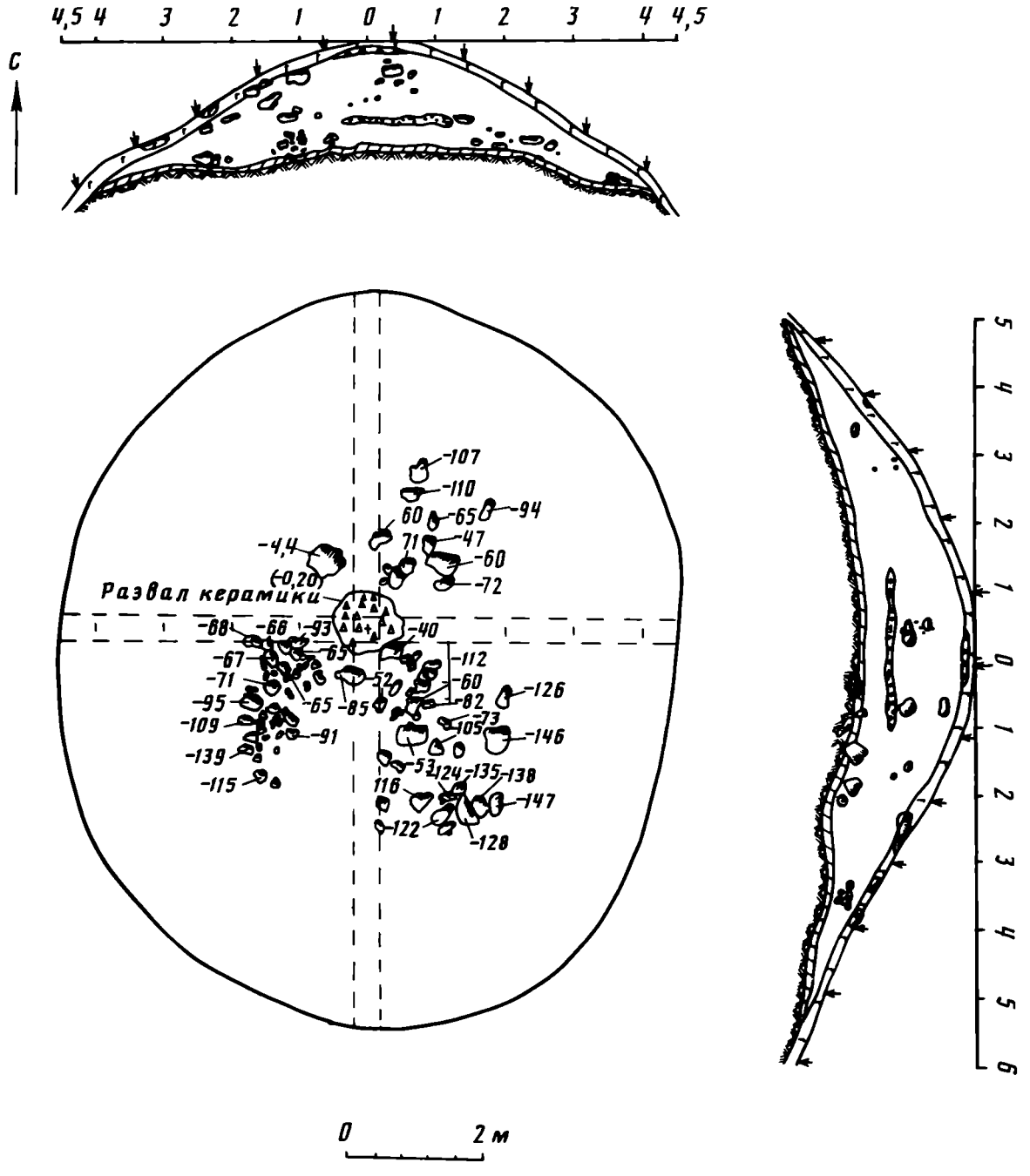
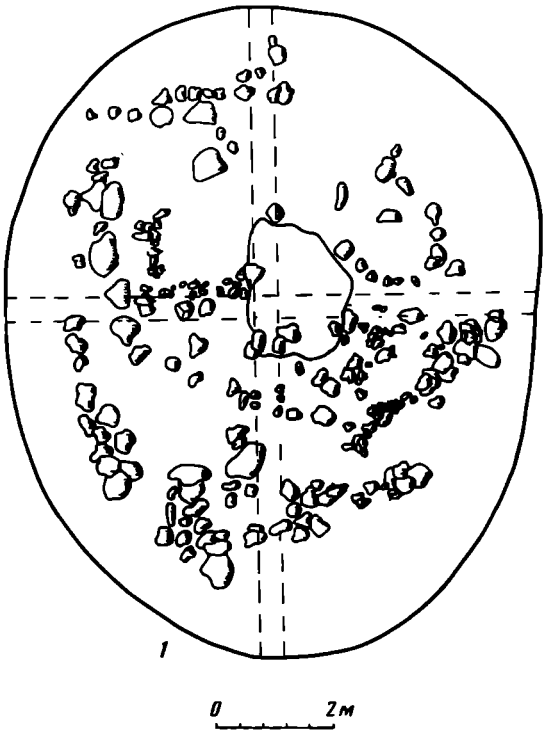


Рис. 1. Могильник у д. Боково, кург. 1. План первого пласта каменных конструкций

Курган 4 аналогичен кургану 1. Каменные конструкции насыпи также можно условно разделить на несколько пластов (рис. 4). Этапы формирования насыпи реконструируются следующим образом. На площадке первоначально сооружалась валунная кольцевая кладка, вероятно, в несколько ярусов. Затем насыпь была доведена практически до современной высоты. Для ее сооружения использовался либо приносной грунт, либо верхний дерновый покров с площадки насыпи, о чем свидетельствует темный аморфный суглинок, слагающий ее и отсутствие ровиков, а материк представлял собой плотную красную глину. Затем в уже готовой насыпи было совершено погребение по обряду трупосожжения на стороне, сопровождавшееся каменной кладкой (рис. 4). При погребении найден гончарный сосуд.



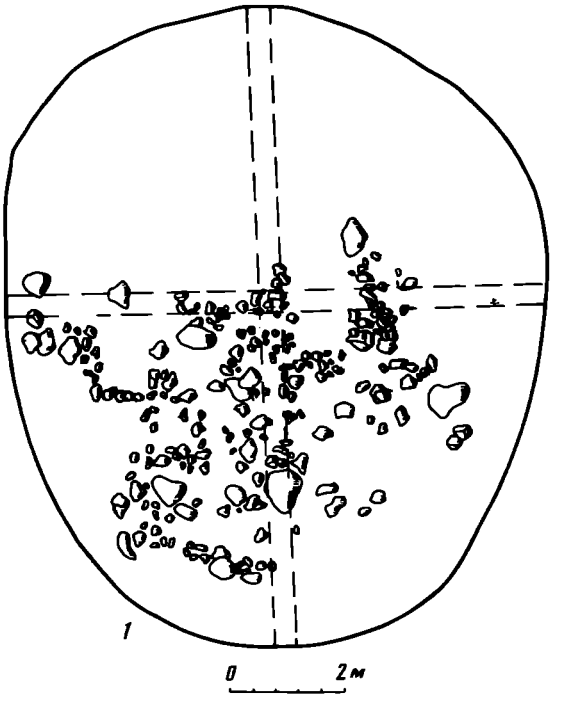
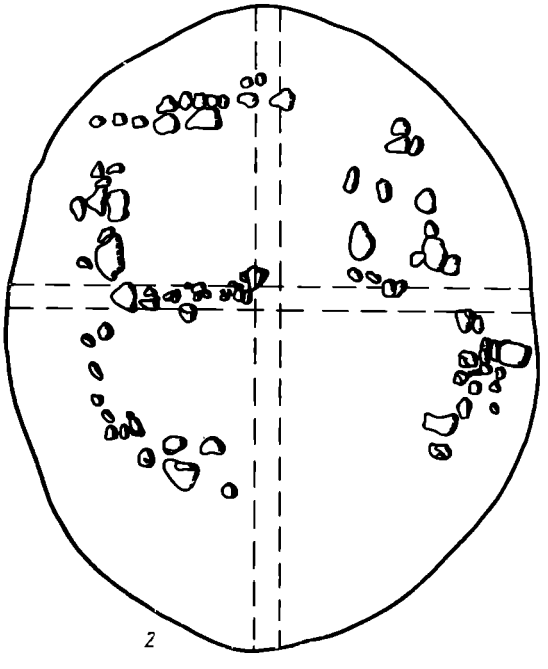


Рис. 2. Могильник у д. Боково, кург. 1. *1* — план второго пласта каменных конструкций; *2* — план третьего пласта каменных конструкций



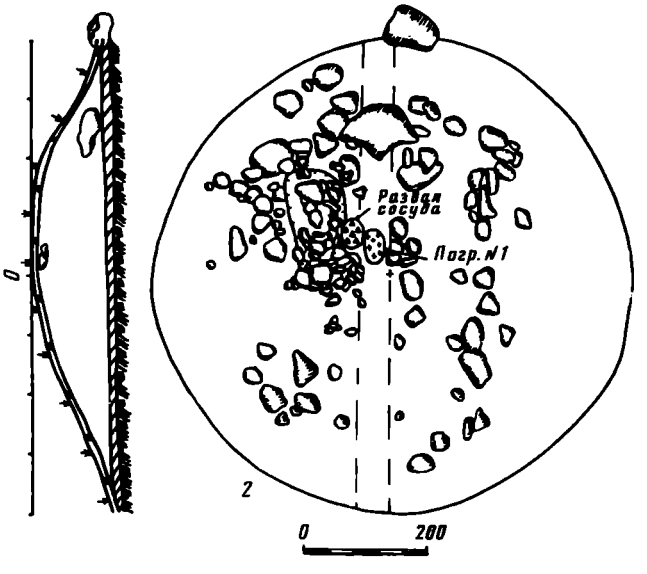


Рис. 3. Могильник у д. Боково. *1* — кург 1, план четвертого пласта каменных конструкций; *2* — каменные конструкции кург. 5

Курган 5 типологически близок к вышеописанным. Единственное трупосожжение открыто на его вершине, в центре насыпи. Захоронение сопровождалось каменной конструкцией в виде сплошного завала мелких валунов. При погребении найдены развалы двух гончарных сосудов (рис. 3, *2*).

Насыпи в южной части могильника несколько отличаются от этих курганов.

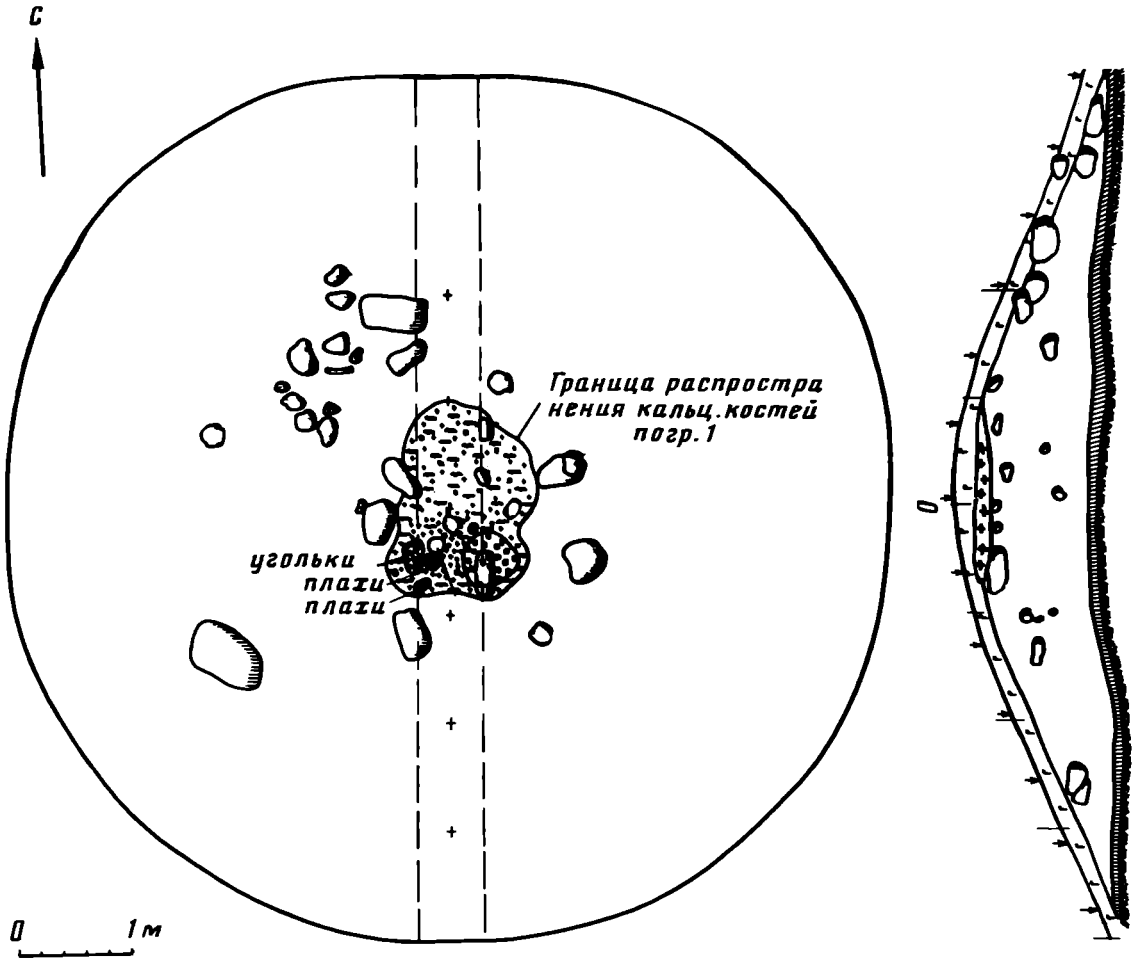


Рис. 4. Могильник у д. Боково, кург. 4

Курган 23 (высота 2,15 м, диаметр 14 м). Насыпь сложена из однородной рыхлой супеси. Трупосожжение располагалось в центре кургана на вершине и представляло собой неглубокую западину, заполненную углисто-золотистым песком с остатками кремации. Но основная масса костей находилась в гончарной урне, располагавшейся в западной части западины. В насыпи кургана на разных уровнях обнаружены каменные конструкции, не связанные с погребением (рис. 5).

Так, в северо-западном секторе находилось скопление валунов средних размеров, подстилавшихся более крупными камнями. Они представляли собой бесформенную многорядную кладку, ориентированную в направлении северо-запад — юго-восток. Кроме того, на уровне материка крупные и мелкие валуны образовывали сплошные забутовки.

В кургане 27 на уровне материка также были открыты различные каменные конструкции. В северо-восточном секторе — это двухъярусная кладка в виде перевернутой буквы Г (рис. 6), в юго-западном секторе камни образовывали кладку в виде прямой линии, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. С юго-восточной стороны к ней примыкала подпрямоугольная конструкция в виде ящика (рис. 6). Единственное трупосожжение находилось на вершине кургана в глубокой ямке конической формы, впущенной в уже готовую насыпь. Инвентарем погребение не сопровождалось.

Из курганов этого типа (невысоких полусферических насыпей) наибольший интерес представляет курган 38 (высота 0,4, диаметр 3 м). Он содержал од-

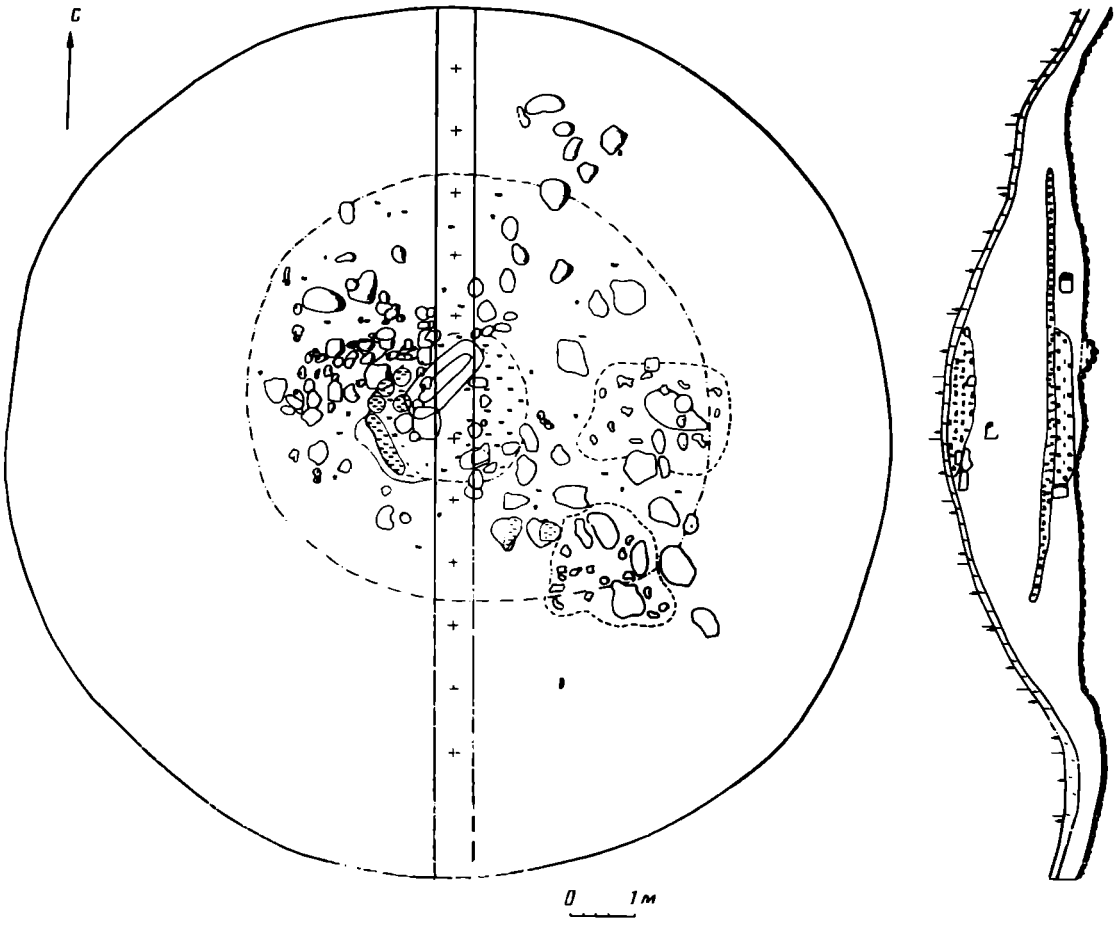


Рис. 5. Могильник у д. Боково, кург. 23

но трупосожжение в виде компактной кучки костей, расположенное в центре насыпи на уровне погребенного дерна. Погребение сопровождалось конструкцией из мелких валунов, ограждавшей его с трех сторон. Среди костей найдены сланцевый оселок, мелкие обломки одностороннего костяного гребня половина серебряного дирхема — подражание волжским монетам X в.

Курганы с трупосожжениями и каменными конструкциями известны и в некоторых других могильниках в пределах псковско-новгородских земель [1] Подобные захоронения немногочисленны и до недавнего времени не привлекали к себе особого внимания исследователей. Но уже сейчас можно сказать, что они встречаются в насыпях, весьма отличных друг от друга по размерам, конструкциям, деталям погребальной обрядности.

В Гдовском регионе трупосожжение содержал курган 143/2 в могильнике Гусева Гора [4, с. 83, 84] Насыпь имела обкладку из редко поставленных валунов. На материке открыто кострище с остатками кремации, диаметр его 1,5 м. Полное отсутствие инвентаря затрудняет датировку этого погребения. В кургане 248/16 могильника Калихновщина со сплошной обкладкой из крупных валунов среди остатков трупосожжения на стороне найдена железная поясная пряжка раннего типа. Дата погребения — X—XI вв. В этом же могильнике захоронения по обряду кремации содержали курганы 309—312/41—44 [4,

[1] В этой небольшой работе автор не ставил перед собой задачи дать полную сводку курганов с каменными конструкциями и погребениями по обряду трупосожжения и ограничился лишь рассмотрением памятников в пределах древнейшей территории Новгородской земли.

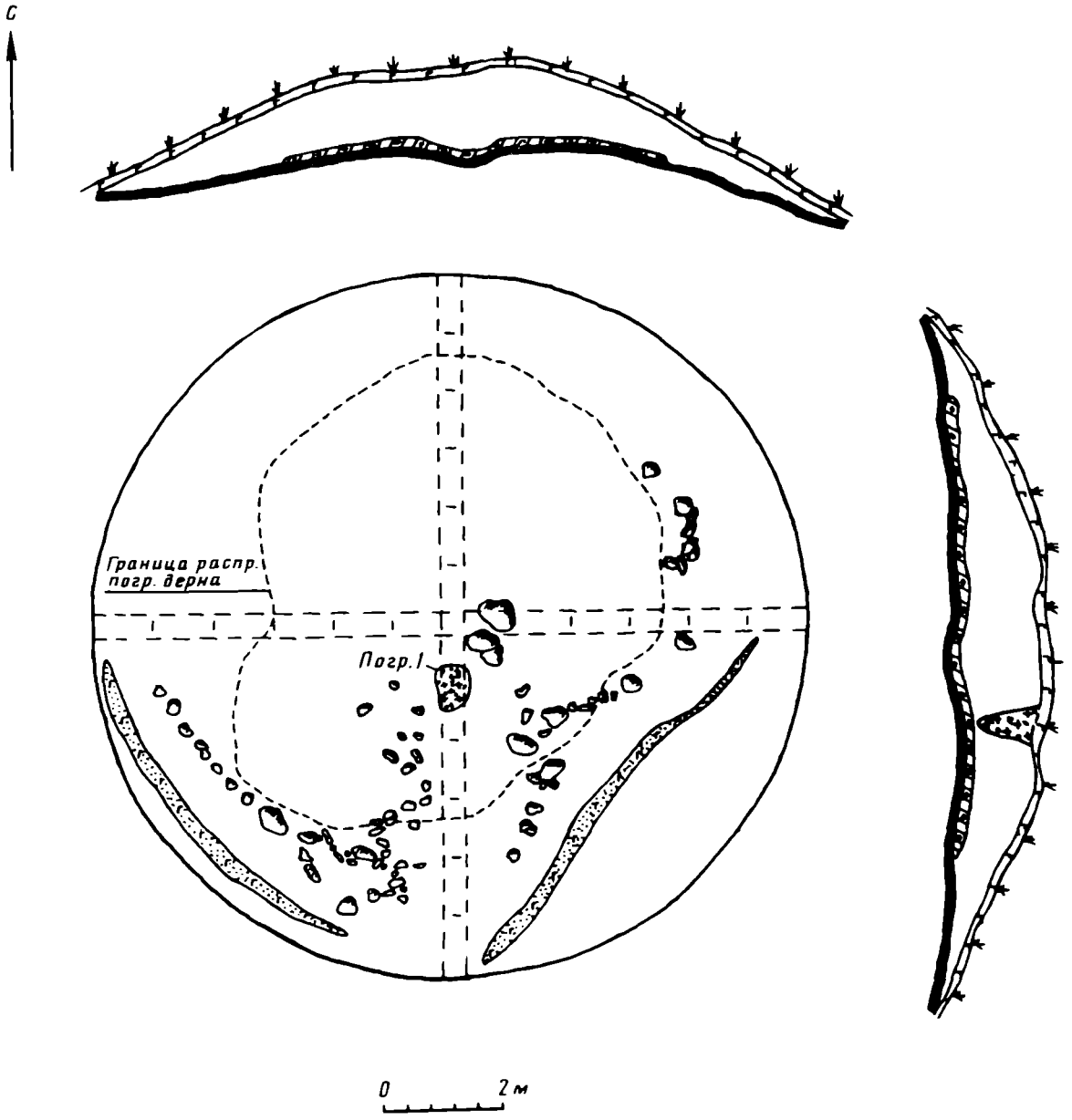


Рис. 6. Могильник у д. Боково, кург. 27

с. 101] Все они имели небольшую высоту, сплошную обкладку из крупных валунов основания насыпи, кострища на материке. Инвентарь погребений позволяет датировать их XI — может быть, самым началом XII в.

Комплекс памятников с каменными конструкциями и погребениями по обряду трупосожжения известен в местности у погоста Лыбуты в низовьях р. Великой [5; 6, с. 9—11, 13—17] В могильнике у самого погоста Лыбуты в кургане 1, не имевшем кольцевой обкладки, в восточной части на уровне материка обнаружены три известняковые плиты, поставленные на ребро. Среди них в слое золы и угля найдены остатки кремации, прикрытые сверху перевернутым вверх дном горшком. Других вещей при погребении не обнаружено. В кургане 3, целиком сложенном из обломков известняковых плит, погребения не было. Насыпь, также, по-видимому, содержавшая погребение по обряду трупосожжения, исследована В. Н. Глазовым в той же местности близ д. Голодуши: курган 2 имел

сплошную обкладку из крупных валунов, на материке открыт угольно-зольный слой без признаков погребения.

Новые исследования в окрестностях погоста Лыбуты были предприняты в 70-х годах нашего столетия [7, 8], когда В. А. Тюленевым здесь были раскопаны несколько низких полусферических курганов.

Курган 3 (высота 1 м) имел кольцевую обкладку из известняковых плит. Трупосожжение на материке. Среди костей найдены бусина из эпифизной косточки, обломок сланцевого точильного бруска, фрагменты неопределенного железного предмета и лепного сосуда.

Курган 5 (высота 1,25 м) не имел кольцевой обкладки, но в южной части насыпи найдено два скопления валунов вперемешку с золой и углем. На вершине насыпи — погребение по обряду трупосожжения на стороне. Оно также сопровождалось какими-то каменными конструкциями, судя по нахождению большого количества камней вблизи захоронения. При погребении найдены обломки бусины из косточки, украшенной циркульным орнаментом, костяное пряслице.

Курган 8 (высота 0,5 м) имел обкладку из известняковых плит. В центре кургана, на уровне материка, располагалось трупосожжение, представлявшее собой линзу мелкого угля и золы с кальцинированными косточками. При погребении найдены ребристая цилиндрическая бусина и оплавленный кусок бронзы.

Курган 14 содержал два погребения по обряду трупосожжения на стороне. Первое, в центре насыпи под дерном, содержало кальцинированные кости, перекрытые вымосткой из обломков известняковых плит; второе, на уровне материка, представляло собой линзу в виде скопления золы и угля с остатками кремации. Погребение было окружено кольцом известняковых плит и сопровождалось гончарным сосудом, двумя железными (рыболовными?) крючками, височным полуторооборотным бронзовым кольцом и обломком железной пластины с напайкой трех полосок крученой проволоки. Автор раскопок вполне обоснованно датирует погребения концом X — началом XI в.

Составить представление о курганах с каменными конструкциями и погребениями по обряду кремации Ижорского плато довольно трудно. А. А. Спицин при характеристике погребального обряда дает суммарное описание и погребений с трупосожжениями (25 случаев). Но судить о том, связаны ли они с каменными конструкциями или нет, не представляется возможным [9, с. 7]. В последние годы курганы с трупосожжениями с каменными конструкциями на Ижорском плато обнаружены лишь в Бегуницком могильнике (раскопки Е. А. Рябинина) [2].

В кургане 42, содержавшем четыре захоронения, погребение 3 представляло собой трупосожжение на стороне [10]. Судя по инвентарю других захоронений этого же кургана, погребение датируется не позднее XI в.

В кургане 50 трупосожжение помещалось в основании насыпи на слое кострища. Среди кальцинированных костей найдены: бронзовый литой массивный узкий браслет, бронзовая цепочка из двойных звеньев, свинцовая весовая гирька, куски цветного оплавленного стекла и бронзовый грушевидный бубенчик с линейной прорезью. Дата погребения — конец X — первая половина XI в. Оба этих кургана имели каменные конструкции в виде кольцевой обкладки по периметру насыпи.

В могильнике Рапти-Наволок III (Лужско-Оредежский регион) трупосожжения каменными конструкциями не сопровождались, отмечено лишь использование камня в конструкциях насыпей [11].

В кургане 19 (высота 1,1 м) в центре насыпи открыто зольное пятно диаметром 4 м. В пределах его найдены глиняные и пастовые (?), золотостеклянные и реберчатые бусы, бусина-лимонка, круглая подвеска, нож, гвозди, обломки

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить Е. А. Рябинина за любезное разрешение воспользоваться сведениями о его раскопках, содержащимися в отчетах архива ИА АН СССР.

железных предметов. В юго-восточной полé насыпи выявлена материковая яма, заполненная углистым слоем, в котором располагались три плотно пригнанных друг к другу валуна.

В кургане 21 (высота 1,4 м) угольно-зольное пятно (размеры 2×1,5 м) находилось на материке, а в северо-западной части кургана, также на уровне материка, отмечены отдельные валуны. Находок курган не содержал.

В бассейне верхнего течения р. Ловать курган с кольцевой обкладкой и погребением по обряду кремации известен в могильнике у д. Дохино [12, с. 51—64] В центре насыпи на материке обнаружено кострищное пятно с остатками трупосожжения. Еще одно скопление остатков кремации находилось в южной полé насыпи несколько выше материка. Инвентарь в погребениях отсутствовал.

В пределах рассматриваемой территории известны отдельные, сравнительно немногочисленные могильники, в которых также встречены погребения по обряду трупосожжения X—XI вв., не сопровождавшиеся, однако, каменными конструкциями. Некоторые из этих курганов имеют черты сходства с памятниками предшествующего (VI—IX вв.) этапа, другие по ряду признаков резко отличаются от них. Но следует отметить, что большинство исследованных на сегодняшний день в Северо-Западном регионе курганов с погребениями по обряду трупосожжения датируется VI—VIII/IX вв. и может быть отнесено к кругу памятников культуры длинных курганов.

В кургане 3 группы у д. Черный Ручей под дерном открыто угольное пятно (ритуальное кострище?). Остатки кремации помещались в насыпи кургана в яме размерами 1,5×0,9×0,4 м [13]. Инвентарь погребения: железный нож с прямой спинкой, медная обоймица, обломок железного предмета с плоским расширенным концом (стрела-срезень?), бронзовое колечко с надетой на него бусиной. Подобные изделия являются обычной находкой в курганах древнерусского времени и в городских слоях X—XI вв. [14, с. 61, рис. 4, *1*]

В группе у д. Низовка, состоявшей из трех круглых и одной комбинированной насыпей, в одном из курганов открыто урновое трупосожжение. Лепной горшок стоял на кострище в основании насыпи. Среди остатков кремации найдены обломок круглопроволочного височного кольца и серебряное перстнеобразное височное кольцо с завязанными концами. Подобные кольца датируются X—XIII вв., но то, что они найдены в одном комплексе с лепной урной, позволяет предположительно отнести погребение к X—XI вв. [15, с. 50—60].

В могильнике у д. Дубровка (круглые и длинные насыпи), в кургане 1 (X в.) в основании насыпи находилось трупосожжение в урне; среди костей обнаружена железная обоймица со следами пребывания в огне [15, с. 50—60]

Интересны материалы курганного могильника у с. Воймерицы (Мстинско-Ловатский регион). Исследованные курганы содержали погребения по обряду трупосожжения, многие с инвентарем [16] В кургане 3 открыто два погребения в ямках в насыпи, из которых происходят белая шарообразная каменная бусина и бронзовый спиральный перстень. В разрушенном грабительской ямой погребении того же кургана найдены обломки поясной бляшки, орнаментированной выпуклым ребром по краю. Подобные изделия обычны для инвентаря как ранних, так и более поздних длинных курганов. В кургане 8 урновое захоронение располагалось в основании насыпи, а в кургане 6, вероятно, в верхней части насыпи. В верхней части насыпи кургана 7 обнаружены три урновых захоронения. Остатки кремации погребения 1 помещены в одну урну; погребение 2 сопровождалось двумя урнами, одна из которых была перевернута вверх дном; в погребении 3 кальцинированные кости были помещены в три сосуда. Из погребения 1 происходит железная округлая фибула; из погребения 2 — оплавленный обломок толстопроволочного браслета с зарубками на концах, бронзовые и стеклянные сплавы, три крупные бусины голубого стекла [16], железный нож с прямой спинкой, наконечник пояса, пряжка; из погребения 3 — два железных ножа с прямыми спинками и выделенным переходом от черенка к лезвию и бронзовая спираль. Все лепные сосуды из кургана 7 принадлежат к типу

ребристой керамики, характерной для горизонта Е Старой Ладоги. Этот тип представлен также среди материалов ранних городских слоев Изборска [17, с. 65, рис. 1], Новгорода [18, с. 4—7], Пскова [14, с. 60, рис. 2], а также сельских поселений — Прость, Георгий [19, с. 161—168; 20, с. 127—138], Новые Дубовики [21, с. 78, рис. 1] и др. Близкие формы встречаются и в новгородских сопках. Датируется эта керамика в пределах VIII—IX/X вв., что подтверждается также и датировкой синих стеклянных бус, железной фибулы из погребения 1, принадлежащей к ранним типам. В целом Воймерицкие курганы следует датировать второй половиной IX — серединой X в. К этому же времени относятся и вещи из разрушенного кургана у с. Любытино — лепной горшок-урна и бронзовое узкопластинчатое височное кольцо с тонкими заходящими концами. Аналогичное кольцо найдено в длинном кургане у д. Цурковка, известны они также в смоленских длинных курганах [13; 22, с. 32, табл. 26]. Подобные изделия встречаются не часто и датируются IX—XI вв.

Комплекс X в. исследован также в кургане 7 могильника у восточной группы сопок погоста Бежецы [23, с. 272—282]. Основное погребение представляло собой трупосожжение на месте — кострище с остатками кремации в основании насыпи. На кострище стоял небольшой лепной сосуд, сопровождавшийся железным ножом, сланцевым оселком и крупной призматической сердоликовой бусиной. Очевидно, к этому же погребению относится и бронзовая подковообразная фибула с гранчатыми головками [24, с. 159, 181].

Отдельные курганы X—XI вв. с погребениями по обряду трупосожжения известны и в других могильниках: Крюково II (бассейн среднего течения р. Мсты), Верхоляны, Залахтовье, Кривовицы (Гдовский регион) и некоторые другие

Инвентарь из трупосожжений курганов с каменными конструкциями беден, но, несмотря на это, содержит предметы, позволяющие достаточно точно датировать отдельные погребения.

Предметы вооружения. Два наконечника стрел, черешковых, ланцетовидных квадратного сечения (курганы № 310/42 и 312/44 могильника у д. Калихновщина). Прямые аналогии им указать трудно, но различные варианты этого типа встречаются в памятниках X—XI вв. (ср. [25, с. 79]). Наконечник копья из кургана 311/43 того же могильника принадлежит к типу III по классификации А. А. Кирпичникова. Появляются подобные изделия в IX в., существуют до конца XI в., но наибольшее их распространение приходится на X в. [26, с. 12—14, 72—76]

Единственное кресало, найденное в кургане 312/44, напоминает тип кресал, распространившихся в основном с конца XII — начала XIII в. [27, с. 101—103]. Однако нахождение его в трупосожжении в комплексе с наконечником стрелы X—XI вв. позволяет датировать его в тех же пределах.

Предметы поясного набора — пряжки из кургана 286/16 у д. Калихновщина и кургана 42 у д. Бегуницы. Пряжки архаического облика, так называемые удлиненно-четырехугольные с закругленными углами и вогнутыми боковыми сторонами. Являются частой находкой в погребениях культуры длинных курганов, например в кургане VIII—IX вв. могильника у д. Слобода-Глушица. Узкой датировки не имеют. Датировка кургана 50 Бегуницкого могильника X—XI вв. устанавливается по находке бронзового массивного узкого браслета с зооморфными концами, цепочки из двойных звеньев и бубенчика с линейной прорезью. Из того же кургана происходит свинцовая весовая гирька, встречающаяся редко в погребениях не позднее X — начала XI в. Датировка погребения 2 кургана 8 могильника у д. Иерусалимская (погост Лыбуты) устанавливается по находке гончарного сосуда раннего типа, а кургана 5 — по находкам фрагментов лепной и гончарной керамики. Курган 19 из группы Рапти-Наволок датируется X—XI вв. по находкам глазчатых и золотостеклянных бус раннего типа и бусины-лимонки.

Немногочисленные индивидуальные находки из курганов с каменными конструкциями и погребениями по обряду трупосожжения могильника у д. Боково не

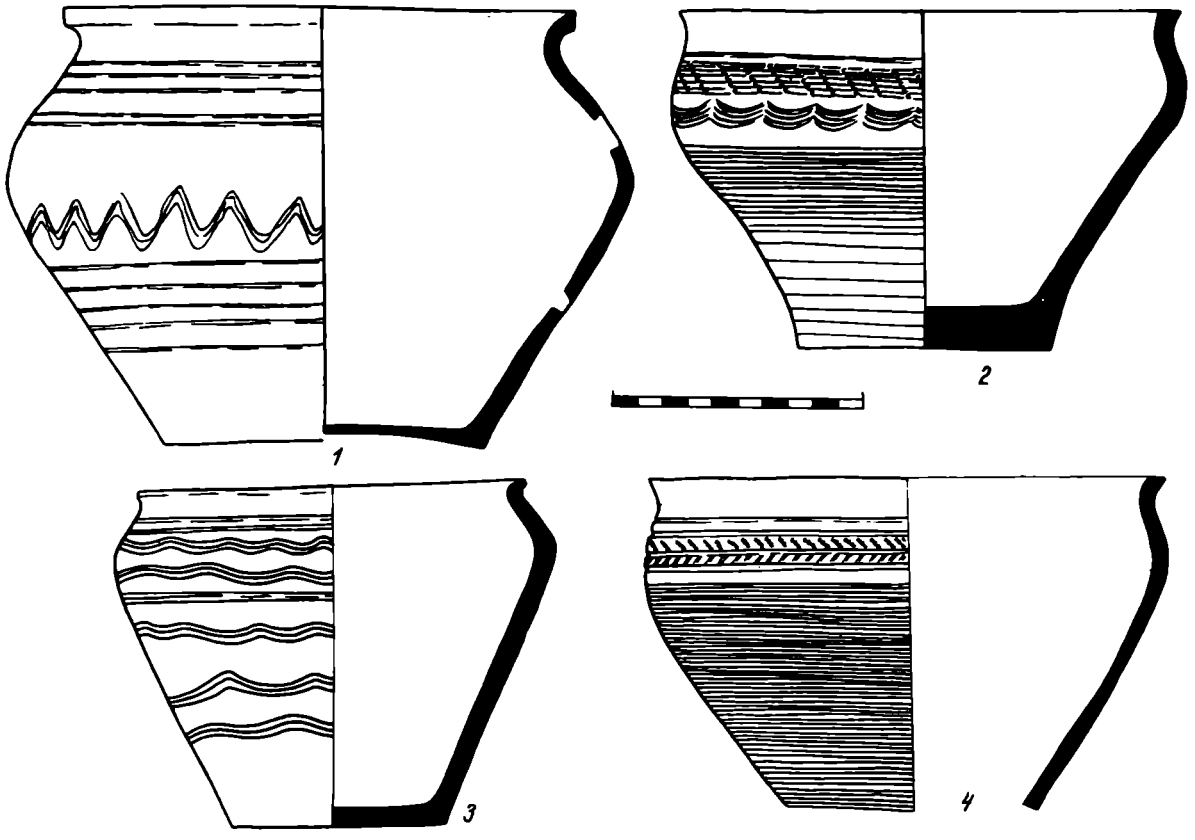


Рис. 7 Сосуды из погребений по обряду трупосожжений могильника у д. Боково. *1* — кург 4; *2* — кург. 23; *3* — кург. 5; *4* — кург 1

являются датирующим материалом. Исключение составляет лишь обломок серебряной монеты X в. из кургана 38. Но наибольший интерес представляют гончарные сосуды из этих погребений. Горшок из кургана 1 (рис. 7, 4) — невысокий широкогорлый сосуд с прямым низким венчиком, максимальным расширением тулова в верхней трети высоты. Все тулово ниже шейки украшено сложным орнаментом, составляющим несколько поясов. По характеру оформления верхней части близка к нему и урна из кургана 23 (рис. 7, 2), отличие состоит в более приземистых пропорциях и приемах орнаментации. Датируются эти формы, вероятно, не позднее конца X — первой половины XI в. и среди керамики Северо-Запада (как из погребений, так и городских слоев) являются чуждыми, отражая какие-то пришлые элементы в гончарных традициях.

Сосуды из трупосожжений курганов 4 и 5 принадлежат к гончарной керамике так называемых ребристых форм, но различаются уровнем расположения ребристого излома тулова (рис. *7, 1, 3*) Горшку из кургана 4 можно указать ряд аналогий в погребальных памятниках Северо-Запада (встречаются редко), где они происходят из комплексов, датирующихся не позднее первой половины — середины XI в. Происхождение этого типа керамики вполне справедливо связывают с гончарными традициями междуречья Эльбы и Одера — так называемым «торновским» типом [28, с. 74—80] Сосуды с ребром в верхней трети высоты тулова (рис. *7, 3,* курган 5) также не характерны для региона. Они известны преимущественно в городских слоях (Псков, Новгород, Ладога, Городок на Ловати) и датируются со второй половины конца X в. по начало XI в. Эта керамика специально рассматривалась в двух работах. М. В. Горюновой, определившей основной круг аналогий и связавшей ее с так называемой керамикой типа «фрезендорф» на территории северной части междуречья Эльбы и Одера. Позднее М. В. Горюнова высказала другую гипотезу — о связи подобных гончарных форм с лепной

керамикой так называемого «ладожского» типа, что предполагало местное сложение типа [29, с. 52—57; 30, с. 39—45] Керамика «ладожского» типа характерна для памятников сравнительно узкого региона Приильменья и Поволховья. В то же время сопоставление ее с керамикой западнославянских земель, предложенное в свое время Я. В. Станкевич [31, с. 220—246], еще никем не опровергнуто, а круг аналогий, намеченный в первой публикации В. М. Горюновой, редкость подобных форм на Северо-Западе определенно указывают на возможность привнесения этих керамических форм извне.

Следует подчеркнуть, что курганы с каменными конструкциями и погребениями по обряду трупосожжения Боковского могильника нельзя рассматривать как нечто обособленное в общем контексте развития погребальной обрядности Северо-Западного региона. Они, по-видимому, генетически связаны с погребениями по обряду ингумации, сопровождающимися подкурганными каменными сооружениями «жальничного» типа.

Так, в кургане 39 (погр. 3) того же могильника камни были выложены на дне ямы вдоль одной из ее продольных стенок. Подобная же вымостка вдоль костяка открыта в погребении 1 кургана 41, а в кургане 43 обкладка камнем зафиксирована вдоль верхнего края могильной ямы. Аналогичный прием использования камня известен также в курганах 3 и 5 могильника у д. Сухоногово [32, с. 73—82]. В кургане 32 могильника у д. Боково каменные кладки в виде вытянутой кучки мелких валунов располагались вдоль северной и южной стенок могильной ямы. По-видимому, ограждение могилы было первоначально сооружено в два-три яруса.

Известны подобные конструктивные приемы использования камня и в памятниках других регионов Северо-Запада. В Лужско-Оредежском регионе в могильнике у д. Заполье в кургане 1 могильная яма имела обкладку по периметру верхнего края ямы [33]. Кроме того, к юго-восточной стенке обкладки примыкала конструкция из четырех плит, поставленных на ребро, между которыми найден развал сосуда (?). В кургане 4 того же могильника погребение было совершено на сплошной каменной вымостке (ср. с каменными вымостками Боковских курганов с трупосожжениями). Кроме того, костяк с трех сторон был окружен оградкой, две стороны которой были сооружены из мелких валунов, а третью составлял один большой камень. В кургане 8 продольные стенки могильной ямы были облицованы вертикально стоящими плитами. Дата этих погребений — XI — первая половина XII в.

В могильнике Удрай IV (Лужско-Оредежский регион) в кургане 1 в северо-восточном секторе камни образовывали дополнительную полукольцевую кладку, проходившую над верхним краем могильной ямы [34]; в кургане 2 — погребение с северной и южной сторон сопровождалось продольной кладкой из мелких валунов. Аналогичная конструкция прослежена также и при погребении в кургане 3: на краю ямы в головах и ногах костяка стояли плитняковые стелы, между которыми были уложены плиты, перекрывающие могильную яму.

Явлением того же порядка следует считать и погребения в ящиках. Так, в кургане 1 могильника у д. Куклина Гора костяк, покоившийся на материке, был со всех сторон обставлен камнем в виде стенки, сложенной в несколько ярусов [4, с. 75, 76] Подобные погребения встречены также в курганах 338/70 и 348/80 могильника у д. Калихновщина [4, с. 103, 105]. Все они сопровождались богатым инвентарем и датировались XI — первой половиной XII в. Подобный прием захоронения ассоциируется, с одной стороны, с жальничными обкладками, а с другой — напоминает подкурганные каменные конструкции крупных насыпей с погребениями по обряду трупосожжения и гончарными сосудами западнославянских форм Боковского могильника и камеры курганно-жальничного могильника у д. Малы [35, с 87—95] Различные приемы использования камня при погребениях известны также и в памятниках региона водораздела верховьев Западной Двины и Верхней Волги [36, с. 27, 28].

Исследования ряда последних лет показали, что все вышеперечисленные приемы использования камня при погребениях и в конструкциях насыпей встречаются также и в могильниках Ижорского плато. Помимо отмеченного еще в раскопках Л. К. Ивановского выкладывания «свода» из валунов или плит в насыпях зафиксированы также: отдельные камни и цепочка из валунов, конструктивно связанные с захоронением, линейная кладка из трех известняковых плит у черепа погребенного на дне могильной ямы (Лашковицы, кург. 17 и 19); три камня с северной стороны от костяка, являющиеся подобием окаймляющей погребение оградки (Даймище, кург. 48); облицовка стен могильной ямы плоскими плитами (Учхоз, кург. 59-а и 61). В пяти раскопанных курганах у д. Войсковичи стенки могильных ям также были выложены камнями и глиной.

Помимо этого, забутовка могильных ям камнем, перекрытие их или погребений плитами, захоронения на каменных вымостках или просто наличие таковых под насыпью курганов также находят прямые аналогии в жальничных могильниках. Отметим также, что подавляющее большинство курганов с каменными конструкциями, условно именуемыми «жальничного» типа, в тех случаях, когда они поддаются датировке, относятся ко второй половине XI — началу XII в. В наборе инвентаря погребений этих курганов присутствуют, а зачастую и преобладают вещи, несущие прибалтийско-финскую этническую окраску.

Можно констатировать, что погребальные памятники Северо-Запада второй половины I тыс. н. э.— середины II тыс. н. э. изучены на сегодняшний день недостаточно. Весь массив этих древностей подразделяется на следующие основные типы: сопки («культура сопок»), культура длинных курганов, раннесредневековые курганы с погребениями по обряду ингумации XI—XIV вв., жальники. Несмотря на заметные различия, их объединяет один существенный признак — широкое использование камня в конструкциях насыпей и могил. Исключение составляют лишь древности культуры длинных курганов, для которых использование камня не характерно. Происхождение и истоки традиции использования камня остаются неясными.

Верхней границей появления каменных конструкций в погребальных сооружениях Северо-Западного региона является VI в., что совпадает с ранней датой сопок. Появляясь впервые в сопках, она устойчиво сохраняется в памятниках более поздних, что вполне вписывается в рамки гипотезы о единой линии развития «славянской» погребальной обрядности в регионе [37, с. 31] Эта же концепция легко объясняет происхождение жальников: они приходят на смену курганам с кольцевыми валунными обкладками по мере широкого распространения христианской культовой обрядности. Этому не противоречит, казалось бы, и нахождение курганов с кольцевыми обкладками и жальничных могил в одних могильниках, и их хронология. Сторонниками гипотезы прибалтийско-финской этнической принадлежности погребальных сооружений с использованием камня высказывалось также предположение о непосредственной связи сопок и жальников, минуя стадию курганов с кольцевыми обкладками [38, с. 94, 95; 39, с. 158, 159]

Сейчас в обширном массиве погребальных древностей древнерусского времени Северо-Запада начинает все более отчетливо выявляться новый пласт. Курганы с трупосожжениями и каменными конструкциями IX—X—XI вв., вероятно непосредственно связанные с памятниками последующего этапа (XI—XIV вв.),— явление неоднородное. Какая-то часть из них, возможно, корнями уходит в традиции каменных сооружений сопок. Другие, характеризующиеся некоторыми деталями погребального обряда, керамикой условно «западнославянского» облика и т. д.,— явление, качественно отличное от древностей VI—IX вв. и не связанное с ними.

Таким образом, следует предположить, что истоки жальничной погребальной традиции в Северо-Западном регионе, по-видимому, не в каменных конструкциях сопок и не курганах с кольцевыми валунными обкладками основания насыпей. С последними жальники появляются практически одновременно и затем со-

существуют на протяжении нескольких столетий [40, с. 15, 16]. Корни этой традиции следует искать в той группе курганов с каменными конструкциями и с погребениями по обряду трупосожжения и ингумации, в которых присутствуют приемы использования камня «жальничного» типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Новгородского отряда 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6236.
2. *Пронин Г Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7005.
3. *Пронин Г Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7842.
4. *Спицин А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. 1903. Т. 29.
5. *Соколов Н. И.* Журнал раскопок их Императорскими Высочествами Великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, Константином и Дмитрием Константиновичами в Лыбутской местности июля 11 дня 1878 г. СПб., 1879.
6. *Крейтон В. Н.* Археологические раскопки и разведки в Псковской губернии в 1912 г. // Тр. ПАО. 1913. Т. 9.
7. *Тюленев В. А.* Отчет о раскопках курганов у д. Ерусалимская Псковского района Псковской области в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6367.
8. *Тюленев В. А.* Отчет о раскопках курганной группы у д. Ерусалимская Псковского района Псковской области в 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6655.
9. *Спицин А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. 1896. Т. 20.
10. *Рябинин Е. А.* Отчет об археологических исследованиях Ижорского отряда ЛОИА АН СССР в 1977 г // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6630.
11. *Лебедев Г. С.* Отчет о работе Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ на Верхней Луге в 1971 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4848.
12. *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губернии в 1901—1902 гг. // ЗРАО. 1903. Т. V. Вып. 1.
13. *Спицин А. А.* // Архив ЛОИА. Ф. 1. Д. 377.
14. *Белецкий С. В.* Раскопки в Псковском Кремле в 1972—1974 гг. // КСИА. 1978. Вып. 155.
15. *Глазов В. Н.* Отчет о поездке в 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губернии // ИАК. 1904. Вып. 6.
16. *Куза А. В.* Отчет о работе Любытинского отряда Новгородской экспедиции 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4533.
17. *Седов В. В.* Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. Вып. 155.
18. *Смирнова Г П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146.
19. *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961.
20. *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2.
21. *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. 1976. Вып. 146.
22. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // САИ. 1974. Вып. Е1-8.
23. *Леонтьев А. Е., Пронин Г Н.* Древнерусские памятники района оз. Верестово // СА. 1978. № 2.
24. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
25. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
26. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1, 2 // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
27. *Колчин Б. А.* Железообратабывающее ремесло Великого Новгорода // МИА. 1959. № 65.
28. *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. 1974. Вып. 139.
29. *Горюнова В. М.* О западных связях «Городка» на Ловати (по керамическим материалам) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
30. *Горюнова В. М.* О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
31. *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. 1951. Т. XV.
32. *Пронин Г Н., Мильков В. В.* Раскопки древнерусских памятников в Новгородчине // КСИА. 1981. Вып. 164.
33. Отчет о раскопках С. Теплоухова // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. 1928 г. № 122.
34. *Платонова Н. И.* Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7540.
35. *Седов В. В.* Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. 1981. Вып. 168
36. *Макаренко И. Е.* Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Ярославской и Тверской губерниях // ИАК. 1903. Вып. 6.
37. *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. Е1-8.

38. *Лебедев Г С.* Начало Верхней Руси по археологическим данным // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Наука, 1977.
39. *Лебедев Г С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978.
40. *Пронин Г Н.* Сопки, курганы, жальники // КСИА. 1981. Вып. 168.

G. N. PRONIN

MOUNDS OF THE 10TH-11TH CENTURIES WITH CREMATION AND STONE CONSTRUCTIONS AT THE VILLAGE OF BOKOVO

Summary

The author publishes materials from the mounds with cremation burials and stone construction he has investigated in the burial ground at the village of Bokovo (Novgorodd Region). They are dated between the 9th and lith centuries. He places the finds against a wide background of the North-Western region. The greater part of the burial mounds with cremation burials that have been studied in the Novgorod area belong to the culture of long barrows. It has a set of grave goods, shapes of burial urns, the burial rite among other things dated between the 6th and 9th centuries that belong exclusively to this cultural tradition. Recently, however, archaeologists stumbled across another type of antiquities: mounds with cremation burials and early mediaeval stone constructions (the 9th-11th centuries), independent of the sites of the previous period. They exhibit a specific set of grave goods, mainly of the Finnish-Belic type, and stone constructions of varied types. They also contained the pottery of the so-called Western Slavic type. Taken together, these facts prompt the idea that the tradition of using stone in burial mounds and the tradition of zhalnikiburials should be sounght in mounds with cremation burials, stone constructions and the pottery alien for the region.

Заметки

А. В. ВИСКАЛИН

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЕ НАХОДКИ ОРУДИЙ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ЭПОХИ ИЗ УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Решение проблемы путей и времени освоения Урало-Поволжского региона эпохи плейстоцена [1, с. 224] во многом зависит от открытия стратифицированных объектов той поры на данной и сопредельных территориях [2, с. 187] Ульяновское Поволжье, занимая географически центральное положение в регионе, на основании периодических открытий здесь остатков четвертичной фауны и ископаемого человека рассматривалось еще с начала века как перспективное для поисков палеолита [3, с. 254—257]. Во время неоднократных разведок на данной территории были получены коллекции археологических находок предположительно плейстоценового возраста, но без строгой геологической привязки, поскольку находки из упомянутых коллекций были сделаны на галечниках Волги [4, с. 250, 251; 5, с. 349].

В 1988 г. местным палеонтологом В. М. Ефимовым мне были показаны два артефакта: кремневый наконечник и костяное шило, обнаруженные, по его словам, в слоях ископаемых галечников по левому устью Протолщного оврага (4 км от с. Ундоры).

Наконечник изготовлен из мелового кремня серовато-дымчатого цвета. Конкреции подобного кремня известны на юге области в районе г. Сенгилея. Для заготовки был использован удлиненный отщеп с широким ударным бугорком, заметным на профиле изделия. Орудие имеет симметричные подтреугольные пропорции, его размеры 73×40 мм. Острый конец обломан в древности, боковые стороны и основание заметно выпуклы, участки сопряжения сторон и основания округлы (рис. 1, *1*). Орудие двусторонне обработано широкой и плоской ретушью. Острие и лезвия смоделированы фасетками чуть меньшего размера, которые ложатся параллельными рядами. Зубчатость краев — скорее следствие воздействия среды, чем результат сработанности: повреждения носят нерегулярный характер и в равной мере характерны как для рабочих, так и для аккомодационных участков. Изделие практически не патинировано. На наиболее рельефных гранях проступает заметная невооруженным глазом окатанность. Отчетливо выражена, как уже говорилось, забитость края. Всю поверхность изделия, включая и отдельные участки граней со следами окатанности, покрывает заполировка (люстраж), дающая яркий блеск. Заполировка имеет явно естественное происхождение, а все представленные признаки указывают на пребывание предмета в русле водного потока.

По форме, характеру вторичной обработки, размерам и традиции использования отщепа в качестве заготовки орудие сближается с характерными для памятников стрелецкой культуры наконечниками с выпуклым основанием типа «лист тополя» из Сунгиря и Костенок [2, с. 179, 180].

Шило по форме типично для широкого ареала культур и времен (рис. 1, *2*). Его длина 10 см. Один конец представляет собой необработанный эпифиз

© А. В. Вискалин,1990 г.

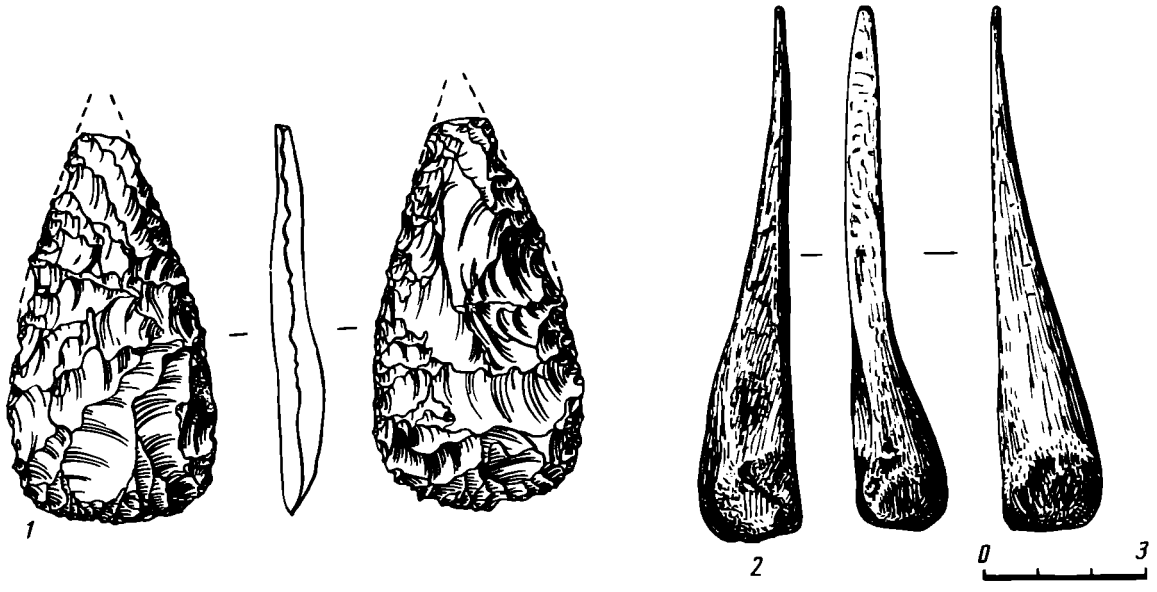


Рис. 1. Орудия из плейстоценовых отложений близ с. Ундоры. *1* — наконечник (кремень), *2* — шило (кость)

трубчатой кости лошади, другой посредством пришлифовки превращен в рабочий кончик треугольного сечения. Ребра и грани изделия оглажены, а вся поверхность имеет равномерную прилощенность до блеска.

При посещении указанного места оказалось, что здесь в береговом обрыве представлен поперечный разрез погребенного оврага, прорезавшего коренной берег вплоть до слоев юрских пород (рис. 2). Основание овражного заполнения занимали щебнисто-галечные слои, охарактеризованные В. М. Ефимовым как «ископаемые галечники». Их протяженность вдоль разреза составила 100 м, а мощность в центральной части — 3 м. По обоим краям, ближе к бортам погребенного оврага, галечные слои выклиниваются. В распределении обломочника по разрезу в этих слоях прослежена определенная дифференциация: отдельности осадка в нижней части слоев заметно крупнее, чем в верхней.

В строении перекрывающих овражных отложений также отчетливо прослеживается закономерность уменьшения размеров частиц осадка кверху. Так, над щебнисто-галечными горизонтами залегают дресвяно-крупнопесчанистые частицы, сменяющиеся в свою очередь суглинисто-мелкопесчанистыми. Последние подстилают погребенную почву балочного типа. В верхней части почва имеет бурый оттенок, связанный с процессами ее ожелезнения. Над погребенной почвой, мощность которой составляет более 2 м, открывается массив слабостратифицированных суглинков бурого тона, сильно заизвесткованных и содержащих «дутики» и «журавчики». В верхней части суглинистая толща нарушена современными оползневыми процессами, поэтому мощность ее оценивается лишь приблизительно в 10—15 м, а общая мощность овражных отложений в 15—20 м.

Из основания обломочника мною были извлечены фрагменты сильно минерализованных костей, имеющих коричневую окраску. Аналогичная окраска и степень минерализации костей характерны для ископаемых фаунистических остатков (по данным В. М. Ефимова, мамонт, лошадь, носорог) из плейстоценовых овражных отложений в окрестностях с. Ундоры. На основании всех этих наблюдений плейстоценовый возраст (широкая датировка) нижней толщи погребенных овражных отложений, содержащих упомянутые галечники, нам представляется достаточно очевидным.

Соотнесение находок с плейстоценовыми слоями возможно, на мой взгляд, не только на основании устных сообщений В. М. Ефимова, их формы, характерной для орудий с памятников позднего палеолита Русской равнины, но в первую

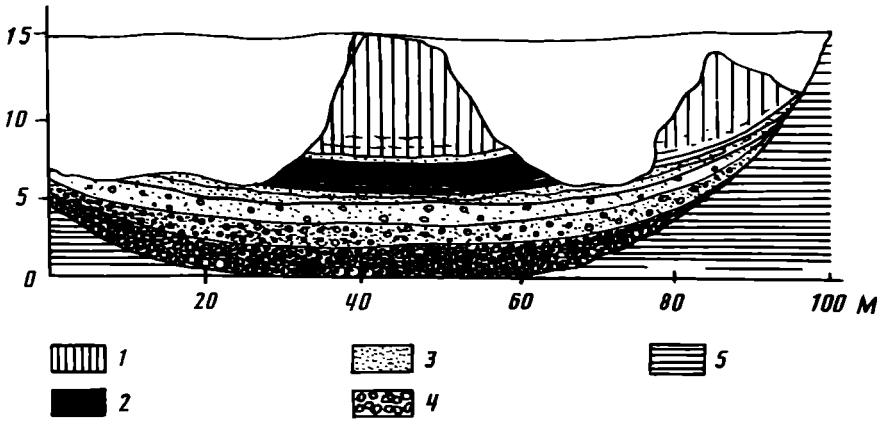


Рис. 2. Схема строения берегового обнажения у с. Ундоры. *1* — бурый суглинок; *2* — погребенная почва; *3* — песок; *4* — галька; *5* — юрские глины

очередь на основании характера повреждения поверхности находок. Поскольку на обоих предметах сохранились следы окатанности и обитости, а их поверхность залощена до блеска, мы вправе предположить, что они некогда подверглись перемещению по дну водного потока. Таким для данной ситуации может быть либо течение Волги, либо ручей, оставивший на дне погребенного оврага слои окатанного обломочника. Сочетание на найденных предметах таких признаков, как окатанность, обитость и люстраж, при наложении последнего на ранее окатанные участки краев, на мой взгляд, указывает на наличие двух периодов во время пребывания предметов под действием водного потока: периода интенсивной транспортировки находок по дну потока, во время которой они приобрели такие признаки, как забитость и окатанность, и периода относительной неподвижности предметов в потоке, во время которого возникло тонкое залощение их поверхности. Последнее невозможно на речном пляже, ибо предметы здесь получают скорее матовую, чем глянцевую, поверхность (в чем нетрудно убедиться на примере бутылочных стекол, обнаруженных на пляже) Следовательно, ни характер повреждения поверхности изделий, ни технико-морфологические данные последних не противоречат факту обнаружения предметов в слоях овражного обломочника, датируемого предварительно эпохой плейстоцена.

Обнаружение в единых горизонтах наконечника, шила и обломков костей дает надежду на открытие палеолитической стоянки, попавшей в зону водосбора древнего оврага.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н.* Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.
2. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР Археология СССР М: Наука, 1984.
3. *Павлов А. Н.* Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
4. *Паничкина М. З.* Разведки палеолита на Средней Волге // СА. 1953. Т. XVIII.
5. *Абрамова З. А.* Разведки палеолита на Средней Волге в 1954 г. // Краев. зап. УОКМ. 1958. Вып. 2.

В. А. КУЗНЕЦОВ

ПОГРЕБЕНИЯ III В. ИЗ КИСЛОВОДСКА

В мае 1940 г. житель Будённовской слободы г. Кисловодска К. И. Вальков копал глину в глинище на левом берегу Белой речки, выше Будённовской слободы, и случайно наткнулся на древнее погребение. Через несколько дней свои находки — два кувшина, две миски, два деформированных черепа без нижних челюстей, сломанный железный кинжал, три пряжки (одна серебряная, две бронзовые) и две серебряные подвесные пластины от конского убора — К. И. Вальков доставил в Пятигорский музей краеведения.

11 июня 1940 г. археолог Пятигорского музея Н. М. Егоров выехал в Кисловодск и вместе с К. И. Вальковым произвел доследование разрушенного погребения. Ниже приводится письменная справка о выполненной Н. М. Егоровым работе: «Глинище расположено сейчас же за так называемыми „Вторыми воротами" и настолько близко примыкает к обрыву, образующему эти ворота, что затронутые глинищем погребения оказались имеющими свои входные отверстия и, значит, дромосы со стороны этого обрыва. С помощью т. Валькова удалось более или менее правильно зачистить пещерку-катакомбу, уже на 3/4 разрушенную бравшими глину. Как и в других случаях с глинистым грунтом, она оказалась имеющей яйцевидную форму. Но в отличие от других мне известных случаев она была полностью засыпана глиной... Удалось найти: 1) левую половину верхней челюсти от деформированного черепа, 2) вторую фибулу иного типа, 3) обломки серебряных блях или накладок, 4) небольшую плоскую роговую пуговицу (бусину ?), 5) части тонких серебряных со штампованным (по коже?) рисунком пластинок, 6) железные удила с медными кольцами, 7) железный длинный (90 см) меч, лежавший выше горизонта погребения на небольшом выступе основной породы. Меч ржавый, разложился на две неравные части. Ржавчиной пропитались и сохранившиеся деревянные части ножен, 8) серебряный перстень (?) из тонкого серебра высокопробного, лежавший в одной куче с удилами, и несколько небольших черепков от доставленных тов. Вальковым кувшинчиков.

Шагах в 15 от этой пещерки в глубине ямы заметил я линию костей. Зачистили и эту пещерку. Костяки все были в очень плохом состоянии. Нашли: 1) одну чашку и 4 кружки (две, видимо, импорт), 2) две пряжки, 3) две обыкновенные фибулы 1-го типа, но более крупные, 4) одну очень крупную фибулу того же типа, но с половиной кожаного футляра, в котором она хранилась, 5) небольшую поломанную фибулу второго типа и 6) небольшой кусочек какого-то вещества вроде каменного угля. Все фибулы и пряжка, по-видимому, медные» [1]

Таким образом, близ Будённовской слободы было доследовано два катакомбных погребения, расположенных поблизости и, несомненно, принадлежавших одному могильнику. Определение могильного сооружения как катакомбы не вызывает никаких сомнений, но более детальных сведений о них, как и о погребальном обряде, нет. Единственный вывод, который можно сделать из описания: в обоих катакомбах содержалось несколько костяков (в первой два, судя по черепам). Поэтому нам остается рассмотреть сохранившийся инвентарь, находящийся в Пятигорском музее [2] и дополняемый двумя фотографиями находок и записями Н. М. Егорова.

Керамика. Сосуды, доставленные К. И. Вальковым, в музее не сохранились и известны только по фотографии Н. М. Егорова. Это два одноручных кувшина

---

[1] Запись хранится в личном архиве Н. М. Егорова и датирована 18 июня 1940 г.
[2] Инвентарный № 759.

© В. А. Кузнецов, 1990 г.

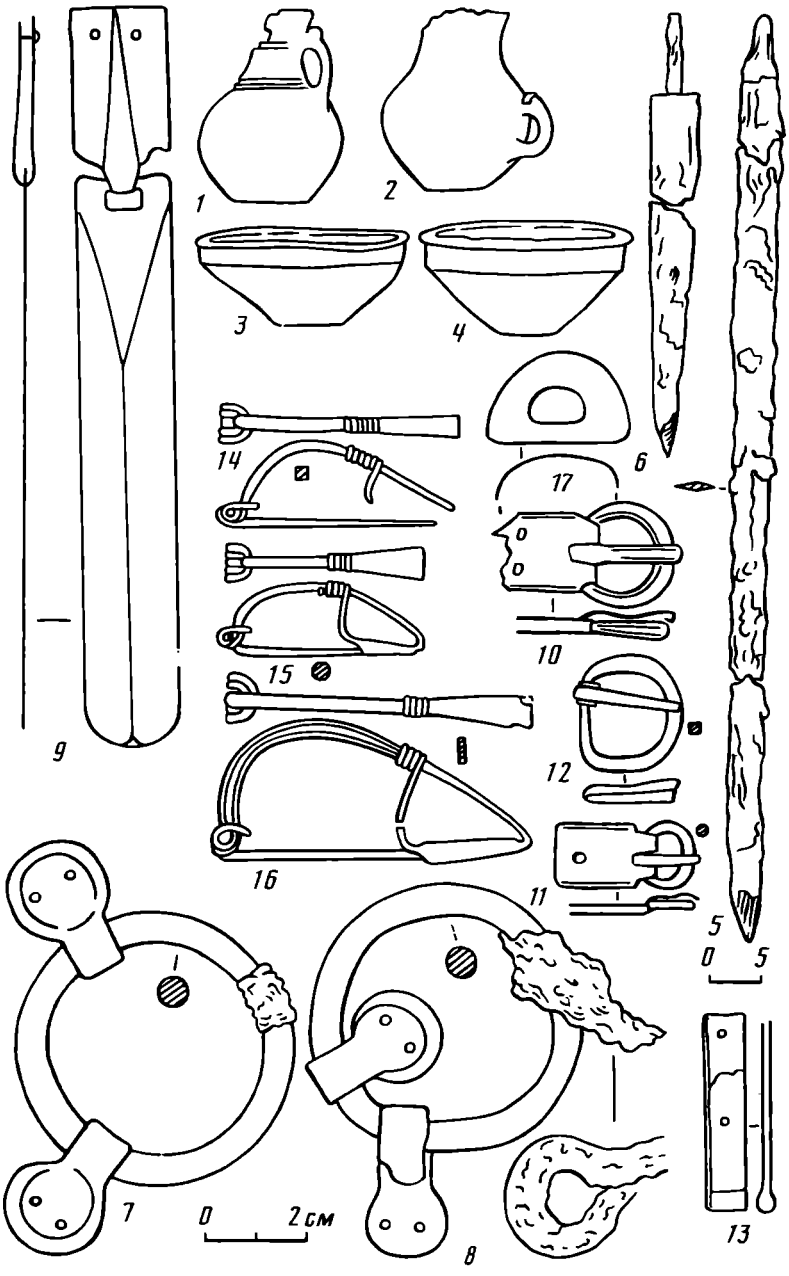


Рис. 1. Предметы из катакомб Будённовской слободы. *1, 2* — кувшины; *3, 4* — миски; *5* — железный меч; *6* — железный кинжал; *7, 8* — бронзовые кольца с серебряными зажимами и остатками железных грызл; *9* — серебряные зажимы с подвесными пластинами; *10* — серебряная пряжка; *11* — бронзовая пряжка; *12* — бронзовое кольцо от пряжки; *13* — серебряный наконечник ремня; *14—16* — бронзовые фибулы; *17* — серебряная подвеска

с фрагментированными венчиками; один из них (рис. 1, *1*) по горлу и плечикам украшен горизонтальными желобками, в верхней части ручки налеп в виде стилизованных ушей животного, второй (рис. 1, *2*) не орнаментирован, в верхней части ручки налеп в виде поперечной ленточки — «воротничка». Две высокие ребристые миски из грубого (судя по снимку) теста, одна из них (рис. 1, *3*) явно лепная, венчики отогнуты. Наиболее крупным был орнаментированный кувшин (рис. 1, *1*) Высота его, судя по фотографии, достигала не менее 20 см.

Во второй катакомбе было найдено еще пять сосудов, но они остались неизвестными.

Оружие. Представлено железными мечом и кинжалом из первой катакомбы. Меч длиной 90 см, прямой, двулезвийный, ширина клинка в средней части 4 см,

короткий черенок для рукояти, длина черенка также 4—4,3 см (рис. 1, *5*). Как отметил Н. М. Егоров, меч имел следы истлевших деревянных ножен, а в камере катакомбы лежал на специальном земляном выступе — полке.

Кинжал не сохранился, но о нем можно судить по фотографии Н. М. Егорова. Он также прямой, видимо, двулезвийный, как и меч без перекрестья, длина кинжала 40—42 см, длина черенка 7,5 см (рис. 1, *6*).

Конская сбруя. В первой катакомбе были обнаружены остатки удил с разложившимися железными грызлами, о форме коих судить невозможно. К грызлам крепились бронзовые, круглые в сечении кольца диаметром 4 см, толщина колец 3—5 мм, а к кольцам — круглые серебряные зажимы для уздечных ремней с парой штифтов для их крепления (рис. 1, *7, 8*). Оба кольца с зажимами идентичны.

Видимо, к конской сбруе относятся и два серебряных пластинчатых зажима четырехугольной формы с двумя штифтами каждый и с выступами-язычками на нижнем конце, к которым подвешены длинные (8,5 см) литые серебряные пластины (рис. 1, *9*). Оба зажима и пластины идентичны.

Пряжки. Всего их найдено, по данным Н. М. Егорова, пять: три в первой, две во второй катакомбах. Две последние утрачены, их фотографий или рисунков не сохранилось. Пряжки из первой катакомбы: серебряная с почти круглым кольцом и вогнутой посередине иглой, щиток-зажим из сломанной вдвое серебряной пластинки с двумя штифтами на конце, внутри зажима сохранился ремешок, длина пряжки (с кольцом) 2,7 см (рис. 1, *10*); бронзовая с овальным кольцом и вогнутой посередине иглой, щиток-зажим из сложенной вдвое бронзовой пластинки с одним штифтом на конце, длина пряжки 2,3 см (рис. 1, *11*); бронзовое кольцо с вогнутой посередине иглой, щиток утрачен, но на фотографии Н. М. Егорова он есть, имеет округлый конец и три штифта (рис. 1, *12*). Судя по диаметру кольца (1,8 см) и фотографии, эта пряжка была самой крупной. Не исключено, что маленькие пряжки были связаны с обувью. Сюда же, очевидно, следует отнести и серебряный наконечник от узкого ремешка с двумя штифтами, длиной 3 см (рис. 1, *13*)

Фибулы. В описании фибул Н. М. Егоровым царит путаница. Говоря о первой катакомбе, он отмечает «вторую фибулу иного типа», хотя выше никаких упоминаний о фибуле нет. Однако исходя из данного замечания, можно считать, что в первой катакомбе было найдено две фибулы разных типов.

Кроме того, во второй катакомбе было выявлено еще четыре фибулы, из них одна поломанная. На фотографии же Н. М. Егорова показаны две фибулы, нашитые на планшет, а в фондах Пятигорского музея хранятся три фибулы из катакомб Будённовской слободы. Таким образом, фиксации и изучению оказались доступны лишь эти последние три фибулы, принадлежность которых к первой или второй катакомбе не устанавливается.

Все три фибулы бронзовые и относятся к одному типу двучленных лучковых фибул с расширенной ножкой и подвязным приемником. Дужки граненые (рис. 1, *14—16*). Длина наиболее крупной (рис. 1, *16*) 4,7 см.

Остальной инвентарь. Сюда относятся серебряный «перстень» и роговая плоская «пуговица». Оба предмета утрачены. В своих записях Н. М. Егоров оставил схематичную зарисовку «перстня» в натуральную величину (рис. 1, *17*). Плоская поверхность предмета имела эллипсоидную форму размером $2 \times 1{,}1$ см, высота «перстня» 1,4 см, сквозное отверстие размером $1 \times 0{,}6$ см. Никаких изображений на плоскости предмета не было.

Н. М. Егоров отметил «полную аналогию» описываемого предмета халцедоновой печатке из Верхней Рутхи в Дигории [1, с. 245, рис. 201] Последняя представляет собой типичную сасанидскую подвесную печать с геммой. Аналогия не полная — разница не только в материале, но и в резьбе и надписи, которых нет на экземпляре из Будённовской слободы.

О «пуговице» из рога никаких данных нет, но не исключено, что это было костяное навершие рукояти меча; подобные круглые навершия из различных

материалов (в том числе из кости) были характерны для мечей и кинжалов Боспора [2, с. 154], а на сарматских мечах могли появиться под влиянием кубано-пантикапейской традиции [3, с. 16].

Об остальных находках (обломки серебряных блях или накладок, части серебряных со штампованным рисунком пластинок, кусочек вещества «вроде каменного угля») никаких данных нет, и судить о них нет возможности.

Время погребений определяется прежде всего фибулами (рис. 1, *14—16*), по классификации А. К. Амброза, относящимися к серии двучленных лучковых фибул с расширенной ножкой [4, табл. 9, *18, 19*] Дата II—III вв., на Кавказе до IV в. [4, с. 52] Однако позже А. К. Амброз именно для рассматриваемого комплекса, часть которого была опубликована мной [5, с. 16, рис. 4], уточнил дату как III в. [6, с. 100, прим. 7] Эта дата согласуется с датой пряжек из катакомб Будённовской слободы [6, рис. 2, *1, 2*]; в устном разговоре со мной А. К. Амброз был склонен данные пряжки и весь комплекс Будённовской слободы относить ко второй половине III в.

В сарматских памятниках III в. на Северном Кавказе и в Поволжье есть хорошо датированные аналогии как пряжкам, так и фибулам [7, с. 177, рис. 3, *1—3*; 8, с. 103, рис. 3, *10—17*]. Касаясь двучленных лучковых фибул с подвязным приемником, А. С. Скрипкин уточнил время их распространения в Нижнем Поволжье второй половиной III в. [8, с. 108, 109]. Если эту дату возможно экстраполировать на аналогичные фибулы Северного Кавказа, она подтверждает время катакомб Будённовской слободы — вторая половина III в.

Принадлежности конской сбруи, тождественные нашим, были обнаружены А. Б. Ашиком в 1841 г. в кургане возле Аджимушкайской каменоломни в Керчи, а В. Шкорпил датировал их III в. [9, с. 33, 34, рис. 15]. Видимо, эта дата верна. Заметим кстати, что кольца от сбруи с аналогичными будённовским круглыми зажимами (но тремя) были найдены Д. Я. Самоквасовым в курганах у с. Каррас (сейчас Иноземцево) недалеко от Пятигорска [10, № 4785]

Не удалось подобрать близких и узко датированных аналогий серебряной подвеске — печатке (рис. 1, *17*). Из-за указанных выше различий в материале и резьбе аналогия из Верхней Рутхи недостаточна, как и аналогия из кугульского склепа № 5 [11, рис. 8, *30*]. Сейчас могу назвать в качестве неполной параллели стеклянную подвесную печать аналогичных форм и без изображений из Самтаврского могильника в Мцхете, которая датирована IV в. [12, с. 247, рис. 3]

Некоторые интерпретации. «На Северном Кавказе II—III вв.— время северопричерноморских фибул и пряжек»,— писал А. К. Амброз [6, с. 107]. Во второй половине III в., после вторжения готов и союзных с ними племен, античные государства Северного Причерноморья сильно пострадали [13, с. 299 и сл.], что отразилось на изменении культурно-экономических связей. В частности, в Поволжье, по наблюдениям А. С. Скрипкина, начинают поступать фибулы северокавказских образцов [8, с. 113], усиливается приток северокавказских вещей. Однако если говорить о рассматриваемом здесь комплексе находок из катакомб Будённовской слободы, на фоне таких распространенных вещей, как фибулы, пряжки, характерные детали конского убора с подвесными пластинами (последние находки в Нижне-Джулатском могильнике [14, рис. 8, *14*] и Подкумском могильнике [15, с. 66, рис. 2, *38*], оба III в.), особого внимания заслуживает керамика из Будённовской слободы.

Первый кувшин — с горизонтальными желобками и зооморфной ручкой (рис. 1, *1*) — имеет ближайшую аналогию в кувшине из погребения 42 Подкумского могильника [15, с. 66, рис. 2, *25*] Есть близких форм кувшины и в материалах II—III вв. из Нижнего Джулата [14, рис. 14, *44, 45*] Подобные кувшины для местной керамики рассматриваемого времени, видимо, вполне обычны. Второй кувшин с такой характерной чертой, как положение ручки в нижней части корпуса (рис. 1, *2*), также находит аналогии в керамике

Нижне-Джулатского могильника, но в материале I в. до н. э. — I в. н. э. [14, рис. 14, *4*] Аналогичное положение ручки-петли в нижней части корпуса можно видеть на кувшине из богатого погребения IV в. в Кишпеке [16, с. 115, рис. 2, *7*], а также на кувшине несколько иных пропорций из могильника Фаскау в Дигории [1, табл. XXXV, *15*] Есть основания и этот тип кувшинов считать местным центральнокавказским, возможно связанным с центральнокавказским очагом керамического производства [17, с. 44, 45, 48] Другой облик и происхождение имеют глубокие ребристые миски с отогнутыми наружу венчиками (рис. 1, *3, 4*) В позднесарматское время на территории Центрального Кавказа доминирует иной тип мисок с венчиками, загнутыми внутрь и прогнутыми у дна стенками [17, с. 42] Миски же типа рассматриваемых имели распространение как в позднесарматское, так и в раннесредневековое (V—VI вв.) время в Прикубанье, на Черноморском побережье Кавказа и Нижнем Дону [18, с. 102, рис. 8, *3*; 19, табл. 10, *9*; 20, табл. I, *7, 13*, табл. II, *1* — на поддоне, табл. XII, *1*; 21, с. 106, рис. 6, *1* и т. д.] Миски из катакомб Будённовской слободы не имеют аналогий в синхронных могильниках Подкумка и Нижнего Джулата и подтверждают наблюдение М. П. Абрамовой о выявлении керамической традиции Прикубанья в западных районах Центрального Кавказа, включая район Кавминвод [17, с. 44] Эти две миски нам представляются прямым импортом из Прикубанья.

Катакомбный могильник Будённовской слободы дал новый и хорошо датированный III в. материал для суждений о времени появления обычая искусственной деформации черепов на Центральном Кавказе. Для данной территории это один из самых ранних случаев. Известно, что мода деформации черепов на Дунае появилась в середине III в. (могильник Тыргшорг в Румынии) [22, с. 164], в III—IV вв. она широко распространилась в степной зоне Восточной Европы, а на Кавказ этот обычай из Нижнего Поволжья и степей Калмыкии был занесен аланами [23, с. 16]

Памятников III в. на Центральном Кавказе мало. Катакомбы Будённовской слободы г. Кисловодска дают новый интересный материал по позднесарматскому — раннеаланскому периоду северокавказского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.
2. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.
3. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
4. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Д1-30.
5. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
6. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
7. *Мунчаев Р. М.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2.
8. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2.
9. *Шкорпил В.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. Вып. 37
10. Альбом Д. Я. Самоквасова // Архив Кафедры археологии МГУ. Инв. № 3404. Пл. 314.
11. *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4.
12. *Угрелидзе Н. Н.* К уточнению стратиграфии Мцхета-Самтаврского некрополя I—VIII вв. н. э. // Археологические памятники феодальной Грузии. Т. II. Тбилиси, 1974.
13. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972.
14. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
15. *Абрамова М. П.* Предварительные итоги исследования Подкумского могильника близ г. Кисловодска // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983.
16. *Бетрозов Р. Ж.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
17. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.
18. *Анфимов Н. В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
19. *Ловпаче Н. Г* Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
20. *Анфимов И. Н.* Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станицы Елизаветской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.

21. *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1962.
22. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1973 // Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2142.
23. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. A. Textteil. München, 1956.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

НОВЫЙ ТИП «ПОМИНАЛЬНЫХ» ПАМЯТНИКОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Среди памятников I тыс. н. э. на юге Сибири особое место занимают культовые оградки. Большинство исследователей считает их поминальными. Это, как правило, подквадратные или прямоугольные площадки, огражденные плитами и заполненные камнями различных размеров. Некоторые из них содержат незначительные вещевые комплексы второй половины I тыс. н. э. [1, с. 14—19; 2, с. 47—81; 3; 4, с. 105—112].

Видимо, аналогичное назначение имело несколько синхронных им неграбленных курганов из Новосибирского Приобья, в которых отсутствовали погребальные сооружения и сами погребенные. Все они выявлены на левом берегу р. Уень (левая протока Оби) в пределах Колыванского р-на Новосибирской обл. (раскопки Т. Н. Троицкой в 1960—1962 гг.).

Характерной особенностью всех описанных ниже насыпей является то, что они были сложены из материкового грунта и поэтому резко отличались от соседних курганов светлым цветом насыпи. Сама насыпь была очень плотной, слежавшейся и раскапывалась с большим трудом. Другие курганы из этих же могильников, сооруженные над могилами, были сложены из рыхлой супеси и легко поддавались раскопкам. Могил под плотными насыпями не было, незначительные по числу находки обнаружены на уровне дневной поверхности. Следы ограбления отсутствовали.

1. Курган 2 могильника Умна 3. Могильник представлен курганами с трупоположениями VII—VIII вв. н. э. и трупосожжениями IX—X вв. н. э., последние изданы [5, с. 121—130]. Диаметр насыпи 5 м, высота 30 см. Насыпь, сложенная из желтоватого песка, почти полностью сливается с материком. В ней встречены отдельные угольки и обломок гладкой стенки сосуда. На уровне погребенной почвы обнаружен железный однолезвийный нож несколько непривычной формы: его рукоять вставлялась в несомкнутую коротенькую втулку (рис. 1, *3*).

2. Курган 21 могильника Красный Яр 1, представляющего собой комплекс памятников от эпохи неолита до начала II тыс. н. э. [6, с. 99—117]. Курган расположен на северном склоне урочища. Диаметр его 4,8 м, высота 25 см. Насыпь очень плотная, суглинистая. В ней найдено несколько обломков сосудов эпохи неолита, ирмени. Прослеживается погребенная почва. На ее уровне, в центре, выявлено сажное пятно (40×20 см) с отдельными угольками. Рядом с ним найден железный кельт (рис. 1, *2*).

3. Курган 24 могильника Красный Яр 1. Расположен рядом с курганом 21 и имеет такое же строение насыпи. Диаметр его 4 м, высота 20 см. Найдена керамика эпохи неолита и второго этапа верхнеобской культуры, не ранее VII—VIII вв. н. э. (рис. 1, *4, 8*). В центре на уровне погребенной почвы выявлен миниатюрный сосудик того же времени (рис. 1, *5*).

4. Курган 8 могильника Красный Яр 1. Расположен рядом с двумя предыдущими курганами и имел точно такую же плотную светлую насыпь. Диаметр 3,5 м, высота 20 см. В насыпи встречены мелкие обломки ирменских и кулайских сосудов, несколько жженых косточек и несколько крупных облом-

© Т. Н. Троицкая, 1990 г.

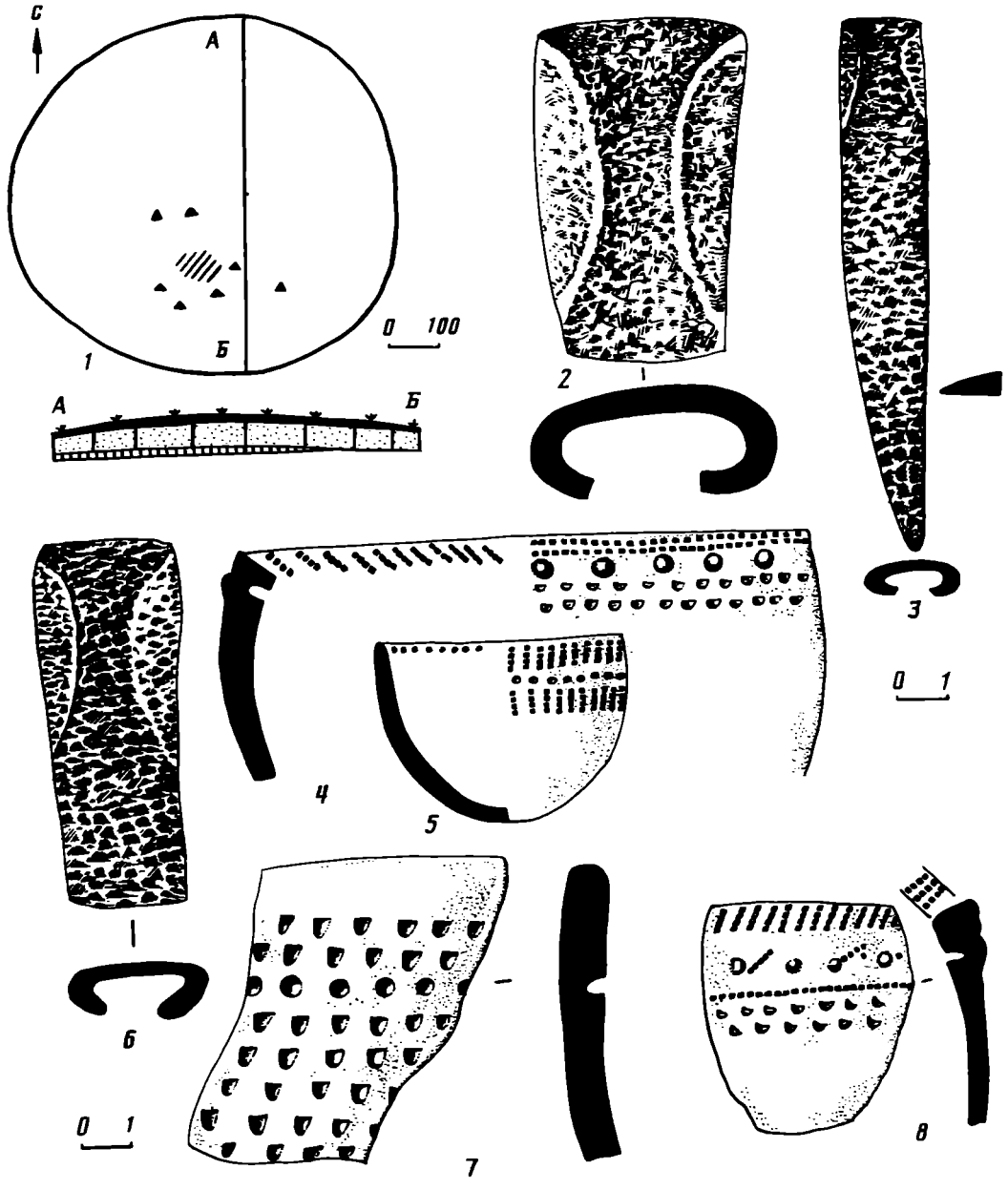


Рис. 1. Находки из «поминальных» курганов. *1* — Чучка 10, курган 1, план и разрез; *2* — Красный Яр 1, курган 21; *3* — Умна 3, курган 2; *4, 5, 8* — Красный Яр 1, курган 24; *6, 7* — Красный Яр 1, курган 8 (*2, 3, 6* — железо; *4, 5, 7, 8* — глина)

ков одинцовского сосуда (рис. 1, *7*). Восточная пола слегка нарушена, в ней сохранились крупные корни дерева со следами огня и частичной выкорчевки. Тут же обнаружен череп мужчины. В центре кургана на уровне погребенной почвы найден небольшой железный кельт (рис. 1, *6*).

5. Курган 1 могильника Чучка 10 (рис. 1, *1*) — единственная раскопанная насыпь в группе из 13 курганов. Диаметр 7 м, высота 40 см. Насыпь светлая, из песка с суглинком, очень плотная. Участками прослеживается погребенная почва, на уровне которой выявлено сажное пятно (75×60 см). В насыпи встречены отдельные угольки. Находок нет.

Все перечисленные насыпи, судя по находкам керамики, относятся к верхнеобской культуре, к тюркскому времени и скорее всего восходят к традициям тюркских «поминальных» оградок, которые в Новосибирском Приобье, где нет достаточных выходов камня, превратились в земляные курганы с плотной

насыпью. Ее утрамбованность могла достигаться исполнением ритуальных танцев при поминках.

В Новосибирском Приобье в могильниках раннего железного века (большереченских и кулайских) поминальные насыпи пока не отмечены, а на юге Сибири подобный обычай известен еще в скифское время [7, с. 112, 113]. Видимо, «поминальные» памятники проникают в лесостепное Приобье с первой волной тюркского влияния (VII—VIII вв. н. э.), но широкого распространения они здесь не получили.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965.
2. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
3. *Васютин А. С.* Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII—X вв. н.).: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 1983.
4. *Поляков А. С.* Поминальные оградки алтае-орхонтских тюрок на юге Хакассии // Археология Южной Сибири. Вып. 12. Кемерово, 1983.
5. *Троицкая Т. Н.* Погребения с трупосожжениями на р. Уени // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1977.
6. *Троицкая Т. Н.* Красный Яр 1 — могильник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
7. *Илюшин А. М.* К вопросу об изучении ритуальных памятников кочевников скифо-сибирского мира // Проблемы археологии степей Евразии. Тез. докл. Ч. II. Кемерово, 1987.

В. Н. КЛЕЩИНОВ, А. А. МОЛЧАНОВ

СМОЛЕНСКАЯ ДЕНЬГА ВАСИЛИЯ III

В апреле 1986 г. при разборке небольшого комплекса средневековых русских монет, составившегося за многие годы главным образом из ряда фрагментов случайных кладовых находок в городе Козельске (Калужская обл.) и его округе, выявлен интереснейший нумизматический памятник. Это серебряная монета весом 0,745 г, изготовленная в технике, обычной для денежной чеканки Руси второй половины XIV—XVII в. На ее аверсе помещено повернутое вправо изображение скачущего всадника с занесенной над головой саблей, окруженное надписью, которая оттиснулась лишь частично, но без особых затруднений восстанавливается полностью: (ОСПО)ДАРЬ ВСЕ(Я РУСИ). Под конем находится отдельно стоящая не совсем ясная литера: С или В. Все поле реверса занимает обрамленная точечным ободком четырехстрочная надпись: ДЕНЬ — (Г)А СМѡ — (ЛЕ)НСК — (А)Я. Ее содержание не оставляет сомнений в том, что данный нумизматический памятник относится к денежному чекану Смоленска (рис. 1, 2).

По своему весу уникальная смоленская деньга примыкает к одному из двух номиналов, принятых в серебряном чекане Московского государства конца XV — первой трети XVI в., а именно к новгородке с нормой в 0,77—0,79 г, эмиссии которой осуществляли денежные дворы в Новгороде и Пскове [1, с. 342, 343; 2, с. 38; 3, с. 105, 106] В типологическом отношении ближайшую аналогию ей составляют псковские серебряные деньги времени Василия III [4, с. 135—137, № 606—627, табл. X; 5, с. 19, 20, № 83—89; 6, с. 94, рис. 17, 18; 7, с. 234, табл. 1 рис. 17]

В очерченных таким путем хронологических рамках имеется возможность приурочить эпизодический декларативный выпуск собственных смоленских монет общерусского облика только к одному конкретному событию в истории России первой трети XVI в. Этим событием было имевшее громадное полити-

© В. Н. Клещинов, А. А. Молчанов, 1990 г.

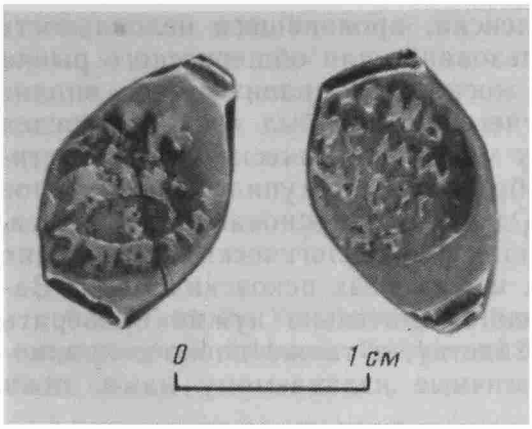


Рис. 1 Смоленская деньга Василия III из коллекции В. Н. Клещинова (Москва)

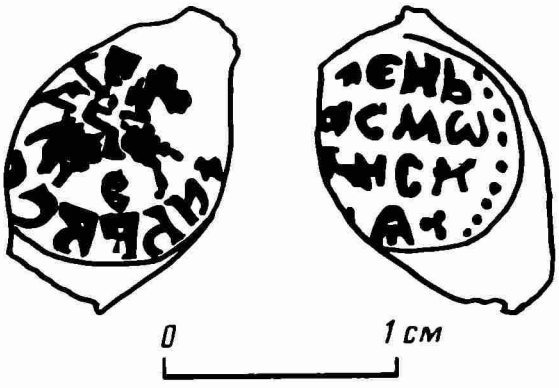


Рис. 2. Смоленская деньга Василия III. Прорисовка

ческое значение присоединение Смоленска к Московскому государству в 1514 г [8, с. 228—236; 9, с. 160—163] В ходе войны с Литовским великим княжеством 1512—1514 гг. русские войска трижды подступали к городу. Но только последний из этих походов завершился победоносно. После более чем двухмесячной блокады, продолжавшейся со второй половины мая до конца июля 1514 г и интенсивных артиллерийских обстрелов гарнизон Смоленска и его жители вынуждены были прекратить сопротивление.

Накануне торжественного вступления в капитулировавший город великого князя Василия III (оно состоялось 1 августа) смолянам была дарована жалованная грамота, не только подтверждавшая их давние права, которые неизменно соблюдались литовскими государями, но и вводившая новые налоговые и правовые льготы [10, с. 411—413, № 148; ср. 8, с. 233, 234; 9, с. 162; 11, с. 348—350] В результате Смоленская земля заняла поначалу в составе Московского государства такое же особое положение, какое имели тогда Новгород и Псков. В этих условиях вполне объяснима чеканка в Смоленске деньги именно новгородско-псковского веса и типа по повелению Василия III, не преминувшего подобным способом еще раз объявить о своем крайне важном территориальном приобретении.

Следует отметить, что если читать букву, помещенную на аверсе чуть ниже окруженного великокняжеским титулом изображения всадника, как С, то можно с определенной долей вероятности видеть в ней сокращенное обозначение монетного двора [1] Однако более правдоподобным представляется все-таки отождествление данной недостаточно разборчивой литеры с В. Отсюда вытекает возможность ее интерпретации (правда, сугубо гипотетической) как начальной буквы имени великого князя.

Можно определить и верхнюю границу краткого периода, подходящего для выпуска рассматриваемой монеты. Его, вероятно, следует сузить до августа — начала сентября 1514 г Основанием для такого предположения служит следующее обстоятельство: после поражения русских войск 8 сентября под Оршей в Смоленске обнаружилась измена, что заставило великого князя Василия III утратить прежнее благорасположение к своим новым подданным и повлекло за собой репрессии против многих местных жителей, включая даже епископа [8, с. 250; 9, с. 167]

За столь короткий промежуток времени вряд ли удалось бы осуществить достаточно обильную денежную эмиссию. Кроме того, с изменением перво-

[1] До 1514 г. ни в период самостоятельности, ни при литовском владычестве нет никаких следов существования в Смоленске монетного двора (давно известные нумизматам смоленские пулы оказались подделками XIX в. [12, с. 59—62]), и, следовательно, при Василии III его пришлось создавать там впервые.

начального полуавтономного статуса Смоленска, проявившего нелояльность к «осподарю всея Руси», дальнейшее использование для общерусского рынка монеты тамошней декларативной чеканки московское правительство вполне могло счесть уже неуместным, следствием чего должен был явиться передел еще не покинувшей государственную казну части политически скомпрометированного тиража. Итак, как видно, в обращение поступило очень малое число смоленских денег образца 1514 г. Однако есть основания надеяться, что внимательный просмотр в музейных фондах и археологических коллекциях кладовых или иных комплексов, состоящих из обычных псковских монет Василия III того же типа (среди них особенно тщательно нужно проверять определенные бегло, по типологическому сходству, а также плохо сохранившиеся), позволит сделать находки, аналогичные издаваемому нами, пока уникальному нумизматическому памятнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Деньги и денежные системы // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969.
2. *Калинин В. А.* Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV — начала 30-х годов XVI века // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л.: Аврора, 1977.
3. *Янин В. Л.* «Память, как торговали доселе новгородцы» (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // ВИД. 1985. Т. XVI.
4. *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1886.
5. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896.
6. *Спасский И. Г* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л.: Аврора, 1970.
7. *Спасский И. Г* Деньги // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1977
8. *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522) // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899.
9. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972.
10. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.
11. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
12. *Спасский И.* Пуло смоленское // СГЭ. 1974. Вып. XXXIX.

Критика и библиография

I. Ulbricht. Der Verarbeitung von Knochen, Geweih und Horn im mittelalterlichen Schleswig. Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 3. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984. 86 S. 95 Taf.

Монография И. Ульбрихт посвящена проблеме развития косторезного ремесла в средневековом Шлезвиге в XI—XIV вв. Эта публикация является продолжением исследования, начатого на материалах раскопок в Хедебю (Хайтабу) — предшественнике Шлезвига, давшем яркие материалы для периода IX—X вв. [1].

Основной задачей, поставленной автором, является выделение местной продукции косторезов, изучение процесса производства, выявление объема и ассортимента костяных изделий в различные хронологические периоды жизни города, роль импорта в развитии косторезного ремесла.

Базой исследования послужили материалы раскопок в Шлезвиге, содержащие 68 тыс. находок, связанных с деятельностью косторезов. Эти находки происходят из трех пунктов Шлезвига: Шильд (XI—XIV вв.), Плессенштрассе (XI—XII вв.) и Лангештрассе (XI—XII вв.).

Исключительно важно то, что все находки из рога и кости подвергнуты зоологическому определению, в результате чего получена информация, надежно подкрепляющая основные выводы автора.

Для выявления продукции местного производства автор отказалась от традиционного метода — стилистически-типологического сравнения изделий, найденных в данном пункте, с находками из других средневековых памятников. Детальный анализ материалов Шлезвига, связанных с косторезным делом, позволил установить связь определенных категорий изделий с местным сырьем и проследить весь производственный процесс — от использования заготовок до готовой продукции.

Косторезы Шлезвига применяли в качестве сырья кость, рог оленя и лося, а также полый рог крупного и мелкого рогатого скота. Эти материалы, различные по своим свойствам и требующие различной обработки, применялись для определенных изделий. Рог оленя и лося мягче и эластичней кости, не требует предварительной обработки. Мастера используют, как правило, его плотный поверхностный слой, срезая в отбросы губчатую середину. При употреблении полого рога следует учитывать, что лучшим качеством отличается рог крупного рогатого скота и что рог старых животных тверже и толще. В отличие от рога кость необходимо вначале освободить от мягких тканей и тщательно обезжирить, так как в противном случае она приобретает гнилостный запах и теряет блеск и белый цвет.

Согласно статистическим данным, основу сырьевой базы в Шлезвиге составляли кости домашних животных, представленных в огромном количестве как в необработанном виде (отбросы пищи), так и в виде полуфабрикатов, отбросов производства и готовых изделий. Среди обработанных костей первое место занимают кости крупного рогатого скота, составляющие на участке Шильд 95,5% и на Плессенштрассе 94,2%. В значительно меньшем количестве представлены кости овцы и козы (соответственно в Шильд и Плессенштрассе 2,2 и 2,7%). Третье место занимают кости лошади (1,8 и 1,7%) и только по 0,1% в обоих пунктах падает на кости свиньи.

Из костей крупного рогатого скота наиболее широко использовались метаподии. Именно эти кости употреблялись для изготовления гребней, которые составляли $^3/_4$ всей продукции косторезов. Второе место в сырье занимал рог благородного оленя и лося, употребление которого особенно характерно для ранней фазы жизни города (XI—XII вв.). Отмечено, что в конце XI в. в Шлезвиге происходит смена сырьевой базы косторезов — рог вытесняется костью. Эта смена обусловлена прежде всего тем, что кости домашних животных были доступным и дешевым материалом. Изготов-

© О. И. Давидан, 1990 г.

ление из кости некоторых изделий, традиционных для рога, связано с определенными трудностями, и поэтому смена исходного материала определила их изменение и появление новых форм. Очень интересно наблюдение, что многие предметы продукции косторезов находятся в тесной связи не только с видом сырья, но и с формой отдельных частей рога и определенных костей.

Ассортимент костяных и роговых изделий достаточно широк. В работе наиболее подробно рассмотрено 16 основных групп, происходящих в основном из Шильд и Плессенштрассе.

Наибольшее количество изделий представлено различными формами гребней (979 экземпляров из общего количества 2175 предметов). По конструктивным признакам они объединены в четыре группы: цельные узкие длиннозубые, составные (трехслойные) односторонние, цельные двусторонние и составные двусторонние. В пределах каждой из названных групп гребни разделены на варианты по разным признакам: по форме и сечению, в других случаях по размеру, конструктивным деталям или по орнаменту.

Узкие длиннозубые гребни (247 экземпляров, 4 варианта) изготовлены из метаподий (в основном из Metatarsus) крупного рогатого скота, несколько экземпляров сделано из Metacarpus крупного рогатого скота, один гребень из Metatarsus лошади, один из Tibia крупного рогатого скота. Имеются единичные экземпляры из костей моржа. Местное изготовление длиннозубых гребней подтверждается многочисленными находками отпиленных эпифизов метаподий крупного рогатого скота. Функциональное назначение гребней неясно: их атрибуцию как ткацких автор ставит под сомнение. Длиннозубые узкие гребни появляются в Шлезвиге со времени возникновения поселения и неизвестны в Хедебю в более раннее время.

Цельные двусторонние гребни (227 экземпляров, 3 варианта) — изготовлены из кости, рога, в небольшом количестве из полого рога и несколько экземпляров из кости моржа. Форма — прямоугольная и трапециевидная. Размеры гребней определялись размерами и свойствами исходного материала: большие гребни резались из Metacarpus крупного рогатого скота, имеющих широкую плоскость, маленькие — из Metatarsus с узкой плоской поверхностью. Основная масса цельных двусторонних гребней встречена в комплексе Плессенштрассе (145 экземпляров, из них 78 гребней изготовлено из рога, 61 из кости, 5 из костей моржа, 1 из полой кости). В комплексе Шильд отмечено другое соотношение: из 82 экземпляров найденных здесь гребней этой группы 60 изготовлено из кости, 17 из рога и 5 из полого рога.

Односторонние составные гребни (277 экземпляров, 11 вариантов) восходят к более старым образцам викингского времени. Традиционным материалом для их изготовления служил рог оленя и лося. Именно из этого материала изготовлено большинство определенных зоологически гребней этой группы в Плессенштрассе (77 экземпляров), тогда как в Шильд роговые гребни встречены только в 5 случаях, а остальные гребни (50 экземпляров) вырезаны из кости. При смене материала видоизменилась и форма изделий; у гребней пропала изогнутость спинки, соответствующая естественному изгибу рога.

Односторонние составные гребни нередко снабжались футлярами (76 экземпляров), находки которых сосредоточены в Плессенштрасе (60 экземпляров). Они вырезались из рога и реже из кости.

Двусторонние составные гребни (152 экземпляра, 6 вариантов) мало зависят от исходного материала и поэтому легко изменяются, подчиняясь моде. Изготовлялись в основном из Metatarsus крупного рогатого скота, в меньшей мере из рога, редко из полого рога. Эти гребни распределяются равномерно между комплексами Шильд и Плессенштрассе (соответственно 83 и 69 гребней).

Булавки и иглы (437 экземпляров) изготовлялись в подавляющем большинстве случаев из кости. Особенно многочисленны булавки с треугольной головкой из Tibia свиньи (146 и 48 неоконченных экземпляров), из метаподий лошади и крупного рогатого скота.

Пластинчатые накладки для деревянных ящичков (274 экземпляра) вырезались из ребер крупного рогатого скота. Основная масса происходит из Плессенштрассе (223 экземпляра).

Игральные шашки в виде шайбы (55 экземпляров) — из «роз» рога лося, а также из нижней челюсти крупного рогатого скота и из других костей и из рога, причем в Плессенштрассе преобладают шашки из рога, в Шильд — из кости. Две шашки вырезаны из костей кита.

Игральные фигуры и кубики (10 экземпляров) выполнены из рога, кости и костей моржа.

Костяные коньки и полозья для передвижения по льду (93 экземпляра) изготовлены из метаподий крупного рогатого скота и в меньшей мере из метаподий лошади. Около $^3/_4$ изделий встречено в комплексе Плессенштрассе.

Рукояти (37 экземпляров) вырезаны из различных материалов и в первую очередь из кости.

Свирели и свистки (57 экземпляров) сохраняют форму кости, из которой они сделаны — Tibia овец и коз, Humerus и Ulna птиц — орла, гуся и, предположительно, лебедя. Свирели и свистки различаются по виду использованной кости, по количеству и расположению отверстий.

На основе изучения всего материала И. Ульбрихт делает ряд важных заключений о косторезном производстве в Шлезвиге.

Местное ремесло развивалось со времени возникновения здесь поселения, т. е. с XI в. Наличие местного косторезного дела подтверждается четко установленными связями между найденными здесь полуфабрикатами, отбросами и соответствующими категориями готовых изделий: между длиннозубыми гребнями и концами Metatarsus крупного рогатого скота, между цельными двусторонними гребнями и концами эпифизов Metacarpus крупного рогатого скота, между плоскими игральными шашками и нижней челюстью крупного рогатого скота, пластинчатыми накладками и частями обрезанных ребер. По наличию сырья и простоте изготовления к местному производству могут быть отнесены и другие изделия: иглы из костей свиньи, костяные коньки и полозья, свирели, рукояти. На месте изготовлялись и изделия из рога, в первую очередь гребни, о чем свидетельствуют находки кусков рога со следами обработки, заготовки накладок и пластин для нарезки зубьев. Однако не исключено, что некоторая часть односторонних составных гребней старых форм была привезена из Хедебю, так как отличить импортные образцы от местных не представляется возможным. Некоторую окраску в развитии местного ремесла дал импорт сырья — костей кита и моржа.

По материалам Шлезвига прослежено, что с конца XI в. происходит смена сырья, выразившаяся в постепенном вытеснении рога костями домашних животных.

Исследования следов работы различными инструментами на изделиях местных мастеров привело к заключению, что техника косторезного дела, выработанная еще в викингское время, не претерпела принципиальных изменений и оставалась традиционной в отношении как применяемых инструментов, так и способа изготовления таких сложных изделий, какими являются гребни. Эти вопросы глубоко исследованы автором на материале Хедебю.

По стратиграфическим данным установлены хронологические изменения продукции косторезов. Так, характерные для Шлезвига длиннозубые гребни появляются в XI в. Эта форма бытует до XIV в., причем один из вариантов (вариант 2) связывается с наиболее ранними слоями. Односторонние составные гребни изготовлялись в XI—XIII вв.; в XII—XIII вв. бытовали вместе с двусторонними составными, пока в первой половине XIII в. окончательно не вышли из употребления. Плоские шашки появляются около 1100 г., тогда как маленькие кубические шашки сосредоточены только в нижних слоях. Свирели, свистки, коньки встречены во всех слоях.

Местное производство косторезов может быть определено как самостоятельная отрасль ремесла, доказательством чего является массовость находок, специализация на определенный вид сырья, стандартность форм и орнаментации изделий.

В заключение следует отметить, что благодаря исследованиям материалов Хедебю и Шлезвига И. Ульбрихт с большой степенью достоверности восстановлена картина развития косторезного дела в этих связанных друг с другом пунктах на протяжении шести столетий (с XI по XIV в.), что является большой заслугой автора и сыграет большую роль в изучении косторезного ремесла в средневековье.

О. И. Давидан

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ulbricht I.* Die Geweihverarbeitung in Haithabu // Die Ausgrabungen in Haithabu. B. 7. Neumünster, 1978.

Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvelebil M. Cambridge Univ. Press, 1986. VII + 194 p., 60 fig.

Проблема перехода от присваивающего хозяйства к производящему — одна из основных в истории первобытного общества. Интерес к ней в отечественной и зарубежной литературе растет с каждым днем. Очень часто и последовательно этот переход увязывается с другим — переходом от мезолита к неолиту.

Рецензируемая работа посвящена переходу к сельскохозяйственному производящему хозяйству на материале умеренной зоны Евразии, зоны, где этот переход или не рассматривался вообще, или рассматривался очень односторонне. Работа представляет собой фактически сборник статей (хотя и называются они главами), характеризующих одну проблему, написанных разными авторами, иногда с разных методологических позиций. К сожалению, в рамках короткой журнальной рецензии мы не имеем возможность подробно охарактеризовать содержание каждой статьи.

Введение к сборнику написано М. Звелебилом — редактором-составителем. В нем автор говорит о своеобразии умеренной зоны Евразии по сравнению с главными центрами доместикации и в то же время утверждает, что основные направления развития экономики здесь имеют несомненные общие черты с этими центрами. Отмечаются территориальные рамки сборника, характеризуется его организация.

Первая, основная часть сборника носит название «Мезолитический контекст перехода к земледелию». Глава 1 этой части, «Мезолитическая прелюдия и неолитическая революция», написана тем же автором. В ее отдельных разделах он приводит прежде всего историю возникновения понятия «мезолит» и оценку этого понятия разными авторами: Д. Г Кларком, Л. Р. Бинфордом, П. Мелларсом, Р. Ньюеллом, П. М. Долухановым, С. и Я. Козловскими. Однако, к удивлению, собственного определения автор не дает, как и своего отношения к приведенным определениям. В этой же главе обсуждаются «модели послеледниковых охотников-собирателей» (так у М. Звелебила.— *Л. К.*). Одна из них рассматривает образ жизни мезолитического населения как подвижной, социально равноправный и зависящий в значительной мере от той естественной среды, в которой обитает данное сообщество. Другая модель видит это сообщество более сложным: она допускает социальную иерархию, возможное увеличение оседлости, стратегию хранения пищи и начало освоения избыточного продукта. Эта модель привлекает данные этнографии, что, по нашему мнению, не всегда допустимо для археологических источников, так как требует полного соответствия условий естественной среды. Далее автор разбирает и критикует существующие модели перехода к производящему хозяйству. Первая модель основана на положении о заселении территорий, где издавна существует население с охотничье-собирательским образом жизни, населением с уже сложившимся производящим хозяйством. При этом автохтонное население ассимилируется пришлым. Вторая модель основана на палеоэкономическом базисе, а именно на возникающем экономическом дисбалансе внутри мезолитических сообществ, связанном с интенсивной эксплуатацией природных ресурсов. Третья модель имеет в основе социальное неравенство внутри мезолитических общин и объясняет освоение производящего хозяйства как средства поддержания этого социального неравенства. Нам представляется, что каждая модель имеет свои недостатки и по отдельности не может объяснять переход к производящему хозяйству.

В этой же главе М. Звелебил останавливается на понятии «земледельческая граница». Суть его сводится к тому, что между земледельческим и охотничье-собирательским населением существует определенный территориальный рубеж, который в течение исторического процесса смещается в сторону охотников-собирателей. Этот процесс, с точки зрения М. Звелебила, может происходить по трем моделям: 1) мощное сплошное продвижение земледельческого населения; 2) постепенное проникновение отдельных его групп в охотничье-собирательскую среду; 3) более сложная модель, состоящая из трех фаз: фазы контактной зоны, т. е. первичного знакомства охотников-собирателей с земледелием, фазы замещения охотничьего хозяйства земледельческим и фазы сплошного освоения земледелия.

Глава 2 написана П. Роули-Конуэем. Она носит название «Между пещерными живописцами и возделывателями злаков: аспекты мезолита умеренной зоны Европы». Во введении автор пишет о существовавшем некогда в науке хиатусе между палеолитом и неолитом и подчеркивает, что время его заполнения — XX век. Затем он останавливается на понятии «мезолит». В этом вопросе он придерживается позиций, принятых западноевропейскими исследователями. В понимании опре-

© Л. В. Кольцов, 1990 г.

деления культур и их хронологии им выделяются два момента: появление большого количества радиокарбоновых дат, позволяющих выстроить мезолитические культуры в соответствии с их хронологией, и возрастающая роль типологического исследования, что упрощает выделение ряда культур. П. Роули-Конуэй делит весь мезолит Западной и Центральной Европы на три хронологические фазы: 8300—7000 лет до н. э., 7000—6000 лет, 6000 лет — до начала неолита. Можно понять, что он очень мало знаком с мезолитом СССР, если пишет о нем со слов Т. Сулимирского и С. К. Козловского. Далее в статье речь идет о территориях и составе социальных единиц. Пользуясь исследованиями других специалистов и данными этнографии, автор определяет численность большой социальной единицы в 500 человек, а территорию, охватываемую ею,—100—200 км в диаметре. Как нам представляется, эти данные весьма условны. Вряд ли сейчас можно говорить применительно к мезолиту с такой уверенностью и о социальном составе, и о территории.

Автор высказывает точку зрения об имеющихся небольших сведениях о мезолитическом человеке, его хозяйстве, социальном утройстве, быте и т. д. Он пытается привести обзор сведений по всем этим направлениям. Основой изучения среды, в которой обитал человек, он считает пыльцевой анализ, дающий сведения о составе растительного мира. Подсчитывая продуктивность биомассы основных природных зон, в которых жил человек, он отмечает возрастание биомассы при переходе от плейстоцена к голоцену (на материалах Западной и Центральной Европы). Подчеркиваются возрастание использования растительных ресурсов, эксплуатация более широкого ряда видов животных, использование прибрежных морских ресурсов. На этой основе отмечается увеличение количества населения этих регионов в мезолите. Указывает автор и на изменения в поведении мезолитического человека по сравнению с палеолитическим, выражающиеся как в постепенном увеличении оседлости, так и в целенаправленной мобильности с целью использования определенного (сезонного) вида ресурсов. С точки зрения автора, решающим моментом в развитии того или иного пути является экология.

П. Роули-Конуэй рассматривает предполагаемые возможности одомашнивания животных и культивации растений еще в мезолите Европы. Среди животных он разбирает такую возможность для благородного оленя, косули, свиньи, крупного рогатого скота в умеренной зоне Европы. На наш взгляд, эти предположения практически невозможно доказать. Автор справедливо отрицает возможность существования в умеренной Европе растений, которые можно было бы культивировать. Правильна и мысль о взаимозависимости экологических и социальных факторов в жизни мезолитического человека (он приводит в качестве примеров наличие или отсутствие относительной оседлости и стратегии хранения).

Следующая 3-я глава написана К. Гемблом и носит название «Мезолитическая многослойность: экологический подход и археологические исследования по раннему послеледниковью». Автор ставит перед собой задачу рассмотрения вариантов экономической стратегии в мезолите. Одной из причин вариаций он считает разнохарактерность ресурсов, доступных тем или иным группам людей. От этого же зависит подвижный или более оседлый образ жизни. Интересна мысль об интенсификации освоения определенных видов ресурсов в зависимости от экологической ниши, что тоже вызывало, по мнению автора, изменения в стратегии поведения и социальном статусе первичных общин.

Главу 4 — «Роль охотничье-собирательских популяций в переходе к земледелию: обзор данных по Центральной Европе» — написал С. Венцл. Автор поддерживает мысль Дэвида Кларка о важнейшей роли растительной пищи в диете мезолитического населения. В то же время он считает, что переход к земледелию местного мезолитического человека нереален, а истоки европейского неолита надо искать за пределами Европы. Интересно его сообщение, что появившееся в Центральной Европе новое неолитическое население имеет в своем составе местный антропологический и средиземноморский типы. Первый постепенно регрессирует. На севере же Европы земледелие в силу природных условий непременно должно было дополняться охотой и собирательством.

С. Венцл считает, что раннее неолитическое население юга Европы имело демографическое преобладание над местным и соседним мезолитическим, что при возрастающей численности земледельческого населения вызывало его дальнейшее продвижение на север и ассимиляцию охотничье-собирательских групп. Возможно и временное сосуществование групп населения с разной экономикой, но ассимиляция охотников-собирателей земледельцами все равно неизбежна. Интересно замечание автора при этом, что ранние земледельцы и сосуществовавшие с ними охотники-собиратели заселяли в Центральной Европе разные экологические зоны, первые — открытые лёссовые пространства, вторые — в основном залесенные районы вдоль долин рек и морских побережий. С. Венцл указывает на некоторые возможные ошибки в исследовании перехода от мезолита к

неолиту: так, он предостерегает от решения проблемы происхождения той или иной неолитической культуры от мезолитической на основании сходства их каменного инвентаря, указывает на опасность выделения контактных зон между земледельческими и охотничьими сообществами, освещает проблематичность некоторых радиокарбоновых дат и пыльцевых определений, считает, что нет оснований говорить о зависимости культурной дифференциации неолита от происхождения от разных мезолитических культур. По его мнению, все эти проблемы имеют слабое отражение в археологических данных. Не во всем с ним можно согласиться, однако эти предостережения, безусловно, заслуживают внимания. Автор считает, что конец мезолитического времени был драматическим. Думается, однако, что в некоторых районах переход к земледелию мог проходить и безболезненно.

Вторая часть книги называется «Региональные исследования». Она начинается со статьи (глава 5) Д. Льюфуэйта «Переход к производящему хозяйству: Средиземноморская перспектива». Автор говорит о разных путях перехода к нему в Восточном и Западном Средиземноморье, что связано с различиями в продуктивности и стабильности среды, уровнях развития систем производящего хозяйства. Затем автор дает краткую картину мезолита Средиземноморья и говорит о хронологических различиях в освоении земледелия в разных частях региона: на востоке оно возникло раньше, чем на западе. После этого он приступает к рассмотрению мезолитической экономики в отдельных частях региона, а также форм перехода к земледелию в этих частях. Его выводы сводятся к тому, что производящее хозяйство в Средиземноморье возникает в форме возделывания злаков и пастушеского скотоводства. Смены населения, по его мнению, по сравнению с мезолитом здесь не произошло (за исключением, может быть, Эгейского мира).

Глава 6, написанная М. Звелебилом и П. Роули-Конуэем, называется «Собиратели и земледельцы в Атлантической Европе». Описывая процесс перехода к земледелию в Португалии, на атлантическом побережье Испании и Франции, Британских островах, в Нидерландах, Дании, Швеции и Южной Финляндии, авторы приходят к следующим основным выводам. Появление в археологических сборах культигенных растений и доместифицированных животных и переход к земледелию — не один и тот же процесс. Переход к земледелию происходит в более оседлых и более сложных социально-экономических сообществах охотников-собирателей (при этом авторы даже не упоминают о замещении или ассимиляции одного населения другим.— *Л. К.*). Самый переход к земледелию — очень сложный процесс, по-разному и в разное время протекавший в различных регионах. Авторы подчеркивают разницу между проникновением отдельных элементов земледелия в охотничье-собирательские общества и полным переходом к нему. Эта разница может прослеживаться и хронологически. Элементы земледелия воспринимались отдельными сообществами охотников-собирателей в зависимости от местных условий. Восприятие земледелия полностью — тоже не одинаковый процесс в отдельных регионах. Возможен приход уже земледельческой группы в Данию и Ирландию. Процесс перехода к земледелию — длительный и сложный, состоящий из нескольких фаз. Особенность приморской зоны — в ее богатых природных ресурсах, что могло замедлить восприятие земледелия.

Глава 7 — «Собиратели Центральной Европы и их аккультурация» — написана Я. К. и С. К. Козловскими. Они формулируют задачи, стоящие перед ними, дают географические рамки работы, обсуждают содержание ряда терминов. Мезолит понимается авторами в хронологическом (8000—4500—4350 лет до н. э.), экологическом (послеледниковая адаптация к лесу), экономическом (охота, рыболовство, собирательство), культурном (микролитизация и частично стандартизация каменной индустрии) аспектах. Эпипалеолит определяется хронологически (8000—5000—4500 лет до н. э.), экономически (продолжение позднепалеолитической экономики юга Европы), культурно (продолжение культуры позднего палеолита). Термин «паранеолит» употребляется для охотников и рыболовов, использующих керамику. Неолит обязательно связан с производящим хозяйством. «Протонеолит» характеризуется отдельными элементами пастушеского животноводства в преобладающей охотничье-собирательской экономике.

При описании природных условий авторы подчеркивают, что возможна местная доместикация кабана, зубра или тура, овцы. Оценивая продуктивность географической среды регионов к северу и югу от Карпат, они считают, что на севере она была выше, что вызывало меньшую сопротивляемость процессу неолитизации на юге. Неолитизация на севере началась в связи с переселением в начале суббореала населения из Анатолии на Балканы с уже сложившимся производящим хозяйством. В Центральной Европе (за Карпатами) неолитизация прошла тоже с появлением нового населения. Но здесь она начиналась с животноводства, земледелие появилось позднее. Окончание процесса неолитизации на равнинах к северу от Альп и Карпат произошло только в

IV тыс. до н. э. В течение нескольких сот лет население с разными системами хозяйства — присваивающей и производящей — сосуществовало, поддерживая только незначительные контакты.

Две последующие главы, 8-я и 9-я, написаны П. М. Долухановым. Первая из них носит название «Поздний мезолит и переход к производящему хозяйству в Восточной Европе». Во введении автор говорит о трудности получения с помощью археологии данных о переходе от одного исторического явления к другому, так как археологи обычно имеют дело с уже сложившимися явлениями. Построенные исследователями модели часто спекулятивны. Сам П. М. Долуханов, по его словам, придерживается модели экосоциальной системы, т. е. взаимодействия человеческого общества и естественной среды. Далее в статье даются перечисление изменений в среде в позднe- и послеледниковой Восточной Европе, очерк заселения ее в позднем палеолите и мезолите, особенно на юге. Здесь трудно согласиться с положением автора о различии между кукрекской и гребениковской культурами только как функциональными образованиями, а не историко-культурными. Нужно при этом иметь в виду их распространение, находки кукрекских памятников не только в степях, но и в горных районах и в лесостепи. Необходимо отметить, что в степной зоне есть типы мезолитических памятников, отличные от кукрекских, и от гребениковских. П. М. Долуханов рассматривает буго-днестровскую культуру как керамическую мезолитическую, а не неолитическую, отмечает сосуществование групп населения с присваивающим и производящим хозяйством. Конец присваивающей экономики на юге, по его мнению, связан с появлением гумельницкой и трипольской культур, при этом граница между культурами с присваивающим и производящим хозяйством сдвигается на север. Отмечается постепенность перехода к земледелию. Касаясь северо-запада СССР, П. М. Долуханов считает, что земледелие здесь было освоено только в железном веке, в рамках культурной традиции, развивавшейся со времени каменного века. С последним, может быть, трудно согласиться, учитывая определенные интрузии пришлого населения, о которых упоминает и сам П. М. Долуханов. Оценивая переход к земледелию с точки зрения трех фаз, описанных выше, автор говорит, что первая и третья фазы прослеживаются по археологическим материалам Восточной Европы, вторая — очень слабо. Во всех случаях, по его мнению, изменения в системе хозяйства объясняются перенаселением в зоне, близкой к зоне перехода, экологически вызванным экономическим и социальным кризисами. Нам представляется, что эти три причины не всегда приводят к изменениям в способе ведения хозяйства.

Следующая глава, написанная тем же автором, носит название «Собиратели и земледельцы в Средней Азии». Отмечаются сложная экологическая картина региона и вызванная ею экономическая мозаика. Автор указывает, что процесс освоения земледелия в регионе нужно рассматривать на фоне именно этой различной экологии. Он делит регион на две большие экологические зоны — северную и южную, считая при этом, что на севере долгое время значение сохраняет еще мезолитическая стратегия добычи пищи, в то время как на юге земледелие возникает достаточно рано, возможно в середине VII тыс. до н. э. П. М. Долуханов отмечает, что процесс перехода к земледелию в регионе идет сходным с Восточной Европой путем. Прослеживается по археологическим материалам фаза знакомства с производящим хозяйством. Это хорошо видно в северной зоне, куда проникают элементы производящего хозяйства, но присваивающие способы экономики остаются еще очень долго господствующими даже в неолите. Вторая фаза выражается здесь в последовательной интеграции двух систем хозяйства. Фаза полного освоения производящего хозяйства может быть связана только с серединой бронзового века и только в южной зоне. Хотелось бы отметить, что указанные три фазы освоения земледелия не во всех районах проявляются одинаково четко.

Глава 10 написана Г. Н. Матюшиным. Она называется «Мезолит и неолит на Южном Урале и в Средней Азии». Автор дает краткий очерк мезолита, неолита и энеолита указанных областей. В главе говорится о зависимости перехода от присваивающего к производящему хозяйству от прогрессирующей аридности климата, что в свою очередь вызывало необходимость или интенсификации присваивающего хозяйства, или попытки освоения новых видов экономики. В данном случае, считает Г. Н. Матюшин, на указанных территориях произошел переход к пастушескому животноводству. При этом в Средней Азии первым домашним животным была овца, а на Южном Урале и в прилегающих к нему районах — лошадь. Думается, что эта точка зрения имеет право на существование, хотя она и не бесспорна.

В главе 11 «Охотничье-собирательская адаптация и переход к производящему хозяйству в Японии», написанной Г. Аказавой, речь идет в основном о культуре Джомон, которая поначалу имела полностью присваивающее хозяйство, а затем освоила возделывание риса. Хотелось бы отметить здесь важный момент — различия в наборе орудий в зависимости от функции того или

иного поселения одной и той же культуры. Этот факт лишний раз подчеркивает, как важно быть осторожным при определении культурной принадлежности отдельных памятников и выделении новых культурных единиц.

Последняя, 12-я, глава сборника — «Мезолитические общества и переход к земледелию» проблемы времени, масштаба и организации» — написана М. Звелебилом. Подчеркиваются вариабельность и чувствительность социально-экономических систем мезолита, продолжительность процесса перехода к земледелию, его выборочность в зависимости от региона, различие причин этого перехода. Автор говорит о различной степени развития самих мезолитических племен. Интересны заметки о разной форме этого перехода, о роли социального фактора в этом процессе.

Данная глава имеет несомненное теоретическое значение, поэтому ее следует разобрать подробнее. Автор считает, что в мезолите продолжается развитие некоторых изобретений позднего палеолита: лук, использование ресурсов, социальная организация, оседлость (с последним не всегда можно согласиться.— *Л. К.*). Вместе с тем есть и мезолитические инновации: появление новых технических приемов, новых типов орудий, рыболовческих орудий, керамики в некоторых культурах, транспортных средств, новых погребальных обычаев и т. д. Самым главным же, с точки зрения автора, является новый характер взаимоотношений в системе человек — среда и новые элементы социальной организации. Новая экосистема вызвала изменение места человека в ней, ориентируя его на использование более многочисленного ряда ресурсов, чем в позднем палеолите, на интенсификацию этого использования, что приводило к определенным элементам риска и стресса в пищевой стратегии мезолитического человека. М. Звелебил подчеркивает важность этого фактора. Здесь мезолитическое население стояло перед выбором — или двигаться в поисках ресурсов питания на новые земли, или осваивать новые средства их добычи. В начале голоцена возобладал первый путь, хотя и здесь уже появились новые охотничьи и рыболовческие орудия; применялась и стратегия хранения запасов пищи. Очень важна роль стандартизованных микролитов в составных орудиях. Автор отмечает целенаправленность в использовании в мезолитической экономике всех имеющихся в распоряжении отдельных общин пищевых ресурсов, роль в этом тенденции к возрастающей оседлости. Отмечается наличие поселений, предназначенных для выполнения одной специализированной задачи. Автор говорит о возникновении социальной стратификации, что определяется существованием могильников с погребениями, имеющими различный инвентарь. Вместе с тем М. Звелебил отмечает существование в мезолитической экономике определенной нестабильности, вызванной экологическими факторами.

М. Звелебил говорит, что неолитическая система хозяйства на Ближнем Востоке и мезолитическая система в умеренной зоне Европы в начале голоцена развивались параллельно, шли своими путями, имея в виду одну и ту же цель — интенсификацию добычи пищевых ресурсов. Это не значит, что отдельные виды животных не могли быть доместицированы в умеренной зоне. Однако это не привело к повсеместному возникновению скотоводства. В то же время растения, которые потенциально могли быть культивируемыми, в умеренной зоне отсутствовали.

Автор считает, что в литературе рассматриваются два пути перехода к земледелию в умеренной зоне: миграция готового земледельческого населения и ассимиляция им местных охотников-собирателей или освоение этими охотниками-собирателями земледелия в силу знакомства с его технологией. Однако, по его мнению, это в значительной степени равные пути социально-экономического развития. Самое же главное — это региональная вариабельность путей перехода к земледелию. Пути и период этого перехода в разных регионах были, безусловно, различными и зависели от местных условий. Во всяком случае, по мнению М. Звелебила, нельзя объяснять распространение земледелия в Европе только экспансией земледельческих племен Ближнего Востока. Автор считает, что принятие земледелия в Европе происходило скорее в ее материковых районах, чем на побережьях, и что этот процесс обусловлен, с одной стороны, социальной дифференциацией и ростом популяции мезолитического времени, а с другой — специализацией мезолитической экономики и технологическим развитием в мезолите. Мы бы сказали так: мезолитическое население Европы к концу своего развития было и экономически, и социально готово к восприятию земледелия.

Причины перехода к земледелию в каждом районе свои, по мнению М. Звелебила. Среди них могут быть: изменения в окружающей среде, сокращение естественных пищевых ресурсов, взаимодействие охотников-собирателей и земледельцев в пограничной зоне. Однако М. Звелебил подчеркивает, что возможны и другие причины, которые не исследовались в данном томе.

Подводя итог всему сказанному о книге нам хотелось бы отметить важность выхода рецензи-

руемого сборника, важность обращения взоров ряда исследователей к этой животрепещущей проблеме. В самом деле, недаром переход к производящему хозяйству получил в литературе название «неолитической революции». Он действительно был революционным явлением в экономике первобытного общества, что в серьезной степени сказалось на ее стабильности и упорядоченности. Поэтому, как нам кажется, выход любого труда, посвященного этому процессу, следует приветствовать. Данная книга освещает много интересных сторон проблемы, в ней делаются попытки постановки и решения целого ряда сложных теоретических задач.

Вместе с тем, как и всякий серьезный труд, книга не свободна от недостатков. В значительной мере они объясняются самой сложностью и неразработанностью проблемы. Как представляется, всякое сложное историческое явление следует рассматривать в нескольких аспектах: должны быть освещены его причины, форма или характер, хронологические рамки, последствия. В отдельных разделах рецензируемого труда мы не находим освещения этих сторон явления. Далеко не для всех регионов разбираются причины перехода к присваивающему хозяйству, практически ничего не говорится об исторических последствиях этого перехода в том или ином районе умеренной зоны. Не везде идет в полной мере речь и о хронологических рамках этого процесса. Наиболее полно, пожалуй, освещены форма и характер явления.

Выше уже отмечались наши несогласия с построениями ряда авторов относительно социальной организации и образа жизни мезолитического человека. Можно было бы отметить и другие, более мелкие недостатки.

Тем не менее повторим, что выход книги следует приветствовать. Хочется надеяться, что ее авторы будут продолжать разработку данной проблемы, стремясь к максимальной полноте и детализации в освещении сложного исторического явления.

Л. В. Кольцов

Д. А. Хахутайшвили. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси: Мецниереба, 1987 250 с. VI табл.

Рецензируемая книга является итогом длительной работы автора и его коллег по выявлению древнеколхидского центра производства железа. Монография ценна прежде всего тем, что вводит в научный оборот уникальный материал по производству железа в Юго-Западной Грузии доантичного периода. Необходимо подчеркнуть, что это пока единственный исследованный центр такой мощности не только в Закавказье, но и на всем Древнем Востоке; его открытие и изучение имеет большое научное значение.

Исследование Д. А. Хахутайшвили состоит из трех частей: историографической, публикационной и очерка о сырьевой базе и технике производства железа. В главах I—IV представлена подробная публикация всех данных, полученных в процессе раскопок железоправильных мастерских четырех выделенных Д. А. Хахутайшвили производственных очагов древней Колхиды. Публикуемые схемы расположения отдельных групп мастерских внутри каждого производственного очага, планы и разрезы всех исследованных мастерских, керамика составляют тот объективный материал, который, бесспорно, создаст важную источниковедческую базу для исследований в области производства железа в древности.

За четверть века изучения железопроизводства в предгорной полосе древней Колхиды выявлен мощный производственный центр, который насчитывает до 400 объектов, сгруппированных в виде четырех производственных очагов. Каждая железоплавильная мастерская в свою очередь это производственный комплекс, состоящий из железоплавильной печи, стола (наковальни) для обработки крицы и навала производственных отходов.

Чорохский производственный очаг насчитывает более 50 археологических объектов; исследовано 6 мастерских, которые датированы концом II тыс.— VIII/VII вв. до н.э. (с. 56). Основания для даты: керамика (характерные толстостенные колхидские сосуды с широкими каннелюрами, выполненными способом «гранения»), а также радиокарбонные даты с поправками в сторону удревнения по таблице Деймона и его сотрудников и археомагнитные данные.

© И. Н. Медведская, 1990 г.

Чорохский производственный очаг самый южный, поэтому Д. А. Хахутайшвили допускает, что значительная его часть входила «в прославленный письменными источниками халибский очаг» (с. 59). Он также полагает, «что определенная часть нераскопанных объектов Чорохского очага относится к более раннему периоду. Основанием для такой уверенности является тот факт», что более северный производственный очаг (Супса-Губазеульский) включает более древние железоплавильные мастерские (с. 56).

Чолоко-Очхамурский производственный очаг насчитывает более 100 объектов, публикуются материалы 10 мастерских, датируемых концом II тыс.— VIII/VII вв. до н. э. Основания для даты: керамика (с каннелюрами и зооморфными ручками), археомагнитные и радиокарбонные данные. Отметим, что большая часть этих данных определяет дату IX—VIII вв. до н. э. Лишь мастерская Легва I, 2 может быть отнесена к XI—X вв. до н. э. Сопоставление керамики этих мастерских с материалами поселений, возникших на новочерноморской террасе в конце II тыс. до н. э. (с. 58, 98), дают основание автору заключить, что железопроизводящие очаги приморской Колхиды и приморские поселения, устроенные на богатой магнетитовыми песками новочерноморской террасе, составляли единое экономическое целое, единый производительный комплекс (с. 99). Д. А. Хахутайшвили полагает, что возникновение этих поселений было следствием растущего спроса на железо и перехода на его хозяйственное освоение в конце II тыс. до н. э. Вместе с тем вывод о взаимосвязи поселений и железоплавильных мастерских таит в себе скрытые возможности углубления даты возникновения железоделательного производства Колхиды. Во всяком случае, поставленная в скобки начальная дата поселения Намчедури (XV—VI вв. до н. э.) реализуется Д. А. Хахутайшвили при датировке следующего *Супса-Губазеульского производственного очага.* Этот самый мощный железопроизводящий очаг древней Колхиды насчитывает около 200 объектов. Исследовано 19 железоплавильных мастерских, их даты охватывают около 1000 лет. 7 из них датируются началом I тыс. до н. э. на основании описанной выше керамики (Аскана I, III, 1; Мзиани I, III, 1, 2, 3; Мшвидобаури I). Для Мзиани III, 1 имеется также дата по C^{14}, совпадающая с археологической датировкой. Мастерская Нагомари I, 1 датируется X—IX вв. до н. э. только по C^{14}. Две мастерские (Аскана III, 2, 3) — раннеантичного периода. Еще две (Мшвидобаури III и Аскана IV) мастерские имеют, по арехомагнитным данным, две различные даты — IX и XIV—XIII вв. до н. э. Отметим, что в мастерской Аскана IV найдены «свирелеобразные» сопла. Аналогичные им сопла происходят из мастерской Цецхлаури I, датированной по керамике и археомагнитным данным началом I тыс. до н. э. (с. 85). В 1977 г., по археомагнитным данным, Аскана IV датировалась не ранее IX в. до н. э. [1, с. 139]. Существенное расхождение между датировкой по керамике (каннелированная и с зооморфными ручками начала I тыс. до н. э.) и по C^{14} (XV в. до н. э.) фиксируется и для двух других железоплавильных мастерских этого очага — Мшвидобаури IV и Мзиани II. Хахутайшвили предпочитает более ранние даты для обеих мастерских. Между тем в Мшвидобаури IV помимо хорошо датированной керамики имеется фрагмент сопла с рельефным изображением змеи. Аналогичное изображение имеется только в мастерской Аскана III, 1, датированной первой четвертью I тыс. до н. э. на основании характерной колхидской керамики (с. 115). В железоплавильной мастерской Мзиани II три образца показали расхождение крайних дат в 867 лет (628 и 1495 гг. до н. э.). При наличии керамики начала I тыс. и «свирелевидного» сопла предпочтительнее оказывается самая ранняя дата по C^{14}, и мастерская однозначно датируется XV в. до н. э. Еще три мастерские этого очага (Аскана II, 1, 2, Мзиани IV) не имеют археологической даты; физическими методами их дата определена в пределах XV—XIV и XVI—XIII вв. до н. э. И, наконец, две последние мастерские Супса-Губазеульского очага, не имеющие керамического материала, дали столь ранние даты (XIX и XVI вв. для Мшвидобаури II и XVIII в. для Нагомари I, 2), что как будто бы озадачили и самого Д. А. Хахутайшвили (с. 150), хотя и ненадолго (с. 162). Его вывод вполне определенный: уже в первой половине II тыс. до н. э. Колхида занимала особое место в зарождении и развитии ранней металлургии железа (с. 163). Представляется, что этот вывод скорее желательный для автора, чем очевидный для читателя.

В североколхидской группе железоплавильных мастерских *Хоби-Очхомурского производственного очага,* который насчитывает около 50 объектов, раскопано 3 мастерские, датирующиеся в основном по керамике X—IX вв. до н. э. В них зафиксированы отличия: применение гематитовых руд и использование площадки для предварительного обжига руды.

Очевидно, что представленный Д. А. Хахутайшвили материал является, с одной стороны, базой для изучения железоделательного процесса как такового. В этом легко убедиться, прочитав следующую, V главу книги, названную «Сырьевая база и техника производства железа в древней

Колхиде». Просто и интересно написанный очерк дает наглядное представление обо всем процессе производства железа: его начальном этапе — освоении рудной базы, подборе древесного топлива, огнеупорных и тугоплавких глин и собственно технике производства. Автор использует большой сравнительный материал, реконструирует многие важные элементы железоделательного производства и ставит задачи дальнейших исследований в этой области. Этот очерк может служить полезным справочником для интересующихся этой областью человеческой деятельности. С другой стороны, выявленный в Колхиде мощный производственный очаг должен служить важной хронологической базой, на основании которой можно будет решить вопрос о времени зарождения и становления производства железа.

Итак, главный вывод автора: Колхида — одна из первичных областей зарождения и становления производства железа. «Почти полное отсутствие в странах Восточного Закавказья, Ближнего Востока и Эгейского мира ранних материалов, непосредственно относящихся к выплавке железа, свидетельствует о том, что племена Восточного и Юго-Восточного Причерноморья являлись основным производителем железа для названных стран. Современная археологическая ситуация в этих регионах дает основание сделать лишь такое заключение» (с. 218).

Прежде всего об археологической ситуации в самом производственном очаге Колхиды. Читателю нетрудно убедиться в том, что археологические материалы железоплавильных мастерских не дают даты ранее самого конца II тыс. до н. э., их основной объем приходится на IX—VIII/VII вв. до н. э. В уже упомянутой работе 1977 г. автором была выделена и датирована керамика, чаще всего находимая в мастерских, ставшая их хронологическим индикатором: толстостенная лощеная керамика с широкими «граненными» каннелюрами и сосуды с зооморфными ручками (или с катушковидными налепами на них). Она найдена и на поселениях и датируется временем не ранее XI в. до н. э. Никакой другой керамики с датирующими признаками более ранней поры в мастерских не обнаружено. Археологическая дата железоплавильных мастерских ретроспективно удревняется за счет поселений, хотя прямо об этом и не говорится. Поскольку поселения и мастерские — это единый производственный комплекс, то подразумевается, что возникновение поселений было обусловлено уже существовавшим производством железа и процессом увеличения масштаба его производства. И если поселение Намчедури возникло в XV в. до н. э., следовательно, этот процесс начался раньше. Такой подход представляется спорным, но автор полагает, что он подкреплен данными радиокарбонного анализа. Отметим, что в прежних публикациях автора даты C^{14} не использовались и преобладали археологические методы датирования. Показательна эволюция датировки железоплавильных мастерских и раннего этапа хозяйственного освоения железа в работах Д. А. Хахутайшвили. В 1973 г.— X—VI вв. до н. э. В 1977 г. мастерские датировались временем не ранее XI в. до н. э., хозяйственное освоение — с XII в. до н. э. В 1982 г. самая ранняя мастерская датировалась XIV в. до н. э., ранний этап технического и хозяйственного освоения железа — XV—VII вв. до н. э. [1, с. 139; 2, с. 176; 3, с. 30; 4, с. 88, 89]. В рецензируемой работе самые ранние мастерские датированы XIX—XVIII вв. до н. э. Как уже было отмечено, в ряде случаев археологические даты теперь находятся в противоречии с датами, установленными физическими методами, и это противоречие автор никак не комментирует. Должна ли керамика теперь удревняться до середины II тыс. до н. э.? Что касается археомагнитных дат: если в 1977 г. мастерские Аскана II, 1, 2 датировались XI—X вв. до н. э., а Аскана IV—IX в. до н. э., то теперь, «по новым расчетам археомагнитных данных, проведенным З. А. Челидзе...», все они датируются XIV—XIII вв. до н. э. (с. 109, 110, 122). Невольно возникает вопрос: чем вызваны эти новые расчеты и можно ли в таком случае считать их надежными?

Что касается «современной археологической ситуации» на Ближнем Востоке и в Эгейском мире, то и она не очень согласуется с выводами Д. А. Хахутайшвили. Для того чтобы попытаться разобраться в возникшей в связи с его исследованием проблеме, необходимо обратиться к предпосланному автором «Введению в изучение истории производства древнего железа». Главным недостатком разбираемых автором построений других исследователей является, с его точки зрения, отсутствие данных о самом производстве железа. Эти авторы, по его мнению, ограничиваются рассмотрением в разных аспектах появления собственно железных изделий. Складывается впечатление, что эти работы рассматриваются Д. А. Хахутайшвили только для того, чтобы упрекнуть их авторов в том, что они не знают «конкретных данных о процессах выплавки железа», не знают закавказских, а именно колхидских материалов (с. 27 и др.). По-видимому, этот упрек не совсем справедлив, коль он звучит в предисловии к работе, где эти материалы в систематизированном виде только публикуются. Вместе с тем сам Д. А. Хахутайшвили, анализируя работы своих многочисленных предшест-

венников, не извлекает из этих работ той положительной информации, которую они содержат и которая, как кажется, должна была в той или иной степени анализироваться автором в связи с его собственными выводами, и в первую очередь — по вопросам хронологии. Именно эта информация и составляет ту археологическую ситуацию, которая не согласуется с генеральными выводами Д. А. Хахутайшвили. Под археологической ситуацией, по-видимому, следует понимать не наличие данных о выплавке железа, а нечто большее, о чем речь ниже.

Прежде всего следует отметить, что Д. А. Хахутайшвили не использует понятие «железный век». И это, по-видимому, не случайно. Как понимать его вывод: «производство железа в древней Колхиде возникло на местной основе, и оно диктовалось местной хозяйственной необходимостью... быстрый рост железопроизводства в Колхиде был обусловлен как нарастающей потребностью местного хозяйства в железе, так и ростом спроса на металл на внешнем рынке» (с. 219)? Сказанное позволяет заключить, что возникновение производства железа диктовалось хозяйственной необходимостью. Следовательно, она первична. Но могла ли такая необходимость существовать уже в начале II тыс. до н. э. и вызвать к жизни формирование того промышленного металлургического комплекса, каким по существу является колхидский комплекс? Собственно железному веку предшествовал период накопления навыков специального целенаправленного производства железа. Первые изделия были изготовлены из метеоритного железа или полученного в качестве побочного продукта при производстве других металлов. В эпоху бронзы были постепенно накоплены определенные навыки целенаправленного производства и обработки железа, но железный век не наступал до тех пор, пока в нем не появилась «хозяйственная необходимость». Очевидно, что не она изначально была стимулом для роста этих знаний, не она способствовала нарастанию тенденции смены индустрий. И не произойди в конце II тыс. мирового по тем масштабам катаклизма, вызванного движением «народов моря», начало железного века могло бы отодвинуться еще дальше. Переход к нему был в значительной мере вынужденным событием, произошедшим в условиях регресса. Теория Э. Сноудграса в настоящее время наиболее убедительно вскрывает внутреннюю взаимосвязь всех этих событий на переломе двух эпох — в конце II тыс. до н. э. Железо сменило бронзу не потому, что оно было лучше, а потому, что в результате «движения народов моря» были разрушены все торгово-экономические связи, в результате чего, в частности, создался дефицит бронзы. Пришлось поневоле обратиться к железу, производство которого вначале было и сложнее, и дороже, но этот переход уже диктовался хозяйственной необходимостью. Но даже в этих условиях, казалось бы, стимулировавших развитие железоделательного производства, железный век наступил не сразу. Лишь в первые века I тыс. до н. э. железным становится сначала оружие, затем орудия труда. Разбирая частные вопросы теории Сноудграса, эту его генеральную идею Д. А. Хахутайшвили обходит молчанием (с. 26—28).

Попытки удревнения железного века происходят, судя по всему, на основании тех материалов, которые являются результатом скрытого в недрах бронзового века процесса накопления навыков производства железа. Определить продолжительность этого процесса сложно. По-видимому, его надо ориентировать на находки самих железных изделий. По мнению Р. Форбса, железные изделия не сразу становятся объектом торговли, и ареал наиболее ранних вещей совпадает с местами их изготовления. В ранний бронзовый век их находки ограничиваются Египтом, Анатолией и Месопотамией. В эпоху средней бронзы к ним добавились Крит и Кипр. В период поздней бронзы к ним добавились Палестина, Сирия, Греция [5, с. 18—21; 6, с. 17—23].

Отсутствие ранних железных изделий в Закавказье вообще, и в Колхиде в частности, вынуждает Д. А. Хахутайшвили подчеркивать, что производители железа — не обязательно его потребители (с. 22, 56) [1] Предположим, что это так. Колхидское железо, полученное в железоплавильных мастерских Супса-Губазеульского производственного очага, действовавших в XIX—XVIII вв. до н. э., экспортировалось за его пределы. Но куда? Если в период ранней бронзы Анатолия и Египет обходились без продукции колхидских металлургов (радиоуглеродный метод пока не предложил для колхидских мастерских даты III тыс. до н. э.), то почему в период средней бронзы у них могла возникнуть необходимость в них? Д. А. Хахутайшвили предполагал, что колхидское железо экспортировалось в Ассирию и Урарту [3, с. 29] [2]. Но почему в XIII в. до н. э. ассириец просит хетта

---

[1] Но в цитированном выше отрывке «производство железа... диктовалось местной... необходимостью... потребностью местного хозяйства...» (с. 219)

[2] Это предположение было сделано в 1977 г., когда хозяйственное освоение железа относилось им ко времени не ранее XII в. до н. э. Аморфность хронологических рамок, в которые автор заключает свои выводы, позволяет ему при общем удревнении железоделательного производства переносить и этот вывод об экспорте железа в ранний период.

прислать ему железные вещи? В очень важной работе Р. Плейнера и Ю. К. Бьёркман на ассирийских материалах показано, что в письменных источниках начиная с XIII—XII вв. до н. э. железо упоминается только в связи с царским двором (символические закладные таблички, церемониальное оружие и придворные кузнецы). Оружие, саперный инструмент, дань железом упоминаются начиная с IX до н. э. Реальные находки железного оружия известны только с середины VIII в. до н. э. [7, рис. 15]. Этот разрыв можно объяснить тем, что в IX в. до н. э. железное оружие представляет ценность, ведется его учет. Лишь в VIII в. до н. э. происходит «насыщение» железным оружием: оно кладется в погребения, а также попадает в соответствующие слои поселений и фиксируется археологически. В XII/XI — X вв. до н. э. находки железа ограничиваются только ювелирными изделиями. Такая же последовательность наблюдается и в Иране. Г. Е. Арешян отмечал, что в хеттский период железо, его свойства определяют нерушимость, твердость царского слова. Как кажется, эти эпитеты — результат не столько знакомства с конкретными железными вещами, сколько результат славы об этом металле. В IX в. до н. э. под влиянием развитой индустрии железа в мышлении древних метафизируются не свойства железа как металла, а типы вещей: у Ашшур-нацир-апала «вершина горы вздымалась, как острие железного кинжала» [5, с. 14, 16]. До XIV—XIII вв. до н. э. с железом была знакома лишь исключительно малая, элитарная часть общества Древнего Востока. И не эту элиту обслуживал тот промышленный очаг, который выявили Д. А. Хахутайшвили и его коллеги в Колхиде.

Он был вызван к жизни другой жизненно важной «хозяйственной необходимостью», возникшей на Древнем Востоке в результате тех потрясений, что были вызваны движением «народов моря». Это произошло тогда, когда процветающие центры Восточного Средиземноморья один за другим пали, прервались дипломатические и сократились торговые отношения, когда наступил период возрастающей изоляции, провинциальности, бедности [6, с. 67] На этих руинах бронзового века возникли со временем культуры эпохи железа. Именно «археологическая ситуация», как на всем Древнем Востоке, так и в самой Колхиде (отсутствие ранних железных изделий, археологически датируемая керамика из железоплавильных мастерских), определяет, что колхидский железоделательный комплекс сложился не ранее XII вв. до н. э. долго процветал и имел громкую славу, которая, в частности, привлекла сюда греков. Что касается мастерских Мшвидобаури II и Нагомари I, 2, то их даты, очевидно, следует рассматривать как недоразумение. Они лишний раз свидетельствуют о том, что единичные радикарбонные датировки для исторического периода не могут быть надежным основанием; археологические методы предоставляют более точные даты [8, с. 282] Уже неоднократно отмечались расхождения между калиброванными радиоуглеродными датами и египетскими абсолютными датами, вычисленными на основе астрономических и исторических данных для II тыс. до н. э. [9, с. 54, 55]. Археологические объекты требуют в первую очередь археологического изучения и осмысления их в историко-археологическом контексте.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть незаурядность вводимого в научный оборот материала, пристальный интерес к которому будет порождать новые вопросы и требовать на них ответа. Изложенные хронологические комментарии не влияют на положительную оценку книги, и, надо думать, они предвосхищают будущие исследования Д. А. Хахутайшвили в этом направлении.

И. Н. Медведская

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хахутайшвили Д. А.* К хронологии колхидско-халибского центра древнежелезной металлургии // Вопросы древней истории. Кавказско-Ближневосточный сборник. V Тбилиси, 1977
2. *Хахутайшвили Д. А.* К истории древнеколхидской металлургии железа // Вопросы древней истории. Кавказско-Ближневосточный сборник. IV Тбилиси, 1973.
3. *Хахутайшвили Д. А.* Новооткрытые памятники древнеколхидской металлургии // КСИА. 1977 Вып. 151.
4. *Хахутайшвили Д. А.* Возникновение и развитие производства железа в древней Колхиде // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпоз., посвященного 60-летию образования СССР. Ереван, 1982.
5. *Арешян Г. Е.* Железо в древней Западной Азии: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1975.
6. *Waldbaum J. C.* From Bronze to Iron // Studies in Mediterranean Arhaeology. LIV Göteborg, 1978.
7. *Pleiner R., Bjorkman J. K.* The Assyrian Iron Age: the history of iron in the assyrian civilization // Proc. Amer. Philosoph. Society. V 118. № 3. Philadelphia, 1974.
8. *Андреева М. В.* Рец. на кн.: *Кавтарадзе Г. А.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983 // СА. 1986. № 4.
9. *Hankey V.* The Chronology of the Aegean Late Bronze Age // High, Middle or Low? Acts of an International Colloquium on Absolute Chronology Held at the University of Gothenburg 20th — 22nd August 1987/Ed. Åström P. Gothenburg, 1987.

Хроника

XV КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (МАХАЧКАЛА, 1988)

19—22 апреля 1988 г. в г. Махачкале в Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР состоялась конференция по археологии Северного Кавказа. В 15-й раз собрались археологи-кавказоведы, чтобы почтить память замечательного исследователя древностей Северного Кавказа, лауреата Ленинской премии Е. И. Крупнова. Конференция была весьма представительной: в ней приняли участие около 50 специалистов, представляющих научно-исследовательские учреждения, вузы и музеи Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Сухуми, Ростова-на-Дону, Краснодара, Новороссийска, Донецка, Элисты, Орджоникидзе, Нальчика, Черкесска, Грозного, Махачкалы.

На заседаниях было заслушано и обсуждено 40 докладов и сообщений, освещающих широкий спектр проблем древней и средневековой археологии и истории Северного Кавказа. Центральной темой конференции была проблема древних и средневековых кочевников.

Конференцию открыл директор Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, чл.-кор. АН СССР Г. Г. Гамзатов. Он кратко охарактеризовал достижения археологии Дагестана за период, прошедший после V Крупновских чтений, состоявшихся в г. Махачкале в 1975 г., приветствовал участников и пожелал им плодотворной работы. В ответном слове председатель оргкомитета Крупновских чтений В. А. Кузнецов поблагодарил дирекцию Института ИЯЛ за предоставленную возможность провести Крупновские чтения вне графика в г. Махачкале. Он особо подчеркнул, что именно на V конференции в г. Махачкале окончательно были сформулированы организационные принципы Крупновских чтений.

В первый день работы конференции было заслушано 12 докладов, большая часть которых была посвящена основной теме конференции — проблеме древних и средневековых кочевников:

М. П. Абрамова (Москва) выступила с докладом «Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным», в котором сделана попытка обрисовать этнокультурную ситуацию в Предкавказье в скифо-сарматское время и ее изменение по мере расселения скифов, савроматов, различных групп сармато-аланского населения. Большое внимание в докладе было уделено определению этнической принадлежности некоторых погребальных памятников, установлению этнических и культурных связей местного населения с кочевым миром.

Специфике взаимоотношений степных и горных народов Центрального Предкавказья в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э. посвятила свой доклад В. Б. Ковалевская (Москва). Автор выявляет закономерности взаимодействия культурных традиций и инноваций на протяжении двух тысячелетий в процессе взаимодействия степных кочевников с местным кавказским населением в скифо-сарматское время и в раннем средневековье и ставит вопрос о правомерности выделения Центрального Предкавказья в особую историко-культурную область со стабильными границами и определенным этникосом.

В совместном докладе А. А. Кудрявцева и М. С. Гаджиева (Махачкала) были рассмотрены различные аспекты проблемы контактов и взаимовлияний дагестанских и сармато-аланских племен; в нем был поднят вопрос о северной границе Кавказской Албании, которая по данным археологии и письменных источников представляется относительно обширной контактно-пограничной зоной, включавшей территорию между современными городами Махачкалой и Избербашем.

В выступлении М. Г. Магомедова (Махачкала) на основе исследования Андрейаульских могильников II—IV вв. с привлечением сообщений древних авторов предпринята попытка обоснования раннего (первые века нашей эры) проникновения тюркоязычных берсил на территорию Северо-Западного Прикаспия, создавших здесь государственное образование Берсилия.

В выступлении С. М. Васютина (Элиста) была предложена периодизация этнической истории средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия (конец IV — середина XV в.), каждый период которой связан с определенной волной кочевников: гуннский (IV—V вв.), послегуннский (вторая половина V — первая половина VIII в.), хазарский (вторая половина VIII — первая половина X в.), огузский (вторая половина X—XI в.), половецкий (конец XI — первая треть XIII в.), золотоордынский (вторая треть XIII — середина XV в.).

В докладе М. Х. Багаева (Грозный), посвященном правайнахам и их связям с кочевниками Северного Кавказа, был показан синкретический характер культуры восточной части Северного Кавказа III тыс. до н. э.— I тыс. н. э., обусловленный географическим положением региона на стыке расселения оседлых и кочевых племен.

© М. Г. Гаджиев, М. С. Гаджиев, 1990 г.

Доклад Л. Б. Гмыри (Махачкала) был посвящен анализу особенностей погребального обряда Северо-Восточного Кавказа IV—VII вв н. э., связи разнообразных погребальных памятников и обрядов с определенными этническими группами региона, исследованию процессов этнополитической и этнокультурной интеграции местного и пришлого населения. Докладчик выделяет в Дагестане две группы погребальных памятников, одна из которых (с каменными конструкциями) связывается с местным населением, а другая (с грунтовыми погребальными сооружениями) — с пришлыми кочевыми народами, включавшими маскутов, гунно-булгар, савир.

Об обследовании курганов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье сообщил в своем докладе И. Н. Анфимов (Краснодар), который выделил в семи раскопанных курганах 36 погребений в ямах, перекрытых накатом из бревен, инвентарь которых характерен для новотитаровской культуры Приазовья второй половины III тыс. до н. э., бытовавшей до распространения здесь катакомбной культуры.

С докладом «К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска» выступил А. В. Дмитриев (Новороссийск), который поставил под сомнение принадлежность рассматриваемых погребений адыгским племенам и высказал мысль о возможной их связи с группами кочевников, входивших в половецкий племенной союз.

В выступлении Е. А. Саликова (Элиста) среди погребений предкавказской катакомбной культуры в калмыцкой степи была выделена группа захоронений, характерной особенностью которых является отчленение конечностей: левого предплечья и кисти, а также стопы.

Доклад В. Я. Кияшко был посвящен характеристике двух групп погребений энеолитического времени на Дону: майкопской и группы «Радутка», отличающихся друг от друга по обряду захоронения и характеру инвентаря.

Р. Г Магомедов и Г Д. Хангишиев (Махачкала) доложили результаты раскопок в 1986—1987 гг. Ирганайского поселения и могильника эпохи средней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в горном Дагестане. В докладе особо было отмечено значение открытия здесь курганного обряда и находок керамики с шнуровой орнаментацией, свидетельствующих о проникновении глубоко в горные районы Дагестана элементов степных культур.

По докладам первого дня конференции выступили С. М. Васюткин, М. Г Гаджиев, Н. В. Анфимов, Ю. Н. Воронов, В. Я. Кияшко, М. Х. Багаев, М. Г Крамаровский, В. Б. Ковалевская, О. М. Давудов.

В. Б. Ковалевская выделила доклад М. П. Абрамовой как весьма важный для решения проблем этнокультурного развития Северного Кавказа в сарматское время. О. М. Давудов отметил, что положения доклада М. П. Абрамовой могут быть использованы для изучения не только кочевников, но и местных племен. В своем выступлении Н. В. Анфимов также высоко отозвался о докладе М. П. Абрамовой как наиболее соответствующем тематике XV Крупновских чтений. Поддержав основные положения доклада, он отметил дискуссионный характер вопроса об этнической принадлежности катакомб. Касаясь доклада А. В. Дмитриева, Н. В. Анфимов указал на необходимость более обоснованного исследования взаимоотношения оседлого населения и кочевников, что было поддержано Ю. Н. Вороновым и М. Г Крамаровским. Ю. Н. Воронов, а затем О. М. Давудов особо отметили доклад В. Б. Ковалевской как образец методологического подхода к исследованию массового археологического материала. Выступая по докладу В. Я. Кияшко, М. Г Гаджиев остановился на значении приведенных в нем материалов для синхронизации палеометаллических культур Кавказа (майкопской и куро-аракской) и степей Юго-Восточной Европы.

Второй день работы конференции был посвящен проблемам археологии Северного Кавказа бронзового и раннежелезного веков. Было заслушано 13 докладов.

С большим интересом был заслушан доклад В. И. Марковина (Москва) «Некоторые вопросы осмысления древностей майкопской культуры». Докладчик обстоятельно осветил современное состояние изучения майкопской культуры, подверг аргументированной критике различные точки зрения исследователей (В. А. Сафронов, Н. А. Николаева, А. Д. Резепкин, И. М. Мизиев и др., касающиеся вопросов ее периодизации, происхождения и этнической принадлежности.

В докладе М. Г Гаджиева (Махачкала) показано поступательное развитие раннеземледельческой культуры Северо-Восточного Кавказа в неолите, энеолите и в эпоху ранней бронзы (конец VII—III тыс. до н. э.). В конце III тыс. до н. э. в развитии этой культуры происходят нарушения, заметны признаки застоя и даже упадка. По мнению докладчика, отмечаемые регрессивные явления характерны для развития культур северной окраины раннеземледельческой ойкумены (Северный Кавказ, Балканы и Северное Причерноморье).

Совместный доклад А. А. Кудрявцева и М. С. Гаджиева (Махачкала) был посвящен исследованию поселения раннебронзовой эпохи на дербентском холме, где выявлены круглоплановые полуземлянки, производственный и керамический инвентарь, характерный для куро-аракской культуры. Особый интерес представляют находки терракотовых женских статуэток, обычных для ранних земледельческих культур.

В докладе О. Р. Дубовской (Донецк) в связи с интерпретацией клада из с. Преображенное на Ворошиловградщине, содержащего предметы конской сбруи типа Новочеркасского клада, проведено картографирование находок черногоровского и новочеркасского типов. Это позволило автору усомниться в правомерности тезиса о степном происхождении узды типа Новочеркасского клада, существовании за ней степного этноса и интерпретировать их как импортные изделия с территории западного варианта кобанской культуры.

Б. Х. Атабиев (Москва) выступил с обзором новых материалов по эпохе поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа (IX—VI вв. до н. э.), выявленных в результате охранных работ, проведенных в 1987 г. экспедицией Кабардино-Балкарского НИИ на Каменномостском и Верхне-Акбашском могильниках.

Доклад А. Л. Нечитайло (Киев) был посвящен анализу разнообразных материалов из Усть-Джегутинского поселения, имеющих важное значение как для раскрытия синкретичности майкопской культуры, так и для характеристики хозяйственно-бытового уклада его обитателей.

Большой интерес вызвал доклад И. М. Чеченова (Нальчик) «К историографии этнической истории Северного Кавказа», в определенной степени перекликавшийся с докладом В. И. Марковина. Докладчик остановился на рассмотрении ряда слабо аргументированных, ошибочных, порой явно тенденциозных концепций по данной проблеме, появившихся в последнее время. К их числу он отнес: версию об арамейской принадлежности носителей майкопской культуры, о связи северокавказской культуры с культурой шаровидных амфор Северной и Центральной Европы (В. А. Сафронов, Н. А. Николаев); об этногенетической связи осетин с племенами предкавказской катакомбной культуры (В. А. Сафронов, М. М. Блиев, Ю. С. Гаглоев); об этническом тождестве адыгских племен с антами (А. Ж. Кафоев) и др. Докладчик выразил сожаление, что подобные концепции зачастую получают широкое распространение в местных средствах массовой информации, вводя в заблуждение широкий круг людей, не ориентирующихся самостоятельно в сложнейших вопросах древней и средневековой истории края.

Вопросу происхождения так называемых зооморфных браслетов восточного варианта кобанской культуры был посвящен доклад В. И. Козенковой (Москва). В нем с привлечением широкого круга новых материалов обосновывается высказанная ранее автором точка зрения о среднеевропейских (трансильванских) прототипах указанных браслетов. Докладчик наметил этапы их эволюции с XIII—XII вв. до первой половины VIII в. до н. э.

В совместном докладе О. Х. Бгажбы (Сухуми) и Н. Н. Тереховой (Москва) на основе металлографических анализов была дана характеристика кузнечной продукции колхидских и кобанских мастеров. Проведенные исследования показали большую близость металлов двух культур, что, по мнению докладчиков, свидетельствует не только о тесных контактах их носителей, но и указывают на пути распространения искусства обработки металлов в пределах единой металлургической провинции.

В докладе В. Б. Ковалевской (Москва) и Л. Н. Панцхава (Тбилиси) сделана попытка выявить общее и локальные различия в домостроительстве предгорных, горных и равнинных районов Кавказа у носителей кобанской и колхидской культур, обусловленные экологическими условиями, уровнем социального развития и культурными традициями.

С сообщением об исследовании жертвенника кобанского могильника Гастон Уота IV—III в. до н. э. в Дигорском ущелье Северной Осетии выступил А. П. Мошинский (Москва).

В докладе Н. В. Анфимова (Краснодар) был дан обзор новых памятников протомеотской культуры в Закубанье, имеющих большое значение как для изучения истории сложения меотской культуры, так и культур степной полосы Северного Причерноморья и Прикубанья.

Выступление О. М. Давудова (Махачкала) было посвящено интерпретации четырех женских статуэток с ритонами в руках из Дагестана, рассматриваемых докладчиком как изображения скифской богини.

Во второй день работы конференции развернулась весьма острая дискуссия, главным образом по вопросу происхождения палеометаллических культур Северного Кавказа, а также этнической принадлежности их носителей. В ней приняли участие В. Б. Ковалевская, М. Х. Багаев, В. Я. Кияшко, О. М. Давудов, М. Г. Гаджиев, Н. В. Анфимов, В. А. Кузнецов, Ю. Н. Воронов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, А. Л. Нечитайло. В центре внимания выступавших находилась проблема майкопской культуры, которой был посвящен доклад В. И. Марковина и отчасти И. М. Чеченова. В. Б. Ковалевская указала на возросший интерес к проблемам раннебронзовых культур Кавказа, в частности майкопской. Она отметила, что в докладе В. И. Марковина на примере критики версии В. А. Сафронова ясно показана необходимость предельной осторожности при проведении этногенетических реконструкций. Резко отрицательное отношение к появившимся в последнее время различным миграционным теориям по вопросу происхождения народов Северного Кавказа выразил М. Х. Багаев. В. Я. Кияшко, пожелав В. И. Марковину скорейшего издания доклада, отметил, что в истории Северного Кавказа наряду с автохтонными процессами имели место и миграции, в частности «майкопцев», «катакомбников», проникновение идей, всевозможные диффузии. В. Я. Кияшко высказался за развертывание дискуссий, борьбу различных мнений по актуальным проблемам первобытной археологии Северного Кавказа, в особенности по проблеме майкопской культуры. В дебатах М. Г Гаджиев отметил, что современный уровень изученности майкопской культуры не позволяет еще удовлетворительно решать такие чрезвычайно сложные вопросы, как происхождение культуры, особенно этнической принадлежности ее носителей. Необходимо прежде разработать чисто археологические, культурологические аспекты майкопской культуры, вопросы ее периодизации и хронологии, культурной атрибуции и другие с широким привлечением данных археологии Закавказья и Юго-Восточной Европы. М. Г Гаджиев внес предложение посвятить одно из Крупновских чтений специально проблеме майкопской культуры. Положения докладов В. И. Марковина и И. М. Чеченова поддержали в своих выступлениях также О. М. Давудов, Н. В. Анфимов, В. А. Кузнецов.

Выступая по докладу М. Г Гаджиева, В. Б. Ковалевская выделила горный Дагестан как весьма интересный регион для реконструкции процессов и выявления закономерностей культурно-исторического и этнического развития на Северном Кавказе. Она отметила, что в свете современных данных нарушение культурной преемственности, регрессивные явления представляются как особенность развития древних культур и призвала исследователей к поискам их глубинных причин.

В выступлениях В. И. Марковина и А. Л. Нечитайло отмечалось важное значение открытия в Дербенте слоев, относящихся к эпохе ранней бронзы. Хорошее впечатление произвели выступления дебютантов Крупновских чтений О. Р. Дубовской, Б. Х. Атабиева, А. П. Мошинского. Были отмечены

новизна материалов и положений доклада О. Р. Дубовской (В. А. Кузнецов), важное значение картографирования находок черногоровского и новочеркасского типов (Ю. Н. Воронов), уникальность находок из жертвенника, представленных в докладе А. П. Мошинского (В. И. Кузнецов). Выступившие по докладу В. И. Козенковой О. М. Давудов и Ю. Н. Воронов подчеркнули, что ею на протяжении уже многих лет плодотворно разрабатывается тема кавказско-европейских связей в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Отметив новизну положений доклада, они высказали некоторые сомнения в существовании генетической связи между зооморфными браслетами Северного Кавказа и Трансильвании. Касаясь доклада О. М. Давудова, Н. В. Анфимов возразил против скифской принадлежности изображений божеств с ритонами в руках, подчеркнув, что это меотские божества. В. А. Кузнецов и Ю. Н. Воронов отметили актуальность совместного доклада В. Б. Ковалевской и Л. Н. Панцхава, высказали пожелание шире привлекать данные этнографии (В. А. Кузнецов), уделить больше внимания вопросу влияния природной среды на архитектуру поселений и жилищ (Ю. Н. Воронов).

Третий, заключительный день работы конференции был посвящен в основном средневековой тематике. Всего было заслушано 15 докладов.

Изучению большой коллекции бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (начало I в.— первая половина III в. н. э.) был посвящен доклад В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону). Проведенные типологический и спектральный анализы зеркал дали возможность докладчику вновь высказать мысль об их кавказском происхождении и экспорте кавказских зеркал в Нижнее Подонье.

Локализации одного из крупнейших средневековых центров Зихии — Никопсии уделил внимание в своем выступлении Ю. Н. Воронов (Сухуми) По мнению докладчика, она располагалась между современной Гагрой и Адлером (в районе современной Гантиади), а крепость Сотириуполь — в районе Трапезунта.

Вопросам типологии, датировки вооружения племен аланской культуры Северного Кавказа, военной организации аланского общества посвятил свой доклад В. Н. Каминский (Краснодар).

В выступлении А. А. Иерусалимской (Ленинград), основанном на материалах северокавказских могильников, и прежде всего Мощевой Балки, была дана реконструкция раннесредневекового костюма, показаны его место и роль в системе других археологических источников.

С информацией об исследовании могильника и поселения VIII—X вв. в районе аула Казазово (Адыгейская АО) выступил В. А. Тарабанов (Краснодар).

Раскопкам средневекового могильника Черноклен (Краснодарский край) был посвящен доклад А. В. Пьянкова (Краснодар).

В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) выступил с докладом о новейших исследованиях Зеленчукской надписи, проведенных проф. Вл. Згустой (Иллинойский университет, США). По мнению докладчика, новое убедительное чтение и историческая интерпретация надписи полностью согласуются с этнокультурной ситуацией в регионе и положили конец долгой дискуссии и спекуляциям вокруг этого уникального памятника.

Изучению образа дракона в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана, раскрытию его генетических корней, семантики был посвящен доклад М. М. Маммаева (Махачкала).

Об исследованиях подземных склепов XII—XIV вв. в Арагвском ущелье (Восточная Грузия) сообщил В. А. Джорбенадзе (Тбилиси).

Итогам раскопок пригорода средневекового городища Жинвали (Восточная Грузия) было посвящено выступление Г. М. Рчеушвили (Тбилиси).

На основе изучения находок итальянского стекла в Белореченском (Адыгейская АО) и Махческом (Северо-Осетинская АССР) могильниках XIV—XV вв., а также случайных находок с привлечением письменных данных М. Г. Крамаровский (Ленинград) в своем докладе осветил новые страницы связей Северного Кавказа с Западной Европой в средневековый период, показал формирование нового торгового пути «Венето, Лигурия — Крым — Северный Кавказ».

Исследованию позднесредневековых башнеобразных склепов селения Эгикал (Чечено-Ингушская АССР) посвятила свое выступление Л. А. Перфильева (Москва).

М. Б. Мужухоев (Грозный) в докладе «Средневековые культовые памятники Столовой горы горной Ингушетии» рассказал об исследованиях склепообразных святилищ X—XII вв. Мятцил, Мятер-Диела, Сусон-Диела, показал их связь с культом солнца.

О первых результатах раскопок раннесредневекового Зилгинского городища доложила И. А. Аржанцева (Москва).

С докладом «К вопросу этнической дифференциации погребений золотоордынской эпохи» выступил Д. А. Шарманджиев (Элиста), который на основе типологического анализа, данных антропологии и этнографии сделал попытку выделить среди позднекочевнических погребений монгольские.

В обсуждении докладов третьего дня конференции приняли участие Ю. Н. Воронов, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, Л. А. Перфильева, В. А. Джорбенадзе, А. В. Дмитриев, В. И. Марковин, А. А. Кудрявцев, И. М. Чеченов.

Ю. Н. Воронов и В. Б. Ковалевская отметили актуальность проведенного В. М. Косяненко исследования зеркал из Кобякова городища. О важности локализации Никопсии, предложенной Ю. Н. Вороновым, для освещения этнической истории Северо-Восточного Причерноморья говорилось в выступлениях В. А. Кузнецова, Л. А. Перфильевой, В. А. Джорбенадзе. Выступившие в прениях по докладу В. Н. Каминского В. Б. Ковалевская, Ю. Н. Воронов, А. В. Дмитриев отметили некоторые спорные моменты в датировке и этнической принадлежности некоторых типов предметов вооружения. В. И. Марковин и Ю. Н. Воронов, выступившие по докладу А. А. Иерусалимской, указали

на необходимость дальнейшей разработки весьма перспективной темы — реконструкции средневекового костюма, его этнической показательности. В. А. Кузнецов, А. А. Кудрявцев, И. М. Чеченов, Ю. Н. Воронов отметили новизну материалов, важность и малоисследовательность темы доклада М. Г Крамаровского, а также указали на иные аспекты изучения торгово-экономических и культурных связей народов Северного Кавказа с Западной Европой (миссионерская деятельность ордена кармелитов, генуэзская торговля на Каспии). Касаясь доклада И. А. Аржанцевой, В. Б. Ковалевская, И. М. Чеченов отметили важное значение материалов раскопок Зилгинского городища для решения ряда вопросов раннесредневековой истории Северного Кавказа, указали на спорность предложенных докладчиком датировок выявленных на городище строительных периодов, необходимость тщательного исследования исторической топографии памятника.

В принятой участниками конференции резолюции была выражена искренняя благодарность дирекции Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, сотрудникам отдела археологии за хорошую организацию работы конференции, а также удовлетворение высоким уровнем археологической науки в Дагестанской АССР. В резолюции была отмечена назревшая необходимость организации музея археологии Дагестана, основой которого могли бы послужить богатые коллекции, хранящиеся в археологических фондах Института ИЯЛ. Участники конференции обратились также к дирекции Института ИЯЛ с просьбой о скорейшем издании археологической карты Дагестана, подготовленной сотрудниками отдела археологии института О. М. Давудовым и А. И. Абакаровым.

Участники XV Крупновских чтений приветствовали инициативу возрождения группы Кавказа в структуре Института археологии АН СССР и призвали археологов Северного Кавказа принять активное участие в работе этой группы.

На XV Крупновских чтениях было принято решение обратиться к Ставропольскому крайкому КПСС, Ставропольскому крайисполкому, ректорату Ставропольского госпединститута и руководству краевого музея им. Г. Праве с просьбой о проведении XVI «Чтений» в г. Ставрополе в апреле 1990 г. В качестве основной обсуждаемой темы XVI Крупновских чтений была утверждена проблема историографии древних и средневековых культур Северного Кавказа и ее наиболее актуальных и дискуссионных аспектов.

В период работы конференции для ее участников были организованы просмотры научно-популярных фильмов, посвященных археологии, памятникам истории, традиционной материальной культуре народов Дагестана, созданных кинофотофонолабораторией Института ИЯЛ под руководством М. Е. Виленского; участники конференции ознакомились с коллекциями археологических фондов института, посетили краеведческий музей. Состоялись поездки участников в Дербент, где они ознакомились с древними и средневековыми памятниками города, а также в с. Кубачи — крупный центр ювелирного ремесла Дагестана.

М. Г Гаджиев, М. С. Гаджиев

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА МЕЖДУНАРОДНОМ СИМПОЗИУМЕ «АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА 6» (МОСКВА, 1988)

С 18 по 22 октября 1988 г. в Москве проходил очередной симпозиум по античной балканистике. Подобные научные форумы по комплексному изучению истории, культуры и языка древних народов Балкан и сопредельных регионов, регулярно организуемые Институтом славяноведения и балканистики АН СССР начиная с 1972 г., сначала носили характер всесоюзных конференций историков, археологов и филологов, но со временем приобрели международный статус. На этот раз помимо советских ученых с докладами и сообщениями выступили их коллеги из Болгарии, Великобритании, Греции, Нидерландов, Польши, США и Турции.

В центре внимания участников шестого симпозиума «Античная балканистика» находились актуальные проблемы реконструкции этногенетических процессов, протекавших на территории Юго-Восточной Европы с древнейших времен до эпохи раннего средневековья. Источниковую базу исследований по данной тематике составляют письменные и археологические памятники, данные лингвистики и антропологии. К симпозиуму его участниками было подготовлено около 50 докладов и сообщений. Примерно в каждом третьем из них фигурировали материалы, добытые археологами.

О важнейшем значении свидетельств археологии для фракологических исследований междисциплинарного характера говорилось в программном докладе А. Ф о л а (София) «Доклассическая Греция и мир фракийцев». Основное же внимание докладчик уделил установлению той методики, которой следует руководствоваться ученым, работающим над разработкой проблем палеобалканистики. Л. А. Г и н д и н (Москва), давая оценку вкладу, вносимому в индоевропеистику интенсивным развитием фракологии, также подробно остановился на характеристике методических приемов, применяемых при выявлении и анализе относящихся сюда фактов лингвистического и историко-филологического порядка, сопоставляемых с археологическими материалами. Докладчиком особо отмечено, что ономастика свидетельствует о длительном языковом единстве юго-востока Балкан и северо-запада Анатолии. Аналогичную картину рисуют и находки археологов: они демонстрируют единство материальной культуры указанных территорий на протяжении III—II тыс. н. э. и вплоть

© А. А. Молчанов, 1990 г.

до обнаружения здесь, согласно конкретным показаниям античных авторов, исторических фракийцев. По мнению Л. А. Гандина, это не исключает присутствия в Троаде для отдельных периодов дополнительно и иных этнических элементов — лувийского и ахейского.

Вяч. Вс. Иванов (Москва) в докладе «О соотношении лингвистических и археологических аргументов применительно к роли балканского ареала» постарался подкрепить новыми доказательствами одно из положений разрабатываемой им вместе с Т. В. Гамкрелидзе ближневосточной версии теории о древнейшей индоевропейской прародине. Согласно этому положению, балканский ареал был всего лишь одной из зон вторичного расселения индоевропейцев, двигавшихся из первичного переднеазиатского очага. Докладчик ссылался в данной связи на выводы К. Ренфрью о сходном направлении распространения сельскохозяйственных открытий: из Анатолии через Балканы в Центральную и Западную Европу.

Настоящей научной сенсацией стало подробное сообщение Н. Я. Мерперта (Москва) о последних результатах работы Советско-Болгарской археологической экспедиции, уже многие годы ведущей исследования на территории Северо-Фракийской низменности. Последние несколько сезонов осуществлялись раскопки телля «Плоская могила» у с. Юнаците Пазарджикского округа, где открыто многослойное поселение, существовавшее в эпоху энеолита, бронзового и железного века. Примечательной особенностью памятника является то, что на нем представлен самый мощный из зафиксированных до сего времени в исследуемом регионе слой эпохи бронзы (до 6 м), охватывающий раннюю и среднюю ее ступени (последняя четверть IV — первая половина II тыс. до н. э.). Внутри этого слоя выделяется не менее 17 строительных горизонтов, соответствующих периодам существования конкретных поселков. При этом удается проследить безусловную преемственность развития последних. Слой бронзового века подстилается слоем позднего энеолита, отличным от него по всем параметрам. Смена археологических культур произошла здесь стремительно и драматично. Энеолитический поселок был полностью разрушен, а жители его перебиты: их скелеты в неестественных позах найдены внутри сожженных домов и между ними. На месте прежней застройки вырос новый поселок, где поселились воинственные пришельцы, носители совершенно новой культурной традиции (судя по всему, это были индоевропейцы, продвинувшиеся из Подунавья на юг Балкан и далее, в Северо-Западную Анатолию).

Попытку наметить ретроспективные связи древнейших этносов Юго-Восточной и Восточной Европы предприняли В. Д. Дяченко, Ю. А. Шилов и Н. Д. Довженко (Киев). Взяв за основу в целях праисторической реконструкции три характеристики — лингвистическую, археолого-этнографическую и антропологическую, они ставят вопрос о допустимости соотнесения выявляемых в рассматриваемых регионах по археологическим материалам этнокультурных общностей с языковыми семьями: индоевропейской, северокавказской и урало-североевразийской. Соединить положение об ареальном единстве протогреков и индоиранцев с данными археологии стремился В. А. Сафронов (Москва).

Н. Я. Мерперт и А. А. Молчанов (Москва) в совместном докладе указали на уникальную возможность стыковки свидетельств о структуре протогородских центров эпохи ранней бронзы (конец IV—III тыс. до н. э.), добытых при раскопках в Южной Болгарии (Эзеро, Юнаците) и на Пелопоннесе (Лерна), с данными античной мифолого-исторической традиции, отражающей частично реалии догреческого (пеласго-фракийского) периода древнейшего прошлого Эллады. По независимым друг от друга археологическим и нарративным источникам выявляется одинаковая закономерность: наличие характерной дуалистической градостроительной модели «цитадель — периферийный жилой массив» в крупнейших поселениях протофракийского ареала (включая южнобалканскую Пеласгию) III тыс. до н. э.

О. Я. Неверов и Н. Н. Казанский (Ленинград) обратили внимание на стеатитовую печать с неразборчивой надписью из бывшей коллекции Л. Росса (ныне в собрании Гос. Эрмитажа), происходящую, по-видимому, с острова Мелос. Для некоторых знаков надписи предлагаются параллели в эгейских письменностях, и на этом основании здесь усматривается текст линейного письма А. Свою трактовку некоторых сюжетов, встречающихся в греческой мелкой пластике и других видах изобразительного искусства, дала И. В. Шталь (Москва) в докладе «Синопские клейма Гекатея, сына Посидея, с эмблемой мифо-эпического характера».

Археологический материал широко использован С. М. Крыкиным (Москва) при анализе всей совокупности источников, позволяющих выявить роль фракийского элемента в античном Северном Причерноморье. Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва), привлекший в своем докладе «О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху великой греческой колонизации» для сравнения с данными античной традиции граффити из раскопок в Гермонассе, сумел доказать, что этот город основан ионийцами.

Динамику эволюции древней металлургии в Анатолии и на Балканах выяснили Е. Н. Черных и Л. И. Авилова (Москва). Значение такой реконструкции трудно переоценить: она закладывает основу для построения общих моделей социально-экономического и культурного развития на обширнейших территориях Старого Света в очень широких хронологических рамках. Базу исследования обеспечили тщательные сборы металлического инвентаря и литейных форм (более 5000 образцов из находок в Болгарии и Турции). С точки зрения сходства и различия состояния металлургического производства в указанных двух регионах в V—II тыс. до н. э. вычленяются три основных периода. В медном веке (V — первая половина IV тыс. до н. э.) налицо полное несходство основных признаков. Для ранней и средней бронзы, наоборот, характерно сходство базовых черт. В это время Балкано-Карпатье вместе с Анатолией включается в единую гигантскую Циркумпонтийскую металлургическую провинцию (вторая половина IV — начало II тыс. до н. э.). В позднем бронзовом веке анатолийские центры вновь обособляются от балкано-карпатских. Последние же становятся юго-восточной частью чрезвычайно мощной Европейской металлургической провинции.

В докладе Г И. С м и р н о в о й (Ленинград) «Культурно-исторические взаимодействия Днепро-Серетского междуречья и Балканского Подунавья на рубеже II—I тыс. до н. э.» заново рассматривался с археологической позиции вопрос об этнической атрибуции культур типа Голиграды и Кишинев-Карлатэнь. Их фракийскую принадлежность, по мнению исследовательницы, следует поставить под сомнение. И. Т. Ч е р н я к о в ы м (Киев) выдвинуты аргументы в пользу локализации в Северном Причерноморье крупного этнического массива киммерийцев и признания их родства с фракийцами. При этом коммерийским племенам приписывается большой комплекс археологических памятников XV—VIII вв. до н. э., и прежде всего памятники сабатиновской и белозерской культур. Сложной проблеме согласования данных письменной традиции и археологии об этногенезе скифов посвятили свой доклад М. Н. П о г р е б о в а и Д. С. Р а е в с к и й (Москва), указавшие на необходимость верно и объективно оценивать информативные возможности обоих названных видов источников. Картину погребального обряда и поминальной практики у древних фракийцев в конце II—I тыс. до н. э. постаралась воссоздать на основании различных свидетельств, в том числе полученных археологами при раскопках некрополей и отдельных захоронений, Р. Г е о р г и е в а (София).

Археологические доклады на симпозиуме неизменно вызывали большой интерес, они сопровождались оживленными прениями. В то же время подчеркивалась особая ценность исследований, в которых наиболее последовательно применялась современная методика комплексного источниковедения. По единодушному мнению всех участников симпозиума, их плодотворной работе в немалой степени способствовали старания его организаторов и любезная помощь сотрудников Болгарского культурно-информационного центра в Москве, где проходило открытие и большая часть заседаний. Еще до начала научного форума увидели свет предварительные материалы к нему (Международный симпозиум «Античная балканистика 6». Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. М., 1988).

А. А. Молчанов

ПАМЯТИ ФРИДЫ ДАВЫДОВНЫ ГУРЕВИЧ

2 сентября 1988 г. не стало Фриды Давыдовны Гуревич — старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, кандидата исторических наук, известного специалиста в области славяно-русской и прибалтийской археологии.

Ф. Д. Гуревич родилась 1 января 1911 г. в г. Риге. После окончания в 1932 г. общественно-экономического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. Н. Герцена она в 1934 г. поступила в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры по специальности «история средних веков». Завершив аспирантуру, Ф. Д. Гуревич была в 1937 г. принята в ИИМК — ЛОИА, где и проработала всю жизнь.

Ф. Д. Гуревич была первым советским археологом, начавшим в 1949—1951 гг. изучение Калининградской области — земли древних пруссов. При этом ею было обнаружено немалое количество неизвестных ранее городищ, селищ и могильников. В результате обобщения археологических и письменных источников по региону, значительно более обширному, чем Калининградская область, появился большой труд исследовательницы — «Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э.» (МИА. 1960. № 76).

Дальнейшие археологические изыскания Ф. Д. Гуревич проводила на территории Западной Белоруссии, ставшей доступной для изучения лишь после Великой Отечественной войны. Здесь в бассейне Верхнего Немана ею был открыт ряд городищ, неукрепленных поселений, курганных и грунтовых могильников I тыс. н. э. и XI—XIV вв. Полученные материалы позволили судить о хозяйстве, социальном строе, культуре и этническом составе населения края. Этой теме посвятила Ф. Д. Гуревич свою монографию «Древности Белорусского Понеманья» (Л., 1962) и ряд других работ. В них развиваются плодотворно мысли о том, что на территории Понеманья, заселенной восточно-литовскими племенами, славяне появились значительно раньше того времени, когда они впервые упоминаются в письменных источниках, а именно во второй половине I тыс. н. э. К концу I тыс. в области белорусского Понеманья довольно четко устанавливается устойчивая славяно-литовская этническая граница. В конце X и начале XI в. в этом районе возникают города и сельские поселения, в культуре которых сочетаются славянские и балтские черты. Образовавшийся симбиоз повлиял в дальнейшем на формирование белорусской культуры.

Во время полевых изысканий в Понеманье Ф. Д. Гуревич обратила внимание на город Новогрудок, культурный слой которого оказался насыщенным разнообразными древнерусскими материалами. В 1957 г. в Новогрудке под руководством Фриды Давыдовны начались стационарные раскопки. Эти исследования, продолжавшиеся в общей сложности 20 лет, обогатили науку интереснейшими, во многом неожиданными и уникальными находками. На посаде Новогрудка (Новогородка) оказались, в частности, богатые дома златокузнецов, украшенные внутренними росписями. Множество найденных изделий свидетельствовало о далеких связях Новогрудка в XII—XIII вв., в том числе с Византией, Польшей, Киевщиной. Находки из стекла были столь значительными, что позволили Ф. Д. Гуревич совместно с Р. М. Джанполадян и М. В. Малевской создать книгу «Восточное стекло в Древней Руси» (Л., 1968). Что касается городских построек, ремесленного производства, торговли, политической истории, то они получили отражение в монографии Ф. Д. Гуревич «Древний Новогрудок. Посад — окольный город» (Л., 1981). В 1970—1980 гг. Ф. Д. Гуревич удалось осуществить также раскопки детинца Новогрудка, что побудило ее написать новую сводную (пока неопубликованную) работу — «Летописный Новгородок (древнерусский Новогрудок)». Творческий итог оказался обильным и разнообразным. Последовательно осуществленные исследования среднего западнорусского города открыли новые, очень перспективные возможности в познании всей древнерусской культуры.

Исследования Новогрудка привлекли внимание Ф. Д. Гуревич и к другим городам края, известного под названием Черной Руси, а именно Волковыску, Гродно, Слониму, Турийску, Здитову. Эти города имели историческую судьбу, во многом сходную с Новогрудком, и все вместе вплоть до конца XIII в. образовывали своеобразный район с очень высоким уровнем урбанизации и процветающей городской культурой. Обобщив результаты своих исследований, а также материалы, накопленные белорусскими археологами, Ф. Д. Гуревич в 1980 г. закончила обобщающее сочинение «Города Черной Руси». Оно опубликовано пока лишь в краткой версии под названием «Древние города Белорусского Понеманья» (Минск, 1982) и частями в ряде статей.

В своих более чем 100 напечатанных работах Ф. Д. Гуревич предстает как автор, умело сочетавший методы археологического и исторического исследования. Особую законченность придают им развернутые характеристики не только археологического материала, но и социальных, этнических и политических явлений. Ф. Д. Гуревич умела мастерски анализировать вещественные находки,

© А. Н. Кирпичников, М. В. Малевская, 1990 г.

раскрывать их происхождение, художественную ценность. Известны ее интересные штудии относительно славяно-норманских древностей, языческих идолов, староладожских бус, иконок, стеклянных гемм, ориентировки славянских погребений. Ряд сочинений Ф. Д. Гуревич опубликованы за рубежом, преимущественно в Польше. Она многократно выступала с докладами на всякого рода научных собраниях, была участницей международных конгрессов славянской археологии.

Фрида Давыдовна была беспредельно предана любимому делу и плодотворно работала вплоть до последних дней своей жизни. Будучи человеком исключительно отзывчивым, порядочным, принципиальным, она пользовалась заслуженным уважением и любовью товарищей и коллег. Всегда готова была прийти на помощь, оказать консультацию, поделиться своими открытиями, поддержать молодых ученых. Память о Ф. Д. Гуревич — скромном труженике и замечательном человеке — дорога всем, кто ее знал.

А. Н. Кирпичников, М. В. Малевская

Список основных трудов Ф. Д. Гуревич

1. Средневековая немецкая империя в фашистской историографии // Борьба классов. 1936. № 10. С. 92—102: ил.
2. Саксонское восстание 1073—1075 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1938.
3. Збручский идол // МИА. 1941. № 6. С. 279—287: ил. Рез. фр.
4. Обряды погребения в Литве // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 31—37.
5. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников: К вопросу о культе змеи в Прибалтике // КСИИМК. 1947. Вып. 15. С. 68—76: ил.
6. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского // СЭ. 1948. № 4. С. 70—77.
7. Древнейшие бусы Старой Ладоги // СА. 1950. № 14. С. 170—186: ил.
8. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 110—120: ил.
9. Древние поселения Калининградской области // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 91—98: ил., карт.
10. Из истории раннего Гродно // СА. 1951. № 15. С. 82—95: ил.
11. Рагинянский могильник // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 56—61: ил.
12. Археологические работы в Калининградской области в 1950 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 47. С. 93—100: ил.
13. Древние памятники Юго-Восточной Прибалтики и задачи их изучения // КСИИМК. 1952. Вып. 42. С. 13—23: ил.
14. Раскопки на городище Грачевка // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 80—86: ил.
15. Каменные идолы Себежского музея // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 176—179: ил.
16. Археологические памятники Великолукской области // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 95—107: ил.
17. К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э. // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 40—48: ил.
18. Латышские и литовские племена Прибалтики в первой половине I тысячелетия // Очерки истории СССР. Т. 2. М., 1958. С. 111—124: ил.
19. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. 1958. Вып. 72. С. 54—65: ил., карт.
20. Племена Прибалтики: [во второй пол. I тыс.] // Очерки истории СССР. Т. 2. М., 1958. С. 643—657: ил.
21. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1. М., 1959. С. 233—253, 1 л. ил.: ил.
22. Некоторые данные о поселениях и городищах Самбии // Rocznik Olsztynski. 1959. T. 2. S. 205—220: ill. На польск. яз. Рез. рус., англ.
23. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 89—91.
24. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия н. э. // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 13—24: ил., карт.
25. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э.: (По материалам Калининградской области) // МИА. 1960. № 76. С. 328—451, 2 л. ил.: ил., карт.
26. Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 95—96.
27. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 174—181: ил.
28. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 222 с.: ил., 5 л. карт.
29. К истории древнего Новогрудка // Swiatowit. 1962. T. 24. S. 557—575: ill.
30. О жилищах окольного городка древнего Новогрудка // КСИА. 1962. Вып. 87. С. 70—77: ил.
31. Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. // СА. 1962. № 1. С. 241—252: ил.
32. Норманский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сб. 1963. Т. 6. С. 197—210: ил. Рез. эст., швед.
33. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.) // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 51—54: ил.
34. Стеклянный резной бокал из Новогрудка // СА. 1963. № 2. С. 243—246: ил.

© Составитель Л. М. Всевиов, 1990 г.

35. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 97—102: ил.
36. Изображение музыкантов Древней Руси // СА. 1965. № 2. С. 276—281: ил.
37. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 77—84: ил.
38. Прибалтийский импорт в Понеманье X—XIII вв. // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллинн, 1966, С. 52—59: ил.
39. Внешние связи древнерусских городов на территории Белоруссии в XII—XIII вв. // Древности Белоруссии. Минск., 1967 С. 281—283.
40. К истории Новогрудка X—XI вв. // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967 С. 26—30.
41. Ювелиры древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 14—20: ил.
42. Восточное стекло в Древней Руси Л.: Наука, 1968. 28 с.; 9 л. ил. На рус. и англ. яз. (Совместно с Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской).
43. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 34—36: ил.
44. Новые материалы по истории Новогрудка // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 114—119: ил.
45. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta baltico-slavica. 1969. № 6. S. 219—222.
46. О времени возникновения городов на территории Белоруссии // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. С. 69—73. Рез. эст., нем.
47. Об углубленных жилищах на территории Черной Руси // МИА. 1970. № 176. С. 117—119: ил.
48. О восточной ориентировке славянских погребений // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 17—22.
49. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 31—36.
50. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 28—34: ил.
51. К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей: (По материалам ювелирного ремесла) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 22—25: ил.
52. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 93—99: ил.
53. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 25—31: ил.
54. Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X—XIII в. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 25—28: ил.
55. Скандинавская колония на территории древних пруссов // Скандинавский сб. 1978. Т. 23. С. 167—174. Рез. швед.
56. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. // СА. 1980. № 4. С. 87—101: ил.
57. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогичин // КСИА. 1980. Вып. 160: ил.
58. Древний Новогрудок: Посад — окольный город Л.: Наука, 1981. 160 с.: ил.
59. Поливная керамика Новогрудского детинца // СА. 1981. С. 99—109; ил. Рез. англ.
60. Древние города Белорусского Понеманья. Минск: Полымя, 1982. 48 с.: ил.
61. Внешние связи древнерусских городов Понеманья // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 43—49: ил.
62. Новые данные о стеклянных иконах-литиках на территории СССР // ВВ. 1982. 43. С. 178—182: ил.
63. New Finds of Glass Medallions in the U. S. S. R. // Journal of Glass Studies. 1982. V 24. P. 44—47: ill.
64. Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в Северо-Западной части СССР. Рига, 1983. С. 12—16.
65. О формировании городов Черной Руси по данным археологии // СА. 1983. № 3. С. 61—71: карт. Рез. англ.
66. Погребальные памятники жителей Новогрудка: (Конец X— 70-е годы XIII в.) // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 48—54: ил.
67. Связи древних городов Белоруссии с Причерноморьем и Средиземноморьем // Древнерусское государство и славяне. Минск. 1983. С. 63—66: карт.
68. Города Черной Руси и Киевская земля в XII—XIII вв. // Древнерусский город. Киев, 1984. С. 31—33.
69. Застройка новогрудского детинца в XII—XIII вв. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 53—59: ил.
70. Культурные связи древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 91—101: ил., карт. Рез. нем.
71. Основание Новогрудка: (по письменным и археологическим данным) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1985. № 3. С. 71—76.
72. Византийский импорт в городах Западной Руси в XII—XIII вв. // ВВ. 1986. Т. 47 С. 65—81: ил.
73. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. 1986. Вып. 187 С. 36—40: ил.
74. Alsengemmen from Ancient Russian Towns // J. Glass Studies. 1986. V. 28. P. 24—29: ill.
75. Об одной группе стеклянных гемм из древнерусских городов // ПКНО — 1985. М., 1987. С. 515—521: ил., карт.
76. О «кубках Ядвиги» // Культура и история средневековой Руси. М., 1967 С. 19—21.

Составил Л. М. Всевиов

ПАМЯТИ ЛЮЦИИ ВОЛЬДЕМАРОВНЫ ВАНКИНОЙ

12 марта 1989 г. археологическая наука Латвии понесла тяжелую утрату — в возрасте 80 лет скончалась Люция Вольдемаровна Ванкина.

Люция Вольдемаровна родилась в Мадонском районе Латвии 3 апреля 1908 года.

Вся сознательная жизненная деятельность Л. В. Ванкиной была связана с археологией, и она осталась верной ей до самого последнего часа жизни. Археологическое образование Л. В. Ванкина получила в Латвийском государственном университете в 1930—1941 гг., где на кафедре археологии прослушала курс лекций, приняв участие в занятиях таких видных специалистов, как Ф. Балодис и Эд. Штурмс. Люции Вольдемаровне удалось слушать также лекции Р. Виппера и А Швабе.

К музейной деятельности Л. В. Ванкина приступила еще в 1934 г., поступив на работу в Государственный исторический музей г. Риги. С 1936 по 1938 г. она работает в Управлении памятников как вспомогательный работник, а с 1938 по 1944 г.— уже в Латвийском этнографическом музее, который был в составе Государственного исторического музея. Таким образом, Люция Вольдемаровна находилась в гуще музейных событий в труднейшие для Латвии дни, не теряя духа и находясь на работе ежедневно. Она встретила освобождение Риги 13 октября 1944 г. и тут же включилась в работу Музея истории Латвийской ССР. Первая археологическая экспозиция в трех залах была открыта 1 января 1945 г., несмотря на трудности с экспонируемыми материалами, значительная часть которых находилась за пределами Латвии. В 1947 г. была подготовлена и открыта новая археологическая экспозиция. Однако работа по обновлению и улучшению археологической экспозиции продолжалась, и в 1953 г. была уже подготовлена экспозиция на основе схемы марксистской концепции развития общества.

Л. В. Ванкина, будучи долголетней заведующей Отделом археологии Музея истории Латвийской ССР, вплоть до 1984 г. руководила и сама принимала непосредственное участие в инвентаризации всего археологического материала, значительную часть удалось вернуть и из-за пределов Латвии.

Основным памятником исследованиям Л. В. Ванкиной является неолитическая торфяниковая стоянка Сарнате. Работа на этом поселении велась в 1949 и 1953—1959 гг. Продолжая начатые в конце 30-х годов раскопки Эд. Штурмса на этом поселении, Л. В. Ванкина исследовала 17 жилищ сарнатского типа и 15 жилищ с гребенчато-ямочной керамикой. Участие в раскопках принимали А. Я. Брюсов и В. М. Раушенбах. Опубликованная в 1970 г. в Риге монография «Торфяниковая стоянка Сарнате» являлась первым крупномасштабным исследованием по неолиту Латвии и ввиду тщательности и доскональной обработки включенных в нее археологических материалов может считаться образцовой. По существу, Люцией Вольдемаровной разрабатана методика раскопок торфяниковых поселений, хотя из-за скромности она никогда и не пыталась дать рекомендации ни в устном, ни в письменном виде исследователям, ведущим раскопки в торфяниках.

Л. В. Ванкина в 50—60-х годах руководила также раскопками неолитических поселений Силиньупе и Ромми-Калнини, расположенных в районе побережья Рижского залива, а также поселения Лейманишки на востоке Латвии.

Л. В. Ванкина была отличным знатоком археологического материала всех периодов. Ее консультациями часто пользовались как местные, так и зарубежные исследователи. Она обучала и новое поколение археологов методике раскопок и фиксации. Участниками экспедиций в Сарнате в 50-х годах были Ф. А. Загорскис, Э. С. Мугуревич и М. А. Атгазис.

Проблемы, затронутые в монографии «Торфяниковая стоянка Сарнате», не вышли из кругозора Люции Вольдемаровны и впоследствии. В 1974 г. была опубликована статья «Находки сарнатского типа на поселениях Латвии», где автор обосновывает необходимость выделения конечной фазы развития своеобразной прибрежной сарнатской культуры раннего неолита. Л. В. Ванкина выступала с докладами на конференциях, посвященных балтийской проблематике, в Ленинграде (1949), Тарту (1951) и Вильнюсе (1955), а также регулярно выступала на отчетных сессиях археологов в Риге. За последнее время она принимала активное участие в конференциях, посвященных этногенезу и этнической истории балтов, в Риге в 1977 и 1985 гг.

За последние годы Люцией Вольдемаровной была написана «История Отдела археологии Музея истории Латвии с 1869 по 1971 г.». Публикации ожидает каталог-альбом рисунков лубанской коллекции костяных и роговых изделий каменного века, насчитывающих более 3000 экз. и исполненных рукой Люции Вольдемаровны.

Все, кто знал Люцию Ванкину, будут хранить в памяти ее образ чистым и светлым.

Группа коллег

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АО — Археологические открыт я
АС — Ареологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам АН СССР. Москва
ККМ — Крымский краеведческий музей. Симферополь.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАМ — Одесский гос. археологический музей
ПАО — Псковское археологическое общество. Псков
ПКНО — Ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология». Москва
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СКНЦ ВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск
СЭ — Советская этнография. Москва
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Москва
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
DAGR — Dictionaire des antiquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
PBF — Prähistorische Bronzefunde. München
RA — Revue archéologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативный машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оринигалах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Тестовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2]...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соотвествии с ГОСТом 7.1—84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, го-

род, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок следующий:

Книги

Смирнов К. Ф. Савроматы, М.: Наука, 1964.

Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

Журналы и продолжающиеся издания

Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Ежегодники

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка // АО — 1978. М., 1979.

ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

Кы гасов Л. Р. По поводу одного ответа // СА. 1965. № 4.— Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Вагнер Г К., Воронин Н. Н. // Византийский временник. 1968. Т. 28.— Рец. на кн.: Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Авторефераты

Шеляпина Н. С. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Архивные материалы

Рябинин Е. А. Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5227.

Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1977 // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2222.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки, и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языка: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, *1, 2*].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 17.01.90 Подписано к печати 15.03.90 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 23,4 Усл. кр.-отт. 84,8 тыс. Уч.-изд. л. 29,0 Бум. л. 9,0
Тираж 3598 экз. Зак. 3964. Цена 2 р. 80 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.